

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ДВАДЦАТЫЙ

1974

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Подготовка иллюстративных материалов — А. Горбов, П. Северцов

В книге использованы фотографии и рисунки из архивов Аркадия Стругацкого, Бориса Стругацкого, Бориса Заикина, Андрея Тужилкина, в том числе фотографии Михаила Лемхина, Геннадия Шакина, Бориса Заикина

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

- © Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1974, 2017
- © Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2017
- © Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2017
- © Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2017
- © Курильский В., Рудман Л., комментарии, примечания, 2017
- © Флейшман Ю., библиография, 2017
- © Курильский В., указатели, 2017
- © Рудман Л., подготовка форматов FB2, EPUB и MOBI, 2017
- © Рудман Л., подготовка форматов RTF и PDF, 2017

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Парень из преисподней

Глава первая

Ну и деревня! Сроду я таких деревень не видел и не знал даже, что такие деревни бывают. Дома круглые, бурые, без окон, торчат на сваях, как сторожевые вышки, а под ними чего только не навалено — горшки какие-то здоровенные, корыта, ржавые котлы, деревянные грабли, лопаты... Земля между домами — глина, и до того она выжжена и вытоптана, что даже блестит. И везде, куда ни поглядишь, — сети. Сухие. Что они здесь этими сетями ловят — я не знаю: справа болото, слева болото, воняет, как на помойке... Жуткая дыра. Тысячу лет они здесь гнили и, если бы не герцог, гнили бы еще тысячу лет. Север. Дичь. И жителей, конечно, никого не видать. То ли удрали, то ли угнали их, то ли они попрыгались.

На площади около фактории дымила полевая кухня, снятая с колес. Здоровенный дикобраз — окорока поперек себя шире — в грязном белом фартуке поверх грязной серой формы ворочал в котле черпаком на длинной ручке. По-моему, от этого котла главным образом и воняло по деревне.

Мы подошли, и Гепард, задержавшись, спросил, где командир. Это животное даже не обернулось — буркнуло что-то в свое варево и ткнуло черпаком куда-то вдоль улицы. Поддал я ему носком сапога под крестец, он живо повернулся, увидел нашу форму и сразу встал как положено. Морда у него оказалась под стать окорокам, да еще не бритая целую неделю, у дикобраза.

— Так где у вас тут командир? — снова спрашивает Гепард, упершись тросточкой ему в жирную шею под двойным подбородком.

Дикобраз выкатил глаза, пошлепал губами и просипел:

— Виноват, господин старший наставник... Господин штаб-майор на позициях... Извольте вот по этой улице... прямо на окраине... Примите извинения, господин старший наставник...

Он еще что-то там сипел и булькал, а из-за угла фактории выволоклись два новых дикобраза — еще страшнее этого, совсем уж чучела огородные, без оружия, без головных уборов, — увидели нас и обомлели по стойке «смирно». Гепард только посмотрел на них, вздохнул да и зашагал дальше, постукивая тросточкой по голенищу.

Да, вовремя мы сюда подоспели. Эти дикобразы, они бы нам тут навоевали! Всего-то я только троих пока еще видел, но уже меня от них тошнит, и уже мне ясно, что такая вот, извините за выражение, воинская часть, из тыловой вши сколоченная, да еще наспех, да еще кое-как, все эти полковые пекари, бригадные сапожники, писаря, интенданты, придурки, грыженосцы, слеподыры, орлы похоронных команд — все это ходячее удобрение, смазка для штыка. Имперские бронеходы прошли бы сквозь них и даже не заметили бы, что тут кто-то есть. Гуляючи.

Тут нас окликнули. Слева, между двумя домами, был натянут маскировочный тент и висела бело-зеленая тряпка на шесте. Медпункт. Еще двое дикобразов неторопливо копались в зеленых вьюках с медикаментами, а на циновках, брошенных прямо на землю, лежали раненые. Всего раненых было трое; один, с забинтованной головой, приподнявшись на локте, смотрел на нас. Когда мы обернулись, он снова позвал:

— Господин наставник! На минуточку, прошу вас!..

Мы подошли. Гепард опустил на корточки, а я остался стоять за его спиной. На раненом не было видно никаких знаков различия, был он в драном, обгоревшем

маскировочном комбинезоне, расстегнутом на голой волосатой груди, но по лицу его, по бешеным глазам с опаленными ресницами я сразу понял, что уж это-то не дикобраз, ребята, нет, этот — из настоящих. И точно.

— Бригад-егерь барон Трэгг, — представился он. Будто гусеницы лязгнули. — Командир отдельного восемнадцатого отряда лесных егерей.

— Старший наставник Дигга, — сказал Гепард. — Слушаю тебя, брат-храбрец.

— Сигарету... — попросил барон каким-то сразу севшим голосом.

Пока Гепард доставал портсигар, он торопливо продолжал:

— Попал под огнемёт, опалило, как свинью... Слава богу, болото рядом, забрался по самые брови... Но сигареты — в кашу... Спасибо...

Он затаился, прикрыв глаза, и сейчас же надсадно закашлялся, весь посинел, задергался, из-под повязки на щеку выползла капля крови и застыла. Как смола. Гепард, не оборачиваясь, протянул ко мне через плечо руку и щелкнул пальцами. Я сорвал с пояса флягу, подал. Барон сделал несколько глотков, и ему вроде бы полегчало. Двое других раненых лежали неподвижно — то ли они спали, то ли уже отошли. Санитары глядели на нас боязливо. Не глядели даже, а так, поглядывали.

— Славно... — произнес барон Трэгг, возвращая флягу. — Сколько у тебя людей?

— Четыре десятка, — ответил Гепард. — Флягу оставь... Оставь себе.

— Сорок... Сорок Бойцовых Котов...

— Котят, — сказал Гепард. — К сожалению... Но мы сделаем все, что сумеем.

Барон смотрел на него из-под сгоревших бровей. В глазах у него была мука.

— Слушай, брат-храбрец, — сказал он. — У меня никого не осталось. Я отступаю от самого перевала, трое суток. Непрерывные бои. Крысоеды прут на бронеходах. Я сжег штук двадцать. Последние два — вчера... здесь, у самой околицы... увидишь. Этот штаб-майор... дурак и трус... старая рухлядь... Я его застрелить хотел, но ведь ни одного патрона не осталось. Представляешь? Ни одного патрона! Прятался в деревне со своими дикобразами и смотрел, как нас выжигают одного за другим... О чем это я? Да! Где бригада Гагрида? Рация вдребезги... Последнее: «Держитесь, бригада Гагрида на подходе...» Слушай, сигарету... И сообщи в штаб, что восемнадцатого отдельного больше нет.

Барон уже бредил. Бешеные глаза его затаились мутью, язык едва ворочался. Он повалился на спину и все говорил, говорил, бормотал, хрипел, а скрюченные пальцы его беспокойно шарили вокруг, вцепляясь то в края циновки, то в комбинезон. Потом он вдруг затих на полуслове, и Гепард поднялся.

Он медленно вытащил сигарету, не сводя глаз с запрокинутого лица, щелкнул зажигалкой, потом наклонился и положил портсигар вместе с зажигалкой рядом с черными пальцами, и пальцы жадно вцепились в портсигар и сжали его, а Гепард, не говоря ни слова, повернулся, и мы двинулись дальше.

Я подумал, что это, пожалуй, милосердно — бригад-егерь потерял сознание как раз вовремя. А то пришлось бы услышать ему, что бригады Гагрида тоже уже нет. Накрыли ее этой ночью на рокаде бомбовым ковром — два часа мы расчищали шоссе от обломков машин и завалов уже холодеющего мяса, отгоняя сумасшедших, лезущих под грузовики, чтобы спрятаться. От самого Гагрида мы нашли только генеральскую фуражку, заскорузлую от крови... Меня холодом продрало, когда я все это вспомнил, и я невольно взглянул на небо и поразился, какое оно низкое, серое и беспросветное.

Первое, что мы увидели, выйдя за околицу, был имперский бронеход, съехавший с дороги и завалившийся носом в деревенский колодец. Он уже остыл, трава вокруг него была покрыта жирной копотью, под распахнутым бортовым люком валялся хлебалом вниз дохлый крысоед — все на нем сгорело, остались только рыжие ботинки на тройной подошве. Хорошие у крысоедов ботинки! У них ботинки хорошие, бронеходы да еще, пожалуй, бомбардировщики. А солдаты они, всем известно, никуда не годные. Шакалы.

— Как тебе нравится эта позиция, Гаг? — спросил Гепард.

Я огляделся. Ну и позиция! Я прямо глазам своим не поверил. Дикобразы отрыли себе окопы по обе стороны от дороги, посередине поляны между околицей и джунглями. Джунгли стеной стояли перед окопами шагах ну в пятидесяти, никак не больше. Можешь там накопить полк, можешь — бригаду, что хочешь, в окопах об этом не узнают, а когда узнают, то сделать уже все равно ничего не смогут. Окопы на левом фланге имели позади себя трясины. Окопы на правом фланге имели позади себя ровное поле, на котором раньше было что-то посеяно, а теперь все сгорело. Да-а-а...

— Не нравится мне эта позиция, — сказал я.

— Мне тоже, — сказал Гепард.

Еще бы! Здесь ведь была не только эта позиция. Здесь вдобавок еще были дикобразы. Было их тут штук сто, не меньше, и они бродили по этой своей позиции, как по базару. Одни, значит, собравшись кружками, палили костры. Другие просто стояли, засунув руки в рукава. А третьи бродили.

Возле окопов валялись винтовки, торчали пулеметы, бессмысленно задрав хоботы в низкое небо. Посередине дороги, увязнув в грязи по ступицы, ни к селу ни к городу пребывал ракетомет. На лафете сидел пожилой дикобраз — то ли часовой, то ли просто так присел, уставши бродить. Впрочем, вреда от него не было: сидел себе и ковырял щепочкой в ухе.

Кисло мне стало от всего этого. Эх, будь моя воля — полоснул бы я по всему этому базару из пулемета... Я с надеждой посмотрел на Гепарда, но Гепард молчал и только водил своим горбатым носом слева направо и справа налево.

Позади раздались рассерженные голоса, и я оглянулся. Под лестницей крайнего дома ссорились два дикобраза. Не поделили они между собой деревянное корыто — каждый тянул к себе, каждый изрыгал черную брань, и вот по этим я бы полоснул с особенным удовольствием. Гепард сказал мне:

— Приведи.

Я мигом подскочил к этим охламонам, стволом автомата дал по рукам одному, дал другому и, когда они уставились на меня, выронивши свое корыто, мотнул им головой в сторону Гепарда. Не пикнули даже. Их обоих сразу потом прошибло, как в бане. Утираясь на ходу рукавами, они бабьей трусцой подбежали к Гепарду и застыли в двух шагах перед ним неопрятными потными кучами.

Гепард неторопливо поднял трость, примерился, словно в бильярд играл, и врезал — прямо по мордам, одному раз и другому раз, а потом посмотрел на них, на скотов, и только сказал:

— Командира ко мне. Быстро.

Нет, ребята. Все-таки Гепард явно не ожидал, что здесь будет до такой степени плохо. Конечно, хорошего ждать не приходилось. Уж если Бойцовых Котов бросают затыкать прорыв, то всякому ясно: дело дрянь. Но такое!.. У Гепарда даже кончик носа побелел.

Наконец появился ихний командир. Выбралась из-за домов, застегивая на ходу китель, длинная заспанная жердь в серых бакенбардах. Лет ему пятьдесят, не меньше. Нос красный, весь в прожилках, захватанное пальцами пенсне, какое носили штабные в ту войну, на длинном подбородке — мокрые крошки жевательного табака. Представился он нам штаб-майором и попытался перейти с Гепардом на «ты».

Куда там! Гепард такого морозу на него напустил, что он как-то даже ростом приуменьшился: сначала был на полголовы длиннее, а через минуту смотрю — змеиное молоко! — он уже снизу вверх на Гепарда смотрит, седенький такой старикашка среднего росточка.

В общем, выяснилось такое дело. Где противник и сколько его, штаб-майору неизвестно; задачей своей имеет штаб-майор удержать деревню до подхода подкреплений; боевая сила его состоит из ста шестнадцати солдат при восьми пулеметах и двух ракетометах; почти все солдаты — ограниченно годные, а после вчерашнего марш-

броска двадцать семь из них лежат вон в тех домах — кто с потертостями, кто с грыжей, кто с чем...

— Послушайте, — сказал вдруг Гепард. — Что это у вас там делается?

Штаб-майор оборвал себя на середине фразы и посмотрел, куда указывала полированная тросточка. Ну и глазищи все-таки у нашего Гепарда! Только сейчас я заметил: в самом большом кружке около одного из костров среди серых курток наших дикобразов гнусно маячат полосатые комбинезоны имперской бронепехоты. Змеиное молоко! Раз, два, три... Четыре крысоеда у нашего костра, и эти свиньи с ними чуть ли не в обнимку. Курят. И еще гогочут чего-то...

— Это? — произнес штаб-майор и кроличьими своими глазами посмотрел на Гепарда. — Вы о пленных, господин старший наставник?

Гепард не ответил. Штаб-дикобраз снова нацепил пенсне и пустился в объяснения. Это, видите ли, пленные, но к нам они, видите ли, никакого отношения не имеют. Захвачены во вчерашнем бою егерями. Не имея средств транспорта, а также за недостатком личного состава для надлежащей охраны...

— Гаг, — произнес Гепард. — Отведи их и сдай Клещу. Только сначала пусть допросит...

Я щелкнул затвором и пошел к костру. Покуривают, скоты, и лакают что-то из кружек. Морды у всех довольные, лоснятся. Надо же, мерзость какая... А этот, белобрысый, дикобраза по спине похлопывает, а дикобраз, дубина безмозглая, животное, рад-радехонек, ржет и головой мотает. Пьяные они, что ли?

Я подошел к ним вплотную. Дикобразы заметили меня еще издали, разом замолчали и принялись потихоньку расползаться кто куда. А у некоторых, видимо, ноги отнялись со страху: как сидели, так и сидят, выпучив глаза, только пасти раззявили. А полосатые — так те аж серые сделались: знают нашу эмблему крысоеды, наслышаны!

Я приказал им встать. Они встали. Нехотя. Я приказал им построиться. Построились, деваться некуда. Белобрысый принялся было что-то лопотать по-нашему — я ткнул его стволом между ребер, и он замолчал. Так они у меня и пошли — гуськом, понурившись, заложив руки за спину. Крысы. И запах-то от них какой-то крысиный... Двое — крепкие мужики, плечистые, а двое, видно, из последнего набора, хлипкие сопляки, чуть, может, постарше меня.

Я пленных ненавижу. Что это, понимаешь, за слизь такая — на войну пошел и в плен угодил? Нет, я понимаю, конечно: что с них взять, с крысоедов, а все-таки омерзительно, как хотите... Ну вот, пожалуйста: один сопляк согнулся пополам, и рвет его. Вперед, вперед, з-змеиное молоко! Второй начал. Тьфу! И как они, эти крысы, близкую смерть чувствуют — ведь как настоящие крысы. И сейчас ведь они ну на все готовы — предать, продать, в рабство пойти...

— Бегом марш! — гаркнул я по-ихнему.

Побежали. Медленно бегут, плохо. Белобрысый этот хромает. Тяжело раненный, значит, ногу в нужнике подвернул. Ничего, дохромаешь.

Добежали мы до того края деревни, а там и грузовики — ребята увидели нас, заорали, засвистели. Я выбрал лужу побольше, положил пленных хлебальниками в грязь и пошел к переднему грузовику, где Клещ. А Клещ уже мне навстречу выскакивает — морда веселая, усики под носом торчком, в зубах костяной мундштук по моде старшего курса.

— Ну, что скажешь, брат-смертник? — говорит он мне.

Я ему докладываю: так, мол, и так, такое, мол, положение, а пленных обязательно сначала допросить. И уже от себя:

— Про меня не забудь, Клещ, — говорю. — Все-таки я их сюда привел...

— Это ты насчет ошейника? — рассеянно спрашивает он, а сам озирается.

— Ну да! Привел-то их все-таки кто?

— Не вижу вот я — на чем. Не до леса же их вести...

— А на сваях?

— Можно, конечно, и на сваях... Только зачем? — Он посмотрел на меня. — А если без свай? Возьмешься?

Ну вот. Так я и знал. Вечно мне не везет. Что я — виноват, что ли, что моего ведомого при штабе оставили? А одному — как? У меня и сил не хватит. Буду до вечера корячиться да потом еще всю ночь отмываться.

— Ты же знаешь, — сказал я Клещу. — У меня же ведомого нет.

— А один? — спрашивает он. — Шнурок у тебя с собой?

Тут меня азарт разобрал.

— А поддержишь? — спрашиваю.

А он на меня посмотрел, и у меня сердце сразу упало.

— Котенок... — говорит. — Ты здесь развлекаться будешь, а Гепард там один? А ну, бери три двойки и дуй к Гепарду! Быстро!

Делать было нечего. Не судьба, значит, не повезло. Посмотрел я на моих полосатиков в последний раз, закинул автомат за плечо да и гаркнул что было силы:

— Пер-рвая, вторая, третья двойки — ко мне!

Котята горохом посыпались с грузовика: Заяц с Петухом, Носатый с Крокодилом, Снайпер с этим... как его... не привык я еще к нему, его только-только из Пигганской школы к нам перевели — убил он там кого-то не того, вот его и к нам.

Я уж давно заметил, да никому не говорю: шлепнет Кот под горячую руку какого-нибудь штатского — сейчас приказ по части. Такого-то и такого-то по кличке такой-то за совершение уголовного преступления расстрелять. И ведь выведут на плац, поставят перед строем лучших друзей, дадут по нему залп, тело в грузовик забросят на предмет бесчестного захоронения, а потом слышишь — видели его ребята либо на операции, либо в другой части... И правильно, по-моему.

Ну, скомандовал я «бегом», и поскакали мы обратно к Гепарду. А Гепард там времени зря не теряет. Смотрю — навстречу нам жердина эта, штаб-майор, рысью пылит, а за ним колонна, штук пятьдесят дикобразов с лопатами и киркомотыгами, бухают сапожищами, потные, только пар от них идет. Это, значит, погнал их Гепард новую позицию копать, настоящую, для нас. Под домом напротив медчасти, смотрю, лопаты уже мелькают, и стоит ракетомет, и вообще движение в деревне, как на главном проспекте в день тезоименитства, — дикобразы так и мельтешат, и ни одного не видно, чтобы был с пустыми руками: либо с оружием, но таких мало, а большинство волочат на себе ящики с боеприпасами и станки для пулеметов.

Гепард увидел нас — выразил удовольствие. Двойки Зайца и Снайпера с ходу послал в джунгли в передовой дозор, Носатого с Крокодилом оставил при себе для связи, а мне сказал:

— Гаг. Ты — лучший в отряде ракетометчик, и я на тебя надеюсь. Видишь этих тараканов? Бери их себе. Установишь ракетомет на той окраине, выбери позицию примерно там, где сейчас наши грузовики. Хорошенько замаскируйся, откроешь огонь, когда я зажгу деревню. Действуй, Кот.

Когда я все это услышал, я не то что поскакал, а прямо-таки полетел к своим тараканам. Эти тараканы мои вместе с ракетометом увязли в грязном ухабе посередине дороги и намеревались, видно, всю войну там провозиться. Еле лапами шевелят, грызеносцы. Ну, я одному по уху, другому пинок, третьего прикладом между лопаток, заорал так, что у самого в ушах зазвенело, — заработали мои тараканы по-настоящему, почти как люди. Ракетомет из ухаба на руках вынесли и — марш-марш — покатали по дороге, только колеса завизжали, только грязь полетела, и — в другой ухаб. Тут уж пришлось и мне впрячься. Нет, ребята, дикобразов тоже можно заставить работать, нужно только знать — как.

Значит, положение у меня было такое. Позицию я уже выбрал — вспомнились мне неподалеку от грузовиков густые такие рыжие кустики и плоская низинка за ними, где

можно было легко врыться в землю так, что ни один дьявол со стороны джунглей не увидит. А я оттуда все буду видеть: и дорогу до самых джунглей, и всю деревенскую окраину, если попрут прямо через дома, и болото слева, если бронепехота оттуда сунется... И подумал я еще, что надо бы не забыть попросить у Клеща несколько двоек для прикрытия с этой стороны. Ракет у меня в лотках двадцать штук, если только эти писаря по дороге сюда их не повыбрасывали для облегчения ноши... ну, это мы сейчас посмотрим, а в любом случае, как только окопаемся, надо будет послать тараканов за пополнением. Страсть не люблю, когда в бою приходится экономить. Это уже тогда не бой, а я не знаю что... Времени хватит до сумерек, а когда они в сумерках попрут, вспыхнет эта дикая деревня, и будут они все у меня как на ладони — бей на выбор. Не пожалеешь, Гепард, что на меня понадеялся!..

Вот эту последнюю мысль я машинально додумал, уже лежа на спине, а в сером небе надо мной, как странные птицы, летели какие-то горящие клочья. Ни выстрела, ни взрыва я не услышал, а сейчас и вообще ничего не слышал. Оглух. Не знаю, сколько времени прошло, а потом я сел.

Из джунглей по четыре в ряд выползают бронеходы, плюют огнем и расходятся в боевой веер, а за ними выползает следующая четверка. Деревня горит. Над окопами впереди дым, ни души не видно. Походная кухня рядом с факторией перевернута, варево из нее разлилось бурым месивом, идет пар. Ракетомет мой тоже перевернут, а тараканы лежат в кювете кучей друг на друге. Одним словом, занял я удобную позицию, змеиное молоко!

Тут накрыло нас второй очередью. Снесло меня в кювет, перевернуло через голову, полон рот глины, глаза забило землей. Только на ноги поднялся — третья очередь. И пошло, и пошло...

Ракетомет мы все-таки на колеса поставили, скатили в кювет, и один бронеход я сжег. Тараканов стало уже двое, куда третий делся — неизвестно.

Потом — сразу, без перехода — я оказался на дороге. Впереди целая куча полосатиков — близко, совсем близко, рядом. На клинках у них кроваво отсвечивал огонь. Над ухом у меня оглушительно грохотал пулемет, в руке был нож, а у ног моих кто-то дергался, поддавая мне под коленки...

Потом я старательно, как на полигоне, наводил ракетомет в стальной щит, который надвигался на меня из дыма. Мне даже слышалась команда инструктора: «По бронепехоте... броневой...» И я никак не мог нажать на спуск, потому что в руке у меня опять был нож...

Потом вдруг наступила передышка. Были уже сумерки. Оказалось, что ракетомет мой цел и сам я тоже цел, вокруг меня собралась целая куча дикобразов, человек десять. Все они курили, и кто-то сунул мне в руку флягу. Кто? Заяц? Не знаю... Помню, что на фоне пылающего дома шагах в тридцати чернела странная фигура: все сидели или лежали, а этот стоял, и было такое впечатление, будто он черный, но голый... Не было на нем одежды — ни шинели, ни куртки. Или не голый все-таки?.. «Заяц, кто это там торчит?» — «Не знаю, я не Заяц». — «А где Заяц?» — «Не знаю, ты пей, пей...»

Потом мы копали, торопились изо всех сил. Это было уже какое-то другое место. Деревня была уже теперь не сбоку, а впереди. То есть деревни больше не было вообще — груды головешек, зато на дороге горели бронеходы. Много. Несколько. Под ногами хлюпала болотная жижа... «Объявляю тебе благодарность, молодец, Кот...» — «Извините, Гепард, я что-то плохо соображаю. Где все наши? Почему только дикобразы?..» — «Все в порядке, Гаг, работай, работай, брат-храбрец, все целы, все восхищены тобой...»

...Ага! Влепил! Прямо в тупое рыло. Пятится, оседает на корму, выбрасывает в черное небо снопы искр. Бегут, бегут! «Кот, справа! Справа! А-а-а!..» Справа ничего не вижу, да и не смотрю. Разворачиваю туда ствол, и вдруг из черно-алой мути прямо в лицо ливень жидкого огня. Все сразу вспыхивает — и трупы, и земля, и ракетомет. И кусты какие-то. И я. Больно. Адская боль. Как барон Трэгг...

Лужу мне, лужу! Тут ведь лужа была! Они в ней лежали! Я их туда положил, змеиное молоко, а их в огонь надо было положить, в огонь! Нет лужи... Земля горела, земля дымилась, и кто-то вдруг с нечеловеческой силой вышиб ее у меня из-под ног...

Глава вторая

Возле койки Гага сидели двое. Один — сухопарый, с широкими костлявыми плечами, с большими костлявыми лапами. Он сидел, закинув ногу на ногу, обхватив колено мосластыми пальцами. Был на нем серый свитер со свободным воротом, узкие синие брюки непонятного покроя, не форменные, и красные с серым плетеные сандалии. Лицо было острое, загорелое, с ласкающей сердце твердостью в чертах, светлые глаза с прищуром, седые волосы — беспорядочной, но в то же время какой-то аккуратной копной. Из угла в угол большого тонкогубого рта передвигалась соломинка.

Другой был добряк в белом халате. Лицо у него было румяное, молодое, без единой морщинки. Странное какое-то лицо. То есть не само лицо, а выражение. Как у святых на древних иконах. Он глядел на Гага из-под светлого чуба, свисающего на лоб, и улыбался как именинник. Очень был чем-то доволен. Он и заговорил первым.

— Как мы себя чувствуем? — осведомился он.

Гаг уперся ладонями в постель, согнул ноги в коленях и легко перенес зад в изголовье.

— Нормально... — сказал он с удивлением.

Ничего на нем не было, даже простыни. Он посмотрел на свои ноги, на знакомый шрам выше колена, потрогал грудь и сразу же нащупал пальцами то, чего раньше не было: два углубления под правым соском.

— Ого! — сказал он, не удержавшись.

— И еще одна в боку, — заметил добряк. — Выше, выше...

Гаг нащупал шрам в правом боку. Потом он быстро оглядел голые руки.

— Погодите... — пробормотал он. — Я же горел...

— Еще как! — вскричал румяный и руками показал — как. Получалось, что Гаг горел как бочка с бензином.

Сухопарый в свитере молчал, разглядывая Гага, и было в его взгляде что-то такое, отчего Гаг подтянулся и произнес:

— Благодарю вас, господин врач. Долго я был без памяти?

Румяный добряк почему-то перестал улыбаться.

— А что ты помнишь последнее? — спросил он почти вкрадчиво.

Гаг наморщился.

— Я подбил... Нет! Я горел. Огнемет, наверное. И я побежал искать воду... — Он замолчал и снова ощупал шрамы на груди. — В этот момент меня, наверное, подстрелили... — сказал он неуверенно. — Потом... — Он замолчал и посмотрел на сухопарого. — Мы их задержали? Да?.. Где я? В каком госпитале?

Однако сухопарый не ответил, и снова заговорил добряк.

— Да как тебе сказать... — Как бы в затруднении, он с силой погладил себя по круглым коленям. — А ты сам как думаешь?

— Виноват... — сказал Гаг и спустил ноги с койки. — Неужели так много времени прошло? Полгода? Или год... Скажите мне прямо, — потребовал он.

— Да что время... — сказал румяный. — Времени-то прошло всего пять суток.

— Сколько?

— Пять суток, — повторил румяный. — Верно? — спросил он, обращаясь к сухопарому.

Тот молча кивнул. Гаг улыбнулся снисходительно.

— Ну хорошо, — сказал он. — Ну ладно. Вам, врачам, виднее. В конце концов, какая разница... Я бы хотел только знать, господин... — Он специально сделал паузу,

глядя на сухопарого, но сухопарый никак не отреагировал. — Я бы хотел только знать положение на фронте и когда я смогу вернуться в строй...

Сухопарый молча передвигал соломинку из одного угла тонкогубого рта в другой.

— Я ведь могу надеяться снова попасть в свою группу... в столичную школу.

— Вряд ли, — сказал румяный.

Гаг только глянул на него и снова стал смотреть на сухопарого.

— Ведь я — Бойцовый Кот, — сказал он. — Третий курс... Имею благодарности. Имею одну личную благодарность его высочества...

Румяный замотал головой.

— Это несущественно, — сказал он. — Не в этом дело.

— Как это — не в этом дело? — сказал Гаг. — Я — Бойцовый Кот! Вы что, не знаете? Вот! — Он поднял правую руку и показал — опять-таки сухопарому — татуировку под мышкой. — Если вы попытаетесь запихнуть меня куда-нибудь каптером, вы ответите! Мне пожимал руку его высочество, лично! Его высочество пожаловал мне...

— Да нет, мы верим, верим, знаем! — замахал на него руками румяный, но Гаг оборвал его:

— Господин врач, я разговариваю не с вами! Я обращаюсь к господину офицеру!

Тут румяный почему-то вдруг фыркнул, закрыл лицо ладонями и захохотал тонким противным смехом. Гаг ошеломленно смотрел на него, потом перевел взгляд на сухопарого. Тот наконец заговорил:

— Не обращай внимания, Гаг. — Голос у него был глубокий, значительный, под стать лицу. — Однако ты действительно не представляешь своего положения. Мы не можем отправить тебя сейчас в столичную школу. Скорее всего, ты вообще никогда больше не попадешь в школу Бойцовых Котов...

Гаг открыл и снова закрыл рот. Румяный перестал хихикать.

— Но я же чувствую себя... — прошептал Гаг. — Я совершенно здоров. Или я калека? Скажите мне сразу, господин врач: я не калека?

— Нет-нет, — быстро сказал румяный. — Руки-ноги у тебя в полном порядке, а что касается психики... Кто такой был Ганг Гнук, ты помнишь?

— Так точно... Это был ученый. Утверждал множественность обитаемых миров... Имперские фанатики повесили его за ноги и расстреляли из арбалетов... — Гаг замялся. — Вот точной даты я не помню, виноват. Но это было еще до первого алайского восстания...

— Очень хорошо! — похвалил румяный. — А как относится к учению Ганга современная наука?

Гаг опять замялся.

— Не могу сказать точно... Причин отрицать нет. У нас в школе на занятиях практической астрономией прямо об этом не говорилось. Говорилось только, что Айгон, Пирра... ну и другие... Какга, например... такие же планеты, как наша... Да, правильно! На Айгоне есть атмосфера, открытая великим основоположником алайской науки Гриддом, так что там вполне может существовать жизнь...

Он перевел дух и с тревогой взглянул на сухопарого.

— Очень хорошо, — снова сказал румяный. — Ну, а как на других звездах?

— Что — на других звездах, прошу прощения?

— Вблизи других звезд может существовать жизнь?

Гага прошибла испарина.

— Н-нет... — произнес он. — Нет, поскольку там безвоздушное пространство. Не может.

— А если около какой-нибудь звезды есть планеты? — неумолимо налегал доктор.

— А! Тогда может, конечно. Если около звезды имеется планета с атмосферой, на ней вполне может быть жизнь.

Румяный с удовлетворением откинулся на спинку кресла и посмотрел на сухопарого. Тогда сухопарый вынул соломинку изо рта и поглядел Гагу прямо в душу.

— Ты ведь Бойцовый Кот, Гаг? — сказал он.

— Так точно! — Гаг приосанился.

— А Бойцовый Кот есть боевая единица сама в себе, — в голосе сухопарого зазвенел уставной металл, — способная справиться с любой мыслимой и немислимой неожиданностью, так?

— И обратить ее, — подхватил Гаг, — к чести и славе его высочества герцога и его дома!

Сухопарый кивнул.

— Созвездие Жука знаешь?

— Так точно! Эклиптикальное созвездие из двенадцати ярких звезд, видимое в летнее время года. Первая Жука является...

— Стоп. Седьмую Жука знаешь?

— Так точно. Оранжевая звезда...

— ...около которой, — прервал его сухопарый, подняв моластый палец, — имеется планетная система, неизвестная пока алайской астрономии. На одной из этих планет имеется атмосфера. Много миллиардов лет назад на ней возникла жизнь. Более того, на ней существует цивилизация разумных существ, значительно опередившая цивилизацию Гиганды. Ты на этой планете, Гаг.

Воцарилось молчание. Гаг, весь подобрившись, ждал продолжения. Сухопарый и врач пристально глядели на него. Молчание затягивалось. Наконец Гаг не выдержал.

— Я понял, господин офицер, — доложил он. — Продолжайте, пожалуйста.

Врач крикнул, а сухопарый мигнул несколько раз подряд.

— А-а, — сказал он спокойно. — Он решил, что мы продолжаем испытание психики и теперь даем ему вводную, — пояснил он врачу. — Это не вводная, Гаг. Это на самом деле так и есть. Я работал на вашей планете, на Гиганде, в северных джунглях герцогства. Случайно я оказался около тебя во время боя. Ты лежал на земле и горел, к тому же ты был смертельно ранен. Я перенес тебя на свой звездолет... это такой специальный аппарат для путешествия между звезд... и доставил сюда. Здесь мы тебя вылечили. Это все не вводная, Гаг. Я не офицер и, конечно, не алаец. Я — землянин.

Гаг в задумчивости пригладил волосы.

— Предполагается, господин офицер, что я знаю ваш язык и условия жизни на этой планете. Или нет?

Снова наступило молчание. Потом сухопарый сказал, усмехнувшись:

— Ты, кажется, вообразил себя на занятиях по диверсионно-разведывательной подготовке...

Гаг тоже позволил себе улыбнуться.

— Не совсем так, господин офицер.

— А как же?

— Я полагаю... я надеюсь, что командование удостоивает меня пройти спецпроверку для того, чтобы принять новое, весьма ответственное назначение. Я горжусь, господин офицер. Приложу все усилия, чтобы оправдать...

— Послушай, — сказал вдруг румяный врач, поворачиваясь к сухопарому. — А может быть, так и оставить? Создать условия ничего не стоит. Ты ведь говоришь, что понадобится всего три-четыре месяца!

Сухопарый помотал головой и принялся что-то говорить румянному на непонятном языке. Гаг с нарочито рассеянным видом осматривался. Помещение было необычное. Прямоугольная комната, гладкие кремовые стены, потолок расчерчен в шахматную клетку, причем каждая клетка светится изнутри красным, оранжевым, голубым, зеленым. Окон нет. Дверей тоже что-то не заметно. У изголовья постели в стене какие-то кнопки, над кнопками — длинные прозрачные окошечки, которые светятся ровным, очень чистым зеленым светом. Пол черный, матовый... и кресла, в которых сидят эти двое, словно бы

растут из пола, а может быть, составляют с ним одно целое. Гаг незаметно погладил пол босой ступней. Прикосновение было приятное, словно к мягкому теплому животному...

— Ладно, — сказал наконец сухопарый. — Одевайся, Гаг. Я тебе кое-что покажу... Где его одежда?

Румяный, поколебавшись еще секунду, наклонился куда-то вбок и вытащил словно бы из стены плоский прозрачный пакет. Держа его в опущенной руке, он снова заговорил с сухопарым и говорил довольно долго, а сухопарый только все энергичнее крутил головой и в конце концов отобрал пакет у румяного и бросил его Гагу на колени.

— Одевайся, — приказал он снова.

Гаг осторожно осмотрел пакет со всех сторон. Пакет был из какого-то прозрачного материала, бархатистого на ощупь, а внутри было что-то очень чистое, мягкое, легкое, белое с голубым. И вдруг пакет сам собой распался, рассыпался тающими в воздухе серебристыми искрами, и на постель упали, разворачиваясь, короткие голубые штаны, белая с голубым куртка и еще что-то.

Гаг с каменным лицом принялся одеваться. Румяный вдруг сказал громко:

— Но, может быть, мне все-таки пойти с вами?

— Не надо, — сказал сухопарый.

Румяный всплеснул белыми мягкими руками:

— Ну что у тебя за манера, Корней! Что это за порывы интуиции! Ведь, казалось бы, все расписали, обо всем договорились...

— Как видишь, не обо всем.

Гаг натянул совершенно невесомые сандалии, удивительно ладно пришедшиеся по ноге. Он встал, сдвинул пятки и наклонил голову.

— Я готов, господин офицер.

Сухопарый оглядел его.

— Как, нравится тебе это? — спросил он.

Гаг дернул плечом.

— Конечно, я предпочел бы форму...

— Обойдешься без формы, — проворчал сухопарый, поднимаясь.

— Слушаюсь, — сказал Гаг.

— Поблагодари врача, — сказал сухопарый.

Гаг отчетливым движением повернулся к румяному с лицом святого, снова сдвинул пятки и снова наклонил голову.

— Позвольте поблагодарить вас, господин врач, — сказал он.

Тот вяло махнул рукой.

— Иди уж... Кот...

Сухопарый уже уходил, направляясь прямо в глухую стену.

— До свидания, господин врач, — сказал Гаг весело. — Надеюсь, здесь мы больше не увидимся, а услышите вы обо мне только хорошее.

— Ох, надеюсь... — откликнулся румяный с явным сомнением.

Но Гаг больше не стал с ним разговаривать. Он догнал сухопарого как раз в тот момент, когда в стене перед ними не распахнулась, а как-то просто вдруг появилась прямоугольная дверь, и они ступили в коридор, тоже кремовый, тоже пустой, тоже без окон и дверей и тоже непонятно как освещенный.

— Что ты сейчас рассчитываешь увидеть? — спросил сухопарый.

Он шагал широко, вымахивая голенастыми ногами, но ступни ставил с какой-то особой мягкостью, живо напомнившей Гагу неподражаемую походку Гепарда.

— Не могу знать, господин офицер, — ответил Гаг.

— Зови меня Корней, — сказал сухопарый.

— Понял, господин Корней.

— Просто — Корней...

— Так точно... Корней.

Коридор незаметно превратился в лестницу, которая вела вниз по плавной широкой спирали.

— Значит, ты не против того, чтобы оказаться на другой планете?

— Постараюсь справиться, Корней.

Они почти бежали вниз по ступенькам.

— Сейчас мы находимся в госпитале, — говорил Корней. — За его стенами ты увидишь много неожиданного, даже пугающего. Но учти, здесь ты в полной безопасности. Какие бы странные вещи ты ни увидел, они не могут угрожать тебе и не могут причинить вреда. Ты меня понимаешь?

— Да, Корней, — сказал Гаг и снова позволил себе улыбнуться.

— Постарайся сам разобраться, что к чему, — продолжал Корней. — Если чего-нибудь не понимаешь — обязательно спрашивай. Ответам можешь верить. Здесь не врут.

— Слушаюсь... — ответил Гаг с самым серьезным видом.

Тут бесконечная лестница кончилась, и они вылетели в обширный светлый зал с прозрачной передней стеной, за которой было полно зелени, желтел песок дорожек, поблескивали на солнце непонятные металлические конструкции. Несколько человек в ярких и, прямо скажем, легкомысленных нарядах беседовали о чем-то посреди зала. И голоса у них были под стать нарядам — развязные, громкие до неприличия. И вдруг они разом замолчали, как будто их кто-то выключил. Гаг обнаружил, что все они смотрят на него... Нет, не на него. На Корнея. Улыбки сползали с лиц, лица застывали, взгляды опускались — и вот уже никто больше не смотрит на Корнея, вообще никто больше не смотрит в их сторону, а Корней знает себе вышагивает мимо них в полной тишине, словно ничего этого не заметив.

Он остановился перед прозрачной стеной и положил Гагу руку на плечо.

— Как тебе это нравится? — спросил он.

Огромные, во много обхватов, морщинистые стволы, клубы, облака, целые тучи ослепительной, пронзительной зелени над ними, желтые ровные дорожки, а вдоль них — темно-зеленый кустарник, непроницаемо густой, пестрящий яркими, неправдоподобно лиловыми цветами, и вдруг из пятнистой от солнца тени на песчаную площадку выступил поразительный, совершенно невозможный зверь, состоящий как бы только из ног и шеи, остановился, повернул маленькую голову и взглянул на Гага огромными бархатистыми глазами.

— Колоссально... — прошептал Гаг. Голос у него сорвался. — Великолепно сделано!

— Зеброжираф, — непонятно и в то же время вроде бы и понятно пояснил Корней.

— Для человека опасен? — деловито осведомился Гаг.

— Я же тебе сказал: здесь нет ничего ни опасного, ни угрожающего.

— Я понимаю: здесь — нет. А там?

Корней покусал губу.

— Здесь — это и есть там, — сказал он.

Но Гаг уже не слышал его. Он потрясенно смотрел, как по песчаной дорожке мимо зеброжирафа, совсем рядом с ним, идет человек. Он увидел, как зеброжираф склонил бесконечную шею, будто пестрый шлагбаум опустился, а человек, не останавливаясь, потрепал животное по холке и пошел дальше, мимо сооружения из скрученного шипастого металла, мимо радужных перьев, повисших прямо в воздухе, поднялся по нескольким плоским ступеням и сквозь прозрачную стену вошел в зал.

— Между прочим, это тоже инопланетянин, — сказал Корней вполголоса. — Его здесь вылечили, и скоро он вернется на свою планету.

Гаг сглотнул сухую, провожая выздоровевшего инопланетянина глазами. У того были странные уши. То есть, строго говоря, ушей почти не было, а голый череп неприятно поражал обилием каких-то бугров и узловатых гребенчатых выступов. Гаг снова глотнул и посмотрел на зеброжирафа.

— Разве... — начал он и замолчал.

— Да?

— Прощу прощения, Корней... Я думал... Я думал... это все... Ну, вот это все, за стеной...

— Нет, это не кино, — с оттенком нетерпения в голосе сказал Корней. — И не вольера. Это все на самом деле, и так здесь везде. Хочешь погладить его? — спросил он вдруг.

Гаг весь напрягся.

— Слушаюсь, — сказал он осипшим голосом.

— Да нет, если не хочешь — не надо. Просто ты должен понять...

Корней вдруг оборвал себя. Гаг поднял на него глаза. Корней смотрел поверх его головы в глубь зала, где снова уже раздавались голоса и смех, и лицо его неожиданно и странно изменилось. Новое выражение появилось на нем — смесь тоски, боли и ожидания. Гагу уже приходилось видеть такие лица, но он не успел вспомнить, где и когда. Он обернулся.

На той стороне зала у самой стены стояла женщина. Гаг даже не успел ее толком рассмотреть — через мгновение она исчезла. Но она была в красном, у нее были угольно-черные волосы и яркие, кажется синие, глаза на белом лице. Неподвижный язык красного пламени на кремовом фоне стены. И сразу — ничего. А Корней сказал спокойно:

— Ну что ж, пошли...

Лицо у него было прежнее, как будто ничего не произошло. Они шли вдоль прозрачной стены, и Корней говорил:

— Сейчас мы очутимся совсем в другом месте. Очутимся, понимаешь? Не перелетим, не переедем в другое место, а просто очутимся там, имей в виду...

Позади громко захохотали в несколько голосов. Гаг, вспыхнув ушами, оглянулся. Нет, смеялись не над ним. На них вообще никто не смотрел.

— Заходи, — сказал Корней.

Это была круглая будка вроде телефонной, только стенки у нее были не прозрачные, а матовые. В будку вела дверь, и оттуда тянуло запахом, какой бывает после сильной грозы. Гаг несмело шагнул внутрь, Корней втиснулся следом, и дверной проем исчез.

— Я потом объясню тебе, как это делается, — говорил Корней. Он неторопливо нажимал клавиши на небольшом пульте, встроенном в стену. Такие пульты Гаг видел на арифметических машинах в бухгалтерии школы. — Вот я набираю шифр, — продолжал Корней. — Набрал... Видишь зеленый огонек? Это означает, что шифр имеет смысл, а финиш свободен. Теперь отправляемся... Вот эта красная кнопка...

Корней нажал на красную кнопку. Чтобы не упасть, Гаг вцепился в его свитер. Пол словно исчез на мгновение, а потом появился снова, и за матовыми стенками вдруг стало светлее.

— Все, — сказал Корней. — Выходи.

Зала не было. Был широкий, ярко освещенный коридор. Пожилая женщина в блестящей, как ртуть, накидке посторонилась, давая им дорогу, сурово смерила взглядом Гага, глянула на Корнея — лицо ее вдруг дрогнуло, она торопливо нырнула в будку, и дверь за нею исчезла.

— Прямо, — сказал Корней.

Гаг пошел прямо. Только сделав несколько шагов, он тихонько перевел дух.

— Один миг — и мы в двадцати километрах, — сказал Корней у него за спиной.

— Потрясающе... — отозвался Гаг. — Я не знал, что мы умеем такие вещи...

— Ну, положим, вы еще не умеете... — возразил Корней. — Сюда, направо.

— Нет, я имел в виду — в принципе... Я понимаю, все засекречено, но для армии...

— Проходи, проходи. — Корней мягко подтолкнул его в спину.

— Для армии такая штука незаменима... Для армии, для разведки...

— Так, — произнес Корней. — Сейчас мы находимся в гостинице. Это мой номер. Я тут жил, пока тебя лечили.

Гаг осмотрелся. Комната была велика и совершенно пуста. Никаких следов мебели. Вместо передней стены — голубое небо, остальные стены разноцветные, пол белый, потолок, как и в госпитале, в разноцветную клетку.

— Давай побеседуем, — сказал Корней и сел.

Он должен был упасть своим сухопарым задом на этот белый пол. Но пол вспучился навстречу его падающему телу, как бы обтек его и превратился в кресло. Этого кресла только что не было. Оно просто мгновенно выросло. Прямо из пола. Прямо на глазах. Корней закинул ногу на ногу, привычно обхватил мосластыми пальцами колено.

— Мы тут много спорили, Гаг, — проговорил он, — как с тобой быть. Что тебе рассказать, что от тебя скрыть. Как сделать, чтобы ты, упаси бог, не свихнулся...

Гаг облизал пересохшие губы.

— Я...

— Предлагалось, например, оставить тебя на эти три-четыре месяца в бессознательном состоянии. Предлагалось загнипнотизировать тебя. Много разной чепухи предлагалось. Я был против. И вот почему. Во-первых, я верю в тебя. Ты — сильный, тренированный мальчик, я видел тебя в бою и знаю, что ты можешь выдержать многое. Во-вторых, для всех будет лучше, если ты увидишь наш мир... пусть даже только кусочек нашего мира. Ну, а в-третьих, я тебе честно скажу: ты мне можешь понадобиться.

Гаг молчал. Ноги у него одеревенели, заложенные за спину руки он стиснул изо всей силы, до боли. Корней вдруг подался вперед и сказал, словно заклиная:

— Ничего страшного с тобой не произошло. Ничего страшного с тобой не случится. Ты в полной безопасности. Ты просто совершаешь путешествие, Гаг. Ты в гостях, понимаешь?

— Нет, — сказал Гаг хрипло.

Он повернулся и пошел прямо в голубое небо. Остановился. Глянул. Стиснутые кулаки его побелели. Он сделал шаг назад, другой, третий и пятился до тех пор, пока не уперся лопатками.

— Значит... я уже там? — сказал он хрипло.

— Значит, ты уже здесь, — сказал Корней.

— Какое же у меня задание?... — сказал Гаг.

Глава третья

Одним словом, ребята, влип я, как ни один еще Бойцовый Кот, наверное, до меня не влипал. Вот сижу я сейчас на роскошной лужайке по шею в мягкой травке-муравке. Вокруг меня — благодать, чистый курорт на озере Заггута, только самого озера нет. Деревья — никогда таких не видел: листья зеленые-зеленые, мягкие, шелковистые, а на ветвях висят здоровенные плоды — груши называются — объеденье, и ешь сколько влезет. Слева от меня роща, а прямо передо мной дом. Корней говорит, что сам его своими руками построил. Может быть, не знаю. Знаю только, что когда меня назначили в караул у охотничьего домика его высочества, так там тоже был дом — роскошный дом, и строили его ба-альшие головы, — но куда ему до этого. Перед домом бассейн, вода чистая, как увидишь — пить хочется, купаться страшно. А вокруг — степь. Там я еще не был. И пока неохота. Не до степи мне сейчас. Мне бы сейчас понять, на каком языке я думаю, змеиное молоко! Ведь сроду я никаких языков, кроме родного алайского, не знал. Военный разговорник — это, натурально, не в счет: всякие там «руки вверх», «ложись», «кто командир» и прочее. А теперь вот никак не могу понять, какой же язык мне родной — этот самый ихний русский или алайский. Корней говорит, что этот русский в количестве двадцати пяти тысяч слов и разных там идиом в меня запихнули за одну ночь, пока я спал после операции. Не знаю. Идиома... Как это по-алайски-то будет? Не знаю.

Нет, я ведь сначала что подумал? Спецлаборатория. Такие у нас есть, я знаю. Корней — офицер нашей разведки. Очень похож. И готовят они меня для какого-то особой

важности задания. Может быть, интересы его высочества распространились на другой материк. А может быть, черт подери, и на другую планету. Почему бы и нет? Что я знаю?

Я даже, дурак, сначала думал, что вокруг все — декорация. А потом день здесь живу, другой — нет, ребята, не получается. Город этот — декорация? Синие эти громады, что на горизонте время от времени появляются, — декорация? А жратва? Показать ребятам эту жратву — не поверят, не бывает такой жратвы. Берешь тубик, вроде бы с зубной пастой, выдавливаешь на тарелку, и на тебе — запузырилось, зашипело, и тут надо схватить другой тубик, его давить, и ахнуть ты не успел, как на тарелке перед тобой — здоровенный ломоть поджаренного мяса, весь золотистый, дух от него... э, что там говорить! Это, ребята, не декорация. Это мясо. Или, скажем, ночное небо: все созвездия перекошены. И Луна. Тоже декорация? Честно говоря, она-то на декорацию как раз очень похожа. Особенно когда высоко. Но на восходе — смотреть же страшно! Огромная, разбухшая, красная, лезет из-за деревьев... Который я уже здесь день, пятый, что ли, а до сих пор меня от этого зрелища просто в дрожь бросает.

Вот и получается, что дело дрянь. Могучие они здесь, стервецы, могучие, простым глазом видно. И против них, против всей их мощи я здесь один. И ведь никто же у нас про них ничего не знает, вот что самое страшное. Ходят они по нашей Гиганде, как у себя дома, знают про нас все, а мы про них — ничего. С чем они к нам пришли, что им у нас надо? Страшно... Как представишь себе всю ихнюю чертовщину — все эти мгновенные скачки на сотни километров без самолетов, без машин, без железных дорог... эти их здания выше облаков, невозможные, невероятные, как дурной сон... комнаты-самобранки, еда прямо из воздуха, врачи-чудодеи... А сегодня утром — приснилось мне, что ли? — Корней прямо из бассейна без ничего, в одних плавках, взмыл в небо, как птица, развернулся над садом и пропал за деревьями...

Я как это вспомнил, продрало меня до самых печенок. Вскочил, пробежался по лужайке, грушу сожрал, чтобы успокоиться. А ведь я здесь всего-то-навсего пятый день! Что я за пять дней мог здесь увидеть? Вот хоть эта лужайка. У меня окно прямо на нее выходит. И вот давеча просыпаюсь ночью от какого-то хриплого мяуканья. Кошки дерутся, что ли? Но уже знаю, что не кошки. Подкрался к окну, выглянул. Стоит. Прямо посреди лужайки. Что — не понимаю. Вроде треугольное, огромное, белое. Пока я глаза протирал, смотрю — тает в воздухе. Как привидение, честное слово. Они у них так и называются: «призраки». Я наутро у Корнея спросил, а он говорит: это, говорит, наши звездолеты класса «призрак» для перелетов средней дальности, двадцать световых лет и ближе. Представляете? Двадцать световых лет — это у них средняя дальность! А до Гиганды, между прочим, всего восемнадцать...

Не-ет, от нас им только одно может понадобиться: рабы. Кто-то же у них здесь должен работать, кто-то же эту ихнюю благодать обеспечивает... Вот Корней мне все твердит: учись, присматривайся, читай, через три-четыре месяца, мол, домой вернешься, начнешь строить новую жизнь, то, се, войне, говорит, через три-четыре месяца конец, мы, говорит, этой войной занялись и в самое ближайшее время с ней покончим. Тут-то я его и поймал. Кто же, говорю, в этой войне победит? А никто не победит, отвечает. Будет мир, и все. Та-ак... Все понятно. Это, значит, чтобы мы материал зря не переводили. Чтобы все было тихо-мирно, без всяких там возмущений, восстаний, кровопролития. Вроде как пастухи не дают быкам драться и калечиться. Кто у нас им опасен — тех уберут, кто нужен — тех купят, и пойдут они набивать трюмы своих «призраков» алайцами и крысоедами вперемешку...

Корней вот, правда... Ничего не могу с собой поделывать: нравится он мне. Башкой понимаю, что иначе быть не может, что только такого человека они и могли ко мне приставить. Башкой понимаю, а ненавидеть его не могу. Наваждение какое-то. Верю ему как дурак. Слушаю его, уши развесив. А сам ведь знаю, что вот-вот начнет он мне внушать и доказывать, как ихний мир прекрасен, а наш — плох, и что наш мир надо бы

переделать по образцу ихнего, и что я им в этом деле должен помочь, как парень умный, волевой, сильный, вполне пригодный для настоящей жизни...

Да чего там, он уже и начал понемногу. Ведь всех великих людей, на кого мы молимся, он уже обгадить успел. И фельдмаршала Брага, и Одноглазого Лиса, великого шефа разведки, и про его высочество намекнул было, но тут я его, конечно, враз оборвал... Всем от него досталось. Даже имперцам — это, значит, чтобы показать, какие они здесь беспристрастные. И только про одного он говорил хорошо — про Гепарда. Похоже, он его знал лично. И ценил. В этом человеке, говорит, погиб великий педагог. Здесь, говорит, ему бы цены не было... Ладно.

Хотел я остановиться, но не сумел — стал думать о Гепарде. Эх, Гепард... Ну ладно, ребята погибли, Заяц, Носатый... Клещ с ракетой под мышкой под бронеход бросился... пусть. На то нас родили на свет. А вот Гепард... Отца ведь я почти не помню, мать — ну что мать? А вот его я никогда не забуду. Я ведь слабый в школу пришел — голод, кошатину жрал, самого чуть не съели, отец с фронта пришел без рук, без ног, пользы от него никакой, все на водку променивал... А в казарме что? В казарме тоже не сахар, пайки сами знаете какие. И кто мне свои консервы отдавал? Стоишь ночью дневальным, жрать хочется — аж зубы скрипят; вдруг появится как из-под земли, рапорт выслушает, буркнет что-то, сунет в руку ломоть хлеба с кониной — свой ведь ломоть хлеба с кониной, по тыловой норме, — и нет его... А как в марш-броске он меня двадцать километров на загривке тащил, когда я от слабости свалился? Ребята ведь должны были тащить, и они бы и рады, да сами падали через каждые десять шагов. А по инструкции как? Не может идти — не может служить. Валяй домой, под вонючую лестницу, за кошками охотиться...

Да, не забуду я тебя, Гепард. Погиб ты. Как нас учил погибать, так и сам погиб. Ну, а раз уж я уцелел, значит, и жить я теперь должен, твоей памяти не посрамив. А как жить? Влип я, Гепард. Ох и влип же я! Где ты там сейчас? Вразуми, подскажи...

Ведь они меня здесь купить хотят. Перво-наперво спасли мне жизнь. Вылечили, как новенького сделали, даже ни одного зуба дырявого не осталось — новые выросли, что ли? Дальше. Кормят на убой, знают, бродяги, как у нас со жратвой туго. Ласковые слова говорят, симпатичного человека приставили...

Тут он меня позвал: обедать пора.

Уселись мы за столом в гостиной, взяли эти самые тюбики, наvertsели себе еды. Корней что-то странное соорудил — целый клубок прозрачных желтоватых нитей — что-то вроде дохлого болотного ежа, — все это залил коричневым соусом, сверху лежат кусочки и ломтики то ли мяса, то ли рыбы, и пахнет... не знаю даже — чем, но крепко пахнет. Ел он почему-то палочками. Зажал две палочки между пальцами, тарелку к самому подбородку поднес и пошел кидать все это в рот. Кидает, а сам мне подмигивает. Хорошее у него, значит, настроение. Ну, а у меня от всех моих мыслей, да и от груш, наверное, аппетита почти не осталось. Сделал себе мяса. Вареного. Хотел тушеного, а получилось вареное. Ладно, есть можно, и на том спасибо.

— Хорошо я сегодня поработал, — сообщил Корней, уплетая своего ежа. — А ты что поделывал?

— Да так. Ничего особенного. Купался. В траве сидел.

— В степь ходил?

— Нет.

— Зря. Я же тебе говорю: там для тебя много интересного.

— Я схожу. Потом.

Корней доел ежа и снова взялся за тюбики.

— Придумал, где бы тебе хотелось побывать?

— Нет. То есть да.

— Ну?

Что бы мне ему такое-этакое соврать? Никуда мне сейчас не хотелось, мне бы здесь, с этим домом разобратся, и я ляпнул:

— На Луне...

Он посмотрел на меня с удивлением.

— А за чем же дело стало? Нуль-кабина — в саду, справочник по шифрам я тебе дал... Набирай номер и отправляйся.

Нужна мне эта Луна!..

— И отправлюсь, — сказал я. — Галоши вот только надену...

Сам не знаю, откуда эта присловка у меня взялась. Идиома, наверное, какая-нибудь. Засадили они мне ее в мозги, и теперь она время от времени у меня выскакивает.

— Что-что? — спросил Корней, подняв брови.

Я промолчал. Теперь вот на Луну надо. Раз сказал, значит придется. А чего я там не видел? Вообще-то, конечно, не мешает посмотреть... Подумал я, сколько мне еще здесь надо посмотреть, и в глазах у меня потемнело. И ведь это только посмотреть! А надо еще запомнить, уложить в башке все это кирпичик к кирпичику, а в башке и так все перемешалось, будто я сто лет уже здесь болтаюсь, и все эти сто лет днем и ночью мне показывают какое-то сумасшедшее кино без начала и конца. Он ведь ничего от меня не скрывает. Нуль-транспортровка? Пожалуйста! Объясняет про нуль-транспортровку. И вроде бы понятно объясняет, модели показывает. Модели понимаю, а как работает нуль-кабина — нет, хоть кол на голове теши. Изгибание пространства, понял? Или, скажем, про эту пищу из тюбиков. Три часа мне объяснял, а что осталось в голове? Субмолекулярное сжатие. Ну, еще расширение. Субмолекулярное сжатие — это, конечно, хорошо и даже прекрасно. Химия. А вот откуда кусок жареного мяса берется?

— Ну что загрустил? — спросил Корней, утираясь салфеткой. — Трудно?

— Башка болит, — сказал я со злостью.

Он хмыкнул и принялся прибирать со стола. Я, конечно, как положено, сунулся ему помогать, только тут у них и одному делать нечего. Всего и приборки-то: в середине стола лючок открыть и все туда спихнуть, а уж закрывать и не надо, само закроется.

— Пойдем кино посмотрим, — сказал он. — Один мой знакомый отличную ленту сделал. В старинном стиле, плоскую, черно-белую. Тебе понравится.

— Про что? — спросил я вяло. Никаких кино мне не хотелось. Не до кино мне было. И так вокруг сплошное кино. В бредовом стиле. Цветное и выпуклое.

— Про войну тоже есть, — сказал он. — Правда, действие там происходит в средние века...

Короче, пришлось мне тут же сесть и смотреть это кино. Куролесица какая-то. Про любовь. Любят там друг друга двое аристократов, а родители против. Есть там, конечно, пара мест, где дерутся, но все на мечях. Снято, правда, здорово, у нас так не умеют. Один там другого ткнул мечом, так уж без обману: лезвие из спины на три пальца вылезло и даже вроде дымится... Вот им еще, например, зачем рабы нужны. Замутило меня от этой мысли, еле я дотерпел до конца. Вдобавок курить хотелось дико. Корней, как и Гепард, курение не одобряет. Предложил даже излечить от этой привычки, да я не согласился: всего-то от меня изначально одно это, может быть, и осталось... В общем, попросил я разрешения пойти к себе. Почитать, говорю. Про Луну. Поверил. Отпустил.

И вошел я в свою комнату, будто домой вернулся. Я ее сразу, как приехал, для себя переоборудовал. Тоже, между прочим, намучился. Корней мне, конечно, все объяснил, но я, конечно, ничего толком не понял. Стою посреди комнаты и ору, как псих: «Стул! Хочу стул!» Только потом понемногу приспособился. Здесь, оказывается, орать не надо, а надо только тихонечко представить себе этот стул во всех подробностях. Вот я и представил. Даже кожаная обивка на сиденье продрана, а потом аккуратно заштопана. Это когда Заяц, помню, после похода сразу сел, а потом встал и зацепился за обивку крючком от кошки. Ну, и все остальное я устроил как у Гепарда в его комнатушке: койка железная с зеленым шерстяным покрывалом, тумбочка, железный ящик для оружия, столик с лампой, два стула и шкаф для одежды. Дверь сделал как у людей, стены — в два цвета, оранжевый и

белый, цвета его высочества. Вместо прозрачной стены сделал одно окно. Под потолком лампу повесил с жестяным абажуром...

Конечно, все это декорация: ни жести, ни железа, ни дерева — ничего этого на самом деле здесь нет. И оружия у меня, конечно, никакого в железном ящике нет — лежит там один мой единственный автоматный патрон, который у меня в кармане куртки завалился. И на тумбочке ничего нет. У Гепарда стояла фотография женщины с ребенком — рассказывали, что жены с дочерью, сам он об этом никогда не говорил. Я тоже хотел поставить фотографию. Гепарда. Каким я его в последний раз видел. Но ничего у меня из этого не вышло. Наверное, Корней правильно объяснил, что для этого надо быть художником или там скульптором.

Но в общем мне моя конурка нравится. Я здесь отдыхаю душой, а то в других комнатах как в чистом поле, все насквозь простреливается. Правда, нравится она здесь только мне. Корней посмотрел, ничего не сказал, но, по-моему, он остался недоволен. Да это еще полбеды. Хотите верьте, хотите нет, но эта моя комната сама себе не нравится. Или самому дому. Или, змеиное молоко, той невидимой силе, которая всем здесь управляет. Чуть отвлечешься, глядь — стула нет. Или лампы под потолком. Или железный ящик в такую нишу превратится, в которой они свои микрокниги держат.

Вот и сейчас. Смотрю — нет тумбочки. То есть тумбочка есть, но не моя тумбочка, не Гепардова, да и не тумбочка вовсе. Шут знает что — какое-то полупрозрачное сооружение. Слава богу, хоть сигареты в нем остались как были. Родимые мои, самодельные. Ну, сел я на свой любимый стул, закурил сигаретку и это самое сооружение изничтожил. Честно скажу — с удовольствием. А тумбочку вернул на место. И даже номер вспомнил: 0064. Не знаю уж, что этот номер значит.

Ну, сижу я, курю, смотрю на свою тумбочку. На душе стало поспокойнее, в комнате моей приятный полумрак, окно узкое, отстреливаться из него хорошо в случае чего. Было бы чем. И стал я думать: что бы это мне на тумбочку положить? Думал-думал и надумал. Снял я с шеи медальон, открыл крышечку и вынул портрет ее высочества. Обрастил я его рамкой, как сумел, пристроил посередине, закурил новую сигаретку, сижу и смотрю на прекрасное лицо Девы Тысячи Сердец. Все мы, Бойцовые Коты, до самой нашей смерти ее рыцари и защитники. Все, что есть в нас хорошего, принадлежит ей. Нежность наша, доброта наша, жалость наша — все это у нас от нее, для нее и во имя ее.

Сидел я так, сидел и вдруг спохватился: да в каком же это виде я перед нею нахожусь? Рубашечка, штанишки, голоручка-голоножка... Тьфу! Я подскочил так, что даже стул упал, распахнул шкаф, сдернул с себя всю эту бело-синюю дрянь и натянул свое родимое — боевую маскировочную куртку и маскировочные штаны. Сандалии долой, на ноги — тяжелые рыжие сапоги с короткими голенищами. Подпоясался ремнем, аж дыхание сперло. Жалко, берета нет — видимо, совсем берет сгорел, в пыль, даже эти не сумели восстановить. А может, я его сам потерял в той суматохе... Погляделся я в зеркало. Вот это другое дело: не мальчишка сопливый, а Бойцовый Кот — пуговицы горят, Черный Зверь на эмблеме зубы скалит в вечной ярости, пряжка ремня точно на пупе, как влитая. Эх, берета нет!..

И тут я вдруг заметил, что ору я Марш Боевых Котят, ору во весь голос, до хрипа, и на глазах у меня слезы. Допел до конца, глаза вытер и начал сначала, уже вполголоса, просто для удовольствия, от самой первой строчки, от которой всегда сердце чуточку щемит: «Багровым заревом затянут горизонт», и до самой последней, развеселой: «Бойцовый Кот нигде не пропадет». Мы там еще один куплет сочинили сами, но такой куплет в трезвом виде, да еще имея перед глазами портрет Девы, исполнять никак невозможно. Гепард, помню, Крокодила за уши при всех оттащил за этот куплет...

Змеиное молоко! Опять! Опять эта лампа в какой-то дурацкий светильник превратилась. Ну что ты будешь с ней делать... Попробовал я этот светильник обратно в лампу превратить, а потом плюнул и изничтожил совсем. Отчаяние меня взяло. Ну где мне с ними справиться, когда я с собственной комнатой справиться не могу! С домом

этим проклятушим... Поднял я стул и снова уселся. Дом. Как хотите, ребята, а с домом этим все неладно. Казалось бы, проще простого: стоит двухэтажный дом, рядом роща, вокруг на двадцать пять километров голая степь, как доска, в доме двое — я и Корней. Все. Так вот, ребята, оказывается, не все.

Во-первых — голоса. Говорит кто-то, и не один, и не радио какое-нибудь. По всему дому голоса. И не то чтобы ночью — среди бела дня. Кто говорит, с кем говорит, о чем говорит — ничего не понятно. Причем, заметьте, Корней в доме в это время нет. Тоже, между прочим, вопрос: куда он девается... Хотя, кажется, на этот вопрос я ответ нашел. Страху набрался, но нашел. А было так. Позавчера сижу я у окна и наблюдаю за нуль-кабиной. Она наискосок, в конце песчаной дорожки, шагах в пятидесяти. Потом слышу — в глубине дома вроде бы хлопнула дверь, и сразу же — тишина, и чувствую я, что опять остался в доме один. Так, думаю, значит, он не через нуль-кабину уходит. И тут меня как обухом по голове ударило: дверь! Где же это, кроме моей комнаты, в нашем доме двери, которые хлопать могут?

Выскочил я из комнаты, спустился на первый этаж. Сунулся туда, сюда — коридор какой-то светлый, окно вдоль стены... ну, это как всегда у них. И вдруг слышу — шаги. Не знаю, что меня остановило. Притаился, стою не дышу. Коридор пустой, в дальнем конце дверь, обыкновенная, крашенная... Как я ее раньше не замечал — не понимаю. Как я коридора этого раньше не замечал — тоже не понимаю. Ну, это ладно. Главное — шаги. Несколько человек. Ближе, ближе, и вот — у меня даже сердце сжалось — прямо из стены на середине коридора выходят один за другим трое. Змеиное молоко! Имперские парашютисты, в полном боевом, в этих своих разрисованных комбинезонах, автомат под мышкой, топорик на задку... Я сразу лег. Один ведь, и ничего нет — голые руки. Оглянутся — пропал. Не оглянулись. Протопали в дальний конец коридора к той самой двери, и нет их. Дверь хлопнула, как от сквозняка, и все. Ну, ребята... Как дунул я обратно к себе в комнату — и только там опомнился...

До сих пор не понимаю, что бы это могло значить. То есть ясно теперь, как Корней из дома исчезает. Через эту самую дверь. Но вот откуда здесь крысоеды взялись, да еще в полном боевом?.. И что это за дверь?

Бросил я окурок на пол, посмотрел, как пол его в себя втягивает, и поднялся. Страшновато, конечно, но надо же когда-нибудь начинать. А если начинать, то с этой двери. В саду на лужайке с грушей за щекой оно, конечно, приятнее... или, скажем, марши распевать, запершись в комнате... Высунул я за дверь голову и прислушался. Тихо. Но Корней — у себя. Может, это даже и лучше. В случае чего заору благим матом — выручит. Спустился я в тот коридор, иду на цыпочках, даже руки расставил. До этой двери я целую вечность добирался. Пройду десять шагов, остановлюсь, послушаю — и дальше. Добрался. Дверь как дверь. Никелированная ручка. Приложил ухо — ничего не слышать. Нажал плечом. Не открывается. Взялся за ручку, потянул. Опять не открывается. Интересно. Вытер я со лба пот, оглянулся. Никого. Снова взялся за ручку, снова потянул, и тут стала дверь открываться. Со страху или от неожиданности я ее, проклятушую, опять захлопнул. В башке у меня пустота, и только одна мыслишка там прыгает, как горошина в бензобаке: не лезь, дурак, не суйся, тебя не трогают, и ты не трогай... И тут из меня и эту последнюю мыслишку вышибло.

Смотрю: прямо на стене сбоку от двери маленькими аккуратными буквами написано по-алайски «значит». То есть там вообще-то много чего было написано, всего в количестве шести строчек, но все остальное была математика, причем такая математика, что я в ней одни только плюсы и минусы разбирал. Так это выглядело: четыре строчки этой самой математики, потом слово «значит», подчеркнутое двумя чертами, а потом еще две строчки формул, обведенные жирной рамкой, на ней у него грифель раскрошился, у того, кто писал. Вот так так... В бедной голове моей, в пустом моем бензобаке, такая тут толкотня поднялась, что я и про дверь забыл. Выходит, я не один тут, есть еще алайцы? Кто? Где? Почему я вас не видел до сих пор? Зачем вы это написали? Знак подаете? Кому?

Мне? Так я же математики не знаю... Или эту математику вы развели только для отвода глаз? Ничего я не успел в этот раз додумать, потому что услышал, как меня зовет Корней. Я как полоумный сорвался с места и на цыпочках взлетел к себе. Кое-как бухнулся на стул, закурил и схватил какую-то книжку. Корней внизу гаркнул еще пару раз, а потом слышу — стучит в дверь.

Это у него, между прочим, правильно: хоть он и в своем доме, но никогда не войдет без стука. Это мне нравится. Мы к Гепарду тоже всегда стучали. Но сейчас-то мне было не до этого. «Войдите», — говорю и делаю на лице наивозможнейшую задумчивость, будто я так зачитался, что ничего не вижу и не слышу.

Он вошел, остановился на пороге, прислонился к косяку и смотрит. По лицу ничего не понять. Тут я сделал вид, что спохватился, и притушил окурок. Тогда он заговорил.

— Ну, как Луна? — спрашивает.

Я молчу. Сказать мне нечего. В таких вот случаях мне всегда кажется, что он костерить меня начнет, но этого никогда не бывает. Так вот и сейчас.

— Пойдем-ка, — говорит. — Я тебе кое-что покажу. А потом, может быть, и на Луну смотаемся.

Опять эта Луна! Она мне скоро плешь переест, наверное, эта Луна.

— Слушаюсь, — говорю. И на всякий случай спрашиваю: — Прикажете переодеться?

— А тебе в этом не жарко? — спрашивает он.

Я только усмехнулся. Не смог удержаться. Вот так вопросик!

— Ну, извини, — говорит он, словно мои мысли подслушал. — Пошли.

И повел он меня, куда раньше никогда не водил. Не-ет, ребята, я с этим домом никогда не разберусь. Я даже и не знал, что в этом доме такое есть. В гостиной он ткнулся в стену рядом с книжной нишей — и открылась дверца, а за дверцей оказалась лестница вниз, в подвал. Оказывается, у этого дома еще целый этаж есть, под землей, такой же роскошный и освещен как бы дневным светом, но это не для жилья. У него там что-то вроде музея. Огромная комната, и чего там только нет!

— Понимаешь, Гаг, — говорит он мне с каким-то странным выражением — с грустью, что ли? — Я ведь раньше работал космозоологом, исследовал жизнь на других планетах. Ах, какое это было чудесное время! Сколько миров я повидал, и в каждом новом мире полно диковинных тайн — всей человеческой истории не хватит, наверное, чтобы эти тайны разгадать до конца... Вот посмотри-ка! — Он схватил меня за рукав и поволок в угол, где на черной лакированной подставке был растопырен какой-то странный скелет величиной с собаку. — Видишь, у него два позвончика. Зверь с Нистагмы. Когда мы взяли первый экземпляр, то подумали сначала, что это какое-то уродство. Потом другой такой же, третий... Выяснилось, что на Нистагме обитает целый новый бранч животного мира — двухордовые. Их нет больше нигде... да и на Нистагме только один вид. Откуда он взялся? Почему? Пятьдесят лет с тех пор прошло — никто эту задачу так и не решил... Или вот это...

И пошел, и пошел. Таскал он меня от скелета к скелету, руками размахивал, голос возвышал — я таким его еще не видывал. Здорово, наверное, он любил эту свою космозоологию. Или связаны были у него с ней какие-то особенные воспоминания.

Не знаю. Из того, что он мне говорил, я, конечно, мало что понял и мало что запомнил, да, в общем, и не особенно старался. Какое мне до всего этого дело? Забавно было только на него смотреть, а уж эти зверюги!.. У него их, наверное, штук сто. Либо скелеты, либо целиком, словно бы вплавленные в такие здоровенные прозрачные глыбы (как я понимаю — для особой сохранности), либо просто чучела, как в охотничьем домике у его высочества, а то — одни только головы или шкуры.

Вот во втором зале у него — мы как туда вошли, я даже попятился — вся стена справа завешена одной шкурой. Змеиное молоко! Длиной метров двадцать, в поперечнике метра три, а то и все четыре, аж на потолок краем залезает. И вся эта шкура покрыта не то

пластинами, не то чешуей, и каждая чешуица — с хорошее блюдо, и каждая сияет чистейшим изумрудным светом с красными огоньками, так что весь зал от этой шкуры кажется будто зеленоватым. Я обалдел, глаз не могу оторвать от этого сияния. Это же надо, что на свете бывает! А головка маленькая, в мой кулак, и глаз не видно, а в рот палец не просунешь — как это оно питало свою тушу, непонятно...

Потом смотрю — в конце зала вроде бы еще одна дверь. В темное помещение. Подошли поближе — да, ребята, это, оказывается, не дверь. Это, оказывается, пасть раскрытая. Ей-богу, дверь. И даже не в комнату дверь, а, скажем, в гараж. Или, может быть, в ангар. Называется эта зверюга — тахорг, и добывают ее на планете Пандора. А Корней мимо нее рассеянно этак прошел, как будто это черепаха какая-нибудь или, например, лягушка. А голова ведь — с два вагона хороших, в пасти всю нашу школу разместить можно. Это какое же должно быть тулово при такой голове! И каково его добывать было! Из ракетомета, наверное...

Ну, чего там еще было? Ну, там всякие птицы, насекомые громадные... Нога мне запомнилась. Стоит посередине зала нога. Тоже залита в этот прозрачный материал. Ну, страшная нога, конечно. Выше меня ростом, узловатая, как старое дерево, когти — восемь штук, такие у дракона Гугу изображают, каждый коготь как сабля... Ладно. Замечательно что? Оказывается, кроме такой вот ноги или, скажем, хвоста, ни в одном музее ничего от этого зверя нет. Обитает он на планете Яйла, и сколько лет за ним ни охотятся, а целиком добыть так и не сумели. Пули его не берут, газы его не берут, из любой ловушки он уходит, мертвыми их вообще никогда не видали, а добывают вот так — по частям. У них, оказывается, поврежденные части запросто отваливаются, некоторое время еще как бы живут — скребутся там или дергаются, — ну, потом, конечно, замирают... Да, нога. Я перед этой ногой стоял с раззявленной пастью, что твой тахорг. Велик все-таки Создатель...

Ну, ходим мы вот так, ходим, Корней рассказывает, горячится, а мне уже все это малость надоело, и стал я снова думать о своем. Сначала об этой надписи в коридоре, как мне с ней быть и какие я из нее выводы должен сделать, а потом меня снова чего-то свернуло на Корнея. Почему это, думаю, он один живет? Богатый ведь человек, самостоятельный. Где у него жена, где дети? Вообще-то какая-то женщина у него есть. Первый раз я ее еще в госпитале видел, они там через весь зал перемигивались. А потом она и сюда к нему приходила. То есть как она приходила, я не видел, но вот как он ее провожал, до самой нуль-кабины довел, — это у меня все на глазах было. Только у него с нею настоящего счастья нет. Он ей: «Я жду тебя каждый день, каждый час, всегда». А она ему: «Ненавижу, мол, каждый день, каждый час...» — или что-то в этом роде. Видали? А чего тогда приходила, спрашивается? Только расстроила человека до последней степени. Она в эту кабину — фр-р-р! — и как не было, а он стоит, бедняга, и на лице у него опять эта тоска с болью пополам, как тогда в госпитале, и я наконец вспомнил, у кого такие лица видел: у смертельно раненных, когда они кровью истекают... Нет, у него в личной жизни неудача, я уж на что посторонний человек — простым глазом вижу... Может, он потому и работает днем и ночью, чтобы отвлечься. И бзик этот зоологический у него из-за этого... Отпустит он меня когда-нибудь из этого подпола, или так и будем здесь всю жизнь ходить? Нет, не отпускает. Опять чего-то объяснять начал. Половину-то хоть мы осмотрели? Пожалуй, осмотрели...

Да-а, жило вот все это зверье, поживало за тыщи световых лет от этого места. Горя не знало, хотя имело, конечно, свои заботы и хлопоты. Пришли, сунули в мешок и — в этот музей. С научной целью. И мы вот тоже — живем, сражаемся, историю делаем, врагов ненавидим, себя не жалеем, а они смотрят на нас и уже готовят мешок. С научной целью. Или еще с какой-нибудь. Какая нам, в конце концов, разница? И может быть, стоять нам всем в таких вот подвалах, а они будут около нас руками размахивать и спорить: почему мы такие, и откуда взялись, и зачем. И до того мне вдруг родными сделались все эти зверюги... Ну, не родными, конечно, а как бы это сказать... Вот, говорят,

во время наводнений или там, скажем, когда пожар в джунглях, хищники с травоядными спасаются плечо к плечу и становятся как бы даже друзьями, даже помогают друг другу, я слышал. Вот и у меня такое же появилось чувство. И, как на грех, именно в этот момент я увидел скелет.

Стоит в уголку скромно, без особенной какой-нибудь подсветки, невелик росточком — пониже меня. Человек. Череп, руки, ноги. Что я, скелетов человеческих не видел? Ну, может, грудная клетка пошире, ручки такие маленькие, между пальчиками вроде бы перепонки, и ножки кривоватые. Все равно — человек.

Наверное, что-то с моим лицом тут сделалось, потому что Корней вдруг остановился, посмотрел пристально на меня, потом на этот скелет, потом опять на меня.

— Ты что? — спрашивает. — Не понимаешь что-нибудь?

Я молчу, уставился на этот скелет, а на Корнея стараюсь не глядеть. Я ведь как ждал чего-нибудь такого. А Корней говорит спокойно:

— Да-а, это тот самый знаменитый псевдохомо, тоже знаменитая загадка природы. Ты уже где-нибудь прочитал про него?

— Нет, — сказал я, а сам думаю: сейчас он мне все объяснит. Он очень хорошо мне все объяснит. Да вот стоит ли верить?

— Это удивительная история, — сказал Корней, — и в некотором роде трагическая. Понимаешь, эти существа должны были оказаться разумными. По всем законам, какие нам известны, должны. — Тут он развел руками. — Но — не оказались. Скелет — чепуха, я тебе потом фотографии покажу. Страшно! В прошлом веке научная группа на Тагоре открыла этих псевдохомо. Долго пытались вступить с ними в контакт, наблюдали их в естественных условиях, исследовали и пришли к выводу, что это животные. Звучало это парадоксом, но факт есть факт: животные. Соответственно, с ними и обращались как с животными: держали в зверинце, при необходимости забивали, анатомировали, препарировали, брали скелеты и черепа для коллекций. Как-никак ситуация в научном смысле уникальная. Животное обязано быть человеком, но человеком не является. И вот еще несколько лет спустя на Тагоре обнаруживают пустой город. Мощнейшая цивилизация. Совершенно не похожая ни на нашу земную, ни на вашу — невиданная, совершенно фантастической фактуры, но несомненная. Представляешь, какой это был ужас? Из первооткрывателей один сошел с ума, другой застрелился... И только еще через двадцать лет нашли! Оказалось: да, есть на планете разум. Но совершенно нечеловеческий. До такой степени не похож ни на нас, ни на вас, ни, скажем, на леонидян, что наука просто не могла даже предположить возможность такого феномена... Да... Это была трагедия. — Он вдруг как-то поскукнел и пошел из зала, словно забыв обо мне, но на пороге остановился и сказал, глядя на скелет в углу: — А сейчас есть гипотеза, что это вот — искусственные существа. Понимаешь, тагоряне их создали сами, смоделировали, что ли. Но для чего? Мы ведь так и не сумели найти с тагорянами общего языка... — Тут он посмотрел на меня, хлопнул по плечу и сказал: — Вот так-то, брат-храбрец. А ты говоришь — космозоология...

Не знаю уж, правду он мне рассказал или выдумал все, чтобы мозги мне окончательно замутить, но только охота размахивать руками и излагать мне про всякие загадки природы у него после этого пропала. Пошли мы из музея вон. Он молчит, я тоже, в душе у меня какой-то курятник нечищенный, и таким манером пришли мы к нему в кабинет. Он уселся в свое кресло перед экранами, вынул из воздуха бокал со своей любимой шипучкой, стал тянуть через соломинку, а сам смотрит как бы сквозь меня. В кабинете у него, кроме этих экранов и ненормального количества книг, ничего, в общем-то, и нет. Даже стола у него нет, до сих пор не могу понять, что он делает, когда ему какую-нибудь бумагу надо, скажем, подписать. И нет у него в кабинете ни картин, ни фотографий, ни украшений каких-нибудь. А ведь он богатый человек, мог бы себе позволить. Я бы на его месте, если, скажем, наличности не хватает, шкуру бы эту изумрудную загнал, слуг бы нанял, статуй бы везде расставил, ковры бы навесил — знай

наших... Правда, что с него взять — холостяк. А может быть, ему и по должности не положено роскошествовать. Что я о его должности знаю? Ничего. То-то он музей в подвале держит...

— Слушай, Гаг, — говорит он вдруг, — а ведь тебе, наверное, скучно здесь, а?

Застал он меня этим вопросом врасплох. Кто его знает, как тут надо отвечать. Да и вообще — откуда я знаю, скучно мне здесь или нет? Тоскливо — это да. Неуютно — да. Места себе не нахожу — да. А скучно?.. Вот человеку в окопе под обстрелом — скучно? Ему, ребята, скучать некогда. И мне здесь скучать пока некогда.

— Никак нет, — говорю. — Я свое положение понимаю.

— Ну и как же ты его понимаешь?

— Всецело нахожусь в вашем распоряжении.

Он усмехнулся.

— В моем распоряжении... Ладно, не будем об этом. Я, как видишь, не могу уделять тебе все свое время. Да ты, по-моему, к этому и не стремишься особенно. Стараешься держаться от меня подальше...

— Никак нет, — возражаю я вежливо. — Никогда не забуду, что вы мой спаситель.

— Спаситель? Гм... До спасения еще далеко. А вот не хочешь ли ты познакомиться с одним интересным субъектом?

У меня сердце екнуло.

— Как прикажете, — говорю.

Он подумал.

— Пожалуй, прикажу, — сказал он, поднимаясь. — Пожалуй, это будет полезно.

И с этими непонятными словами подошел он к дальней стене, что-то там сделал, и стена раскрылась. Я глянул и попятился. Что стены у них здесь поминутно раскрываются и закрываются — к этому я уже привык, и это мне уже надоело. Но ведь я что думал? Думал, он меня с этим математиком хочет познакомить, а там — змеиное молоко! — стоит там, ребята, этакий долдон в два с половиной метра ростом, плечищи, ручищи, шея нет совсем, а морда закрыта как бы забралом, частой такой матовой решеткой, а по сторонам головищи торчат то ли фары, то ли уши. Я честно скажу: не будь я в мундире, я бы удрал без памяти. Честно. Я бы и в мундире удрал, да ноги отнялись. А тут этот долдон вдобавок еще произносит густым басом:

— Привет, Корней.

— Привет, Драмба, — говорит ему Корней. — Выходи.

Тот выходит. И опять — чего я ожидал? Что от его шагов весь дом затрясется. Чудище ведь, статуя! А он вышел, как по воздуху выплыл. Ни звука, ни шороха — только что стоял в нише, а теперь стоит посередине комнаты и эти свои уши-фары на меня навел. Я чувствую: за лопатками у меня стена, и отступать дальше некуда. А Корней смеется, бродяга, и говорит:

— Да ты не трусь, не трусь, Бойцовый Кот! Это же робот! Машина!

Спасибо, думаю. Легче мне стало оттого, что это машина, как же!

— Таких мы теперь больше не делаем, — говорит Корней, поглаживая долдона по локтю и сдувая с него какие-то там пылинки. — А вот мой отец с такими хаживал и на Яйлу, и на Пандору. Помнишь Пандору, Драмба?

— Я все помню, Корней, — басит долдон.

— Ну вот, познакомьтесь, — говорит Корней. — Это — Гаг, парень из преисподней. На Земле новичок, ничего здесь не знает. Переходишь в его распоряжение.

— Жду ваших приказаний, Гаг, — басит долдон и как бы в знак приветствия поднимает широченную свою ладонь под самый потолок.

В общем, все кончилось благополучно. А глубокой ночью, когда дом спал, я прокрался в тот самый коридор и под математическими формулами написал: «Кто ты, друг?»

Глава четвертая

Когда они вышли к заброшенной дороге, солнце уже поднялось высоко над степью. Роса высохла, жесткая короткая трава шуршала и похрустывала под ногами. Мириады кузнечиков звенели и кричали вокруг, острый горький запах поднимался от нагретой земли.

Дорога была странная. Совершенно прямая, она выходила из-за мутно-синего горизонта, пересекала круг земли напополам и уходила снова за мутно-синий горизонт, туда, где круглые сутки, днем и ночью, что-то очень далекое и большое невнятно вспыхивало, мерцало, двигалось, вспучивалось и опадало. Дорога была широкая, она матово отсвечивала на солнце, и полотно ее как бы лежало поверх степи массивной, в несколько сантиметров толщиной, закругленной на краях полосой какого-то плотного, но не твердого материала. Гаг ступил на нее и, удивляясь неожиданной упругости, несколько раз легонько подпрыгнул на месте. Это, конечно, не был бетон, но это не был и прогретый солнцем асфальт. Что-то вроде очень плотной резины. От этой резины шла прохлада, а не душный зной раскаленного покрытия. И на поверхности дороги не было видно никаких следов, даже пыли не было на ней. Гаг наклонился и провел рукой по гладкой, почти скользкой поверхности. Посмотрел на ладонь. Ладонь осталась чистой.

— Она сильно усохла за последние восемьдесят лет, — прогудел Драмба. — Когда я видел ее в последний раз, ее ширина была больше двадцати метров. И тогда она еще двигалась.

Гаг соскочил на землю.

— Двигалась? Как двигалась?

— Это была самодвижущаяся дорога. Тогда было много таких дорог. Они опоясывали весь земной шар, и они текли — по краям медленнее, в центре очень быстро.

— У вас не было автомобилей? — спросил Гаг.

— Были. Я не могу вам сказать, почему люди увлеклись созданием таких дорог. Я имею только косвенную информацию. Это было связано с очищением среды. Самодвижущиеся дороги очищали. Они убирали из атмосферы, из воды, из земли все лишнее, все вредное.

— А почему она сейчас не движется? — спросил Гаг. — Ты не можешь ее включить?

— Нет. Дороги управлялись из специальных центров. Самый близкий был довольно далеко отсюда. Но, наверное, этих центров больше нет. Стали не нужны. Я вижу, все очень изменилось. Раньше на этой дороге были толпы людей. Теперь никого нет. Раньше в этом небе в несколько горизонтов шли, шли, шли потоками летательные аппараты. Теперь в небе пусто. Раньше по обе стороны от дороги стояла пшеница в мой рост. Теперь это степь.

Гаг слушал, приоткрыв рот.

— Раньше через мои рецепторы, — продолжал Драмба монотонным голосом, — во всем диапазоне ежесекундно проходили сотни радиоимпульсов. Теперь я не ощущаю ничего, кроме атмосферных разрядов. Сначала мне показалось даже, что я заболел. Но теперь я знаю: я прежний. Изменился мир.

— Может быть, мир заболел? — спросил Гаг живо.

— Не понимаю, — сказал Драмба.

Гаг отвернулся и стал смотреть туда, где горизонт вспыхивал и шевелился. «Черта с два, — угрюмо подумал он. — Как же, заболеют они!»

— А там что? — спросил он.

— Там Антонов, — ответил Драмба. — Это город. Восемьдесят лет назад его не было видно отсюда. Это был сельскохозяйственный город.

— А сейчас?

— Не знаю. Я все время вызываю информаторий, но мне никто не отвечает. Изменились средства связи, Гаг. Все изменилось.

Гаг смотрел на загадочное мерцание, и вдруг из-за горизонта возникло что-то невероятно огромное, похожее на косой парус невообразимых размеров, почти такое же серо-голубое, как небо, может быть — чуть темнее, медленно и величественно описало дугу, словно стрелка часов прошла по циферблату, и снова скрылось, растворилось в туманной дымке. Гаг перевел дух.

— Видел? — спросил он шепотом.

— Видел, — сказал Драмба удрученно. — Не знаю, что это такое. Раньше такого не было.

Гаг зябко передернул плечами.

— Толку от тебя... — проворчал он. — Ладно, пошли домой.

— Вы хотели посетить ракетодром, — напомнил Драмба.

— Господин! — резко сказал Гаг.

— Не понимаю...

— Когда обращаешься ко мне, изволь добавлять «господин»!

— Понял, господин.

Некоторое время они шли молча. Кузнечики сухими брызгами разлетались из-под ног. Гаг искоса поглядывал на бесшумного колосса, который плавно покачивался рядом с ним. Он вдруг заметил, что около Драмбы, совсем как давеча около дороги, держится своя атмосфера — свежести и прохлады. Да и сделан был Драмба из чего-то похожего: такой же плотно-упругий, и так же матово отсвечивали кисти его рук, торчащие из рукавов синего комбинезона. И еще Гаг заметил, что Драмба все время держится так, чтобы быть между ним и солнцем.

— Ну-ка Расскажи еще раз про себя, — приказал Гаг.

Драмба повторил, что он — робот-андроид номер такой-то из экспериментальной серии экспедиционных роботов, сконструирован тогда-то (около ста лет назад — ничего себе старикашечка!), задействован тогда-то. Работал в таких-то экспедициях, на Яйле претерпел серьезную аварию, был частично разрушен; реконструирован и модернизирован тогда-то, но больше в экспедициях не участвовал...

— В прошлый раз ты говорил, что пять лет простоял в музее, — прервал его Гаг.

— Шесть лет, господин. В Музее истории открытий в Любеке.

— Ладно, — проворчал Гаг. — А потом восемьдесят лет ты торчал в этой нише у Корнея...

— Семьдесят девять, господин.

— Ладно-ладно, нечего меня поправлять... — Гаг помолчал. — Скучно, наверное, было стоять?

— Я не знаю, что такое «скучно», господин.

— Ну а что ты там делал?

— Стоял, ждал приказаний, господин.

— Приказаний... Но ты хоть рад сейчас, что тебя выпустили?

— Не понимаю вопроса, господин.

— Экая дубина... Впрочем, это никого не интересует. Ты мне лучше вот что скажи. Чем ты отличаешься от людей?

— Я всем отличаюсь от людей, господин. Химией, принципом системы управления и контроля, назначением.

— Ну и какое у тебя, у дубины, назначение?

— Выполнять все приказания, которые я способен выполнить.

— Хе!.. А у людей какое назначение?

— У людей нет назначения, господин.

— Долдон ты, парень! Деревня. Что бы ты понимал в настоящих людях?

— Не понимаю вопроса, господин.

— А я тебя ни о чем и не спрашиваю пока.

Драмба промолчал.

Они шагали через степь, все больше уклоняясь от прямой дороги к дому, потому что Гагу стало вдруг интересно посмотреть, что за сооружение торчит на небольшом холме справа. Солнце было уже высоко, над степью дрожал раскаленный воздух, душный острый запах травы и земли все усиливался.

— Значит, ты готов выполнить любое мое приказание? — спросил Гаг.

— Да, господин. Если это в моих силах.

— Ну, хорошо... А если я прикажу тебе одно, а... м-м-м... кто-нибудь еще — совсем противоположное? Тогда что?

— Не понял, кто отдает второе приказание.

— Ну... м-м-м... Да все равно кто.

— Это не все равно, господин.

— Ну, например, Корней...

— Я выполню приказ Корнея, господин.

Некоторое время Гаг молчал. «Ах ты, скотина, — думал он. — Дрянь этакая».

— А почему? — спросил он наконец.

— Корней старше, господин. Индекс социальной значимости у него гораздо выше.

— Что еще за индекс?

— На нем больше ответственности перед обществом.

— А ты откуда знаешь?

— Уровень информированности у него значительно выше.

— Ну и что же?

— Чем выше уровень информированности, тем больше ответственности.

«Ловко, — подумал Гаг. — Не придерешься. Все верно. Я здесь как дитя малое. Ну, мы еще посмотрим...»

— Да, Корней — великий человек, — сказал он. — Мне до него, конечно, далеко. Он все видит, все знает. Вот мы сейчас идем с тобой, болтаем, а он небось каждое наше слово слышит. Чуть что не так, он нам задаст...

Драмба молчал. Шут его знает, что происходило в его ушастой башке. Морды, можно сказать, нет, глаз нет — ничего не понять. И голос все время одинаковый...

— Правильно я говорю?

— Нет, господин.

— Как так — нет? По-твоему, Корней может чего-нибудь не знать?

— Да, господин. Он задает вопросы.

— Сейчас, что ли?

— Нет, господин. Сейчас у меня с ним нет связи.

— Что же он, по-твоему, не слышит, что ты сейчас говоришь? Или что я тебе говорю? Да он, если хочешь знать, даже наши мысли слышит! Не то что разговоры...

— Понял вас, господин.

Гаг посмотрел на Драмбу с ненавистью.

— Что ты понял, раздолбай?

— Понял, что Корней располагает аппаратурой для восприятия мыслей.

— Кто тебе сказал?

— Вы, господин.

Гаг остановился и плюнул в сердцах. Драмба тоже сейчас же остановился. Эх, садануть бы ему промеж ушей, да ведь не достанешь. Это надо же, какая дубина! Или притворяется? Спокойнее, Кот, спокойнее! Хладнокровие и выдержка.

— А до меня ты этого не знал, что ли?

— Нет, господин. Я ничего не знал о существовании такой аппаратуры.

— Так ты что же, дикобраз, хочешь сказать, что такой великий человек, как Корней, не видит нас сейчас и не слышит?

— Прошу уточнить: аппаратура для восприятия мыслей существует?

— Откуда я знаю? Да и не нужно аппаратуры! Ты ведь умеешь передавать изображение, звук...

— Да, господин.

— Передаешь?

— Нет, господин.

— Почему?

— Не имею приказа, господин.

— Хе... Приказа не имеешь, — проворчал Гаг. — Ну, чего встал? Пошли!

Некоторое время они шли молча. Потом Гаг сказал:

— Слушай, ты! Кто такой Корней?

— Не понимаю вопроса, господин.

— Ну... какая у него должность? Чем он занимается?

— Не знаю, господин.

Гаг снова остановился.

— То есть как это не знаешь?

— Не имею информации.

— Он же твой хозяин! Ты не знаешь, кто твой хозяин?

— Знаю.

— Кто?

— Корней.

Гаг стиснул зубы.

— Странно как-то у тебя получается, Драмба, дружок, — сказал он вкрадчиво. — Корней — твой хозяин, ты у него восемьдесят лет в доме и ничего о нем не знаешь?

— Не так, господин. Мой первый хозяин — Ян, отец Корнея. Ян передал меня Корнею. Это было тридцать лет назад, когда Ян удалился, а Корней выстроил дом на месте лагеря Яна. С тех пор Корней мой хозяин, но я с ним никогда не работал и потому не знаю, чем он занимается.

— Угу... — произнес Гаг и двинулся дальше. — Значит, ты про него вообще ничего не знаешь?

— Это не так. Я знаю про него очень много.

— Рассказывай, — потребовал Гаг.

— Корней Янович. Рост — сто девяносто два сантиметра, вес по косвенным данным — около девяноста килограммов, возраст по косвенным данным — около шестидесяти лет, индекс социальной значимости по косвенным данным — около ноль девять...

— Подожди, — ошеломленно сказал Гаг. — Заткнись на минутку. Ты о деле говори, что ты мне бубнишь!

— Не понял приказа, господин, — немедленно откликнулся Драмба.

— Н-ну... например, женат или нет, какое образование... дети... Понял?

— Сведений о жене Корнея не имею. Об образовании — тоже. — Робот сделал паузу. — Имею информацию о сыне: Андрей, около двадцати пяти лет.

— О жене ничего не знаешь, а о сыне, выходит, знаешь?

— Да, господин. Одиннадцать лет назад получил приказ перейти в распоряжение подростка, по косвенным сведениям четырнадцати лет, которого Корней называл «сын» и «Андрей». Находился в его распоряжении четыре часа.

— А потом?

— Не понял вопроса, господин.

— Потом ты его видел когда-нибудь?

— Нет, господин.

— Поня-атно, — задумчиво произнес Гаг. — Ну и чем вы с ним занимались эти четыре часа?

— Мы разговаривали. Андрей расспрашивал меня о Корнее.

Гаг споткнулся.

— Что ты ему сказал?

— Все, что знал: рост, вес. Потом он меня прервал. Потребовал, чтобы я рассказал ему о работе Яна на других планетах.

Да-а. Такие, значит, дела. Ну, это нас не касается. Но какова дубина! Уж о доме его и спрашивать нечего, ясно, что ничего не знает. Все планы мои разрушил, бродяга... Зачем же все-таки Корней мне его подсунул? Неужели я ошибаюсь? Вот дьявол, как же мне его проверить? Мне ведь шагу нельзя будет ступить, если я его не проверю!

— Напоминаю, — подал голос Драмба, — что вы намеревались отправиться домой.

— Ну, намеревался. А в чем дело?

— Мы все больше уклоняемся от оптимального курса, господин.

— Тебя не спросили, — сказал Гаг. — Я хочу посмотреть, что это там за штука на холме...

— Это обелиск, господин. Памятник над братской могилой.

— Кому? — с живостью спросил Гаг.

— Героям последней войны. Сто лет назад археологи обнаружили в этом холме братскую могилу.

Посмотрим, подумал Гаг и ускорил шаг. Дерзкая и даже страшная мысль пришла ему в голову. Рискованно, подумал он. Ох, сорвут мне башку! А за что? Откуда мне знать, что к чему? Я здесь человек новый, ничего этого не понимаю и не знаю... Да и не выйдет, наверное, ничего. Но уж если выйдет... Если выйдет — тогда верняк. Ладно, попробуем.

Холм был невысокий, метров двадцать — двадцать пять, и еще на столько же возвышалась над ним гранитная плита, отполированная до глади с одной стороны и грубо стесанная со всех остальных. На полированной поверхности вырезана была надпись — старинными буквами, которых Гаг не знал. Так. Гаг обошел обелиск и вернулся в тень. Сел.

— Рядовой Драмба! — сказал он негромко.

Робот повернул к нему ушастую голову.

— Когда я говорю «рядовой Драмба», — по-прежнему негромко произнес Гаг, — надо отвечать: «Слушаю, господин капрал».

— Понял, господин.

— Не господин, а господин капрал! — заорал Гаг и вскочил на ноги. — Господин капрал, понял? Корыто деревенское!

— Понял, господин капрал.

— Не понял, а так точно!

— Так точно, господин капрал!

Гаг подошел к нему вплотную, подбоченился и снизу вверх уставился в непроницаемую матовую решетку.

— Я из тебя сделаю солдата, дружок, — произнес он ласково-зловещим голосом. — Как стоишь, бродяга? Смир-рна!

— Не понял, господин капрал, — монотонно прогудел Драмба.

— По команде «смирно» надлежит сомкнуть пятки и развернуть носки, выпятив грудь как можно далее вперед, прижав ладони к бедрам и оттопырив локти... Вот так. Неплохо... Рядовой Драмба, вольно! По команде «вольно» надлежит отставить ногу и заложить руки за спину... Так. Уши твои мне не нравятся. Уши можешь опустить?

— Не понял, господин капрал.

— Вот эти штуки свои, которые торчат, можешь опустить по команде «вольно»?

— Так точно, господин капрал. Могу. Но буду хуже видеть.

— Ничего, потерпишь... А ну-ка, попробуем... Рядовой Драмба, смирно! Вольно! Смирно! Вольно!..

Гаг вернулся в тень обелиска и сел. Да, таких бы солдат хотя бы взвод. На лету схватывает. Он представил себе взвод таких вот драмб на позиции у той дереушки.

Облизнул сухие губы. Да, такого дьявола, наверное, ракетой не прошибешь. Я только вот чего все-таки не понимаю: думает этот долдон или нет?

— Рядовой Драмба! — гаркнул он.

— Слушаю, господин капрал.

— О чем думаешь, рядовой Драмба?

— Ожидаю приказания, господин капрал.

— Молодец! Вольно!

Гаг вытер пальцами капельки пота, выступившие на верхней губе, и сказал:

— Отныне ты есть солдат его высочества герцога Алайского. Я — твой командир. Все мои приказания для тебя закон. Никаких рассуждений, никаких вопросов, никакой болтовни! Ты обязан с восторгом думать о той минуте, когда наступит счастливый миг сложить голову во славу его высочества...

Болван, наверное, половины не понимает, ну да ладно. Важно вбить ему в башку основы. Дурь из него вышибить. А понимает он там или не понимает — дело десятое.

— Все, чему тебя учили раньше, забудь. Я твой учитель! Я твой отец и твоя мать. Только мои приказы должны выполняться, только мои слова могут быть для тебя приказом. Все, о чем я говорю с тобой, все, что я тебе приказываю, есть военная тайна. Что такое тайна — знаешь?

— Нет, господин капрал.

— Гм... Тайна — это то, о чем должны знать только я и ты. И его высочество, разумеется.

Крутовато я взял, подумал он. Рано. Деревня ведь. Ну ладно, там видно будет. Надо его сейчас погонять. Пусть с него семь потов сойдет, с бродяги.

— Смир-рна! — скомандовал он. — Рядовой Драмба, тридцать кругов вокруг холма — бегом марш!

И рядовой Драмба побежал. Бежал он легко и как-то странно, не по уставу и вообще не по-людски — не бежал даже, а летел огромными скачками, надолго зависая в воздухе, и при этом по-прежнему держал ладони прижатыми к бедрам. Гаг, приоткрыв рот, следил за ним. Ну и ну! Это было похоже на сон. Совершенно бесшумный полубег-полулёт, ни топота, ни хриплого дыхания, и не оступится ведь ни разу, а там же кочки, камни, норы... и ведь поставь ему на голову котелок с водой — не расплескает ни капли! Какой солдат! Нет, ребята, какой солдат!

— Быстрее! — гаркнул он. — Шевелись, тараканья немочь!

Драмба сменил аллюр. Гаг замигал: у Драмбы исчезли ноги. Вместо ног под совершенно вертикальным туловищем видно было теперь только туманное мерцание, как у пропеллера на больших оборотах. Земля не выдерживала, за гигантом потянулась, темнея и углубляясь на глазах, взрытая борозда, и появился звук — шелестящий свист рассеяемого воздуха и дробный шорох оседающей земли. Гаг еле успевал поворачивать голову. И вдруг все кончилось. Драмба снова стоял перед ним по стойке «смирно» — неподвижный, огромный, дышащий прохладой. Будто и не бежал вовсе.

Да-а, подумал Гаг. С такого, пожалуй, сгонишь пот... Но в разум-то я его привел или нет? Ладно, рискнем. Он посмотрел на обелиск. Гадко это, вот что. Солдаты ведь лежат... Герои. За что они там дрались, с кем дрались — этого я толком не понял, но как они дрались — я видел. Дай бог нам всем так драться в наш последний час. Ох, не зря Корней показал мне эти фильмы. Ох, не зря... В душе у Гага шевельнулся суеверный ужас. Неужели этот лукавый Корней еще тогда предвидел такую вот мою минуту? Да нет, ерунда, ничего он не мог предвидеть, не господь же он бог все-таки... Просто хотел тоненько мне намекнуть, с чьими потомками я имею дело... А они здесь лежат. Сколько веков уже они здесь лежат, и никто их не тревожил. Будь они живы — не допустили бы, шуганули бы меня отсюда... Ну ладно, а если бы это были крысоеды? Нет, пожалуй, все равно гадко... И потом, что за ерунда: крысоеды — труссы, вонючки. А это же солдаты были, я же своими глазами видел! Тьфу, пропасть, даже тошнит... А если бы здесь Гепард

стоял рядом? Доложил бы я ему свое решение — что бы он мне сказал? Не знаю. Знаю только, что его бы тоже замутило. Тут бы всякого замутило, если он, конечно, человек, а не мешок с навозом. Да только мало ли от чего солдата мутит? Кишки с шоссе соскребать — тоже мутило... Нет, Кот, кишки — это другое дело. Здесь — символ! Честь!

Он посмотрел на Драмбу. Драмба стоял по стойке «смирно», равнодушно поводя глазами-ушами. А что мне остается-то? Мыслишка-то правильная! Гаденькая — не спорю. Скользкая. Другому и в другое время я бы за такую мыслишку сам по рылу бы дал. А мне деваться некуда. Мне такой случай, может, никогда больше не представится. Сразу все проверю. И этого дурака проверю, и насчет наблюдения... Тут в том-то все и дело, что гадко. Тут бы никто не удержался, сразу бы за руку меня схватил, если бы мог. Ладно, хватит слюни распускать. Я это не для собственного удовольствия затеваю. Я не паразит какой-нибудь. Я — солдат и делаю свое солдатское дело как умею. Простите меня, братья-храбрецы. Если можете.

— Рядовой Драмба! — произнес он дребезжащим голосом.

— Слушаю, господин капрал.

— Приказ! Повалить этот камень! Выполняй!

Он отскочил в сторону, не чуя под собой ног. Если бы здесь был окоп, он прыгнул бы в окоп.

— Живо! — завизжал он, срывая голос.

Когда он разжмурился, Драмба уже стоял, наклонившись, перед обелиском. Огромные руки-лопаты скользнули по граниту и погрузились в пересохшую землю. Гигантские плечи зашевелились. Это длилось секунду. Робот замер, и Гаг вдруг с ужасом увидел, что его могучие ноги как бы оплывают, укорачиваются на глазах, превращаясь в короткие, толстые, расплющенные внизу тумбы. А потом холм дрогнул. Послышался пронзительный скрип, и обелиск едва заметно накренился. И тогда Гаг не выдержал.

— Стой! — заорал он. — Отставить!

Он кричал еще что-то, уже не слыша самого себя, ругаясь по-русски и по-алайски, никакой нужды не было в этом крике, и он уже понимал это и все-таки кричал, а Драмба стоял перед ним по стойке «смирно», монотонно повторяя: «Слушаю, господин капрал, слушаю, господин капрал...»

Потом он опомнился. Саднило в глотке, все тело болело. Спотыкаясь, он обошел обелиск кругом, трогая гранит дрожащими пальцами. Все было как прежде, только у основания, под непонятной надписью, зияли две глубокие дыры, и он принялся судорожно забивать в них землю каблуками.

Глава пятая

Всю ночь я не мог заснуть. Крутился, вертелся, курил, в сад высовывался для прохладения. Нервы, видимо, разгулялись после всего. Драмба торчал в углу и светился в темноте. В конце концов я его выгнал — просто так, чтобы злость сорвать. В голову лезла всякая чушь, картинки всякие, не относящиеся к делу. А тут еще эта койка подлая — я ее засек, что она норовит все время превратиться в этакое мягкое ложе, на каких здесь все, наверное, спят, да еще, подлюга, посягает меня укачивать. Как младенца.

Вообще-то не в том беда, что я заснуть не мог, — я по трое суток могу не спать, и ничего со мной не делается. А главное, что я думать не мог по-человечески. Ничего не соображал. Добился я вчера своего или не добился? Могу я Драмбе теперь доверять или нет? Не знаю. Следит за мной Корней или нет? Опять же не знаю. Вчера после ужина заглянул я к нему в кабинет. Сидит он перед своими экранами, на каждом экране — по рылу, а то и по два, и он со всеми этими рылами разговаривает. Меня как ножом ткнули. Представил я себе, как бешусь там на холме, истерику закатываю, а он сидит себе здесь в прохладе, смотрит на все это через экран и хихикает. Да еще, может быть, Драмбе радирует: валяй, мол, разрешаю... Нет, про себя я точно знаю, что я бы так не мог. Чтобы

на моих глазах оскверняли святыню моего народа, а я бы при этом хихикал и на экранчик смотрел — нет, у меня бы так не получилось. Я вам не крысоед.

Но ведь и Корней вроде бы не крысоед! Я всяких крысоедов насмотрелся, и алайских наших, и имперских, а такого видеть не приходилось. А с другой стороны, что я о нем знаю? Мягко стелет, сладко кормит... больше ведь ничего. А если у него такое задание, сказано ему: любой, мол, ценой... Не знаю, не знаю. Давеча, когда я вернулся, он меня сначала встретил как всегда, потом присмотрелся, насторожился и принялся расспрашивать, что да как. Отец родной, да и только. Я ему опять соврал, что башка болит. От степных запахов. Но он, по-моему, мне не поверил. Виду не подал, конечно, но не поверил. А я весь вечер за ним следил: будет он Драмбу допрашивать или нет. Нет, не допрашивал. Даже не поглядел на него... Ох, ребята, бедная моя голова! Хоть ложись на спинку, и пусть несет, куда несет.

Так промаялся я до самого рассвета. Ложился, вскакивал, кружил по комнате, опять ложился, в окно высовывался, башку в сад свешивал, и в конце концов меня, видно, сморило — задремал я, положив ухо на подоконник. Проснулся весь в поту и сразу услышал это самое хриплое мяуканье — мррряу-мррряу-мррряу, — словно самого дьявола ангелы небесные душат голыми руками в преисподней, и мне в лицо из сада фукнуло горячим, как бы шипучим ветром. Я еще глаз как следует не разлепил, а уже сижу на полу, рукой шарю автомат и высматриваю поверх подоконника, как из-за бруствера. И в этот раз я все увидел, как это у них делается, с самого начала и до самого конца.

Над моей круглой поляной, правой бассейна, загорелась в сумерках яркая точка, и потек от нее вниз и в стороны словно бы жидкий лиловатый свет, еще прозрачный, еще кусты сквозь него видно, а он все течет, течет и вот уже заполнил здоровенный такой конус вроде химической банки в четыре метра высотой, заполнил и тут же стал отвердевать, остывать, меркнуть, и вот уже стоит на поляне ихний звездолет класса «призрак», каким я его увидел в первый раз. И тишина. Первобытная. Даже птицы замолчали. Над поляной — рассветное серо-голубое небо, вокруг поляны — черные кусты и деревья, а посередине поляны — это серебристое чудище, и никак я не могу понять, то ли оно живое, то ли оно вещь.

Потом что-то слабо треснуло, раскрылась в нем черная пасть, звякнуло, зашипело, и выбрался оттуда человек. То есть это я сначала подумал, что человек: руки у него были, ноги. Голова. Весь он был какой-то черноватый, что ли... либо закоптило его, либо обгорел... и весь он был обвешан оружием. Я такого оружия, ребята, никогда не видывал, но с первого взгляда мне ясно стало, что это именно оружие. Оно свисало у него с обоих плеч и с пояса и лязгало и брякало на каждом шагу. По сторонам он не глядел, а двинулся прямо к крыльцу, как в собственный дом, и шагал как-то странно, но я не сразу понял, в чем тут дело, потому что глаз не мог оторвать от его лица. Оно у него тоже было черноватое, обгорелое, блестело и отсвечивало, и вдруг он поднял обе руки и принялся его с себя сдирать, как маску, — да это, видно, и была маска, потому что он в две секунды с нею управился и с размаху шмякнул ее оземь. И тут меня прошибло потом в другой раз, потому что под этим черноватым, обгорелым, липким и лакированным у него оказалось второе лицо, уже не человеческое — белое, как камень, безносое, безгубое, а глаза — как плоски и светятся. Я на это лицо только взглянул и сразу понял: не могу. Стал глядеть ему на ноги — еще хуже. У него ведь почему такая странная походка была? Он по этой густой траве, по твердой земле шел, как мы с вами шли бы по зыбучему песку или, скажем, по трясине — на каждом шагу проваливался по щиколотку, а то и глубже. Не держала его земля, подавалась...

У крыльца он приостановился на секунду и разом стряхнул с себя всю свою амуницию. Залязгала она, загрохотала, а он шагнул в дверь — и снова тишина. И пусто. Как в бреду. И звездолета уже нет, словно и не было никогда. Только черные дыры от поляны до дома да груда невиданного оружия у крыльца. Все.

Очень мне захотелось протереть глаза, ущипнуть себя за ляжку и все такое, но я этого делать не стал. Я ведь Бойцовый Кот, ребята. Я весь этот бред от себя отmel. Не впервой. Я только главное оставил: оружие! Впервые я здесь увидел оружие. Я даже одеваться не стал — как был, в одних трусах, махнул через подоконник со второго этажа.

Роса была обильная, ноги мои моментально стали мокрые выше колен, и продрал меня озноб — то ли от этой сырости, то ли, опять же, от нервов. Около крыльца я присел на корточки и прислушался. Тихо, по-нормальному тихо, по-утреннему. Птички завозились, сверчок какой-то заскрипел. Мне до этого дела не было, я ждал голоса услышать. Нет, не слышно голосов. В этом доме ведь всегда так: не должно быть голосов — галдят, бормочут, переругиваются, причем кто — неизвестно, потому что Корнея в доме нет, шляется где-то, беса тешит. А вот когда, как сейчас, должны люди — или даже пусть не совсем люди, — но должны же они здороваться, друг друга по спинам хлопать, восклицать что-нибудь приветственное! Нет, тут у них будет тишина. Могила. Ладно.

И вот сижу я на корточках и смотрю на эти штучки, которые передо мной лежат, даже на вид тяжеленные, гладкие, масляные, надежные. Никогда я таких не видел ни на картинках, ни в кино. Большой, видно, убойной силы аппараты, да вот беда, непонятно, с какой стороны к ним подступиться, за какое место их брать и на что в них нажимать. И даже прикасаться к ним как-то боязно: того и гляди — ахнет, костей не соберешь.

В общем, я растерялся, и это было плохо, потому что на самом-то деле мне следовало бы сразу хватать что-нибудь и рвать когти. Ну, Гаг, давай! Давай быстро! Вот эту коротышку: ствол есть, вместо дула, правда, стекляшка какая-то, зато и рукоятка вроде бы есть, два плоских магазина по сторонам ствола торчат... Все. Нет у меня больше времени. Потом разберусь. Протянул я руку и осторожно взялся за рукоятку. И тут произошла со мной странная вещь.

Взялся я, значит, за рукоятку. Рубчатая такая, теплая. Пальцы сомкнул. Тяну на себя. Осторожно, чтобы не брякнуло. Тяжесть даже почувствовал. А в кулаке — ничего. Сижу, как пьяный, гляжу на пустой кулак, а машинка эта как лежала на ступеньке, так и лежит. Я сгоряча ее хватать поперек — и опять под пальцами металл, твердое, тяжелое. Рванул на себя — опять ничего.

И захотелось мне тут заорать во весь голос. Еле сдержался. Посмотрел на ладонь — ладонь в масле. Вытер ее о траву, поднялся. Разочарование, конечно, страшное. Все у них учтено, все рассчитано и предусмотрено, у гадов. Перешагнул я через эту грудку бесполезного для меня железа и пошел в дом. Вижу: в холле, в углу, торчит Драмба. Зашевелил своими ушами, уставился, а мне на него и смотреть было противно. И уже хотел я подняться к себе, как вдруг подумал: а что, если... В конце концов, не все ли равно, у кого в руках будет машинка, у меня или у этого долдона?

— Рядовой Драмба, — сказал я негромко.

— Слушаю, господин капрал, — отозвался он как положено.

— А ну-ка, иди за мной.

Вышли мы обратно на крыльцо. Оружие лежит, никуда не делось.

— Поддай мне вот эту, крайнюю, — говорю. — Только осторожно.

— Не понял, господин капрал, — гудит эта дубина.

— Чего ты не понял?

— Не понял, что именно приказано подать.

Провались ты! Мне-то откуда знать, как это называется?

— Как называются эти предметы? — спрашиваю.

Драмба заработал ушами и рапортует:

— Трава, господин капрал. Ступени...

— А на ступенях? — спрашиваю я и чувствую, что меня мороз по коже начинает продирать.

— На ступенях пыль, господин капрал.

— А еще?

Впервые Драмба промедлил с ответом. Долго молчал. У него, видно, тоже шестеренка за шестеренку зашла, как и у меня.

— Еще на ступеньках имеются: господин капрал, рядовой Драмба, четыре муравья... — Он снова помедлил. — А также всевозможные микроорганизмы.

Он их не видел! Понимаете? Не видел! Микроорганизмы он видел, а железяки эти метровой длины видеть ему было не положено. Ему их видеть не положено, а мне — брать. Все, все предусмотрели! И тут я с досады, не сообразив, маханул босой ногой по самой здоровенной железяке, что на крыльце валялась. Взвыл я, палец отшиб начисто, ноготь сломал. А железяка как лежала, так и осталась лежать. Все. Это уже было последней каплей. Захромал я к себе, зубами скриплю, чуть не плачу, кулаки стиснул. Пришел, повалился на койку, и взяло меня отчаяние, какого не испытывал я аж с того дня, когда пришел на побывку домой и увидел, что не то что дома моего — всего квартала нет, одни горелые кирпичи громоздятся и душит гарью. Почудилось мне в эти черные минуты, что никуда я не годен, ничего я не могу здесь сделать, в этом сытом и лукавом мире, где каждый мой шаг рассчитан и предусмотрен на сто лет вперед. И вполне может быть, что каждое мое действие, какое я еще только собираюсь совершить, они уже знают, как пресечь и обратить себе на пользу.

И чтобы разогнать мрак, я стал вспоминать самое светлое, самое счастливое, что было в моей жизни, и вспомнил тот морозный ясный день, столбы дыма, которые поднимались в зеленое небо, и треск пламени, пожирающего развалины, серый от сажи снег на площади, окоченевшие трупы, изуродованный ракетомет в огромной воронке... а герцог идет вдоль нашей шеренги, мы еще не успели остыть, глаза еще заливают пот, ствол автомата обжигает пальцы, а он идет, тяжело опираясь на руку адъютанта, и снег скрипит под его мягкими красными сапожками, и каждому из нас он внимательно заглядывает в глаза и говорит негромко слова благодарности и ободрения. А потом он остановился. Прямо передо мной. И Гепард, которого я не видел, — я никого не видел, кроме герцога, — назвал мое имя, и герцог положил мне руку на плечо и некоторое время смотрел мне в глаза, и лицо у него было желтое от усталости, иссеченное глубокими морщинами, а вовсе не гладкое, как на портретах, веки красные и воспаленные, и мерно двигалась тяжелая, плохо выбритая челюсть. И все еще держа свою правую руку у меня на плече, он поднял левую и щелкнул пальцами, и адъютант поспешно вложил в эти пальцы черный кубик, а я все еще не верил своему счастью, не мог поверить, но герцог произнес низким хриплым голосом: «Открой пасть, Котенок...» — и я зажмурился и открыл рот изо всех сил, почувствовал на языке шершавое и сухое и стал жевать. Волосы встали дыбом у меня под каской, из глаз покатались слезы. Это был личный его высочества жевательный табак пополам с известью и сушеной горчицей, а герцог хлопал меня по плечу и говорил растроганно: «О эти сопляки! Мои верные, непобедимые сопляки!...»

И тут я поймал вдруг себя на том, что улыбаюсь во всю морду. Не-ет, господа, еще не все кончено. Верные, непобедимые сопляки не подведут. Не подводили там, не подведут и здесь. Повернулся я на бок и заснул, чем и кончилось это мое приключение.

Это кончилось, зато другие начались, потому что тихий наш домик вдруг зашевелился. Раньше было как? Позавтракаем мы с Корнеем, потреплемся минут двадцать о том о сем, и все, до самого обеда я один. Хочешь — спи, хочешь — книжки читай, хочешь — голоса слушай. А тут — не знаю, то ли кто-то этот ихний гадючник разворошил, то ли у них передышка какая кончилась, но только стало в нашем домике тесно.

А началось все с того, что отправился я в тот коридор посмотреть, как там моя переписка. Честно говоря, ничего нового я увидеть не ожидал, однако смотрю — хо! — отозвался мой математик. Прямо под моим вопросом теми же аккуратными меленькими буквами было выведено: «Твои друзья в аду». Вот тебе и на! Что же это получается? «Кто ты, друг?» — «Твои друзья в аду». Значит, их тут несколько... Почему же не пишут, кто они? Боятся? И почему в аду? Нормальному человеку тут, конечно, несладко

приходится, но — в аду... Я посмотрел на эту крашеную дверь. Может быть, там тюрьма? Или что-нибудь похуже? Что же вы, ребята, толком ничего не сумели написать? Не-ет, этот коридорчик надо взять под наблюдение. Но это потом, а что мне сейчас написать? Чтобы они сразу все про меня поняли... Ч-черт, математики этой я не знаю. Может быть, у них в этой формуле все зашифровано. Напишу-ка я им, кто я есть, чтобы они знали, с кем имеют дело и на что я годен. Напишу я им... Я достал припасенный огрызок карандаша и нацарапал печатными буквами: «Бойцовый Кот нигде не пропадет». Очень мне понравилось, как я это придумал. Любому ясно, что я — Кот, что я бодр и готов к действию. Парашютистов этих я в гробу видал, ничего они мне здесь не сделают. А если это ловушка и затеял эту переписку Корней — что ж, пожалуйста, ничего такого я не написал.

Ладно. За коридорчиком этим мы понаблюдаем. А сейчас пришла пора посмотреть, что же у них за этой дверью. Недолго думая, взялся я за ручку и потянул ее на себя. Открылась. Я думал — там комната какая-нибудь будет, или коридор, или лестница... ну что у людей за дверями бывает? Так вот, там ничего этого не было. Камера там была. Три на три. Стены черные, матовые. В стене напротив торчит круглая красная кнопка. И все. Ничего больше в этой камере не было. Я когда эту камеру увидел, мне сразу расхотелось в нее заходить. Да ну их, думаю, к шутам, чего я в этом склепе не видел? Кнопок красных я не видел, что ли?

Стою я в нерешительности и вдруг слышу сзади — голоса. Близко. Можно сказать, рядом. Ну, думаю, кажется, влип. Захлопнул дверь, зубы стиснул, оборачиваюсь. Переднему по горлу и — в сад, думаю, а там ищи меня, свищи...

Но оказалось, что это не парашютисты. Выворачивает в коридор из-за угла какой-то человек с тележкой, с этакой платформой на колесиках. Я засунул руки в карманы и этакой ленивой походочкой двинулся навстречу. Коридор широкий, разминемся спокойно. А он уже близко со своей тележкой. Глянул на него — змеиное молоко! — черный! Мне сперва даже показалось, что у него вообще головы нет, потом, конечно, присмотрелся и вижу: есть голова. Но черная. То есть вся черная! Не только волосы, но и щеки, уши, лоб, а губы красные, толстые, белки глаз так и сверкают, и зубы тоже. Это с какой же планеты его занесло сюда такого? Я прижался к стене, уступая дорогу изо всех сил, — проходи, мол, не задерживайся, только не трогай... Не тут-то было. Конечно же, он вместе со своей тележкой останавливается около меня, ослепляет меня своими белками и зубами и хриплым нутряным голосом произносит:

— По-моему, это типичный алаец...

Я сглотнул, киваю.

— Так точно, — говорю. — Алаец я.

И он начинает говорить со мной по-алайски, но уже не хриплым басом, а приятным таким, нормальным голосом — тенором или, я не знаю там, баритоном.

— Ты, — говорит, — наверное, Гаг. Бойцовый Кот.

— Так точно, — говорю.

— Ты, — спрашивает, — из Центра сейчас?

Ну что я ему отвечу?

— Н-никак нет, — говорю. — Я сам по себе...

Я уже разглядел его и вижу, что человек как человек. Ну, черный... Ну и что? У нас на островах голубые живут, и никто им в нос не тычет. Одет нормально, как все здесь одеваются, — рубашка навывпуск, короткие штаны. Только черный. Весь.

— Ты, может быть, Корней ищешь? — спрашивает он.

Участливо так спрашивает. Совсем как Корней.

— Вид у тебя какой-то взъерошенный, — говорит.

— Да нет, — отвечаю я с досадой. — Это я вспотел просто. Жарко тут у вас...

— А-а... Так ты бы мундир свой снял, что ты в нем преешь... А Корней ты пока лучше не ищи, Корней сейчас занят до предела...

Чисто так говорит по-алайски, между прочим, грамотно, и выговор у него такой столичный, с придыханием. Стильно говорит. Ну, объясняет он мне что-то про Корнея, где сейчас Корней и чем он занимается, а я все поглядываю на его тележку и, честно вам скажу, ребята, ничего уже не слышу, что он там мне говорит.

Значит, так. Ну, тележка — она тележка и есть, не в тележке дело. А вот на этой тележке лежит у него громадный, вроде бы кожаный мешок. Кожаный и снаружи как бы маслом облитый, коричневый такой, вроде как куртка бронеходчика. Сверху он, значит, гладкий, без единой морщинки, а внизу весь какой-то смятый, весь в бороздах и складках. И вот там, в этих самых бороздах и складках, я еще в самом начале заприметил какое-то движение. Сначала думал — показалось. Потом... В общем, там был глаз. Оторвите мне руки-ноги — глаз! Какая-то складка там раздвинулась тихонько, и глянул на меня большой круглый темный глаз. Печальный такой и внимательный. Нет, ребята, зря я в этот коридор сегодня пошел. Оно, конечно, Бойцовый Кот есть боевая единица сама в себе и так далее, но все-таки о таких встречах в уставе ничего не говорится...

Стою я, держусь за стенку и знай себе долблю: «Так точно... Так точно...» А сам думаю: увези ты это от меня, в самом деле, ну чего ты здесь встал? И понял мой черный, понял, что мне надобно передохнуть. Говорит хриплым басом:

— Привыкай, алаец, привыкай... Пойдемте, Джонатан!

А потом по-алайски нормальным голосом:

— Ну, будь здоров, брат-храбрец... Эх тебя скрутило. Да не трусь ты, не трусь, Бойцовый Кот! Это ведь не джунгли...

— Так точно, — сказал я в сто сорок восьмой раз.

Блеснул он своими белками и зубами на прощанье и двинулся с тележкой дальше по коридору. Поглядел я ему вслед — змеиное молоко! — тележка-то катится сама по себе, а он рядом с ней вышагивает сам по себе, совсем отдельно, и уже раздаются опять голоса: один, значит, хриплый бас, а другой — нормальный, но говорят они уже оба на каком-то неизвестном языке. И на лопатках у этого черного надпись полукругом: ГИГАНДА. Хороша встреча, а? Еще одна такая встреча, и я в собственные сапоги прятаться начну. «Привыкай, алаец, привыкай». Не знаю, может быть, я когда-нибудь и привыкну, но в ближайшие полста лет вы меня в этот коридор пряником не заманите... Досмотрел я, как они в этот склеп втиснулись, захлопнули за собой дверь, да и пошел от этого поганого места. Держась за стену.

С этого самого дня стало у нас в домике тесновато. Валят валом. Через нуль-кабину прибывают по двое, по трое. По ночам и особенно под утро от «призраков» в саду сплошной мяв стоит. Некоторые вываливаются прямо из чистого неба — один в бассейн угодил, когда я утром купался, тоже устроил мне переживание. И все они к Корнею, и все они галдят на разных языках, и у всех у них дела, и у всех срочные. В холл выйдешь — галдят. В столовую придешь пищу принять — сидят по двое, по трое, кушают и опять же галдят, причем одни поели — другие откуда-то приходят... Я на это просто смотреть не мог: сколько они хозяйского добра даром переводят, хоть бы с собой приносили, что ли... Неужели не понимают, что на всех не напасешься? Совести у людей нет, вот что я вам скажу. Правда, надо им все-таки отдать справедливость. Все-таки мешков среди них с глазами я больше не заметил. Были среди них, конечно, довольно жуткие экземпляры, но чтобы совсем уж мешок — нет, таких больше не было. И на том спасибо. Я день терпел, два терпел, а потом от этого нашествия, честно скажу, ребята, просто сбежал. Возьмешь с утра Драмбу — и на пруды километров за пятнадцать от этого постоянного двора. Я там пруды нашел, роскошное место, камыши, прохлада, уток видимо-невидимо...

Конечно, может быть, я поступил неправильно, смалодушничал. Наверное, я должен был там среди них тереться, подслушивать там, подсматривать, мотать на ус. Но ведь, ребята, я же старался. Сядешь где-нибудь в уголке в гостиной, рот раскроешь, уши развесишь — ни черта не понять. Галдят на непонятных языках, чертят какие-то кривые, мотают друг у друга перед носом какие-то рулоны голубой бумаги со значками, один раз

даже карту империи вывесили, битый час по ней пальцами ползали... уж, казалось бы, чего проще — карта, а так я и не понял, чего они друг от друга добивались, чего не поделили... Одно я, ребята, понял: что-то у нас там происходит или вот-вот должно произойти. Потому весь этот гадючник и зашевелился.

Короче говоря, решил я предоставить инициативу противнику. Разобраться в обстановке я не умею, помешать им никак не могу, и остается мне рассуждать примерно так: раз они меня здесь держат — значит я им зачем-то нужен, а раз я им нужен, то что бы они там ни затевали, а рано или поздно ко мне обратятся. Вот тогда мы и посмотрим, как действовать. А пока будем на пруды ходить, Драмбу муштровать и ждать — может, что-нибудь подвернется.

И, между прочим, подвернулось.

Как-то раз иду я на завтрак. Смотрю — за столом Корней. И притом один. Я последние дни Корнея редко видел, да и то вокруг него всегда народ толкся. А тут сидит один, молоко пьет. Ну, поприветствовал я его, сажусь напротив. И странно мне как-то стало — соскучился я по нему, что ли? Тут все дело, наверное, было в его лице. Хорошее у него все-таки лицо. Есть в нем что-то очень мужественное и в то же время, наоборот, детское, что ли? В общем, лицо человека безо всяких тайных умыслов. Такому и не хочется верить, а веришь. Разговариваем мы с ним, а я все время себе напоминаю: осторожно, Кот, другом он тебе быть никак не может, не с чего ему быть твоим другом, а раз он не друг — значит, враг... И тут он вдруг говорит ни с того ни с сего:

— А почему ты, Гаг, мне вопросов не задаешь никогда?

Вот тебе и на — вопросов я ему не задаю. А где мне ему вопросы задавать, когда я целыми днями его не вижу? И что-то мне так горько стало и ужасно захотелось сказать ему прямо: «А чтобы вранья поменьше слушать, друг лукавый». Но я, конечно, этого не сказал. Пробормотал только:

— Почему же не задаю? Задаю...

— Понимаешь, — говорит он, и тон у него такой, будто он передо мной извиняется, — я ведь не могу тебе длинные лекции читать. Во-первых, у меня времени на это нет, сам видишь. И хотел бы с тобой побольше времени проводить, да не могу. А во-вторых, лекции — это, по-моему, скучища. Какой интерес выслушивать ответы на вопросы, которых ты не задавал? Или ты, может, иначе считаешь?

Я растерялся, замычал что-то самому мне непонятное, и тут вваливаются в столовую двое, а за ними еще и третий. Сияют все трое, как начищенные медные чайники. И будто все втроем несут крошечную круглую коробочку и с этой коробочкой — напрямик к Корнею.

— Она? — говорит Корней, поднимаясь им навстречу.

— Она, — отвечают они чуть ли не хором и тут же замолкают.

Я давно заметил, что при Корнее они не галдят. При Корнее они держатся как положено. Корней, надо думать, шутить не любит.

Да. Уплетаю я какую-то вроде бы рыбу, запиваю горячим пойлом, а Корней эту коробочку берет двумя пальцами, открывает ее осторожно и вытягивает из нее узенькую красную ленту. Эти трое дышать перестали. В столовой тишина, и слышно только, как галдят в гостиной. Корней эту красную ленточку рассмотрел внимательно — просто так и на свет, — а потом сказал негромко:

— Молодцы. Размножьте и раздайте.

И пошел из столовой. Только у самой двери спохватился, повернулся ко мне и сказал:

— Извини, Гаг. Ничего не могу поделать.

Я только плечом дернул — мне-то что... пожалуйста! Ну, из этих троих двое поскакали за Корнеем, а третий остался и стал аккуратно укладывать эту красную ленточку обратно в коробочку. Я сижу злой, не люблю пищу принимать при посторонних. Но он на меня вроде бы и внимания не обращает. Он идет через всю столовую в угол, где

у Корнея стоит какой-то шкаф не шкаф, сундук не сундук... ящик, в общем, поставленный на попа. Я этот ящик сто раз видел и никогда на него внимания не обращал. А он подходит к этому ящику и сдвигает сверху какую-то шторку, и в стенке ящика образуется ярко освещенная ниша. В эту нишу он кладет свою коробочку и шторку опускает. Раздается короткое гудение, на ящике вспыхивает желтый глаз. Этот тип снова поднимает шторку... и тут, ребята, я есть перестал. Потому что смотрю — а в нише уже две коробочки. Этот тип опять опускает шторку — опять загудело, опять загорелся желтый глаз, поднимает он шторку — четыре коробочки. И пошел, и пошел... Я сижу и только глазами хлопаю, а он — шторку вверх, шторку вниз, гудок, желтый глаз, шторку вверх, шторку вниз... И через минуту у него этих коробочек набралась полная ниша. Выгреб он их оттуда, распихал по карманам, подмигнул мне и выскочил вон.

Ничего я опять не понял. Да здесь никакой нормальный человек бы не понял. Но одно я понял: это надо же, какая машина! Я встал — и к ящику. Осмотрел его со всех сторон, даже попробовал сзади заглянуть, но голова не пролезла, только ухо прищемил. Ладно. А шторка поднята, и ниша эта так светом и сияет мне в глаза. Змеиное молоко! Я огляделся и хватать со стола мятую салфетку... Скатал ее в шарик между ладонями и бросил в нишу — издали бросил на всякий случай, мало ли что. Нет, все нормально. Лежит себе бумажка, ничего ей не делается. Тогда я осторожненько взялся за эту шторку и потянул ее вниз. Шторка легко двинулась, прямо-таки сама пошла. Щелк! И, как следует быть, загудело, зажглась желтая лампа. Ну, Кот! Потянул я шторку вверх. Точно. Два бумажных шарика. Я их оттуда вилкой осторожно выгреб, смотрю — одинаковые. То есть точь-в-точь! Отличить совершенно невозможно. Я их и так смотрел, и этак, и на просвет — даже, дурак, понюхал... Одинаковые.

Что же это получается? Золотой бы мне сейчас, я бы в миллионах ходил. Стал я рыскать по карманам. Ну, не золотой, думаю, так хотя бы грош медный... Нет гроша. И тут нашариваю я свой единственный патрон. Унитарный патрон калибра восемь и одна десятая. Нет, даже в этот момент я еще не соображал, что здесь к чему. Просто подумал: раз уж денег нет, так хоть патронов наделаю, они тоже денег стоят. И только когда в нише передо мной шестнадцать штучек медью засверкало, только тогда до меня наконец дошло: шестнадцать патронов — да ведь это же обойма! Полный магазин, ребята!

Стою я перед этим ящиком, смотрю на свои патрончики, и такие интересные мыслишки в голове у меня бродят, что я тут же спохватился и поглядел вокруг, не подслушивает ли кто и не подсматривает ли. Хорошую они машину здесь себе придумали, ничего не скажешь. Полезная машина. Много я у них всякого повидал, но вот такую полезную вещь всего второй раз вижу. (Первая — это Драмба, конечно.) Ну что ж, спасибо. Собрал я патрончики свои, ссыпал их в карман куртки, оттянули они мне карман, и почувствовал я, ребята, будто забрезжило наконец что-то передо мной вдали.

Машинкой этой я потом не раз еще пользовался. Запас патронов потихоньку пополнял; пуговица у меня оторвалась — я и пуговиц форменных на всякий случай два комплекта наделал; ну еще кое-чего по мелочам. Сначала я берегся, а потом совсем обнаглел: они тут же за столом кушают и галдят, а я стою себе у ящика и знай себе шторкой щелкаю. И хоть бы кто внимание обратил! Беспечный народ, ума не приложу, как это они собираются нашей планетой управлять при такой своей беспечности. Их же у нас перочинными ножиками резать будут. Ведь я здесь прямо у них на глазах мог бы всю их секретную документацию скопировать. Была бы документация... Они ведь на меня ну совсем никакого внимания не обращали. Хочешь подслушивать — подслушивай, хочешь подсматривать — подсматривай... Так, который-нибудь взглянет рассеянно, улыбнется тебе и — снова галдеть. Обидно даже, змеиное молоко! Все-таки я — Бойцовый Кот его высочества, не шпана какая-нибудь мелкая, передо мной такие вот шпаки с тротуара сходили и шляпу еще снимали... Правда, не каждый день снимали, а только в дни тезоименитства, но все равно. Так и хотелось мне встать как-нибудь в дверях и гаркнуть по-гепардовски: «Смир-рна! Глаза на меня, тараканья немочь!» То-то забегали бы! Потом

я, конечно, запретил себе на эти темы думать. Я свое достоинство унижать права не имею. Даже в мыслях. Пусть все идет как идет. Мне одному их всех по стойке «смирно» все равно не переставить. Да и нет передо мной такой задачи...

Корней мой в эти дни совсем извелся. Мало того, что ему этот галдеж нужно было регулировать, так свалились на него еще и личные неприятности. Всего я, конечно, не знаю, но вот однажды вернулся я под вечер с прудов — усталый, потный, ноги гудят, — искупался и завалился в траву под кустами, где меня никто не видит, а я всех вижу. То есть видеть-то особенно было некого — которые оставались, те все сидели в кабинете у Корнея, было у них там очередное совещание, — а в саду было пусто. И тут дверь нуль-кабины раскрывается, и выходит из нее человек, какого я до сих пор здесь никогда не видел. Во-первых, одежда на нем. Которые наши — они все больше в комбинезонах или в пестрых таких рубашках с надписями на спине. А этот — не знаю даже, как определить. Что-то такое строгое на нем, внушительное. Материальчик серый, понял? — стильный, и сразу видно, что не каждому такой по карману. Аристократ. Во-вторых, лицо. Здесь я объяснить уж совсем не умею. Ну, волосы черные, глаза синие — не в этом дело. Напомнил он мне чем-то того румяного доктора, который меня выходил, хотя этот был совсем не румяный и уж никак не добряк. Выражение одинаковое, что ли?.. У наших такого выражения я не видел, наши либо веселые, либо озабоченные, а этот... нет, не знаю, как сказать.

В общем, вышел он из кабины, прошагал этак решительно мимо меня и — в дом. Слышу: галдеж в кабинете разом стих. Кто же это такой к нам пожаловал, думаю. Высшее начальство? В штатском? И стало мне ужасно интересно. Вот, думаю, взять бы такого. Заложником. Большое дело можно было бы провернуть... И стал я себе представлять во всех подробностях, как я это дело проворачиваю, — фантазия, значит, у меня разыгралась. Потом спохватился. В кабинете уже опять галдят, и тут на крыльцо выходят двое — Корней и этот самый аристократ. Спускаются и медленно идут рядом по дорожке обратно к нуль-кабине. Молчат. У аристократа лицо замкнутое, рот сжат в линейку, голову несет высоко. Генерал, хоть и молод. А Корней мой голову повесил, глядит под ноги и губы кусает. Расстроен.

Я только успел подумать, что и на Корнея здесь, видно, нашлась управа, как они останавливаются совсем недалеко от меня, и Корней говорит:

— Ну что ж... Спасибо, что пришел.

Аристократ молчит. Только плечами слегка повел, а сам смотрит в сторону.

— Ты знаешь, я всегда рад видеть тебя, — говорит Корней. — Пусть даже вот так, на скорую руку. Я ведь понимаю, ты очень занят...

— Не надо, — говорит аристократ с досадой. — Не надо. Давай лучше прощаться.

— Давай, — говорит Корней.

И с такой покорностью он это сказал, что мне даже страшно стало.

— И вот что, — говорит аристократ. Жестко так говорит, неприятно. — Меня теперь долго не будет. Мать остается одна. Я требую: перестань ее мучить. Раньше я об этом не говорил, потому что раньше я был рядом и... Одним словом, сделай что хочешь, но перестань ее мучить!

Корней что-то сказал, почти прошептал — так тихо, что я не уловил его слов.

— Можешь! — говорит аристократ с напором. — Можешь уехать, можешь исчезнуть... Все эти... все эти твои занятия... С какой стати они ценнее, чем ее счастье?

— Это совсем разные вещи, — говорит Корней с каким-то тихим отчаянием. — Ты просто не понимаешь, Андрей...

Я чуть не подскочил в кустах. Ну ясно же — никакой это не начальник и не генерал. Это же его сын, они же даже похожи!

— Я не могу уехать, — продолжает Корней. — Я не могу исчезнуть. Это ничего не изменит. Ты воображаешь, что с глаз долой — из сердца вон. Это не так. Постарайся понять: сделать ничего невозможно. Это судьба. Понимаешь? Судьба.

Этот самый Андрей задрал голову, посмотрел на отца надменно, словно плюнуть в него хотел, но вдруг аристократическое лицо его жалко задрожало — вот-вот заревет, он как-то нелепо махнул рукой и, ничего не сказав, со всех ног пустился к нуль-кабине.

— Береги себя! — крикнул ему вслед Корней, но того уже не было.

Тогда Корней повернулся и пошел к дому. На крыльце он постоял некоторое время — не меньше минуты, наверное, стоял, словно собирался с силами и с мыслями, — потом расправил плечи и только после этого шагнул через порог.

Такие вот пироги. Насели на человека. И жена эта, и сын — оба хороши. И чего насели? Непонятно же, чего им от него надо. Ладно, не мое это дело. Жалко только его. Я бы, конечно, на его месте накидал бы этому сыночку пачек, чтобы знал свое место и не встречал, но только на Корнея это не похоже. То есть не похоже, чтобы он кому-нибудь мог пачек накидать... вернее, пачек-то он накидать мог бы, по-моему, кому угодно, силищи и ловкости он невероятной. Видел я, как они однажды возились возле бассейна — Корней, а против него трое его этих... ну, офицеров, что ли... Как он их кидал! Это же смотреть было приятно. Так что насчет пачек вы будьте спокойны. Но тут дело в том, что без крайней надобности он никому пачек кидать не станет... не то что пачек, резкого слова от него не услышишь... Хотя, с другой стороны, конечно, был один случай... Как-то раз сунулся я к нему в кабинет — не помню уже зачем. То ли книжку какую-то взять, то ли ленту для проектора. Одним словом, дождь был в тот день. Сунулся и попал вдруг в полную темноту. Я даже засомневался. Не было еще такого, чтобы я в этом доме среди бела дня попал в темное помещение. Может, меня по ошибке в какую-нибудь кладовку занесло? И вдруг оттуда, из темноты, голос Корнея:

— Прогоните еще раз с самого начала...

Тогда я шагнул вперед. Стена за мной затянулась, и стало совсем уж темно, как в ночном тире. Я вытянул перед собой руки, чтоб не треснуться обо что-нибудь, двух шажков не сделал — запутался пальцами в какой-то материи. Я даже вздрогнул от неожиданности. Что еще за материя? Откуда она здесь, в кабинете? Никогда ее здесь раньше не было. И вдруг слышу голоса, и как я эти голоса услышал, так о материи и думать позабыл, и замер, и дышать перестал.

Я сразу понял, что говорят по-имперски. Я это ихнее хурли-мурли где хочешь узнаю, сипение это писклявое. Говорили двое: один — нормальный крысоед, так бы и полоснул его из автомата, а второй... вы, ребята, не поверите, я сначала сам не поверил. Второй был Корней. Ну точно — его голос. Только говорил он, во-первых, по-имперски, а во-вторых, на таких басах, каких я до сих пор не то что от Корнея — вообще на этой планете ни от кого не слыхивал. Это, ребята, был настоящий допрос, вот что это было. Я этих допросов навидался, знаю, как там разговаривают. Тут ошибки быть не может. Корней ему этак свирепо: гррум-тррум-бррум! А тот, поганец трусливый, ему в ответ жалобно: хурли-мурли, хурли-мурли... Сердце мое возрадовалось, честное слово.

Понимал вот, к сожалению, я только с пятого на десятое, да и то, что понимал, до меня как-то не доходило по-настоящему. Получалось вроде, что этот крысоед — не простой солдат или, скажем, горожанин, а какая-то большая шишка. Может, маршал, а может, и министр. И речь шла у них все время о корпусах и об армиях, а также о положении в столице. То есть это я вывел потому, что слова «корпус», «армия», «столица» мне знакомы, а они то и дело повторялись. И еще мне было понятно, что Корней все время нажимает, а крысоед хоть и юлит, хоть и подхалимничает, но чего-то не договаривает, полосатик, крутит, гадина. Корней гремел все яростнее, крысоед пищал все жалобнее, и лично мне было совершенно ясно, что вот именно сейчас и следовало бы вlepить как следует, — я даже весь вперед подался, касаясь носом ткани, отделяющей меня от допросной, чтобы ничего не пропустить, когда эта сволочь завизжит и начнет выкладывать, чего от него добиваются. Но крысоед вдруг совсем замолчал — в обморок закатился, что ли? — а Корней сказал обыкновенным голосом, по-русски:

— Очень неплохо. Вольдемар, вы свободны. Теперь попробуем подвести итоги. В-первых...

Так я, ребята, и не узнал, что там было во-первых. Засветили мне вдруг в лоб с такой силой, что стало мне светло в этом мраке, и очнулся я, ребята, уже в гостиной. Сажу на полу, глазами хлопаю, а надо мной стоит, потирая плечо, этот самый Вольдемар, здоровенный дядька, башка под самый потолок, лицо у него растерянное и расстроенное, смотрит он на меня из-под потолка и говорит — то ли укоризненно, то ли виновато:

— Ну что же ты, голубчик? Что же ты там торчал в темноте? Откуда же мне было знать? Ты уж извини меня, пожалуйста... Не ушибся?

Я потрогал осторожно свою переносицу — есть у меня там теперь переносица или ее уже вовсе нету, — кое-как поднялся и говорю:

— Нет, — говорю. — Не ушибся. Меня ушибли — это было.

Глава шестая

Когда Драмба закончил ход сообщения к корректировочному пункту, Гаг остановил его, спрыгнул в траншею и прошелся по позиции. Открыто было на славу. Траншея полного профиля с чуть скошенными наружу идеально ровными стенками, с плотно утрамбованным дном, без всякой там рыхлой землицы и другого мусора, все в точности по наставлению, вела к огневой — идеально круглой яме диаметром в два метра, от которой отходили в тыл крытые бревнами блиндажи для боеприпасов и для расчета. Гаг посмотрел на часы. Позиция была полностью открыта за два часа десять минут. И какая позиция! Такой могла гордиться его высочества Инженерная академия. Гаг оглянулся на Драмбу. Рядовой Драмба возвышался над ним и над краем траншеи. Огромные ладони его были прижаты к бедрам, локти оттопырены, уши опущены, грудь колесом, и от него, смешиваясь с запахом разрытой земли, исходила атмосфера свежести и прохлады.

— Молодец, — сказал Гаг негромко.

— Слуга его высочества, господин капрал! — гаркнул робот.

— Чего нам теперь еще не хватает?

— Банки бодрящего и соленой рыбки, господин капрал!

Гаг ухмыльнулся.

— Да, — сказал он. — Я из тебя сделал солдата, из разгильдяя.

Он взялся за край траншеи и одним движением перебросил тело на траву, потом поднялся, отряхнул колени и еще раз осмотрел позицию — теперь уже сверху. Да, позиция была на славу.

Солнце поднялось высоко, от росы не осталось и следа, луна бледным безвредным куском тающего сахара висела над западным горизонтом, над туманными очертаниями города-чудовища. Вокруг мириадами кузнечиков стрекотала степь, ровная, рыже-зеленая, на всем своем протяжении одинаковая и пустая, как океан. Однообразие ее нарушало лишь облачко зелени вдаль, в котором краснела черепичная крыша Корнеева дома. Стрекошущая, напоенная пряными запахами степь вокруг, чистое серо-голубое небо над ней, а в центре — он, Гаг. И ему хорошо.

Хорошо, потому что все далеко. Далеко отсюда непостижимый Корней, бесконечно добрый, бесконечно терпеливый, снисходительный, внимательный, неуклонно, миллиметр за миллиметром вдавливающий в душу любовь к себе, и в то же время бесконечно опасный, словно бомба огромной силы, грозящая взорваться в самый неожиданный момент и разнести в клочья вселенную Гага. Далеко отсюда лукавый дом, набитый невиданными и невозможными механизмами, невиданными и невозможными существами вперемешку с такими же, как Корней, людьми-ловушками, шумно кипящей беспорядочной деятельностью без всякой видимой разумной цели, а потому такой же непостижимый и отчаянно опасный для вселенной Гага. Далеко отсюда весь этот лукавый обманчивый мир, где у людей есть все, чего они только могут пожелать, а потому желания

их извращены, цели потусторонни и средства уже ничем не напоминают человеческие. И еще хорошо, потому что здесь удастся хоть ненадолго забыть о гложащей непосильной ответственности, обо всех этих задачах, которые ноют, как язва, в воспаленной душе — неотложные, необходимые и совершенно неразрешимые. А здесь — все так просто и легко...

— Ого! — произнес Корней. — Вот это да!

Гаг подскочил на месте и обернулся. Корней стоял по ту сторону траншеи, с веселым изумлением оглядывая позицию.

— Да ты фортификатор, — сказал он. — Что это у тебя такое?

Гаг помолчал, но деваться было некуда.

— Позиция, — неохотно буркнул он. — Для тяжелой мортиры.

Корней был поражен.

— Для чего, для чего?

— Для тяжелой мортиры.

— Гм... А где ты возьмешь мортиру?

Гаг молчал, глядя на него исподлобья.

— Ну ладно, это меня, в конце концов, не касается, — сказал Корней, подождя. — Извини, если помешал... Я тут получил кое-какие известия и поспешил, чтобы поделиться с тобой. Дело в том, что ваша война кончилась.

— Какая война? — тупо спросил Гаг.

— Ваша. Война герцогства Алайского с империей.

— Уже? — тихо проговорил Гаг. — Вы же говорили — четыре месяца.

Корней развел руки.

— Ну, извини, — сказал он. — Ошибся. Все мы ошиблись. Но это, знаешь ли, добрая ошибка. Согласись, что мы ошиблись в нужную сторону... Управились за месяц.

Гаг облизнул губы, поднял голову, снова опустил.

— Кто... — Он замолчал.

Корней ждал, спокойно глядя на него. Тогда Гаг снова поднял голову и, глядя прямо ему в глаза, сказал:

— Я хочу знать, кто победил.

Корней очень долго молчал, по лицу его ничего нельзя было разобрать. Гаг сел — не держали ноги. Рядом из траншеи торчала голова Драмбы. Гаг бессмысленно уставился на нее.

— Я ведь уже объяснял тебе, — сказал наконец Корней. — Никто не победил. Вернее, все победили.

Гаг процедил сквозь зубы:

— Объясняли... Мало ли что вы мне объясняли. Я этого не понимаю. У кого осталось устье Тары? Это, может быть, вам все равно, у кого оно осталось, а нам не все равно!

Корней медленно покачал головой.

— Вам тоже все равно, — устало сказал он. — Армий там больше нет — только гражданское население...

— Ага! — сказал Гаг. — Значит, крысоедов оттуда выбили?

— Да нет же... — Корней страдальчески сморщился. — Армий вообще больше не существует, понимаешь? Из устья Тары никто никого не выбивал. Просто и алайцы, и имперцы побросали оружие и разошлись по домам.

— Это невозможно, — сказал Гаг спокойно. — Я не понимаю, зачем вы мне все это рассказываете, Корней. Я вам не верю. Я вообще не понимаю, чего вам от меня надо. Зачем вы меня здесь держите? Если я вам не нужен — отпустите. А если нужен — говорите прямо...

Корней закрхтел и с силой ударил себя по бедру.

— Значит, так, — сказал он. — Ничего нового по этой части я тебе сообщить не могу. Вижу, что тебе здесь не нравится. Знаю, что ты стремишься домой. Но тебе придется еще потерпеть. Сейчас у тебя на родине слишком тяжело. Разруха. Голод. Эпидемии. А сейчас еще и политическая неразбериха... Герцог, как и следовало ожидать, плюнул на все и бежал, как последний трус. Бросил на произвол судьбы не только страну...

— Не говорите плохо о герцоге, — хрипло прорычал Гаг.

— Герцога больше нет, — холодно сказал Корней. — Герцог Алайский низложен. Впрочем, можешь утешиться: императору тоже не повезло. Расстрелян в собственном дворце...

Гаг криво ухмыльнулся и снова окаменел лицом.

— Пустите меня домой, — сказал он. — Вы не имеете права меня здесь держать. Я не военнопленный и не раб.

— Давай-ка так, — сказал Корней. — Давай не будем ссориться. Ты плохо себе представляешь, что там у вас делается. А там такие, как ты, сколотили банды, им все хочется поставить скелет на ноги, а этого, кроме них, никто уже не хочет. За ними охотятся, как за бешеными псами, и они обречены. Если тебя сейчас отправить домой, ты, конечно же, примкнешь к такой банде, и тогда тебе конец. И дело, между прочим, не только в тебе, дело еще и в тех людях, которых ты успеешь убить и замучить. Ты опасен. И для себя, и для других. Вот так, если откровенно.

Оказывается, Корней мог быть и таким. Перед Гагом стоял боец, и хватка у этого бойца была железная, и бил он в самую точку. Ну что ж, за откровенность спасибо. Значит, теперь так и будем: ты мне сказал, но я тебе тоже сейчас скажу. Хватит строить из себя мальчика в штанишках. Надоело.

— Значит, боитесь, что я там буду опасен, — сказал Гаг. Он уже больше не мог и не хотел сдерживаться. — Что ж, воля ваша. Только смотрите, как бы я ЗДЕСЬ не стал опасен!

Они стояли по сторонам траншеи, лицом к лицу, и сначала Гаг торжествовал, что ему удалось вызвать это холодное свечение в обычно добрых до отвращения глазах великого лукавца, а потом вдруг с изумлением и негодованием обнаружил, что свечение это исчезло, и снова у него, сатаны, улыбочка, и глаза снова прищурились по-отечески, змеиное молоко! И вдруг Корней фыркнул, захохотал, поперхнулся, закашлялся, снова захохотал и закричал, разведя руки:

— Кот! Ну кот и кот! Дикий... Ду-умай! — сказал он Гагу и постучал себя по темени. — Думай! Мозгами шевелить надо! Неужели ты зря здесь пятую неделю торчишь?

Тогда Гаг резко повернулся и пошел в степь.

— Думай! — в последний раз донеслось до него.

Он шел, не глядя под ноги, проваливаясь в сурчиные норы, спотыкаясь, царапая лодыжки колючками. Он ничего не видел и не слышал вокруг, перед глазами его стояло иссеченное морщинами землистое лицо с безмерно усталыми, покрасневшими глазами, и в ушах звучал хрипловатый голос: «Сопляки! Мои верные, непобедимые сопляки!» И этот человек, последний родной человек, оставшийся в живых, сейчас где-то спасался, прятался, томился, а его гнали, охотились за ним, как за бешеным волком, вонючие орды обманутых, купленных, осатаневших от страха дикобразов. Чернь, сброд, отбросы — без чести, без славы, без совести... Вранье, вранье, не может этого быть! Лесные егеря, гвардия, десантники, Голубые Драконы... что, они тоже продались? Тоже бросили? Да ведь у них же ничего не было, кроме Него! Они ведь жили только для Него. Они умирали за Него! Нет, нет, ложь, чушь... Они взяли его в стальное кольцо, оцетинились штыками, стволами, огнеметами... это же лучшие бойцы в мире, они разгонят и раздавят взбесившуюся солдатню... О, как они будут их гнать, жечь, втоптывать в грязь... А я — я сижу здесь. Кот! Поганый щенок, а не Кот! Подобрали беденького, залечили лапку,

ленточкой украсили, а он знай себе машет хвостиком, молочко тепленькое лакает и все приговаривает «так точно» да «слушаюсь»...

Он споткнулся и упал всем телом в колючую, сухую траву и остался лежать, закрыв голову от нестерпимого стыда. Но ведь один же! Один против всей этой махины! И ребята, друзья мои в этом лукавом аду, замолчали, который день не откликаются, ни строчки, ни буквы — может, их и в живых уже нет... а может, сдались? Неужели же я ничего не могу?

Он трясся как в лихорадке под палящим солнцем, в мозгу возникали, крутились, пронеслись совершенно невозможные, немыслимые способы борьбы, побега, освобождения... Весь ужас был в том, что Корней, конечно же, сказал правду. Недаром работала его машина, недаром съехались, сползлись, слетелись сюда все эти чудища с неведомых миров — сделали свое дело, разорили страну, загубили все лучшее, что в ней было, разоружили, обезглавили...

Он не услышал, как подошел Драмба, но потной спине под раскаленной рубашкой стало прохладно, когда тень робота упала на него, и ему стало легче. Все-таки он был не совсем один. Он еще долго лежал ничком, а солнце двигалось по небу, и Драмба бесшумно двигался возле, оберегая его от зноя. Потом он сел. Голые ноги были исполосованы колючками. На колено вспрыгнул кузнечик, бессмысленно уставился зелеными капельками глаз. Гаг брезгливо смахнул его и замер, разглядывая руку. Костяшки пальцев были ободраны.

— Когда это я? — произнес он вслух.

— Не могу знать, господин капрал, — сейчас же откликнулся Драмба.

Гаг осмотрел другую руку. Тоже в крови. Землю-матушку, значит, молотил. Родительницу всех этих... ловкачей. Хорош Кот. Только истерики мне и не хватало. Он оглянулся в сторону дома. Зеленое облачко едва виднелось на горизонте.

— Много лишнего я сегодня наболтал, вот что... — сказал он медленно. — Дикобраз ты, а не Кот. Выдрать тебя некому. Угрожать вздумал, сопляк... То-то Корней закатился...

Он посмотрел на робота.

— Рядовой Драмба! Что делал Корней, когда я ушел?

— Приказал мне следовать за вами, господин капрал.

Гаг усмехнулся с горечью.

— А ты, конечно, подчинился... — Он поднялся, подошел к роботу вплотную. — Сколько тебя учить, дубина, — прошипел он яростно. — Кому ты подчиняешься? Кто твой непосредственный начальник?

— Капрал Гаг, Бойцовый Кот его высочества, — отчеканил Драмба.

— Так как же ты, дикобраз безмозглый, можешь подчиняться кому-то еще?

Драмба помедлил, потом сказал:

— Виноват, господин капрал.

— Э-эх... — произнес Гаг безнадежно. — Ладно, бери меня на плечи. Домой.

Дом встретил его непривычной тишиной. Дом был пуст. Улетели стервятники. На пададь. Гаг прежде всего искупался в бассейне, смыл кровь и пыль, тщательно причесался перед зеркалом и, переодевшись в свежее, решительно зашагал в столовую. К обеду он опоздал, Корней уже допивал свой сок. Он с нарочитым безразличием глянул на Гага и снова опустил взгляд в папку, лежащую перед ним. Гаг подошел к столу, кашлянул и проговорил стиснутым голосом:

— Я вел себя неправильно, Корней. (Корней кивнул, не поднимая глаз.) Я прошу у вас прощения.

Говорить было невыносимо трудно, язык едва ворочался. Пришлось остановиться на секунду и крепко стиснуть челюсти, чтобы привести себя в порядок.

— Конечно же, я... я буду все делать так, как вы приказываете. Я был не прав.

Корней вздохнул и отодвинул от себя папку.

— Я принимаю твои извинения... — Он побарабанил пальцами по столу. — Да. Принимаю. Правда, к сожалению, я виноват больше тебя. Да ты садись, ешь...

Гаг сел, не сводя с него настороженного взгляда.

— Видишь ли, ты еще молод, тебе многое можно простить. Но я! — Корней потряс в воздухе растопыренными пальцами. — Старый дурень! Все-таки в моем возрасте и с моим опытом пора бы уже знать, что есть люди, которые могут выдержать удар судьбы, а есть люди, которые ломаются. Первым рассказывают правду, вторым рассказывают сказки. Так что ты тоже прости меня, Гаг. Давай-ка постарайся забыть эту историю. — И он снова взялся за свои бумаги.

Гаг поедал какое-то месиво из мяса и овощей, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, словно вату жевал. Уши его пылали. Чутье какая-то опять получалась. Больше всего хотелось заорать и ударить кулаком по столу. Хватит строить из меня щенка! Хватит! Меня ударами судьбы не сломишь, понятно? Мы не из ржавого железа!.. Надо же, как повернул, опять я кругом дурак... Гаг плеснул себе в стакан из оплетенной бутылки с кокосовым молоком. Вообще-то говоря, я и на самом деле дурак. Он со мной как с мужчиной, а я как баба. Вот и получается — щенок и дурак. Не хочу об этом думать. Не надо мне твоей правды, не надо мне твоих сказок. То есть за правду тебе, конечно, спасибо — я теперь хоть понял, что ждать больше нечего, что пора дело делать.

Корней поднялся, взял папку под мышку и ушел. Лицо у него было удрученное. Гаг, жуя и прихлебывая, поглядел в сад. На песчаную дорожку из густой травы выбрался большой кот рыжей масти, в зубах у него трепыхалось что-то пернатое. Кот угрюмо повел дикими глазами вправо, влево и заструился к дому — должно быть, под крыльцо. Давай, давай, работай, брат-храбрец, подумал Гаг. Мне бы как-нибудь до вечера дотянуть, а там можно будет и делом заняться. Он вскочил, сбросил посуду в лючок и, пройдя по дому на цыпочках, направился в тот самый коридор. Надписей не прибавилось. Друзья в аду молчали. Ладно. Значит, придется все-таки в одиночку. Драмба... Нет. На рядового Драмбу надежды плохи. Жалко, конечно. Солдат бесценный. Но веры ему настоящей нет. Лучше уж без него. Пусть только сделает то, что надо, а потом я его... откомандирую.

Он вернулся в свою комнату, лег на койку, заложил руки за голову.

— Рядовой Драмба! — позвал он.

Драмба вошел и остановился у двери.

— Продолжай, — приказал Гаг.

Драмба привычно загудел прямо с середины фразы:

— ...никакого другого выхода. Врач, однако, был против. Он аргументировал свой протест, во-первых, тем, что существо, не принадлежащее к бранчу гуманоидных сапиенсов, не может быть объектом контакта без посредника...

— Пропусти, — сонно сказал Гаг.

— Слушаюсь, господин капрал, — отозвался Драмба и, помолчав, продолжал, на этот раз — с начала фразы: — На контакт вышли: Эварист Козак, командир корабля, Фаина Каминска, старший ксенолог группы, ксенологи...

— Пропусти! — раздраженно сказал Гаг. — Что там было дальше?

Внутри Драмбы заурчало, и он принялся рассказывать, как в зоне контакта вспыхнул неожиданно пожар, контакт был прерван, из-за стены огня раздались вдруг выстрелы, штурман группы семи-гуманоид Кварр погиб и тело его не было обнаружено, Эварист Козак, командир корабля, получил тяжелое проникающее ранение в область живота, сопровождавшееся разрывом брюшины и множественными повреждениями желудка, печени, поджелудочной железы...

Гаг заснул.

Он проснулся словно от удара мокрым полотенцем по лицу: где-то рядом разговаривали по-алайски. Сердце колотилось как бешеное, трещала голова. Но это был не сон и не бред.

— ...Я обратил внимание на то, что большинство его работ написано в Гигне, — говорил незнакомый ломающийся голос. — Может быть, это вам поможет?

— Гигна... — отозвался голос Корней. — Позволь. Где это?

— Это курортное местечко... западный берег Заггуты. Знаете, озеро такое...

— Знаю. Ты думаешь...

— По-видимому, он часто там работал... Жил, наверное, у какого-нибудь мецената...

Гаг бесшумно скатился с койки и подкрался к окну.

На крыльце Корней разговаривал с каким-то парнем лет шестнадцати, худым, белобрысым, с большими бледными глазами, как у куклы, — явным и очевидным алаицем с юга.

Гаг вцепился пальцами в подоконник.

— Это любопытно, — задумчиво сказал Корней. Он похлопал парня по плечу. — Это идея, ты молодчина, Данг. А наши разини прозевали...

— Его надо обязательно найти, Корней! — Парень прижал кулаки к узкой груди. — Вы же сами говорили, что даже ваши ученые заинтересовались, и теперь я понимаю — почему... Он на вашем уровне! Он даже выше кое в чем... Вы просто обязаны его найти!

Корней тяжело вздохнул.

— Мы сделаем все, что сможем, голубчик... но знал бы ты, как это трудно! Ты ведь представления не имеешь, что там у вас сейчас делается...

— Имею, — коротко сказал парень.

Они помолчали.

— Лучше бы вы меня там оставили, а его вытащили, — тихо проговорил парень, глядя в сторону.

— На тебя нам повезло наткнуться, а на него — нет, — так же тихо отозвался Корней. Он снова взял парня за плечо. — Мы сделаем все, что в наших силах.

Парень кивнул.

— Хорошо.

Корней снова вздохнул.

— Ну ладно... Значит, ты прямо в Обнинск?

— Да.

— Тебе там больше понравится. По крайней мере, там у тебя будут квалифицированные собеседники. Не такие дремучие прагматики, как я.

Парень слабо улыбнулся, и они пожали друг другу руки — по-алайски, крест-накрест.

— Что ж, — сказал Корней. — Нуль-кабиной ты теперь пользоваться умеешь...

Они вдруг разом засмеялись, вспомнив, по-видимому, какую-то историю, связанную с нуль-кабиной.

— Да, — сказал парень. — Этому я научился... Умею... Но вы знаете, Корней, мы решили пробежаться до Антонова. Ребята обещали показать мне что-то в степи...

— А где они? — Корней огляделся.

— Сейчас подойдут, наверное. Мы условились, что я пойду вперед, а они меня нагонят... Вы идите, Корней, я и так вас задержал. Спасибо вам большое...

Они вдруг обнялись — Гаг даже вздрогнул от неожиданности, — а затем Корней слегка оттолкнул парня и быстро ушел в дом. Парень спустился с крыльца и пошел по песчаной дорожке, и тут Гаг увидел, что он сильно хромотает, припадая на правую ногу. Эта нога у него была явно короче и тоньше левой.

Несколько секунд Гаг смотрел ему вслед, а потом рывком перебросил тело через подоконник, пал на четвереньки и сразу же нырнул в кусты. Он неслышно следовал за этим Дангом, уже испытывая к нему безотчетную неприязнь, то брезгливое отвращение, которое он всегда чувствовал к людям увечным, ущербным и вообще бесполезным. Но этот Данг был алаец, причем, судя по имени и по выговору, — южный алаец, а значит,

алаец первого сорта, и, как бы там ни было, поговорить с ним было необходимо. Потому что это был все-таки шанс.

Гаг настиг его уже в степи, выждав момент, когда дом до самой крыши скрылся за деревьями.

— Эй, друг! — негромко сказал он по-алайски.

Данг стремительно обернулся. Он даже пошатнулся на покалеченной ноге. Кукольные глаза его раскрылись еще шире, и он попятился. Все краски сбежали с его тощего лица.

— Ты кто такой? — пробормотал он. — Ты... этот... Бойцовый Кот?

— Да, — сказал Гаг. — Я — Бойцовый Кот. Меня зовут Гаг. С кем имею честь?

— Данг, — отозвался тот, помолчав. — Извини, я спешу...

Он повернулся и, хромя еще сильнее, чем раньше, пошел прочь прежней дорогой. Гаг нагнал его и схватил за руку повыше локтя.

— Подожди... Ты что, разговаривать не хочешь? — удивленно проговорил он. — Почему?

— Я спешу.

— Да брось ты, успеешь!.. Вот так картинка! Встретились в этом аду два алайца — и чтобы не поговорить? Что это с тобой? Одурел совсем, что ли?

Данг попытался высвободить руку, но куда там! Он был совсем хилый, этот недоносок из южан.

Гаг ничего не понимал.

— Слушай, друг... — начал он с невозможной проникновенностью.

— В аду твои друзья! — сквозь зубы процедил Данг, глядя на него с явной ненавистью.

От неожиданности Гаг выпустил его руку. На мгновение он даже потерял дар речи. В аду твои друзья... Твои друзья в аду... Твои друзья — в аду! Он даже задохнулся от бешенства и унижения.

— Ах ты... — сказал он. — Ах ты, продажная шкура!

Задавить, на куски разодрать тварюгу...

— Сам ты барабанная шкура! — прошипел Данг сквозь зубы. — Палач недобитый, убийца.

Гаг, не размахиваясь, ударил его под ложечку, и, когда хилык согнулся пополам, Гаг, не теряя драгоценного времени, с размаху ахнул кулаком по белобрысому затылку, подставив колено под лицо. Он стоял над ним, опустив руки, глядел, как он корчится, захлебываясь кровью, в сухой траве, и думал: вот тебе и союзничек, вот тебе и друг в аду... Во рту у него была горечь, и ему хотелось плакать. Он присел на корточки, приподнял голову Данга и повернул к себе его залитое кровью лицо.

— Дрянь... — прохрипел Данг и всхлипнул. — Палач... Даже сюда...

— Зачем это? — произнес сумрачный голос.

Гаг поднял глаза. Над ним стояли двое — какие-то незнакомые из местных, тоже совсем молодые. Гаг осторожно опустил голову южанина на траву и поднялся.

— Зачем... — пробормотал он. — Откуда я знаю — зачем?

Он повернулся и пошел к дому.

Ломая кусты и топчя клумбы, он напрямик прошел к крыльцу, поднялся к себе, упал ничком на койку и так пролежал до самого вечера. Корней звал его ужинать — он не пошел. Бубнили голоса в доме, слышалась музыка, потом стало тихо. Отругались воробьи, устраиваясь на ночь в зарослях плюща, завели бесконечные песни цикады, в комнате становилось все темнее и темнее. И когда стало совсем темно, Гаг поднялся, поманил за собой Драмбу и прокрался в сад. Он прошел в самый дальний угол сада, в густые заросли сирени, уселся там прямо на теплую траву и сказал негромко:

— Рядовой Драмба. Слушай внимательно мои вопросы. Вопрос первый. По металлу работать умеешь?

Глава седьмая

За завтраком Корней не сказал мне ни слова, даже не поглядел на меня. Будто меня за столом и нет вовсе. Я, натурально, поджался, жду, что будет, и на душе, надо сказать, гадостно донельзя. Все время то ли вымыться хочется, то ли сдохнуть вообще. Ну, поел я кое-как, поднялся к себе, натянул форму — не помогает. Вроде бы даже еще хуже стало. Взял портрет ее высочества — выскользнул он у меня из рук, закатился под койку, я и искать не стал. Сел перед окошком, локти на подоконник поставил, гляжу в сад — ничего не вижу, ничего не хочу. Домой хочу. Просто домой, где все не так, как здесь. Что за судьба у меня собачья? Ничего ведь в жизни не видел. То есть видел, конечно, много, другому столько и не приснится, сколько я наяву видел, а вот радости — никакой. Стал вспоминать, как герцог меня табаком одарил, — бросил, не помогает. Вместо его лица все выплывает этот хиляк, тощая его физия, вся в кровище. А вместо его голоса — совсем другой голос, и он все повторяет: «Зачем это? Зачем это?» Откуда я знаю — зачем?

Потом вдруг распахнулась дверь, вошел Корней — как туча, глаза — молнии, — ни слова не говоря, швырнул мне чуть ли не в лицо пачку каких-то листов (это Корней-то! Швырнул!) и, опять ничего не сказав, повернулся и ушел. И дверью грохнул. Я чуть не завыл от тоски, пнул эти листки ногой, по всей комнате они разлетелись. Стал снова в сад глядеть — черно перед глазами, не могу. Подобрал листок, что поближе, стал читать. Потом другой, потом третий... Потом собрал все, сложил по порядку, стал читать снова.

Это все были отчеты. Корнеевы люди, которые, как я понимаю, были заброшены к нам, работали там у нас: кто дворником, кто парикмахером, а кто и генералом. И вот они, значит, докладывали Корнею о своих наблюдениях. Чистая работа, ничего не скажешь. Профессионалы.

Ну, было там про этого парнишку, про Данга. Жил он, как и я, в столице и даже недалеко от меня, напротив зоопарка. Отца у него убили еще во время первого Тарского инцидента. Он был ученый, ловил в устье Тары каких-то своих научных рыб, ну, там его ненароком и шлепнули. Остался он один с матерью. Как и я. Только мать его была интеллигентная и пошла в учительницы, музыку преподавала. А он, между прочим, сам тоже был парень с головой. Премии всякие в школе хватал, главным образом — по математике. У него способности были большие, вроде как у меня к технике, только больше. Когда началась эта война, он чуть ли не в самую первую бомбежку попал под бомбу, ребра ему поломало, правую ногу навеки изуродовало.

И пока я, значит, брал Арихаду, подавлял бунты и ходил в десант в устье Тары, он круглосуточно лежал дома. Я не в укор ему говорю, он там намучился, может быть, еще больше меня: в ихний дом попало две бомбы, его газами отравило, дом весь потом выселили, остались они вдвоем с матерью в этой руине — не знаю уж, почему мать не захотела переезжать. И вот, значит, мать его каждый день уходила на работу, уже теперь не в музыкальную школу, а на патронный завод. Иногда на сутки уходила, иногда на двое. Оставит ему кое-какую еду, суп в ватник завернет, чтобы он мог дотянуться, — сам он с постели почти что и не вставал — и уйдет. Ну вот она однажды ушла, да и не пришла. Неизвестно, что с нею случилось. Этот Данг совсем уже загибался, когда на него случайно вышел Корнеев разведчик. В общем, жуткая, конечно, история. Прямо посреди столицы погибал от голода и холода парень, причем большой математический талант, даже огромный, и всем на него было наплевать. Так бы и подох, как собака под забором, если б не этот тип. Ну, он раз к нему пришел, два пришел, еду ему носит. А парень возьми его и расколи! Тот только рот разинул. А Данг ему вроде ультиматума: или вы меня отсюда к себе возьмете, в ваш мир то есть, или я повешусь. Вон, говорит, петелька висит, видите? Ну, Корней дал, конечно, распоряжение... Такая вот история.

Там еще много чего было. Но главным образом, конечно, о власть имущих. Было там и о герцоге, и об Одноглазом Лисе, и о господине фельдмаршале Брагге, обо всех там было. Как они политику делают, как они развлекаются в свободное время... Я то и дело

читать бросал, ногти грыз, чтобы успокоиться. И об ее высочестве тоже было. Оказывается, гофмаршалом во дворце служил тоже человек Корнея, так что сомневаться не приходится. Это же не то что для меня материалы подбирались. Это ведь Корней их из какого-то дела надергал, прямо с мясом выдирал. Ну, ладно.

Сложил я эти листики аккуратной стопочкой, подровнял, взвесил на руке и опять по комнате пустил. Вообще-то, если говорить честно, оставалось мне одно: пуля в лоб. Хребет они мне переломили, вот что. Добились своего. Весь мир в глазах перевернули вверх тормашками. Как жить — не знаю. Зачем жить — не понимаю. Как теперь Корнею в глаза смотреть — и вовсе не ведаю. Эх, думаю, разбежусь я сейчас по комнате, руки по швам и — в окошко, башкой вниз. И всему конец, хоть всего-то второй этаж. Но тут как раз приперся Драмба, требует очередной чертеж. Отвлек он меня. А когда ушел, стал я уже рассуждать поспокойнее. Целый час сидел, ногти грыз, а потом пошел и искупался. И странное вдруг у меня облегчение наступило. Словно какой-то пузырь болезненный у меня в душе надувался, надувался, а теперь вот лопнул. Словно я с какими-то долгами рассчитался. Словно я этим отчаянием своим какую-то вину перед кем-то искупил. Не знаю перед кем. И не знаю какую. И в голове у меня только одно: домой, ребята! По домам! Все мои долги, какие еще остались, — все они там, дома.

За обедом Корней мне говорит не глядя, сурово, неприветливо:

— Прочитал?

— Да.

— Понял?

— Да.

На этом наш разговор и кончился.

После обеда заглянул я к Драмбе. Вкалывает мой рядовой вовсю, только стружка летит. Весь в опилках, в горячем масле, руки так и ходят. Одно удовольствие было на него смотреть. Быстро у него это дело продвигалось — просто на диво. А мне теперь оставалось только одно: ждать.

Ну, ждать пришлось мне недолго, дня два. Когда машинка была готова, я ее сложил в мешок, отнес к прудам, собрал там и опробовал с молитвою. Ничего машинка, молотит. Плюется, конечно, но все-таки получилась она получше, чем у наших повстанцев, которые делали свои сморкалки вообще из обрезков водопроводных труб. Ну, вернулся я, сунул ее вместе с мешком в железный ящик. Готов.

И вот в тот же вечер (я уже спать нацеливался) открывается дверь, и стоит у меня на пороге эта женщина. Слава богу, я еще не разделся — сидел на койке в форме и снимал сапоги. Правый снял, но только это за левый взялся, смотрю — она. Я ничего даже подумать не успел, только взглянул и, как был в одном сапоге, вскочил перед нею и вытянулся. Красивая она была, ребята, даже страшно — никогда я у нас таких не видел, да и не увижу, наверное, никогда.

— Простите, — говорит она, улыбаясь. — Я не знала, что здесь вы. Я ищу Корнея.

А я молчу, как болван деревянный, и только глазами ее ем, но почти ничего не вижу. Обалдел. Она обвела взглядом комнату, потом снова на меня посмотрела — пристально, внимательно, уже без улыбки, — ну, видит, что от меня толку добиться невозможно, кивнула и вышла, и дверь за собой тихонько прикрыла. И верите ли, ребята, мне показалось, что после ее ухода в комнате сразу стало темнее.

Долго я стоял вот так, в одном сапоге. Все мысли у меня спутались, ничегошеньки я не соображал. Не знаю уж, в чем тут дело: то ли освещение было какое-то особенное в ту минуту, а может быть, и сама эта минута была для меня особенной, но я потом полночи все крутился и не мог в себя прийти. Вспоминал, как она стояла, как глядела, что говорила. Сообразил, конечно, что она мне неправду сказала, что вовсе она не Корнея искала (нашла, где искать!), а зашла она сюда специально, на меня посмотреть.

Ну, это ладно. Другая мысль меня в тоску смертную вогнала: понял я, что довелось мне увидеть в эту минуту малую частичку настоящего большого мира этих людей. Корней

ведь меня в этот мир не пустил, и правильно, наверное, сделал. Я бы в этом мире руки на себя наложил, потому что это невозможно: видеть такое ежеминутно и знать, что никогда ты таким, как они, не будешь и никогда у тебя такого, как у них, не будет, а ты среди них, как сказано в священной книге, есть и до конца дней своих останешься «безобразен, мерзок и затхл»... В общем, плохо я спал в эту ночь, ребята, можно сказать, что и вовсе не спал. А едва рассвело, я выбрался в сад и залег в кустах на обычном своем наблюдательном пункте. Захотелось мне увидеть ее еще раз, разобраться, понять, чем же она меня вчера так ударила. Ведь видел же я ее и раньше, из этих самых кустов и видел...

И вот когда они шли по дорожке к нуль-кабине, рядом, но не касаясь друг друга, я смотрел на нее и чуть не плакал. Ничего опять я в ней не видел. Ну, красивая женщина, спору нет, — и все. Вся она словно погасла. Словно из нее душу живую вынули. В синих глазах у нее была пустота, и около рта появились морщины.

Они прошли мимо меня молча, и только у самой кабины она, остановившись, проговорила:

— Ты знаешь, у него глаза убийцы...

— Он и есть убийца, — тихо ответил Корней. — Профессионал...

— Бедный ты мой, — сказала она и погладила его ладонью по щеке. — Если бы только я могла с тобой остаться... но я правда не могу. Мне здесь тошно...

Я не стал дальше слушать. Ведь это они про меня говорили. Прокрался я к себе в комнату, посмотрел в зеркало. Глаза как глаза. Не знаю, чего ей надо. А Корней правильно ей сказал: профессионал. Тут стесняться нечего. Чему меня научили, то я и умею... И я всю эту историю от себя отмел. У вас свое, у меня свое. Мое дело сейчас — ждать и дожидаться.

Как я оставшиеся три дня провел — не знаю. Ел, спал, купался. Опять спал. С Корнеем мы почти не разговаривали. И не то чтобы он меня не простил за тот случай или всякое там, нет. Просто он занят был по горло. Теперь уж до последнего предела. Даже осунулся. Народ к нам снова зачастил, так и прут. Не поверите — дирижабль прилетел, целые сутки висел над садом, а к вечеру как посыпались из него, как посыпались... Но вот что удивительно — за все это время ни одного «призрака». Я уже давно заметил: «призраки» у них здесь прибывают либо поздним вечером, либо рано утром, не знаю уж почему. Так что днем я как в тумане был, ни на что внимания не обращал, а как солнце сядет, звезды высыпят, так я у окна с машинкой на коленях. А «призраков» нет, хоть ты лопни. Я жду, а их нет. Я уж, честно говоря, тревожиться начал. Что это, думаю, специально? И тут он все на сто лет вперед рассчитал?

За все это время только одно интересное событие и произошло. В последний день. Дрыхну это я перед ночной своей вахтой, и вдруг будит меня Корней.

— Что это ты среди бела дня завалился? — спрашивает он меня недовольно, но недовольство это, я вижу, какое-то ненастоящее.

— Жарко, — говорю. — Сморил.

Сморозил, конечно, спросонья. Как раз весь этот день дождик с самого утра моросил.

— Ох, распустил я тебя, — говорит он. — Ох, распустил. У меня руки не доходят, а ты пользуешься... Пойдем! Ты мне нужен.

Вот это номер, думаю. Понадобился. Ну, конечно, вскакиваю, постель привел в порядок, берусь за сандалии, и тут он мне преподносит.

— Нет, — говорит. — Это оставь. Надень форму. И оправься как следует... причешись. Вахлак вахлаком, смотреть стыдно...

Ну, ребята, думаю, моря горят, леса текут, мышка в камне утонула. Форму ему. И разобрало меня любопытство, сил нет. Облачаюсь, затягиваюсь до упора, причесался. Каблуками щелкнул. Слуга вашего превосходительства. Он осмотрел меня с головы до ног, усмехнулся чему-то, и пошли мы через весь дом к нему в кабинет. Он входит первым, отступает на шаг в сторону и четко по-алайски произносит:

— Разрешите, господин старший бронемастер, представить вам. Бойцовый Кот его высочества, курсант третьего курса Особой столичной школы Гаг.

Гляжу — и в глазах у меня потемнение, а в ногах дрожание. Прямо передо мной, как привидение, сидит, развалившись в кресле, офицер-бронеходчик. Голубой Дракон, «Огонь на колесах» в натуральную величину, в походной форме при всех знаках различия. Сидит, нога на ногу, ботинки сияют, шипами оскалились, коричневая кожаная куртка с подпалинами, с плеча свисает голубой шнур — тот еще волк, значит... и морда как у волка, горелая пересаженная кожа лоснится, голова бритая наголо, с коричневыми пятнами от ожогов, глаза как смотровые щели, без ресниц... Ладони у меня, ребята, сами собой уперлись в бедра, а каблуки так щелкнули, как никогда еще здесь не щелкали.

— Вольно, курсант, — произносит он сиплым голосом, берет из пепельницы сигарку и затягивается, не отрывая от меня своих смотровых щелей.

Я опустил руки.

— Несколько вопросов, курсант, — сказал он и положил сигарку обратно на край пепельницы.

— Слушаю вас, господин старший бронемастер!

Это не я говорю, это мой рот сам собой отбарабанивает. А я в это время думаю: что же это такое, ребята? Что же это происходит? Ничего не соображаю. А он говорит, невнятно так, сглатывая слова, я эту ихнюю манеру знаю:

— Слышал, что его высочество удостоил тебя... а-а... жевательным табаком из собственной руки.

— Так точно, господин старший бронемастер!

— Это за какие же... а-а... подвиги?

— Удостоен как представитель курса после взятия Арихады, господин старший бронемастер!

Лицо у него равнодушное, мертвое. Что ему Арихада? Опять взял сигарку, осмотрел тлеющий кончик, вернул в пепельницу.

— Значит, был удостоен... Раз так, значит... а-а... нес впоследствии караульную службу в ставке его высочества...

— Неделю, господин старший бронемастер, — сказал мой рот, а голова моя подумала: ну, чего пристал? Чего тебе от меня надо?

Он вдруг весь подался вперед.

— Маршала Нагон-Гига в ставке видел?

— Так точно, видел, господин старший бронемастер!

Змеиное молоко! Экий барин горелый выискался! Я с самим генералом Фраггой разговаривал, не тебе чета, и тот со второго моего ответа позволил и приказал: без званий. А этому, видно, как музыка: «Господин Старший Бронемастер». Новопроизведенный, что ли? А может, из холопов выслужился... опомниться не может.

— Если бы сейчас маршала встретил, узнал бы его?

Ну и вопросик! Маршал — он был такой низенький, грузный, глаза у него все слезились. Но это от насморка. Если бы у него глаза не было или, скажем, уха... а так — маршал как маршал. Ничего особенного. В ставке их много, Фрагга был еще из боевых...

— Не могу знать, — сказал я.

Он снова откинулся на спинку кресла и снова взялся за сигарку. Не нравилась ему эта сигарка. Он ее больше в руках держал да обнюхивал, чем затягивался. Ну и не курил бы... вон бычок какой здоровенный, а я мох курю...

Он подобрал под себя свои голенастые ноги, поднялся, прошел к окну и стал спиной ко мне со своей сигаркой — только голубой дымок поднимается из-за плеча. Думает. Мыслитель.

— Ну хорошо, — говорит совсем уже невнятно, и получается у него «нухшо». — А нет ли у тебя... а-а... курсант, старшего брата у нас в Голубых бронеходцах?

Даже морду не повернул. Так, ухо немножко в мою сторону преклонил. А у меня, между прочим, три брата было... могли бы быть, да все в грудном возрасте померли. И такая меня злоба вдруг взяла, на все вместе разом.

— Какие у меня, змеиное молоко, братья? — говорю. — Откуда у нас братья? Мы сами-то еле живы...

Он мигом ко мне повернулся, словно его шилом ткнули. Уставился. Ну чисто бронеход! А я вроде бы в окопе сижу... У меня по старой памяти кожа на спине съезжилась, а потом думаю: идите вы все с вашими взорами, тоже мне — старший бронемастер драной армии... Сам небось драпал, все бросил, аж сюда додрапал, от своих же небось солдат спасался... И отставляю я нагло правую ногу, а руки завожу за спину и гляжу ему прямо в смотровые щели.

Полминуты он, наверное, молчал, а потом негромко просипел:

— Как стоишь, курсант?

Я хотел сплюнуть, но удержался, конечно, и говорю:

— А что? Стою как стою, с ног не падаю.

И тут он двинулся на меня через всю комнату. Медленно, страшно. И не знаю я, чем бы это все кончилось, но тут Корней из своего угла, где он все это время сидел с бумажками, подает вдруг голос:

— Бронемастер, друг мой, полегче... не заезжайте...

И все. По опаленной морде прошла какая-то судорога, и господин старший бронемастер, не дойдя до меня, свернул к своему креслу. Готов. Скис Голубой Дракон. Это тебе не комендатура. И ухмыльнулся я всем своим одеревенелым лицом как только мог нагло. А сам думаю: ну, а если бы Корнея не было? Вышел бы Корней на минуту? Ударил бы он меня, и я бы его убил. Точно, убил бы. Руками.

Он повалился в свое кресло, придавил наконец в пепельнице эту сигарку и говорит Корнею:

— Все-таки у вас здесь очень жарко, господин Корней... Я бы не отказался от чего-нибудь... а-а... освежающего.

— Соку? — предлагает Корней.

— Соку? А-а... нет. Если можно, чего-нибудь покрепче.

— Вина?

— Пожалуй.

На меня он больше не смотрит. Игнорирует. Берет у Корнея бокал и запускает в него свой обгорелый нос. Сосет. А я обалдел. То есть как это? Нет, конечно, всякое бывает... тем более разгром... разложение... Да нет! Это же Голубой Дракон! Настоящий! И вдруг у меня как пелена с глаз упала. Шнурок... вино... Змеиное молоко, да это же все липа!

Корней говорит:

— Ты не выпьешь, Гаг?

— Нет, — говорю. — Не выпью. И сам не выпью, и этому не советую... господину старшему бронемастеру.

И такое меня веселье злое разобрало, я чуть не расхохотался. Они оба на меня вылупились. А я подошел к этому горелому барину, отобрал у него бокал и говорю — мягко так, отечески поучаю:

— Голубые Драконы, — говорю, — вина не пьют. Они вообще спиртного не пьют. У них, господин старший бронемастер, зарок: ни капли спиртного, пока хоть одна полосатая крыса оскверняет своим дыханием атмосферу Вселенной. Это раз. А теперь шнурочек... — Берусь я за этот знак боевой доблести, отстегиваю от пуговицы куртки и аккуратноенько пускаю его вдоль рукава. — Шнурок доблести только по уставу вам положено пристегивать к третьей пуговице сверху. Никакой настоящий Дракон его не пристегивает. На гауптвахтах сидят, но не пристегивают. Это, значит, два.

Ах, какое я наслаждение испытывал. Как мне было легко и прекрасно! Оглядел я еще раз их, как они меня слушают, будто я сам пророк Гагура, вещающий из ямы истину господню, да и пошел себе на выход. На пороге я остановился и напоследок добавил:

— А при разговоре с младшим по чину, господин старший бронемастер, не велите себя все время величать полным титулом. Ошибки здесь большой, конечно, нет, только уважать вас не будут. Это не фронтовик, скажут, это тыловая крыса в форме фронтовика. И лицо обгорелое вам не поможет. Мало ли где люди обгорают...

И пошел. Сел у окошка, ручки на коленях сложил — хорошо мне так, спокойно, как будто я большое дело сделал. Сижу, перебираю в голове, как все это было. Как Корней сначала только глазами хлопал, а потом подобрался весь, каждое мое слово ловит, шею вытянув, а у этого фальшивого бронемастера даже варежка открылась от внимания... Но, конечно, я недолго так себя тешил, потому что очень скоро пришло мне в голову, что на самом-то деле получилась какая-то чушь, получилось, что они засылают к нам шпиона, а я этому помогаю. Консультирую, значит. Как последняя купленная дрянь. Обрадовался, дурак! Разоблачил! Взяли бы его там, поставили бы к стенке, и делу конец... Какому делу? Вот тут-то все и начинается. Корней ведь тоже у нас сидел, и, наверное, не один год. Уцелел. А мог бы и не уцелеть. Что ж, хорошо бы это было, а? Корней ведь. Я уж не говорю о том, что гнили бы мои кости сейчас в джунглях... Не-ет, это все не так просто. Я ведь почему завелся? Меня этот Дракон завел. Мне ж на него смотреть тошно было. Раньше небось не тошнило, раньше пал бы я перед ним на колени, перед братом-храбрецом, сапоги бы ему чистил с гордостью, хвастался бы потом... Знаешь, я кому сапоги чистил? Старшему бронемастеру! Со шнуром!.. Нет-нет, разобраться надо, разобраться...

Сидел я аж до самых сумерек и все разбирался, а потом пришел Корней, руку мне положил на плечо, прямо как тому... Дангу.

— Ну, — говорит, — дружище, спасибо тебе. Я так и чувствовал, что ты что-нибудь заметишь. Понимаешь, мы его в большой спешке готовили... Человека одного спасти надо. Большого вашего ученого. Есть подозрение, что он скрывается на западном берегу озера Заггута, а там сейчас бронечасть окопалась, и никому туда проходу нет. Только своих принимают. Так что считай: ты сегодня двух человек спас. Двух хороших людей. Одного вашего и одного нашего.

Ладно. Много он мне еще всякого наговорил. Прямо медом по сердцу. Я уж не знал, куда глаза девать, потому что, когда я их, значит, консультировал, у меня, натурально, и в мыслях не было кого-нибудь спасать. Просто от злорадства у меня все это получилось. Ладно.

— Когда же он отбывает? — спрашиваю. Просто так спросил — поток Корнеева красноречия немножко притормозить.

— Утром, — отвечает. — В пять утра.

И тут до меня дошло. Эге, думаю. Вот и дождался.

— Отсюда? — спрашиваю. Уже не просто так.

— Да, — отвечает он. — С этой поляны.

Так.

— Угу, — говорю. — Надо бы мне его проводить, посмотреть напоследок. Может, еще чего замечу...

Корней засмеялся, снова потрепал меня по плечу.

— Как хочешь, — говорит. — Но лучше бы тебе поспать. Ты что-то последнее время совсем от режима отбился. Пойдем ужинать, и ложись-ка ты спать.

Ну, пошли мы ужинать. За ужином Корней был веселый, давно я его таким не видел. Рассказывал разные смешные истории из тех времен, когда работал он у нас в столице курьером в одном банке, как его гангстеры вербовали и что из этого вышло. Спросил он меня, где Драмба, почему его последние дни не видно. Я ему по-честному сказал, что Драмба у меня строит укрепрайон около прудов.

— Укрепрайон — это хорошо, — говорит он серьезно. — Значит, в крайнем случае будет где отсидеться. Погоди, я освобожусь, мы еще настоящую военную игру устроим, все равно ребят нужно будет тренировать...

Ну, поговорили мы про муштровку, про маневры; я смотрю, какой он ласковый да приветливый, а сам думаю: попросить его, что ли, еще разок? Добром. Отпусти, мол, меня домой, а? Нет, не отпустит. Он меня до тех пор не отпустит, пока точно не убедится, что я безопасен. А как его убедить, что я уже и так безопасен, когда я и сам не знаю этого? Да и не узнаю, пока там не окажусь...

Расстались мы. Пожелал он мне спокойного сна, и пошел я к себе. Спать я, конечно, не стал. Так, прилег немножко, подремал вполглаза. А в три часа уже поднялся, стал готовиться. Готовился я так, как ни в какой поиск никогда еще не готовился. Жизнь моя должна была решиться этим утром, ребята. В четыре часа я уже был в саду и сидел в засаде. Время, как всегда в таких случаях, еле ползло. Но я был совершенно спокоен. Никакого мандража, ничего. Я просто знал, что должен эту игру выиграть и что подругому быть просто не может. А время... Что ж, медленно там или быстро, а оно в конце концов всегда проходит.

Ровно в пять, только роса выпала, раздалось у меня над самым ухом знакомое хриплое мяуканье, ударило по кустам горячим ветром, зажегся над поляной первый огонь, и вот — он уже стоит. Рядом. Так близко я его еще никогда не видел. Огромный, теплый, живой, и бока у него, оказывается, вроде бы даже шерстью покрыты и заметно шевелятся, пульсируют, дышат... Черт знает, что за машина. Не бывает таких машин.

Я переменил позицию, чтобы быть поближе к дорожке. Смотрю — идут. Впереди мой Голубой Дракон, шнурок у него болтается как положено, в руке стек, это они хорошо додумались: у них ведь если шнурок заслужил, то обязательно и стек, я и сам об этом позабыл. В порядке мой Дракон. Корней шагает за ним следом, и оба они молчат — видно, все уже сказано, остается только руки пожать или, как у них здесь принято, обняться и на дорогу благословить.

Я подождал, пока подошли они к «призраку» вплотную, чвакнул, раскрываясь, люк, — и тут я вышел из кустов и наставил на них свою машинку.

— Стоять не шевелясь!

Они разом повернулись ко мне и застыли. Я стоял на полусогнутых, приподняв ствол автомата, — это на тот случай, если кто-нибудь из них вдруг прыгнет на меня через все десять метров, которые нас разделяют, и тогда я встречу его в воздухе.

— Я хочу домой, Корней, — сказал я. — И вы меня сейчас туда заберете. Без всяких разговоров и без всяких отсрочек...

В рассветных сумерках лица их были очень спокойны, и ничего на них не было, кроме внимания и ожидания, что я еще скажу. И краем сознания я отметил, что Корней остался Корнеем, а Голубой Дракон не сбросил маску, остался Голубым Драконом, и оба они были опасны. Ох, как они были опасны!

— Или мы туда отправимся вместе, — сказал я, — или туда не отправится никто. Я вас тут обоих положу и сам лягу.

Сказал и замолчал. Жду. Нечего мне больше сказать. Они тоже молчат. Потом Голубой Дракон чуть поворачивает голову к Корнею и говорит:

— Этот мальчишка... а-а... совершенно забылся. Может быть, мне взять его с собой? Мне же нужен... а-а... денщик...

— Он не годится в денщики, — сказал Корней, и на лице его ни с того ни с сего вдруг появилось то самое выражение предсмертной тоски, которое озадачило меня в первый раз еще в госпитале.

Я даже растерялся.

— Мне надо домой! — сказал я. Будто прощения просил.

Но Корней уже был прежним.

— Кот, — сказал он. — Эх ты, котяра... гроза мышей!

Глава восьмая

Гаг продрался через последние заросли и вышел к дороге. Он оглянулся. Ничего уже нельзя было разобрать за путаницей гнилых ветвей. Лил проливной дождь. Смердом несло из кювета, где в глиняной жиже кучи какого-то зловещего черного тряпья. Шагах в двадцати, на той стороне дороги, торчал, завалившись бортом в трясину, обгорелый бронеход — медный ствол огнемета нелепо целился в низкие тучи.

Гаг перепрыгнул через кювет и по обочине зашагал к городу. Дороги как таковой не было. Была река жидкой глины, и по этой жиже навстречу, из города, поминутно увязая, тащились запряженные изнемогающими волами расхлябанные телеги на огромных деревянных колесах, и закутанные до глаз женщины, поминутно оскальзываясь, плача и скверно ругаясь, неистово молотили волов по ребристым бокам, а на телегах, погребенные среди мокрых узлов, среди торчащих ножками стульев и столов, жались друг к другу бледные золотушные ребятишки, как обезьяны под дождем, — их было много, десятки на каждой телеге, и не было в этом плачевном обозе ни одного мужчины...

На сапогах уже налипло по пуду грязи, дождь пропитал куртку, лил за воротник, струился по лицу. Гаг шагал и шагал, а навстречу тянулись беженцы, сгибались под мокрыми тюками и ободранными чемоданами, толкали перед собой тележки с жалкой поклажей, молча, выбиваясь из последних сил, давно, без остановок. И какой-то старик со сломанным костылем на коленях сидел прямо в грязи и монотонно повторял без всякой надежды: «Возьмите, ради бога... Возьмите, ради бога...» И на покосившемся телеграфном столбе висел какой-то чернолицый человек со скрученными за спиной руками...

Гаг был дома.

Он миновал застрявший в грязи военный санитарный автофургон. Водитель в грязном солдатском балахоне, в засаленной шапке блином, приоткрыв дверцу, надсадно орал что-то неслышное за ревом двигателя, а у заднего борта в струях грязи, летящих из-под буксующих колес, бестолково и беспомощно суетились двое — маленький военврач с бакенбардами и молоденькая женщина в форме, видимо медсестра. Проходя мимо, Гаг мельком подумал, что только этот автомобиль направляется в город навстречу общему потоку, да и он вот застрял...

— Молодой человек! — услышал он. — Стойте! Я вам приказываю!

Он остановился и повернул голову. Военврач, оскальзываясь, нелепо размахивая руками, бежал к нему, а следом кабаном пер водитель, совершенно озверелый, красно-лиловый, квадратный, с прижатыми к бокам огромными кулаками.

— Немедленно извольте нам помочь! — фальцетом закричал врач, подбегая. Весь он был залит коричневой жижей, и непонятно было, что он мог видеть сквозь заляпанные стекляшки своего пенсне. — Немедленно! Я не позволяю вам отказываться!

Гаг молча смотрел на него.

— Поймите, там чума! — кричал врач, тыча грязной лапкой в сторону города. — Я везу сыворотку! Почему никто не хочет мне помочь?

Что в нем было? Старенький, немощный, грязный... А Гаг почему-то вдруг увидел перед собой залитые солнцем комнаты, огромных, красивых, чистых людей в комбинезонах и пестрых рубашках и как вспыхивают огни «призраков» над круглой поляной... Это было словно наваждение.

— Р-разговаривать с ним, с заразой! — прохрипел водитель, отодвигая врача. Страшно сопя, он ухватил автомат за ствол, выдернул его у Гага из-под мышки и с хрюканьем зашвырнул в лес. — Вырядился, субчик, змеиное молоко... А ну!

Он с размаху вlepил Гагу затрещину, и доктор сразу же закричал:

— Прекратите! Немедленно прекратите!

Гаг покачнулся, но устоял. Он даже не взглянул на водителя. Он все глядел на врача и медленно стирал с лица след удара. А врач уже тащил его за рукав.

— Прошу вас, прошу... — бормотал он. — У меня двадцать тысяч ампул. Прошу вас понять... Двадцать тысяч! Сегодня еще не поздно...

Да нет, это был алаец. Обыкновенный алаец-южанин... Наваждение. Они подошли к машине. Водитель, бурча и клопоча, полез в кабину, гаркнул оттуда: «Давай!» — и сейчас же заревел двигатель, и Гаг, встав между девушкой и врачом, изо всех сил уперся плечом в борт, воняющий мокрым железом. Завывал двигатель, грязь летела фонтаном, а он все нажимал, толкал, давил и думал: «Дома. Дома...»

Из архива

Аркадий Стругацкий Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю

Ночь, озаренная вспышками выстрелов и пожарами. Горят свайные хижины, рушатся тростниковые крыши, вздымая снопы искр, тяжелые клубы дыма то взвиваются к беззвездному красному небу, то жмутся к земле, заволакивая поле боя.

Ползут, переваливаясь с бока на бок, неуклюжие бронированные машины, похожие на уродливых черепах, обшитые грубо склепанным и нелепо раскрашенным железом, их огнеметы с коротких остановок выплевывают длинные струи огня. За черепахами, низко пригибаясь, движутся пехотинцы в конусовидных касках и полосатых балахонах. Нечленораздельный рев наступающих временами покрывает остальные звуки сражения.

Одна из бронированных черепах внезапно оседает на корму, окутывается дымом и вспыхивает. Чудовищные металлические ноги-рычаги беспомощно скребут землю. Охваченные пламенем, черные фигурки выбрасываются через люки и катаются по земле.

В полукруглом окопчике сбоку от дороги, у неуклюжего гранатомета суетятся двое в коротких широких штанах и зелено-коричневых маскировочных куртках. Один — старик со сморщенной физиономией, с длинной реденькой бородкой. Другой — парнишка лет шестнадцати. На правом рукаве его куртки эмблема: оранжевый треугольник с изображением черного кота, выгнувшего спину, с красными глазами и красной оскаленной пастью.

Обмениваясь непонятными возгласами со странной интонацией, старик и парень разворачивают гранатомет навстречу приближающейся черепахе. Над их головами проносится огненная струя, позади окопа вспыхивает озеро пламени, и в его отсветах отчетливо видна лобовая броня механического чудовища.

Гранатомет стреляет. Промах.

Старик трясущимися руками поднимает новую гранату. Пулеметная очередь прошивает его грудь, и он оседает на дно окопа. Визжа от ужаса и ненависти, парень выхватывает гранату из мертвых рук и швыряет навстречу напозающей черепахе. Взрыв. Черепаха вваливается передней парой ног-рычагов в окоп, расплющив гранатомет, и замирает. В щели между листами брони высовываются языки огня.

Оглушенный и ослепленный, парень выбирается из-под ржавых железных ног и шатающейся трусцой бежит к горящим хижинам.

Пулеметная очередь. Парень падает, несколько секунд лежит неподвижно, затем пытается ползти.

На него надвигается новый броневик. Облепленная грязью нога-рычаг нависает над ним.

И в этот момент от горящих хижин отделяется стремительная черная тень. Невысокий гибкий человек, с ног до головы затянутый в черное, в три прыжка выскакивает на дорогу, выхватывает парня из-под надвигающейся черепахи и откатывается в сторону.

Он вскакивает с парнишкой на руках. На том месте, где он только что лежал, земля вскипает от пулеметной очереди. Сбоку набегают ревущий солдат в полосатом балахоне и взмахивает кривым мечом. Черный человек легко отбивает удар ребром ладони по его локтю. Меч сверкающей полоской улетает в темноту, а полосатый, схватившись за руку, с воем валится навзничь.

Черный человек с парнишкой на плече сбегает в темноту и бежит по болоту, расплескивая воду и раздвигая тростники. И вот уже далеко позади остались огни и громы сражения. Угрюмое темно-багровое небо нависает над черным болотом. Черный человек с

безжизненным телом на плече движется через трясины легко, без всякого напряжения, как по твердой земле.

Впереди на фоне багрового неба появляется силуэт темного холма удивительно правильных очертаний.

С парнишкой на руках черный человек приближается к стенке этого холма-купола и ударяет в нее ногой. Что-то лопается с тихим чмокающим звуком, и в стене открывается ярко озаренный овал люка.

Черный человек просовывает тело парнишки в люк, затем шагает следом сам. Яркий свет озаряет его суровое испачканное лицо.

— Старт, — хрипло произносит он. — Немедленно...

Овал люка гаснет.

Силуэт огромного купола — космического корабля — на фоне багрового неба начинает медленно таять. Не слышно грохота двигателей, не видно вспышек дюз. Он просто исчезает без следа, как призрак.

Затемнение. На фоне его медленно загорается надпись:

БОЙЦОВЫЙ КОТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ПРЕИСПОДНЮЮ

Надпись гаснет. Тьма медленно рассеивается, и странным контрастом черно-багровому миру пролога на экране возникает прелестный солнечный пейзаж: неширокая речка вьется между крутыми берегами, а на берегах зеленеют густые рощи и раскинулись изумрудные поляны, испещренные яркими пятнышками цветов, и эти рощи и поляны, перемеживаясь, тянутся вдаль, покрывая неоглядную всхолмленную равнину, и теряются у горизонта в прозрачной голубоватой дымке, а над всем этим синее голубое небо, в котором неторопливо плывут пухлые белые облака, волоча по равнине легкие темные свои тени...

Идут титры, а когда они оканчиваются, на опушку одной из рощ выезжает кавалькада всадников в легких одеждах — молодые люди и девушки на неоседланных конях. Кавалькада пересекает поляну и скрывается в соседней роще. Последний всадник чуть придерживает коня и, прищурившись, бросает рассеянный взгляд в небо, а затем тоже въезжает под кроны деревьев.

А в небе летят двое. Летят, как парящие птицы, раскинув руки и вытянувшись всем телом, и встречный ветер обдувает их лица, развеивает волосы, треплет одежду. Молодая, очень красивая женщина в синих шортах и белой блузке. Мужчина средних лет с жестковатым загорелым лицом и шапкой густых седых волос, одетый в серые брюки и белый свитер.

— Здесь... — произносит мужчина.

Впереди и внизу в застывшем море зелени виднеется красная крыша. Мужчина и женщина медленно описывают круг на высоте ста метров.

— Пора, — говорит мужчина.

— Иди, — отзывается женщина.

— Ты не устала?

— Нет...

— Тогда до вечера...

Они протягивают руки друг к другу, их пальцы соприкасаются.

— Ни пуха ни пера... — произносит женщина.

Мужчина улыбается, кивает ей и стремглав бросается вниз, пикируя, как кажется, прямо на черепичную крышу.

— Ни пуха ни пера, Корней! — кричит ему вслед женщина.

Тесноватая прихожая с обстановкой в стиле конца девятнадцатого века — лепной потолок, слегка выцветшие обои, большое овальное зеркало в вычурной деревянной

рамке, и столик на изогнутых ножках под зеркалом, и большая соломенная шляпа на столике, и вешалка в углу, и несколько плащей и шуба на вешалке, и неуклюжие боты на обувной полочке под вешалкой, и огромный пушистый котище дремлет на покрытом ковром сундуке, и пестрая ковровая дорожка от двери к двери.

Длинный дребезжащий звонок.

— Иду, иду... — слышится голос из глубины дома.

В прихожую шаркающей походкой выходит дородная старуха в глухом черном платье, совершенно седая, с высоченной прической, с двойным подбородком. Мельком взглянув на себя в зеркало и поправив на ходу какую-то несущественную деталь в прическе, она подходит к входной двери и поворачивает барабанчик французского замка. Дверь открывается. На пороге стоит мужчина в серых брюках и белом свитере — Корней.

— Здравствуйте, Серафима Трофимовна, — почтительно произносит он. — Вы разрешите?

— Входи, сынок, — басом отвечает старуха.

Она закрывает за ним дверь.

— Я не опоздал?

— Нет. Представитель Совета...

Откуда-то снаружи доносится негромкий медный звон. Старуха поднимает палец.

— Это он, — тихонько произносит она. На лице ее появляется странное выражение — смесь выжидания и легкого злорадства. — Тихо!

В дверь что-то ударяется довольно сильно, слышится невнятное восклицание, затем дребезжит звонок.

Старуха открывает. На пороге стоит, держась за лоб, морщась от боли, худощавый человек в белом костюме.

— Здравствуйте, Серафима Трофимовна, — сердитым голосом говорит он. — Разрешите?

— Входите, входите, Арнольд, — произносит старуха. — Что это с вами? Ушиблись?

— Ушибся... — сердито отвечает Арнольд, входя. — Это ваше пристрастие к архаике... Я врезался в дверь, как баран... прямо лбом...

— Да, да, — сочувственно говорит старуха и подмигивает Корнею. — Я совершенно забыла вас предупредить... Дайте-ка я взгляну, что там у вас...

— Не беспокойтесь...

Но старуха уже отвела его руку и ощупала лоб.

— Шишка будет... — с уверенностью говорит она. — Погодите, я сейчас вам свинцовую примочку...

— Прошу вас, не надо! Архаическая медицина — это тоже, знаете ли... Почему бы вам не поставить нормальные автоматические двери?

— Привычка... — Старуха слегка разводит руки. — Ну, прошу проходить... Сейчас я вас чайком... Надеюсь, против чая вы возражать не будете, Арнольд?

— Против чая — нет... — отвечает Арнольд, устремляясь к противоположной двери.

— Осторожно! — произносит Корней.

Арнольд останавливается как вкопанный, опасно протягивает вперед обе руки и толкает дверь. Они гуськом проходят в соседнее помещение: впереди Арнольд, за ним старуха, последним — Корней.

Обширная гостиная — тоже в стиле конца девятнадцатого века. Окна с тяжелыми портьерами, портьеры раздвинуты, за окнами видны крытые жестью крыши, кирпичные трубы, на трубах, нахохлившись, сидят вороны. Стены гостиной обиты голубым штофом, потолок, как и в прихожей, лепной, с середины свешивается массивная люстра с хрустальными подвесками. Вдоль стен стоят диваны, в углу — громоздкое пианино с вертящимся круглым табуретом перед ним. Картины — репродукции великих мастеров — в тяжелых рамах, над диваном — золоченое бра.

Посередине гостиной — круглый стол, вокруг него несколько стульев с мягкой обивкой.

Из-за стола навстречу вошедшим поднимается огромного роста мужчина, огненно-рыжий, в потертых джинсах и пестрой рубашке навыпуск.

— Привет, — произносит он, любезно улыбаясь.

— Здравствуйте, — несколько чопорно отзывается Арнольд, озираясь с опасливым любопытством.

— Да, Арнольд, — говорит старуха. — Вы уж поосторожней, пожалуйста. Здесь всё как в старину, никакой автоматике, никаких самовозникающих кресел... Эндрю, сынок, подавай самовар и вообще накрывай на стол... Сейчас начнем.

Они сидят за накрытым столом: чашки на блюдцах и стаканы в подстаканниках, вазочки и розетки, баночки с вареньем, корзиночки с печеньем, вазы с фруктами, и посередине стола — огромный сияющий самовар.

— Арнольд, возьмите земляничного... — говорит старуха. — Ручаюсь, такого вы не пробовали...

— Благодарю вас, — несколько натянуто отзывается Арнольд.

— Итак, — продолжает старуха, — по праву старшего я открываю заседание трибунала. В состав трибунала согласно правилам входят два представителя Прогрессоров — это я и Эндрю — и представитель конфликтной комиссии Всемирного Совета — доктор педагогики Арнольд... Знакомься, Корней.

Корней кивает Арнольду:

— Рад познакомиться, доктор.

— Рад познакомиться, Прогрессор, — кивает в ответ Арнольд.

— Председательствую я, — продолжает старуха. — Корней, у тебя есть отводы к этому составу трибунала?

— Нет, разумеется...

— Это хорошо... — Старуха иронически оглядывает Корнея. — Не знаю, что бы мы делали, если бы у тебя был отвод... Итак. Имеет место неприятный случай. Скверное происшествие. Вопреки всем существующим законам, вопреки установкам штаба, вопреки строжайшим указаниям Всемирного Совета руководитель группы Гиганда-26 вывез с планеты Гиганда и, что хуже всего, транспортировал на Землю аборигена этой планеты. Признаёшь, сынок?

— Трудно не признать, — хмуро отвечает Корней.

— А раз признаёшь, должен понести наказание. Впрочем, если бы даже и не признал...

— Простите, — перебивает Арнольд. — Я бы хотел знать обстоятельства. Не то чтобы это имело большое значение...

— Говори, сынок. Только коротко.

— Все было просто, — так же хмуро произносит Корней. — Я оказался в самой каше... Мальчишку ранило, он погибал. Ну... вот и все.

— Скверное дело, — бормочет Арнольд.

— Грубо говоря, несчастный случай, — замечает Эндрю. — Но так или иначе, инопланетянин на Земле. Нарушение.

— Дело ясное, — произносит старуха. — Собственно, наше нынешнее сборище — пустая формальность. Возможна единственная мера пресечения...

Корней угрюмо смотрит на свой стакан, машинально помешивая чай ложечкой.

— Отстранение от работы, — жестко заканчивает старуха.

Арнольд откидывается на спинку кресла, с изумлением глядит на нее, затем на Эндрю:

— Шутите?

— Нет, — говорит старуха. — Какие уж тут могут быть шутки.

— Отстранение от работы, — повторяет Арнольд. — Боюсь, это...

— Ничего, — говорит старуха. — Корней — парень сильный, выдержит. Пусть это будет уроком всем нам...

— Никаким уроком это быть не может, — угрюмо прерывает Корней и выпрямляется, глядя старухе в глаза. — Вы сами отлично понимаете это, Серафима Трофимовна. Ни один человек не мог бы поступить на моем месте иначе... если он желает остаться человеком. Я не отрицаю вины, но это именно то, о чем сказал Эндрю — несчастный случай...

— Молчи, сынок, — говорит старуха. — И за несчастный случай кто-то должен нести ответственность...

— Все-таки... — начинает Арнольд.

Старуха поворачивается к нему:

— Бросьте, Арнольд. Прогрессоры... наша организация молода. Вы сами знаете, как косо смотрят на нас в Совете. Мы — связующее звено между человечеством и варварскими цивилизациями иных миров. И мы должны уметь становиться варварами, когда необходимо. Когда-нибудь, лет через сто... когда... и если Земля поймет и прочувствует нашу миссию на иных мирах...

— Ладно, — говорит Арнольд, хмурясь. — В конце концов, я здесь для того, чтобы наказать, а не для того, чтобы оправдывать...

— Итак, отстранение от работы на иных мирах, — говорит старуха. — Согласны?

— Согласен, — произносит Эндрю, глядя в упор на Корнея.

— Согласен, — эхом отзывается Арнольд, опустив глаза.

— Согласен, — хрипло бормочет Корней.

— Решено, — говорит старуха. — Вот так-то, сынок. Любишь кататься, люби и саночки возить.

Арнольд с любопытством смотрит на нее:

— Это в том смысле, что сначала ты катаешься, а потом ты катаешь?

— Нет, это в несколько ином смысле. Корней понимает.

— Вот что мне не нравится в вас, Прогрессорах, — раздраженно произносит Арнольд. — Это патологическое пристрастие к архаике.

— Ничего не поделаешь, такая у нас работа... Теперь о мальчишке. В каком он состоянии, Корней?

— В бессознательном.

— Очень остроумно.

Корней исподлобья смотрит на старуху:

— Я говорю серьезно, Серафима Трофимовна. Его вылечили, доставили ко мне домой... но в чувство его не приводили. Я так просил.

Арнольд живо поворачивается к нему:

— А что дальше?

— Это вопрос, — говорит старуха.

— Так, может быть, отдадим его педагогам?

— Действительно, — рассудительно произносит Эндрю. — С теоретической точки зрения, он есть не что иное, как просто так называемый трудный ребенок.

— А? — с интересом говорит Арнольд.

— Трудный ребенок... — говорит Корней, горько усмехаясь. — Да он вообще не ребенок, коллеги. Он — Бойцовый Кот! Наши уважаемые педагоги не видели таких трудных детей лет двести. Ну, сто. Этого мальчишку с пеленок накачивали фанатизмом и ненавистью. Его высочества герцога Алайского Бойцовые Коты, истребители бронеходов... Трудный ребенок!

— А ну-ка, перестань хныкать, сынок, — говорит старуха. — Отправить его домой мы не можем — это все равно что убить его или искалечить своими руками. Отдать педагогам мы его тоже не можем, мы — гуманисты, и нам жалко наших друзей-педагогов.

Остается одно. Мы, Прогрессоры. Контакт с представителями иного разума — наша работа. Твоя работа. — Она тычет пальцем в Корнея. — Вот и займись, сынок. Приручи этого Бойцового Кота, сделай его человеком, раз уж ты его спас. Ты не хуже меня знаешь, что раз уж за это дело взялись мы, война на Гиганде закончится через несколько месяцев. Наступит мир, последний, окончательный мир. Потом еще год-другой, кончится там разруха, и тогда можно будет вернуть мальчишку домой. Только пусть это будет мальчишка, а не Бойцовый Кот.

Парень раскрывает глаза. Над ним — рубчатый, матово-белый потолок. По потолку неспешно движутся бледные радужные тени. Парень медленно поворачивает голову вправо. Шагах в десяти — стена бледно-лилового оттенка. И еще виден матовый коричневый пол. Парень медленно поворачивает голову влево. Вздрагивает и замирает.

Два человека сидят в креслах лицом к нему. Мужчина средних лет с жестковатым загорелым лицом и мужчина в белом костюме, с розовой шишкой на лбу. Оба молча смотрят на парня — спокойно и доброжелательно.

Парень лежит на спине на широком ложе, покрытом белым покрывалом, почти нагой, если не считать черных плавок. В обширном помещении, кроме ложа и кресел, нет никакой мебели. И дверей нет, а вместо одной из стен — сплошное раскрытое окно, за которым видно только чистое синее небо.

Несколько секунд парень, приподняв голову, смотрит на людей, на стены, на окно, затем откидывает голову на подушку и хрипло шепчет:

— Кэм дэн...

— Давайте, Корней, — негромко произносит человек в белом.

Корней наклоняется вперед и, пристально глядя парню в глаза, прикладывает палец к своей переносице.

— Кэм дэн! — кричит парень.

Глаза его расширяются, он впиивается взглядом в глаза Корнея.

Возникает и нарастает продолжительный звенящий звук. «Кэм дэн... Кэм дэн... Кэм дэн...» — раздается все громче и громче, лицо Корнея заволакивается розовым туманом, слова гремят, становятся неразборчивы, сливаются с пронзительным звоном, а затем звон идет на убыль, и из шума возникают слова: «Не понимаю... Не понимаю... Не понимаю...» Звенящий звук постепенно смолкает, и в наступившей тишине парень отчетливо произносит:

— Не понимаю...

Корней откидывается на спинку кресла.

— Ну вот, — добродушно говорит человек в белом — Арнольд. — Теперь мы можем побеседовать. Как тебя зовут?

— Гай, — хрипло отвечает парень.

— Кто ты такой, Гай?

— Бойцовый Кот его сиятельства герцога Алайского.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать...

Гай вдруг садится на ложе и судорожно ощупывает себя. Пальцы его задерживаются на двух шрамах от пуль — на груди под правым соском.

— Не понимаю! — говорит он и глотает слюну. — Был бой...

— Теперь все прошло, Гай, — произносит Арнольд. — Боев больше не будет. Для тебя, по крайней мере.

Некоторое время Гай молчит.

— Почему? Я был ранен... Здесь госпиталь?

— Нет.

— Все равно. Я совершенно здоров и... и...

Он озирается, ища свою одежду.

— Не торопись, Гай, — подает голос Корней. — Объясните ему, Арнольд.

— Здесь не госпиталь, Гай, — мягко говорит Арнольд. — Ты на другой планете, в другом мире. И тебе придется некоторое время пожить с нами...

Гай втягивает голову в плечи. Глаза его стремительно перебегают с одного лица на другое.

— Вот этот человек, — продолжает Арнольд, указывая на Корнея, — спас тебя во время боя и взял сюда...

Гай вскакивает на ноги.

— Вы сумасшедшие! — кричит он. — Сейчас же отдайте мне мою одежду! Вы не смеете задерживать Бойцового Кота!

Арнольд беспомощно смотрит на Корнея и разводит руки. Тот усмехается.

— Ты в самом деле на другой планете, — мягко говорит он. — Ты не на Гиганде, ты на Земле.

— Ложь! — кричит Гай. — Такой планеты нет! Говорите прямо! Где я? В плену?

— А на каком языке ты говоришь с нами? — спокойно спрашивает Корней.

— Я...

Гай замолкает. На лице его выражение ярости сменяется изумлением, затем испугом.

— Я... — бормочет он. — Кэр потти... Я говорю... Пэт ворро...

Он бессильно опускается на ложе.

— Вот так, — произносит Корней, поворачиваясь к Арнольду. — Ну? Ваши впечатления, доктор?

Арнольд медленно кивает несколько раз, морщась, трет шишку на лбу.

— Да... — говорит он. — Случай, конечно, совершенно необычный. Пожалуй, вы были правы...

— Значит, вы согласны?

— Согласен, — решительно говорит Арнольд. — Действуйте, Корней. Великое небо, до чего вы, Прогрессоры, любите быть правыми!

Корней смеется:

— В старину была такая поговорка: сапер ошибается только один раз.

Арнольд хмурится:

— Не понимаю. Что значит «сапер»? И почему?..

— Долго объяснять...

Гай, стремительно спустив ноги с ложа, тычет пальцем в сторону Арнольда и шепчет:

— Вы... вы... не знаете... что такое... сапер?

Корней и Гай медленно идут по песчаной дорожке. Вокруг — яблоневый сад, с веток свисают тяжелые золотистые плоды. Гай в своей куртке и коротких штанах, туго перепоясан потертым поясом, на поясе справа висит широкий кинжал в ножнах. Корней говорит, а Гай рассеянно слушает, рассматривает у себя на левом запястье металлический браслет с набором разноцветных кнопок.

— Мы с тобой еще много раз встретимся, дружок, — говорит Корней. — А ребята они славные, и тебе не будет с ними скучно...

— Как угодно господину, — почтительно-равнодушно произносит Гай и, помолчав, спрашивает: — Много их там?

— Трое или четверо. Боевые ребята...

Гай оживает:

— Боевые? Солдаты?

— Нет, — серьезно говорит Корней. — Они не солдаты. Не такие, как ты, во всяком случае. Но они смелые и много умеют. Им предстоит ходить на неведомые планеты, а там бывает очень опасно.

— Что же они здесь делают?

— Готовятся. Учатся.

— Школяры? — презрительно спрашивает Гай.

— Н-ну... что-то в этом роде.

— Только пусть не пробуют задираться. Бойцовые Коты никому не дают спуска, клянусь Черным Зверем!

Корней не глядя протягивает в сторону руку ладонью вверх, и с ветки на ладонь падает яблоко. Корней протягивает яблоко Гаю:

— Хочешь?

Гай отрицательно мотает головой. Корней обычным для нас движением обтирает яблоко и откусывает от него. Они подходят к металлическому диску диаметром около двух метров, лежащему в конце дорожки.

— Становись сюда, — произносит Корней. — И не бойся...

— Если они будут задираться, — угрожающе предупреждает Гай, — я их так отделаю...

Корней успокоительно кивает ему с набитым ртом.

— Все-таки ты будь помягче с ними. В сущности, они неплохие ребята... Становись сюда...

Гай решительно ступает на диск и выжидательно поворачивается к Корнею.

— И что? — осведомляется он.

— У нас нет самолетов и автомашин, как у вас... Мы передвигаемся мгновенно. Дай сюда твою руку... левую...

Гай протягивает Корнею руку. Корней быстро нащелкивает на диске комбинацию кнопок:

— Вот так. Теперь нажимай на красную кнопку, а ты очутишься там...

— Сразу?

— Мгновенно. Счастливо тебе, Бойцовый Кот.

Гай недоверчиво смотрит на него, затем на левое запястье. Зажмуривается и изо всех сил надавливает красную кнопку.

Исчезает сад, исчезает Корней. Гай стоит на металлическом диске в центре широкой полукруглой поляны на берегу реки, с трех сторон окруженной лесом. В десятке шагов от обрывистого берега разбита палатка и стоит длинное низкое строение без окон, с плоской крышей и стенами из гофрированного пластика. Слева от палатки натянут полосатый тент, под ним — обеденный стол и несколько табуреток. Слева у опушки возвышается приземистая шестигранная башня. Справа торчит высокая суставчатая мачта, на вершине которой медленно вращается вогнутое зеркало.

Перед палаткой, расставив ноги и уперев руки в бока, стоит русоволосый, могучего сложения парень лет семнадцати, босой, в распахнутой на груди голубой рубашке и голубых же шортах. Над левым нагрудным карманом — белая надпись полукругом: «ГУЛЛИВЕР-211».

Гай осторожно ступает с диска в траву, делает несколько шагов и останавливается перед парнем, уперев руку в бок и отставив правую ногу. Высокомерно оглядев парня с головы до ног, он произносит:

— Привет. Меня зовут Гай. Я — с планеты Гиганда, Бойцовый Кот, второй легион.

— Добро пожаловать, Гай. Меня зовут Володя. Я из школы Прогрессоров. Механик и вообще мастер на все руки. Группа «Гулливвер двести одиннадцать».

— Кто у вас здесь начальник? — высокомерно осведомляется Гай.

— Начальник? У нас нет начальников.

— Ну, командир...

— И командиров нет...

— Ты что, здесь один?

— Пока один.

— М-м... А где остальные?

— Остальные сегодня придут.

Гай пожимает плечами.

— Ладно, это не мое дело. Короче, где я здесь буду жить?

— Где тебе угодно, — говорит Володя. — Хочешь со мной? Вон, в палатке...

— С тобой так с тобой...

Гай проходит мимо Володи, слегка задев его плечом, огибает палатку и выходит на обрыв. Под обрывом тянется неширокая полоса песчаного пляжа. Гай смотрит налево. Тихая голубая река медленно течет между лесистыми берегами. Гай смотрит направо. Там река делает поворот и скрывается за деревьями.

К Гаю подходит Володя.

— Хочешь искупаться? — спрашивает он.

— Еще чего...

— Есть хочешь?

— Могу.

— Пошли.

Они возвращаются к палатке. Володя на ходу показывает:

— Там склад и мастерская. — Гофрированное здание. — Там энергостанция. — Шестигранная башня. — На всякий случай держись от нее подальше...

Они подходят к тенту.

— Здесь столовая. Вон та штука, — Володя указывает на суставчатую мачту, — называется гэспэ — генератор синтезирующего поля. Он снабжает нас всем необходимым. Садись за стол.

Гай неуверенно садится.

— Положи ладони на стол. Чего тебе сейчас хочется?

— Ну, чего... Ну, мяса какого-нибудь... молока...

— Так. Сосредоточься и представь себе хороший кусок мяса... его вкус, запах... какое оно поджаристое... Представил?

Гай неуверенно кивает.

— Теперь несильно хлопни ладонями по столу.

Гай шлепает ладонями по столешнице и испуганно отшатывается. Перед ним возникает из ничего большая помятая оловянная миска. Володя с любопытством заглядывает в нее, принюхивается и с сомнением смотрит на Гаю. Тот тоже заглядывает в миску. В ней безобразные осклизлые комья весьма злокачественного вида. От комьев поднимается пар. Володя и Гай смотрят друг на друга и заглядывают в миску.

— М-да... — произносит Володя. — Что-то ты здесь... Впрочем, может, у вас это...

Гай энергично трясет головой и сплевывает в сторону.

— У нас такое дерьмо никто есть не станет...

Володя со вздохом бросает миску в низкий бак рядом со столом.

— Это называется мусоросборник, — сообщает он. — Туда бросают грязную посуду, грязное белье... вообще все использованное. Ладно, не огорчайся. Научись. Немножко воспитать воображение надо. Так чего ты хотел? Мясо, молоко... хлеб, конечно...

Он хлопает ладонью по столу, и перед Гаю появляется тарелка с мясным рагу, кружка с молоком и хлеб в корзинке.

— Вот так я представляю себе мясо, молоко и хлеб, — объясняет Володя. — Угощайся.

Гай принимается за еду.

— Таким же способом генератор дает одежду и обувь, — продолжает Володя, рассеянно озирая поляну. — Кстати, ты переодеться не хочешь?

— Еще чего... — ворчит Гай с набитым ртом.

— Смотри, сейчас жарко.

— Не беспокойся.

Гай отпивает полкружки и спрашивает:

— Слушай, а что вы здесь делать собираетесь?

— Будем готовиться к экзаменам.

— Да, — произносит Гай пренебрежительно. — Вы же школяры.

— Вроде этого. Сдадим экзамены, потом кое-кто еще годик поучится... а я, например, заканчиваю. Выпустят меня Прогрессором первой ступени. Знаешь, что такое Прогрессор?

— Корней — Прогрессор, — уклончиво говорит Гай.

— Корней! Корней — знаменитый Прогрессор. Таких на Земле немного. А чем занимаются Прогрессоры — знаешь? Мы прекращаем войны. Предотвращаем глобальные катастрофы. Внедряем новую технологию... помогаем местным ученым, изобретателям. Если у нас это получается, целые народы проходят крутые повороты истории почти безболезненно...

Гай криво улыбается.

— И что вы с этого имеете?

Володя открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент над поляной раздается медный звон.

На металлическом диске посередине поляны возникает хорошенькая девушка шестнадцати лет, в легком белом платье, с огромной алой розой в каштановых кудряшках. У ног ее стоит объемистый ящик, обтянутый серебристой тканью.

— Здравствуйте, мальчики! — кричит она.

Гай, приоткрыв рот, растерянно таращится на нее. Володя подбегает к ней, подхватывает ящик за откидную ручку.

— Неси к столовой, — говорит она. — Ужасно проголодалась, и переодеться надо... Кстати, меня зовут Галка, и я — ваш координатор.

Они возвращаются к тенту. Володя ставит ящик, а Галка, остановившись перед Гаем, с дружелюбным любопытством разглядывает его. Гай багровеет, сердито хмыкает и отводит глаза. Хватает кружку и залпом допивает молоко.

— Это Гай, — поспешно говорит Володя. — Он с Гиганды.

— О! — восклицает Галка. — Тот самый... парень из преисподней.

— Я тебе не парень, — хриплым баском произносит Гай. — Я солдат, а не парень...

— Правильно, — подхватывает Володя. — Он — Бойцовый Кот. А я Володя, механик.

— Славно, — говорит Галка.

Она извлекает из кудрей розу и кладет на стол, затем стаскивает через голову платье и остается в трусиках и лифчике. Швыряет платье и туфли в мусоросборник.

— Палатку мне поставь, пожалуйста, вон там, поближе к мачте, — продолжает она, привычным движением хлопая ладонями по столу, и берет мгновенно возникшие на столе черную юбку и желтую блузку-безрукавку. — Больше пока никого нет?

— Пока никого, — отвечает Володя.

Галка одевается. На блузке на левой стороне груди такая же белая надпись полукругом «ГУЛЛИВЕР-211». Галка оглядывает себя, смотрит на Володю.

— Все впору?

— Загляденье, — говорит Володя серьезно.

— А ты как считаешь? — Галка поворачивается к Гаю.

Тот, красный как рак, бормочет что-то неразборчивое.

— Он тоже в восторге, — говорит Володя.

— В таком случае с этой минуты я приступаю к исполнению своих обязанностей. Прежде всего я поем. Голодный координатор — это стихийное бедствие.

Она в два счета добывает себе тарелку каши и стакан молока и усаживается напротив Гая.

— Ты что сдаешь, Володя? — спрашивает она.

— Да я, собственно, свое задание уже выполнил, — отвечает Володя и обводит рукой вокруг себя. — Я здесь уже месяц. Эндрю попросил меня остаться до конца, лагерь у меня примут в последнюю очередь... А ты что сдаешь?

Галка допивает молоко, берет свою и Гаеву грязную посуду и бросает в мусоросборник.

— Штурманское дело мне сдавать, — говорит она со вздохом. — Практику.

— Сочувствую, — кивает Володя. — Если нужно будет, помогу.

— Еще как нужно будет!.. Ну, хорошо. С чего начнем? Да! Палатка! Поставь мне, пожалуйста, палатку. А я тут пока побеседую с Гаем. Ты ведь не против, Гай?

Гай все время глазеет на Галку, но когда она поворачивается к нему, отводит глаза.

— Можно и побеседовать... — хрипло ворчит он.

Володя уходит. Галка садится рядом с Гаем на стол, ставит ноги на табурет и наклоняется, рассматривая эмблему на правом рукаве маскировочной куртки.

— Это что у тебя? — спрашивает она.

— Черный Зверь...

— Очень зловещее животное.

Гай угрюмо молчит.

— Что ты собираешься делать?

Гай криво усмехается и молча пожимает плечами.

— А что ты умеешь?

Гай смотрит в сторону.

— А чего ты хочешь?

Гай искоса взглядывает на нее и отводит глаза.

— Ты очень разговорчивый парень, Гай, — говорит Галка и спрыгивает со стола. — Ладно. Пойдем. Бери мой сундук.

Гай угрюмо встает и берется за ручку серебристого ящика. Замирает в недоумении. Напрягается и с трудом поднимает. Снова ставит.

— Тяжело? — сочувственно осведомляется Галка. — Тогда оставь. Потом Володя принесет.

— Кирпичей туда наложила, что ли? — хрипло ворчит Гай. Он поднимает ящик и, весь перекосившись от напряжения, тащит его через поляну.

В мастерской Володи. Обширное помещение, уставленное машинерией в аккуратных футлярах размером от большого сундука до маленького чемодана. Вдоль гофрированных стен тянутся стеллажи, занятые химической посудой, причудливыми приборами, картонными коробками с реактивами.

Володя сидит под яркой лампой перед небольшой чертежной доской и очень быстро и точно вычерчивает какую-то деталь на листе из прозрачного материала. Гай сидит рядом на огромном футляре, болтает ногами и разглагольствует.

— ...Ну, кончился штурм. Взяли мы Аргараген. Как водится, пленных погнали тушить пожары, а нас выстроили на площади. Стоим, все еще ошетинены, еще ищем глазами, кого бы пырнуть в брюхо. И вдруг по рядам: шу-шу-шу... Герцог приехал!

— Ну-ну? — произносит Володя.

— Вот тебе и ну-ну. Выкатывает на площадь бронеход, выходит из него его сиятельство и кричит нам: «Слава вам, мои Бойцовые Коты!» У меня так слезы и брызнули, клянусь Черным Зверем! — Гай истоиво хлопает левой рукой по эмблеме на правом рукаве.

— Верю, — серьезно говорит Володя.

— И пошел он вдоль строя, и каждому пожал руку. И мне тоже.

Гай замолкает. Глаза его полузакрываются, он улыбается сладостным воспоминаниям. Володя с интересом следит за ним.

— Вот тогда он и произнес свои знаменитые слова, — произносит Гай. — «Воздух Гиганды ядовит, пока им дышит хоть один Полосатый». И этим призвал уничтожить всех краманцев до единого.

— И женщин тоже?

— Женщины врага — законная добыча солдата.

— И детей?

— Великий герцог сказал: дети врага будут рабами наших детей.

— М-да... — Володя заканчивает чертеж и снимает его с доски. — Ну-ка, Гай, сойди на минутку...

Гай спрыгивает с футляра. Володя поднимает крышку, вкладывает чертеж в узкую щель и, отщелкав на клавишной панели комбинацию цифр, поворачивает рычажок. Раздается слабое гудение, свет лампы на несколько секунд гаснет. Володя сдвигает боковую стенку футляра и извлекает из него причудливую металлическую деталь. Гай восхищенно качает головой.

— Что это? — спрашивает он.

— Это? — Володя критически оглядывает деталь со всех сторон. — Это, брат, всего-навсего буфер отдачи. Есть такая штука в страхующих системах реакторов. В нашем реакторе она что-то зашалила, вот мы ее и заменяем... А хороша игрушка, а? Чистый кадмий!

Но внимание Гая устремлено на машину.

— А, это? Это — универсальный форматор. Ты делаешь чертеж, вкладываешь сюда, в приемное окно... набираешь шифры: материал, масштаб и прочее... нажимаешь на пусковой рычажок, и все готово.

— Удобная машина... — задумчиво произносит Гай.

Володя возвращается к чертежной доске. Гай запускает в карман куртки руку, шарит в нем и извлекает одинокий автоматный патрон. Задумчиво держит его на ладони, затем со вздохом сует обратно в карман.

Вечер, берег моря. На песке сидят Корней и его подруга — молодая красивая женщина в белой блузке и синих шортах.

— Каково сейчас этому мальчишке? Дикарь, фанатик... один в совершенно необычном, совершенно чужом ему мире... Конечно, он среди сверстников, это должно в какой-то мере смягчить шок...

— Прекрати, пожалуйста! — с внезапным раздражением прерывает его Маша. — Если уж на то пошло, я бы на твоём месте думала не о нём, а об этих самых сверстниках... Я — педагог, мне и подумать дико, как это можно: пустить этакого зверя в стаю моих веселых, умных, чистых ребят и девчонок... Но вы, Прогрессоры, всегда так. Недаром половина человечества смотрит на вас косо...

— А ты? — спрашивает Корней. — Ты ведь в другой половине человечества?

Маша решительно мотает головой:

— Нет. Я тоже не доверяю вам. Но я тебя люблю. Несчастье, но что поделаешь?

Он обнимает ее за плечи. Она отстраняется, затем все-таки приникает в нему.

— Ну что это за затея — вмешиваться в чужую историю, в историю не-людей... совершенно чуждых нам существ... чуждых не только по духу, это бы еще куда ни шло... но просто по физической организации... якшаться с ними... спускаться до их уровня...

— Жители Гиганды — полный аналог человека...

— Ну да! Не хватало еще, чтобы ты притащил на нашу планету какого-нибудь полудохлого разумного осьминога! Бедные ребятки, воображаю, как им сейчас трудно...

Корней легко вскакивает на ноги, потягивается и смеется:

— Эх ты, педагог ты мой дорогой... Пойми, это же не просто ребятишки, это будущие Прогрессоры! Они наверняка страшно обрадованы... Такой случай! Контакт прямо на Земле, в учебных условиях! Я уверен, что и они его кое-чему научат, и он их...

Маша тоже встает.

— Могу себе представить, чему он может научить! — язвительно произносит она. — Нет. Я бы его к нашей молодежи на пушечный выстрел не подпустила... Неужели Арнольд, такая светлая голова, согласился без оговорок?

— Ну, оговорки, конечно, были... Да, он их научит... — Корней замирает и задумывается. — Он их научит... Ах, какая идея! Это же просто гениальная идея! Маша! Ты понимаешь! Он их научит!

Он подхватывает Машу на руки, она сердится и смеется, пытается вырваться, а он кружит ее и повторяет:

— Идея! Идея! Идея!

Поздний вечер. Лагерь гулливеровцев. Над черной стеной леса всходит луна. Гулливеровцы и Гай сидят у костра. Галка и Володя молча глядят на огонь, Гай молча поглядывает на Галку. Вдруг Володя тихонечко произносит:

Ты слышишь печальный напев кабестана?
Не слышишь? Ну что ж, не беда...

Он замолкает, сдвигает брови, ища рифму. Галка подхватывает:

Уходят из гавани Дети Тумана.
Уходят. Надолго? Куда?

Володя бросает очередное двустипение:

В предутренний ветер, в ненастное море,
Где белая пена бурлит...

Галка поет чистым звонким голосом:

Спокойные люди в неясные зори
Уводят свои корабли...

— Правильно, — говорит Володя и вскакивает. — Пусть это будет песня. Погоди, я принесу концертон. Готовь следующий куплет...

Он скрывается в темноте и сейчас же возвращается с концертном — инструментом в виде блестящего стержня длиной в полметра. Он садится, упирает концертон левой ладонью в правое колено и начинает легонько водить мизинцем по его поверхности. Звучит мелодия, сначала неуверенная, затем все более определенная.

— Давай, — командует Володя.

Галка поет:

Их ждут штормовые часы у штурвала,
Прибой у неведомых скал...

Володя подхватывает:

И бешеный грохот девятого вала,
И рифов голодный оскал...

Мелодия звучит громко, уверенно, и гулливеровцы поют уже в два голоса:

И жаркие ночи, и влажные сети,
И шелест сухих парусов,
И ласковый теплый целующий ветер
Далеких прибрежных лесов...

Песня кончается. Володя еще раз проигрывает мелодию и откладывает концертон.

— Неплохо получилось, — говорит он.

Галка поворачивается к Гаю:

— Тебе понравилось?

Гай пожимает плечами.

— У нас не такие песни, — уклончиво говорит он.

— А ты спой нам что-нибудь свое, — предлагает Володя. — Как, споешь? — Он снова берет концертон.

И вдруг раздается длинный шипящий звук и хлопок, словно откупорили бутылку шампанского. Володя оглядывается.

— Ага, звездолет, — произносит он.

Гай всматривается, заслонившись ладонью от света костра. Посередине поляны из ночного воздуха возникает силуэт звездолета — фосфоресцирующая конусовидная масса. Вспыхивает ярко освещенный овал люка, тоненькая фигурка спрыгивает на траву, раздается задорный юношеский голос:

— Спасибо! Не заблудитесь среди звезд!

Низкий мужской голос отзывается:

— До встречи, маленький Прогрессор!

Овал люка гаснет. Силуэт звездолета медленно тает и исчезает без следа, а в свете костра появляется маленький смуглый курчавый парнишка в глухом черном комбинезоне с капюшоном, откинутым на спину. Секунду он разглядывает сидящих у костра, затем плашмя падает у костра ничком и произносит, указывая пальцем:

— Я вас знаю. Ты — наш координатор по имени Галка. Ты — наш механик по имени Володя. Ты — Бойцовый Кот из преисподней, и имя твое — Гай.

Володя смеется. Галка спрашивает:

— А ты?

— О, я! — Курчавый гибко и мгновенно переливается в сидячее положение. — Я очень несчастный человек. Зовут меня Жак. Можно звать Яшкой. Я буду сдавать контакт при невозможных обстоятельствах.

— Да, — говорит Володя, покачивая головой. — Тебе придется тяжело.

— А объект? — спрашивает Галка.

Жак поднимает растопыренную пятерню и медленно поворачивает ее над головой, словно антенну локатора. Совершив четверть оборота, пятерня замирает.

— Здесь, — удовлетворенно произносит Жак.

— Он все время здесь, — говорит Володя.

Жак живо поворачивается к нему:

— Ты его видел?

Володя отрицательно качает головой. Жак внимательно всматривается в его лицо.

— А, — говорит он. — Так ты...

— Вот именно.

— Галка знает?

— Еще бы, — говорит Галка. — Это же сразу видно.

— А Гая ты берешь?

— Я всех беру, — говорит Володя, улыбаясь.

— Так что у тебя за объект? — нетерпеливо спрашивает Галка.

— Иноб.

— Впервые слышу.

— Иноб, о прекраснейшая из координаторов, есть не что иное как Инопланетный Оборотень.

Галка восхищенно хлопает в ладоши:

— Непременно покажешь мне!

— Непременно... — Жак кланяется, прижав руку к сердцу, и видит концертон.

— О! — Он оживляется. — Прекрасно! Мы устроим концерт в честь прибытия Жака для сдачи экзамена в лагерь «Гулливер двести одиннадцать». Между прочим, больше никого не ждите. Я последний. Но меня вам за глаза хватит... Так как насчет концерта? Маленького концерта в два-три номера, а?

Володя, посмеиваясь, берет концертон.

— Будешь петь, Гай? — спрашивает он.

— Не буду, — бурчит тот.

— А если я попрошу? — вкрадчиво произносит Галка.

Гай отворачивается.

— Давай так, — предлагает Галка. — Я станцую, а ты споешь.

Гай искоса смотрит на нее.

— Соглашайся, — шепчет Жак. — Даю тебе слово, у нас в школах Прогрессоров все девочки танцуют так, что... что... ну, не сравнить ни с чем. Это в программу обучения входит. На предмет очаровывания инопланетных аборигенов.

— Я очень хорошо танцую, Гай, — произносит Галка, придвигаясь к нему и заглядывая ему в глаза. — Соглашайся...

— Ладно, — ворчит Гай. — Идет. Посмотрим, как ты танцуешь.

Галка вскакивает.

— «Золотую осень», Володя! — командует она. — Начинай!

Она убегает в темноту. Володя начинает играть. И вот над поляной медленно разливается голубое сияние. От мачты, кружась в танце, выбегает на середину поляны Галка в белом бальном платье.

Гай как зачарованный смотрит на нее и вдруг протирает глаза, снова смотрит, трясет головой. Нет, ему не померещилось. Ноги танцующей девушки отделяются от земли, и вот она уже кружится в воздухе, а концертон звучит все громче, а Галка уже несется в звездном небе, на мгновение заслоняет луну... Затем движения ее замедляются, музыка успокаивается, затихает, и в тот момент, когда Галкины ноги вновь касаются земли, замирает совсем. Галка делает реверанс.

Жак вскакивает, подбегает к ней и, взяв за кончики пальцев, церемонно подводит к костру.

— Несравненно, — произносит он, и Володя одобрительно кивает.

— Хорошо я танцую, Гай? — спрашивает Галка.

Гай гулко глотает и откашливается.

— Ничего не скажешь, — бормочет он. — Сроду я такого не видел и не знал даже, что такое бывает...

— А теперь твоя очередь, — говорит Галка. — Пой. Спой свою самую любимую песню.

И Гай, закрыв глаза, заводит дикую тоскливую песню на своем языке. Мелодия странная, но Володя быстро подхватывает ее. И исчезает костер, возникает бескрайнее ковыльное поле под низким серым небом, и тихонько посвистывает сквозь музыку ветер. Гай в расстегнутой маскировочной куртке сидит на земле, а рядом, положив голову ему на колени, лежит девушка в платье из грубой холстины — мешок с вырезами для рук и головы, — и Гай поет, а по запрокинутому лицу девушки катятся слезы. И тускло отсвечивает брошенный в ковыль автомат.

Гай замолкает. Гулливеровцы с серьезными лицами смотрят на него.
— Все, — мрачно произносит Гай, поднимается и уходит от костра.

Лагерь гулливеровцев. Солнечный день. Неподалеку от лесной опушки расположились Гай и Жак. Жак, босой, в красных трусиках, работает с прибором, похожим не то на биноклярный микроскоп, не то на стереокамеру. Гай в расстегнутой куртке валяется рядом на траве.

— А потом? — с интересом спрашивает Жак.

— А потом меня выперли из школы.

Жак вздевает руки к небу.

— За что? — патетически восклицает он.

— Вот и спроси их — за что, — говорит Гай. — Директор остался здоровехонек. Парня того, правда, отвезли в больницу, но ведь через неделю выписали... А пожар — ну что пожар? Все равно в ту же зиму в первый же налет весь квартал в пыль разнесли гады Полосатые...

— Да, — говорит Жак. — Несправедливо с тобой обошлись.

— Конечно, несправедливо! Ну, я потом нашел себе компанию, и мы этому полицейскому устроили веселую жизнь, будь здоров... Ох, и напились же мы тогда!

— Чего напились?

— Чего, чего... Водки, конечно.

— И ты пил?

— Хе!

— Разреши мне пожать твою руку, — говорит Жак. — Я восхищен.

— Давай, жми, — самодовольно произносит Гай. — Ты держись за меня, со мной не пропадешь. — Он с хрустом потягивается. — Эх, жизнь солдатская... Слушай, а выпить у вас тут нету?

— Вина? — с готовностью осведомляется Жак.

— Вина... Вино сам пей. Покрепче ничего нету?

Жак воровато оглядывается и, понизив голос, говорит:

— Есть спирт!

Гай вскакивает:

— Чего же ты раньше-то молчал, лапоть? Пошли!

Жак, прищурясь, смотрит на солнце.

— Сейчас без пяти двенадцать... Эх, грешить так грешить!

Они быстрым шагом идут через поляну.

— Ты и вправду будешь пить спирт? — с интересом спрашивает Жак.

Гай хохочет.

— Не бойся, мимо рта не пронесу...

В мастерской полутьма. Жак и Гай расположились недалеко от входа на кубических футлярах. В руках у них стаканы. Гай уже слегка на взводе, и Жак рассматривает его с наслаждением. Глаза его блестят.

— Прежде всего — солдатская дружба! — разглагольствует Гай. — Друг солдата — это, браток, такое дело... Вы этого здесь не понимаете. Когда мы штурмовали Аргараган, горящие бревна летели над нашими головами как пташки! Половина ребят полегла... Ты бы там полные штаны навалил... Но ты хороший парень, я вижу. Ты мой друг. Если кто тебя тронет, ты мне скажи... Я быстро!

Он заглядывает в свой стакан, затем в стакан Жака:

— Давай еще выпьем...

Жак разводит руки:

— Нету больше, увы...

— Жаль. Тогда закурим.

— Этого тоже нету.

— Тьфу... Ладно, перебьемся. — Гай смотрит на Жака и толкает его в плечо. — А ты ничего, крепкий паренек. Хочешь в мое капральство? Я — правофланговый, ты — лево... левофланговый. Но! Боевые качества. Нет-нет, я не знаю твоих боевых качеств, поэтому не могу. Не могу! Извини.

— Ну как же так? — притворно-плачущим голосом канючит Жак. — Ты же обещал, это нечестно...

— Ну, хорошо, — говорит Гай. — Ладно, беру. Рукопашный бой. Ты как?

— Не знаю...

— Мозгляки вы здесь все... Пойдем, я тебе покажу. Разовью в тебе боевые качества. Сам. Пошли.

— А это не больно? — спрашивает Жак.

— Не бойсь, я так, вполсилы. Пойдем.

Едва они выходят на солнце, Гай наносит Жаку страшный удар под ложечку. То есть нанес бы, если бы Жак не увернулся с непостижимой быстротой.

И начинается драка. Собственно, это не совсем драка, потому что Гаю никак не удается прикоснуться к противнику. Жак невероятно ловок и увертлив. Они наскакивают друг на друга, и каждый раз Жак в последний момент проскальзывает у Гаю под рукой или прокатывается под ногами. Рассвирепев, Гай швыряет в Жака увесистым булыжником, но Жак ловко ловит булыжник перед самым своим лицом и как мячик бросает его обратно Гаю. Гай не удерживает булыжник и роняет себе на босую ногу. Это окончательно выводит его из себя. Лицо его залито потом, искажено ненавистью, он тяжело, с хрипом дышит и ругается на чем свет стоит. Жак же молчит, лицо его спокойно, и дышит он легко и свободно.

На вопли Гаю из-за энергостанции выходят Володя и Галка. Увидев, что происходит, они сейчас же останавливаются. Не сделав ни единой попытки вмешаться, они с видимым интересом наблюдают за этой странной дракой. Галка даже садится на траву и, положив локоть на колено, подпирает подбородок кулачком.

Гай снова и снова бросается на Жака, снова и снова промахивается и наконец спотыкается и падает. Галка смеется, запрокидывая лицо.

— Это и есть рукопашный бой? — осведомляется Жак. — И ведь действительно ни капельки не больно...

Гай встает. Лицо его ощерено от ярости. Он наклоняется, словно готовясь к прыжку, и вдруг выхватывает из ножен кинжал и точным, отработанным движением швыряет в Жака.

Все происходит в одно мгновение. Володя стрелой бросается между Гаем и Жаком, пытаясь перехватить нож, но не успевает и плашмя падает на траву. Жак молниеносно поворачивается к Гаю боком, но уклониться все же не может. Нож вскользь чиркает его поперек груди. Льется кровь.

— Двойку нам с тобой по гимнастике, Володенька, — сокрушенно произносит Жак.

Гай уже опомнился. Он стоит, бессмысленно расставив руки, а Галка, подбежав к Жаку, деловито осматривает рану, поворачивает Жака лицом от солнца (спиной к зрителю) и с сосредоточенным лицом принимается оказывать помощь — брови ее сдвинуты, на верхней губе выступает от напряжения легкая испарина. Володя, стряхивая с куртки приставшие травинки, подходит к Гаю и недовольно произносит:

— Действительно, распустились мы с этими экзаменами. Я совершенно реакцию потерял. В мешок превратился... — Затем, покосившись в сторону Галки и Жака, тихо говорит Гаю: — Ведь ты всерьез хотел убить Жака. Зачем же так? Нехорошо...

Гай втягивает голову в плечи и робко подступает к Жаку.

— Жак, я не нарочно... — заунывно тянет он, уставившись в его голую спину. — Вот что хотите делайте, не нарочно, клянусь Черным Зверем... Жак, тебе больно, а?

Жак, улыбаясь во весь рот, поворачивается к нему, и Гай застывает с открытым ртом: от кровавой раны на груди Жака осталась едва заметная царапина. Гай тычет в нее дрожащим пальцем:

— К-как это? Ч-что это? Г-где...

Жак обнимает его за плечи.

— Пустяки, — говорит он. — Я сам виноват. Разве можно дразнить Бойцового Кота?

Гай приосанивается.

— Ясно, нельзя. Я знаешь как разозлился...

— Ладно, пойдем, ты мне еще что-нибудь расскажешь.

Они уходят. Галка и Володя смотрят им вслед. В траве блестит забытый кинжал.

Гай и Жак идут по лесу. Жак мелодично насвистывает, подражая птичьему щебету. Гай с сердитым лицом плетется следом за ним. Жак оглядывается на него.

— Ну? — произносит он, весело скаля зубы. — Что ты дуешься, как мышь на крупу, Бойцовый Кот?

— Потому что мне кажется, что ты опять меня дурачишь, — отвечает откровенно Гай.

Лицо Жака становится серьезным.

— Вот уж нет, — говорит он. — Ты мог заметить, что я не прочь подурчиться и повеселиться при случае, но только не на работе.

— А кто тебя знает, когда у тебя работа, когда нет...

— Уверяю тебя, сейчас у меня работа.

Они молча идут дальше. Солнце, пробиваясь сквозь листву деревьев, пятнает их лица и полуголые тела золотыми зайчиками.

— Пришли, — едва слышно произносит Жак.

Они выходят на крошечную прогалину, окруженную соснами, засыпанную слоем коричневой опавшей хвои. Посередине прогалины возвышается огромный, в половину человеческого роста, муравейник.

— Здравствуй, Оборотень! — громко говорит Жак. — Горячего тебе солнца и воды в достатке!

Скрипучий старческий голос отзывается словно бы из муравейника:

— Тебе тоже, милый Жак... О, я вижу, и Гай с тобой явился. Бойцовый Кот Гай. Будь здоров. Впрочем, помнится, ты называл себя бывший Бойцовый Кот Гай...

Гай растерянно смотрит на муравейник, потом озирается, потом смотрит на Жака. Тот едва заметно подмигивает.

— Э... я... — говорит Гай. — Да. Бывший... это... Здравствуйте. Я, собственно, просто так... попрощаться...

— Да. Да. Я помню. — Скрипучий голос на секунду смолкает. — Ты обещал зайти и попрощаться... зайти и попрощаться... А! Вспомнил. В прошлый раз я никак не мог вспомнить...

Гай, приоткрыв рот, смотрит на муравейник. Жак пристально наблюдает за ним.

— Как трудно в вашей части Вселенной, — продолжает Оборотень. — Почему-то слабеет память... Да. Да. Что-то делается с памятью. Поэтому мы не можем долго...

— Вот у меня тоже... что-то такое с памятью... — произносит Гай осипшим голосом. — Совершенно уже забыл, когда мы встретились впервые.

— Когда? Это было... это было... Если считать от этого дня, ты пришел ко мне впервые двадцать два дня назад...

Гай закрывает рот ладонью и оглядывается на Жака. Тот молчит.

— Это был последний день дождливого сезона, — продолжает Оборотень. — После этого дожди шли редко и коротко, поэтому я запомнил... Когда ты уходил, то попрощался, и я подумал, что ты больше не придешь...

— Я... я не знал, — выдавливая из себя Гай.

— Но потом ты пришел еще...

— Угу...

— И сегодня пришел третий раз. Я все помню.

— Отдохни, Оборотень, — быстро говорит Жак. — Ты стал быстро утомляться, а нам еще предстоит длительная беседа...

— Что ж, я рад...

— Нам предстоит еще встретиться два раза...

— Нам с тобой... А Гай?

— А Гай прощается с тобой. Ты его больше не увидишь...

— Что ж, рад был встретиться с тобой, Гай. Бывший Бойцовый Кот Гай. Прощай. Я и вправду устал и не прочь отдохнуть...

Жак легонько толкает Гая в бок и кивком просит его уйти. Не сводя глаз с муравейника, Гай пятится за сосны.

Берег реки. Володя и Гай в плавках лежат на песчаном берегу и смотрят, как плещется в воде Жак.

Жак у противоположного берега ныряет. С минуту его не видно, и вдруг он выползает из воды рядом с Гаем и Володей, бросается ничком между ними и ложится щекой на песок.

— Сома видел на дне, — сообщает он. — Отличный сом...

— А что с того, что я плавать не умею? — воинственно говорит Гай. — Зато вы, поди, оружия в руках сроду не держали, у пистолета дула от рукоятки не отличите...

— Да, — соглашается Володя. — Тут ты нас уел. Насчет оружия у нас, знаешь, не очень...

Жак произносит, не поднимая головы:

— Да и зачем нам оружие? Мы же не охотники, а Прогрессоры...

— Погоди... — Гай растерялся. — Тогда какого беса вы к нам лезете, ежели вы без оружия? А если на вас нападут? Народ у нас сердитый...

— Что делать, — говорит Володя. — Нападут — будем кулаками отбиваться. В крайнем случае, погибнем. Не мы будем первыми... Ты мне вот что лучше скажи. Как тебе понравился Иноб?

Гай пренебрежительно машет рукой.

— А, — говорит он. — Опять меня Жак разыграл. Никакой там не Иноб, а просто муравейная куча... Морочила мне голову... Сумасшедший дом, клянусь Черным Зверем! Говорит: в третий раз видимся. Говорит: впервые увиделись двадцать дней назад. А я здесь всего-то восьмой...

Жак фыркает, не поднимая головы. Володя звонко шлепает его по голому.

— Нет, в самом деле, — продолжает Гай. — Главное, говорит, будто я назвался... будто я — бывший Бойцовый Кот! Представляешь? Это я-то?!

— Правда? — говорит Володя. — Он так и сказал — «бывший»?

— Ага...

Жак поднимает лицо и обменивается с Володей взглядом.

— Интересно... — задумчиво произносит Володя. — Понимаешь, Гай...

В этот момент со стороны лагеря доносится густой медный звон. Жак вскакивает, Володя протягивает руку за одеждой.

— Кто-то к нам... — говорит он. — Поспешим, ребята.

Ребята, торопливо застегиваясь на ходу, бегут от обрыва на поляну. Выскакивает из своей палатки Галка.

На металлическом диске посередине поляны стоят двое: дородная Серафима Трофимовна в глухом платье, на этот раз белом, и Корней в белых брюках и голубой прогрессорской куртке с эмблемой над левым нагрудным карманом: стилизованное

изображение земного шара с синими океанами и зелеными материками в узкой радужной кайме атмосферы на фоне эллипса галактической спирали.

Корней учтиво подает старухе руку и сводит ее на траву. Гулливеровцы с несколько натянутыми улыбками идут им навстречу. Гай держится за спинами Володи и Жака.

— Ну-ну-ну, — произносит баском старуха. — «Гулливер двести одиннадцать». Координатор?

— Я, — тоненьким голоском отзывается Галка и делает книксен. — Галина.

— Девочка, — с сомнением говорит старуха и поджимает губы. — Впрочем, отчего же? Вы можете мне не поверить, дети, но я тоже когда-то была девочкой... Слушаю тебя, координатор.

— В группе трое... вернее, четверо. Штурман и координатор Галина, ксенобиолог Жак, механик Володя и житель Гиганды Гай.

— Житель Гиганды... — Старуха снова поджимает губы. — Это что — его специальность?

Галка краснеет, беспомощно глядит на Корнея и опускает глаза. Корней стоит слева и чуть позади старухи с каменным лицом.

— Объяснись же, координатор, — басит старуха.

Галка с отчаянной храбростью поднимает на нее глаза.

— Житель Гиганды Гай, раненый солдат, переброшенный на Землю при чрезвычайных обстоятельствах, проходит в группе «Гулливер двести одиннадцать» человеческую практику.

На несколько секунд воцаряется молчание. Затем старуха благосклонно кивает.

— Неплохо, координатор, неплохо. Несколько двусмысленно... однако по основной сути правильно. Человеческая практика... гм.

Она ерошит кудри на голове просиявшей Галки и манит пальцем Гая.

— Подойди сюда, житель Гиганды, — говорит она.

Гай неохотно приближается и останавливается перед нею, глядя на нее исподлобья. Старуха обводит взглядом гулливеровцев.

— Ну что ж... Я довольна. Материал неплохой. Приступай к делу, Корней, а я где-нибудь здесь в тени побеседую с Бойцовым Котом. Пойдем, Гай.

Крепко опираясь на его плечо, она величественно плывет к тенту. Гулливеровцы выжидательно смотрят на Корнея.

— Здравствуйте, ребята, — улыбаясь, говорит он.

— Здравствуйте, Корней, — вразной и негромко отзываются гулливеровцы.

— Давайте посмотрим, что вы здесь сделали, — продолжает Корней, — а потом поговорим. Начнем, пожалуй, с тебя, Володя. Не возражаешь?

Под тентом старуха восседает на табурете, положив на стол пухлую руку. Рядом с ней высокий бокал с прохладным даже на вид напитком. Перед нею на траве, скрестив ноги, сидит Гай.

— Значит, тебе здесь нравится... — говорит старуха. — И тебе нравятся ребята.

Гай утвердительно кивает, не поднимая глаз.

— И тем не менее тебе очень хотелось бы вернуться.

Гай снова кивает.

— На моей земле дерутся, — угрюмо произносит он. — А я здесь ем, сплю и валяюсь на солнце. А я — Бойцовый Кот. Живой Бойцовый Кот, который не дерется, — это нуль. Меньше нуля.

— Вздор, — возражает старуха. — Ты, маленький эгоист, почему ты думаешь и твердишь только о себе? Подумай о нас, о Корнее... Кстати, ему и так влетело из-за тебя...

— Как?

— Не знаешь? Ну и не надо. Так вот, ты хочешь, чтобы мы, здоровые взрослые люди, своими руками вернули тебя, мальчишку, в эту твою преисподнюю? Мы же умрем от стыда, ты об этом подумал?

Гай молчит.

— И еще, — продолжает старуха. — С чем ты вернешься домой? Что ты узнал? Чему ты научился? Хорошо, тебе важно остаться Бойцовым Котом его сиятельства герцога Алайского, истребителем бронеходов. А что ты сможешь повергнуть к стопам его высочества? Что вынес ты из этого приключения? Что ты сможешь рассказать ему об этом мире?

Гай краснеет. На лице его выступает пот.

— Ничего, — бормочет он. — И никогда. Я никогда и никому не скажу у нас ни слова об этом вашем мире...

— Почему? — быстро спрашивает старуха.

— Это было бы... государственной изменой, — произносит Гай и опускает голову.

— Так, — произносит старуха после паузы. — Что же, наверное, ты прав. Пока ты, наверное, прав. И мы, несомненно, вернем тебя на твою Гиганду... в свое время. А сейчас мы хотим предложить тебе нечто весьма интересное. По крайней мере, мы надеемся, что это будет тебе интересно. Ты можешь здорово помочь нам, Бойцовый Кот. Слушай меня внимательно...

На поляне — строй гулливеровцев. На правом фланге Володя, затем Жак, затем Галка — все в необмятой форме, затянутые ремнями, все стоят навытяжку. Гай расхаживает перед строем, заложив руки за спину.

— Отныне нет больше группы «Гулливер», — сдавленным голосом произносит он. — Есть Особая учебная команда. Военная дисциплина. Систематическая боевая подготовка. Строгое наказание за малейшую попытку неповиновения. Отныне нет координатора. Есть ваш командир капрал Гай. Ставлю своей задачей в кратчайшие сроки подготовить из вас полноценных солдат. Вы должны твердо усвоить, — продолжает он, — что я, капрал Гай, являюсь вашим непосредственным командиром и все мои приказания должны выполняться без промедления и беспрекословно. — Он внезапно останавливается перед Жаком. — Ты меня понял?

— Я тебя понял, Гай, — смиренно отвечает Жак.

— Я тебе не Гай! — орет Гай. — Отвечай: так точно, господин капрал!

— Так точно, господин капрал.

— То-го. Кто я?

— Капрал Гай.

— Господин! Господин капрал Гай! Повтори, мешок!

— Господин капрал Гай, — произносит Жак. — Уф-ф...

— Что такое?

— Ничего... Это я так...

Гай хватается за отворот куртки, трясет и шипит сквозь зубы:

— Никаких «ничего»... Никаких «это я так»... Надо: виноват, господин капрал!

— Виноват, господин капрал!

Гай оставляет его, отходит, пятясь, и окидывает строй строгим взглядом.

— А теперь — его сиятельству великому герцогу Алайскому — четырежды ура!

Гулливеровцы кричат вразнобой:

— Ура-ура-ура-ура...

Гай страдальчески морщится:

— Вместе, вместе, сапоги вы стоптанные... Ну-ка, разом... Ура!

Строй рывкает:

— Ура! Ура! Ура! Ура!

Гай отшатывается, трясет головой и прочищает ухо пальцем.

— Вот это уже на что-то похоже... — ворчит он. — Ничего, я из вас сделаю настоящих солдат!

Гай посреди поляны отчитывает Жака. Галка и Володя по стойке «вольно» стоят неподалеку.

— Где ремень? — шипит Гай. — Где ремень, разгильдяй? Поч-чему пуговица расстегнута? Где ремень, я спрашиваю?

— Видите ли, господин капрал, мне нужно было...

— Я тебя не спрашиваю, что тебе было нужно, образина! Я тебя спрашиваю: где ремень?

— Но я и хочу объяснить...

— Я тебя не спрашиваю твоих дурацких объяснений! Я тебя спрашиваю: где ремень? Почему ходишь расхлюстанный, паршивец?

Жак молчит, улыбаясь во весь рот. Галка смотрит круглыми встревоженными глазами. Один Володя спокоен и серьезен, как всегда. Гай свирепеет.

— Ты еще зубы скалишь, скотина! Ну, я тебе покажу... Ты у меня поскалишься... Я тебе покажу скалиться... Я тебя посинею и почернею! А ну, двадцать кругов вокруг поляны на корточках — марш!

Жак проворно приседает на корточки и вперевалку ковыляет вокруг поляны.

— Быстрее! — орет Гай, надсаживаясь.

— Очень неудобно, господин капрал! — весело кричит Жак.

— Отставить болтовню! Быстрее!

Галка тихо шепчет Володе, не поворачивая к нему лица:

— Это ужасно все-таки...

— Да нет, с Яшки это как с гуся вода...

— Я имею в виду эту ругань... оскорбления...

— А! — шепчет Володя. — Это и есть настоящая подготовка к работе... Нам страшно повезло, Галка.

Жак, ухмыляясь, без всяких усилий ковыляет на корточках мимо них.

Лагерь гулливеровцев. Ранний вечер. Гай с меланхолическим видом бредет вдоль опушки по краю поляны. Полная тишина, в лагере не видно ни души.

Вдруг в плечо Гаю ударяет желудь. Он сейчас же отскакивает в кусты, пригибается и настороженно оглядывается. Раздается смех. Гай поднимает голову. Над ним на ветке огромного дуба сидит, свесив ноги, Галка.

— Ты чего? — неловко произносит он.

— Ничего, господин капрал... Испугались?

— Чего там — испугался... Ты чего там делаешь?

— Как видите, танцую и пою... Лезьте сюда, господин капрал.

Гай с изрядной сноровкой карабкается на дуб и усаживается рядом с Галкой на ветке верхом.

— Чего так пусто в лагере? Куда все подевались, господин капрал?

— Сейчас можно без чинов... Куда подевались? Жака я посадил в карцер, Володя его сторожит...

Галка вздыхает. Несколько секунд длится молчание.

— Смотри, какой закат... — тихо говорит Галка.

За рекой багряное солнце медленно опускается на зубчатую кромку леса.

— Тебе у нас хорошо?

Гай молчит.

— Грустишь по дому?

Гай судорожно вздыхает.

— Ты знаешь, Галка, — говорит он, — дома у меня была одна девушка...

— Да?

— Ага. Я ее очень любил. И она меня... тоже любила. Только...

— Что?

— Не знаю. Наверное, убили ее...

Галка поворачивается к Гаю и проводит ладонью по его волосам. Гай замирает.

— Ничего, — говорит Галка шепотом. — Скоро там все кончится и ты вернешься...

Гай, осмелев, обнимает ее и пытается притянуть к себе. Она упирается локтем ему в грудь:

— Не надо, господин капрал. Это совсем не годится.

Гай произносит упавшим голосом:

— Я хотел только...

— Ты хотел целоваться, я понимаю. Но, во-первых, ты мой непосредственный начальник...

— Ну и что? Я же не по службе!

— Не хватало, чтобы мы целовались по службе!

— Ладно, ладно... А во-вторых?

— А во-вторых... — Галка замирает, прислушиваясь. — Чу! — произносит она вполголоса. — Кажется, к нам гости... Господин капрал, рекомендую вам освободить Жака из карцера. Иначе сраму не оберемся...

Она, словно ртуть, соскальзывает с ветки и мягко, как кошка, спрыгивает на траву.

Гулливеровцы (вернее, курсанты и командир Особой учебной команды) стоят у палаток и ждут гостей.

На поляну из леса выезжают на конях двое: худенькая черноволосая девушка в коротком розовом хитоне и в широких красных штанах до колен и статный полуголый парень в индейских штанах с бахромой. Заметив гулливеровцев, девушка машет рукой и кричит:

— Эхой! Здравствуйте! Мы не помешали?

— Нет! — отзывается весело Галка. — Гостите!

Девушка и парень спешиваются, хлопками по крупу отправляют лошадей пастись (кони без седел и уздечек) и идут к палаткам.

— Здравствуйте, — повторяет девушка, подходя. В ее правом ухе сверкает сережка. — Меня зовут Ида, его — Раджаб.

— Галка, Гай, Володя, Жак, — представляет и представляется Володя. — Будете отдыхать, ужинать?

Раджаб отрицательно качает головой. Ида с интересом и удивлением рассматривает желто-коричневую маскировочную форму гулливеровцев.

— Нет, — говорит она, — мы в походе... часок передохнем и тронемся... Какая у вас странная одежда! Вы кто?

— Мы — Прогрессоры, — отвечает Володя.

— Интере-есно... — произносит Ида. — А мы — Строители. Вчера сдали экзамен. Я из новотульской школы, Раджаб — из бухарской... Так вы — Прогрессоры? У меня нет ни одного знакомого Прогрессора...

— Теперь есть, — говорит, улыбаясь, Володя.

— Откуда и куда? — спрашивает Галка.

— Из Ржева в Псков, — отвечает Ида. — Такая была скачка! Отмахали сегодня сто с лишним километров... за ночь думаем покрыть еще пятьдесят... Раджаб, представляешь? Это Прогрессоры!

Раджаб, улыбаясь, вежливо кивает.

— Каждый несет тот крест, который выбрал себе, — говорит он.

Все садятся в траву. Гай устраивается за широкой спиной Володи, пристально разглядывая гостей. Вид у него недоверчивый и настороженный.

Ида вдруг резко поворачивается к Володе:

— А ты...

Она замолкает. Володя тоже молчит, глядя на нее с улыбкой. У нее расширяются глаза, маленький рот приоткрывается.

— Поня-атно... — произносит она. — Так мы почти коллеги, ты тоже, оказывается, Строитель...

Она опять замолкает. Они с Володей смотрят друг другу в глаза, затем она отстегивает от мочки правого уха сережку.

— Пожалуйста, — говорит она и протягивает Володе сережку. — Пусть будет на память... Сдублируй...

Тот берет сережку, вскакивает и идет к мастерской. Заинтригованный Гай, так ничего и не поняв, вприпрыжку бежит за ним.

В мастерской. Володя склоняется над одним из футляров, сдвигает боковую стенку. За ней оказывается выпуклая металлическая крышка. Гай стоит за спиной Володи, заглядывая ему через плечо. Володя, полуобернувшись, показывает ему сережку. Это великолепный бриллиант величиной с горошину.

— Нравится? — спрашивает Володя.

— Очень...

— И мне очень.

Володя поднимает выпуклую крышку и кладет сережку в неглубокую прямоугольную нишу. Закрывает крышку. Звонкий щелчок. Открывает крышку. В нише лежат две сережки.

— Что это? — шепотом спрашивает Гай.

— А? — рассеянно произносит Володя. — Это? Это мультипликатор... — Он вдруг вытягивается по стойке «смирно» и негромко, по-военному четко спрашивает: — Разрешите идти, господин капрал?

— Идите... — озабоченно отзывается Гай, не отрывая взгляда от странного прибора.

Володя отчетливо поворачивается налево и строевым шагом выходит из мастерской. С поляны доносится смех, звонкие голоса. Гай подбегает на цыпочках к двери, выглядывает. Вечер померк, над поляной собираются тучи. Внезапно сверкает молния, с грохотом обрушиваются раскаты грома. Голос Галки:

— Пойдем в палатку или останемся?

Ответ Иды:

— Останемся... Я люблю грозу.

На лагерь рушится ливень. Гай оглядывается на мультипликатор. Крышка открыта. Гай сует руку в карман куртки.

Ослепительно сверкает молния. Гай в испуге отшатывается от дверей, затем подходит к мультипликатору. Извлекает из кармана свой единственный автоматный патрон. Кладет патрон в нишу, решительным движением захлопывает выпуклую крышку. Звонкий щелчок. Поднимает крышку. В нише два патрона. Опускает крышку. Звонкий щелчок. Поднимает крышку. Четыре патрона.

Он сгребает патроны, прячет в карман и снова подходит к двери. На поляне под проливным дождем сидят на траве Галка, Володя, Ида и Раджаб и о чем-то оживленно болтают, то и дело закатываясь смехом. У опушки пасутся лоснящиеся от дождя лошади.

Снова ослепительная молния и громовой раскат. Гай заслоняет лицо локтем. На черно-оранжевую эмблему шлепаются дождевые капли.

Гроза прошла. Над поляной — ясное звездное небо. У костра Галка, Володя, Жак и Гай прощаются с гостями.

Качается, сверкает сережка в ухе Иды. Качается, сверкает такая же сережка в ухе Володи.

Ида и Раджаб легко вскакивают на коней.

— До свидания! — кричит Раджаб.

— До свидания, Прогрессоры! — кричит Ида. — До свидания, Володя!

Гулливеровцы машут им. Они скачут через поляну. На опушке Ида осаживает коня, оборачивается.

— Я все поняла, Володя! — весело кричит она. — Ты мне тоже! Встретимся!

И следом за Раджабом она скрывается в лесу. Галка шлепает Володю по шее.

— Не смей заигрывать с чужими девушками! — строго говорит она.

Володя задумчиво улыбается, трогает сережку.

Поздний вечер. Гулливеровцы сидят у костра. Володя, полузакрыв глаза, наигрывает на концертоне пронзительно-печальную и очень простую мелодию, сережка покачивается и вспыхивает чистым светом над его плечом. Галка сидит, обняв руками колени, и смотрит в огонь блестящими глазами. Справа от нее лежит и словно бы дремлет Жак. Слева сидит Гай и то и дело поглядывает на нее.

— Галка... — произносит он вполголоса, но так, чтобы слышали остальные.

— Да? — рассеянно отзывается она.

— А Володька-то наш... в эту... в Иду-то... втюрился, как ты считаешь?

Галка медленно обращает к нему лицо. Открывает глаза Жак. С интересом смотрит на Гая и Володя, не переставая играть.

— Пожалуй... — медленно произносит Галка. — Странно только, что ты не втюрился...

Гай хихикает. Гулливеровцы украдкой переглядываются.

— Галка! — снова окликает громким шепотом Гай.

— Что, господин капрал? — ласково отзывается она.

— А у тебя есть сережка?

Галка достает из нагрудного кармана прекрасную перламутровую каплю.

— Подари... — произносит Гай и прямо-таки давится от смеха. — Подари на память...

Рука Галки с сережкой на ладони замирает. Володя перестает играть. И вдруг Жак с размаху бьет себя ладонью по лбу.

— Ребята! — кричит он и вскакивает. — Эх вы, Прогрессоры! Ты со своей женской интуицией... Ты со своей телепатией... Да неужели вы не видите?

Все непонимающе глядят на него, а он отдельно, вытаращив глаза, произносит:

— Гай шутит! Понимаете? Гай дразнится! Не брюзжит, не оскорбляется, не оскорбляет... Дразнится! В первый раз! Ура Гаю!

Секундная пауза. Глаза Гая выкатываются. Он вскакивает.

— Отставить! — орет он, надсаживаясь. — Рядовой Жак! Марш в карцер! Всем встать! Смир-рна! Отбой! Чтоб через минуту все по койкам! Жив-ва!

Ночь. Гай и Володя лежат в палатке. Володя как будто спит — дышит ровно и глубоко, как великолепно отлаженная, могучая машина. Гай не спит — в полутьме блестят его глаза, губы беззвучно шевелятся. Тишина. В траве на поляне стрекочут цикады.

Володя вдруг произносит свежим голосом:

— Сорок восемь, господин капрал.

Гай вздрагивает:

— Что?

— Шестью восемь — сорок восемь, а не тридцать восемь... И осмелюсь доложить, господин капрал, у нас не принято читать чужие мысли против желания... Думайте, о чем хотите, не опасаясь...

— Ни о чем я таком не думаю... — бормочет Гай.

Солнечный день. Гай идет по лесу и выходит на знакомую крошечную прогалину, окруженную соснами, засыпанную слоем коричневой опавшей хвои. Только вместо муравейника посередине прогалины лежит на земле толстое трухлявое бревно. И знакомый скрипучий голос произносит:

— Будь здоров, Гай, бывший Бойцовый Кот. Что-то тебя давно не было видно...

Гай останавливается как вкопанный, растерянно обшаривает глазами прогалину, затем глядит на бревно.

— Э... — произносит он, с трудом переводя дух. — Это... Горячего солнца и воды... во множестве... Это вы?

— Конечно, это я.

— Понимаю, понимаю... Вы в прошлый раз были муравьиной кучей, поэтому я не сразу...

— Ошибаешься. Пока я только подумываю о метаморфозе в муравейник. Как ты догадался?

Сбитый с толку, Гай молчит.

— Все-таки я уверен, — бормочет он, — что в прошлую нашу встречу вы были в образе муравейника...

— Этого не может быть. Я же говорю тебе, я только подумываю о том, чтобы перевоплотиться в муравейник...

— Нет, — твердо говорит Гай.

После паузы Оборотень произносит:

— Может быть... может быть. В вашей области Вселенной у нас часто слабеет память. Никто не знает — почему... Возможно, я забыл... Ведь ты приходил так давно...

— Всего четыре... нет, пять дней назад!

Оборотень смеется дребезжащим смехом:

— Ошибка! Ошибка! У тебя тоже никуда не годится память, бывший Бойцовый Кот! Ты был здесь не менее пятнадцати дней назад... Шел дождь, последний дождь в этом сезоне...

— Не было дождя! Нет, был... гроза... Но...

— Никакой грозы. Просто дождь.

— Погодите... — Гай вытирает со лба пот. — Скажите мне, почему вы называете меня бывшим Бойцовым Котом?

— Я? Это не я тебя так называю. Ты сам назвал себя в прошлую... в нашу первую встречу. Я спросил тебя, кто ты такой, и ты прямо так и сказал мне: бывший Бойцовый Кот...

— Я? Я сам так себя называл? Неправда! Можно Жака спросить, он подтвердит...

— При чем здесь Жак? Ты пришел один, без Жака. Ты все пугаешь, Гай. Ты пришел поздно вечером, лил дождь, и ты был один, и по речи твоей я принял тебя за помешанного... Неужели не помнишь? И в руках у тебя было какое-то отвратительное железо... оружие...

Лицо Гая застывает.

— Да... — бормочет он. — Да, припоминаю... И до этого я никогда не приходил к тебе?

— Никогда, — отвечает Оборотень скрипучим голосом.

— Понятно... — Гай замолкает, глядя перед собой. — Хорошо, я ухожу... я еще приду проститься...

— Всегда рад.

— Слушайте... Вот вы знаете Жака... Скажите, а знаете вы такого человека — Корнея?

— Корней... Да. Я помню это имя. Несколько месяцев назад мне кто-то рассказывал... Ну да, ну, конечно... Он рассказывал и плакал. Корней погиб во время какого-то мятежа на планете Гиганда...

Ясное солнечное утро. Гай стоит перед «строем» гулливеровцев.

— Сегодня я намерен заставить вас попотеть как следует, — говорит он. — Сегодня вы у меня узнаете, что такое настоящая солдатская муштра. Я вас разбаловал. Вы не солдаты, а мешки с опилками. Особенно Жак...

Гай подходит к Жаку и хватает его за пряжку ремня.

— Заправочка! — орет он. — Тридцать кругов по поляне на корточках... марш!

— Но я же...

— Молчать! Марш!

Жак — уже не с веселым, а весьма надутым видом — выходит из строя и, опустившись на корточки, пускается в свое обычное путешествие вокруг поляны.

— Рядовой Володя!

— Слушаю, господин капрал!

— За мной!

Гай поворачивается и идет к мастерской. Володя следует за ним. На поляне остается одинокая Галка, да еще поодаль, над самым обрывом маячит скорчившийся Жак.

Гай и Володя останавливаются у дверей мастерской. Гай достает из-за пазухи несколько листов бумаги.

— Вот, — произносит он. — Начертишь это... Размеры здесь проставлены... Сам поймешь, что к чему.

Володя с любопытством рассматривает импровизированные чертежи.

— Что это, господин капрал? — осведомляется он.

— Не твое дело. Выполняй.

— Слушаюсь... Сами чертили? Отчетливая работа, господин капрал.

— Чего там... — глядя в сторону, Гай пожимает плечами. — Нужда подопрет, так и рыбка запоет...

— Поющая рыбка — для нас не ошибка... — отзывается Володя. — Понятно, господин капрал. Разрешите выполнять?

— Действуйте. Чтобы к обеду было готово.

Речной пляж над обрывом. Жаркий полдень. На песке рядышком сидят Жак и Гай. Жак, весело насвистывая затейливый мотивчик, бросает в реку камешки, ловко делая «блинчики». Гай пригорюнился, обняв руками колени и положив на них подбородок.

— Господин капрал! — окликает его Жак.

— Чего тебе?

— Сыграем в четырехмерные шашки...

Гай отрицательно качает головой.

— Ну, в трехмерные...

Гай отрицательно качает головой.

— Тогда поборемся...

— Отстань...

— Жалко, — огорчается Жак. — А то бы я тебя... господин капрал... в два счета положил...

— По карцеру соскучился?

— Слушай, — укоризненно-жалобно говорит Жак. — Перестань. Нос выше. Ну?

Гай бледно улыбается.

— Пойдем, я тебя хоть плавать научу...

— Иди сам, Жак. Ступай с богом...

Жак крикает, поднимается, шумно входит в воду и ныряет. Гай рассеянно глядит на реку.

Солнце бьет из бездонной сини, на волнах ослепительно переливаются зайчики.

Метрах в двадцати от берега из воды высовываются ноги Жака. Гай рассеянно смотрит, вздыхает и отворачивается. Снова смотрит. Голые ноги не то судорожно, не то азартно подергиваются. Гай присматривается внимательнее, брови его поднимаются.

Дергаются торчащие из воды ноги, белые пятки сверкают на солнце. Гай встает, не сводя с них глаз. Пятки исчезают под водой и снова взбрыкивают, подняв столб брызг.

— Жак... — негромко говорит Гай и делает несколько шагов в воду. — Жак! — вопит он в ужасе. — Ребята! Жак!

Расплескивая воду, он неуклюже бежит в реку, в глубину, на стремнину. Мелькают его растопыренные пальцы, он с головой погружается в воду, выныривает, бьет по воде руками и снова погружается.

...Жак, отплевываясь, выволакивает Гая на песок и садится с ним у ног подбежавших Володи и Галки. Галка сейчас же опускается на корточки и берет лицо Гая в свои ладони. Гай тяжело дышит, из носа течет вода, глаза закрыты.

— Что случилось? — спрашивает Володя.

— Не знаю, — растерянно говорит Жак. — Просто понятия не имею. Я там сома на дне нашел, большой такой сом, импозантный... Ну, завел с ним беседу, щечочу, ублажаю всячески... сам знаешь, как с большой рыбой... И вдруг шум, плеск, на меня налетают, сбивают... Сом, конечно, наутек... Вынырнул я, гляжу — капрал наш рядом тонет, пузыри пускает... Как он там очутился, это же все-таки метров двадцать, а плавать он не умеет...

Гай открывает глаза, пристально всматривается во встревоженное лицо Галки. Нагибает голову, выплевывает воду.

— У-ух... — произносит он. — Испугался я... Думал, ты тонешь...

Пауза. Все смотрят на Гая.

— Ты же... — каким-то вибрирующим голосом говорит Жак. — Ты плавать не умеешь...

Гай отпихивает его, встает и ложится на песок лицом к воде.

— Я же говорю, — произносит он раздраженно. — Я испугался... Торчат, понимаешь, ноги... Думаю, под корягу его затянуло...

Он замолкает на полуслове. Глаза его выкатываются, челюсть отвисает. Перед ним у кромки воды сидит большая лягушка.

Гай, не вставая, боком ползет от нее, затем вскакивает и с воплем бежит к обрыву. Пытается вскарабкаться, обрывается, падает в тучах обвалившейся сухой глины. Могучие руки Володи подхватывают его, и он замирает.

Ласковый голос Володи:

— Вы так вывалялись, господин капрал, что непременно придется опять окунуться...

И голос Галки:

— Убирайтесь, мальчики, я сама пойду с ним в реку...

Жаркий день. Неоглядная всхолмленная равнина, покрытая рощами и полями, тянется от горизонта до горизонта под глубоким синим небом, а далеко за горизонтом в голубой дымке поднимаются силуэты необыкновенных зданий, и гряда этих силуэтов, причудливая, вещественная и вместе с тем по-воздушному легкая, охватывает равнину с запада чуть ли не в половину горизонта. Временами среди этих призрачных форм вспыхивают и мгновенно исчезают ослепительно яркие точки...

Корней и Гай стоят на вершине плоского холма по колено в траве и смотрят вдаль.

— Город... — тихо говорит Корней. — Псков. Он стал больше с тех пор, как я последний раз был здесь... А сто лет назад тут проходила дорога... она вела на восток, на Бологое, на Москву и дальше, в Сибирь... Когда-то здесь днем и ночью неслись машины,

миллионы машин... а потом дорога стала не нужна, в целом мире больше никто не пользуется дорогами... Зачем они, когда есть нуль-транспортеры... и люди научились летать...

Гай вдруг испуганно восклицает:

— Что это?

В невообразимой дали, позади далеких силуэтов башен и эстакад Пскова, медленно взмывает в небо странная серая фигура — нечто совершенно исполинских размеров — описывает гигантскую дугу в небе и снова скрывается за горизонтом. После недолгого молчания Корней отвечает:

— Не знаю... Сейчас уже ни один человек на этой планете не может знать всего, что здесь происходит... Все меняется. Люди не хотят успокаиваться...

Гай опускает голову.

— Да, господин, — произносит он со вздохом. — Вы живете хорошо на вашей планете. Нет войны, нет голода. Все есть. Много еды, ничего не нужно делать. Можно даже ногами не ходить...

Корней неохотно смеется.

— У нас война, — продолжает Гай, — и снова война, и опять война... Мы все время очень заняты. А вы никогда не воевали, поэтому на вашей планете вам делать нечего, и вы идете на другие миры, вмешиваетесь...

Корней качает головой:

— Ошибаешься, Гай, дружок. Было время, мы тоже воевали. И как воевали! Гораздо страшнее, чем вы. И самые свирепые войны были у нас как раз за то, чтобы прекратить войны навсегда.

Гай почтительно, но недоверчиво склоняет голову:

— Если господин так говорит...

Корней кладет ему руку на плечо.

— Пойдем, — произносит он.

Они стоят перед гранитной плитой, отполированной до глади с одной стороны и грубо стесанной со всех остальных. На полированной поверхности вырезана надпись — славянской вязью, непонятной Гаю.

— Это обелиск, — тихо говорит Корней. — Памятник над братской могилой.

— Кому? — с живостью спрашивает Гай.

— Героям последней войны. Тридцать лет назад археологи обнаружили здесь братскую могилу... Посмотри, что происходило в этих местах триста лет назад...

Корней проводит рукой по воздуху.

И в ту же секунду пространство вокруг них наполняется грохотом давно минувшей битвы. Возникает объемное изображение — стреляют орудия, с лязгом катятся танки с черными крестами на бортах, бойцы поднимаются в атаку, падают убитые... Угрюмый Корней и потрясенный Гай стоят в самом центре этого грандиозного столкновения противоборствующих сил. Изображение гаснет.

— Они легли здесь все до единого... не отступили ни на шаг, — ровным голосом произносит Корней. — Вот их кровью и кровью миллионов других бойцов сцементирован фундамент нашего прекрасного мира, которому ты так завидуешь...

Некоторое время длится молчание. Потом Гай вдруг низко кланяется.

— Прошу господина меня извинить, — хриплым шепотом произносит он. — Я позволил себе усомниться. Я был неразумен и несправедлив к великим предкам господина...

Корней и Гай неспешно идут в высокой траве на берегу реки.

— Кто же победил? — спрашивает вдруг Гай.

— Где? — не сразу отзывается Корней.

— В этой великой войне... которую господин мне показал...

— Как видишь, мы.

— Да. Да. Конечно, — говорит Гай и после паузы произносит торжественно: — Вы были великими бойцами.

— Мы и сейчас неплохие бойцы...

— Да. Да. Да. Вы могли бы раздавить Полосатых как клопов. Стереть их в порошок. Вытравить, выжечь, развеять по ветру...

Корней молчит.

— Великий герцог выразил бы вам благоволение, — слегка дрожащим голосом произносит Гай.

— Неужели? — рассеянно произносит Корней.

Некоторое время они шагают молча.

— Великий герцог наградил бы вас высшими орденами! — уже почти иступленно произносит Гай. — Клянусь Черным Зверем! — Он прикасается левой рукой к эмблеме на правом рукаве. — Великий герцог возвысил бы вас над всеми! Он держал бы вас справа от своего сердца! Если бы вы помогли нам...

— Мы и так помогаем вам, дружок, честное слово...

— Я могу задать вопрос?

— Задавай, дружок.

— Победим мы?

— Конечно, вы. Не великий герцог, не император, а именно вы — простые алайцы и краманцы. И наступит вечный мир...

— Господин говорит непонятно, — холодно возражает Гай. — Так не может быть.

— Почему?

— Мира не будет, пока жив хоть один краманец. Они все должны быть уничтожены.

Корней молчит. Они входят в рошу, идут между деревьями. Корней вдруг останавливается.

— Постой, Гай, — говорит он странным голосом. — Все-таки я думаю, что ты должен это знать...

— Что? — Гай недоуменно и испуганно смотрит на Корнея.

— Мы славно прогулялись, дружок, — говорит тот. — Но я явился к вам в лагерь не для прогулки. Есть кое-какие новости...

— Да?

— Да. Дело в том, что ваша война кончилась.

— Какая война? — тупо спрашивает Гай.

— Ваша. Война герцогства Алайского с Краманской империей.

— Уже?.. — Гай облизывает пересохшие губы. — И... кто...

Корней ждет, спокойно глядя на него. Гай поднимает голову и, уставившись ему в глаза, произносит:

— Я хочу знать, кто победил.

Корней молчит. Гай медленно опускается на землю.

— Кто?

— Я уже объяснил тебе, — говорит наконец Корней. — Никто не победил. Вернее, все победили.

Гай цедит сквозь зубы:

— Объяснили... Мало ли что вы мне объяснили... Я это не понимаю. У кого осталось устье Тары? Это, может быть, вам все равно, у кого оно осталось, а мне не все равно!

Корней медленно качает головой.

— Тебе тоже все равно, — устало говорит он. — Армий там больше нет. Только гражданское население...

— Ага! — произносит Гай. — Значит, полосатиков оттуда выбили!

— Да нет же... Армий вообще больше не существует. Из устья Тары никто никого не выбивал. Просто и алайцы и имперцы побросали оружие и разошлись по домам...

— Это невозможно, — говорит Гай спокойно. — Я не понимаю, зачем вы мне все это рассказываете, Корней. Я вам не верю. И я вообще не понимаю, чего вам от меня надо. Зачем вы меня здесь держите?

— Так, — говорит Корней. — Ничего нового я по этой части тебе сообщить не могу. Знаю, ты стремишься домой. Но придется еще потерпеть. Сейчас у тебя на родине слишком тяжело. Разруха, голод. Эпидемии... Герцог, как и следовало ожидать, плюнул на все и бежал как последний трус. Бросил на произвол судьбы не только страну...

— Не говорите плохо о его сиятельстве... — хрипло рычит Гай.

— Его сиятельства больше нет, — холодно произносит Корней. — Герцог Алайский низложен. Впрочем, можешь утешиться: императору тоже не повезло. Расстрелян в собственном дворце.

Гай поднимается, держась за ствол березки.

— Пустите меня домой, — говорит он. — Вы не имеете права меня держать. Я не военнопленный и не раб.

— Давай не будем ссориться, — говорит Корней. — Ты плохо себе представляешь, что там у вас делается. А там такие, как ты, сколотили банды, им все хочется поставить скелет на ноги, а этого, кроме них, уже никто не хочет. За ними охотятся, как за бешеными псами, и они обречены. Если сейчас тебя отправить домой, ты, конечно же, примкнешь к такой банде, и тогда тебе конец. И дело, между прочим, не только в тебе, дело еще и в тех людях, которых ты успеешь убить и замучить. Ты опасен. И для себя, и для других. Вот так, если откровенно.

Гай медленно опускает ладонь на рукоять кинжала. Корней пристально смотрит на него. Гай опускает руку.

— Хорошо, — произносит он. — Ладно. Вы мне спасли жизнь, и за это приходится прощать вам, Корней. Но вот что я вам скажу. Я тоже спасу вам жизнь, и тогда мы будем в расчете.

Корней недоуменно поднимает брови:

— Ты? Спасешь мне жизнь? Каким же образом?

— Если хотите остаться в живых, не появляйтесь больше у нас на Гиганде. Иначе через несколько месяцев вы погибнете. Все.

Гай круто поворачивается и идет прочь.

— Гай! — окликает его Корней.

Гай приостанавливается, оборачивается. Корней, наклонив голову, смотрит на него:

— погоди, Гай. Это еще не все. С тобой тут хочет побеседовать один человек.

Гай входит в Галкину палатку и застывает на пороге. На табурете сидит, оперевшись локтем на столик, огромный мужчина в темных очках, в коричневой кожаной куртке, в галифе с крагами. С правого плеча свисает голубой шнур. На столике рядом — тяжелый кубический шлем с эмблемой — красный круг со стилизованным изображением желтого языка пламени.

— Здравствуй, Кот, — произносит мужчина низким голосом.

Гай вытягивается, прижимая руки к бедрам, оттопыривает локти и щелкает каблукми.

— Я — бронемастер Гаррот, тринадцатая бригада Голубых Драконов, — продолжает незнакомец. — «Огонь на колесах».

— Премного счастлив, господин бронемастер! — отчеканивает Гай. — Прошу разрешения представиться: капрал Гай, второй легион его сиятельства Бойцовых Котов...

В палатку позади Гая неслышно проскальзывает Корней и садится на свернутый тюк постели по другую сторону стола. Только сейчас Гай замечает, что там же сидит и Галка, но сразу забывает об этом.

— Несколько вопросов, капрал, — произносит бронемастер Гаррот.

— Слушаю вас, господин бронемастер...

— Слышал я, что его сиятельство удостоил тебя... э-э... жевательным табаком из собственной руки...

— Так точно, господин бронемастер!

— За какие же... э-э... подвиги?

— Удостоен как представитель легиона после взятия Арихады, господин бронемастер...

Гай немного расслабляется, оправляется от неожиданности. Брови его недоуменно съезжаются к переносице.

— Значит, был удостоен... — продолжает бронемастер. — Раз так, значит... э... э... нес впоследствии караульную службу в ставке его сиятельства...

— Неделью, господин бронемастер, — уже с некоторой паузой отвечает Гай.

Бронемастер подается вперед.

— Маршала Нагон-Гига в ставке видел?

— Так точно, видел, господин бронемастер...

— Если бы сейчас маршала встретил, узнал бы его?

Глаза Гая сужаются.

— Не могу знать... господин бронемастер.

— Ну, хорошо, — рассеянно произносит бронемастер и откидывается на спинку табурета. — А нет ли у тебя... э-э... капрал, старшего брата у нас в Голубых Драконах?

По лицу Гая проходит судорога.

— Какие у меня братья? — хрипло произносит он. — Откуда у меня братья? Я и сам-то еле жив остался...

Бронемастер с изумлением и негодованием уставляется на Гая. Тот нагло отвечает на взгляд и прислоняется плечом к опорному столбу посередине палатки.

— Как стоишь, капрал? — тихо сипит бронемастер и поднимается. Сорвав с себя черные очки, он устремляет в лицо Гая уничтожающий взгляд.

— А что? — отзывается Гай и сплевывает. — Стою как стою, с ног не падаю... — Вдруг он теряет выдержку и кричит, надсаживаясь: — Чего смотришь? Чего смотришь, бронемастер драной армии? Сам небось драпал, все бросил, аж сюда додрапал, от своих же небось солдат спасался!..

Бронемастер медленно надвигается на него. Но тут Корней подает голос:

— Бронемастер, друг мой, не заезжайте... полегче...

И бронемастер послушно возвращается на свой табурет.

— Все-таки у вас здесь очень жарко, господин Корней... — томно произносит он как ни в чем не бывало. — Я бы не отказался от чего-нибудь... э-э... освежающего.

— Желаете соку? — с готовностью предлагает Корней.

— Соку... э... нет. Если можно, чего-нибудь покрепче.

Гай вздрагивает и внимательно смотрит на него.

— Вина? — предлагает Корней.

— Да, пожалуйста...

На Гая он больше не смотрит. Зато Гай смотрит на него, вытаращив глаза. Корней легонько хлопает ладонью по столу, берет возникший на столе бокал с вином и протягивает бронемастеру. Тот ленивым движением принимает бокал и подносит к губам. Гай протирает глаза. И вдруг судорожная усмешка кривит его губы.

— А ты не выпьешь, Гай? — осведомляется Корней.

— Нет, — отзывается Гай. — Не выпью. И сам не выпью, и этому не советую... господину бронемастеру.

Все — Корней, Галка, бронемастер — с недоумением и тревогой глядят на Гая. А Гай, нарочито небрежным движением оттолкнувшись от опорного столба, подходит к бронемастеру, отбирает у него бокал и поучающе произносит:

— Голубые Драконы вина не пьют. Они вообще спиртного не пьют. У них, господин бронемастер, зарок: ни капли спиртного, пока хоть одна полосатая крыса оскверняет своим дыханием атмосферу вселенной. Это раз. А теперь этот шнурочек...

Гай берется за голубой шнур, отстегивает его от пуговицы куртки и аккуратно пускает вдоль рукава.

— Шнурок доблести только по уставу вам положено пристегивать к третьей пуговице сверху. Никакой настоящей Дракон его не пристегивает. В карцере сидят, но не пристегивают... Это, значит, два...

Он поворачивается и идет к выходу. На пороге он приостанавливается и через плечо заканчивает:

— А при разговоре с младшим по чину, господин бронемастер, не велите себя все время величать полным титулом. Ошибки здесь большой, конечно, нет, только сразу всякий поймет, что вы не фронтовик, а только рядитеесь... Вот так. Считайте, что вас разоблачили... не знаю, как вас там зовут... и поставили к стенке как шпиона. Всего наилучшего.

Гай и Галка в мастерской.

Она откидывает крышку форматора и принимается за работу. Четыре чертежа один за другим исчезают в щели приемного окна, жужжит приборный пульт, щелкает рычажок, под слабое гудение на несколько секунд гаснет свет, и Гай извлекает и рассовывает по карманам четыре детали.

— Все? — спрашивает Галка.

— Все...

Галка захлопывает крышку форматора и поворачивается к двери.

— Погоди, Галка... — вполголоса произносит Гай.

Галка останавливается и вопросительно смотрит на Гая.

— Ты... ты умеешь водить этот... звездолет?

— Ну конечно... я же штурман...

— А вызвать звездолет ты можешь?

— Конечно, могу...

Гай смотрит ей прямо в глаза:

— Галка, отвези меня на Гиганду.

Галка пятится и садится на крышку форматора:

— Тебя... на Гиганду?

— Да. Верни меня домой. Тебе ничего не стоит. Посчитаешь, нажмешь там кнопки... и я дома. А?

Галка медленно качает головой:

— Это невозможно, Гай.

Гай опускается перед ней на колени.

— Галка, — шепчет он лихорадочно, — мне нужно домой. Мой дом горит, понимаешь? Там все решается, а я здесь... Да, да, да. Ваш мир прекрасен, но мне он чужой... Вот я перед тобой... — Он хватает ее за руки. — Я парень из преисподней, я никогда не видел никого прекраснее тебя, но я даже не смею любить тебя, такая ты чужая... Слушай, Галка, вы ведь свободны, вы всё можете, верни меня домой!

Он прижимается лицом к ее рукам. Галка смотрит на его стриженую голову, закусив губу, глаза ее полны слез.

— Это невозможно, Гай, — так же шепотом говорит она. — Нет, это невозможно... — Она зажмуривается и трясет головой. — Да, мы все можем... мы свободны... Но наша свобода и могущество держатся на железной дисциплине... Не знаю, понимаю ли я тебя... Кажется, понимаю... Но это невозможно.

Она встает, высвобождает свои руки из рук Гая и выбегает из мастерской.

Гай одиноко стоит на коленях перед серым футляром форматора.

Лес. Серый дождливый день. Идет по лесу Гай в своей зелено-коричневой маскировочной куртке, и через плечо его свисает на ремне автомат.

Он выходит на знакомую прогалину, окруженную мокрыми соснами. Слой мокрой опавшей хвои тускло отсвечивает под серым небом. Нет ни муравейника, ни трухлявого бревна — посередине прогалины возвышается мокрый угловатый камень.

Гай останавливается перед камнем.

— Здравствуйте, — тихо говорит он. — Горячего солнца и воды в достатке...

Скрипучий голос отзывается:

— Здравствуй. Воды действительно предостаточно, а вот солнца я не видел давненько... Кто ты такой?

— Да, я забыл... — произносит Гай. — Зовут меня Гай, и я... — Он с горечью усмехается. — Я — парень из преисподней, бывший Бойцовый Кот бывшего его сиятельства бывшего герцога Алайского...

— Очень длинно, Гай, — говорит скрипучий голос. — Лучше просто: бывший Бойцовый Кот, что бы это ни значило... Гай... Гай. Что-то я припоминаю... А что это за железо ты таскаешь на себе?

— Ничего особенного... сюрприз для моих друзей. Оружие.

— Ужасно пахнет под дождем.

— Извините, больше не повторится.

— Рад слышать... Гай... Послушай, я, кажется, вспомнил. Ну как же! Ты ведь с планеты Гиганда?

— Совершенно верно.

— Тогда все понятно... Герцог Алайский... Верно. Ты — председатель первой Алайской коммуны?

Гай растерянно приоткрывает рот:

— Я? Коммуны?

— Нет? Гм... Значит, совпадение. Да, наверно, совпадение. Тот Гай был взрослым человеком... Так что у тебя ко мне?

— Ничего. Просто я пришел попрощаться. И поблагодарить.

— Очень рад, Гай. Но... я впервые вижу тебя. Что я сделал, чтобы заслужить твою благодарность?

— Неважно. Потом. Мы еще увидимся, впрочем. Скоро, через пятнадцать дней.

— Не понимаю. Ты пришел прощаться и обещаешь, что мы скоро увидимся?

— Я не могу объяснить... Я прощаюсь, потому что сегодня — первый дождливый день.

— Глупости. Дожди идут уже месяцы подряд, ты говоришь как сумасшедший...

— Да, да, да. Простите меня. Да, для вас это последний дождливый день. Завтра для вас начнутся дни солнечные.

— Гм... для меня. А для тебя?

— Не знаю... Прощайте.

Гай поправляет ремень автомата на плече, поворачивается и уходит в лес.

Гай тщательно прячет автомат в мокрых кустах и выходит на поляну. И замирает неподвижно.

На металлическом диске стоит Корней. А чуть в стороне стоят, держась за руки, Володя и Ида — в плаще с капюшоном, наброшенным на волосы. Они молчат. Затем Ида произносит негромко:

— Ты позвал. Я пришла.

— Я позвал тебя, чтобы попрощаться...

— Да... И я пришла. Я проскакала несколько часов...

Володя целует ей руку:

— Спасибо...

Сгущаются сумерки. Юноша и девушка стоят неподвижно, все более сливаясь с темнотой.

— Время... — тихо говорит Корней.

Ида вздрагивает:

— До свидания... любимый. Береги себя.

— До свидания... Я буду беречь себя.

Ида коротко свистит. Слышится топот копыт, возле них возникает едва заметный силуэт коня. Ида птицей взлетает ему на спину:

— Береги себя на этой Гиганде!

Конь с места берет в галоп и исчезает в темноте леса.

Володя вскакивает на металлический диск.

Тягучий медный звон проносится над поляной. Силуэты Корнея и Володи исчезают.

Гай медленно выходит из тени.

Поздний вечер. Палатка Гали. Галка и Жак сидят за столом. Галка пригорюнилась, подперев щеку кулачком. Жак рассеянно двигает по столу забытый бокал лже-бронемастера. И вдруг они поднимают головы.

На пороге стоит Гай в блестящей от дождевой влаги маскировочной куртке, с автоматом в руках. И дуло автомата направлено прямо на Галку.

Секунду они смотрят друг на друга. Жак весь подбирается для прыжка.

— Тихо, — произносит Гай. — Я не чета вам, я — человек нервный.

Жак смотрит на Галку, затем на Гая.

— Слушай, — спокойно говорит он. — Что за глупость ты затеял, мой капрал?

— Все сложилось очень удачно, — отзывается Гай чуть напряженным голосом. — Нет Корнея, нет Володи... Нас осталось в лагере трое. Ты понимаешь, Галка? Никто нам не помешает. Вызывай звездолет. Вызывай звездолет, Галка, и отвези меня на Гиганду. Туда, куда отправились сейчас ваши шпионы...

— Эндрю — не шпион, — устало усмехнувшись, возражает Галка. — Понимаешь, его готовили в большой спешке... Надо спасти одного человека... Большого вашего ученого. Он скрывается там, где окопалась сейчас бронечасть, и никому туда прохода нет. Только своих принимают. Так что считай — ты спас сегодня двух хороших людей. Одного нашего и одного своего...

Гай нетерпеливо дергает автоматом:

— Не в этом дело, Галка. Шпионы — это я так сказал, для краткости... Я знаю, вы — другие, вам не надо этого... Володе особенно... Но почему наши дела устраиваете вы? Я сам, сам хочу... Торопись же. Иначе...

— Что — иначе? — насмешливо спрашивает Галка. — Иначе ты застрелишь меня?

Гай несколько секунд смотрит на нее.

— Нет, — грустно произносит он. — Я не могу тебя застрелить. Я тебя люблю. И всегда буду любить. Но между нами двадцать парсеков и сотни лет истории...

Он опускает автомат.

— Не торчи там как пугало, — ласково говорит Галка. — Иди сюда, садись...

Гай подходит к столу.

— Я уже говорила, что это невозможно...

— Вот именно, — подхватывает Жак. — Пойми, чудак...

— Но теперь я думаю: а почему бы нет?

— Галка, — испуганно говорит Жак. — Да ты с ума сошла.

— Почему все-таки невозможно? — продолжает Галка, как бы разговаривая сама с собой. — Человек рвется на Родину...

— А мы-то тут при чем?

Галка наконец поворачивается к Жаку.

— Ты никогда не будешь настоящим Прогрессором, — жестко говорит она. — Прогрессор — это человек, понимающий, что такое Родина. Особенно, Родина в беде... У нас был дом, потом Родина, потом стала Вселенная... Дом может быть где угодно, Вселенная пусть провалится в тартарары... Но Родина... Родина — это все.

— Родина — это все... — эхом отзывается Гай.

Серый осенний лес. Моросит унылый дождь. Черные, корявые, словно обглоданные стволы деревьев. Чахлый кустарник между ними. Земля покрыта слоем мокрой прелой листвы.

Через лес идут двое — Галка в глухом черном комбинезоне с капюшоном и Гай в своей зелено-коричневой маскировочной куртке и коротких штанах. С плеча Гая на ремне свисает автомат.

— Хорошие у вас леса... — вполголоса произносит Галка. — Только все так запущено...

— Война у нас, — сообщает Гай, — много лет война...

— И пахнет как-то неприятно... — Галка поднимает носик и принюхивается. — Смертью пахнет...

— Война... — повторяет Гай. — Столько лет шла война...

— Но здесь будет замечательно хорошо, когда вы всю эту землю воспитаете, оздоровите... как у нас...

Они останавливаются в кустах у обочины дороги. Дорога неширокая, невероятно разбитая и грязная. Невдалеке, уткнувшись покатым лбом в дерево, стоит сгоревший броневик, похожий на черепаху, нога-рычаг бессмысленно задрана в воздух. Чуть поодаль стоит другой, завалившийся боком в придорожную канаву. В тишине слышится шорох дождя и отдаленный невнятный шум, словно где-то проходит множество людей.

— Дальше мне нельзя, — тихо говорит Галка. — Давай прощаться.

Гай, прищурившись, смотрит вдоль дороги, словно пытается представить себе расстояния, которые ему предстоит пройти в этом мире, дома.

— Я тебе вот еще что хотел сказать... — произносит он. — Чтобы ты не сомневалась... Этот Иноб... Оборотень...

— Да?

— Ведь я правильно понял: он живет во встречном времени...

— Как ты смешно сказал... — Галка улыбается. — Да, во встречном времени. Его прошлое — для нас будущее. Его будущее — для нас прошлое... Ты молодец, догадался... Почему ты вспомнил об этом, Гай?

Он смотрит ей в лицо:

— Он сказал мне, что некий Гай на Гиганде был... то есть будет... ну, для нас — будет... председателем первой Алайской коммуны.

— Правда?

— Ага. Ты больше не сомневаешься во мне?

Она медленно качает головой:

— Я не сомневаюсь в тебе, Гай.

— Да. И еще. Я говорил Корнею, но он, по-моему, пропустил мимо ушей. Оборотень сказал, что...

Галка оглядывается. Глаза ее расширяются. Над кустарником в двух шагах сбоку поднимается худая грязная рука.

— Стой! — кричит Галка. — Остановись, дурак!

Она бросается между кустарником и Гаем. И сейчас же в грудь ее с тупым стуком входит по рукоятку широкий боевой нож. Секунду Галка стоит, полузакрыв глаза, затем шатается и падает. Гай подхватывает ее. Лицо его искажено ужасом.

— Галка! — кричит он.

Губы Галки слабо шевелятся. Он прикивает ухом к ее рту.

— Кот... — шепчет она. — Котьяра... гроза мышей...

Лицо ее застывает, глаза закатываются. Гай медленно укладывает мертвое тело на землю. Струйка крови стекает по влагоотталкивающей ткани комбинезона и собирается в лужицу на прелой листве.

— Хи-хи... — раздается рядом в кустарнике.

Гай с оскаленными зубами, рыча, бросается туда и волоком вытаскивает тощее тело в изодранном полосатом комбинезоне.

— Ты что наделал, скотина? — ревет он и принимается тыкать взлохмаченную голову лицом в лужу крови. — Что ты наделал, подлец, мерзавец, полосатая дрянь?

Он бросает убийцу, подхватывает автомат и отступает на шаг.

— Встать, гад! — рывкает он.

Убийца поднимается на ноги. Вернее, на одну ногу. Второй у него нет. И нет одной руки. И поднимается он, опираясь на самодельный костыль. Это мальчишка, тощий, грязный, с бессмысленной улыбочкой-оскалом на вымазанном кровью лице, с безумными глазами.

— Хи-хи... — произносит он. — Хороший денек... ай, хороший денек... Как поживаете, господин? Нет ли в чем нужды? Я сейчас, я мигом...

И он разражается визгливым хохотом и принимается подскакивать на своей единственной ноге. Гай опускает автомат. По лицу его текут слезы.

И, как слезы, стекает дождевая вода по мертвому лицу Галки.

Гай идет по дороге, оскальзываясь на грязных рытвинах, обходя глубокие лужи, перешагивая через обгорелые стволы рухнувших деревьев. Пинком отбрасывает с дороги конусовидную каску, и она катится в канаву, расплескивая воду. Позади, отстав шагов на пятьдесят, плетется на костылях безумный калека.

И вдруг впереди из леса выходят двое и останавливаются посередине дороги. Оба, видимо, бывшие солдаты, высокие плечистые мужики в военной форме с оборванными пуговицами, с мрачными заросшими физиономиями. Гай подходит к ним и останавливается. Они хмуро и подозрительно разглядывают друг друга. Подходит и мальчик-калека. Никто не обращает на него внимания.

Один из солдат спрашивает Гаю по-алайски. Гай коротко отвечает. Тогда второй солдат, бешено ощерившись, молча срывает с Гаю автомат и швыряет его в кусты. Затем дает Гаю оглушительную затрещину. Гай падает, но сейчас же поднимается и стоит, медленно обтирая с лица грязь. Первый солдат что-то сердито командует и, повернувшись к нему спиной, топает по дороге, разбрызгивая грязь огромными рваными башмаками. Гай покорно идет за ним, следом за Гаем мрачно трогается второй солдат, и последним, мучительно переставляя костыли, плетется калека.

Так они выходят на шоссе, по которому медленно тянется поток беженцев, возвращающихся на родные места, откуда их согнала война, шагают, плетутся, волочат ноги, тянут самодельные тележки, толкают перед собой тачки, несут детей, сгибаются под тяжестью тюков с жалким барахлом — бывшие солдаты, инвалиды, женщины, подростки, старики и старухи, все оборванные, грязные, всклокоченные...

Первый солдат останавливается и молча указывает Гаю на изможденную женщину, которая с трудом толкает перед собой тележку на двух вихляющихся колесах. На тележке, вцепившись в узлы замурзанными лапками, сидят двое карапузов лет трех-четырёх. Гай кивает. Он подбегает к женщине и наваливается грудью на край тележки. А солдат, отобрав у какого-то старика сундук, обвязанный веревкой, взваливает груз на плечо и идет следом за Гаем. И тут же, подпрыгивая, скачет на своих костылях безумный мальчишка-калека, бывший солдат императора, исконного врага алайского герцога.

Картина шествия беженцев отодвигается в глубину кадра. Она проецируется на большой, во всю стену, экран в пустой комнате с потолком, покрытым шахматной клеткой.

Перед экраном сидят в креслах Корней и справа от него старуха Серафима Трофимовна. Старуха неторопливо вяжет что-то. Блестящие спицы медленно двигаются в ее толстых пальцах.

Корней отводит взгляд от экрана и смотрит на старуху.

— Вяжете... — произносит он почти с ненавистью. — Ну что вы всё вяжете, спрашивается...

— Без истерик, сынок, — отзывается старуха, не поднимая головы. — Всегда помни, что мы на острие человеческого будущего, а острие первым сталкивается с сопротивлением...

Несколько секунд длится пауза.

— А вяжу я... — Она поднимает вязание и, перегнувшись через подлокотник, примеряет Корнею. — Это свитер, сынок. Тебе ведь скоро туда... Свитер из грубой шерсти ручной вязки...

Корней откидывается на спинку кресла и закрывает глаза.

А слева от него, на полу, невидимая старухе, сидит Маша. Она сидит, прижимаясь лицом к большой руке Корнея, свесившейся с подлокотника. И плечи ее дрожат от рыданий.

Картина шествия беженцев снова надвигается и заполняет кадр. И вдруг среди незнакомых изможденных лиц появляется знакомое лицо. По грязному шоссе шагает Володя, обросший, в таком же рваном обмундировании, что и остальные бывшие солдаты, с внушительным тюком за спиной.

Словно почувствовав, что на него смотрят, он поднимает голову, встречается глазами со зрителем и делает рукой едва заметный приветственный жест. Затем, сразу ускорив шаг, обгоняет одного беженца, другого, третьего... И вот он уже рядом с Гаем и упирается могучей рукой в край тележки. На тележке спит калека в полосатом балахоне, свесив единственную ногу, положив костыли на колено, и бессмысленная улыбка стынет на его грязной физиономии. Спят ребяташки, привалившись к дремлющей матери.

А Володя и Гай идут, толкая тележку, дальше и дальше, мимо развороченного взрывом дома, мимо сгоревшего броневика, мимо ряда кольев с повисшими на них ржавыми касками.

И тут на фоне шлепанья, шороха, скрипа движения звонко и пронзительно звучат первые такты знаменитой некогда, прекрасной песни времен гражданской войны...

Аркадий Стругацкий Операция «Маскарад»

Действующие лица

Ангелина Феофановна, 37 лет, лектор-антирелигиозник из Общества по распространению, старая дева.

Катя, ее племянница, 19 лет, студентка консерватории.

Люба, тоже племянница Ангелины Феофановны, 20 лет, комбайнерка колхоза «Заря» Воронежской области.

Петр, 20 лет, студент Института инженеров транспорта.

Михаил, его друг, 20 лет, тоже студент ИИТа.

Олег Игоревич, 40 лет, преподаватель консерватории.

Акт 1

Ангелина, положив ногу на ногу, расположилась в кресле и сдержанно-недоброжелательно поглядывает на Петра, который сидит, скрестив ноги по-турецки, на полу в распахнутых дверях ванной. Ангелина одета в строгое «учительское» платье с ослепительным белым воротничком, густые волосы гладко зачесаны на прямой пробор и стянуты на затылке в массивный узел. На Петре джинсы, спецовка и кепка, низко надвинутая на глаза. Склонив голову набок, он неспешно ковыряется отверткой в каком-то ржавом железе и довольно мелодично посвистывает.

Ангелина: Послушайте, молодой человек! Вы не могли бы не свистеть?

Петр: Могу... *(Откладывает отвертку и железо, достает из кармана пачку сигарет, закуривает.)*

Ангелина: А не курить?

Петр: Не могу... *(Снова принимается за работу.)*

Ангелина *(в пространство)*: Поразительно!

Петр: Чего же тут поразительного? С пятнадцати лет курю, привык...

Ангелина: Это тоже поразительно, но я не об этом. Когда вы наконец закончите эту постыдную возню?

Петр: Скоро уже... *(Смотрит на часы.)* Завтра... Ну, на худой конец, послезавтра...

Ангелина вскакивает и, сцепив пальцы, делает круг по комнате. Останавливается за спиной Петра, заглядывает в ванную.

Ангелина: Кошмар какой-то... Вы возитесь здесь уже четвертый день. Четвертый день мы вынуждены мыться на кухне...

Петр: Скажите спасибо, что я вовремя подросел... А то затопило бы у вас все... и соседей внизу... все этажи насквозь...

Ангелина: Но ведь за четыре дня целый дом можно построить, в самом деле...

Петр: Не волнуйтесь, гражданка... Поставим вам перемышку, проведем гидравлические испытания, мойтесь на здоровье...

Ангелина: Какие испытания?

Петр: Гидравлические, какие же еще... *(Снова смотрит на часы.)*

Ангелина возвращается в свое кресло.

Ангелина: Гидравлические... Это надо же! Очень типично для современной молодежи: либо брань, либо заумные слова... А работать не умеют. Водопровод неделю чинят! Курят с пятнадцати лет! Песни на улицах горланят! Пьянствуют!...

Петр: А вот и неправда. Я лично не пью...

Ангелина *(не слушая его)*: Девушку одну на улицу выпустить невозможно...

Петр: Это почему же невозможно?

Ангелина *(саркастически)*: А вы не знаете?

Петр: Понятия не имею!

Ангелина: Так-таки не имеете?

Петр: Нет.

Ангелина: Я свою Катю за порог без себя... или без другого надежного человека не выпускала и не выпущу ни за что на свете!

Петр: Это сестренку вашу, Катю?

Ангелина *(с достоинством)*: Молодой человек, она мне не сестренка, а племянница!

Петр: Очень красивая девушка. Вся в тетю.

Ангелина: Ну... Это вы бросьте, молодой человек! Дешевый прием! Я на такие крючки не попадалась уже два десятка лет!

Петр: Да я ничего, это я так... И на работу вы ее за ручку водите?

Ангелина: Моя Катя ходит не на работу. Да будет вам известно, что она — студентка консерватории по классу виолончели!

Петр: Бедняга...

Ангелина: Что вы сказали?

Петр: Я говорю... Как же она замуж-то выйдет? Вы и на свидания ее водить будете?

Ангелина: У Кати нет надобности ходить на свидания... Не для того я похоронила себя на ниве антирелигиозной пропаганды, чтобы моя Катя... моя лапочка... моя радость единственная досталась какому-нибудь безумному шалопаю... курильщику... пьянице...

Петр: Где? Где вы себя похоронили?

Ангелина: На ниве антирелигиозной пропаганды.

Петр присвистывает.

Ангелина: Молодой человек, я просила вас не свистеть.

Петр: Виноват... Ну что ж, на ниве — так на ниве... А все-таки как же ваша Катя теперь замуж выйдет? Через сваху, что ли? Или объявление в газете дадите? В «Вечерке»... Так, мол, и так, ищем жениха, усатого, некурящего, непьющего...

Ангелина: Напрасно острите, молодой человек. У Кати уже есть жених. Солидный человек, с профессией, не какой-нибудь вертопрах в джинсах...

Петр: А... Это он ее вчера с работы... из консерватории привел?

Ангелина: Именно он.

Петр: Так он же старый!

Ангелина: Да, он не мальчишка, не то что некоторые... Но для мужчины сорок лет — самый приличный возраст.

Петр: В соку, так сказать...

Ангелина: Что вы сказали?

Петр: Я говорю... он же вдвое ее старше...

Ангелина: Самое прекрасное соотношение... А главное — он безумно влюблен в Катю и сделает ее счастливой...

Петр: Он влюблен... А она?

Ангелина: Да будет вам известно, что девушки в Катином возрасте понятия не имеют о серьезной любви. Впрочем, по-моему, Кате он нравится. *(Она вздыхает.)* Да и что еще нужно? Такой представительный, интеллигентный... хорошего роста... *(Почти с нежностью.)* Серые глаза... усики а ля лорд Рокстон... чуткие нежные пальцы прирожденного музыканта... *(Спохватывается.)* Прекрасная будет пара! К тому же проверенный, исключительно порядочный человек... Я знаю его с детства, он — сын сестры ближайшего друга моего отца... Катиного деда...

Петр: Как-как? Сын ближайшего отца... *(Смотрит на часы.)*

Ангелина *(сердито)*: Сын сестры ближайшего друга моего отца!

Петр: Как в немецко-русском разговорнике: тачка садовника племянника моей подруги...

Ангелина: Не вижу в этом ничего смешного... *(Встает.)* Чем вот так болтать попусту, сосредоточьтесь лучше на своем деле... *(Подносит пальцы к вискам.)* И без того голова идет кругом, а тут еще этот водопровод... Послушайте, молодой человек, вы точно уверены, что вчера в мое отсутствие не приходила телеграмма?

Петр *(нагнувшись к самым коленям)*: Не было телеграммы... А что, должен кто-нибудь приехать?

Ангелина: Племянница...

Петр: Еще одна?

Ангелина: Да, из Воронежской области... Я ее видела в последний раз совсем крошкой... Мы с Катей пригласили ее погостить, показать Москву... она написала, что...

Телефонный звонок. Ангелина подходит к телефону, берет трубку.

Ангелина: Слушаю... Да, Ангелина Феофановна... Да... Что? Так... Хорошо... Хорошо, передайте ей, что я выезжаю... Спасибо, молодой человек... *(Она вешает трубку. Петр, поглядев на часы, удовлетворенно кивает.)* Мне придется уйти сейчас, молодой человек...

Петр: Ради бога. Катю встречать?

Ангелина: А вы откуда знаете?

Петр: Да так... предположил...

Ангелина: Да. Именно Катю и именно встречать. У нее отменили последнюю лекцию... Одним словом, я оставляю вас в квартире одного. И прошу до нашего возвращения оставаться здесь.

Петр: Бусде...

Ангелина: Что вы сказали?

Петр: Я сказал... обязательно вас дождусь.

Ангелина надевает жакет и шляпку и выходит. Едва за ней закрывается дверь, Петр вскакивает и принимается торопливо раздеваться. Кепка, спецовка, рубашка летят на пол. Он начинает снимать джинсы. Стянул одну штанину, принялся за другую. В дверь три коротких звонка. Петр, прыгая на одной ноге, добирается до двери, открывает. Входит, осторожно озираясь, Михаил — в сером костюме и ковбойке, на левой руке плащ, в правой небольшой чемодан.

Михаил *(вполголоса)*: Ушла... Я подождал, пока она в троллейбус сядет.

Петр *(нетерпеливо)*: За дело, за дело... Принес?

Михаил: Ага...

Он опускается на корточки, раскрывает чемодан и извлекает из него цветастое платье и босоножки. Петр встряхивает платье, критически разглядывает его, затем смотрит на босоножки.

Петр: У кого взял?

Михаил: У Клавоочки Рыжовой... Самая рослая девка на курсе...

Петр: Угу... Ну, посмотрим!

Путаясь в складках, не без труда напяливает платье. Михаил тем временем извлекает из чемодана небольшой газетный сверток. Петр затягивает пояс, затем, чертыхаясь, пытается застегнуть сзади ворот.

Михаил: Постой, я помогу... *(Помогает.)* Лапы у тебя, надо сказать...

Петр: Волосатые?

Михаил: Это бы еще полбеда... Грязные, все в ржавчине...

Петр: Парик давай!

Михаил разворачивает сверток, достает рыжий парик, напяливает на Петра. Петр принимается оправлять парик. Михаил тем временем, опустившись на корточки, обувает его в босоножки.

Михаил: Ноги у тебя, надо сказать...

Петр (*испуганно*): Грязные?

Михаил: Это еще туда-сюда... Волосатые!

Петр: Подумаешь... У Рыжовой тоже ноги волосатые... Ну, как?

Михаил поднимается, отступает на несколько шагов. Петр, подражая манекенищам, несколько раз прохаживается перед ним взад-вперед. Останавливается, морщится, поправляет платье под мышками, передергивая плечами.

Петр: Жмет, черт подери... Как это они носят такое? Ну, хорош?

Михаил (*с сомнением*): Да вроде бы ничего... не Василиса Прекрасная, конечно... Прямо скажем, не Джульетта... (*Спохватывается.*) Да! Чуть не забыл!

Поспешно роется в карманах, достает пудреницу и помаду.

Петр: Это обязательно?

Михаил: Желательно... Давай сюда морду.

Петр подставляет ему лицо, крепко зажмуривается. Михаил старательно пудрит его, затем наводит огромные ярко-алые губы.

Петр: Всё?

Михаил: Всё.

Петр: Операция «Маскарад» начинается. Телеграмма у тебя?

Михаил: У меня...

Петр: На стол!

Стремительно идет к ванной, собирает инструменты в баульчик, запикивает баульчик в угол и скрывается на кухне. Михаил тем временем кладет на стол телеграмму, закрывает чемодан. И в ту же минуту раздается несмелый звонок в дверь. Михаил замирает. Из кухонной двери высовывается голова Петра в рыжем парике.

Петр (*страшным шепотом*): Открывай!

Михаил несмело подходит к двери, открывает. Входит Люба — в жакетке, зеленой кожаной мини-юбке, с чемоданом в руке.

Люба: Простите, Ангелина Феофановна здесь живет?

Михаил: Здесь. Входите, Люба.

Люба (*удивленно*): Вы меня знаете?

Михаил: Мы всех знаем.

Петр (*выходя из кухни*): Мы всех знаем. Должность такая.

Люба, переводя взгляд с одного на другого, входит и ставит чемодан.

Петр (*командует*): Садитесь.

Люба садится.

Люба: А где же...

Михаил: Спокойно, Люба, все по порядку.

Петр: Вы должны нам помочь.

Михаил: Да, мы ждем от вас помощи.

Люба (*встревоженно*): Да кто вы такие?

Петр и Михаил (*хором*): Уголовный розыск!

Пауза. Люба испуганно таращит глаза.

Михаил: Да, милая Люба. Мы из уголовного розыска.

Люба: А тетя Ангелина...

Михаил: Ангелине Феофановне грозит беда!

Люба испуганно вскрикивает. Петр, забыв обо всем, не сводит с нее глаз. Михаил исподтишка тычет его кулаком в бок.

Петр: Ох ты, черт... Да, конечно... Понимаете, Любочка... гм... Нам стало известно, что на квартиру Ангелины Феофановны готовится нападение...

Михаил: Шайка преступников...

Петр: Гастролеры из Чикаго... э-э... из этого...

Михаил: Из Одессы...

Петр: Вот-вот. Агентурные данные. Командование приняло смелое решение...

Михаил: Воспользовавшись тем, что вы приезжаете...

Петр: Поместить в этой квартире под вашим видом меня...

Михаил: И меня...

Петр: То есть я буду вместо вас, а вот он...

Михаил: А я — вместо вашего мужа...

Люба: Но у меня нет мужа!

Петр (*с энтузиазмом*): Это же просто чудесно!

Михаил: Это совершенно неважно. Гастролерам неизвестно, что вы не замужем... и вашей тете тоже...

Люба: А тетя знает? О покушении?

Петр: Нет, разумеется. Она ничего не должна знать. Иначе она впадет в панику, гастролеры насторожатся и операция провалится...

Люба: Значит, вы хотите...

Михаил: Вот именно! Гангстеры будут знать, что к вашей тетушке приехали родственники из провинции...

Петр: Из Воронежской области...

Михаил: А что этим негодьям провинциальные родственники? Так, на один зуб! Ночью они вламываются в квартиру...

Петр: А тут мы!

Михаил: И Вася-кот!

Люба: Но тетя Ангелина... Впрочем, меня она не знает...

Петр: То-то и оно. Мы не вызовем у нее никаких подозрений, все будет шито-крыто, гангстеры попадутся, и мышеловка захлопнется! Понимаете, Любочка?

Он легонько обнимает Любу за плечи. Михаил свирепо глядит на него.

Люба: Ой, как страшно...

Михаил: Ничего, мы и не в таких переделках бывали. Правда, Петя?

Люба: Какое странное имя!

Петр: Гм... Это моя, так сказать, подпольная кличка... Петр... Петрония... Было такое имя...

Михаил: В Древнем Риме.

Люба: Я все-таки боюсь...

Петр: Чего, Любочка?

Люба: Я здесь буду всю ночь от страха трястись...

Михаил: Почему же — здесь?

Люба: А где же?

Михаил: Конечно же, вам ни в коем случае нельзя здесь оставаться. Вы остановитесь в одном студенческом общежитии. Адрес мы вам дадим, спросите там Клаву Рыжову, она вас...

Резкий продолжительный звонок в дверь. Люба вскрикивает. Петр и Михаил оторопело уходят друг на друга. Снова звонок.

Михаил: Кто это может быть?

Петр: Так Катя звонит... Ну, все пропало. Если она увидит Любу...

Михаил: Операция сорвется! Катя скажет тете, тетя удивится, поразится...

Петр вдруг хватается Любу за руку и тащит к ванной.

Петр: Прячьтесь, Любочка, скорее!

Люба: Куда? Как?..

Петр: В ванную, живо... Посидите там, пока мы вас выпустим...

Снова звонок, уже нетерпеливый и длинный. Петр вталкивает Любу в ванную и закрывает дверь.

Михаил (*шепотом*): Открывать?

Петр: Валяй.

Он валится в кресло, принимает непринужденную позу.

Михаил: А как же...

Петр (*шипит*): Открывай, дурак!

Михаил идет к двери, открывает. Входят Катя и Олег. В изумлении останавливаются.

Михаил: Здравствуйте...

Катя: Здравствуйте! А вы, собственно...

Петр вскакивает, протягивает руки и бежит к Кате.

Петр: Катенька! Сестричка! (*Обнимает ее.*) Не узнаешь Любу?

Катя (*ошеломленно*): Люба?

Петр: Ну конечно! Я же Люба! Люба из Воронежской области! Племянница твоей тети Ангелины Фефановны!

Михаил незаметно, но весьма настойчиво тянет Петра за подол, стараясь оторвать его от Кати.

Катя (*обрадованно*): Любочка! Да как же ты? А мы ждем, ждем — все нет телеграммы! Когда же ты приехала?

Петр: Полчаса назад. Выходим из поезда, никто не встречает. Заняты, думаю. «Ну, говорю, Миша...» *(Делает вид, что спохватывается.)* Да, позволь представить тебе... Миша, мой муж.

Михаил: Очень, очень приятно... *(Робко протягивает руку, но Катя, смеясь, обнимает и целует его.)* Очень, очень, очень...

Катя *(Любе)*: Когда же ты успела замуж?..

Петр: А, дурацкое дело нехитрое... Вчера... То есть на той неделе... Тетя не будет против, что мы вдвоем?

Катя: Ну что ты... Кстати, познакомьтесь, друзья. Мой жених — Олег Игоревич.

Олег кашляет, подает руку. Петр делает книксен.

Петр: Прелестно. *(Протягивает Олегу руку для поцелуя. Олег озадачен, но руку целует.)* Очаровательный мужчина, ах-ах!

Михаил *(мрачно)*: Привет...

Катя: Однако что же это мы... А где тетя? В магазин убежала?

Петр: Не знаю, Катенька. Мы...

Дверь распахивается, входит несколько запыхавшаяся Ангелина.

Ангелина: А, вы уже... *(Останавливается, увидев посторонних.)* Простите...

Петр с ревом «Тетечка!» бросается Ангелине на шею. Михаил почтительно шаркает ножкой.

Ангелина *(ошеломленно)*: Что же это? Неужели Люба?

Петр: Она, она, тетя Ангелина! Самая что ни на есть Люба, твоя племянница из Воронежской области! *(Начинает оживленно рассказывать, глядя то на Катю, то на Ангелину.)* Представляете, стоим на перроне, никто не встречает. «Ну, говорю, Миша...» Да! Тетя Ангелина, позвольте представить вам: мой муж Миша!

Ангелина *(всплескивает руками)*: Когда же ты успела!

Петр: Всего неделю назад...

Ангелина протягивает Михаилу руку, тот почтительно прикладывается.

Петр: Так вот. Ну, говорю, Миша, поедем искать по адресу. И представляете? Сразу нашли! Звоним. Открывает симпатичный такой молодой человек в спецовке. Красивые такие глаза, стройный... гм... «Где моя тетя?» — спрашиваю. «Ваша тетя, — отвечает, — ушла встречать свою племянницу». Ага, думаю, значит, меня...

Ангелина: Но я же не получила...

Петр: Да-да, все выяснилось. Представляете, вдруг звонок. И кто бы вы думали? Почтальон! И приносит мою телеграмму! Я ее еще позавчера...

Ангелина: Безобразно работает почта! Понабрали туда эту молодежь...

Петр: Вот именно, тетечка! Курят, на балалайках по селу бродят... Тут этот молодой человек и говорит. Я, говорит, на сегодня работу кончил и ухожу, раз вы пришли. Но! *(Поднимает палец.)* Передайте вашей тете и ее племяннице...

Катя: Мне?

Петр: Так я понял. Передайте, говорит, вашей тете и ее племяннице... и сами запомните...

Михаил: Он сказал: зарубите на носу!

Петр: Так он именно и сказал, правильно. Зарубите себе на носу, что в ванную заходить ни в коем случае нельзя. Он оставил там открытой... Что он там оставил, Миша?

Михаил: Турбуленцию.

Петр: Вот-вот. Оставил открытой турбуленцию и выдвинул... Что он выдвинул, Миша?

Михаил: Э... этот... карбюратор.

Петр: Да-да. Карбюратор. И если неосторожно туда войти, во всем доме начнется потоп...

Пауза. Все смотрят на дверь ванной. В ванной что-то вдруг отчетливо гремит.

Петр (*торопливо*): Затопит всю квартиру, весь дом...

Михаил: Может быть, даже всю улицу...

Ангелина: Безобразия. И это надо же, как раз к вашему приезду! А вам, наверное, вымыться бы надо...

Петр и Михаил (*хором*): Нет, не надо, что вы... Мы уже мылись... Вчера только... На вокзале...

Ангелина (*не слушая*): Четыре дня чинит, починить не может... Турбуленция... (*Подходит к столу, берет телеграмму.*) Ну вот! «Встречайте двадцатого...» Безобразия. Что почтальоны, что водопроводчики... Ну, хорошо, молодежь. С чего начнем? Голодны?

Петр: Откровенно говоря, тетечка...

Ангелина (*растроганно*): Любочка, детка моя, как ты выросла... Не узнать...

Петр: Естественно, тетенька!

Ангелина: Впрочем... Да, черты Платона все же проглядывают... Этот строгий нос с горбинкой... (*Вглядывается. Петр нагло смотрит ей в лицо.*) Да, да... и губы, как у покойного брата... Очень, очень похожа...

Михаил: Ангелина Феофановна, если насчет закуски, то вы не беспокойтесь...

Ангелина: Ну как же не беспокоиться, Миша... Правда, все так неожиданно, но мы сейчас что-нибудь сообразим... Да! (*Обращается к Кате и Олегу.*) Вообразите, меня надули сегодня! Кто-то позвонил — от твоего имени, Катя, — и сообщил, что у тебя отменили последнюю лекцию и чтобы я шла встречать...

Катя: У нас сегодня вообще не было лекций... Зачет по истории скрипки и всё... Олег Игоревич быстро освободился, мы часа три гуляли...

Ангелина: Кто-нибудь нахулиганил... Ты это выясни, Катюша, я ему покажу как пожилую женщину обманывать...

Олег (*впервые подает голос*): Я протестую!

Ангелина: Против чего, Олег?

Олег: Против того, что ты именуешь себя пожилой...

Михаил (*с воодушевлением*): Правильно! Я тоже протестую!

Петр (*грозя пальцем*): Миша, я ревную!

[Далее текст отсутствует.]

Тексты подготовлены: С. Бондаренко

Варианты рукописей и изданий

«Парень из преисподней»

В этом разделе представлены варианты произведений, которые тесно взаимосвязаны и в то же время существуют обособленно друга от друга. Это повесть «Парень из преисподней» и последовательная цепочка сценарных работ под названием сначала «Мальчик из преисподней», а затем «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю», где в значительной мере использованы те же фабульные и сюжетные построения.

В творчестве Стругацких было много случаев, когда после написания какой-то повести они работали над одним или даже несколькими сценариями по ней, иногда передающими исходный сюжет довольно точно, иногда написанными лишь «по мотивам». Разумеется, и рассматривать варианты таких сценариев следует отдельно от вызвавших их к жизни прозаических произведений. Это совсем разные истории, а последующая сколь угодно свободная переработка какого-то первоисточника на его собственную судьбу повлиять уже не могла.

Есть, однако, несколько исключений, когда первичен был замысел сценария. Относительно просто обстоит дело с «Повестью о дружбе и недружбе»: хотя начиналось все с заявки на сценарий детского новогоднего фильма, никакой существенной работы АБС для кино здесь, собственно, и не было. А вот со сказкой «Экспедиция в преисподнюю» и повестью «Парень из преисподней» все оказалось гораздо сложнее и интереснее: активная сценарная работа шла долго, но так и не завершилась съемками фильма, поэтому принятое в определенный момент решение взять часть имеющихся наработок для новой повести оказалось верным.

Более того, пример с «Парнем из преисподней» показывает, что работа над сценарием могла продолжаться и после того, как было написано вызванное к жизни той же идеей прозаическое произведение. Это приводило порой к любопытным коллизиям: если первоначально в ПИП вносились эпизоды, предназначавшиеся для кино, то позже отдельные фрагменты повести уже заимствовались для следующих вариантов сценария. Поэтому неправильно было бы считать, что сначала шла работа над сценарием, а уже после признания ее безуспешности появилась повесть. В действительности все обстояло куда сложнее — и далее это будет показано.

Раздел состоит из двух достаточно самостоятельных тематических блоков. Этому есть немало причин: жанровая специфика рассматриваемых произведений различна, решавшиеся Авторами в каждом случае художественные задачи — тоже, издательские проблемы отличаются от студийных, а достаточно сложную текстологию вариантов повести и сценария лучше давать отдельно. Поэтому сначала представляется связная история написания и публикации ПИП со всеми существенными текстологическими аспектами, а затем — отдельный обстоятельный рассказ о попытках реализовать тот же замысел на киноэкране.

Впервые наброски будущего сюжета с «мальчиком из преисподней» были сделаны АНС в декабре 1972 года и предназначались не для повести, а для гипотетического киносценария, но уже тогда предполагалось, что это может пригодиться и для других целей. 23 декабря 1972 года БНС писал брату: «Звонил Брандис, просил что-нибудь — «хоть листов на пять». Я отвечал неопределенно, а сам подумал, что сюжет, который ты прочишь для детского кино, можно было бы дать в виде повестушки. Правда, детали для меня туманны. Если события будут происходить в «преисподней», начнутся аллюзии и ассоциации; если на комземле — розовая бодяга при халтурном подходе и невероятные трудности при подходе серьезном (например, чем этот ребенок из преисподней будет так уж существенно отличаться от ребят из рая? Разве, если взять оголодавшего блокадного дикаря или беспризорника...). В общем, надо подумать. Возможен ведь и такой сюжет: космолетчика берет в плен мальчишка типа вервольфа, который сидит в доме на окраине с ракетным ружьем, один, и ждет вражеские танки. И один день, который они проводят вместе. Опять, впрочем, аллюзии...»

Следует хотя бы вкратце обозначить контекст, в котором происходили эти обсуждения. Авторы хорошо умели писать фантастическую прозу и желали — при благоприятных условиях — дальше заниматься именно этим. Но то, что действительно хотелось увидеть написанным, в печати появиться не могло, а то, что представлялось пригодным для публикации, зачастую не соответствовало представлениям АБС о задачах настоящей литературной фантастики и об элементарном писательском самоуважении.

Общая оценка тогдашней ситуации была сформулирована БНС 2 апреля 1973 года кратко, но емко: «Ни настоящих повестей, ни денег». Несомненной — и редкой для того времени — удачей стала публикация в «Авроре» повести «Пикник на обочине», хотя достигнуто это было ценой обширной правки исходного текста. В 1972 году завершилась работа над черновиком

«Града обреченного». Это многоплановое и серьезное произведение, пусть и написанное «в стол», видимо, несколько добавило бодрости Авторам, показав тот уровень, которого они способны были достигнуть, не стесненные внешними ограничениями. Но нельзя было продолжать вновь и вновь работать без всякой надежды на публикацию: даже чисто психологически любой приличный писатель нацелен на то, что его усилия должны завершиться выходом книги. А побочная работа приносила порой какие-то деньги, но чем дальше, тем больше вызывала у Авторов усталость и раздражение: они понимали, что заниматься следует вовсе не этим — или, по крайней мере, в первую очередь не этим.

В «Комментариях к пройденному» БНС писал: «Начало семидесятых было для АБС временем лихорадочных попыток приспособиться к новым условиям существования. Начиналось новое, совсем пока еще непривычное время — время опалы, явно обозначившейся и уже несомненной, — то знаменательное десятилетие «тощих коров», на протяжении которого нам не удалось выпустить НИ ОДНОЙ новой книги — только парочка переизданий вышла у нас за все эти десять лет. <...> Неважно обстояли дела и с новыми сюжетами. После «Пикника» мы вчерне закончили «Град обреченный» и теперь мучились проблемой выбора. В марте 1973-го у нас было намечено пять сюжетов, разной степени готовности и привлекательности».

15 марта 1973 года БНС обращается к соавтору с призывом: «Нам надо писать вещь для печати. <...> И МиП, при всех его недостатках, стоит внимания. Одна беда — и то и другое все-таки, как я чувствую, не для Детгиза. Ну и плевать. Писать надо! Писать! Собираться нос к носу и писать! Как встарь». А 6 апреля БНС сообщает, что в новой повести АБС заинтересован журнал «Аврора», но с заявкой надо поторопиться: «В мае они начнут собирать сентябрьский номер и хотят знать, что у них будет в рекламе на 74-й год». Далее в том же письме сказано: «Другая загвоздка в том, что у нас накопилось пять возможных сюжетов, и ни один толком не разработан. Что выбрать для заявки — непонятно».

Проблеме этого выбора было уделено много места и в письмах Авторов этого периода, и в рабочих дневниках. Говорить о сюжетах здесь можно лишь условно: в большинстве случаев была неясна даже фабула, которую заменял «набор картинок». Четыре варианта в самом кратком представлении таковы: «События на рифе Октопус» (очередной извод «Дней Кракена», где спрут вызывает у людей «снижение уровня мотивации поступков»; эти события кратко упоминаются потом в повести «Волны гасят ветер»), «Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах» (дневник фокусника-любителя, принимаемого всеми за пришельца; название стало позже подзаголовком к повести «За миллиард лет до конца света»), «Новосел» (комическая история с интеллигентной, но бестолковой ремонтной бригадой, вызванная к жизни, вероятно, относительно недавним новосельем АНС), «Июль с пришельцем» (история с попаданием в квартиру героя жалкого и глупого инопланетянина; не исключалось объединение этого сюжета с «Новоселом»). Два наброска (про фокусника и про новосела) впоследствии вошли в «Хромую судьбу» как заметки к «Современным сказкам» Феликса Сорокина... Пятый сюжет, «Мальчик из преисподней», БНС обозначил в рабочем дневнике очень коротко: «Его спасают, когда он ранен; держат в интернате; он увлекает ребят на свою планету и там — убийство». В упомянутом выше его письме от 4 апреля дана и другая формулировка: «История инопланетного вервольфа, пробудившего забытые инстинкты в ребятах светлого будущего».

В «Комментариях» БНС обстоятельно рассказывал впоследствии, как трудно принималось решение — по множеству критериев и с довольно замысловатыми математическими выкладками. Каждому из Авторов предстояло решить, хочет ли он писать на каждый из сюжетов повесть, достаточно ли ее себе представляет, чтобы написать к концу года, и, наконец, стал бы он ее писать, не нуждаясь в деньгах. Кроме того, учитывались такие важные обстоятельства, как степень разработанности сюжета, проходимость заявки и вероятность опубликования. После подведения результатов оказалось, что выбирать надо будет между «Июлем с пришельцем» и «Мальчиком из преисподней». БНС написал по этому поводу брату 16 апреля: «Приедешь, окончательно всё обсудим, да и заявку, наверное, напишем тут же. Нам нужно четко уяснить, какую вещь мы лучше себе представляем. Например, я лучше представляю себе ИсП, но зато — это опять история с пришельцем, что надоело. С другой стороны, МиП — светлое будущее (тоже не сахар), и придется корячиться над деталями, а ИсП — наше время, с деталями всё ОК».

Уже в первый день совместной работы в Ленинграде, 23 апреля, Авторы, используя некоторые прежние идеи, придумывают сюжет повести под названием «За миллиард лет до конца света», на которую и пишется заявка в «Аврору». Поскольку заявка на сценарий «Мальчик из преисподней» была оформлена неделей раньше, все вроде бы прояснилось: сюжет с инопланетным «вервольфом» оставлен для кино, а в ближайшее время следует писать ЗМЛДКС.

Но очень скоро выясняется, что заниматься — и весьма срочно — придется совсем другими делами: в первую очередь доработкой сценария мультфильма «Погоня в Космосе» (он же «Конец Планеты Негодяев») и учетом редакторских замечаний по сборнику «Неназначенные встречи». БНС вносит в рабочий дневник заметки для новой повести, но взяться за ее черновик Авторы не

могут ни тогда, ни в течение лета. Да и позже не удастся найти время на окончательную проработку сюжета ЗМЛДКС и тщательную подготовку рукописи (а это как минимум два захода — черновик и беловик): все внимание АНС поглощает сценарная работа с жестко прописанными сроками, в том числе и по «Мальчику из преисподней». Осенью становится совершенно очевидно, что Авторы на сей раз переоценили свои силы и что в ноябре-декабре 1973 года, как предполагалось заявкой, новая повесть в журнал представлена быть не может. Но и разрывать договор с неизменно лояльным к ним журналом у Стругацких нет никакого желания. Требуется компромиссное решение...

Последующий ход событий (а заодно и главную причину не слишком восторженного отношения Авторов к «Парню из преисподней») БНС вполне откровенно изложил несколько позже, 9 января 1975 года, в переписке с читателем О. Лизгуновым: «Мы сами эту повесть не любим. Была она написана не то чтобы по заказу, но в большой спешке. Мы не успевали сделать обещанную «Авроре» повесть «За миллиард...» и в полном цейтноте быстренько переделали в повесть наш старый сценарий. Получился «Парень...». Вы, наверное, правы в том, что такие повести тоже нужны, однако я предпочел бы, чтобы обстоятельства складывались по-другому и чтобы таких торопливых развлекательных повестей нам писать бы не приходилось».

С 9 октября в Москве начинается работа АБС над черновиком новой повести, пока что называющейся, как и сценарий, «Мальчик из преисподней». Авторы намерены решить сразу две задачи: в первую очередь, предложить новый текст «Авроре» вместо ЗМЛДКС (отложенную повесть предполагалось, когда она будет готова, отдать в тот же журнал), а во вторую — постараться включить этот текст в новый сборник фантастики, планируемый ленинградским отделением «Детской литературы» (будущий «Незримый мост»).

В рабочем дневнике этого периода появляются и записи, поясняющие будущий сюжет.

Гаг — 16 лет, Бойцовый Кот с 10 лет, дитя трущоб.

1. Война.
2. Город (гостиница).
3. Усадьба Корнея.
4. Робот.
5. Путеш^ествие по миру.
6. Соотечественники.
7. Лагерь.
8. Попытка удрать на ракетодром.
9. Создание оружия.
10. Взрыв страстей; истерика: «Не хочу!»
11. Возвращение.

Недоверие и страх → презрение (богов можно обвести вокруг пальца). Противоречие фанатизма: подспудное стремление находить недостатки у богов; удовлетворение, когда бога удастся обмануть. Утилитаризм фанатика: использовать мощ^ественные силы для личных целей.

В конце — жгучая зависть к ребятам, как они с аппетитом живут и какой он на их фоне увечный.

Развенчание фанатизма оставляет после себя футляр для хорошего человека. Разрушение фанатизма вовсе не создает цинизма, оно создает голод по идеологии, кот^орая не дает дороги цинизму.

1. Декорация. Испытание. (А звезды? А Луна? А язык?)
2. Действит^{ельно}, Земля, но Корней — офицер; он меня испытывает. Д^{олжна} быть тонкая игра.

3. Всё правда. Но что надо землянам? Почему не отпустили? Хотят завербовать? Завербуюсь — а Корней наш офицер? Вон он какие разговоры ведет про его сиятельство.

<...>

Череп человека. Не человека. Разумн^{ая} раса — негуманоиды. Никак не договориться. «Мне здесь тоже полагается стоять».

<...>

Чем ты отличаешься от человека?

— Я знаю о себе всё.

Обелиск.

Муштра (строевая).

Политзанятия (в тени обелиска).

Насчет звездолетов.

Насчет информария — чтобы Корней ничего не знал.

Об оружии.

16 октября работа над черновиком повести МИП временно прерывается. К этому моменту сделана половина текста — 50 страниц. Это четыре первых главы и начало пятой, где текст доведен ровно до конца последней страницы и оборван прямо посреди фразы. Видимо, Авторы решили, что сюжетная линия продолжена неудачно, поэтому завершающую часть написанного следует переделать. (И действительно, позже две последние страницы были из рукописи изъяты, а сюжет приобрел совсем иное направление, о чем подробнее рассказывается ниже.)

Поскольку вскоре был завершен и полный черновик сценария «Мальчик из преисподней», уместно вкратце упомянуть некоторые взаимосвязи этих произведений на данном этапе работы. В приведенных выше заметках намеки на лагерь будущих Прогрессоров и на его обитателей еще присутствуют, но позже вся эта сюжетная линия уйдет — в черновике повести ее уже нет совсем. (Авторы рассудили, видимо, что опубликовать серьезную разработку этой линии с «пробуждением забытых инстинктов» ребят из будущего им не удастся, а разрабатывать эту линию в облегченном виде было просто неинтересно.) При этом готовый на тот момент вариант сценария содержал немало сцен, имеющих явные аналоги в повести. Особенно это касалось начальных эпизодов с пребыванием Бойцового Кота в доме спасшего его Прогрессора. Позже именно эта часть сценария сильно сокращалась, но многие наработки остались в повести (хотя и в сильно измененном виде).

БНС в «Комментариях» вспоминал о значении сценария для работы над ПИП так: «Впрочем, время, на него потраченное, не пропало зря: повесть писалась легко и даже не без вдохновения, хотя нового в ней было для нас — чуть».

Хотелось бы сделать некоторое отступление касательно художественной новизны. БНС подробно останавливался в тех же «Комментариях» на важной для Авторов установке, которой новая повесть якобы противоречила: «На протяжении многих лет главным возбуждающим к активности и вдохновляющим элементом в нашей работе было сознание того, что мы пишем каждый раз нечто ранее не писанное — если не по идее своей, то, значит, по форме, если не в мировом масштабе, то хотя бы в пространстве отечественной литературы или хотя бы в рамках личного писательского опыта. <...> В «Мальчике из преисподней» нового на самом деле не было для авторов ничего. Суть сюжета стопроцентно содержалась в давнем образе, порожденном воображением Руматы Эсторского: гадкий паук Вага Колесо, оказавшийся вдруг в мире Полудня».

Несмотря на всю категоричность суждения, с ним трудно безоговорочно согласиться. Прежде всего, Гаг — совсем иной типаж, лишенный многих специфических черт персонажа ТББ. Кстати, аналог идеи «Вага в Мире Будущего» в творчестве АБС есть: в пародийном виде это обыграно в «Экспедиции в преисподнюю», в сценах пребывания Мэсса на Земле.

Кроме того, новый сюжет давал более богатые возможности, нежели простое уподобление Гага пауку в светлой комнате «с зеркальными стенами и кондиционированным воздухом». Очень плодотворна, например, идея взглянуть на Мир Полудня глазами Бойцового Кота, особенно в сочетании с художественным приемом, когда единое повествование ведется то от первого, то от третьего лица, а дистанция между персонажем и читателем то увеличивается, то сокращается. Да и завязка событий, где Гаг находится, так сказать, «при исполнении», гораздо более выигрышна для сюжета, чем мало изменявшаяся в сценарии и неизменно показываемая с позиции стороннего наблюдателя сцена спасения Гага.

Благодаря открытости для читателя мыслей и чувств героя, его образ воспринимается особенно ярко и убедительно. Как бы ни относились Авторы к повести, прописанный ими характер центрального персонажа стал несомненной удачей. БНС в «Комментариях» признавал: «Правда, небезынтересен был сам Гаг — порождение очень хорошо нам знакомого мира, фигура характерная и, если подумать, отнюдь не простая. Думать за Гага, вживаться в Гага, смотреть на мир Полудня глазами Гага — оказалось интересно в достаточной мере, чтобы получить от работы над (заказной, по сути) повестью известное удовлетворение».

Интересно сравнить повесть не только с произведениями «полуденного» цикла, но и, например, с «Улиткой на склоне», в том числе с мыслями Кандида в финале: «Если бы меня

подобрали эти подружки, вылечили и обласкали бы, приняли бы меня как своего, пожалели бы — что ж, тогда бы я, наверное, легко и естественно стал бы на сторону этого прогресса <...>... А может быть, и нет, может быть, это было бы не легко и не просто...» Когда умный и совестливый герой УНС противостоит в условных декорациях странным и неприятным «амазонкам», вряд ли читатели за это его осудят. А если в противостоянии по одну сторону — подросток или юноша, безоглядно верящий в правоту герцога Алайского, а по другую — Мир Полудня и его эмиссары с красноречивым именем «Прогрессоры»?..

И, наконец, кое-что о мировом масштабе. Число исходных идей даже в фантастике не беспредельно, отсутствие ярких фабульных новаций само по себе не делает произведение литературно несостоятельным. Можно назвать ряд заметных публикаций зарубежных авторов на русском языке, предшествовавших ПИП, заведомо известных Стругацким и имеющих с их повестью некие существенные черты сходства (при этом речь никоим образом не идет о прямых заимствованиях). Из реалистической прозы это «Приключения Вернера Хольта» Д. Нолля, из фантастики — «Черная эмблема сакуры» Сакё Комацу и «Восьмой круг ада» К. Боруна. Стала ли повесть Стругацких чем-то хуже, если даже допустить наличие каких-то влияний? Ничуть. Здесь решалась собственная художественная задача, а не слишком высокая оценка ее результата — свидетельство скорее писательской требовательности, чем серьезных недостатков текста.

Впрочем, вернемся к работе Авторы над рукописью повести. БНС 18 ноября 1973 года сообщает о предпринятых действиях: «Был я в «Авроре», говорил с Островским насчет МиП и отсрочки. Договорились. Теперь надо представить рукопись в начале марта, не позже. Поднатужимся?» В письме от 29 ноября он высказывается еще более определенно, напоминая брату: «МиП ждут в «Авроре» — раз и в Лендетгизе — два; и там и там — в начале марта. Следовательно, нам осталось три встречи: декабрь, январь и февраль (плюс понадобится еще какое-то время на перепечатку)».

В декабре и январе Авторам встретиться не удается, но зато в феврале 1974 года работа над рукописью продолжается очень интенсивно, с первого же дня — и до успешного результата.

Собравшись в Москве, Стругацкие начинают 1 февраля работу с уточнения, что нужно учесть при завершении черновика и какие дополнения следует внести в уже написанное при подготовке чистовика.

Дом призраков — штаб подготовки кадров для Двойры.

Эпизоды:

1. Переписка с неизвестным.
2. Видения: полосатые, десантники, чел<ове>к с оружием.
3. Парень с Двойры, остающийся на Земле. Математик-гений.
4. Реконструкция Гепарда: разговор с Корнеем о герцоге.

В III, IV:

1. Надпись на стене.
2. Звездолеты.
3. Странные следы.
4. Голоса и призраки.

V гл.

Незнакомец с оружием.

Встреча с полосатым и драка.

Надпись на стене.

Обследование дома.

VI гл.

Узнает, что война кончилась.

Сцена прощания Корнея с парнем.

Драка.

Решение изгот<овить> оружие.

VII.

Реконструкция Гепарда.

VIII.

Прорыв. Встреча с полосатым.

IX. Эпилог.

Как видно из этой схемы, глав в повести предполагалось сначала девять, а не восемь. А вот события (и в оставшейся части черновика, и в чистовике) лишь отчасти соответствуют приведенным наброскам: что-то далее перенесено в другое место, что-то вовсе не реализовано в указанном виде. Что такое, скажем, «реконструкция Гепарда»? Придумать разные версии ответа можно, хотя подтвердить их нечем. (Вот одна из гипотез: Прогрессорам понадобился скрывающийся под этой личиной агент-имитатор, достоверность «игры» которого должен оценить кто-то, хорошо знакомый с прототипом. В пользу этой версии, кстати, говорит то, что в рукописи на месте этой сцены появляется эпизод с Голубым Драконом.)

Двойра в перечне эпизодов — это новое рабочее название родной планеты Гага. Но оно присутствует только здесь: в черновике планета почти нигде не называется, кроме одной главы, где несколько раз используется название Гаданда. Видимо, Гиганда появилась уже на стадии подготовки чистовика.

Возобновление работы начинается с того, что Авторы изымают из ранее сделанной части черновика две последние страницы, оставив только начало пятой главы и продолжив его по-другому. В окончательном тексте после эксперимента с Драмбой иobeliskом Гаг плохо спит ночью (этот фрагмент кончается словами «Хоть ложись на спинку, и пусть несет, куда несет»), а рано утром видит приземлившийся «призрак» и инопланетянина с оружием. Первоначально же этим утром должны были происходить совсем другие события, отчасти напоминающие сцены в приведенном далее сценарии «Мальчик из преисподней», где Гай безуспешно пытается вернуться домой через нуль-кабину.

Только под самое утро голова моя наконец немного прояснилась. Может быть, потому, что я перестал думать о Корнее и об этой истории сobeliskом. Приказал себе перестать. Будем считать, что первая операция решительного успеха не принесла, и примемся за вторую. Когда небо за окном стало светлеть, я тихонько оделся — натянул на себя все это сине-белое, — сунул в карман списочек с номерами и вылез в сад. Тишина стояла первобытная, даже птицы молчали. Роса была обильная, ноги мои моментально стали мокрыми выше колен, и продрал меня озноб, то ли от этой сырости, то ли опять же от нервов. Уже около самой будки я вспомнил, что собирался захватить с собой кое-какую жратву, с вечера свернул кулечек, да так и забыл его в тумбочке. Ну ладно, не сдохну. Не впервой.

Ступил я в темную будку — в ней, конечно, моментально сделалось светло, — достал свою шпаргалку и дрожащим пальцем нащелкал первый номер. Потом губу закусил и ибо всех сил ткнул в красную стартовую клавишу. Фига тебе. Загорелся над пультом красный. Что-то не то, ребята. Что-то я напортачил. Либо номер неправильно набрал, либо вчера впопыхах списал что-нибудь не то. Ладно. Первый выстрел пристрелочный. Погасил я старый номер, набрал новый — медленно, над каждой цифрой по часу думал. Проверил. Вроде бы все правильно. Нажимаю старт — опять фига. Так, думаю. Это уже хуже. Погасил я и этот номер, стою и думаю, что же делать дальше. И вдруг вижу — перед самым носом у меня приветливо этак светятся «Правила пользования». Надо понимать, для деревенских охламонов или для ребят из захолустья, вроде меня. Так... «Наберите шифр... Если красный свет...» Ага! «Пункт второй. Если шифр финиша Вам не известен, трижды нажмите клавишу 0 и получите справку...» Вот это другое дело. Нажал я клавишу ноль. Трижды. Клавиша ноль осветилась изнутри, и какая-то дамочка произнесла приятным голосом: «Справочная нуль-тэ». Я прокашлялся и говорю: «Арсенал». Дамочка пожужжала чего-то, потом говорит: «Повторите, пожалуйста, по буквам». Я разозлился, но деваться некуда: повторяю ей по буквам. И только последнюю букву произнес, как клавиша 0 погасла, в пульте затрещало и зацокало, и загорелся наконец родимый зеленый огонек. А под пультом — там такая черная шкала есть — появились светящиеся цифры. Я сразу понял, что это шифр арсенала, чтобы я этот шифр записал и больше дамочку в этот ранний час не тревожил. Шифр этот, конечно, на мой был и отдаленно не похож. Кроме всего прочего, был он

восьмизначный. А в справочнике, из которого я шифры выписывал, все шифры были шестизначные. Век живи — век учишь. Нажал я стартовую клавишу.

Гоп! Пол из-под ног ушел и вернулся. Готово. Арсенал. Приоткрыл я дверь и выглянул. Сейчас, думаю, часовой меня: «Предъяви пропуск!» Нет, не угадал. Не видать никакого часового. Кабина стоит посреди низкого такого круглого зальца, и от зальца этого по радиусам отходят коридоры или там тоннели, не знаю, как правильно. Шесть коридоров, и все совершенно одинаковые. И никаких надписей, ничего. Эх, думаю, была не была. Выбрал наугад один коридор, да и зашагал по нему. Дверей, конечно, видимых нет, так что получается скорее не коридор, а тоннель. Народу — ни души. Гудит где-то, мерный такой, приглушенный гул. Вентиляторы, что ли, работают. Вообще похоже на бомбоубежище. Нутром чувствую, что нахожусь глубоко под землей. И хоть бы одна дверь! Хоть бы надпись какая-нибудь!

И только я это подумал, как упираюсь я в тупик, и глухая стена передо мною раздвигается, и даже не раздвигается, а, я бы сказал, растаивает. И с разбегу влетаю я в еще один зал, на этот раз полукруглый.

Ну, что я ожидал? Что может нормальный человек ждать от арсенала? Так вот здесь ничего этого не было. Посередине зала за столом сидел спиной ко мне человек в пестрой куртке с надписью «АРСЕНАЛ» на лопатках. Чего-то он [Продолжение отсутствует.]

На завершение черновика ушло совсем немного времени. После нескольких записей с репликами и мыслями Гага и сообщений о готовности очередной части страниц 6 февраля в рабочем дневнике отмечено, что рукопись закончена на 96-й странице.

Через несколько дней, 9 февраля 1974 года, БНС сообщает брату: «Звонил Брандису. Он сказал, что идет заключение договоров на детгизовский сборник, для коего мы вымучиваем МиП. Сказал, что на следующей неделе можно было бы заключить договор и с нами». Именно так Авторы и решают поступить.

Примерно в это же время БНС вносит в рабочий дневник некоторые недатированные заметки к будущему чистовику. Из них приведем лишь не вошедший в повесть пересказ анекдота: «Как Гэгун-дурак рыбу лечил. Полежи, говорит, на солнышке, погрейся, все пройдет, а я пойду пиво варить. А потом ею же и закусил, — так и помощь Корнея Гагу».

Сроки сдачи рукописи в «Аврору» приближаются. 20 февраля в рабочем дневнике БНС записывает: «Арк приехал в Ленинград. Думаем над чистовиком МиП». Одним из результатов этих раздумий стали уточнения к плану повести. Глав там пока еще девять, для большинства из них даются пояснения, уточняющие размещение тех фрагментов, которых не было в черновике. Из этих пояснений здесь приводятся лишь те, которые касаются жены Корнея. Для шестой главы записано: «Не могу... не хочу... это не жизнь...» и «Ты же прекрасный зоопсихолог? Зачем?». Для восьмой главы сделаны более подробные пометки.

Или эту главу начать «Ты заражен — ты уже заражен этой мерзостью...».

Корней молчит.

«Ну почему ты молчишь?»

«Ты лучше меня знаешь ответ».

Реакция Корнея. Потеря сына?

Следует, впрочем, отметить, что ни одна из этих записей в чистовике повести в указанном виде использована не была, очень приблизительный аналог части реплик можно найти лишь в третьей главе, в воспоминаниях Гага о разговоре Корнея с бывшей женой.

С 23 февраля — уже в Москве — начинается подготовка чистовой рукописи. Видимо, тогда повесть и получает окончательное название «Парень из преисподней». В «Комментариях» БНС специально отмечал: «И название, к которому мы в конце концов естественным образом пришли — «Парень из преисподней», — так живо напоминавшее нам о знаменитом некогда фильме, показалось нам удачным, уместным и достаточно точным». В других интервью упоминание этого фильма было явным — «Парень из нашего города». И сам он, и одноименная пьеса К. Симонова когда-то действительно были знамениты, но прямые параллели с ПИП там найти сложно, и современному читателю, не обладающему багажом знаний и опыта Авторов, нелегко понять, почему ассоциации именно с этим фильмом оказались для АБС столь важными. Впрочем, применительно к Гагу слово «парень», несомненно, выглядит куда уместнее, чем «мальчик»...

По мере подготовки рукописи в рабочем дневнике делаются дополнительные записи — от схемы перестановки эпизодов в одной из глав до текстовых вставок, связанных с родственниками Корнея. Эти материалы полностью представлены в третьем разделе данного тома.

1 марта работа закончена на 107-й странице чистовика, в середине марта БНС сдает рукопись в «Аврору», а несколько позже — в «Детскую литературу». В одном из писем этого периода он приводит, между прочим, мнение своей жены, с которым полностью соглашается: «Хорошо написано, но для Стругацких — мелко». В конце марта БНС сообщает соавтору, что в «Авроре» повестью в целом довольны и планируют напечатать ее осенью 1974 года, да и в ленинградском отделении «Детской литературы» есть мнение, что «все будет хорошо». Во всяком случае, одобрение повести в обеих редакциях обещано, а это означает и очередные гонорарные выплаты, весьма важные в то время для Авторов. Они добросовестно и в срок выполнили свои договорные обязательства по ПИП, теперь дело было за издателями.

Прежде чем переходить к следующей части истории «Парня из преисподней», посвященной публикациям повести, уместно остановиться на рукописях произведения. Их очень мало: заверченный 6 февраля 1974 года черновик с некоторыми позднейшими пометками и чистовик — но не тот, который был закончен в Москве 1 марта того же года, а нечеткая копия более поздней перепечатки на 87 страницах. Больше, за исключением представленного выше раннего варианта двух черновых страниц и фрагментов рабочего дневника, по ПИП в архиве АБС нет ничего. Для многих других произведений по мере обнаружения новых, ранее неизвестных частей архива удалось сделать важные текстологические находки, но по этой повести, в отличие от связанных с ней сценариев, корпус доступных для исследования материалов остался прежним.

У сохранившихся рукописей нет заглавий и эпиграфов. В конце беловика указаны место и время работы над текстом: «Москва, октябрь 1973 — март 1974», в конце черновика — указанная выше дата, 6 февраля 1974 года. Главы в черновике обозначены цифрами, в чистовике, как и в ранних публикациях 1974 и 1976 годов, словом «глава» с цифрой, в последующих изданиях эти обозначения станут словесными.

Объем правки в самом черновике невелик. Кое-какие слова уточнялись прямо в машинописи или — изредка — записывались на обороте готовой черновой страницы для включения в машинопись следующей страницы. Кое-что вписывалось для будущего чистовика от руки прямо в текст (вроде стилистически более точных для Гага фраз «Мыслишка-то правильная!» вместо «Мысль-то хорошая!» и «Простите, братья-храбрецы» вместо «Простите, ребята»).

В черновике пятая глава получилась слишком длинной, поэтому была разбита на две главы (с рукописным обозначением перехода между ними), а у следующей главы прежняя шестерка была исправлена на семерку сразу же, в машинописи. Но такое разбиение привело к тому, что нарушился принцип чередования рассказа от первого и третьего лица. Впрочем, при подготовке чистовика именно в этой части рукописи делались большие изменения и сокращения, глав стало восемь, а задуманный Авторами ход повествования был восстановлен.

Поскольку значительная часть событий, представленных в черновом варианте этих глав, отсутствует в чистовике и всех изданиях повести, далее полностью приведена первоначальная версия соответствующих эпизодов. После появления на рассвете «призрака» и попытки Гага завладеть брошенным на ступеньках дома оружием инопланетян он снова уходит спать. А вот что происходит в черновике пятой главы на следующий день.

Корней разбудил меня, когда солнце всю уже лупило в мое окно.

— Завтракать!

Я вскочил, натянул на себя все это сине-белое, нашарил под койкой сандалии. Вспомнил про ушибленный палец и даже не очень удивился, когда обнаружил, что ноготь цел, палец как новенький, и никакой боли. Спасибо. Обошлись бы и без этого, но раз уж так, то спасибо. Проклятое окно, пока я спал, опять расширилось на полметра. Пришлось его водворять в положенные рамки. Заодно выглянул — арсенал на крыльце, натурально, исчез, а следы-ямы еще были видны, но уже зарастали молоденькой зеленой травкой. Лукавый мир...

Я спустился в столовую и бухнулся на скамью напротив Корнея. Я все ждал, что он спросит, почему я не умылся, чтобы ответить ему дерзко, но он не спросил. Он спокойно жевал свою траву, с аппетитом хрустя, и о чем-то размышлял, рассеянно поглядывая поверх моей головы. Много бы я дал, чтобы узнать, о чем он там размышляет, что ему на самом деле от меня надо и что ему надо от всех нас. Странное дело: когда я смотрел на его лицо, все мои черные мысли пропадали куда-то. Было у него что-то в лице, то ли детское,

то ли наоборот, очень мужественное — словом, лицо человека без всяких тайных умыслов. И я все время должен был напоминать себе: осторожно, Кот, другом он тебе быть не может, не с чего ему быть твоим другом, а раз он не друг, значит враг... Так и сидели мы лицом к лицу. Я уплетал какую-то вроде бы рыбу, прихлебывал горячее пойло, а потом взял и сообщил ему остороженько:

— Сон я сегодня один видел... диковинный такой...

— Что? — спросил он, будто очнувшись.

— Сон, — сказал я и рассказал ему про корабль, про человека с двумя лицами.

Он засмеялся.

— Не хитри, не хитри, — говорит. — Сон... Это один мой друг прилетел, он тоже не землянин, вроде тебя... — Он снова засмеялся. — Да, тебе, наверное, было довольно странно на него смотреть... Испугался?

— Да нет, — возразил я небрежно. — Только вот оружие у него... Я хотел посмотреть, так оно... как бы это сказать... в руки не дается, что ли...

Он кивнул с самым серьезным видом.

— Это у них так. Оружием может пользоваться только тот, кому оно вручено. А то были случаи... — Он помолчал. — Страшные случаи были.

— Что, даже вы не можете? — спрашиваю.

— Почему «даже»? Никто не может. Только тот, кто вручает, и тот, кому вручают.

По-моему, это правильно.

По-моему, это тоже было правильно, но я об этом распространяться не стал, а спросил:

— А у вас на Земле с оружием тоже так?

Он медленно покачал головой:

— Не-ет. У нас на Земле не так. У нас, Гаг, оружия вообще нет. Разве что в музеях.

Я обалдел, а потом разозлился. Что он меня — за дурака считает? У меня даже охота разговаривать с ним пропала. Придумал я себе еще чашку пойла и уткнулся в нее. А он говорит:

— Не веришь, чудак... А ты подумай: зачем нам оружие?

Я только плечом дернул, а он пристал, не отстает:

— Нет, ты все-таки подумай. Друг с другом мы давно уже не воюем. Нападения из Космоса не предвидится. Некому нападать. Те, кто хотел бы напасть, не умеют. А кто умеет, тем нападать незачем, они наши друзья, мы работаем вместе... Так зачем нам нужно оружие?

— Так точно, — сказал я ему. — Незачем вам оружие. Действительно.

Это значит, надо понимать, что того зеленого зверя он голыми руками добыл. И вообще все эти скелеты. Я уж не говорю про то, что на мою землю им без оружия лучше не соваться, мы — люди сердитые. У нас без оружия никто ничего не добивался. И нечего передо мной комедию разыгрывать, будто ты этого не понимаешь самым распрекрасным образом. Я понимаю, ты у меня все доверия добиваешься. Ну, так таким способом не добьешься. Не на того напал. Тут он допивает свой желтый сок, сбрасывает свою посуду в мусоросборник и спрашивает:

— А почему ты, Гаг, мне вопросов не задаешь?

Вот тебе и на — вопросов я ему не задаю... «Чтобы вранья поменьше слушать», — хотелось мне сказать, но я ему другое ответил:

— Почему же не задаю? Задаю...

— Понимаешь, — говорит он, и тон у него такой, будто он передо мной извиняется. — Я ведь не могу тебе длинные лекции читать. Во-первых, у меня времени на это нет, ты уж извини... А во-вторых, это, по-моему, скучно... Посуди сам, какой интерес выслушивать ответы на вопросы, которые ты не задавал. Или ты иначе считаешь?

Я решил от греха промолчать. Мне эта тема не нравится. Вопросов я ему задавать не хочу: мне это ни к чему, чтобы он мои вопросы знал. Будь он пленный у меня, ну, тогда

другое дело, а пока вроде бы наоборот все обстоит у нас с ним. Нет уж, лучше ты меня спрашивай, а я постараюсь как-нибудь без вопросов. Кое-что я уже и без всяких вопросов понял.

Корней подождал-подождал, вздохнул и поднялся.

— Ну, как хочешь, — говорит. — Тогда сам осматривайся. Всё к твоим услугам. Как вы с Драмбой — поладили?

— Так точно, — говорю.

— Ну и хорошо. У него спрашивай, он тоже кое-что знает. Ах да! — спохватился он. — Он же отстал лет на пятьдесят... И к информаторию, наверное, не может подключиться, бедняга... М-м-м... Ну ладно, придумаем что-нибудь.

И ушел. А я остался сидеть, потому что из всей этой лукавой трепотни поразили меня вдруг его слова: «Все к твоим услугам». Это, значит, как надо понимать? Ходи где хочешь, смотри что хочешь, бери что хочешь... Так. То есть он-то, конечно, думает, что у него здесь все шито-крыто и ничего полезного для себя я здесь не найду... Может быть. Может быть, он, конечно, и рассчитал на сто лет вперед. А может быть, и не все! Во всяком случае, выбирать мне не из чего...

Вскочил я, побросал чашки-ложки в лючок, а сам вернулся к себе и первым делом натянул на себя форму. Я себя в ней человеком чувствую, понятно? Форма — это большое дело, ребята. Мне бы еще в руки что-нибудь... Хоть кинжальчик какой-нибудь самодельный. Нет ведь ничего... Взял я и для смеху положил себе в карман автоматный патрон.

В этом месте черновика Авторы позже обозначили начало шестой главы. Она далее приводится почти вся — до концовки, где Гаг слышит разговор Корнея с крысоедом.

Куда идти — мне было ясно. Прошел я на цыпочках в тот коридорчик, для начала, конечно, посмотрел, как там моя переписка. Честно говоря, ничего нового я не ожидал увидеть. Хо! Отозвался мой математик! Тем же парадным шрифтом под моим вопросом было выведено: «Твои друзья в аду». Вот тебе и на... Что же это получается? «Кто ты, друг?» — «Твои друзья в аду». Значит, их тут несколько... Почему не пишут, кто они? Боятся? И почему в аду? Я посмотрел на дверь в конце коридора. Может быть, там тюрьма? Или что-нибудь похуже? Что же вы, ребята, толком ничего не сумели написать? Не-ет, этот коридорчик надо взять под наблюдение. Что же мне сейчас им написать? Чтобы они сразу все про меня поняли... Черт, математики я этой не знаю. Может быть, тут у них в этих формулах все зашифровано. Напишу-ка я им, кто я есть. Чтобы они знали, с кем имеют дело и на что я годен. Напишу я им... Я достал огрызок карандаша и нацарапал, уже без всякого парада: «Бойцовый Кот нигде не пропадет». Очень мне понравилось, как я это придумал. Любому ясно, что я — Кот, что я бодр и что готов к действиям. А если даже это ловушка — мне вдруг пришло в голову, что все это мог подстроить и Корней, уж что-то, а математику нашу, как и наш язык, он наверняка знает — что ж, пожалуйста, ничего такого я не написал...

Ладно. За коридорчиком этим мы понаблюдаем. А сейчас пришла пора посмотреть, что у них за этой дверью. Разрешение у нас есть, все здесь в нашем распоряжении. Вот и займемся. Я подошел к овальной двери и осторожно потянул на себя. Она открылась легко и совершенно бесшумно, хотя оказалась массивной и толстой, как стена. Сразу за порогом начиналась лестница. Винтовая. Набрал я в грудь воздуху и стал по ней спускаться, придерживаясь за стенку, гладкую и теплую на ощупь. Где у них здесь лампы, змеиное молоко? Ни одной ведь лампы не видно, а светло, как на дворе. Да, ребята, эту загадку мне так, наверное, никогда и не разгадать. И не надо. Обойдемся. Ступени под ногами мягкие, пружинят, блестят, словно новенькие, словно по ним не ступал еще никто. Стал я было их считать, но тут они кончились, и оказался я посреди низкого такого, круглого зальца. От зальца этого по радиусам отходили коридоры или там тоннели, не знаю, как

правильно. Шесть коридоров, и все совершенно одинаковые. И никаких надписей, ничего. Эх, думаю, была не была. Выбрал наугад один коридор, да и зашагал по нему. Дверей, конечно, видимых нет, так что получается скорее не коридор, а тоннель. Народу ни души. Гудит где-то — мерный такой, приглушенный гул. Вентиляторы, что ли, работают. Вообще похоже на бомбоубежище или, скажем, на арсенал. Нутром чувствую, что нахожусь глубоко под землей, хотя спустился я вроде бы всего-то на каких-нибудь пять-шесть метров, а значит, должен быть не глубже, чем в подвале, где-нибудь на уровне того музея со скелетами. И хоть бы одна дверь! Хоть бы надпись какая-нибудь!

И только я это подумал, как упираюсь я в тупик, и глухая стена передо мною вдруг раздвигается, и даже не раздвигается, а, я бы сказал, растаивает. И я с разбегу влегаю в еще один зал, на этот раз полукруглый. Уж не знаю, чего я ожидал увидеть в этих катакомбах, но уж во всяком случае не то, что увидел. Посредине зала стоит стол, длинный такой и выгнутый в виде дуги, а за столом сидит спиной ко мне человек в пестрой куртке с надписью «ГАДАНДА» на лопатках. Что еще за «Гаданда»? И тут до меня доходит. Братцы, да ведь так здесь называют мою родную планету! Вот так так... Может быть, это я на земляка сразу выскочил? Нет, не похоже. Сроду мои земляки такими делами не занимались.

А этот пестрый вот чем занимается. Перед ним по всей вогнутой стене что-то вроде огромной цветной картины или, как я сначала подумал, географической карты. Пятна какие-то — серые, белые, оранжевые, зеленые... которые резкие, которые размытые, и не сразу я уловил, ребята, что они медленно так, все время меняют цвет: белые становятся цветными, цветные — белыми, а некоторые пятна и вовсе гаснут, на их месте вроде бы глубокие черные дыры получаются. А этот пестрый лоб все время чего-то на своем столе руками выделывает. Что именно — мне за его спиной не видно, но только локти и лопатки у него так и ходят, так и ходят. Он работает, я смотрю. Он работает, я смотрю. И тут со мной начинает происходить. Гипноз, что ли... Он двигается, и пятна двигаются, он вправо, и пятна вроде бы поползли вправо, он влево, и пятна влево... и в глазах у меня все влево, и сам я вроде бы тоже влево, я аж за стену ухватился, чтобы не упасть. И вот мы все так и качаемся, как в сатанинском каком-то танце, у меня в ушах уже какая-то музыка вроде бы звучать начала — хрипая, многострунная, как это бывает, когда в поезде едешь и в голове сквозь стук колес начинает играть или петь. Чувствую, что пропал я совсем. Хочу попятиться — ноги не слушаются, и тут этот пестрый — а я уже вижу его вроде бы как сквозь туман — вдруг застывает и уставляется в верхний левый угол, и я, конечно, тоже туда уставляюсь, потому что иначе я не могу. А там посреди мешанины пляшущих пятен, в путанице линий и разводов разгорается яркий такой красный огонек. Все ярче, все ярче, уже глазам больно... И тут этот пестрый как повернется, как глянет на меня... Лица не помню, я только глаза его увидел, и глаз этих, ребята, я сроду не забуду. Весь гипноз с меня слетел, как я не знаю что... Это как, бывало, задремлешь на посту, сморит тебя, а Гепард как рывкнет над ухом, и ты как встрепанный... Слетел с меня гипноз, а сам я оказался в коридоре перед глухой стеной. Мокрый как мышь. Да ну вас, думаю, к сатане с вашими штучками... И побрел обратно по этому же коридору, утираясь.

Дверей нет, надписей нет. Сейчас, думаю, опять в ту зальцу попаду. Иду, иду, иду, иду, нет зальцы. Коридор, поворот, новый коридор. Старый был кремового цвета, а новый — зеленого с желтизной. И вдруг слышу я голоса. Разговаривает кто-то вдалеке впереди. Я приостановился и думаю: а надо ли мне здесь с кем-нибудь встречаться? Не повернуть ли от греха назад? И пока я так думал, голоса эти приближались, и вывернул из-за угла какой-то человек с тележкой, с этакой платформой на колесиках. Глянул я на этого человека — змеиное молоко, черный! Мне даже на какую-то секунду показалось, что у него вообще головы нет. Но потом присмотрелся, вижу: есть голова. Только черная. То есть вся черная! Не только волосы, но и щеки, уши, а губы красные, толстые, белки глаз так и сверкают, и зубы тоже... Кого у них только нет здесь! Нет, это с какой же планеты его занесло сюда такого? Я прижался к стене, уступаю дорогу: проходи, мол, не

задерживайся, только не трогай... Не тут-то было. Конечно же, он вместе со своей тележкой останавливается около меня, ослепляет меня своими белками и зубами и хриплым нутряным голосом произносит:

— По-моему, это типичный алаец...

Я сглотнул, киваю.

— Так точно, — говорю. — Алаец я.

И он начинает говорить со мной по-алайски, но уже не хриплым басом, а приятным таким нормальным голосом, тенором или, я не знаю там, баритоном.

— Ты, — говорит, — наверное, Гаг, Бойцовый Кот... Ну как, интересно тебе у нас?

— Так точно, — говорю.

Я уже разглядел его и вижу, что человек как человек. Ну, черный... ну и что? У нас на островах голубые живут, и никто им в нос не тычет. Одет нормально, как все здесь одеваются — рубашка навывпуск, короткие штаны. Только черный. Весь.

— Слушай, — говорит он. — А ты не заблудился?

Участливо так говорит. Совсем как Корней.

— Вид у тебя какой-то взъерошенный, — говорит.

— Да нет, — говорю я с досадой. — Это я вспотел просто, жарко тут у вас...

— А... Ты, главное, ничего здесь не бойся. Обидеть тебя здесь никто не обидит, а заблудиться здесь и вовсе нельзя, даже если захочешь.

Чисто так говорит по-алайски, между прочим, грамотно, и выговор у него такой столичный, с придыханием. Стильно говорит. Ну, объясняет он мне что-то про этот коридор, куда он ведет, а я все поглядываю на его тележку, и честно я вам скажу, ребята, ничего я не слышу, что он там мне говорит. Значит, так. Ну, тележка — она тележка и есть, не в тележке дело. А вот на этой тележке лежит у него громадный вроде бы кожаный мешок. Кожаный и вроде снаружи маслом облитый. Коричневый такой, вроде как куртка бронеходчика. Сверху он, значит, гладкий, без единой морщинки, а внизу весь какой-то смятый, весь в бороздах и складках. И вот там, в этих самых бороздах и складках, я краем глаза еще в самом начале заметил какое-то движение. Сначала думал — показалось. Потом... В общем, там был глаз. Оторвите мне руки-ноги — глаз. Какая-то складка там раздвинулась тихонько, и глянул на меня большой круглый темный глаз. Печальный такой и внимательный. Нет, ребята, я, наверное, зря сюда забрался. Оно конечно, Бойцовый Кот есть боевая единица сама в себе, и она способна справиться с любой мыслимой и немыслимой неожиданностью, но все-таки не о таких неожиданностях в уставе говорится...

Стою я, держусь за стенку и знай себе долблю: «Так точно... Так точно...» А сам думаю: увези ты это от меня, в самом деле, ну чего ты здесь встал? И понял мой черный, что надо мне передохнуть. Говорит хриплым басом:

— Привыкай, алаец, привыкай... Пойдемте, Джонатан.

А потом по-алайски нормальным голосом:

— Ну, будь здоров, брат-храбрец... Эк тебя скрутило... И не трусь, не трусь, Бойцовый Кот! Это ж тебе не джунгли...

— Так точно, — сказал я в сто сорок восьмой раз.

Блеснул он своими белками и зубами на прощание и двинулся со своей тележкой дальше по коридору. Поглядел я ему вслед — змеиное молоко! — тележка-то катится сама по себе, а он за ней вышагивает руки в карманы сам по себе, и уже раздаются опять голоса: один, значит, хриплый бас, другой нормальный, но говорят оба на каком-то неизвестном языке. А на лопатках у этого черного все та же надпись: «Гаданда». Хороша встреча, а? Еще одна такая встреча, и я в собственные сапоги прятаться начну. А может, и наоборот. Может, привыкну помаленьку... Привыкай, алаец, привыкай!

И двинулся я дальше, все время стараясь отгонять от себя воспоминание об этом глазе. И вдруг оказался ни с того ни с сего в том зальце с винтовой лестницей. Первая мысль у меня была: хватит, ребята, по домам пора. Но я себя, конечно, поборол. Рано еще

по домам. Я пока, кроме страха, ничего здесь не набрался. А то, что главный гадюшник у них именно здесь, в этом я теперь был уверен. Достал я свой карандашик и аккуратненько крестиком пометил тоннель, из которого вышел. А затем сразу же перешел в соседний. Но теперь уже иду не дуриком, не вслепую. То есть вслепую, конечно, но не дуриком, отступление себе обеспечил: держу карандашик в кулаке, иду вдоль стены и незаметно этак веду грифелем на уровне бедра. Раз оглянулся, два оглянулся — след хороший, на посторонний взгляд совсем не заметный, а для меня видный вполне отчетливо. Ну, иду. Попался мне один какой-то в белом халате, даже не остановился, только взглянул мельком, лоб сморщил, будто припоминая, да так и проспешил мимо. А в остальном — тихо, пусто, даже шагов собственных почти не слышу. Иду.

И тут случается такая вещь. То ли я на карандаш свой излишне нажал, то ли еще почему, но только объявляется сбоку от меня дверь, и я в нее вваливаюсь. Длинная комната, как кишка. Вдоль стен — железные полки. А на полках — чего только нет! И все непонятное. Какие-то стеклышки блестят, лакированные плоскости отсвечивают, вроде как в радиорубке на тральщике, когда нас в десант везли в устье Тары... Сколько там народу полегло, а нас так и не высадили... Ну ладно.

А в дальнем конце этой кишки стоят какие-то двое — один в белом халате, другой в рубашке и опять с надписью. Надпись: «ЛЕОНИДА». Не знаю, что это может значить. Наверное, тоже какая-нибудь планета, которую они терзают. Что они там делают, я, конечно, не понял. Один тянет прямо из стены полосу голубой бумаги, а другой смотрит и приговаривает: «Два квадрата... четыре квадрата... ромб... опять ромб...» Ну и так далее, всякую такую чепуху. А первый только такает: «Так... так... так...» Сначала я хотел уйти отсюда сразу же, ну их, однако тот, что в халате, вдруг заорал: «Есть!» — и так рванул за эту бумагу, что она вовсе лопнула, и с этой бумагой, волоча ее за собой, понесся прямо ко мне. Я уж подумал — сшибет, отскочить приготовился, но он до меня не добежал, а остановился возле самых дверей и принялся ползать по этим железным полкам, приговаривая, как сумасшедший: «Двести шестнадцать триста два... Двести шестнадцать триста два...» И второй набежал, и тоже принялся ползать и бормотать. Сумасшедший дом, ей-богу, но интересно. Потом они вытянули откуда-то длинную тонкую штангу, блестящую, маслянистую, развинтили ее на две половинки и вынули изнутри какого-то розовенького червячка. С этим червячком они кинулись ко мне, отпихнули меня в сторону, как предмет какой-нибудь, а сами взялись за высокий, в рост человека, узкий ящик или шкаф, один сдвинул какую-то шторку кверху, и образовалась в стенке ящика ярко освещенная ниша. В эту нишу они положили своего червячка — а червячок был и в самом деле как червячок, он то скручивался в колечко, то снова распрямлялся, совсем как живой, — потом шторку задвинули, раздалось короткое гудение, вспыхнул на шкафе желтый глаз, этот, который «Леонида», снова поднял шторку и — смотри-ка! — в этой самой нише уже два червячка. Оба розовые, оба скручиваются и раскручиваются. «Леонида» опять опустил шторку, опять загудело, опять загорелся желтый глаз, опять поднял шторку — четыре червячка! И пошло у них, и пошло... Я только стою и глазами хлопаю, а они шторку вверх, шторку вниз, гудок, желтый глаз, шторку вверх, шторку вниз... Через минуту у них этих червячков набралась полная ниша. «Давай», — сказал тот, что в халате, и «Леонида» сбегал и принес какой-то таз, белый, вроде эмалированный. Выгребли они своих червячков в этот таз — меня чуть не стошнило от этой розовой шевелящейся кучи — и, не говоря ни слова, выскочили из комнаты и унеслись куда-то по коридору. Так.

Ничего я не понял, да здесь никакой нормальный человек бы не понял. Но одно я понял: это надо же, какая машина! Осмотрел я этот шкаф, даже попробовал сзади заглянуть, но голова не пролезла, только ухо прищемил. Ладно. А шторка поднята, и ниша эта так светом и сияет мне в глаза. Змеиное молоко! Я поглядел кругом, смотрю — бумага валяется. Оторвал клочок, смял, бросил в нишу — издали бросил на всякий случай, мало ли что. Нет, ничего, бумажка лежит себе, ничего ей не делается. Тогда я осторожненько

взялся за эту шторку и потянул ее вниз. Она легко двинулась, прямо-таки сама пошла. Щелк! И так же, как у них: загудело, и зажглась желтая лампа. Ну, Кот! Потянул я шторку вверх. Точно. Два клочка. Я их оттуда карандашиком осторожно выгреб, смотрю — одинаковые. То есть точь-в-точь! Отличить совершенно невозможно. Я их и так смотрел, и этак, и на просвет, даже, дурак, понюхал... Одинаковые.

Что же это получается? Золотой бы мне сейчас, я бы в миллионах ходил. Стал я рыться по карманам. Ну, не золотой, думаю, так хотя бы грош медный... Нет гроша. И тут нашариваю я свой единственный патрон. И ведь надо же: даже в этот момент я еще не понимал, что здесь к чему. Дай, думаю, раз уж денег нет, так хоть патронов наделаю, они тоже денег стоят. И только когда в нише передо мной шестнадцать штучек медью засверкали, только тогда меня как по башке стукнуло: шестнадцать патронов, да ведь это же обойма! Полный магазин, ребята!

Стою я перед этим шкафом, смотрю на свои патрончики, и такие интересные мыслишки у меня в голове бродят, что я даже спохватился и поглядел вокруг, не подслушивает ли кто... Хорошую машину они здесь себе придумали, ничего не скажешь. Полезная машина. Много я здесь у них всякого повидал, но вот полезную вещь всего второй раз вижу. Ну что ж, спасибо. Собрал я патрончики свои, рассовал по карманам и повернулся к двери. И конечно, носом в глухую стену. Никак я к этому привыкнуть не могу. Но я даже толком психануть не успел — ткнул ладонью в стену, она растаяла, и я пулей вылетел в коридор. Привыкай, алаец, привыкай! Деваться тебе некуда. Посмотрел я, как эта дверь затянулась снова, вывел возле нее крестик, обвел кружочком, потом, для верности, вторым. Эта комнатка нам еще пригодится.

Ну, настроение у меня, конечно, поднялось. Иду это я по коридору, перебираю в кармане патрончики, и сам не заметил, как замурлыкал родимый марш, и уже не иду я, а марширую. А как заметил, одернул себя: все-таки в разведке, нельзя. Но на душе все равно светло. То есть не то чтобы светло, но появилась в этой темной ночи хоть какая-то светлая звездочка. Хоть что-то я теперь уже имею, хоть чему-то я здесь теперь научился. И стал я на радостях кулаком в стены постукивать. Как я раньше до этого не додумался — не понимаю. Сейчас десять шагов сделаю — ткну. Еще десять шагов — опять ткну. Время от времени попадаю. То комнаты открываются, то каморки, а то и целые залы. Народу здесь, оказывается, полным-полно. Я даже сначала удивился: откуда их здесь столько, ведь их и в коридорах редко встретишь, а уж в доме наверху я их вовсе не видел, но потом допер: здесь, оказывается, почти в каждой комнате эта стеклянная будка, точь-в-точь такая же, как у Корнея в саду. Ну, для этой... для переброски с места на место. Так что нужды проходить через Корнеев дом им нет. И народ все молодой, здоровенный, гвардейцы, чепухой только какой-то занимаются. Ну, и не народ там встречается — только взглянешь, задрожешь и дальше. Короче говоря, настоящая это подземная крепость. И хоть на вид они здесь только с машинками какими-то возятся, да бумажки перебирают, да какие-то кино смотрят, но дело здесь, ребята, по всему видно, закручивается немалое. И конечно, не моя башка нужна, чтобы во всем этом разобраться и понять, как все это прекратить.

Надо сказать, внимания все они на меня почти что вовсе не обращали. Так, который-нибудь взглянет рассеянно, кивнет и снова носом в свои дела. Обидно даже, змеиное молоко. Все-таки я — Бойцовый Кот его высочества, не шпана какая-нибудь, передо мной такие шпаки с тротуара сходили и шляпу еще снимали... правда, не каждый день уступали, а только в дни тезоименитства, но все равно. Так и хотелось мне встать этак в дверях и гаркнуть по-гепардовски: «Смир-рна!» То-то забегали бы! Потом я запретил себе на эти темы думать. Я свое достоинство унижать права не имею. Даже в мыслях. Пусть все идет, как идет. Мне одному их всех по стойке смирно все равно не переставить. Да и нет передо мной такой задачи. Другая передо мной задача.

И вдруг — вижу: впереди, шагах этак в тридцати выходит из стены сам господин Корней собственной персоной. Приостановился, сказал что-то через плечо кому-то,

пересек коридор наискосок и скрылся в противоположной стене — я даже не успел сообразить, что мне лучше: обнаружить себя или, наоборот, затаиться. Сначала я хотел мимо этого места пройти на цыпочках и продолжить свой поиск где-нибудь в другом месте, а потом думаю: по всему ведь видно, что Корней здесь не последний человек, может быть, он даже голова здесь всему, и если уж он здесь чем-то занимается, в этом подземелье, так уж, наверное, самым najważнейшим делом. Не червячками какими-нибудь красненькими, не бумажками, а тем самым, ради чего вся эта крепость построена. Правильно я рассудил? И пошел я, ребята, к тому месту, куда Корней скрылся. Если честно, то было мне, ребята, не по себе. Конечно, вроде бы он мне и сам разрешил везде здесь ходить, и вопросиков я пару на всякий случай тут же заготовил — один насчет мешка с глазами, а другой про Леониду — что это, мол, такое, Корней, я вас тут случайно увидел, и очень мне захотелось у вас спросить... Но все равно робел, дело прошлое. Остановился я перед этим местом, куртку одернул, кашлянул и деликатно этак ткнул пальцем в стену. Не открывается, собака. Видимо, не рассчитал я. Глазомер меня, значит, подвел. Стал я пальцем тыкать в разные места, метр вправо, метр влево. Хожу как дурак и пальцем тычу в стену. Во, наверное, видик! Но в конце концов, конечно, попал куда надо. То есть открылась передо мною стена, но там почему-то темно. Я даже засомневался. Не было еще такого случая, чтобы я тут попадал в темное помещение. Может быть, это у них кладовка какая-нибудь? И вдруг оттуда, из темноты, — голос Корнея:

— Прогоните еще раз с самого начала...

После этого следует разговор Корнея с крысоедом, а затем сцена, где Гагу «засветили» в лоб, только в черновике — локтем, а в чистовике — плечом. Есть тут и другие небольшие различия: например, Гаг предполагал в черновике, что допрашиваемый крысоед «может, генерал, а может, и вовсе маршал», а в чистовике — «Может, маршал, а может, и министр».

При переработке черновика были не только убраны, перемещены на другое место или заменены совсем другим текстом многие приведенные выше фрагменты, но потребовалось иначе описать саму планировку дома Корнея. О подземном этаже оставлено только упоминание, что там расположен музей, а встречи Гага со всяческими странными посетителями происходят теперь в самом доме. Для этого к сценам, оставшимся от черновика, были специально дописаны новые.

На полях черновой рукописи встречаются заметки, намечающие пути чистовой доработки. Почти все они относятся к первой половине текста и в основном соответствуют приведенной выше схеме будущих дополнений, сделанной Авторами до подготовки второй части черновика. К примеру, при первой встрече Гага и Корнея рядом с диалогом о диверсионно-разведывательной подготовке на полях значится: «Уточнить мотивировки Корнея. Гаг нужен ему (1) для реконструкции Гепарда, (2) как возможный будущий агент». Поэтому Авторы, описывая разговор Корнея и Гага в самом конце той же главы, исправляют прежние слова Корнея «Во-вторых, было бы просто обидно не показать тебе наш мир, отправить тебя обратно, не заразив тебя нашим миром» на «Во-вторых, для всех будет лучше, если ты увидишь наш мир... пусть даже только кусочек нашего мира. Ну, а в-третьих, я тебе честно скажу: ты мне можешь понадобиться».

Изменен был и текст, рядом с которым делалась эта пометка. В чистовике и в последующих публикациях Корней спрашивает Гага, когда тот довольно спокойно воспринимает рассказ о чужой цивилизации: «Ты, кажется, вообразил себя на занятиях по диверсионно-разведывательной подготовке...» В черновой рукописи здесь присутствовал следующий диалог.

— У вас в школе, вероятно, были занятия по диверсионно-разведывательной подготовке...

— Так точно.

— Ты, например, изображал диверсанта, а твой преподаватель — местного жителя. Было?

— Немножко не так, господин офицер. Я изображал диверсанта, который играет местного жителя.

Костлявый кивнул.

— Насколько я понимаю, ты воображаешь, что и сейчас мы занимаемся чем-то вроде этого...

В начале третьей главы, когда Гаг пытается анализировать ситуацию, на полях помечено: «Надпись на стене; странные следы; голоса». Несколькими страницами позже (перед тем, как Корней зовет Гага обедать) делается вторая пометка: «Впервые видит звездолет; двое ушли в дом, а звездолет исчез; Гаг идет в дом и снова останавливается перед надписью; добавляет: “Кто ты?”» Следы — это, видимо, «черные следы от поляны до дома» в сцене с «призраком»; этот эпизод был внесен во вторую половину черновика. Голоса действительно стали упоминаться в третьей главе чистовика: «Говорит кто-то, и не один, и не радио какое-нибудь. По всему дому голоса. И не то чтобы ночью — среди бела дня. Кто говорит, с кем говорит, о чем говорит — ничего не понятно». А вот с надписью на стене дело обстоит более интересно. Как видно из приведенных выше фрагментов пятой главы, продолжение этой истории в черновике имеется. Однако там нет более ранних эпизодов, где Гаг впервые видит эту надпись, а потом (после первой сцены с Драмбой) пишет: «Кто ты, друг?» Начальная часть этой переписки при работе над второй половиной черновика подразумевалась как существующая, но в ранее написанной части рукописи была лишь кратко обозначена и оставлена в таком виде до чистовика, где эта сюжетная линия обрела, наконец, связность и полноту.

Третья глава повести вообще очень важна: в ней Гаг обдумывает свои свежие впечатления о мире Земли и напряженно размышляет о многих важных вещах. Какие мысли и события здесь необходимы, а без каких можно и обойтись, Авторы определили не сразу, поэтому изменений при доработке чистовика делалось много, в том числе и довольно крупных: фрагменты удалялись, дописывались, менялись местами...

Вот, например, как Гаг оценивает реальность окружающего его мира.

Во всяком случае, если это подготовка, то средств на меня не жалеют. Одна декорация сколько должна стоить, все эти степи, зеброжирафы, шишки на лысине у того типа в госпитале... <...> Или, скажем, ночное небо. Ну пускай астрономии я не знаю, Бойцовому Коту астрономия, прямо скажем, ни к чему — всякие там спектры, молекулы... Но уж звездное-то небо мы знаем, определиться с точностью до ста метров умеем, уж склонение Седьмой Воваллы у нас от зубов отскакивает... А здесь небо незнакомое. Во всяком случае, ни одного знакомого созвездия нет.

Седьмая Воваллы ранее упоминалась и во второй главе, где речь шла и про это созвездие, и про входящие в него отдельные звезды. В чистовике там появилось созвездие Жука (и заодно седьмая звезда из желтой стала оранжевой), а в третьей главе мысли Гага о практическом ориентировании по звездам заменила единственная фраза: «Или, скажем, ночное небо: все созвездия перекошены».

А вот последующие размышления Гага о целях его пребывания на Земле, впоследствии сокращенные или вовсе убранные.

Все это, конечно, возможно. Но какое же это должно быть задание, чтобы таких сумасшедших средств не жалеть? И это ради одного диверсанта! Или я здесь не один? Или в этой спецлаборатории нас целая рота? Да нет, какая здесь к чертям декорация? Что я выдумываю? Все здесь настоящее. Деревья настоящие, еда настоящая, земля настоящая. Вот, пожалуйста, летит насекомое. Сроду я таких не видел. Тоже декорация? Зачем?

Как ни крути, а попал я, ребята, на другую планету. И с этого, ребята, все мои заботы начинаются. Первый вопрос: кто в этом случае есть Корней? Тут одно из двух. Или этот Корней на самом деле землянин, как он мне все время твердит, или? Вот то-то и оно. Наша разведка лучшая в мире, уж мы-то, Бойцовые Коты, кое-что об этом знаем. Тогда складывается у нас такая картина. Есть на белом свете эта самая разэтакая Земля. И сидит на ней резидентом офицер разведки, человек, сразу видно, большой, и шутки с ним плохи. И нужен ему для каких-то целей помощник. Он здесь уже кое-кого навербовал из местных, но ему свой человек понадобился, совсем свой. И вот подбирают на поле боя Бойцового Кота при последнем издыхании, объявляют его на родине геройски погибшим, а самого перебрасывают сюда. Потому что он хотя и котенок еще, но зарекомендовал себя, ребята, неплохо. Доверять ему можно, и толк из него будет. Но если это так, то я же должен быть на высоте! Я же... Я ведь... А, змеиное молоко, что же я должен? Чего от меня ждут? Должен я понимать то, что я понимаю, или нет? Если не понимаю, значит дубина, не в разведке мне работать, а сапоги бэ-у в каптерке пересчитывать с

дикобразами. А если понимаю, то как мне ему дать знать, что я понимаю, если он на каждое мое слово мне десять? Я ему этак осторожненько, намеком: какие будут приказания, какая предстоит задача? А он мне с улыбочкой, но нетерпеливо как-то: да брось ты, Гаг, какие там еще приказания и задачи? Учись, присматривайся, читай... Читай! Через три-четыре месяца, мол, домой вернешься, начнешь строить новую жизнь, то-се... И вообще: о войне он говорит с каким-то пренебрежением, словно это какая-то досадная пустяковина, а не главное дело всей жизни настоящего алайца; о его высочестве герцоге если когда и упомянет, то с какой-то раздражающей усмешечкой; от Пяти принципов просто ручищей отмахивается, как от мухи... Проверка? Кого же ты проверяешь? Бойцового Кота проверяешь? Правда, и об императоре крысином он раз так выразился крепко, что я сразу понял: наш человек, сорвалось у него, по-видимому. Но это — единственный раз!

Тут ведь вот еще какая тонкость. Он утверждает, что через три-четыре месяца война окончится, что они, то есть земляне, приняли какие-то особые меры для окончания войны и прекращения кровопролития. Хорошо. А кто победит? А никто не победит, отвечает. Не будет, говорит, никакой победы. Просто будет мир. Ну что ты ему на это скажешь? Ну дико же! Или я это должен понимать так, что работать мне придется там же, дома, но в совершенно других условиях? Сначала я было подумал, а не намекает ли он, что его высочество потерпел поражение? Сел на нас император, и там теперь придется драться в подполье... Змеиное молоко, у меня нервы не выдержали, убежал я куда-то и разревелся, как баба, теперь вспомнить стыдно. Но он меня нашел, успокоил, сказал, что остановили мы их на линии рокады, что фронт стабилизировался. Значит?... Возможно, его высочеству благоугодно заключить временно мир из высоких стратегических соображений, и война теперь начнется тайная, небывалая, и к этой-то новой войне меня как раз и готовят? Нет. Никуда все это не годится. Не вяжутся здесь концы с концами. Эх, Гаг, безусый ты котенок. Гепард небось мигом бы разобрался, что к чему...

Гепард... Вспомнил я про Гепарда, и снова у меня ком в горле.

Далее следовали воспоминания Гага о Гепарде, в целом похожие на соответствующий фрагмент чистовика, но с любопытными разночтениями. В черновике сначала идут воспоминания Гага, а уж потом слова Корнея о Гепарде. В результате заканчивается этот фрагмент так: «И вот что интересно: Корней, похоже, Гепарда знал. И ценил. Ни о ком он так хорошо не говорит, как о Гепарде. В этом человеке, говорит, погиб великий педагог. Здесь, говорит, ему бы цены не было. Ладно... Погиб ты так, как нас учил погибать, ну а раз уж я уцелел, значит и жить теперь должен, твоей памяти не посрамив. А я, Гепард, влип. Ох и влип же я! Где ты там сейчас, вразуми, подскажи мне, кто такой Корней, как мне держаться...»

Это можно понять в том числе так: представления Гага о гибели Гепарда основаны всего лишь на буквальном понимании слов, что в нем погиб великий педагог. (На тот момент в рукописи еще не было упоминаний того, что Гай знал русские идиомы и умел ими пользоваться.) Авторы это уловили и сделали на полях дописку для чистовика, призванную устранить двусмысленность: «Всего-то один раз видел Гепарда, и то издали, и то в тот момент, когда он погибал». Но в конце концов они нашли другое решение и разнесли слова Корнея и Гага подальше друг от друга.

В этой связи приведем выдержки из офлайн-интервью БНС на сайте «Русская фантастика», посвященные Гепарду как воспитателю. (Другие педагогические аспекты этого сюжета будут упомянуты при рассмотрении сценария «Мальчик из преисподней».) Вот небезытересные параллели между этим персонажем и известным советским педагогом (19.06.2000): «Макаренко воспитывал солдат — людей, которым предстоит воевать за революцию или (и) трудиться на заводах во имя ее. В этом смысле он гораздо ближе к Гепарду, чем к Учителям Полудня. При этом я чрезвычайно далек от мысли как-то принижать его талант и вообще преуменьшать его педагогические и чисто человеческие достоинства. Просто время было другое. Задачи общества были другие. Цели воспитания». Давал БНС и такое пояснение (5.12.2008): «По замыслу авторов, Гепард — настоящий алаец, верный слуга престола, природный «слуга царю, отец солдатам». Корней с ним, действительно, был «шапочно» знаком и с большим уважением относился к его педагогическим способностям — считал его настоящим Учителем (который, впрочем, «учит не тому»). На примере Гепарда авторы пытались продемонстрировать (не вполне очевидную) мысль о том, что Учитель есть «всего лишь» профессия, но отнюдь не нравственная категория». Из сказанного выше вытекает и интересный вариант ответа на вопрос, зачем, собственно, Бойцового

Кота забрали на Землю и что пытались с ним сделать (20.12.2001): «Попытка перевоспитать уже один раз воспитанного. Попытка, как видите, малоуспешная».

Нет в чистовике большей части следующего после воспоминаний о Гепарде фрагмента, где гипотезе о том, что «наша разведка лучшая в мире», находится альтернатива. Начало фрагмента было убрано, а остальная часть («Могучие они здесь, стервецы...» и т. д.) — перенесена ближе к началу главы, где с размышлениями о Гепарде и Корнее напрямую уже не связана.

Самый тяжелый вариант — это если Корней никакой не офицер, а настоящий чужак, житель этой планеты. Если все, что он говорит, — это правда. Могучие они здесь, стервецы, могучие, простым глазом видно. И получается тогда, что против них, всей их мощи я здесь один. И никто, кроме меня, о них не знает. Они ходят по нашей планете как у себя дома, и никто их не замечает. Они про нас знают все, а мы про них — ничего. С чем они к нам пришли? Что им у нас надо? Что им надо от нас? Что им надо от меня? Страшно...

Во время осмотра музея Гаг снова возвращается к мыслям о Корнее.

Ну, ходим мы вот так, ходим, Корней рассказывает, горячится, а мне уже даже немножко надоело, и стал я почему-то думать, с чего это Корней один живет, где у него жена, дети. Неужели же он этот самый ученый чудак, которому ничего в жизни не надо, только смотреть в микроскоп на козявок да ковыряться в лягушачьих кишках? Непохоже что-то... Но уж больно он страстно обо всей этой космозоологии излагал. Прямо бзик какой-то у человека. И стало мне вдруг окончательно понятно, что никакой он не наш офицер и никакая все это не проверка. Да. Вот ходим мы, ходим, половину уже осмотрели. И начинают мне приходиться в голову странные мысли.

Далее следовал переход к этим самым мыслям, приведенным в чистовике практически в прежнем виде: про аналогии между жителями всяческих планет, ставших объектом внимания Земли, и экспонатами зоологического музея.

Фрагмент обеденного разговора с Корнеем о том, где бы Гагу хотелось побывать, был сначала не про Луну, а про звездолеты — и без присловья Гага насчет галош. Здесь прослеживается несомненная связь с ранними вариантами сценария «Мальчик из преисподней», героя которого очень интересовали на предмет «попытки к бегству» и звездолеты, и — в силу легкой доступности — нуль-кабины.

— Придумал, где бы тебе хотелось побывать?

— Нет. То есть да.

— Ну?

Эх, была не была, подумал я.

— Очень мне интересно узнать, как работают ваши звездолеты.

— Уточни. Хочешь увидеть — как? Или хочешь узнать — почему?

— Да нет, я для начала просто хотел бы посмотреть, как все это выглядит. Скажем, у нас для самолетов нужны взлетные площадки. А для звездолетов?

— Тут, брат, все зависит от того, куда тебе надо лететь. Для сверхдальних рейсов существуют огромные махины, они стартуют из космоса или с Луны. Для средних расстояний у нас используются так называемые «призраки». Это небольшие корабли, действующие на принципе нуль-транспортировки. Они могут стартовать откуда угодно, хоть из этой комнаты. А для постоянных, налаженных трасс можно пользоваться нуль-кабинами. Набираешь шифр — и через десятую секунды ты там. Чего не ешь?

Я спохватился и стал есть, не чувствуя вкуса. Нуль-кабины. У него ведь прямо в саду стоит нуль-кабина. Мы через нее сюда и явились.

— Существуют еще грузовые космодромы, — продолжал Корней. — Это для кораблей-автоматов. Здесь неподалеку тоже есть один. Снабжает инопланетной продукцией весь наш район. Там сообщение конвейерное, все это можно посмотреть.

— Да, — сказал я. — Обязательно посмотрю.

Для третьей главы предназначена еще одна запись на полях: «Видит в окно четверку людей в форме десантных войск. Хотел кинуться за ними, но что-то остановило». В чистовике этот фрагмент добавлен, только вместо алайских десантников там упомянуты имперские парашютисты, так что Гаг, разумеется, не стал за ними кидаться, а «сразу лег». И, наконец, маленькая дописка сделана к эпизоду, где Гаг переделывает свою комнату: «Дверь сделал как у людей». Именно эти слова и были добавлены в чистовик.

Размышляя о Корнее в начале пятой главы, Гаг думал в черновике: «Но ведь и Корней вроде бы не крысоед! А может быть, как раз крысоед? Что я о нем знаю? Мягко стелет, сладко кормит... Больше, кажется, ничего. А если он на задании? А если ему сказано: любой ценой, мол...» В чистовике акценты меняются: «Но ведь и Корней вроде бы не крысоед! Я всяких крысоедов посмотрелся, и алайских наших, и имперских, а такого видеть не приходилось. А с другой стороны, что я о нем знаю? Мягко стелет, сладко кормит... больше ведь ничего».

На полях текста четвертой главы, где рассказывается о знакомстве Гага с Драмбой, сделана пометка: «Расспрашивает о доме и “призраках”». Реализована эта идея не была: Гаг действительно расспрашивает Драмбу в чистовике подробнее, чем прежде, но дополнительные вопросы задает либо о самом Корнее, либо о его семье.

Следует отметить, что сын и бывшая жена Корнея в черновике отсутствовали не только воочию, но даже в упоминаниях. И информация, полученная Гагом от Драмбы, и появление «аристократа» ближе к концу пятой главы, и сцены с женщиной в нескольких главах — все это позднейшие дополнения.

Эпизоды, показывающие непростые отношения Корнея с его родственниками, дополнил еще один, призванный показать, что к Прогрессорам на Земле относятся, мягко говоря, сложно. В черновике на этом месте первоначально был такой текст.

Несколько человек в ярких и, прямо скажем, легкомысленных нарядах о чем-то беседовали посреди зала. Корней махнул им рукой, кое-кто кивнул в ответ. Гаг поспешно отвел глаза от вызывающе красивой голоногой девицы не то в коротких штанах, не то в непозволительно короткой юбке, неторопливо проходившей мимо.

— Вот тот, в пестрой курточке, — сказал Корней вполголоса, — тоже инопланетянин. Его здесь вылечили, и он скоро возвращается на свою планету.

У выздоровевшего инопланетянина были странные уши. То есть, строго говоря, их почти не было, а голый череп неприятно поражал обилием каких-то бугров и узловатых гребенчатых выступов. Гаг сглотнул всухую, но ничего не спросил.

Инопланетянин в чистовике перемещен в сцену с зеброжирафом, а в черновике мимо животного проходил, видимо, обычный землянин («Гаг проводил его глазами. Обыкновенный человек в обтрепанных брюках и белой рубашке с короткими рукавами»). Неприличной Гаг считал теперь не одежду людей в зале, а манеру их общения. Главное же, что совсем иначе стала описываться реакция этих людей на появление Корнея.

Несколько человек в ярких и, прямо скажем, легкомысленных нарядах беседовали о чем-то посреди зала. И голоса у них были под стать нарядам — развязные, громкие до неприличия. И вдруг они разом замолчали, как будто их кто-то выключил. Гаг обнаружил, что все они смотрят на него... Нет, не на него. На Корнея. Улыбки сползли с лиц, лица застывали, взгляды опускались — и вот уже никто больше не смотрит на Корнея, вообще никто больше не смотрит в их сторону, а Корней знай себе вышагивает мимо них в полной тишине, словно ничего этого не заметив.

Идея с массовым неприятием носителей определенной профессии в фантастике не нова и описана, например, в «Конце Вечности» А. Азимова (там подобный стиль поведения назывался «коситься на Техника»). Впрочем, не все читатели поняли смысл происшедшего, и БНС в онлайн-интервью (27.04.2000) пояснил про Корнея: «Трагедия его была в том, что он был профессиональным прогрессором. А земляне недолюбливали прогрессоров. Они относились к ним примерно так же, как мы сегодня относимся к спецназовцам. Или, может быть, еще точнее — к палачам-профессионалам: полезные люди, но лучше держаться от них подальше». В другой части интервью (15.07.2001) БНС уточняет, что для такой единодушной реакции Корнею не требовалось быть всемирно знаменитым, достаточно было, чтобы его узнал хотя бы один человек: «Увидел,

буркнул что-нибудь неприязненное, краткое, но всеми остальными однозначно понятое, и вот результат: обнаруженная ничего не понимающим Гагом странная реакция».

В черновике есть еще несколько интересных нюансов в сценах с Гагом и Корнеем — и в этой главе, и в следующих. Предложив Гагу одеваться и пообещав кое-что показать, Корней добавлял: «Будет страшно, но зато интересно. Не пожалеешь». Но эта фраза противоречит последующему утверждению «Ничего страшного с тобой не случится», поэтому она убрана. А о форменной одежде Корней говорил «Форма тебе больше не понадобится», что опять-таки противоречит как дальнейшим событиям (сцена с бронемастером), так и обозначенной в заметках к повести возможности использования Гага как агента. Поэтому в чистовике Корней отвечает более жестко по тону, но менее определенно по существу: «Обойдешься без формы».

Когда Корней советует Гагу сходить в степь, то добавляет в черновике: «Я же тебе говорю: на севере для тебя много интересного». Возможно, что указание этого «севера» сначала имело какое-то значение, но дальше в тексте это никак не обыграно, поэтому вместо «на севере» в чистовике указывается просто «там».

После сообщения Корнея об окончании войны Гаг, не сразу собравшись с мыслями, говорит: «Я хочу знать, кто победил». В черновике Корней отвечает немедленно: «Никто не победил. Вернее, все победили». Но Авторы решают, что и тут нужно выдержать паузу. Они делают необходимую пометку, и в чистовике появляется фраза: «Корней очень долго молчал, по лицу его ничего нельзя было разобрать». Сюда же переносится более позднее описание того, как Гаг сел на землю и бессмысленно уставился на макушку Драмбы в траншее.

Узнав, что «и алайцы, и имперцы побросали оружие и разошлись по домам», и, разумеется, в это не поверив, Гаг решает прояснить отношения с Корнеем. В черновике он возвращался к придуманной им ранее версии испытания и говорил: «Я не понимаю, зачем вы мне все это рассказываете, Корней... Я вам не верю. И я не понимаю, чего вам от меня надо. И я больше не могу. Я — Бойцовый Кот. Если я на испытании, то я сдаюсь. Не годен. Отправьте меня в линейные части. А если я... А если вы... Тогда скажите, чего вам от меня надо». В чистовике никаких иллюзий у Гага уже нет, и после его слов «я больше не могу» следует: «Если я вам не нужен — отпустите. А если нужен — говорите прямо...»

Первоначально Корней говорил Гагу в том числе: «Знаю, что ты стремишься домой. Поэтому пришел я к тебе сейчас только для того, чтобы сказать: война кончилась, и ждать тебе осталось уже недолго». Вторая фраза позже заменится кратким выводом: «Но тебе придется еще потерпеть». Политическую обстановку в герцогстве Алайском Корней первоначально определял точной фразой «Центральная власть отсутствует», при этом косвенно описывалось его волнение: «Ему не стоялось на месте, и он принялся расхаживать вдоль траншеи». В чистовике последнего пояснения нет, оценка же ситуации на Гиганде несколько менее конкретна: «А сейчас еще и политическая неразбериха...» И положение Гага Корней в черновике формулировал с предельной откровенностью: «Один раз мы тебя из могилы вытащили. Считаю, что сейчас вытаскиваем второй раз». В чистовике этих слов нет, как нет и мысли Гага: «Где она, его ласковая сдержанность и благотерпеливость?» А завершал Корней разговор словами о том, что Гаг торчит здесь четвертую неделю (в чистовике — пятую).

В продолжении того же разговора Корней первоначально говорил Гагу: «И дело, между прочим, не только в тебе, дело еще и в тех людях, которых ты успеешь убить и замучить. Вот так, если откровенно». Ответ Гага был таким: «Значит, боитесь, что там я буду вам опасен. <...> Что ж, воля ваша. Только смотрите, как бы я не стал вам опасен здесь!» Тут не совсем верно были расставлены смысловые акценты: дело вовсе не в опасности Гага лично для Корнея. Поэтому в черновик дописываются слова Корнея: «Ты опасен. И для себя, и для других». Они включены в чистовик, а заодно и уточнен ответ Гага: двойное упоминание слова «вам» убрано, а противопоставление слов «там» и «здесь» — усилено: «Значит, боитесь, что я там буду опасен. <...> Что ж, воля ваша. Только смотрите, как бы я ЗДЕСЬ не стал опасен!»

Позже, приняв извинения Гага, Корней отвечал: «Старый дурень! Я вообразил, что тебе нужна правда! Ты мог заметить, что за все время нашего знакомства я не солгал тебе ни разу. Но в этом случае я должен был если не солгать, то хотя бы промолчать... Все-таки в моем возрасте и с моим опытом пора бы, кажется, знать, что есть люди, которые могут выдержать удар судьбы, а есть люди, которые от такого удара ломаются. Первым рассказывают правду, вторым рассказывают сказки. Так что ты тоже прости меня, Гаг. Я обязан был разобраться в тебе как следует, но... — Он развел руки. — Давай-ка постараемся забыть эту историю». В чистовике ответ заметно сокращен: следующие за словами «Старый дурень!» фразы про правду и ложь убраны, как и слова Корнея, что он был обязан разобраться в Гаге как следует.

После подробностей о Данге, которые Гаг узнал из бумаг, брошенных ему в сердцах Корнеем, Гаг размышляет.

Там еще много что было. Много похожих историй. И получалось, что эти земляне, и Корней, конечно, всяких бесполезных людишек, которых мы и за людей-то не держим, так, за мусор, поетов всяких, писателей, головоастиков одним словом, оберегают и как бы хранят для нас же до лучших времен. Причем не то чтобы возят на Землю, нет, там же у нас и поддерживают, подкармливают, не дают загнуться под колесом истории... Вообще-то даже трогательно.

Слово «поетов» именно так в черновике и выглядит: это, надо полагать, не опечатка, а сознательная демонстрация бескультурия Гага. Фрагмент интересный, но столь явные переклички с повестью «Трудно быть богом» показались Авторам, видимо, излишними.

Любопытны и самые последние реплики Корнея в сцене возле «призрака», касающиеся Гага. Первая в черновике была такой: «Он не годится в денщики, — сказал Корней задумчиво и печально». В чистовике пояснение к словам Корнея другое, отсылающее читателя к более ранним событиям и показывающее, насколько несчастен этот внешне несокрушимый человек: «...и на лице его ни с того ни с сего вдруг появилось то самое выражение предсмертной тоски, которое озадачило меня в первый раз еще в госпитале». А во второй реплике переделана только концовка: после «котяры» в черновике была не «гроза мышей», а «гроза воробьев».

В последнюю главу, где Гай вернулся на родную планету, были добавлены в чистовике две точные фразы, усиливающие картину безнадёжности и смерти: «И какой-то старик со сломанным костылем на коленях сидел прямо в грязи и монотонно повторял без всякой надежды: «Возьмите, ради бога... Возьмите, ради бога...» И на покосившемся телеграфном столбе висел какой-то чернолицый человек со скрученными за спиной руками...»

Есть в черновой рукописи и другие любопытные разночтения с позднейшим текстом.

О загадочных голосах в доме сначала говорилось, что это неизвестно кто, «потому что Корней либо в бассейне плещется, либо где-то летает», позже фрагмент исправлен на «потому что Корней в доме нет, шляется где-то, беса тешит».

Изменения в доме Корнея после окончания войны на Гиганде сначала описывались так: «Народ к нам зачастил в это время, так и прут. Из подземелья прут, из будки стеклянной, что на лужайке, то и дело выскакивают, как пули из обоймы». В первой фразе «в это время» заменено на «опять»: как уже отмечалось, в чистовике «подземелья» в прежнем смысле нет, а Гаг уже встречался с множеством странных людей в самом доме Корнея. А вторая фраза, если убрать из нее подземелье, становится ненужной.

А вот в сцене, где Гаг осматривает позицию для мортиры, Авторы поступили проще — в целом сохранили определение дома Корнея («...лукавая подземная крепость, набитая невиданными и невозможными механизмами, невиданными и невозможными существами...»), всего лишь заменив «подземную крепость» на «дом» и оставив прочее описание.

Для восприятия Гагом врача в госпитале была найдена новая интересная подробность: «Странное какое-то лицо. То есть не само лицо, а выражение. Как у святых на древних иконах» (это определение «с лицом святого» повторяется в чистовике и при расставании Гага с врачом).

Во время своеобразного астрономического экзамена волнение Гага описывалось сначала подробнее: после вопроса о существовании жизни вблизи других звезд его не только прошибла испарина, но и «глаза его беспомощно забегали».

Для некоторых событий или явлений порой приходилось менять весь набор поясняющих подробностей. О кино с боем на мечах, которое Гаг смотрит у Корнея, в черновике говорилось: «Один рубанул мечом, так без обману, тот на две половинки так и развалился». В чистовике признак достоверности другой: «Один там другого ткнул мечом, так уж без обману: лезвие из спины на три пальца вылезло и даже вроде дымится...»

Отдельные фразы в черновике были просто неудачно сформулированы. Вот, например, Гаг сидит на лужайке, а где-то совсем рядом с ним — сад с грушами. Но далее в черновике добавлялось: «Если туда через рощу пойти, выйдешь к дому». Неясно, где же что находится, поэтому в чистовике все изложено проще: «Слева от меня роща, а прямо передо мной дом».

А вот пример фрагмента, где пояснения, возможно, были бы уместны, а без них не совсем понятно, недосмотр здесь или какая-то авторская задумка. По-русски Гаг читать умеет, о чем упомянуто не раз. Название близлежащего города — Антонов. Но надпись на памятнике над братской могилой вырезана «старинными буквами, которых Гаг не знал». (При этом он как-то понял, что буквы — старинные.) Здесь можно, конечно, придумать не одно объяснение, но это уже дело исследователей, а не составителей.

Среди известных Гагу планет упоминалась не Какга, а Канна. Фамилия Гепарда — не Дигга, а Дидда. Юноша-математик Данг назывался в черновике Дагом. (Кроме того он был «явным и очевидным алайцем с севера», а не с юга, причем Гаг определял Дага как северного алайца по выговору, а Данга как южного алайца — еще и по имени.) Принцип изменения прежних имен

вполне очевиден: в них должна чаще присутствовать согласная «г», а при переделке Гаданды в Гиганду заменена и первая гласная — во избежание ненужного созвучия с именем самого Гага. Погибшего командира бригады звали не Гагрид, а Гагрида (соответственно, упоминалась «бригада Гагриды»). Бойцового Кота дикобраз в самом начале повести узнавал не по форме, а по нашивкам. Корней говорил бронемастеру в черновике, что Гаг курсант второй ступени Особой столичной школы, а в чистовике он просто «курсант третьего курса».

Возможно, анализ текста ПИП с точки зрения стилистики смотрится не столь эффектно, как сопоставление заметных сюжетных изменений. Но это, помимо всего прочего, демонстрация того, что мало придумать и затем связно и грамотно изложить интересный сюжет — нужно еще каждое слово в рукописи проверить на «прочность», на безусловную необходимость в тексте именно в этом и ни в каком ином виде. Хотя времени на работу над чистовиком у Авторов было немного (сроки сдачи рукописи поджимали), на стилистической отделке текста они не сэкономили: здесь нет и намек на какую-то поспешность или неряшливость. Примеры такой правки черновика ПИП (преимущественно на материале первой главы, где точность слов особенно важна) выборочно представлены ниже.

В черновике упоминалось, что «на площади около фактории стояла полевая кухня». То, что кухня должна где-то стоять, и так ясно, а вот что она делала именно как кухня? Авторы уточняют: «дымила». Дикобраз-повар сначала «облизнулся и просипел», затем его поведение описано интереснее — «пошлепал губами и просипел». Гаг стал называть дикобраза не «эта скотина» (обычное ругательство), а «это животное» (дабы подчеркнуть превосходство Бойцового Кота над тупой солдатней).

Гаг размышлял о слабости увиденной им воинской части: «...из тыловой вши сколоченная, да еще наспех...» Позже сделана дописка, показывающая, что беда не только со сроками, но и с качеством — «да еще кое-как».

Позади отрытых окопов Гаг видел поле, «на котором раньше было все посеяно, а теперь все сгорело». Сжечь на поле можно что угодно, а вот посеяно там могло быть что-то определенное (хотя и непонятно — что именно), поэтому прямо в черновике уточнено — «что-то посеяно». Джунгли стояли перед окопами сначала «непроницаемой стеной», затем просто стеной (может быть, для взгляда она и непроницаемая, но уж никак не для солдат и техники противника, которые как раз оттуда ожидаются).

Выводы Гага, увидевшего раненого барона Трэгга, сначала описывались так: «...но по лицу его, по бешеным глазам с опаленными ресницами я сразу усек, что уж это-то не дикобраз, ребята, нет, этот — из настоящих». В этом контексте жаргонизм «усек» не вполне уместен, далее появляется слово «понял». О двух других раненых сначала говорилось, что «то ли они спали, то ли умерли уже». Последние слова исправляются на «уже отошли».

В сцене с Гепардом барон Трэгг «смотрел на него из-под опаленных бровей». Опаленными уже были ресницы, к тому же барон попал под огнемёт, поэтому брови становятся «сгоревшими». Бригад-егерь сначала использует при обращении к Гепарду слово «храбрец», далее появляется специфическая связка «брат-храбрец». Штаб-майора барон Трэгг называл сначала сволочью, а позже более затейливо — старой рухлядью. О нем же барон говорил: «Прятался в деревне со своими дикобразами и смотрел, как мы гибли». Для последних слов позже найден более сильный аналог «как нас выжигают одного за другим». Отсутствие связи пояснялось словами «Рация к черту...». В чистовике состояние радиции описывается как совсем уж безнадежное — «вдребезги».

Когда барон попытался закурить, у него «из-под повязки на щеку поползла струйка крови». В чистовике описание ярче: «...из-под повязки на щеку выползла капля крови и застыла. Как смола».

Имперские броневездеходы в черновике становятся бронеходами лишь в сцене боя, а в чистовике — сразу. Точно так же в чистовике ракетометатель называется ракетометом.

Первоначально Гаг наблюдал, как «под распахнутым бортовым люком валялся мордой вниз дохлый крысоед — все на нем сгорело, остались только рыжие ботинки с толстыми подошвами». Прямо в черновике «мордой» рукописно исправлено на «хлебалом», а описание ботинок в чистовике уточнено и сделано менее банальным — «на тройной подошве». Далее Гаг думал, что у крысоедов хороши только ботинки да военная техника, а солдаты они никуда не годные. В чистовике добавлено еще: «Шакалы».

Гаг вспоминал: «От самого Гагриды мы нашли только генеральскую фуражку, набитую мозгом...» Бойцовый Кот, конечно, много чего повидал, но к погибшему генералу и в мыслях следует относиться с почтением, а натурализм хорош в меру, поэтому в чистовике нашли фуражку, «заскорузлую от крови».

Рассматривая дикобразов, Гаг отмечал: «Некоторые, собравшись кружками, палили костры. Другие просто стояли, руки в карманах». В чистовике картина уточняется, вводится более разговорный оборот: «Одни, значит, собравшись кружками, палили костры. Другие просто стояли, засунув руки в рукава. А третьи бродили». О пожилом дикобразе, сидевшем на лафете,

говорилось, что он «просто сидел и ковырял щепочкой в ухе», позже «просто сидел» исправлено на «сидел себе».

О двух ссорившихся дикобразах говорилось: «Не поделили они между собой табуретку — держали за ножки, и каждый тянул к себе...» Табуретка заменяется на более крепкий и ценный в солдатском быту предмет — деревянное корыто. Дальше события по черновику выглядят так: «Я мигом подскочил к этим охламонам, стволом автомата дал по рукам одному, дал другому и, когда они уставились на меня, кивком головы показал на Гепарда. Они и не пикнули. Их обоих сразу потом прошибло, как в бане. Утираюсь на ходу рукавами, трусцой, широко по-бабьи виляя задами, подбежали к Гепарду и застыли в двух шагах перед ним двумя неопрятными кучами». В черновик здесь вносилась множественная стилистическая правка. Дикобразы уставились на Гага не просто так, а «выронивши свое корыто». Кивком обозначить боковое направление нелегко, поэтому Гаг «мотнул им головой в сторону Гепарда». Передвижение дикобразов определяется теперь ярко, но кратко: «бабьей трусцой подбежали к Гепарду». Кроме того, не очень хорошо выглядела концовка с похожими числительными, а что дикобразов двое, и так понятно, поэтому в конце указывается — «неопрятными потными кучами».

Одного из конвоируемых крысоедов Гаг описывал так: «Белобрысый этот хромает. Раненый, значит, — ногу в нужнике подвернул. Ничего, недолго тебе хромать осталось». В чистовике Авторы исправляют «раненый» на «тяжело раненный», «нужник» на «баню», а последнюю фразу дают в виде «Ничего, дохромаешь».

Много позже, при подготовке многотомника издательства «Сталкер», «баня» в приведенном выше фрагменте снова стала «нужником». В этом издании по черновику вновь стали даваться и некоторые другие слова и фразы. Подробнее об этом будет сказано, когда речь пойдет о публикациях повести, здесь же рассматривается только самый крупный и, возможно, самый неоднозначный пример, относящийся как раз к рассматриваемому эпизоду.

Когда Гаг доставлял пленных к Клещу, он так описывал в черновике свои действия: «Я ему объясняю, так, мол, и так, такое, мол, положение, а пленных допросить и кончить». В чистовике в эту фразу были внесены мелкие, но важные уточнения: «Я ему докладываю: так, мол, и так, такое, мол, положение, а пленных обязательно сначала допросить».

Самые же существенные изменения начинаются дальше. В исходном варианте (а позже — и в окончательном тексте повести) диалог Гага с Клещом о судьбе пленных, хотя и ведется отчасти намеками, вполне ясен по смыслу и содержит ряд, мягко говоря, малоприятных нюансов. Эффект достигается сильный — возможно, даже чрезмерно. Ясно видно, что повседневные представления храбрых защитников герцога Алайского о добре и зле безмерно далеки от этики Мира Полудня, что деформация их сознания огромна и, возможно, необратима. Эти ребята уже не просто грубые вояки: за палаческую работу Гаг готов взяться немедленно и даже с азартом. Более того, такое поведение выглядит не эксцессом исполнителя, а самым обычным для Бойцовых Котов делом. Таков еще один штрих к картине мира, которому и в самом деле очень подходит слово «преисподняя»... Видимо, Авторы затем решили, что в повести, публикация которой предполагается в том числе в детском издании, без некоторых подробностей лучше обойтись. Поэтому в чистовике от прежнего текста остались только начало и несколько измененный конец.

- Это ты насчет ошейника? — рассеянно спрашивает он, а сам озирается.
- Ну да! Привел-то их все-таки кто?
- Не вижу вот я — на чем. Не до леса же их вести...
- А на сваях?
- Можно, конечно, и на сваях...
- Так разрешишь? — спрашиваю я.

Впрочем, и в таком виде текст печатался всего дважды — сначала в «Авроре», а много позже (причем с неправильным сведением этих реплик в единый абзац) в сборнике «Бойцовый Кот» («Азбука», 1999 год). Во всех остальных публикациях до 2001 года отсутствовал даже смягченный вариант диалога: на просьбу Гага («Про меня не забудь, Клещ. Все-таки я их сюда привел...») сразу следовал отказ. А потом БНС пересмотрел прежнее решение — и фрагмент снова стал печататься без всяких купюр.

Кое-какие «штатские» слова Гага заменяются армейскими аналогами. В воспоминаниях о школе Бойцовых Котов фигурировала площадь, затем исправленная на плац. Кровать, на которой очнулся Гаг после боя, исправляется на койку. В то же время в языке Гага стало больше просторечий. Размышляя о выбранной позиции, он прежде предполагал, глядя на джунгли, что бронепехота оттуда «может подползти». Последние два слова заменены на «сунется». И точно также по поводу снарядов прежние «выбросили» исправлено на более разговорное «повыбрасывали».

Во время атаки Гаг видел, как имперские бронеходы «расползаются веером». В чистовике описание гораздо ярче: бронеходы «расходятся в боевой веер», то есть четко выполняют маневр. Не было также в черновике слов о числе горящих бронеходов: «Много. Несколько».

Картины боя Авторы описывают своеобразно — с изменением ритма повествования, а кое-где и с перебивкой прошедшего времени настоящим. Одна из сцен была написана первоначально как раз в настоящем времени и, как правило, короткими фразами, чтобы вместо описания уже случившегося получилась фиксация сознанием происходящего в данный момент.

Над ухом оглушительно грохочет пулемет. У меня в руке нож. С ножа на руку течет. Кто-то дергается у ног, поддавая мне под коленки...

Старательно, как на полигоне, навожу ракетомет в стальной щит, который надвигается на нас по дороге. Кажется даже, что слышу команду инструктора: «По бронепехоте... броневой...» Никак не могу нажать на спуск. В руке нож...

Передышка. Как-то сразу наступили сумерки. Ракетомет цел, я тоже цел. Вокруг меня целая куча дикобразов, человек десять. Опять курят. Кто-то сует мне в рот горлышко фляги. Отталкиваю руку, вглядываюсь... Заяц? Не знаю...

Далее в той же стилистике описывается и увиденная Гагом «странная черная фигура», и его реакция на нее. В чистовике прежний прием сохранен в паре мест, в том числе в финале главы, но приведенный выше фрагмент переделан, действия и ощущения Гага описываются в прошедшем времени и более связными периодами. Вот примеры нескольких фраз: «Над ухом у меня оглушительно грохотал пулемет, в руке был нож, а у ног моих кто-то дергался, поддавая мне под коленки... <...> Потом вдруг наступила передышка. Были уже сумерки. Оказалось, что ракетомет мой цел и сам я тоже цел, вокруг меня собралась целая куча дикобразов, человек десять».

Первая глава завершалась фразой, содержащей в том числе достаточно стандартный оборот: «Земля горит, земля дымится, и кто-то вдруг со страшной силой вышибает ее у меня из-под ног...» В чистовике эта фраза дается уже не в настоящем, а в прошедшем времени, поскольку этот бой для Гага закончен, а слова про «страшную силу» заменяются менее тривиальным словосочетанием: «Земля горела, земля дымилась, и кто-то вдруг с нечеловеческой силой вышиб ее у меня из-под ног...»

Другие главы рассматриваются не столь обстоятельно, на небольшом числе примеров.

Видимо, уже упомянутым влиянием субординации на лексику Бойцовых Котов объясняется частая замена слова «костлявый» на «сухопарый» во второй главе: Гаг сначала воспринимает Корнея как офицера, так что даже для его впечатлений годятся не всякие слова.

В черновике Гаг вспоминал: «В казарме тоже не сахар, пайки не ахти какие». Чтобы избежать плеоназма, Авторы меняют «не ахти какие» на «сами знаете какие». А далее в воспоминаниях, как Гепард в марш-броске тащил Гага на себе, причина этого в чистовике увязана с предыдущим фрагментом: вместо «ногу подвернул» появилось «от слабости свалился».

В сцене, где Гаг подслушивает разговор Корнея с крысоедом, Корней разговаривал по-имперски «таким тоном, какого я до сих пор не то что от Корнея — вообще на планете не слышал». Позже исправлено — «на таких базах».

Корней, говоря про ошибку в сроках окончания войны на Гиганде, добавлял: «Но это, знаешь ли, хорошая ошибка. Согласись, что мы ошиблись в нужную сторону... управились за месяц». Позже Авторы слово «хорошая» исправили на «добрая».

Есть некоторая разница и в словах Корнея о том, что произошло с герцогом и императором. О герцоге первоначально говорилось: «Бросил все на произвол судьбы...» В чистовике Корней фразу не заканчивает (его перебивает Гаг) и успевает сказать: «Бросил на произвол судьбы не только страну...» Про императора говорилось в черновике, что он расстрелян «в собственной спальне», в чистовике — «в собственном дворце».

Узнав об окончании войны, Гаг не доверяет никому. О Драмбе он думает в черновике так: «Лучше без него. Пусть только сделает то, что мне надо, а потом я его выключу к чертовой матери...». Последние слова заменяются эвфемизмом «откомандирую», взятым из раннего варианта сценария. Кроме того, Гаг аттестовал Драмбу, продолжавшего выполнять приказы Корнея, в черновике как «таракана безногого», а в чистовике — как «дикобраза безмозглого».

Даг в черновике называл Гага «палач, душегуб», а Данг в чистовике — «палач недобитый, убийца».

При виде Голубого Дракона в кабинете Корнея у Гага случилось по черновику «колебание» в глазах, по чистовику — «потемнение». Затем Гаг первоначально описывал свое состояние так: «У меня по старой памяти мороз по коже». Затем его ощущения обозначены оригинальнее: «кожа на спине съезжилась».

События, связанные с подготовкой издания «Парня из преисподней» в «Авроре» и в ленинградском сборнике «Незримый мост», происходили какое-то время практически параллельно, однако особенности этих изданий (и целевая аудитория, и вытекающая из нее текстологическая специфика) весьма различны, а сборник «Незримый мост» появился все-таки значительно позже, чем журнальная публикация ПИП. Поэтому прежде всего речь пойдет о журнальном варианте, а уже затем — о первом книжном.

Повесть увидела свет в 11-м и 12-м номерах «Авроры» за 1974 год с иллюстрациями Игоря Тюльпанова. (Авторам понравилось художественное оформление журнального «Малыша», и по их просьбе новая повесть была отдана тому же художнику.) С этим текстом произошла еще более интересная и в своем роде драматическая история, чем с опубликованным ранее в том же журнале «Пикником на обочине». Напомним, что журнальный вариант ПНО на протяжении многих лет был единственной доступной публикацией, после появления сборника «Неназначенные встречи» оставался более приемлемым по качеству (несмотря на все правки и сокращения), использовался для многих позднейших изданий и утратил самостоятельную ценность для массового читателя, собственно, только в девяностые годы. Ждать так долго книжных изданий ПИП не пришлось: в семидесятые годы повесть издавалась дважды. Но в текстологическом отношении эти публикации отличаются от «Авроры» явно не в лучшую сторону. Опубликованный в журнале текст куда ближе к авторской рукописи, чем многие последующие книжные издания — и не только первые, а и гораздо более поздние, вплоть до конца девяностых годов. Назвать его без оговорок несокращенным мешает только то, что пара относительно крупных купюр в журнале все-таки была сделана, хотя и не в самых важных для сюжета сценах.

Оба сокращения относятся к четвертой главе. Это, в первую очередь, следующий абзац.

Некоторое время они шли молча. Кузнечики сухими брызгами разлетались из-под ног. Гаг искоса поглядывал на бесшумного колосса, который плавно покачивался рядом с ним. Он вдруг заметил, что около Драмбы, совсем как давеча около дороги, держится своя атмосфера — свежести и прохлады. Да и сделан был Драмба из чего-то похожего: такой же плотно-упругий, и так же матово отсвечивали кисти его рук, торчащие из рукавов синего комбинезона. И еще Гаг заметил, что Драмба все время держится так, чтобы быть между ним и солнцем.

Кроме того, нет в журнале части диалога Гага с Драмбой и следующего за этим описания.

— Хе!.. А у людей какое назначение?

— У людей нет назначения, господин.

— Долдон ты, парень! Деревня. Что бы ты понимал в настоящих людях?

— Не понимаю вопроса, господин.

— А я тебя ни о чем и не спрашиваю пока.

Драмба промолчал.

Они шагали через степь, все больше уклоняясь от прямой дороги к дому, потому что Гагу стало вдруг интересно посмотреть, что за сооружение торчит на небольшом холме справа. Солнце было уже высоко, над степью дрожал раскаленный воздух, душный острый запах травы и земли все усиливался.

Обнаруживаются в журнальной публикации и более мелкие разночтения с рукописью. Например, слова врача в госпитале после решения Корнея забрать Гага с собой «Ну что у тебя за манеры!» заменены на «Ну что у тебя за манера, Корней!». Эта правка, возможно, была внесена самими Авторами, она сохраняется и в новейших изданиях.

В большинстве же случаев изменения, отличающие журнальный вариант от рукописи, на пользу тексту не пошли. Так, например, где-то выполнялась совершенно ненужная стилистическая правка, а где-то игнорировались явные огрехи набора и верстки. Хотя основная часть подобных изменений не встречается больше нигде, некоторые все-таки попали из «Авроры» в последующие издания и были отменены много позже. Далее даются примеры некоторых «эксклюзивных» разночтений.

Барон Трэгг в этом издании (и только в нем!) назван почему-то бароном Треггом. Только в журнале Гаг кричал Драмбе, пытающемуся повалить памятник, не «Отставить!» а совсем не по-военному «Остановись!». Свои извинения Корнею после инцидента возле позиции для mortarы Гаг в рукописи и в прочих изданиях «проговорил стиснутым голосом» и только в журнале —

«сдавленным». Про свою койку Гаг думал в журнале: «...да еще, подлюга, приладилась меня укачивать», а во всех прочих изданиях и в рукописях она «посягает меня укачивать».

В эпизоде, где Гаг вспоминает о встрече с герцогом, часть одной фразы из-за случайного выпадения слова «правую» приобрела довольно странный вид: «...и все еще держа свою руку у меня на плече, он поднял левую и щелкнул пальцами...» Этот пример с отсутствием слова — далеко не единственный. В словах «у Корнея стоит какой-то шкаф не шкаф, сундук не сундук» в журнале было потеряно «не шкаф». В воспоминаниях Гага о сыне Корнея фрагмент «но вот однажды вернулся я под вечер с прудов» печатался без «однажды». Когда Гаг думал о визите бывшей жены Корнея («И верите ли, ребята, мне показалось, что после ее ухода в комнате сразу стало темнее»), в журнале нет слов «после ее ухода». Не было в журнале уточнения, что куртка у Голубого Дракона — кожаная. В словах «Готовился я так, как ни в какой поиск никогда еще не готовился» пропало «никогда». А в сцене с Джонатаном и мешком на тележке Гаг в журнале повторял слова «Так точно» не «в сто сорок восьмой раз», а почему-то «в сто восьмой».

Тем не менее, журнальный текст был достаточно близок к рукописи и передавал замысел Авторов много точнее, чем последовавшие за этим книжные издания, текстологические особенности которых — прямое следствие того, что либо повесть редактировалась в расчете на детскую аудиторию, либо перепечатывалась с какого-то предыдущего «детского» издания.

Первым изданием, открывшим ряд специфическим образом переработанных вариантов ПИП, стал коллективный сборник «Незримый мост». Но его появлению в 1976 году предшествовала определенная история — далеко не простая и не безоблачная.

В апреле 1974 года выяснилось, что для книжной публикации повести возникли серьезные препятствия, источником которых было московское руководство издательства «Детская литература». 20 апреля БНС записывает в дневнике: «Пешеходова из Детгиза указала Лендетгизу на Стругацких. Те обгадились («Зачем нужно, чтобы нас 3 года склоняли на собраниях. Стругацким же хуже»). ПИП не пойдет». 17 мая он пишет брату: «Костлявая рука Москвы <...> дотянулась-таки до нашего провинциального Детгиза. По слухам, был звонок, и было сказано всего лишь: «У вас там, кажется, Стругацкие идут? Так вы будьте повнимательнее...» <...> Так что официально я знаю только, что возникли некоторые трудности. Как они разрешатся — пока неизвестно. Редактор сборника, по словам Брандиса, категорически за нас, да и главный, собственно, за нас, но...» Далее в переписке Авторов проясняются некоторые детали: под демагогическим лозунгом «Детям — детские книги» ленинградскому Детгизу было якобы рекомендовано воздержаться от сотрудничества не только с АБС, а вообще с писателями, которые считаются не слишком детскими. 28 мая БНС уточняет, что шансы пробить ПИП есть, но для этого надо кое-что сделать, и первым пунктом далее указано: «Произвести чистку ПИП за счет лексики, натурализма и (возможно) на предмет прояснения главной идеи».

Несколько месяцев потребовалось, чтобы понять, есть ли у ПИП шанс на публикацию в ленинградском сборнике даже после внесения поправок. К этому времени к проблемам Авторов добавились отголоски так называемого «дела Хейфеца» (того самого, который несколькими годами раньше стал прототипом Изи Кацмана). АНС 22 сентября сообщает брату: «В Детгизе прошел слух, что Стругацкие — участники диссидентской группы ленинградских писателей. Я имел довольно продолжительную беседу с Брусиловской, которая сейчас заведует редакцией, она настроена дружелюбно, склонна мне верить, но настоятельно рекомендует принять меры». Судьба ленинградской публикации ПИП фактически решается в Москве, так что БНС отвечает 26 сентября: «Дожимай «Парня»! Единственная наша надежда».

Видимо, меры принять удалось. Дальше все-таки происходят какие-то изменения к лучшему. БНС 9 октября пишет о ситуации в Лендетгизе: «...подключили Брандиса, попросили дать соображения по «девзрслению» повести, он дал, ему сказали ОК, пообещали, что теперь свяжутся со мной и попросят о ма-аленьких переделках (убрать кое-какую лексику, добавить что-то там в уста Корнею и пр<очее>), но пока еще не звонили».

Отзыв старшего редактора А. Плюсниной из «Детской литературы» об условиях включения ПИП в сборник «Незримый мост» датирован 20 ноября 1974 года. Вот наиболее существенная его часть, из которой становятся понятнее многие сделанные затем Авторами изменения: «Во-первых, поскольку сюжетная линия ведется от третьего лица, нам думается, что нетрудно будет с его помощью более четко определить социальную систему Гиганды, где под эгидой императора и герцога ведутся бесконечные захватнические войны между деспотическими иноязычными государствами, в которых архаические феодальные отношения совмещаются с гнусной идеологией фашизма. Во-вторых, прояснить конкретные принципы, на которых основано общество землян, идеалы, которые оно проповедует. Мир землян в повести не только материально устроен, предельно гуманный, но и морально прочен и уверен в себе. Это надо закрепить. <...> И в-третьих, учитывая возрастную специфику, в первой части несколько сократить и смягчить натуралистическую жестокость батальных эпизодов и убрать, за счет вульгаризмов,

разнужданность языка Гага». Примерно через две недели, 6 декабря 1974 года, в рабочем дневнике АБС появляется запись: «Сделали исправления ПИП для Лендетгиза».

Вокруг повести в 1974 году происходило и немало других событий. В их числе, например, запрет Главлита печатать ПИП в газете «Комсомолец Таджикистана» и чуть было не сорвавшаяся — просто из-за созвучия названий — публикация «Экспедиции в преисподнюю» в журнале «Памир». А осенью того же года Авторам пришлось отказаться от идеи заменить в «молодогвардейском» сборнике «Неназначенные встречи» вынужденно снятую повесть «Дело об убийстве» на «Парня из преисподней»...

Впрочем, со следующего года ситуация с изданием ПИП в сборнике «Незримый мост» стала улучшаться, и производственный процесс (небыстрый, как и было тогда принято) пошел обычным порядком. 5 марта 1976 года БНС сообщает брату об исправлении гранок из Лендетгиза, а в сентябре сборник наконец выходит.

Этой публикацией открывается длинный ряд изданий «Парня из преисподней», где повесть печаталась с учетом пресловутой «возрастной специфики», что серьезно сказалось — и явно не в лучшую сторону — на стилистике произведения и на фактических деталях. Последующие переиздания ПИП, выходявшие в течение очень долгого времени (более 25 лет), не слишком сильно различаются: вся основная редактура была проделана для коллективного сборника 1976 года, а потом воспроизводилась с небольшими вариациями (хотя некоторые позднейшие различия интересны и далее будут упомянуты).

Задачи «более четко определить», «закрепить» и «смягчить» решались почти исключительно заменой каких-то небольших фрагментов другими и — еще чаще — мелкими, но обильными сокращениями. Поскольку априорно предполагалось, что дети должны как можно меньше узнавать из книг о проявлениях грубости и жестокости, были основательно «подчищены» (заменены чем-то более приемлемым или благозвучным, а зачастую и просто убраны) очень многие подробности. Из-за этой «подгонки к детскому восприятию» сильно изменился сам образ Гага, Бойцового Кота. Если в рукописи (особенно в черновике) и в журнале восприятие мира Гагом подано от лица профессионального убийцы, со свойственной ему прямоотой — грубо, жестко, а местами и жестоко, выпукло-неприглядно, то в книгах события изложены с точки зрения скорее дурно воспитанного мальчишки-подростка. Образ Гага в книжных изданиях становится менее ярким и глубоким, более плоским, «экраным». Особенно заметны различия между исходной авторской трактовкой и позднейшей адаптацией под нужды детской аудитории в сценах, где Гаг выступает от первого лица. Прежде всего, это касается сцен на Гиганде или воспоминаний о ней. Как нетрудно догадаться, особенно не повезло первой главе.

Кое-где, впрочем, изменения можно объяснить не удовлетворением требований редакции, а причинами чисто техническими: нужно было просто сократить текст на определенное число строк при подгонке макета. Но в подавляющем большинстве случаев общее направление правки прослеживается вполне явно.

Далее те или иные фрагменты публикации в «Незримом мосте» будут сравниваться в основном с вариантом «Авроры». По журналу большинство из них (если не упомянуто иное) печатается и в современных изданиях «Парня из преисподней».

В первой главе убраны многие подробности, и началось это, разумеется, с лексики Гага. К примеру, в рукописях и журнальном издании при описании повара военно-полевой кухни сказано: «окорока поперек себя шире», в издании 1976 года и далее — уже без «окороков». Крысоеды подбегали к Гепарду не бабьей трусцой, а просто трусцой. В описании конвоируемых Гагом крысоедов убрано: «Еле лапами шевелят, грыженосцы». В книжных изданиях Гаг перечисляет тех, кто для него «ходячее удобрение, смазка для штыка», таким образом: «...все эти полковые пекари, бригадные сапожники, писари, интенданты». В рукописи и журнале перечисление вдвое полнее и гораздо злее, к нему добавляются «придурки, грыженосцы, слеподыры, орлы похоронных команд». Шоссе после ковровой бомбардировки Бойцовые Коты расчищали в рукописи и журнальном варианте «от обломков машин и завалов уже холодеющего мяса», в книгах осталось только «от обломков машин».

Убрано в книжных изданиях описание дикобразов и крысоедов у костра: «Покуривают, скоты, и лакают что-то из кружек. Морды у всех довольные, лоснятся. Надо же, мерзость какая... А этот, белобрый, дикобраза по спине хлопывает, а дикобраз, дубина безмозглая, животное, рад-радехонек, ржет и головой мотает. Пьяные они, что ли?» Убрано описание того, что дикобразы после появления Гага «только пасти раззявили». Полностью сняты мысли Гага о пленных («Я пленных ненавижу. Что это, понимаешь, за слизь такая — на войну пошел и в плен угодил?») и до конца абзаца). Во фрагменте «Я выбрал лужу побольше, положил пленных хлебальниками в грязь...» в книжных изданиях нет «хлебальников».

Из финальной сцены боя убрано все, что предшествовало попаданию Гага под огнем («...Ага! Влепил! Прямо в тупое рыло» и т. д.), осталась лишь фраза: «...И вдруг из черно-алой мути прямо в лицо ливень жидкого огня».

Нет в размышлениях Гага о землянах «Могучие они здесь, стервецы, могучие...» слова «стервецы».

Почему-то отсутствует часть диалога после слов Корнея с предложением посмотреть кино, включающая мысленную реакцию Гага («Никаких кино мне не хотелось. Не до кино мне было. И так вокруг сплошное кино. В бредовом стиле. Цветное и выпуклое»).

Убраны также слова Корнея про Луну (перед посещением музея) и внутренняя оценка их Гагом («Опять эта Луна! Она мне скоро плешь переест, наверное, эта Луна»).

Драмба в журнале говорил, что раньше через его рецепторы «во всем диапазоне ежесекундно проходили сотни радиоимпульсов», теперь же уточнение про диапазон снято.

Собираясь приказать Драмбе для проверки повалить обелиск, Гаг думал в журнале: «Тут бы всякого замутило, если он, конечно, человек, а не мешок с навозом. Да только мало ли от чего солдата мутит? Кишки с шоссе соскребать — тоже мутило... Нет, Кот, кишки — это другое дело. Здесь — символ! Честь». В ранних книжных изданиях ничего этого не было.

В раздумьях Гага о Корнее («...осторожно, Кот, другом он тебе быть никак не может, не с чего ему быть твоим другом, а раз он не друг — значит враг...») убрано слово «твоим», которое подчеркивает, что дружеское отношение Корнея Гаг «примеряет» только на самого себя.

О родственниках Корнея Гаг думает в книге: «Такие вот дела. Насели на человека. Ладно, не мое это дело». В журнале было: «Такие вот пироги! Насели на человека. И жена эта, и сын — оба хороши. И чего насели? Непонятно же, чего им от него надо. Ладно, не мое это дело».

Убран повтор «хлеба с кониной», вставленный Авторами для усиления эмоциональности воспоминаний Гага о Гепарде: «рапорт выслушает, буркнет что-то, сунет в руку лопоту хлеба с кониной — свой ведь лопоту хлеба с кониной, по тыловой норме...»

Кроме сокращений, изменяющих образ Гага, в этих книжных изданиях отсутствуют многие факты, пусть и мелкие, но придающие объемность повествованию. К примеру, убраны как подробности алайской астрономии (с упоминанием планет Пирра и Какга), так и часть рассказа Корнея о Седьмой Жука, она же Солнечная система: «На одной из этих планет имеется атмосфера. Много миллиардов лет назад на ней возникла жизнь. Более того, на ней существует цивилизация разумных существ...» Оставлено лишь: «На одной из этих планет существует цивилизация разумных существ...»

Убрана часть рассказа Корнея, когда он показывает Гагу музей с чучелами инопланетных животных: «Сколько миров я повидал, и каждый мир новый, и в каждом новом мире полно диковинных тайн, и всей человеческой истории не хватит, наверное, чтобы эти тайны разгадать до конца». Нет в книгах продолжения его слов о загадке появления бранча двухордовых на Нистагме: «Пятьдесят лет с тех пор прошло — никто эту задачу так и не решил... Или вот это...»

(Следует заметить, кстати, что с двухордовыми в повести допущена неточность: эти животные упомянуты в ПХХIIB и встречаются не только на Нистагме. На сообщение об этом БНС ответил в офлайн-интервью (5.03.2008): «Я мог бы (и без особого труда) предложить Вам стройную систему, объясняющую все недоумения и противоречия, но, ей-богу, проще будет признаться, что все это — обыкновенный авторский недосмотр или, говоря попросту, ляп по невнимательности. Приношу свои извинения и, на всякий случай, подтверждаю все-таки, что двухордовые, конечно, большая редкость в животном мире».)

Когда Драмба в журнале зачитывал Гагу историю какого-то контакта, это завершалось так: «Эварист Козак, командир корабля, получил тяжелое проникающее ранение в область живота, сопровождавшееся разрывом брюшины и множественными повреждениями желудка, печени, поджелудочной железы...» В сборнике анатомические подробности были сильно сокращены, описание заканчивалось словами «в область живота...».

Сокращен разговор Гага с Драмбой о самодвижущихся дорогах. В журнале пропущенный фрагмент выглядел так.

— А почему она сейчас не движется? — спросил Гаг. — Ты не можешь ее включить?

— Нет. Дороги управлялись из нескольких центров. Самый близкий довольно далеко отсюда. Но, наверное, этих центров больше нет. Стали не нужны.

Об исчезновении радиоимпульсов Драмба говорил в журнале: «Изменились средства связи, Гаг. Все изменилось». (В черновике вместо слов «Все изменилось» было: «Как и средства транспорта, наверное».) В «детлитовской» версии этих слов вообще нет.

В «Незримом мосте» были восстановлены оба приведенных выше фрагмента четвертой главы, снятые в журнале, но при этом из разговора Гага с Драмбой изъят другой фрагмент — после вопроса, скучно ли было Драмбе стоять почти восемьдесят лет в нише у Корнея.

- Я не знаю, что такое «скучно», господин.
- Ну а что ты там делал?
- Стоял, ждал приказаний, господин.
- Приказаний... Ну ты хоть рад сейчас, что тебя выпустили?

Ничего не говорилось в книгах о расстреле императора, осталось только «императору тоже не повезло». Не было там и фразы, поясняющей содержание бумаг, которые Корней дал на прочтение Гагу: «Но главным образом, конечно, о власть имущих».

Убраны мысли Гага о цели Корнея: «Вот тут-то все и начинается. Корней тоже у нас сидел, наверное, не один год. Уцелел. А мог бы и не уцелеть. Что ж, хорошо бы это было, а? Корней ведь... Я уж не говорю о том, что гнили бы мои кости сейчас в джунглях...»

Про ожидающего в засаде Гага в журнале говорилось: «Но я был совершенно спокоен. Никакого мандража, ничего». Последняя фраза в «Незримом мосте» снята.

Описание военврача в эпилоге упрощено: вместо «заляпанных стекляшек своего пенсне» — просто «заляпанное пенсне».

В результате сокращения того, что лишним вовсе не было, иногда не только обеднялась стилистика, но и искажался смысл. Вот, к примеру, услышав смех за спиной, Гаг «вспыхнул». В чем заключалась эта «вспышка» — Гаг на кого-то набросился, закричал или хотя бы выразил мимикой негодование? Нет, в журнальном варианте упоминалось всего лишь физиологическое проявление его состояния — «вспыхнул ушами», то есть уши покраснели... Еще пример из того же ряда: о берете Гаг в журнале думает, что его «даже эти не сумели восстановить» (возможности землян огромны, но вот и они не справились), а в сборнике «даже не смогли восстановить» (банальная констатация факта).

Очень редко удается найти в издании «Незримого моста» примеры, когда правка действительно пошла тексту на пользу. Так, в чистовике и в журнале Корней, сообщив Гагу, что сегодня хорошо поработал, далее спрашивал: «А ты что поделяваешь?» Вопрос, заданный в такой форме, есть формальная дань вежливости — и ничего более, Корнея же действительно интересовал ответ. Поэтому в вариант для «Незримого моста» внесена сохранившаяся и далее поправка: «А ты что поделявал?»

А вот примеры совершенно ненужного редактирования, к которому Авторы, скорее всего, даже не имеют отношения.

О написанных на стене коридора перед загадочной дверью математических формулах и алайском слове «значит» Гаг говорил в журнале — «меленькими аккуратными буквами написано». В книге кому-то захотелось слово «меленькими» подправить — и получилось банальное «маленькими».

У стула, который себе соорудил Гаг, в «Незримом мосте» и ряде последующих изданий «кожаная обивка» заменена совершенно неподходящей для стула «кожаной обшивкой».

У приказов, которые Гаг отдавал Драмбе, обозначалось не только содержание, но порой и звучание. Например, в черновике один из приказов выглядит как «Смир-рна!», в журнальном варианте фонетика уже подправлена («Смир-рно!»), а в книжных изданиях вообще идет слово «Смирно!», где ничего необычного нет.

В то же время там, где вмешательство редактора или корректора действительно требовалось, ошибки или опечатки часто оставались в целостности и сохранности. Можно упомянуть в этой связи появляющееся в самом конце ПИП слово «супчик» («Вырядился, супчик, змеиное молоко...»), которое к еде никакого отношения не имеет, являя собой всего лишь неверную запись слова «субчик» (простонародное производное от «субъекта»). Слово было поправлено в журнале, в собрании сочинений издательства «Текст», в серии «Миры братьев Стругацких» и даже в газетных публикациях — но в «детлитовских» изданиях раз за разом воспроизводилось неверно...

К моменту выхода сборника «Незримый мост» очень активно обсуждалась уже новая «детлитовская» публикация «Парня из преисподней», на сей раз в Москве, вместе с повестью «Понедельник начинается в субботу». Некоторые обстоятельства, связанные с предысторией этого сборника, рассматривались в 18-м томе Собрания, они имеют определенное отношение к киносценарию по мотивам ПНВС. Здесь достаточно напомнить, что первоначально Авторы намеревались написать для сборника некое продолжающее ПНВС новое произведение, но затем сочли за благо от этой идеи отказаться и стали обсуждать с издательством варианты замены. Рассматривались разные кандидатуры, в том числе и «Парень из преисподней». 17 сентября 1976 года АНС написал брату: «В Детгизе занялись нами. ДоУ не идет. ПиП — тоже, поскольку вышел в Ленинграде. Предлагают сказку из «Мира приключений» — но под нашими фамилиями. Я сказал: не знаю, это от Бориса зависит». Но БНС идею включения в этот сборник «Экспедиции в преисподнюю» категорически не одобрил, а насчет публикации ПИП с издательством все же

удалось найти общий язык. В январе 1977 года было заключено дополнительное соглашение по изданию этой повести: выход сборника планировался на следующий год, но фактически он увидел свет в 1979 году.

Среди любителей творчества АБС это издание ценится в немалой степени благодаря иллюстрациям Е. Мигунова, который свои прежние работы к ПНВС дал в более «современном» виде, а ПИП проиллюстрировал заново. В письме брату от 14 июля 1979 года БНС специально отмечал: «И ты знаешь, мне это издание очень вдруг понравилось. Молодчина все-таки этот Мигунов. Его рисунки к ПиП — ну просто прелесть!»

Что же касается текста, то в издании 1979 года сохранены все исправления, сделанные ранее для коллективного сборника «Незримый мост», к которым добавилось и кое-что новое (правда, уже в достаточно небольшом количестве).

Если пролистать сборник, то становится понятно, что абсолютное большинство упомянутых далее изменений вызвано чисто техническими причинами: требовалось просто-напросто сократить текст в нужных местах на определенное число строк. (15 ноября 1978 года АНС записал в дневнике: «Ездил в Детгиз, снимал «хвосты» в верстке ПНВС+ПиП».)

Правка была точечной, отдельные слова и словосочетания убирались по принципу меньшей важности. Правда, не всегда последствия оказывались безобидными. Вот в первой главе Гепард разговаривает со штаб-майором: «Гепард такого морозу на него напустил, что он как-то даже ростом приуменьшился: сначала был на полголовы длиннее, а через минуту смотрю — змеиное молоко! — он уже снизу вверх на Гепарда смотрит, седенький такой старикашка среднего росточка». Слова «среднего росточка» здесь далеко не лишние, между тем в сборнике они были убраны. Более правильным было прежде и описание действия Корнея, который после выхода с Гагом из нуля-кабины не просто «подтолкнул его в спину», а «мягко подтолкнул его в спину».

Всяческие мелочи, порой довольно «вкусные», были сокращены и в других местах текста. Вот несколько примеров. При описании обстановки, созданной Гагом в своей комнате, нет больше уточнения, что лампу с абажуром он повесил «под потолком». После догадки Гага, что увиденный им «аристократ» — не начальник Корнея, а его сын, Гаг думает: «...они же даже похожи!» Убрано продолжение высказывания Корнея о Гепарде: «Здесь, говорит, ему бы цены не было... Ладно». Из слов Драмбы «Мы все больше уклоняемся от оптимального курса, господин» было выброшено слово «оптимального». А из размышлений Гага о Драмбе «Зачем же все-таки Корней мне его подсунул? Неужели я ошибаюсь? Вот дьявол, как же мне его проверить?» выпала средняя фраза. Нет и уточнения, что Гаг осмотрел построенную Драмбой позицию «теперь уже сверху». Кроме того, теперь позиция предназначалась просто для мортиры, а не для тяжелой мортиры.

Про выражение лиц Корнея и Голубого Дракона, стоящих утром рядом с «призраком», в предыдущих публикациях говорилось: «...и ничего на них не было, кроме внимания и ожидания, что я еще скажу». Теперь же этой фразы не стало вовсе. Кроме того, сильно сокращен фрагмент, где Гаг оценивает выражение лица Корнея: «выражение предсмертной тоски, которое озадачило меня в первый раз еще в госпитале» превратилось в «выражение предсмертной тоски: как в госпитале».

Беда подобных «технических» сокращений в их необратимости и своего рода кумулятивном эффекте: в каждом следующем издании прежние купюры сохранялись, но макет менялся, так что требовались новые сокращения... Продолжалось это (как и, например, в случае с «Малышом») до тех пор, пока абсолютное большинство прежних поправок не отвергалось «ан масс» и текст не пересматривался для восстановления полностью — а случалось такое очень не скоро.

Есть, впрочем, пример правки, которую только подгонкой текста объяснить нельзя. О бронемастере Гаг, очередной раз именуя его полным титулом, думает: «Новопроизведенный, что ли? А может, из холопов выслужился... опомниться не может». В издании 1979 года вместо четкой констатации результата («из холопов выслужился») идет: «А может, из холопов, выслуживался...» Но здесь, по крайней мере, общий смысл остается верным, однако затем в сборнике «Стажеры» в уже измененном фрагменте пропала запятая, из-за чего возникло повторявшееся во многих последующих изданиях совершенно неудачное словосочетание «из холопов выслуживался».

Одна из особенностей издания 1979 года хорошо заметна: там появился эпиграф, а точнее, два эпиграфа, использующие слова разных персонажей одного и того же произведения — уже упоминавшегося романа Д. Нолля «Приключения Вернера Хольта». Исходным текстом для новой публикации в Москве была версия «Незримого моста», но там эпиграфа не было, так что АНС предоставил его в редакцию «Детской литературы» специально, о чем в его дневнике от 3 июля 1978 года даже имеется запись. Вот как выглядели эти цитаты из первой книги романа Нолля.

Другой раз встретишь такого и подумаешь: вроде парень ничего. А он, глядишь, разинет рот да и пойдет сыпать трескучими словесами: господствующая раса, безоговорочная преданность, фанатическая воля, ну, в общем, крутит шарманку...

Я по профессии учитель, таких ребят, как вы, я готовлю к выпускным экзаменам и хочу делать это и впредь. Что же мне, преподавать в пустых классах? Постарайтесь продержаться! Когда с войной будет покончено, тогда-то и начнется тяжелая борьба...

Для первого эпиграфа источник был указан полностью, для второго помечено «Там же». В последующих изданиях этот двойной эпиграф воспроизводился, пока при подготовке собрания сочинений издательства «Сталкер» БНС не принял окончательное решение больше его в текст повести не включать. Позднейшее объяснение, данное им в письме к С. Бондаренко (9.11.2005), было таким: «Эпиграф к ПиП никогда мне не нравился, и еще при жизни АН я его убирал в каждом удобном случае, когда успевал «дотянуться». АН ворчал, но не очень спорил, он был согласен, что эпиграф этот тяжеловат, излишне длинен и прямолинеен. Да и вообще — ПиП совсем простая повесть, она не нуждается в эпиграфе».

Следующим книжным изданием ПиП стал сборник «Стажеры», вышедший несколькими изданиями (впервые — в 1985 году). Состав сборника долго уточнялся, в конце концов туда вошли, помимо «Парня из преисподней» и заглавной повести, «Путь на Амальтею» и «Малыш».

Во время подготовки этого издания к печати чиновники из Госкомиздата усмотрели недопустимые параллели между описаниями боевых действий на Гиганде и некоторыми произведениями советской военной прозы. После общения с редактором АНС 14 ноября 1984 года записал в дневнике: «Анкудинов получил задание тщательно отредактировать (ничего конкретного) и обратить особое внимание на эпизод, где Герцог награждает Котов, ибо это вызывает ассоциации с Бондаревым (“Горячий снег”)». А 18 января 1985 года в дневнике появляется новая запись: «С Володей Анкудиновым постранично проглядели рукопись сборника. Правка мизерная. Договорились, что я напишу Брусиловской письмо с отрицанием требования убрать сцену в ПиП, где герцог награждает «котов», — якобы перекличка с «Горячим снегом» Бондарева».

Сцена с герцогом осталась, но некоторыми подробностями пришлось пожертвовать. Исчезла часть воспоминания Гага о герцоге: «...и каждому из нас он внимательно заглядывает в глаза и говорит негромко слова благодарности и ободрения». Это воспоминание Гаг до правки считал не только самым светлым, но и самым счастливым. Также убрано, что желтым лицо герцога было «от усталости» и что про «непобедимых сопляков» он говорил растроганно.

Передельвались (видимо, уже для вящей подстраховки) еще некоторые фрагменты. Гаг вспоминает, что «Клещ с ракетой под мышкой под бронеход бросился». В сборнике «Стажеры» вместо этого появляется: «Клещ на mine подорвался...» Смысл замены понятен — прежняя смерть этого курсанта могла показаться кому-то слишком героической и снова вызвать ненужные ассоциации. Вот только Бойцовые Коты в первой главе не наступают, а держат оборону, и напрасно искать там упоминание о минных полях... А после рассказа Корнея о конце войны Гаг думает, что герцога преследуют «вонючие орды обманутых, купленных, осатаневших от страха дикобразов». Слова «обманутых, купленных» из этого издания были изъяты.

Можно предположить, что фраза «Хочешь — спи, хочешь — книжки читай, хочешь — голоса слушай» была поправлена с заменой «голоса слушай» на «голоса в доме слушай» далеко не случайно, а во избежание аллюзий с устойчивым оборотом тех лет «слушать голоса», подразумевающим «Голос Америки» и иные подобные радиостанции. Эта дописка, кстати, сохранялась в повести очень долго и была убрана только в 2009 году.

Еще одно изменение в этом издании к политике отношения не имело. Упомянувшееся в «музейной» сцене и привычное по прежним произведениям АБС название планеты Тагора было заменено на Магору, а тагоряне, соответственно, на магорян. Это, видимо, было вызвано тем, что разумные обитатели этой планеты сильно отличаются в описании Корнея от упоминаний тагорян (они же тагорцы) в других произведениях «полуденного» цикла. О причинах этой замены и степени ее удачности долго шли горячие дебаты, попавшие и в ряд публикаций (в их числе, например, материалы, вошедшие в 2006 году в третий том серии «Неизвестные Стругацкие»). Следует предположить, что если бы название менялось не по апробированному в ПНО принципу «Хармонт — Мармонт», а на что-то совсем непохожее, то претензий к этой замене могло быть меньше. Но так или иначе, а в последующих публикациях Тагора и Магора долго представлялись как две разные планеты. Впрочем, БНС в офлайн-интервью (27.04.2003) честно признавал: «Вы знаете, я совершенно забыл, почему мы переименовали Тагору в Магору и зачем. Не помню, и все тут». Принципиальным он этот момент не считал и на предложение снова именовать в уточненном тексте повести Магору Тагорой ответил в 2009 году согласием. Так что возврат к Тагоре в первом разделе этого тома — не произвол составителей, а утвержденное одним из Авторов решение.

До включения ПИП в состав собрания сочинений издательства «Текст» повесть успела выйти еще несколько раз. В 1991 и 1992 годах был переиздан сборник «Стажеры». По «детлитовскому» изданию 1979 года (с добавлением «Жука в муравейнике») вышел сборник киргизского издательства «Мектеп» (Фрунзе, 1987). По тому же изданию с некоторыми сокращениями текст публиковался в 1989 году в газете Московского округа внутренних войск «Зоркий часовой», а в 1991 году — в виде комплекта из трех выпусков, изданного в Симферополе клубом «Домашний собеседник» (подобных «полуофициальных» изданий в то время выходило много).

В 1993 году «Парень из преисподней» вошел в седьмой том собрания сочинений АБС, выпускаемого издательством «Текст». Попытки дать читателям восстановленные варианты произведений Стругацких тогда только начинались, и ПИП перепечатывался в виде, не особо отличающемся от текста в сборнике «Стажеры». Были исправлены кое-какие несомненные ошибки (здесь впервые после журнальной публикации «супчик» стал «субчиком»). Эпиграф дан необычно: цитаты попросту разделены пустой строкой и снабжены единой подписью. А каких-то специфических изменений обнаруживается достаточно мало. Так, например, врач в других публикациях всплеснул «белыми мягкими руками», а здесь — просто «белыми руками». В более позднем десятитомнике «Эксмо» (1997 и 1998), использующем материалы «Текста», эти особенности были повторены.

Здесь следует заметить, что, если говорить об изданиях ПИП в целом, стилистика некоторых даже совсем мелких фрагментов изменялась неоднократно. Так, в рукописях и в части ранних изданий бронемастер отвечает Корнею на предложение выпить вина: «Да, пожалуйста». Это уже явное выпадение из образа Голубого Дракона, и в другой части публикаций появляются более приемлемые аналоги — в «Тексте» это «Да, пожалуй», в сборнике «Стажеры» и большинстве последующих изданий еще короче: «Пожалуй». В рукописях о тумбочке Гага говорилось, что она «не Гепардова», в журнальном варианте — «не гепардовская», в ранних книжных публикациях «не Гепарда», а позже, уже в восстановленном тексте, снова «не Гепардова».

Отличаются в разных изданиях описания упоминаемой несколько раз в тексте сигарки бронемастера. В рукописи, журнале и первой книжной публикации указана сигарка. В первых двух книжных публикациях изменение («сигаретка») появляется почему-то только при первом упоминании, далее все остается в прежнем виде. В «Стажерах» разноречиво замечен, там снова везде упомянута сигарка. Однако в собрании «Текста» в этой сцене сигарка всюду заменена сигареткой, то же сделано в «Мирах» и в следующих изданиях (включая и собрание «Сталкера», для которого это различие просто не предлагалось к изменению). Наконец, в 2009 году по результатам сверки с рукописью было принято решение вернуть сигарку. (Правда, не исключено, что некоторым читателям сигаретка тут покажется все-таки более уместной.)

Следующим многотомником АБС, в который был включен «Парень из преисподней», стала серия «Миры братьев Стругацких». Соответствующий том вышел в 1996 году. Почти все расхождения предыдущих изданий с оригинальным авторским текстом остались, что неудивительно: за основу брался, как следует из некоторых характерных «меток», текст из сборника «Стажеры» с мизерной правкой (вроде замены «супчика» на «субчика»).

Уровень текстологической подготовки в «Мирах» вообще вызывает немало нареканий: там часто обнаруживаются ошибки или примеры очень странной правки. Не стал исключением и «Парень из преисподней». К примеру, убрано было слово «сердце» из описания Корнея: «Лицо было острое, загорелое, с ласкающей сердце твердостью в чертах...» А во фразе «И каково его добывать было!», касающейся вполне конкретного зверя, выпало слово «его». Есть и более крупные пропуски. Исчезли из текста фразы: «Синие эти громады, что на горизонте время от времени появляются, — декорация?» и «Как я коридора этого раньше не замечал — тоже не понимаю». В описании работы копировальной ниши («Я сижу и только глазами хлопаю, а он — шторку вверх, шторку вниз, гудок, желтый глаз, шторку вверх, шторку вниз...») потеряно все от слова «гудок» и далее. Из описания внешности бронемастера выпало уточнение, что голова у него «с коричневыми пятнами от ожогов».

Есть в «Мирах» и замены слов — чаще всего случайные или необоснованные. Например, у сооружения «из скрученного шипастого металла», которое видит Гаг, металл стал «скрюченным». О фразе «Галоши вот только надену» Гаг думает: «Сам не знаю, откуда эта присловка у меня взялась», в «Мирах» же «присловка» заменена (и явно сознательно) на «фразочку». Абсолютное большинство подобных новаций было позже отменено, хотя есть и редкие исключения. Так, после обнаружения дубликата Гаг стал не «рыться по карманам», как в прежних вариантах, а «рыскать по карманам», и последний вариант решено было оставить.

Если не принимать во внимание многочисленные перепечатки тома из «Миров», последней публикацией ПИП, предшествующей той версии, которую можно назвать восстановленной, стал сборник под названием «Бойцовый Кот», вышедший в 1999 году в петербургском издательстве «Азбука». Это довольно своеобразная книга. Дело даже не в объединении под одной обложкой

«Парня из преисподней» и написанного М. Успенским свободного продолжения — повести «Змеиное молоко» (одной из наиболее интересных работ такого рода), и не в выходе произведений в «фэнтезийной» серии (там бывали и другие примеры «неформата»), а прежде всего в том, что представляла из себя сама повесть АБС. Фактически это был текст из «Миров братьев Стругацких», но с многочисленными дописками и поправками по результатам сверки с журналом «Аврора». С такой полнотой и близостью к журнальной публикации (а значит, и к исходной авторской рукописи) повесть прежде в книгах не издавалась. Но не обошлось тут и без «ложки дегтя». Если пояснить ситуацию без неуместных по ряду причин подробностей, то для сборника использовались — и не слишком аккуратно — черновые материалы по правке ПИП, предназначенные в действительности для собрания сочинений Стругацких, вышедшего позже в издательстве «Сталкер». Специального текстологического рассмотрения издание «Азбуки» не требует — все, что здесь есть ценного, в 2001 году появилось и в «сталкерском» варианте «Парня из преисподней», содержащем, однако, ряд других важных и интересных дополнений.

Правки, сделанные в «Сталкере» для ПИП, можно разделить на три группы. О первой группе уже говорилось: это представление многих фрагментов текста по журнальному варианту с отменой значительной части изменений, сделанных во всех или некоторых книжных публикациях. Для исправления предлагались не все существующие разночтения, а лишь наиболее важная их часть, хотя и весьма немалая (включая кое-что не попавшее в сборник «Азбуки» или приведенное там неточно). Некоторые разночтения были учтены на более поздних стадиях восстановления текста ПИП, но основная часть этой работы делалась именно для «Сталкера».

Вторая группа правок — это то, что ранее в тексте вообще отсутствовало и добавлялось БНС впервые. Приведем несколько примеров подобных уточнений. Например, в словах Корнея «Какие бы странные вещи ты ни увидел, они не могут угрожать тебе и не могут причинить вреда» в журнале и последующих изданиях не было весьма уместного здесь слова «тебе». Точно так же в вопросе Гага Драмбе «О жене ничего не знаешь, а о сыне, выходит, знаешь?», прежде не было слова «выходит». Прежде о бароне Трэгге говорилось: «Он уже бредил». Но «он» в соседних фразах встречается часто, поэтому уточняется: «Барон уже бредил».

А вот явная попытка слегка прояснить спорный вопрос о разумных обитателях Тагоры (позже — Магоры). В чистовике говорилось: «И вот еще несколько лет спустя на Тагоре обнаруживают мощнейшую цивилизацию, совершенно не похожую ни на нашу земную, ни на вашу — невиданную, совершенно фантастической фактуры, но несомненную». В издании «Сталкера» (с учетом изменения названия) стало: «И вот еще несколько лет спустя на Магоре обнаруживают пустой город. Мощнейшая цивилизация. Совершенно не похожая ни на нашу земную, ни на вашу — невиданная, совершенно фантастической фактуры, но несомненная». Ныне существующая цивилизация — одно, пустой и неизвестно когда заброшенный город — несколько другое.

И, наконец, есть третья группа правок — то, что взято из черновой рукописи ПИП. Многие характерные особенности этого источника выше уже рассматривались, но там речь шла (за редкими исключениями наподобие диалога Гага с Клещом) о том, что только в черновике и осталось. Теперь же следует привести некоторые примеры фрагментов, перешедших в новейшие издания. Здесь можно найти и не попавшие в чистовик любопытные детали, и более точные стилистические обороты, от которых когда-то напрасно отказались, и исправление ошибок прежних публикаций.

Вот некоторые наиболее интересные примеры возврата текста к черновику.

Врач в госпитале описывается так: «Он глядел на Гага из-под светлого чуба, свисающего на лоб, и улыбался как именинник» (уточнение, что чуб свисает на лоб, взято из черновика).

Вот описание Корнея: «Сухопарый молча передвигал соломинку из одного угла тонкогубого рта в другой». (В прежних публикациях не было слова «тонкогубый».)

Рассказывая Корнею и доктору о своих заслугах («Мне пожимал руку его высочество, лично!»), Гаг еще и пытается угрожать: «Если вы попытаетесь запихнуть меня куда-нибудь каптером, вы ответите!»

А вот — попытка запечатлеть не только мысль, но и интонацию: «Знаю только, что когда меня назначили в караул у охотничьего домика его высочества, так там тоже был дом — роскошный дом, и строили его ба-альшие головы, — но куда ему до этого» (прежде в публикациях было просто «большие головы»). Еще один пример нарочитой неправильности в записи слова: «Да-а, жило вот все это зверье, поживало за тыщи световых лет от этого места» (было «тысячи»). А скелет псевдохомо Гаг описывает: «Стоит в уголку скромно, без особенной какой-нибудь подсветки, невелик росточком — пониже меня» (было «в углу»).

Думая, что «Корней — офицер нашей разведки», Гаг теперь добавляет: «Очень похож».

От самой первой строчки марша («Багровым заревом затянут горизонт») у Гага не «всегда сердце щемит», как прежде, а с существенным уточнением «всегда сердце чуточку щемит».

Получив ответ на вопрос, как Гаг понимает свое положение («Всецело нахожусь в вашем распоряжении»), Корней не повторяет часть ответа («В моем распоряжении...»), а иронично замечает: «Это еще неизвестно, кто в чьем...»

В сцене, где Гаг вспоминает встречу с герцогом, более точно описывается действие адъютанта, который «вложил в эти пальцы черный кубик» (прежде было «положил»).

В сцене, где Гаг осматривает позицию для мортиры, есть фраза: «Солнце поднялось высоко, от росы не осталось и следа, луна бледным безвредным куском тающего сахара висела над западным горизонтом, над туманными очертаниями города-чудовища». Слово «безвредным» было восстановлено по черновику, а вот содержащиеся там же слова «все еще пугала Гага» — нет. (Тут уж должно быть что-то одно: либо Гаг продолжает бояться, либо осознал, что Луна безвредна.)

Разговаривая с Джонатаном (человеком, сопровождавшим живой мешок на тележке), Гаг фиксирует про себя: «Чисто так говорит по-алайски, между прочим, грамотно, и выговор у него такой столичный, с придыханием» (слова «между прочим» добавлены по черновику).

Реакция Гага после того, как его случайно ударили, выглядит так: «Я потрогал осторожно свою переносицу — есть у меня там теперь переносица или уже вовсе нету...» Слово «вовсе» восстановлено по журналу, а «теперь» — по черновику.

А вот интересное психологическое уточнение: «И краем сознания я отметил, что Корней остался Корнеем, а Голубой Дракон не сбросил маску, остался Голубым Драконом, и оба они были опасны». Слова «не сбросил маску» даны по черновику.

Работа над совершенствованием канонического текста «Парня из преисподней» не завершилась и с выходом собрания «Сталкера». В 2009 году по итогам сравнения некоторых фрагментов публикационных версий между собой и с чистой рукописью на утверждение БНС было представлено три десятка предложений по внесению правки в разные главы повести. Что-то из предложенного к восстановлению было только в рукописи и журнале, что-то появлялось и в некоторых ранних изданиях. Обычно в таких случаях получала одобрение лишь некая часть замен, что-то непременно отвергалось. Случай с ПИП — редкостный: утверждены были все поправки без исключения. Некоторые из них выше уже упоминались (это, например, возврат к Тагоре вместо Магоры и замена «сигаретки» на «сигарку»). А вот некоторые другие примеры.

Услышанное Гагом во время боя предупреждение «Кот, справа! Справа! А-а-а!..» превратилось в журнале в интонационно неверное «Кот, справа! Справа! А-а-а!..». Позже в таком виде эти слова перепечатывались начиная с 1999 года во всех изданиях с восстановленным текстом (в ранних книжных вариантах фрагмент, содержащий в том числе и эти слова, просто отсутствовал). Текст восстановлен по рукописи. Примерно то же произошло со «словами благодарности и ободрения» из воспоминаний Гага о герцоге. В журнале неверно были указаны «слова благодарности и одобрения», в первых двух книжных изданиях все было правильно, далее в части публикаций этого фрагмента не было вообще (причины рассмотрены выше), а при его восстановлении в канон снова попал текст из «Авроры», а не из рукописи.

Дверь, ведущая к музею, в рукописи вела в подвал, в журнале и последующих изданиях — в подпол, что неправильно (подпол бывает под люком в полу).

После мыслей Гага о Корнее «А как его убедить, что я уже и так безопасен, когда я и сам не знаю этого?» в большинстве изданий не было дополнения: «Да и не узнаю, пока там не окажусь...»

Во всех прежних публикациях из-за ошибочного знака препинания неверно передавался смысл следующего предложения: «Лесные егеря, гвардия, десантники. Голубые Драконы... что, они тоже продались?» Здесь получалось, что продались только Голубые Драконы, но простейшая замена точки на запятую ставит все на свои места.

В рукописи и журнале говорилось: «Гаг поедал какое-то месиво из мяса и овощей, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, словно вату жевал». В «Незримом мосте» и далее «поедал» заменялось на «ел», хотя исходное слово гораздо точнее передает происходящее — это не еда, а чисто механический бездумный процесс, не приносящий вообще никаких ощущений.

В самом конце повести военврач в рукописи и в журнале кричал Гагу о чуме, «тыча грязной лапкой в сторону города». Чем-то эта «лапка» редакторам не понравилась, и в книжных изданиях ее заменили «рукой». Между тем ничего неверного (а уж тем более — оскорбительного) в прежнем слове не было, про врача говорилось, что он маленький, старенький, немощный, и «лапка» тут как нельзя более уместна.

Последний этап правки ПИП — и снова с привлечением чистой рукописи — делался уже для данного издания. Поправок здесь было внесено немного, далее приведены наиболее интересные из них.

Гаг, отвечая в госпитале на вопрос про ученого Ганга Гнука, в чистовике и журнале уточняет: «Вот точной даты я не помню, виноват. Но это было еще до первого алайского восстания...» Убранное в сборнике «Незримый мост» слово «еще» тут далеко не лишнее — оно подчеркивает

глубокую древность тех событий (недаром в черновике говорилось «Но это было в эру рабства»). Прежний вариант с «еще» восстановлен.

В чистовике и журнале Гаг, сидя в комнате перед портретом герцогини, внезапно спохватывался, что неподобающе одет: «Рубашечка, штанишки, голоручка-голоножка...» В «Незримом мосте» и последующих изданиях тут появилась «рубашка», нарушающая единство стиля. В Собрании текст снова печатается по рукописи.

Первоначально в воспоминаниях Гага о Гепарде не было путаницы второго и третьего лица, но в «Незримом мосте» во фрагменте «А вот Гепард... Отца ведь я почти не помню, мать — ну что мать? А вот его я никогда не забуду» слово «его» было необоснованно заменено на «тебя». Между тем такое обращение к Гепарду появляется в тексте гораздо позже («Да, не забуду я тебя, Гепард»), и предваряется несколькими фрагментами, где он по-прежнему упоминается в третьем лице. Было принято решение вернуть текст к первоначальному виду.

В чистовике и в журнале есть такая фраза: «Наверное, я должен был там среди них тереться, подслушивать там, подсматривать, мотать на ус». Почему-то жаргонное «тереться» решено было в «Незримом мосте» заменить не по смыслу, а по звучанию — на слово «ториться», редко употребляемое в современном русском языке и означающее вообще-то совсем другое (в самом близком к контексту значении — «топтаться на месте»). В большинстве последующих изданий это слово и использовалось, кроме сборника «Стажеры» и, соответственно, «Миров», где была сделана попытка ввести все-таки смысловой аналог — «крутиться». Для Собрания восстановлено изначальное написание слова.

Во всех книжных изданиях абзац «Он был дома» в последней главе шел после абзаца, завершающегося фразой «И на покосившемся телеграфном столбе висел какой-то чернолицый человек со скрученными за спиной руками...», и перед абзацем, начинающимся со слов «Он миновал...» Назвать такую связку удачной трудно. Между тем в рукописи и журнале все было сделано куда лучше: «Гаг был дома». К этому варианту и решено было вернуться.

Непростая история публикации «Парня из преисподней» вызвала к жизни множество текстологических проблем, и, возможно, не все они решены идеально и окончательно. Но одно можно сказать уверенно: совокупными многолетними усилиями Авторов и тех, кто занимался восстановлением этого текста, повесть предстает сейчас перед читателями в существенно более полном и точном виде, чем в любом из прежних собраний сочинений братьев Стругацких.

«Мальчик из преисподней» и «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю»

Первая запись, относящаяся к сценарию «Мальчик из преисподней» и сразу же содержащая это название, появляется в дневнике АНС 6 декабря 1972 года.

Сценарий «Мальчик из преисподней».

Космонавты случайно спасают на другой планете мальчишку, попавшего в разгар ужасной битвы. Привозят домой. Что делать? Отдают в интернат. Подростки, тринадцать–пятнадцать лет. Учитель — бывший звездолетчик-десантник. Мальчишка дик до ужаса. Первая драка — подлое избиение, но его, конечно, одолевают. Ребята — могучие, физически высокоразвитые. Шефство: троица — двое ребят и девушка. Мальчишка, чтобы усыпить бдительность, подлизывается и подличает. Затем ночью, сделав гадость, удирает. Сначала ищут всем интернатом. Шефы находят, но скрывают по просьбе мальчишки. Когда готовится всепланетный розыск — раскрывают тайну. Учитель разрешает драку между шефом и главой оппонентов. Моральная правота на стороне обоих, а эмоции кипят, надо дать им выход. Но до драки не доходит. Девушка приводит мальчишку. Здесь бы гвоздик какой-нито... а?

Там робот такой самодвижущийся. В конце фильма: робот, обшитый листом жести, с брандспойтом вместо пушки, движется на ребят, а они забрасывают его гранатами. Учитель поражен. В чем дело, что за забавы? «Мы вернемся на Борнео!»

Как уже говорилось, это был очень сложный для Стругацких период. Буквально только что Авторам пришлось отправить в «Литературную газету» письмо с протестом по поводу публикации на Западе повести «Гадкие лебеди». Впрочем, если такие письма и могли предотвратить возможные «оргмеры», они никак не отменяли явной опалы АБС и не облегчали публикацию их книг в СССР. В «Комментариях к пройденному» БНС вспоминал: «Издатели более не рисковали

(и не хотели) иметь с нами дело. <...> Новые повести удавалось, правда, время от времени печатать в журналах <...>, но это было — всё, и жить на это было невозможно. Начались судорожные и беспорядочные попытки прорваться в кино, хотя бы в мультипликационное или даже научно-популярное, в театр, хотя бы и в кукольный, ну куда-нибудь».

Одной из форм такой вынужденной активности было участие АБС в сценарных конкурсах. Правда, особых успехов здесь не было. Только что окончилась неудачей попытка предложить на очередной конкурс историко-революционный сценарий АНС «Трижды смертник». Для его подготовки к конкурсу БНС заменил название на «Товарищ Павел», а от предложения «пройтись рукой мастера» категорически уклонился, заметив в письме от 13 декабря: «Ни рука, ни нога, ни более даже мощные и плодотворные органы какого-либо мастера не способны были за столь короткий срок исправить этого Горбатого». Но ожидался новый конкурс на лучшее кино для юношества, и БНС предлагал дать для него уже написанный сценарий по повести «Трудно быть богом». На это АНС ответил 18 декабря: «ТББ для детского конкурса вряд ли подойдет. <...> Я бы предложил что-нибудь «Малыш»овое. Например, «Мальчик из преисподней», как наши звездолетчики спасли из пожара мировой войны на другой планете подростка и о приключениях одного подростка на нашей коммунистической Земле. Здесь провести идею: как этот подросток влияет на наших подростков в смысле агрессивности и прочих энтропийных явлений».

Далее этот сюжет признается приемлемым не только для детского кино, но и для новой повести (соответствующее письмо БНС приведено в первой части раздела). А в начале 1973 года Авторы обсуждают между собой самые разные замыслы, так или иначе связанные с кино, при этом идея «Мальчика из преисподней» остается в числе самых перспективных — даже безотносительно ко всяким конкурсам.

В марте АНС обращается в Центральную сценарную студию Госкино СССР по поводу заявки на новый сценарий. Далее при содействии сотрудников студии составляется ее текст. Сохранившийся в архиве Авторов чистовик датирован 5 апреля, а в дневнике АНС сказано, что окончательно он оформил заявку 16 апреля. Основная часть этого документа выглядит так.

«МАЛЬЧИК ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

(заявка на сценарий полнометражного научно-фантастического фильма)

Мы задумали написать сценарий на тему, которая давно уже волнует нас: о людях и их делах в коммунистическом будущем. Это будущее не за горами, все знают, что оно неизбежно, но мало кто решается на воплощение строгих и точных формулировок научной теории о нем в художественные образы. До сих пор, насколько нам известно, такие попытки делались только в беллетристике, а что касается кино — то очень редко и, как правило, малоудачно.

Для нас, современников Королева и Гагарина, представляется несомненным, что судьбы человечества в коммунистический век будут тесно связаны с обширной и многообразной деятельностью человека в космических пространствах. Можно, пожалуй, с уверенностью утверждать, что одной из основных технологических характеристик коммунистической эпохи будет проникновение человечества в Глубокий Космос, и потому, естественно, тематика нашего будущего сценария вытекает из некоторых возможных последствий этого проникновения.

Итак, время действия — коммунистическая эпоха: давно остались позади времена войн, социальных катаклизмов, голода и мещанского бездумья. Объединенное человечество посвятило себя творческому труду: идут работы по изменению климата, совершенствуется система обеспечения материального изобилия, осваиваются невероятные богатства океанских и земных недр. Создаются все новые шедевры литературы и искусства, делаются невиданные научные открытия. Огромные силы брошены на воспитание детей. Ценность человеческой личности раз и навсегда стала абсолютной.

И ведется активная работа в космических пространствах — не просто разведка, а планомерная и уже привычная работа, и не только освоение богатств необитаемых планет, но и активная помощь отстающим инопланетным цивилизациям. Ибо есть множество обитаемых миров во Вселенной, и далеко не на всех социальный прогресс достиг столь же высокой стадии, как на нашей Земле. Существуют цивилизации, хиреющие из-за

внутренних неурядиц, из-за недостатка природных ресурсов, из-за нестабильности космических факторов. Братство, возникшее на Земле, человечество разворачивает в Космос. Огромное, безмерно богатое и щедрое, оно протягивает отставшим и страждущим руку помощи. Само собой разумеется, что дело это — очень тонкое, деликатное и далеко не всегда безопасное.

Вековая практика односторонних и двусторонних контактов с инопланетянами выковала на нашей планете небывалую организацию, которую мы условно назовем УПДИЦ — Управление По Делах Инопланетных Цивилизаций, и небывалую романтическую профессию так называемых ПРОГРЕССОРОВ — людей, которые конкретно и практически проводят на иных мирах земную политику бескорыстной помощи и поддержки братских цивилизаций. Прогрессором может стать каждый человек, прошедший специальную физическую, психологическую и научно-техническую подготовку, но основные кадры этой профессии готовятся в так называемых ПРОМЕТЕУМАХ — сочетаниях школ, интернатов и вузов, в которые поступают подростки, решившие посвятить свою жизнь этому трудному и необычайно интересному делу. (Кстати: подростки коммунистической эпохи воспитываются в духе полной ответственности за свои решения и поступки.)

Таков фон, на котором будет развиваться сюжет нашего сценария.

Теперь о самом сюжете.

Разведывательный звездолет прогрессоров открывает новую обитаемую планету Лимбо и совершает посадку на ее поверхность в крайне неблагоприятный момент ее истории: некое мощное агрессивное государство развязало на ней всепланетную войну, и страна, на территории которой оказались разведчики, гибнет в огне нашествия. Собрав необходимые социометрические данные, земляне уже собираются покинуть Лимбо, чтобы передать эти данные в УПДИЦ для выработки необходимых мер по оказанию помощи, но тут происходит довольно редкое даже в многосторонней практике прогрессоров событие: возвращаясь на звездолет, один из прогрессоров (назовем его Архипов) попадает в какое-то селение, через которое как раз в этот момент катится бронированная волна нашествия, и видит раненого мальчишку (лимбианцы анатомически и физиологически являются полными аналогами хомо сапиенс). Мальчишке грозит неминуемая гибель под шипастыми колесами бронированных чудовищ. Рискуя жизнью, Архипов спасает мальчика и переносит его на корабль. Так человек с далекой планеты оказывается на нашей Земле.

Судьба мальчика по имени Кор решается в УПДИЦ в рабочем порядке, но столь же тщательно и основательно, как и судьбы целых цивилизаций. Это заседание, в котором участвуют педагоги, ксенопсихологи, ксенобиологи, врачи и политики, мы собираемся показать достаточно развернутым, чтобы сразу ввести зрителей в атмосферу деятельности землян этой эпохи.

После всестороннего обсуждения Кора решают поместить в один из прометеумов.

Основное действие сценария будет происходить в прометеуме «Гулливер», в том самом, откуда вышел и спасший Кора Архипов.

Наша задача такова.

Мы хотели бы предложить воплощенную в кинодраматургических образах свою версию общества будущего, его атмосферу естественной физической непринужденности и высокой духовной напряженности, его высокий гуманизм и морально-этическое совершенство, его вечное стремление к новым высотам духовного бытия, отказ от самоуспокоенности и всегдашнюю готовность к подвигу. Для этого мы выбрали, как нам представляется, самый благодатный материал — молодое поколение этого общества, ибо в чем, как не в молодом поколении, находят наиболее отчетливое выражение все самые характерные черты любой общественной жизни? Раскрыть эти черты в подростках коммунистического будущего мы рассчитываем, проследив развитие их контакта с их инопланетным сверстником Кором.

Кор — мальчик из преисподней. Он вырос в атмосфере страха, злобы и смерти, ярость против захватчиков, погубивших его родных, его дом, клокочет в нем. Да, сияющий мир, в котором он так неожиданно очутился, чудесным образом спасшись от неминуемой гибели, поражает его. Но он не в силах сразу принять его гармонии, его красоты и радости, потому что «пепел Клааса стучит в его сердце».

Мы предполагаем, что главных героев, помимо Кора, в сценарии будет четверо — трое ребят и одна девочка, учебная группа, в которую включают Кора.

Пережив первые эпизоды контакта, немного смешные, немного трагические, Кор наконец достигает взаимопонимания со своими четырнадцатилетними ровесниками. И вот тут начинается для нас самое интересное. Ибо не только они влияют на него, но и он оказывает на них свое влияние. Древняя романтика социальной борьбы, волнующе знакомая по историческим документам, книгам и фильмам, воплощается для них в этом угрюмом, волевом и целеустремленном парне. И вот уже они готовы идти за Кором в его мир, чтобы освободить его отечество от завоевателей, принять участие в борьбе и драться с его врагами до последнего. В «Гулливере» рождается заговор и план тайной экспедиции на Лимбо.

Здесь необходимо подчеркнуть, что непосредственные мотивы действий каждого участника заговора очень различны, как и различны оттенки их доброго отношения к Кору. Каждый из них психологически гораздо сложнее Кора, отчего общение с ними для него проще, чем для них с ним. В конечном счете, хотя они серьезно задеты трагедией Кора и его родины — ведь великолепный рефлекс справедливости, заложенный воспитанием в десятках поколений их предков, срабатывает безотказно, — все же у этих подростков свои идеалы, далекие от таких ощущений, как жажда мести, ненависть к жителям другой страны, подозрительность по отношению к взрослым. В глубине души каждый из землян понимает цену этого тайного предприятия: как выразился один из них в разговоре в отсутствие Кора, «наше дело дать затравку, а за нами придет Земля».

Следует помнить также (и это будет продемонстрировано в сценарии), что студенты прометеума проходят специальную подготовку, то есть не только физическую, общеобразовательную и психологическую, но и научно-техническую. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда наступает назначенная для экспедиции ночь, заговорщики без всякого труда поднимают с космодрома звездолет и уходят в Глубокий Космос.

Правда, им невдомек, что работники УПДИЦа следят за каждым их шагом и расценивают их экспедицию как учебный полет, как преждевременный, но удачный экзамен на техническую зрелость юных специалистов.

И вот ребята на родине Кора, точно на том же месте, где когда-то сел звездолет Архипова. Вооруженные автоматами, которые они сами смастерили в мастерских прометеума по старинным чертежам, они неслышно движутся в тумане по направлению к деревне Кора. Тишина, только откуда-то издали доносится странный стук. Они поднимаются на холм. На гребне холма неподвижно застыли мертвые бронемшины агрессоров. Между шипастых колес проросли кусты, тупые рыла огнеметов поникли к земле. Ребята подходят все ближе, ближе... и останавливаются. На броне сидит Архипов, смотрит на них и улыбается.

Они опоздали (впрочем, иначе их бы, конечно, просто не пустили бы сюда). Пока Кор обживался на Земле, пока они готовили свою экспедицию, невидимое вмешательство прогрессоров уже ликвидировало военный кризис, на Лимбо воцарился мир, и на месте пепелища, оставшегося от деревни Кора, вернувшиеся на родные места лимбиане строят новые дома. Это стук их топоров слышали ребята, подходя в тумане. А что может быть лучшим показателем мира, как не новые стройки?

А земляне сделали свое дело, и теперь пора уходить. Никто из землян не может больше оставаться на этой планете. Кору же представляется право решать: вернется он на Землю или останется на родной планете. И Кор, навсегда попрощавшись со своими

друзьями, грустный и радостный, уходит по склону холма в долину, где непрерывно стучат топоры.

Завязка этой истории вполне ясно определена, общий замысел основных событий (сцен в «прометеуме») — тоже. Возвращение мальчика на родную планету представляется Авторам неизбежным, но конкретные обстоятельства сильно отличаются от любого варианта будущего сценария. Придуманная для заявки организация УПДИЦ какое-то время просуществует и в сценарии, а вот имена собственные пока либо другие (Кор с планеты Лимбо, условный Прогрессор Архипов), либо вовсе не обозначены (как у студентов).

Нет также в заявке никаких намеков, что причина неблагополучия на родине «мальчика из преисподней» — не только агрессия иноплеменных захватчиков. Главное — установить мир, и сразу всем станет хорошо... И герцог Алайский, и «полосатики», и Бойцовые Коты появятся позже.

Кстати говоря, сам термин «Прогрессор» впервые возникает в творчестве АБС именно в материалах к этому сценарию. В «Трудно быть богом» Прогрессоров как специальности не существует, в «Обитаемом острове» для деятельности Рудольфа Сикорски и его соратников не придумано пока названия, а до «Жука в муравейнике», где Прогрессоры впервые представлены, так сказать, официально, еще далеко. Любопытно также, что этот термин отсутствует и в «Парне из преисподней», хотя в разных вариантах сценария — и до написания повести, и после — встречается постоянно.

13 июня 1973 года АНС сообщает брату: «Сегодня состоялась расширенная редколлегия в Сценарной студии, где обсуждался наш заявчик на «Мальчика из преисподней». Приняли очень хорошо <...> Сдать первый вариант 1 декабря».

20 июля АНС приезжает в Ленинград, в течение трех следующих дней Авторы занимаются подробной разработкой сценария. Из дневниковой записи АНС от 26 июня 1973 года следует, что он работой удовлетворен: «Хорошо разработали с Борисом сюжет и эпизодику МиПа».

К этому периоду относятся многочисленные рабочие заметки, частично воспроизведенные ниже. Прежде всего, персонажи получают имена. Ассоциации с «аньюдинской четверкой» очевидны: все имена или прозвища приведены, хотя относятся к троим, а не четверым персонажам. Впрочем, Поль и Лин упоминаются только в этих набросках — им сразу же придуманы другие имена. Атос будет заменен на Леву на следующем этапе подготовки сценария. Галка в приведенном далее «нулевом» варианте — Мохова, потом она будет называться иногда Шестовой, а иногда, что интересно, Комовой. Между прочим, компания из девочки Гали и трех парней вызывает ассоциации и с «Экспедицией в преисподнюю»... Имя Корней в следующих вариантах сценария отойдет нынешнему Льву Петровичу, а его именем, в свою очередь, Авторы много позже назовут другого Прогрессора в ЖВМ. Что же касается Гая, то можно обнаружить некоторую переключку судеб «мальчика из преисподней» и Гая Гаала, которого Максим Каммерер пытался спасти из его собственной «преисподней» и научить уму-разуму, но уберечь от гибели на войне так и не сумел.

Имена:

Прогрессор (спаситель) — Лев Петрович.

Внук его — Сашка.

Мальчик из преисп<одней> — Гай.

Робот — Драмба.

Девочка — Галка.

Атос — Корней, он же Капитан.

Поль — Жак, он же Яшка, он же Якобиан.

Лин — Володя, он же Сил Силыч, он же Силыч.

Гости Льва Петровича (зовут его Лев, Лева):

приятель (Учитель) — Перри,

муж (шахтер-подземник) — Айзек,

жена (ученый-педагог) — Лена.

Вечеринка-ужин. Сидят по разным столикам, каждый готовит себе закуску.

Название планеты: Тоба-2, она же Тоба. След<овательно>, тобианин Гай.

Первоначально названием планеты было указано: «Кентавр-2, он же Кентавр». Интересно обоснование того, почему военная форма Гая не привлекает внимания.

Гай ходит в своей маскировочной куртке с эмблемой на рукаве, но это незаметно на пестром фоне одежд этого мира.

Есть в записях этого периода и совсем общие соображения, где никакого явного сюжета еще не видно — кратко фиксируется лишь ряд «картинок».

Сцена утреннего развода: воспитатель опрашивает, кто что собирается делать.

Сцена массового участия, чтобы показать железную дисциплину.

Сцена драки: ребята удивлены — вцепился зубами в горло.

Как к арбитру, обращаются к девочкам — красиво или нет.

Выступают дети. Герой показывает фильм об Отеч<ественной> войне. Воспитание ненависти.

Конфликт: девочка будет вести звездолет, а герой возмущается.

Этапы: 1) дружелюбие — отчуждение.

Далее заметки по сюжету становятся более подробными.

Мотивировки:

I. Почему Прогрессор вызывает сына?

а. Гай тоскует, человеческий пес рядом с богом-землянином.

б. Прогрессор дает работа — играть, чтобы не тосковал, предварительно дав ему указания: демонстрировать сочетание доброты и мощи.

в. Гай возится с роботом. В результате (через реминисценции) — сцена казарменного типа: Молчать! Выполняй приказание!

Видя это, Прогрессор теряет и приглашает гостей на вечеринку. (Тут же сцена с мультипликатором.) Гость-педагог предлагает попробовать свести Гая со сверстником. (В беседе — жалуется на странные игры военного типа.) Заметить, что Лев Петрович строил дом сам. Это в моде.

Сбоку от текста есть дописка, отмеченная буквой «а».

— А почему вы его не вернете домой, если он так туда рвется?

— По двум причинам. Во-первых, его родные и близкие все погибли. И у кого из нас, взрослых, хватит духа вернуть этого мальчика в ад, откуда его с таким трудом удалось вытащить? Во-вторых, он нам нужен.

Следующий диалог отмечен буквой «б».

— Ну куда я его в интернат? Двести веселых сорванцов и этот тип из преисподней...

— Зачем в интернат? У тебя же внук есть!

— Внук... Я об этом думал. Как представлю я его... Ладно, пожалуй, попробую.

На той же странице следует пояснение.

Изобразить стремление Прогрессора заполнить досуг Гая информацией. Гай равнодушен. Покорно слушает. А когда Прогрессора нет, в раздражении пинает все ногами. Только один раз оживает: когда по телевизору показывают древний военный фильм. Ужасная реакция.

После этого — робот. Затем — сын (внук).

А буквой «в» отмечен фрагмент уже на другой странице.

Еще на вечеринке.

— Я думал о сыне. Вообще-то у меня есть другая идея, и я хотел ее осуществить, но не решаюсь. Ладно, сначала попробую сына.

Следующая мотивировка в немалой степени основана на событиях, подробно расписанных только в этих подготовительных заметках.

II. Почему Прогрессору приходит мысль послать Гая в группу.

Это сразу после драки и отставки внука (сына).

а. Галка на экране дает недельный отчет Прогрессору.

б. Прогрессор говорит: работаете вы неплохо, но есть у меня одна мысль. Хочу я выбрать вас для пробы: конечная цель работы Прогрессора — контакт. Есть случай создать для вас идеальную модель контакта.

Здесь разговор о звездолете.

Эпизод Гай — сын: первый период — Гай форсит (поплеывает, ходит расхлябанной походкой, топчет цветы, хвастает кровавыми подвигами).

И постепенный переход: Гай становится мельче, а сын — крупнее, он сильнее, ловчее, умелее, опытнее.

И тогда Гай, подвыпив, не выдерживает и бросается в драку.

На этом конец.

Уточняются подробности гипотетических сцен с сыном Льва Петровича.

Придумать, как может форсить сын.

а. Физическое превосходство.

б. Хвастает экспедицией на Венеру (скафандр у меня прорвало тогда, едва спасся).

И, наконец, обозначается финал этой сцены: «В драке Гай дикой яростью побеждает сына, ибо ненависть только на одной стороне, а на другой — забава. Сын удирает».

Идея ввести в сюжет сына или внука Лева Петровича была позже отвергнута АНС, хотя в опосредованном виде кое-что из этих наработок использовалось для сцен с Жаком.

Следующая часть заметок посвящена пребыванию Гая в группе «Гулливер», но их рассмотрению необходимо предпослать небольшое отступление. Известно, что Авторы считали чрезвычайно важной предпосылкой самого существования Мира Полудня некую педагогическую концепцию, которая обычно называется «Теорией Высокого Воспитания». Это понятие как таковое почти не встречается в художественной прозе Стругацких (исключение — «Отягощенные Злом»), но неявно подразумевается во многих других произведениях. Большое внимание уделял этой идее в своей публицистике БНС — это хорошо заметно, например, по следующей тематической подборке фрагментов из его офлайн-интервью.

Вот пояснение того, почему акцент делается именно на слове «воспитание» (25.05.2000): «Когда АБС употребляли термин «учитель», они всегда имели в виду именно воспитателя, педагога, Учителя с большой буквы. Человека, который не только дает образование, но и — прежде всего! — воспитывает: превращает человеческого детеныша в Человека Воспитанного».

Ключевая формулировка самой концепции выглядит так (18.02.1999): «Вся наша «Теория Воспитания» базировалась на двух основных принципах:

1. Воспитанием детей должны заниматься профессионалы, а не любители (каковыми обычно являются родители).

2. Главной задачей учителя является — обнаружить и развить в ребенке его Главный Талант, то, что он умеет лучше многих. Подразумевается, что большую часть времени обучения ребенок проводит в школе-интернате. При этом он отнюдь не отрезан от мира и от своей семьи — родители могут когда угодно приезжать к нему в интернат, и сам он регулярно ездит домой. Никакой секретности, никакой закрытости, но максимум приватности».

Далее уточняется (19.11.2000): «Ясно, что объектом этой теории должна быть человеческая личность, равно как и сам процесс перехода от состояния *tabula rasa* к состоянию, которое мы называли (условно) Человек Воспитанный. Менее ясно (но представимо, по крайней мере), как в

общих чертах выглядит этот Человек Воспитанный: это человеческая личность, в которую основные нравственные нормы (не убий, не укради и т. д.) «вплавлены», так сказать, на уровне инстинкта и высшей (жизненной) ценностью для которой (для личности) является творческий труд. И совсем уж неясно, какова методика этого процесса. Передача же знаний как таковая это совсем другая проблема — проблема образования, а не воспитания».

А вот необходимое (хотя и недостаточное) условие существования Мира Полудня (15.08.2000): «До тех пор пока не будет открыта и применена Великая Теория Воспитания, все развитые страны будут двигаться не к идеалу, а к все более богатому обществу потребления».

Подобные соображения, конечно, в представленном виде довольно умозрительны. Но тут уж ничего не поделаешь: Авторы, не будучи педагогами-профессионалами, воплощали свои идеи в художественных образах с той или иной степенью приближения — как могли и умели.

Собственно говоря, методики воспитания в Мире Полудня специально показаны только в новелле «Злоумышленники» из повести «Полдень, XXII век» (причем с двух разных точек зрения — как ребят, так и Учителя). Другие упоминания схожих проблем встречаются нечасто и довольно кратки. Основные персонажи этого мира — взрослые люди (хотя порой и достаточно молодые, как, например, Стась и Майка в «Малыше» или Максим в «Обитаемом острове»): их личность может еще претерпевать значительные изменения, но базовые нравственные установки уже сформированы полностью. Да и обитатели 18-й комнаты из Аньюдинского интерната были показаны сначала детьми, а затем сразу — взрослыми. Сценарий позволяет хотя бы немного представить себе, что же могло происходить в неизвестном нам ранее промежутке жизни этих или подобных им ребят и оценить, способны ли они теперь нести полную ответственность за свои поступки, принимать важные самостоятельные решения, уметь одновременно уважать авторитеты и подвергать их сомнению... Поскольку Теория Высокого Воспитания по сей день привлекает внимание многих читателей, для любителей поразмыслить и порассуждать на эти темы здесь найдется, пожалуй, немало интересного.

Уже в ранних заметках по группе «Гулливвер» много внимания уделяется взаимоотношениям ребят не только с Гаем, но и друг с другом.

Поль притаскивает из леса всяких диких животных, его ругают: «Гони его в шею». Медвежонок переворачивает стол. Гай в ужасе, ошетиливается двухлезвийным ножом, взятым у Прогрессора. Поль разговаривает с медведем на его языке.

Девочка влюблена в Атоса.

Взрыв Атоса: внезапно хватает свой чертеж, с воплем обрушивает его на голову ни в чем не повинного Поля, который рядом препарирует какое-то насекомое, и, на ходу сбрасывая куртку, несется в реку.

Может быть, экзамены по теории.

Лин и Галя с ошалелым видом читают друг другу стихи. Подошел Поль, послушал. Стало ему скучно. Стал вставлять строчки под рифму. Лин раз на него взглянул, другой. Затем встал, схватил его и зашвырнул на дерево.

Атос — энергетик.

Лин — механик.

Поль — биолог.

Галя — координатор. Влюблена в Атоса. Стихи. Играет на «палочке» и поет низким красивым голосом. Критический момент: когда Гай приволакивается за нею.

Перед объяснением в любви Гай тяпает спирту из аптечки. Он принял Галино отношение к себе за заигрывание. Сначала с негодованием отвергает ее авансы, а затем задет за живое, начинает выпендриваться и наконец решается — на спирту.

Гай просился у Прогрессора с хитростью покататься на звездолете (после того как узнал, что робот видит звездолет). Появляется с отчетом Галка.

Гай, попавши в отряд, готовится к прибытию звездолета с тем, чтобы немедленно начать действовать.

Мотивировки:

1. Появление сына Прогрессора.
2. Направление его в группу.

Проблемы:

I. Психология мальчика.

II. Что произошло в группе.

1. Ужас.

2. Благоговение (контакт со взрослым прогрессором не удается, потому что мальчик ползает у его ног, подхалимствует).

3. Робко умоляет, чтобы его вернули.

4. Здесь слабина Прогрессора: в случае с мультипликатором и особенно с роботом мальчик понимает, что земляне не всеведущи и что он сам может кое-что, как они. С этого времени (после ознакомления с возможностями робота) он начинает притворяться. Здесь срывы: отказывается от еды, вспомнив (в реминисценции), как голодают друзья.

5. Зарождается план: перехитрить людей.

6. В группе он занимается тем, что осуществляет свой план, но тут оказалось то, чего он не ожидал: он полюбил этих ребят. Попытка захвата корабля обречена не только из-за неповиновения робота, но и потому, что он «предает» новых друзей.

1. Видение: во время дрессировки робота — как бегут и повергаются в прах враги.

2. Реминисценция: как делят солдаты последнюю краюху хлеба.

3. Как вместе с солдатами идет через освобожденную деревню и их жители встречают.

4. Как мать провожала на фронт (или как матери сообщили о гибели отца, или как внесли труп убитого отца).

Отладка Системы Пассивной Обороны (Барьер). Мучится Атос. На болоте. Лин пробует и валится.

Полевая кухня. Гай ее отлаживает, делает заказы на детали. А затем детали автомата.

Хамство Гая: вопрос Лину — чья это девочка и попытка приволокнуться по-солдатски.

Проба автомата — возникает фигура Лина. Бросает автомат. Но ведь придется!

Атос в раздражении не понимает шуток, его «посылают в крапиву».

Поль à la Вадим читает стихи собственного сочинения, посвященные собственной персоне.

Робот умеет водить корабли — это и наталкивает на мысль.

Эпизод: вечером у костра Атос ломает голову над чертежом, остальные болтают и вдруг начинают на ходу сочинять песню.

Поль довел Лина, и тот в сердцах закинул его на дерево. Поль повис на ветке и произнес стихи.

Хладнокровие и расчет: Барьер приходится на дерево. Дерево падает на Лина, он спокойно отступает.

Необычный музыкальный инструмент — гладкая металлическая палка. Упирают ее ладонью левой руки в колено правой ноги и ведут мизинцем по ее длине. Музыка, и при этом палка окрашивается в разные цвета.

Отношение ребят к роботу: ну и старье! Где это ты такое выкопал?

— Он делает все, что я захочу!

— А зачем? Почему ты сам не делаешь, что захочешь?

Следующие три странички — это новый этап разработки «гулливеровской» части сценария, отдельные эпизоды для которой прописываются уже подробнее.

Разговор с Жаком, хвастовство, пьянка, оскорбление Жаком герцога, драка. Ярость и животная злоба Гая, удивление и растерянность Жака. Жак спасается от Гая в реку. Ловит булыжники, которыми швыряется Гай. Гай поплеывает, ходит расхлябанной походочкой,

хвастает кровавыми подвигами, чем повергает Жака в отвращение, которое он принимает за трусость. Затем Жак начинает хвастать в ответ. В ходе разговора «фигуряют» — показывают свою ловкость и силу (?). Гай не умеет плавать и беснуется на берегу. Володя кидается в воду и топит Жака. Оба скрываются под водой. Ярость Гая стихает, наступает изумление и ужас. А они минут через пять вылезают на берег на другой стороне.

Первая встреча. Гай с Драмбой выходят из леса. Галка стоит посреди поляны, рядом с нею Жак. Корней в стороне у аппаратуры барьера. Володя в другой стороне на пеньке. Галка представляет всех. Все дружелюбно кивают. Корней — энергетик, Володя — механик, Жак — биолог. Я — координатор. Начальник? Нет, координатор. Начальников нет. Жак подходит к Драмбе: откуда ты взял это старье? Гай: он делает все, что я захочу! Жак: а зачем? Почему ты сам не делаешь, что захочешь?

Володя приглашает Гая отлаживать полевую кухню-синтезатор.

Корней и Володя мучаются с барьером. На болоте Лин пробует прочность барьера, там, где барьер не удался, валится в воду.

Володя изготавливает детали для полевой кухни. Гай это наблюдает.

Гай заказывает Володе непонятные детали.

Галя ласкова с Володей, он угрюмо от нее отшатывается, но потом начинает поглядывать на нее.

Гай хамски разговаривает с Володей о Гале: Чья это девочка? Реакция Володи: не понимает вопроса.

Гай вечером, выпив для храбрости, лезет к Гале, которая, выкупавшись, сидит на берегу. Получает пощечину. Галя: это нам рано и не надо.

Вечер у костра. Корней погружен в чертежи. Остальные сидят и лениво переговариваются, и вдруг на ходу начинают сочинять песню. Галка вскакивает и приносит необычный музыкальный инструмент: гладкая палка в полметра, упирает ладонью левой руки в колено правой ноги и ведет мизинцем правой руки по ее длине. Музыка тоже сочиняется на ходу. Палка при этом светится разными цветами. Затем все переходит в танцы. Сцена всеобщей пляски. Гай тоже распаляется и дает свой номер: боевую пляску с Драмбой. Драмба наигрывает дикие мотивы тобиан. М<ожет> б<ыть,> — грозно-заунывную песню мести, тогда видение о матери.

Сцена с упавшим на Володю деревом. Гай в ужасе и панике бежит, а Володя спокойно ждет падения, в последний момент отступает и вспрыгивает на упавший ствол.

Жак собирает насекомых, препарирует, рассматривает в микроскоп и бормочет стихи.

Все купаются перед обедом. Гай завистливо стоит на берегу. Володя учит его плавать.

Володя и Галка с ошалелым видом сидят под деревом и по очереди читают стихи. Корней по обыкновению сидит в стороне над чертежами. Гай, открыв рот, слушает стихи, переводя взгляд с одного на другую. Жак, не вытерпев, начинает рифмовать. Володя предупреждает: прекрати! Жак не слушается. Тогда Володя закидывает его на дерево. Жак висит на ветке и произносит:

Ты уж мне поверь, старик,
Что могуч я и велик.

Услышав, что завтра прибывает звездолет, Гай собирает автомат, заряжает и с Драмбой уходит в лес. Проба. Возникают фигуры Володи, Галки, Жака, Корнея. Закрывает глаза и все-таки стреляет.

Корней углублен в чертежи, Жак рядом рассматривает в лупу какую-то букашку. Внезапно Корней взрывается, судорожно сворачивает чертежи, с размаху лупит ими Жака по голове и уходит в лес. Жак философски чешет макушку, вздыхает и продолжает свое занятие.

Разговор с Володей о звездолете. Можно ли на нем лететь на Тобу.

А есть ли у вас оружие? Нет, мы, прогрессоры, никогда не имеем оружия. А если нападут? У нас хорошая защита. Ну, в крайнем случае погибнем. На то мы прогрессоры. А убивать мы не можем, даже защищаясь.

Гай пытается соблазнить Галю захватить звездолет и лететь с ним.

Вот еще листок с ранними записями, в значительной мере использованными в начальных эпизодах сценария. Кстати, примерно в то время у АНС был замысел заняться пересказом на русский язык знаменитой «Повести о доме Тайра» («Хэйкэ-моноготари»), поэтому неудивительно, что родная планета Гая, согласно этому наброску, называется не Лимбо, не Кентавр, не Тоба, не будущая Гиганда, а Тайра. Впрочем, Тоба — это, собственно, тоже признак «японского следа»...

1) В степи — заброшенная дорога. Дорогами уже давно никто не пользуется.

2) Показать, что Гай — на окраине мира, кипучего, могучего, урбанистического. Все время что-то в виде силуэтов должно маячить на горизонте.

3) Исполинский движущийся силуэт на горизонте. Гай испуганно: Что это? (Хватает робота за руку.) Робот: Не знаю. Я слишком долго был выключен.

4) Места, куда Гай спутешествовал в кабинах 0–Т, пытаюсь бежать:

а) Полярная ночь, торосы, метет поземка. И возле кабины воткнуты лыжи. Когда Гай исчезает, остается освещенная пустая кабина. Подходит белый медведь, обнюхивает, мотает головой.

б) Что-то вроде стадиона — масса веселых смеющихся людей, рев голосов, мелькающие огни.

в) В коридоре базы на небольшом астероиде. Малая тяжесть, Гай перепуган до смерти. Проходит парень, жгучий горбоносый брюнет, клацающая магнитными подковами. «Ты что, мальчуган? Заблудился?» — «Где это я?» — «На Титане». — «Что это?» — «Спутник Сатурна. Малограмотный, чему вас теперь только в школах учат? Что это за чучело с тобой? А тебе куда надо?»

Но мальчуган уже набирает диск торопливо. «На Тайру...» Парень свистит. И все исчезает.

г) Несколько секунд на заводе. Взять современный завод, обработка ротора турбины. В ракурсе, чтобы не было ни одного человека. И почти никаких звуков. Нечеловеческие голоса ведут технический разговор. Или химическое что-нибудь, снятое блуждающей маской. Или съемки микропроцессов через микроскоп. Это м<ожет> б<ыть> на гигантском экране, перед кот<орым> сидят крошечные люди.

В первом эпизоде среди работников Совета — один пандориец. «Он мне перережет глотку». Вздрагивает, когда появляются стаканы с напитками. «Вот видите, я уже здесь больше года, а все никак не привыкну». Оливкового цвета, с рысьими бакенбардами.

И вновь идет проработка плана и конкретного наполнения начальных эпизодов.

После неудачи с внуком Лев Петрович мчится в Московский Педагогический Центр к Арнольду и просит просчитать результаты контакта Гая с группой.

Завтрак, отказ от еды и реминисценция: солдаты делят треугольную ковригу.

Показ трофеев и робота.

Комната Гая, он равнодушен. Обещает научить читать. Как? Как говорить — во сне.

Показ фильма о войне — ужасная реакция.

Дарение робота.

Дрессировка робота. Прогулка робота по степи.

Объяснение нуля-транспортера.

Путешествие в нуль-кабине.

Ночной разговор — где моя звезда, и о возможностях нуля-кабины, и о звездолетах.

Вопрос роботу, умеет ли он водить звездолет.
Дрессировка робота, видение робота в бою. Лев Петрович наблюдает.

В тех же заметках приводился и достаточно точный план сцены с гостями Льва Петровича — отклонений от него в написанной части «нулевого варианта» почти нет.

После совместной подготовки Авторами предварительных материалов для будущего сценария АНС продолжает разрабатывать «гулливеровскую» часть один, однако в какой-то момент решает, что пора связно изложить все более ранние эпизоды, и с конца июня начинает готовить на основе предшествующих заметок черновой текст. 7 июля 1973 года он пишет брату: «По здравому размышлению я решил не раскрывать карт заранее и представить на суд Шлепянову и Метальникову просто нулевой вариант МиП'а. Пишу его. Нынче закончил 33-ю страницу, почти половину. Закончил сценой дрессировки робота, на очереди — прием гостей. Между прочим, решил я — это вытекает из складывающегося сюжета — опустить сцену с внуком, а всё, что из нее следует, перевести в сцену первой встречи Гая с группой. Ты уж не обессуди. На мой взгляд, как оно получается, внук совершенно ни к чему, а то уж больно глупым выйдет наш прогрессор Лев Петрович. Полагая, что за июль или к второй декаде августа сценарий закончу, чаю представить его КАК ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ на Студию».

20 июля АНС сообщает: «МиПа написал 45 страниц, уперся в последний кусок — Гай в группе. Предаюсь размышлениям. Это как бы самостоятельный сюжет, который хочется продумать поподробнее. Короче, осталось писать страниц 40».

Далее полностью представлена сохранившаяся машинопись этого варианта, условно обозначенного как «Мальчик из преисподней — 0». Этому промежуточному чистовику с редкой рукописной правкой предшествовал отличающийся от него во многих мелочах рукописный черновик, так что машинопись — результат достаточно серьезной авторской редакции, главным образом стилистической. Хотя «нулевой» вариант описывает примерно половину событий, он содержит некую обособленную часть сюжета (Гай в доме Льва Петровича), которая вполне интересна сама по себе. Между прочим, именно на ее основе затем разрабатывался «Парень из преисподней», в котором «гулливеровская» часть отсутствует полностью, а сюжетных линий из нее использовано не так уж много. Интересен этот текст и потому, что представляет сюжет таким, каким он виделся самим Авторам — без учета всевозможных сторонних замечаний, которые будут делаться еще не раз, требуя все новых и новых переделок.

МАЛЬЧИК ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ — 0

ПРОЛОГ

Материки и океаны планеты Тоба-2 в системе звезды Тоба, отделенной от Солнечной системы бездной в сотни световых лет, охвачены кровопролитнейшей войной.

Это империалистическая война, воюют две группы могущественных империй и королевств за исключительное право эксплуатировать все население несчастной планеты.

Это тотальная война — преступные правители в течение уже многих лет швыряют в кровавую мясорубку своих несчастных подданных, отравленных шовинистическим угаром, от подростков до глубоких стариков.

Механизированные колонны Полосатой империи рвутся к столице герцогства Алайского. Броневики Полосатых, неуклюжие механизмы, обшитые грубо склепанным и нелепо раскрашенным железом, ворвались в опорный пункт алайцев, запирающий дорогу, которая ведет в столицу по узкому дефиле между болотистыми низинами.

Ночь, озаренная вспышками выстрелов и пожарами. Горят свайные хижины, рушатся тростниковые крыши, вздымая снопы искр, тяжелые клубы дыма то взвиваются к звездному небу, то жмутся к земле, завлакивая поле боя.

Ползут, переваливаясь с борта на борт, броневики, и огнеметы с коротких остановок выплевывают длинные струи огня. За броневиками, низко пригибаясь, иногда просто на карачках, движутся пехотинцы в конусовидных касках и полосатых балахонах. Нечленораздельный рев наступающих покрывает все остальные звуки боя.

Один из броневиков внезапно оседает на задние колеса и останавливается, окутывается дымом и вспыхивает. Охваченные пламенем черные фигурки в панике выбрасываются из-под брони и катаются по земле.

В полукруглом окопчике сбоку от дороги, у неуклюжего гранатомета суетятся двое алайцев. Оба в коротких широких штанах и зелено-коричневых маскировочных куртках. Один — старик со сморщенной физиономией, с длинной реденькой бородкой. Другой — юноша, почти мальчик лет пятнадцати-шестнадцати. На правом рукаве его куртки эмблема: оранжевый треугольник, и в нем — ошестиненный, выгнувший спину кот черного цвета, с красными глазами и красной оскаленной пастью. Это герой фильма: тобианский мальчишка Гай, член организации Бойцовых Котов, над которой шефствует сам герцог Алайский.

Обмениваясь непонятными возгласами со странной интонацией (здесь дальше Гаю придется не раз говорить и даже петь на своем языке, непонятном землянам; наилучшим способом воспроизвести это в звуке будет пустить магнитофонную ленту с записью нашей речи задом наперед), старик и Гай разворачивают гранатомет навстречу приближающемуся броневикю.

Над их головами проносится огненная струя, позади окопа вспыхивает целое озеро пламени, и в отвесах его отчетливо видна лобовая броня механического чудовища.

Гранатомет стреляет. Промых.

Старик трясущимися руками поднимает новую гранату. Пулеметная очередь прошивает его грудь, и он оседает на дно окопа.

Визжа от ужаса и ненависти, Гай выхватывает гранату из мертвых рук и швыряет навстречу броневикю.

Взрыв.

Броневик вваливается передними колесами в окоп, расплющив гранатомет, и останавливается. В щели между листами брони высовываются языки огня.

Оглушенный и ослепленный, Гай выбирается из-под броневика и, пошатываясь, трусцой бежит к горящим хижинам.

Пулеметная очередь.

Гай падает, несколько секунд лежит неподвижно, затем пытается ползти.

На него надвигается новый броневик. Обляпанные грязью шипастые колеса нависают над ним.

И в этот момент от горящих хижин отделяется стремительная черная тень. Высокий и очень гибкий человек, с ног до головы затянутый в черное. (Это старый и опытный прогрессор Лев Петрович, руководитель разведгруппы Земли на Тобе-2 и командир звездолета.)

В три прыжка он выскакивает на дорогу, выхватывает Гаю из-под колес броневика и откатывается с ним в сторону.

Он вскакивает с Гаем на руках. На том месте, где он только что лежал, земля вскипает от пулеметной очереди.

Сбоку набегает ревущий Полосатый в балахоне и коническом шлеме, взмахивает кривым мечом.

Лев Петрович легко отбивает удар ребром ладони по локтю. Меч сверкающей полоской улетает в темноту, а Полосатый, взыв от боли и схватившись за поврежденную руку, валится навзничь.

С Гаем на плече Лев Петрович сбегает в темноту и бежит по болоту, расплескивая воду и раздвигая тростники.

Далеко позади остались огни и громы сражения. Лев Петрович идет через болото быстро и без всякого напряжения, он словно скользит по воде и трясине. Для прогрессора, да и для большинства землян тоже, такие марши — сущий пустяк, хотя бы и с ношей на плече.

Впереди на фоне звездного неба появляется силуэт могучего купола, словно холм среди болота. Это звездолет прогрессоров-разведчиков.

С Гаем на руках Лев Петрович приближается к стене купола и ударяет в нее ногой. Что-то лопается с тихим чмокающим звуком, и в стене открывается ярко освещенный овал люка.

Звонкий молодой голос произносит:

— Лев Петрович, сверху вторично настаивают на немедленном старте...

— Прими гостя... — отзывается Лев Петрович.

Гай лежит на спине в каком-то помещении, видимо — в одной из кают звездолета. Впрочем, видно только его лицо: худое обтянутое лицо мальчика, которому давно уже не приходилось есть досыта, морщинки у рта, пятна грязи и крови.

Глаза его медленно открываются.

Над ним словно из тумана возникают лица Льва Петровича и молодого прогрессора.

— Бедняга, совсем мальчишка... — доносится до него молодой голос. — Он же ранен, Лев Петрович! Что будем делать? В город перебросим?

— Город горит, — угрюмо возражает Лев Петрович. — Оставлять его здесь нельзя — погибнет. Неси в медотсек. Всем стоять по местам к старту...

Силуэт огромного купола на фоне звездного неба над болотом начинает медленно таять. Нет ни грохота двигателей, ни вспышек из дюз. Он просто исчезает без следа. Такова технология в описываемую эпоху, в век нуль-транспортировки, мультипликаторов и безудержной экспансии человечества в Большую Вселенную.

ТИТРЫ

На белой стене черная доска с серебряной надписью: «Всемирный Совет Земли. УПДИЦ. Управление по делам инопланетных цивилизаций. ОТ 387 16 488».

Вестибюль Управления: круглый зал, у стен кресла и столики, широкая лестница ведет на верхние этажи. Ни окон, ни дверей. Посередине зала возвышается прозрачная цилиндрическая кабина нуль-транспортера. (Кабины нуль-транспортера будут появляться в фильме довольно часто; они похожи на перевернутый стакан диаметром в два метра, с крошечным клавишным пультом на одной стороне и с прозрачной же дверью на противоположной). Несколько мужчин и женщин сидят в креслах и о чем-то негромко беседуют. Их одежды и прически, как это принято у землян описываемой эпохи, чрезвычайно разнообразны: двух одинаковых костюмов и причесок не найти.

Раздается тихий медный звон, и в кабине нуль-транспортера возникает Лев Петрович. Как человек пожилой, он носит одежду очень скромных расцветок — серые брюки, белый свитер, коричневые сандалии на босу ногу. Теперь хорошо видно, что это жилистый и очень сильный и гибкий человек с загорелым жестковатым лицом и шапкой густых, совершенно седых волос.

Он выходит из кабины, его приветствуют — по обычаю молча, жестами, а двое молодых людей встают и кланяются. Он отвечает взмахом руки и спешит к лестнице.

Земляне давно уже не признают лифтов. Лев Петрович стремительно поднимается по лестнице и где-то на пятом этаже входит в широкий коридор (интерьер совершенно современный — такой мы видели, например, в новом здании ЦК).

Дверь с табличкой: «Группа Тоба-2. Сектор социометрии».

Лев Петрович входит в обширную комнату с зашторенным окном во всю стену. В комнате четверо: трое работников сектора (все мужчины, одеты тоже строго, но разнообразно) и пожилой тобианин с оливковым лицом при длинных волнистых бакенбардах, в цветастой куртке без рукавов и воротника, в широченных штанах чуть ниже колен и в глухих высоких ботинках.

Стены комнаты голые, но в эту минуту на одну из них проецируется карта полушарий Тобы-2. Причудливой формы материка местами заштрихованы багровыми

полосами: зоны военных действий. Работники сектора и тобианин сидят в креслах лицом к карте, перед каждым круглый или квадратный столик.

Лев Петрович останавливается на пороге и вопросительно оглядывается. Один из работников жестом просит его садиться.

— ...и это дает основания надеяться, — продолжает второй работник, — что предложенный комплекс мероприятий приведет либо к постепенному, либо даже к резкому позитивному изменению ситуации на планете. Запись выключить. А тебе, Сандро, я напоминаю, что мы уже имели случай опробовать этот комплекс на Лимбо-восемь...

— Там была революционная война, — возражает третий работник. — А на Тобе мы имеем дело с оголтелой дракой между акулами...

— Потому-то и пришлось переменить знаки. Но само уравнение тотальной войны силы от этого не теряет.

— Ты собираешься возражать, Сандро? — спрашивает первый работник.

Третий работник секунду колеблется, затем качает головой:

— Нет, возражений по существу у меня нет. Расчеты, по-моему, на высоте. Мне только кажется, что данных маловато... Нет, сформулировать особое мнение я сейчас не могу.

— Тогда прошу включить запись. Итак, шестой вариант рекомендации с внесенными сегодня поправками принят.

— Принят, — подтверждает второй работник.

— Принят, конечно, — подтверждает Сандро. — Но будем продолжать мерять и считать, пересчитывать и мерять...

— Ну, это уж как водится, — говорит первый работник. — Машинный центр в нашем распоряжении ежедневно с трех до пяти. Прошу выключить запись и схему.

Карта полушарий на стене гаснет.

— Проще всего было бы убить этого мерзавца, и дело с концом, — с заметным акцентом произносит тобианин.

— И генштаб сейчас же выдвинет на его место принца Пифу, — подхватывает Сандро. — Тебе больше нравится принц Пифа, дорогой Мори?

Тобианин обеими руками крепко чешет у себя за ушами. Все смеются.

— Следующий вопрос, — говорит первый работник, — о мальчике. Мы слушаем тебя, Лев Петрович.

— Сказать пока могу не очень много, — произносит Лев Петрович. — Его вылечили, обучили языку. Но вот что делать дальше... Мальчишка дикий, напуганный, смотреть на него жалко. Честно говоря, я очень рассчитывал, товарищи, что Мори возьмет его к себе в колонию. Они земляки... вернее, однопланетники. Знают, как к нему подойти, обласкают его, а там он попривыкнет, окончательно успокоится...

— Погодите, — говорит Мори. — Вы рассказывали, помнится, что он был в военной форме?

— Да.

— Покажите-ка мне эту форму. Можно?

На белой стене появляется спроецированное изображение зелено-коричневой куртки Гая. Изображение поворачивается, на правом рукаве вспыхивает эмблема.

— Ну вот! — с горьким торжеством восклицает тобианин. — Это же Бойцовый Кот!

— Что это такое — Бойцовый Кот?

— Фанатическая молодежная организация. Любимые сыны герцога Алайского, будь он неладен. Это же фанатики из фанатиков, а вы его к нам в колонию... Он нас всех там прирежет, глотки нам перегрызет. Знаете их девиз? «Воздух ядовит, пока им дышит хоть один Полосатый». А в колонии больше половины тобиан из Полосатой империи... Нет, тут мы вам не помощники.

— Но он нам очень нужен, — медленно произносит первый работник. — Мы обязаны вырастить его гуманистом, коммунарком по духу. Мы закончим у вас войну, и вы вернетесь на родину, готовые сеять разумное, доброе, вечное... А вас в колонии всего два десятка...

— Я знаю, я знаю! — торопливо говорит Мори. — Да, да, да, мы пойдем. Мы уже сейчас готовы идти, но вы нас не пускаете... Но с этим зверенышем все бесполезно, я их знаю. Лучше просто верните его назад. Он отравлен до мозга костей...

Воцаряется неловкое молчание. Второй работник со вздохом говорит:

— Пора выпить прохладительного...

С мелодичным звоном на столиках возникают бокалы с пузырящейся смесью. Тобианин сильно вздрагивает, затем проводит ладонью по лбу.

— Вот видите, — с тоской произносит он. — Я уже третий год на вашей планете, а все никак не могу привыкнуть к вашим этим штукам... А ведь я все-таки ученый, философ. А теперь представьте себе, каково будет у вас ему, этому юному волку, дикому фанатику, который в жизни своей ничего, кроме крови и железа, не знал и не признавал?

— И тем не менее мы должны попытаться, — тихо говорит первый работник.

Все взгляды останавливаются на Льве Петровиче.

Тот поднимается.

— Я понял, — говорит он. — Хорошо, я попробую. В конце концов, контакты — это моя профессия. Конечно, я никогда не имел дела с такими случаями... но ведь никто не имел, и иного выхода нет, как я понимаю?

Первый работник кивает.

Второй работник кивает.

И Сандро кивает несколько раз.

Тобианин Мори сидит, закрыв лицо руками. У его локтя пузырится золотистая жидкость в бокале.

— Прошу включить запись, — произносит первый работник. — Тобианин Гай на период кондиционирования передается под ответственность прогрессора Льва Петровича Званцева. Запись выключить. Где он сейчас? — спрашивает он Льва Петровича.

— У нас в гостинице, — отвечает Лев Петрович.

Он делает приветственный жест и выходит.

Гай в номере гостиницы прогрессоров. Это совершенно пустая комната, раскрытое окно во всю стену и дверь напротив. Но это комната-слуга, комната-робот, совершенный механизм, не только действующий по определенной программе, не только выполняющий мысленные приказы обитателя, но и следующий его эмоциональным колебаниям.

Гай в синих шортах и белой рубашке навыпуск (короткие рукава, красный воротник и красная оторочка) стоит посередине комнаты лицом к окну. Он весь в напряжении, нахохлен, кулаки сжаты, волосы взъерошены.

За окном только необычайно чистое синее небо.

И словно из безмерной дали доносятся в комнату звуки незнакомого, чужого мира. Женский смех. Детские голоса. Редкое позвякивание. Возникает, нарастает и вновь стихает нежная мелодия.

Гай несмело идет к окну. Ноги его подгибаются, он опускается на корточки, и к окну он подползает уже на четвереньках. Осторожно заглядывает вниз, отшатывается и снова заглядывает. Голова его втягивается в плечи.

Внезапно, словно увидев что-то страшное, он отскакивает назад и садится. Сейчас же на окно напоздаст прозрачная рама, начинает шуршать невидимый вентилятор.

Гай отползает на середину комнаты, поднимается на ноги. Лицо его блещит от пота, глаза бегают.

В стене справа возникает зеркало, огромное, от пола до потолка.

Гай медленно подходит, вглядывается в свое изображение. Задирает рубашку и рассматривает два шрама от пулевых ранений на груди.

Снова опускает подол рубашки, поворачивается, оглядывая себя в зеркале со всех сторон. Лицо его искажается. Злобно и нетерпеливо он сдирает с себя рубашку через голову и швыряет на пол.

Зеркало исчезает. На его месте на крошечном крючке висит старая военная куртка Гая — зелено-коричневая, с оранжевой эмблемой на правом рукаве.

Лицо Гая расплывается в улыбке, он несмело протягивает к куртке руку, оглядывается через плечо и замирает.

Брошенная рубаха ползет через комнату к противоположной стене.

Гай закусывает нижнюю губу и закрывает глаза.

Рубашка, приблизившись к стене, исчезает.

Гай переводит дыхание, снимает с крючка куртку и облачается в нее.

Роется в карманах. На губах его снова появляется счастливая улыбка. Он извлекает из кармана автоматную пулю, гребешок со сломанными зубцами и амулет — грубо отделанную статуэтку оскаленного человечка, стоящего на коленях.

Садится на пол, раскладывает перед собой все это богатство и любуется.

И вот возникает грохот барабана. Сначала едва слышный, он нарастает, становится все громче.

По утоптанной тропе через колоссальную свалку гуськом идут солдаты. Все в зелено-коричневых куртках. Все в плоских, похожих на тарелки, шлемах. Все с грузом оружия и боеприпасов. Старые и молодые, заросшие щетиной и безбородые. И все улыбаются. А барабан все грохочет, к нему присоединяются визгливые флейты, и солдаты хором запевают «Марш Бойцовых Котов». И Гай тоже печатает шаг среди них, придерживая на боку автомат странной формы (такой автомат еще появится в нашем фильме), и тоже поет, сияя от счастья.

Он сидит, скрестив ноги, на полу в пустой комнате за сотни световых лет от своей несчастной родины и срывающимся голосом одиноко поет «Марш Бойцовых Котов». Глаза его закрыты, по щекам текут слезы.

Он обрывает песню и открывает глаза.

За окном стемнело. В небе висит полная луна.

Гай вытирает глаза и проводит языком по пересохшим губам.

С мелодичным звоном рядом с ним на полу возникает стакан с водой.

Гай отшатывается, быстро собирает и сует в карман свои сокровища и отползает в сторону.

В комнате вспыхивает свет.

Открывается дверь, и входит Лев Петрович.

Секунду он и Гай молча смотрят друг на друга.

— Ну, малыш, как ты тут? — спрашивает Лев Петрович.

Гай быстро-быстро подползает к нему на коленях.

— Домой... — хрипло шепчет он. — Отправьте меня домой, господин...

Они спускаются по бесконечной широкой лестнице.

— Ты поживешь у меня, — говорит Лев Петрович, — отдохнешь, осмотришься. Я покажу и расскажу тебе много интересного. Потом я познакомлю тебя с интересными людьми.

— Очень хорошо, господин, — покорно отзывается Гай.

— Не называй меня господином. Зови меня Лев Петрович.

— Очень хорошо, Лев Петрович.

— Я вижу, тебе не очень нравится мое предложение?

— Будет так, как угодно господину.

— Почему тебя так тянет домой? Ведь там сейчас сущий ад, таким мальчишкам, как ты, там не место...

— Я должен сражаться.

— Это я понимаю. Но я же сказал тебе, что война скоро кончится.

— Очень хорошо, господин, Лев Петрович.

— Ты мне не веришь?

— Я никогда бы не осмелился не верить господину...

Гай спотыкается. Он очень устал, и его ноги подкашиваются.

— Видишь, какой ты еще слабый, — озабоченно говорит Лев Петрович. — Давай отдохнем.

Мимо них по лестнице взбегают двое девушек и молодой человек. Гай провожает их взглядом, затем смотрит на Льва Петровича. Тот кивает:

— Отдохни, не стесняйся.

Гай садится на ступеньку, обнимает колени и так сидит, уставившись в пространство пустыми глазами.

— Так вот, Гай, война у вас кончится со дня на день, — говорит Лев Петрович. — Поэтому сражаться тебе больше уже не придется.

— Я могу задать вопрос? — спрашивает Гай.

— Конечно, малыш.

— Победим мы?

— Нет. Никто не победит. Вернее, победят простые люди вашего мира. Наступит мир.

— Господин ошибается. Так не может быть.

— Почему ты так думаешь?

— Мира не будет, пока жив хоть один Полосатый. Они все должны быть уничтожены.

— Все?

— До единого, если угодно господину.

— И женщины?

— Женщины врага — законная добыча солдата. Так сказал великий герцог.

— И дети?

— И дети... Великий герцог сказал: дети врага будут рабами наших детей.

— Понятно...

Лев Петрович в задумчивости смотрит сверху вниз на Гая. Тот поднимается на ноги:

— Если господину угодно, я отдохнул.

— Пошли.

В вестибюле Лев Петрович берет Гая за плечо и ведет к кабине нуль-транспортера:

— Сюда.

Они входят в кабину, Лев Петрович закрывает дверь и быстро набирает на клавишной панели восьмизначное число.

— Прикрой глаза, — говорит он. — У меня там сейчас полдень.

Гай покорно прикрывает глаза ладонями. Лев Петрович нажимает стартовую кнопку.

Тихий медный звон.

Вестибюль исчезает, и вокруг мгновенно возникает залитый солнцем сад.

Гай отнимает ладони от лица и вскрикивает от изумления.

— Где... где это мы? — запинаясь, спрашивает он вполголоса.

— Дома, — отвечает Лев Петрович и открывает дверь кабины. — Выходи.

Они выходят. Гай осторожно, словно в холодную воду, ступает в траву.

Наклоняется, трогает цветок.

Наступает на цветок ногой и вдавливая его в землю.

Лев Петрович берет его за руку и молча ведет по тропинке к дому — дощатому коттеджу с мезонином, самого обычного вида.

Они завтракают. В интерьере столовой тоже нет ничего футуристического. Просторное светлое помещение с голыми дощатыми стенами. Простые деревянные стулья, деревянный стол, накрытый белой скатертью. В раскрытые окна просовываются зеленые ветки.

Гай с робкой жадностью уписывает яства, которые щедрой рукой накладывает ему на тарелку Лев Петрович.

— Творог со сметаной. Попробуй. Уверен, что тебе понравится.

Гай пробует.

— Нравится?

Гай кивает. Говорить он не может — рот набит до отказа.

— А сейчас ты у меня попробуешь маисовых лепешек, — весело продолжает Лев Петрович. — К ним очень идет липовый мед, но можно взять и патоки...

Голос Льва Петровича постепенно затихает и заглушается нарастающим грохотом барабана. И вот уже тает и исчезает столовая, и расплывается, словно в тумане, лицо Льва Петровича.

В жалкой заброшенной хижине, тускло освещенной самодельным светильником, сгрудились вокруг колченогого табурета пятеро солдат в зелено-коричневых маскировочных куртках. Среда них Гай. Снаружи льет дождь, тростниковая крыша протекает, солдаты дрожат от озноба в своей промокшей одежде. Один из них, угрюмый бородатый детина, делит треугольный сухарь по числу товарищей и раскладывает кусочки на табурете.

Грохот барабана обрывается, видение исчезает.

Гай медленно встает и осторожно, обеими руками отодвигает от себя тарелку.

— Если господину угодно, я больше не могу есть, — говорит он тихо, не поднимая глаз. — Я очень сыт и благодарю господина.

Лев Петрович и Гай по крутой лестнице поднимаются в мезонин. На верхней площадке Лев Петрович откатывает дверь и пропускает Гая в комнату.

— В этой комнате ты будешь заниматься, — говорит он. — Год назад здесь жил мой внук, Сашка, он теперь в интернате и приезжает редко...

Гай обводит комнату равнодушным взглядом.

Это помещение значительно меньше столовой, но тоже просторно и светло и тоже с дощатыми стенами. Стена слева занята стеллажом, на полках в некотором беспорядке разложены книги и полуразобранные приборы. Боком к окну стоит простой письменный стол, перед ним — деревянный стул с прямой спинкой. На столе диктофон, микрофон на стойке, микроскоп под прозрачным чехлом. В стену над столом вделан небольшой прямоугольный щиток из пластика, в нем два гнезда для диктофонного шнура и набор прямоугольных клавиш. Под одним гнездом надпись: «Районный информарий»; под другим — «Районная библиотека»; под клавишами — «Нуль-связь».

— Здесь можно и спать, — продолжает Лев Петрович. — Постель выдвигается из стены... вот так.

Он нажимает рычажок в стене, деревянные панели расходятся, и из пространства между ними начинает выдвигаться край постели. Лев Петрович снова нажимает рычажок, постель уходит в стену, и панели сдвигаются.

— Это Сашка сам смастерил когда-то... Как видишь, здесь у тебя изрядная на первый случай библиотека. Выучу тебя читать — получишь громадное удовольствие.

— Я очень благодарю господина, — безучастно произносит Гай.

— Слушай, малыш, перестань называть меня господином. У меня имя есть! Лев Петрович!

— Очень хорошо, Лев Петрович, господин...

Кабинет Льва Петровича. Тот же свет, та же просторность, те же дощатые стены. Но в одну стену встроены большой круглый экран, стена напротив экрана увешана «трофеями» хозяина — черепами и шкурами чудовищных животных, убитых на других мирах, а рядом с дверью тускло отсвечивает металлическая штора, запирающая нишу в полтора человеческих роста. Под острым углом к окну, почти по диагонали комнаты стоит длинный низкий стол с зеркальной поверхностью, по сторонам его — глубокие удобные кресла.

В одном из кресел лицом к «стене трофеев» полулежит Лев Петрович. Гай стоит рядом и слушает его очень внимательно, однако без видимого любопытства.

— Вон тот зверь, — говорит Лев Петрович, — второй справа, с клыками, взят на Яйле... есть такая страшенькая планетка. Хитрущее животное. Представь себе, глубокой ночью он подрылся под барьер и проник в лагерь. Большой устроил переполох... А вон тот, с зубчатым бивнем, напал на наш вездеход. Это случилось тоже на Яйле. Обрати внимание на зубцы... Да ты подойди поближе, посмотри хорошенько.

Гай послушно подходит к стене, рассматривает страшный бивень, и вдруг взгляд его падает на некий смутно знакомый предмет, висящий под черепом бивненосца: широкий чехол, размалеванный причудливыми узорами, из которого торчит странно изогнутая рукоятка.

— Видишь? — продолжает Лев Петрович. — Они загнуты внутрь, как крючья. Пощупай, только осторожно, они острые...

Гай поворачивается к нему.

— Оружие? — полуутвердительно, полувопросительно произносит он, указывая пальцем на чехол с рукояткой.

— Что? А... Да, это оружие. Нож.

— Я могу посмотреть?

— Конечно, малыш.

Гай, придерживая одной рукой чехол, извлекает из него нож с двумя извилистыми лезвиями, похожий на огромную двузубую вилку.

— Интересный нож, правда? — говорит Лев Петрович.

— Очень интересный, господин, Лев Петрович. Только рукоять не очень удобная.

— У кентаврян рука устроена не совсем так, как у нас.

— У кен... таврян?

— Нож этот мне подарил вождь одного племени, обитающего на планете Кентавтри.

— В благодарность?

— Да. Нам удалось спасти его племя от гибели.

— Война?

— Нет. Наводнение. Разлилась большая река. Рассказать?

Гай аккуратно вкладывает нож обратно в ножны.

— Как будет угодно господину, — произносит он прежним безучастным голосом.

Лев Петрович хлопает ладонями по подлокотникам и одним движением поднимается на ноги:

— Ладно, когда-нибудь расскажу. А сейчас я покажу тебе одну очень интересную штуку. Иди сюда.

Он подходит к металлической шторе. Гай тоже подходит и становится рядом с ним. На лице его опять почтительное равнодушие.

Лев Петрович нажимает защелку, и штора с легким треском свертывается, открывая нишу в стене.

Гай вскрикивает от ужаса, хватая Льва Петровича за руку и падает на колени.

В нише, расставив крестом руки и ноги, стоит огромная неподвижная фигура.

Лев Петрович смеется и поднимает Гаю на ноги.

— Не бойся, малыш, — ласково говорит он. — Это всего лишь робот. Старый добрый Драмба.

(Робот Драмба будет играть заметную роль в фильме. Следует, вероятно, подобрать очень высокого широкоплечего артиста и облачить его в цветной костюм для подводного плавания. На руки — трехпалые перчатки, на талию — широкий пояс из металлических пластин, на голову — глухой яйцевидный шлем с дырчатым узором для обзора и дыхания и с лампой во лбу, имитирующей «глаз». Костюму следует придать «подержанный» вид — обозначить на нем следы повреждений, шрамы, потертые места и т. д.)

— Робот... — повторяет Гай. Он все еще жмет к Льву Петровичу. — Что это такое — робот? Человек?

— Нет. Робот — это машина. Он очень сильный и ловкий и выполняет все приказания людей. Но он может думать, запоминать, разговаривать...

— Робот — это раб?

— Гм... В известном смысле. Любая машина, если хочешь, есть верный раб человека. Но мы не любим этого слова. Впрочем, в наше время роботов почти не осталось. В них теперь нет нужды. А вот сотню лет назад мы брали их с собой в космос, они хорошо послужили нам, особенно на страшных больших планетах... Вот этот Драмба ходил в экспедиции еще с моим дедом.

Гай нерешительно подходит к роботу, протягивает руку и касается его. Потом вопросительно оглядывается на Льва Петровича.

— Он сейчас демобилизован, — говорит Лев Петрович. — Выключен.

— А если его включить?

— Он оживет.

— И что тогда будет?

— Он станет в готовности выполнить любой приказ. Твой. Мой. Любого человека. Построить. Разрушить. Собрать. Разобрать.

Гай сосредоточенно глядит на робота.

— Нет! — произносит вдруг он и пятится. — Если господину угодно, пусть он все время будет выключен.

Лев Петрович смеется и опускает штору:

— Ладно, малыш. Будь по-твоему.

Лев Петрович и Гай гуляют по саду. Вечереет. Лев Петрович вышагивает медленно, склонив в задумчивости голову и заложив руки за спину. Гай идет справа от него, почтительно приотставая на шаг.

Слышится негромкий медный звон. Лев Петрович останавливается.

— Ага! — произносит он. — Ну-ка, пойдём посмотрим, что это нам с тобой прислали...

Он сворачивает с дорожки и быстро идет через поляну. Гай спешит следом.

Они останавливаются у кабины нуль-транспортёра. Лев Петрович открывает дверь и вытаскивает из кабины большой картонный ящик.

— Так, — говорит он удовлетворенно и открывает крышку. — Это для тебя. Смотри. Глобусы... телескоп. Арифмометр... А это что? Атласы... А это набор инструментов, по всей видимости... Да, это инструменты. А это...

Он поднимает глаза на Гая и замолкает. Гай его не слушает. Он как зачарованный глядит на кабину.

— Ты что, малыш?

Гай спохватывается. Он прижимает ладони к груди и униженно кланяется.

— Прошу прощения, господин, Лев Петрович, — виновато произносит он.

Лев Петрович досадливо крякает.

— Это ты меня прости, — говорит он. — Совершенно упустил из виду. Видишь ли, это устройство называется нуль-транспортёр. С его помощью можно почти мгновенно

перенестись в любую точку мира... конечно, где установлены такие вот кабины. Ты сегодня уже перескочил таким образом из Виннипега сюда, под Волгоград...

Гай слушает с напряженным вниманием.

— Раньше мы передвигались и перемещали грузы по дорогам, на воздушном транспорте, на ракетах, — продолжает Лев Петрович. — Теперь надобность в этом отпала. Тыходишь в такую кабину, набираешь на пульте номер места назначения, нажимаешь стартовую кнопку — миг! — и ты точно в такой же кабине на другом конце света. Минут пять назад наши с тобой друзья в Педагогическом Центре в Москве поставили этот ящик в свою кабину, набрали наш номер — семьдесят три — ноль шесть — тринадцать — ноль девять, нажали стартовую кнопку, и через три десятых секунды ящик очутился у нас. Понимаешь?

Гай трясет головой — то ли понимает, то ли не понимает...

— Ну, как бы тебе объяснить... — Лев Петрович оглядывается, затем извлекает из ящика полоску бумаги. — Вот, смотри. Предположим, ты находишься на этом конце полоски, и тебе нужно попасть на другой конец. Раньше приходилось проделывать весь путь вдоль полоски из конца в конец. А нуль-транспортер мгновенно складывает полоску концами вместе. Вот так...

Лев Петрович показывает, но Гай уже опять не слушает его.

— И так можно попасть в любое место в мире? — спрашивает он сдавленным от волнения голосом.

— Да.

— Хоть на другой конец света?

— Правильно.

— И на другие планеты?

— Совершенно верно. На Луну, на Марс и на Венеру, на крупные спутники, на астероиды... Куда угодно. О, мы с тобой славно попутешествуем, малыш, дай срок.

Ночь. Гай в своей комнате в мезонине. Полная луна светит в раскрытое настежь окно сквозь листву деревьев. Бледный свет озаряет разбросанные на полу глобусы, инструменты, книги. Гай лежит на выдвижной постели, закинув за голову худые голые руки и глядя в потолок блестящими бессонными глазами.

Раннее утро. Разноголосый птичий щебет доносится из сада. Гай вскакивает, натягивает свою маскировочную куртку, на цыпочках подходит к окну и выглядывает.

В глубине сада, шагах в пятидесяти от дома, спит в гамаке Лев Петрович.

Гай спускается по лестнице, бежит через столовую и на цыпочках входит в кабинет Льва Петровича.

Пугливо оглядываясь на металлическую штору, за которой стоит в своей нише таинственный робот, он подходит к «стене трофеев» и снимает с крючка кентаврийский нож.

Возвращается в столовую, несколько секунд стоит в нерешительности, затем подходит к стене, в которую вправлен люк «линии доставки», всемирной автоматической системы пищевого обеспечения. Мы еще не видели «линию доставки» в действии, но Гай видел во время вчерашнего завтрака. Он довольно уверенно тянет на себя крышку люка, которая падает со щелчком, образуя подобие откидного столика.

Открывается неглубокая прямоугольная ниша.

Гай наудачу набирает номер на диске над люком.

В нише возникает горшочек, накрытый крышкой.

Гай снимает крышку. Из горшочка поднимается пар.

Ноздри Гая раздуваются. Он запускает в горшочек пальцы и, обжигаясь, набивает рот чем-то чрезвычайно аппетитным — кажется, тушеной бараниной.

Извлекает горшочек из ниши, ставит на стол на скатерть и снова наудачу набирает номер.

Когда на столе набирается порядочная груда горшочков, свертков и пакетов, он заворачивает все в скатерть и так, с узлом в одной руке и с кентаврийским ножом в другой, крадучись выходит в сад.

Лев Петрович безмятежно спит, покачиваясь в своем гамаке.

Гай, воровато оглядываясь, прокрадывается к кабине нуль-транспортера. В последний раз, как ему кажется, обводит взглядом сад вокруг себя и небо над головой, входит в кабину, кладет узел на пол и закрывает за собой дверь.

Лев Петрович, слегка приподняв веки, внимательно наблюдает за ним.

Гай с неподвижным от огромного внутреннего напряжения лицом медленно нажимает на пульте клавишу за клавишей, набирая (тоже наудачу, разумеется) восьмизначное число. Затем, зажмурившись, изо всех сил надавливает большим пальцем на стартовую кнопку.

Тихий медный звон, и все вокруг кабины мгновенно меняется.

(Коротенькая эпопея отчаянной и заведомо безнадежной попытки Гая удрать на свою далекую родину позволит нам заглянуть «одним глазком» в некоторые уголки вселенской империи человечества описываемой эпохи. Выбор этих уголков зависит от вкуса режиссера и, главное, от технических возможностей студии. Мы здесь приводим четыре примерных варианта. Что же касается психологии этого поступка нашего героя, то она сродни психологии четырехлетнего карапуза, который заблудился в большом городе и без страха и сомнения влез в первый попавшийся трамвай — ибо твердо знает, что возле его дома проходит трамвайная линия.)

Сад вокруг кабины мгновенно сменяется огромным залом, в котором всюду идет бал-маскарад на историко-этнографическую тему. Гремит величественный менуэт, ярко сияют лампы, стилизованные под свечи, факелы и светильники, танцуют сотни молодых мужчин и женщин в одеждах и уборах средневековой и древней Европы и Азии, Африки и Центральной Америки. Гай в изумлении и растерянности таращит глаза на это варварское великолепие. Менуэт резко сменяется индийскими ритуальными мотивами. Девушка, одетая боярышней, пролетая мимо, бросает в сторону кабины рассеянный взгляд, отворачивается, снова оглядывается на кабину и останавливается. Она что-то быстро говорит своему партнеру — юноше в костюме испанского гранда времен герцога Альбы. Они выбирают из танца и направляются к кабине. Гай, трясаясь от страха, принимается торопливо щелкать клавишами. И сквозь музыку то ли чудится ему, то ли действительно доносится откуда-то тихий голос:

— Твой обратный номер: семьдесят три — ноль шесть — тринадцать — ноль девять...

Медный удар, и снова все меняется вокруг кабины.

Черно-белая, озаренная полярным сиянием арктическая ночь. Сугробы, нагромождения торосов. Метет поземка. Возле кабины воткнуты в сугроб две пары лыж. Гай безнадежно озирается. И снова — теперь уже явственно на фоне посвиста поземки — звучит голос:

— Твой обратный номер: семьдесят три — ноль шесть...

Гай снова наудачу щелкает клавишами и нажимает стартовую кнопку. И исчезает из кабины вместе со своим узлом.

Через несколько секунд к освещенной кабине из темноты лениво подбредает белый медведь, нюхает прозрачную стену и так же лениво убредает прочь.

Гай в кабине в каком-то тускло освещенном помещении. Он настороженно озирается, затем на лице его появляется выражение крайнего удивления. Он слегка подпрыгивает, и это ничтожное усилие подбрасывает его до потолка кабины. Ударившись головой о потолок, он начинает медленно падать, раскорячившись, испуганно хватая воздух руками.

Нет, это опять не Тоба-два. Кабина стоит в низком тоннеле с серыми бетонными стенами, вдоль которых тянутся какие-то трубы и толстые кабели. Тоннель освещен редкими лампами, концы его скрываются в сумрачном тумане.

Давешний голос внятно произносит в тишине:

— Твой обратный номер: семьдесят три — ноль шесть — тринадцать...

Конец фразы заглушается звонким клацаньем. К кабине приближается высокий парень в комбинезоне, жгучий брюнет со здоровенным горбатым носом и веселыми глазами. Клацают по металлическому полу магнитные подковки на его огромных башмаках.

Гай начинает набирать очередной номер, не глядя на пульт.

Поравнявшись с кабиной, парень останавливается.

— Ты что, мальчуган, заблудился? — спрашивает он участливо.

Гай мотает головой. Большой палец его лежит на стартовой кнопке.

— Где это я? — спрашивает он.

— На Рее ты, — отвечает парень, улыбаясь.

— На Рее... Это что такое?

— Спутник Сатурна, малограмотный. Чему вас только учат теперь! Тебе-то куда надо?

— На Тобу-два, — отвечает Гай со злостью.

— На Тобу! — Парень протяжно свистит.

Гай нажимает стартовую кнопку.

Медный звон, и все снова меняется вокруг.

Видимо, это какое-то крупное предприятие. Желто-алый сияющий водопад расплавленного металла и четкие фигурки людей, спокойно наблюдающие этот прирученный ад.

Гай в тупом отчаянии закрывает глаза.

Тихий голос произносит:

— Твой обратный номер...

Палец Гая послушно нажимает на клавиши: семь, три, ноль...

И вот Гай снова в саду, освещенном утренним солнцем. Разноголосно щебечут птицы. Безмятежно спит в своем гамаке Лев Петрович.

Гай поднимает узел, выходит из кабины и бредет к дому.

Когда он скрывается из виду, Лев Петрович проворно выскакивает из гамака и бежит к кабине.

Открывает дверь, поднимает с пола крошечный, размером в четверть спичечного коробка, ящичек из цветной пластмассы.

Тихий голос из ящичка произносит:

— Твой обратный номер: семьдесят три — ноль шесть — тринадцать...

Гай и Лев Петрович сидят в креслах в кабинете.

— Да, господин, Лев Петрович, — тихо и почтительно говорит Гай. — Я не смею спорить, у вас очень хорошо на вашей планете. Много еды, ничего не нужно делать. Можно даже ногами не ходить...

Лев Петрович раскатисто смеется, закидывая голову. Гай замолкает, пережидая смех, затем продолжает:

— Но мы-то так не можем. Мы всегда воюем. Каждый мужчина — солдат. Каждая женщина — мать солдата. Для нас нет большей радости, чем воевать и утолять ненависть к врагу. Так сказал великий герцог. Для этого мы и живем. Иначе скучно и незачем. Я понимаю, господин, Лев Петрович, у вас войн не знают, вы на вашей Земле никогда не воевали...

Лев Петрович качает головой:

— Ошибаешься, малыш. Воевали. И как воевали! Гораздо страшнее, чем вы. И самые свирепые войны у нас были как раз за то, чтобы войны прекратить навсегда.

Гай почтительно, но недоверчиво склоняет голову:

— Если господин так говорит...

— Повернись к экрану.

Гай послушно поворачивается лицом к круглому экрану в стене.

Лев Петрович приподнимается в кресле и особым движением проводит ладонью по своему длинному узкому столу. (Собственно, это не стол, а один из десятков миллионов элементов всемирной системы информации и связи, управляемый биотоками.)

Изображение возникает перед экраном и скрывает его.

Это должен быть батальный эпизод из кинохроники Великой Отечественной войны или из хорошего военного фильма: например, артиллерийская подготовка, столкновение танковых армий, воздушный бой...

Кабинет наполняется грохотом, лязгом брони, воем снарядов.

Равнодушие и апатию Гая как рукой снимает.

Он смотрит, широко открыв глаза, ноздри его раздуваются, рот приоткрыт.

Он вскакивает на ноги.

Лев Петрович сбоку внимательно следит за ним.

И вдруг Гай истерически кричит:

— Бей их! Бей! Вколачивай в землю! Жги!

Он переходит на свой язык, визжит, плюется, топает ногами...

Лев Петрович хватает его за плечи:

— Что ты, малыш, что ты? Гай! Что с тобой?

Гай молча бьется в его руках, лицо его блестит от пота.

Изображение гаснет.

Лев Петрович, придерживая Гая за трясущиеся плечи, поит его из бокала с прозрачной жидкостью.

Зубы Гая стучат о стекло.

На лице Льва Петровича виноватое и озабоченное выражение.

Поздний вечер. Лев Петрович и Гай сидят на ступеньках крыльца и глядят на звездное небо.

Ползет среди неподвижных звезд яркое цветное пятнышко.

— Это БГТ, — негромко поясняет Лев Петрович. — Большой гравитонный телескоп. С его помощью мы изучаем центр Галактики.

Гай молчит.

Еще одно пятнышко, покрупнее и поярче, восходит в зенит.

— «Прометей», — поясняет Лев Петрович. — Один из первых наших звездолетов. Теперь он на вечном приколе, памятник первопроходцам Глубокого Космоса. А лет семьдесят назад служил тренировочной базой. В молодости я на нем стажировался...

— Сейчас он может летать к иным звездам?

— Может, вероятно... Заправить его горючим, отрегулировать реакторы... Но в наше время к иным звездам летают на нуль-звездолетах, малыш. Почти мгновенный переход.

— Это нуль-транспортер?

— Нет. Нуль-транспортер работает только в пределах нашей Солнечной системы. А межзвездные переходы совершают на нуль-звездолетах. Принцип тот же, складывается пространство, но нужно неизмеримо больше энергии и очень большая точность.

После продолжительного молчания Гай спрашивает:

— Господин, Лев Петрович, отсюда видна моя Тоба?

Лев Петрович окидывает взглядом небо:

— Нет, Тоба взойдет позже, часа через два... Не надо так тосковать, малыш. Ты ведь у нас не в плену, а в гостях. О войне забудь навсегда. Когда ты вернешься на Тобу, о ней

уже и помнить забудут. Но все равно, работы там будет по горло, это мы тебе обещаем, и трудностей будет еще выше головы. Так что твое дело сейчас — набираться сил, расти и учиться.

Гай молчит.

— А чтобы тебе не было на первых порах так скучно, — продолжает Лев Петрович, — я все-таки познакомлю тебя с Драмбой, с роботом. Он очень забавный, послушный, много знает. С ним можно гулять, играть, разговаривать. Хочешь?

— Как будет угодно господину, — покорно говорит Гай.

— Роботы многое умели, — задумчиво произносит Лев Петрович. — Кое-что они умели лучше, чем люди. Например, они работали на дне океанов, в жерлах действующих вулканов, на поверхности голых планет. Они водили звездолеты...

Гай вздрагивает.

— ...перемещали тяжести, производили сложные вычисления, выполняли всякого рода тонкие механические действия... И при всем том они всегда были послушны и дисциплинированы.

— Вроде как солдаты? — спрашивает Гай.

— Нет, до них далеко и самым лучшим солдатам. Потом, когда появились нуль-транспортеры и мультипликаторы, когда была доведена до совершенства система информации и связи, нужда в роботах, естественно, исчезла.

— Куда же они подевались?

— Стоят в хранилищах. Некоторые, как мой Драмба, остались у прежних хозяев...

Лев Петрович замолкает.

Гай тоже молчит. По лицу его видно, что он о чем-то напряженно думает.

Лев Петрович поднимается.

— Пора спать, малыш, — говорит он.

Утро. Лев Петрович и Гай в кабинете перед раскрытой нишей. Робот Драмба, огромный и неподвижный, расставив крестом руки и ноги, слепо глядит перед собой своим одиноким «глазом» на макушке.

Гай опасливо держится позади Льва Петровича.

Лев Петрович вставляет миниатюрные аккумуляторы между пластинами пояса робота. Аккумуляторы тихо щелкают, входя в гнезда.

Окончив зарядку, Лев Петрович отступает на шаг и, подняв руку, плавно проводит ладонью по воздуху на уровне «глаза».

«Глаз» медленно наливается зеленоватым светом.

Гай судорожно вздыхает и пятится.

Драмба опускает руки и сдвигает ноги. Голова его медленно поворачивается из стороны в сторону. Кажется, будто он оглядывает комнату, а впрочем, так это и есть на самом деле.

— Все в порядке, Драмба? — спрашивает Лев Петрович.

— Все в порядке, Лев, — густым монотонным голосом отвечает Драмба.

— Выходи, — приказывает Лев Петрович.

Драмба делает два шага вперед и останавливается.

— Драмба, это Гай, — говорит Лев Петрович. — Он мальчик с другой планеты. Он мальчик с планеты, на которой идет большая война. Он мальчик из преисподней. Ты будешь с ним играть, гулять и разговаривать. Ты меня понял, Драмба?

— Я тебя понял, Лев, — произносит Драмба. «Глаз» его поворачивается к Гаю. — Очень хорошо, Гай. Мы будем с тобой играть, гулять и разговаривать.

Гай осторожно подходит к роботу и глядит на него снизу вверх.

— Но если ты не будешь меня слушаться, — говорит он сдавленным от волнения голосом, — тебя снова выключат и демобилизуют!

Жаркая заволжская степь. Гай и робот Драмба гуляют. Здесь становится ясно, что старый прогрессор Лев Петрович поселился на окраине огромного, кипучего, полного жизни и энергии мира. Далеко за горизонтом поднимаются в ясное небо серо-белые силуэты необыкновенных строений, и гряда этих силуэтов, причудливая и по-воздушному легкая, охватывает степь с запада чуть ли не вполовину горизонта. Временами среди этих призрачных форм вспыхивают и мгновенно исчезают ослепительно-яркие точки, целые серии точек... Так, вероятно, можно наиболее дешевым способом «обозначить» существование могучей урбанистической цивилизации Земли.

Гай и Драмба стоят на вершине пологого холма и смотрят на город.

— Город, — монотонным голосом говорит Драмба. — Это город. Волгоград. Он стал больше с тех пор, когда я в последний раз видел его. Тебе не разглядеть, мальчик, а мне видно, как текут людские потоки через висячие сады над Тракторным Музеем...

— Пойдем, — нетерпеливо говорит Гай и сбегает с холма, путаясь ногами в высокой траве.

Драмба спускается следом за ним.

Они останавливаются перед широкой полосой великолепного шоссе, прямого, как стрела, прорезающего степь от горизонта к горизонту.

Впрочем, очевидно, что этим шоссе давно не пользуются. Кое-где покрытие потрескалось, и сквозь него пробивается трава, а местами желтеют на нем наносы тонкого песка.

— Дорога? — спрашивает Гай.

— Дорога, — отзывается Драмба. — Туда, — он показывает на запад, — она ведет на Волгоград, на Киев, на Варшаву... А туда, — он показывает на восток, — она ведет на Караганду, на Улан-Удэ, на Мукден... Когда-то по ней днем и ночью неслись машины, сотни тысяч, миллионы машин, а теперь она стала не нужна, никто теперь в целом мире не пользуется дорогами. Зачем они, когда есть нуль-транспортеры?

Гай ступает на дорогу, стучит каблуком по покрытию.

И тут с неба доносится веселый смех, женский голос звонко кричит:

— Орел, Ястреб, Коршун! Догоняйте, что же вы?

Мужские голоса откликаются:

— Мы спешим, Летучая Мышь! Не уйдешь! Бери правее, Наташка! Держись Волги!

Гай задирает голову и, прикрываясь ладонью от солнца, силится разглядеть в синеве летящих людей.

— Вон они, — говорит Драмба, указывая трехпалой рукой.

Но Гай ничего не разглядел. Голоса, переключаясь, удаляются и вскоре становятся не слышны.

— Летают, — произносит Драмба. — Раньше редко можно было видеть летающего человека. Все меняется. Все время меняется.

Гай вдруг испуганно восклицает:

— Что это?

В невообразимой дали, из-за далеких силуэтов башен и эстакад города, медленно взмывает в небо странная сероватая фигура — нечто совершенно исполинских размеров — поднимается все выше и, описав гигантскую дугу, вновь скрывается за горизонтом.

Драмба отвечает после молчания:

— Не могу, не знаю, что сказать. Никогда не видел такого. Я говорю тебе: все меняется. Люди не хотят успокаиваться.

Гай, зябко поеживаясь, озирается. Видно, что ему очень не по себе.

— Пойдем назад, — говорит он и, повернувшись, идет обратно.

Драмба послушно следует за ним.

Гай снова останавливается.

— Слушай, Драмба, — говорит он, — это правда, что роботы умеют водить звездолеты?

— Правда, — отвечает Драмба.

— И ты тоже умеешь?

— Умею.

Гай, прищурившись, глядит на робота.

— А ну! — говорит он резким неприятным голосом. — Разве ты не видишь, раб, что я устал? Возьми меня на плечи и неси домой!

Драмба поднимает Гая, сажает к себе на плечи и трогается в обратный путь.

— Живее! — визжит Гай. — Пошевеливайся, раб!

У себя в кабинете Лев Петрович беседует с работником Педагогического Центра. Изображение работника, могучего мужчины с окладистой бородой, висит перед круглым экраном. Лев Петрович сидит в кресле.

— Все его мысли заняты войной, — говорит он. — Мечтает он только о том, как бы обвести нас вокруг пальца и бежать. Пособия, которые вы прислали, не интересуют его. Тобианин Мори прав — мальчик отравлен фанатизмом до мозга костей. Скажите мне прямо, Арнольд: вы можете дать мне конкретные рекомендации в ближайшее время?

Арнольд медленно качает головой:

— Не в ближайшее, Лев. Мы здесь в потемках. Поймите, наша педагогика не сталкивалась с такой психоструктурой уже лет триста. Вы, прогрессоры, специалисты по контактам, здесь много сильнее нас. Ксенология здесь представляется более уместной, нежели наша педагогика.

— Я знаю, я знаю, — нетерпеливо говорит Лев Петрович. — Мне тоже кажется, что разумных ящеров Пандоры легче приобщать к нашему образу мышления, чем этого несчастного мальчика.

— Не нужно отчаиваться, Лев. Думайте, Лев. И мы здесь тоже будем думать.

Арнольд делает приветственный жест и исчезает.

Лев Петрович задумчиво смотрит на пустой белый экран.

В саду Гай продолжает «осваивать» робота Драмбу. Робот стоит навтыжку, а Гай в своей маскировочной куртке с эмблемой на правом рукаве, заложив руки за спину, прохаживается перед ним взад и вперед, подражая командирам в казармах Бойцовых Котов.

— Итак, — с важностью говорит он, — ты должен твердо вбить в свою железную башку, что я, капрал Гай, являюсь твоим непосредственным командиром, а самой высшей и непререкаемой властью для нас является его сиятельство великий герцог Алайский. Понял, образина?

— Я тебя понял, Гай, — отвечает монотонно Драмба.

— Я тебе не Гай! — орет Гай. — Отвечай: так точно, господин капрал!

— Так точно, господин капрал.

— То-то же. Кто я?

— Капрал Гай.

— Господин! Господин капрал Гай! Повтори, скотина!

— Господин капрал Гай.

— А кто для нас высшая и непререкаемая власть?

— Его сиятельство великий герцог Алайский.

— Правильно. Хвалю. Отвечай: рад служить!

— Рад служить.

Гай останавливается перед роботом, набирает полную грудь воздуха и орет, надсаживаясь:

— Его сиятельству великому герцогу — четырежды ура!

— Ура. Ура. Ура. Ура, — монотонно произносит робот.

— Громче, раб!

— Ура! Ура! Ура! Ура!

Гай морщится невольно, трясет головой и прочищает ухо пальцем. Затем отходит в сторону и командует:

— Слушай команду! Пр-р-рямо! Ш-шагом! Марш!

Драмба, высоко вскидывая ноги и держа руки по швам, шагает через поляну.

— Р-раз! Р-раз! Р-раз, два, три! — командует Гай.

Слышится нарастающий грохот барабана.

Гай вприпрыжку бежит рядом с Драмбой, стараясь не отставать.

Грохот барабана нарастает.

— Р-раз! Р-раз! Р-раз, два, три!

И вдруг грохот барабана обрывается.

Драмба замедляет шаг и готовится свернуть, чтобы обогнуть сосну, вставшую на его пути.

— Пр-рямо! — сипло кричит Гай. — Не смей сворачивать!

Драмба упирается в дерево обеими руками, надавливает, раздается раздирающий треск, и дерево, вывороченное с корнем, рушится.

— Пр-рямо! — ликующе вопит Гай. — Р-раз! Р-раз!

Драмба шагает, топчя и выворачивая кусты и молодые деревья.

И снова грохочет барабан, к нему присоединяются визгливые флейты, и хор солдатских голосов затягивает «Марш Бойцовых Котов».

И исчезает сад, заволакивается багровым дымом небо.

Драмба марширует, гоня и избивая бегущих в панике врагов в конусовидных касках и полосатых балахонах. Навстречу ему выкатывается броневик, но Драмба опрокидывает его. Навстречу ему высовывается неуклюжая пушка на трех колесах, но Драмба растаптывает ее. Оглушительно грохочет барабан, оглушительно визжат флейты, оглушительно режут солдатские глотки...

— Стой, Драмба! — раздается громовой голос Льва Петровича.

И сразу все стихает, исчезает видение.

Снова вокруг сад.

Драмба словно врос в растерзанную клумбу, а перед ним стоит Лев Петрович и смотрит на Гая.

Гай, тяжело дыша, сверкая глазами, подходит к нему на негнущихся ногах.

— Не позволю!.. — кричит он. — Я — командир! Не позволю!

Он шатается и трясет головой.

— Прошу прощения, господин, Лев Петрович, — виновато произносит он и пытается улыбнуться. — Мы с Драмбой играем...

Лев Петрович кивает и переводит взгляд на просеку, проломленную Драмбой в кустарнике.

— Конечно, — говорит он. — Играй, малыш. Только старайся беречь сад. Ведь выращивать сады ты еще не научился, правда?

— Прошу прощения, господин, — повторяет Гай.

Лев Петрович снова кивает и поворачивается, чтобы идти.

— Я могу задать вопрос? — спрашивает Гай.

— Слушаю, малыш.

Гай опускает глаза и ковыряет носком землю. Затем вскидывает голову.

— Нельзя сделать так, чтобы Драмба слушался только меня? — сдавленным голосом спрашивает он.

Лев Петрович несколько секунд печально глядит на него:

— Да, разумеется, малыш. Сегодня вечером мы этим займемся.

Лев Петрович работает у себя в кабинете. Он сидит в кресле у своего длинного узкого стола и, словно пианист, рассеянно наигрывающий какую-то импровизацию,

легонько барабанит кончиками пальцев по зеркальной поверхности. И перед экраном в такт этому постукиванию вспыхивают ряды цифр и непонятных символов, сливаются и переходят друг в друга, гаснут и уступают место новым. Время от времени пальцы Льва Петровича замирают, и тогда замирают цифры и символы.

Раздается негромкий низкий гудок.

Лев Петрович проводит по поверхности стола ладонью, цифры и символы исчезают, и перед экраном возникает изображение мужчины средних лет в цветастой рубашке с открытым воротом.

— Здравствуй, Перри, — приветливо говорит Лев Петрович. — Давно не виделись.

— Здравствуй, Лев, — отзывается мужчина. — Айзек вернулся, ты знаешь?

— Знаю.

— Ты не очень занят сегодня?

— Часа через два освобожусь. Буду рад видеть вас у себя. Кто будет?

— Айзек с Леной и я, если не возражаешь.

— Жду вас к пяти вечера.

— Будем к пяти.

Перри делает приветственный жест, и его изображение исчезает.

Лев Петрович протягивает было руку к столу, но останавливается и встает.

Выходит на крыльцо.

В саду Драмба сажает вывернутое им дерево. Гай стоит возле него, насвистывая «Марш Бойцовых Котов».

— Гай! — окликает Лев Петрович.

Гай оборачивается.

— Я, господин!

Он услужливо подбегает и останавливается перед Львом Петровичем.

— Слушай, малыш, — говорит Лев Петрович. — Сегодня у меня будут гости. Мои старые друзья. Один из них вернулся из экспедиции к центру Марса. Ты не хочешь познакомиться с ним?

Лицо Гая скучнеет.

— Как будет угодно господину, — бормочет он.

Лев Петрович смеется:

— Лучше пусть будет, как угодно тебе. Ладно, иди.

Лицо Гая сразу оживляется:

— Смотрите, господин, Лев Петрович, можете убедиться! Я исправил все, что напортил вчера Драмба. Сейчас мы поставим обратно дерево, и не останется никаких следов!

— Молодец, — говорит Лев Петрович.

Лев Петрович принимает гостей в саду на лужайке.

Эта сцена должна быть характерной для социального быта описываемой эпохи. Нет ни общего стола, ни заранее приготовленных закусок и напитков. Хозяин и гости нетесным кругом полулежат и сидят на разноцветных коврах, брошенных на траву. Перед каждым стоит квадратный или круглый низенький столик на манер японских «цкуэ». На каждом столике — изящный ящик с набором гастрономических тюбиков, три-четыре разноцветных сифона, высокие бокалы, стопка блюдец тонкой пластмассы под фарфор, вилки, ложки, палочки для еды «хаси». Друзья, не прерывая беседы, выбирают из набора тюбиков то, что им по вкусу, и выдавливают на блюдецки. Содержимое тюбиков ведет себя на блюдецках по-разному: вздувается и застывает пенистой массой; превращается в желе; коагулирует в сочный дымящийся кусок мяса; распадается на аппетитные ломтики в озерцах соуса и так далее. Напитки наливаются в бокалы из сифонов не более чем по чайной ложке, но эта чайная ложка странным образом превращается в полный бокал ледяной пузырчатой жидкости, один вид которой возбуждает жажду.

Гости Льва Петровича: Лена, медик, милая женщина в белом платье с короткими рукавами; ее муж Айзек, шахтер-исследователь, могучий черноволосый мужчина в шортах и мягкой полотняной куртке, распахнутой на груди; Перри, учитель, все в той же цветастой рубашке.

Друзья беседуют, а Гай тайком наблюдает за ними из окна своей комнаты в мезонине.

Айзек (он сидит, скрестив ноги, и, ловко орудуя палочками, со вкусом поедает что-то вроде розового пудинга) заканчивает рассказ:

— Короче говоря, этот самый «Крот-скороход» безусловно годится для геологий планет типа Марса или, скажем, Меркурия, но о работе на планетах земного типа говорить еще рано. Я так и заявил в своем заключении, но Подольский со мной не согласился, авантюрист несчастный...

— Но ведь хороша машина, — произносит Лев Петрович.

— Безусловно. И давление держит, и на ходу хороша, и понимает тебя с полуслова... Но на тяжелых планетах ее еще испытывать и испытывать.

Айзек ставит блюдечко на столик и смотрит в сторону дома:

— А ничего ты себе домик построил, Лева. Сам строил?

— Вдвоем с Сашкой, — отвечает Лев Петрович, приготавливая себе блюдо, напоминающее бифштекс. — В два топора, в два резака, в четыре руки. Весь год работали.

— Сейчас многие строят дома вручную, — замечает Перри. Он лежит, подперев голову, с бокалом в руке и рассеянно глядит в небо. — Прямо поветрие какое-то. Я вот тоже собираюсь.

— А что! — воинственно кричит Айзек. — Давай! Выберем хороший участок где-нибудь на Енисее... Как это практически делается, Лев?

— Просто. Заказываешь доски по Линии Доставки...

— Нет-нет-нет! Никакой Линии Доставки. Сами срубим сосны где-нибудь на Ангаре, свяжем плот, сплавим его вниз к Енисею, доведем до Туруханска...

— Там плот бросим, — подхватывает Лена, — и разойдемся по своим делам. Энтузиаст!

— Нет, почему же...

Лев Петрович хохочет, а Перри говорит строго:

— Молчи, Айзек. Ты ведь в жизни своей еще ни одного дела не довел до конца.

— Ах, так? — Айзек вскакивает. — Тогда у меня есть для вас подарок.

Он роется в нагрудном кармане, извлекает огромный, удивительной красоты алмаз и бросает его Льву Петровичу:

— Красивый камешек, верно? Взяли мы пробу на глубине восьми сотен километров. Так, миллиграммчик пыли. Поместили в баростат, потихоньку снижаем давление. И что вы думаете? Довели до двух сотен атмосфер, глядим, пылинки разбухать стали, и в конце концов каждая превратилась в такое вот чудо... Где у тебя мультипликатор, Лева?

— Куда ты? Сиди, успеешь, — пытается удержать его Лев Петрович.

— Нет! Желая немедленно подарить вам всем по такому камешку. И в первую очередь моей дорогой королеве... Пошли, Лева, пошли, нечего тут...

Лев Петрович встает, посмеиваясь, и они вдвоем идут к дому.

Гай неслышно перебегает от окна к двери и спускается вниз.

Лев Петрович и Айзек проходят через гостиную в кабинет. Айзек говорит на ходу:

— Еще бы не соскучился! Будто бы сам не знаешь, звездный бродяга... И по Ленке соскучился, и по тебе соскучился, и по всей своей зеленой Земле... Шутка сказать, сто семьдесят суток в багровой тьме... А, да что вспоминать!

Они задерживаются перед открытой нишей, в которой стоит Драмба, и Айзек растроганно-шутливо произносит:

— Как поживаешь, старый приятель?

— Благодарю, Айзек, — монотонно отзывается робот.

Айзек непроизвольно вздрагивает.

— Он у тебя включен? — спрашивает он Льва Петровича. — Зачем?

— Мальчик играет с ним.

— Мальчик? Ах, да! Слушай, ты не мог бы...

Лев Петрович, прижав палец к губам, торопливо прерывает его:

— Об этом потом.

Он кладет Айзеку руку на плечо и подводит к противоположной стене:

— Вот тебе мультимпликатор.

Он сдвигает деревянную панель. За нею оказывается выпуклая металлическая крышка.

Гай внимательно наблюдает за ним, прячась за дверью.

Лев Петрович поднимает крышку и кладет алмаз в неглубокую прямоугольную нишу.

Захлопывает крышку. Звонкий щелчок.

Открывает крышку. В нише лежат два алмаза.

Глаза Гая выкатываются из орбит. Он едва дышит.

— Еще разок, — деловито произносит Айзек.

Лев Петрович еще раз хлопывает и снова открывает крышку.

В нише лежат четыре алмаза.

— Вот и достаточно, — говорит Айзек.

Забрав алмазы в горсть, он подбрасывает их на ладони.

— Пойдем, — говорит он с шутливой торжественностью. — Это будет незабываемое зрелище: владыка подземелий Марса раздает свои сокровища женам и приближенным!

Они выходят, не заметив прижавшегося к стене Гая.

Крышка мультимпликатора остается открытой.

Гай прислушивается. Тишина.

Он входит в кабинет и нерешительно приближается к мультимпликатору.

Сует руку в карман своей зелено-коричневой куртки с оранжевой эмблемой на рукаве и вдруг оглядывается на Драмбу.

Драмба неподвижно стоит в своей нише.

Гай грозит ему кулаком и шипит:

— Молчи, раб!

— Я молчу, — монотонно отзывается робот.

Гай секунду колеблется, затем подбегает к нише и опускает штору. Возвращается к мультимпликатору, снова опускает руку в карман и извлекает автоматный патрон.

Кладет патрон в мультимпликатор, решительным движением закрывает выпуклую крышку. Звонкий щелчок.

Поднимает крышку. В мультимпликаторе два патрона.

Опускает крышку. Звонкий щелчок.

Поднимает крышку. Четыре патрона.

Вытирает со лба пот, воровато озирается и снова опускает крышку.

Между тем на лужайке в саду идет разговор о Гае.

— Я все-таки не совсем понимаю, — раздумчиво говорит Айзек, наполняя свой бокал. — Если мальчуган так рвется домой, почему вы ему не уступите? Отправьте его назад, и дело с концом...

— Почему мы ему не уступим... — Лев Петрович усмехается невесело. — По двум причинам, по крайней мере, дорогой Айзек. Во-первых, насколько мы смогли установить, все его родные и близкие погибли. Положим, войну мы у них вот-вот прекратим, но все равно, у кого из нас, взрослых и опытных людей, поднимется рука вернуть его в этот холодный, голодный, разоренный мир?..

Воцаряется молчание. Лена, хмурясь, рассеянно обрывает лепестки с цветка.

— Значит, — произносит Перри, — если бы он тоже был взрослым и опытным...

— Как только окончится война, — холодно прерывает его Лев Петрович, — все восемнадцать взрослых тобиан, прошедших у нас специальную подготовку, вернутся на свою планету.

— Нищета, паразиты, эпидемии... — бормочет Айзек. — Бр-р-р...

— Они и вернутся, чтобы бороться с нищетой и всем прочим.

— Хорошо, — говорит Перри. — Я понимаю. Мы, взрослые и опытные люди, просто не в состоянии ввергнуть бедного мальчугана в ад, из которого сами же извлекли. Это во-первых, как ты сказал. А что во-вторых?

— Во-вторых, он нам нужен. В ближайшее десятилетие на Тобе-два нам понадобятся сотни, тысячи тобиан — наших единомышленников, а у нас их пока и двух десятков нет. Гай — первый мальчик-тобианин на Земле, и мы, прогрессоры, возлагаем на этот опыт большие надежды...

...В кабинете у раскрытого мультимпликатора Гай торопливо набивает карманы автоматными патронами. Когда в мультимпликаторе ничего не остается, Гай бросает в него несколько патронов и снова принимается хлопать крышкой.

На лужайке Лена говорит сердито:

— Мальчик тоскует, рвется отсюда. Как медик я предупреждаю тебя, что это может плохо кончиться.

— Признаться, его состояние тревожит меня самого, — задумчиво произносит Лев Петрович. — Все дело в том, по-моему, что ему скучно. Сначала было страшно, а потом, когда страх прошел, стало скучно.

— Слушай, Лев, — говорит Перри. — А почему ты решил держать его при своей перезрелой особе? Почему не попытаться свести его со сверстниками?

— Например, поместить его в твой интернат? — Лев Петрович качает головой. — Ты не представляешь себе, какой он дикий. Мальчик из преисподней среди двух сотен твоих веселых сорванцов...

— Ну, не обязательно в интернат. Вот, например, у тебя внук есть, Сашка, он примерно такого же возраста...

— Внук... Думаешь, мне самому это в голову не приходило? Нет, все это никуда не годится. Обычный современный подросток не способен подделываться... У меня есть другая идея, более заманчивая. Нужно будет только посоветоваться с Арнольдом.

— С каким Арнольдом? А, из Педцентра... А что за идея?

Мягкий, но очень громкий женский голос произносит:

— Внимание, друзья! Внимание, друзья! Говорит местный микропогодный комбинат. Через пять минут над Заволжьем будет пролит непродолжительный дождь средней обильности.

Все автоматически поднимают глаза к небу.

Над вершинами деревьев, медленно кружась, собираются тучи.

— Пойдем в дом или посидим под дождиком? — спрашивает Лев Петрович.

— Довольно сидеть, пойдемте прогуляемся, — говорит Лена и поднимается.

Остальные тоже встают.

— Так что у тебя за идея? — спрашивает Перри.

Шум надвигающегося дождя заглушает ответ Льва Петровича.

Трое мужчин и женщина под проливным дождем неторопливо пересекают лужайку и скрываются за деревьями.

Дождь хлещет по оставленным коврам и столикам.

Яркий солнечный день. На холме за опушкой сада Драмба под руководством Гая роет яму причудливой конфигурации — широкий круглый колодец глубиной по грудь и

лучами отходящие от него три траншеи. Работа почти закончена, Гай и Драмба с ног до головы вымазаны в земле.

На холм поднимается Лев Петрович.

Останавливается на краю ямы, недоуменно озирается.

— Что это ты здесь делаешь? — спрашивает он.

Гай, сидящий на корточках на дне траншеи, поднимает голову и щурится от солнца.

— Окоп полного профиля для тяжелой мортиры, господин, Лев Петрович. Драмба отрыл его всего за час.

— Но у тебя же нет тяжелой мортиры, малыш. Даже легкой нет. Зачем же тебе окоп, да еще полного профиля?

Гай выбирается из траншеи и с гордым видом оглядывает свою работу.

— Я хотел посмотреть, может ли Драмба рыть окопы, — объявляет он.

— Гм... Драмба все может. Слушай, малыш, я вот для чего тебя искал. Хочешь, я познакомлю тебя с ребятами?

— С какими ребятами?

— С такими же, как ты. Только землянами.

Гай отрицательно качает головой:

— Если господину угодно, я хочу только одного. Чтобы меня с Драмбой покатали на звездолете.

— На звездолете? А почему с Драмбой?

— Мы с Драмбой друзья. Нас теперь водой не разольешь — вот какие мы с Драмбой друзья. Правда, Драмба?

— Так точно, господин капрал! — отвечает Драмба, ловко орудуя лопатой.

— Мне было бы интересно покататься на звездолете, — заискивающе говорит Гай. — И Драмбе тоже.

— Драмбе не может быть интересно, — возражает Лев Петрович, внимательно глядя в лицо Гая. — Драмба машина, а не человек. И вообще, покататься на звездолете... Это не так просто устроить, малыш. На звездолетах работают, а не катаются.

Лицо Гая вытягивается.

— Ну что ж... — говорит он. — Тогда ничего не поделаешь.

— Вот что, — решительно говорит Лев Петрович. — Иди умойся, приведи себя в порядок и приходи в кабинет. Там поговорим.

У себя в кабинете Лев Петрович садится в кресло и кладет ладонь на зеркальную поверхность аппарата информации и связи.

Проходит несколько секунд, и перед экраном возникает изображение хорошенькой девушки лет шестнадцати. Она коротко подстрижена, на ней мешковатый комбинезон, над правым нагрудным карманом красная нашивка с надписью «Гулливер».

— Координатор группы «Гулливер» Галина Мохова, — официально представляется она звонким чистым голосом. — Здравствуйте, Лев Петрович.

— Здравствуй, Галка. Я здесь прослушал и просмотрел твой отчет за вчерашний день. Пока у вас все как будто в порядке... не понимаю только, почему вы затянули с барьером.

— Сложная местность, Лев Петрович. Но Капитан... то есть Корней заверил меня, что через неделю закончит.

— Будем надеяться. Теперь вот какое дело...

Гай, уже чистенький и даже причесанный, останавливается в дверях и слушает.

— Какое настроение у ребят? — продолжает Лев Петрович. — Не жалуются?

Галка пожимает плечом:

— Задание есть задание. Конечно, мы ожидали чего-нибудь более интересного. Мы, разумеется, понимаем, что так распределила машина, но судите сами, насколько интереснее было бы оборудовать аванпост в верховьях Амазонки и на Гималаях... А то

здесь, на Валдае... Рутина, все это мы сто раз отработывали на полигоне в прометеуме. Один Капитан... то есть Корней занят по-настоящему. Вот через месяц придет звездолет...

При слове «звездолет» Гай вздрагивает и делает шаг вперед, но тут же спохватывается и снова прячется за дверью.

— ...что мы погрузим для отправки в Центр? Коллекцию жуков, пауков и бабочек, белку и медвежонка, пробы валдайского грунта и водички из Поломети...

— Понятно, — кивает Лев Петрович. — Охотно разделяю ваше разочарование. Рутина, обыденщина... Напомни мне, Галка, какой этап является самым важным в работе прогрессора?

— Установление контакта.

— Так вот, появилась у меня возможность несколько скрасить вашу жизнь, полную рутины и обыденщины. Как бы ты посмотрела, если бы я подкинул вам, гулливеровцам, отличную задачку на установление контакта?

Глаза Галки радостно раскрываются.

— Да ведь это было бы просто чудесно!

Затем она сдвигает брови и недоверчиво осведомляется:

— А это не модель какая-нибудь кибернетическая?

— В том-то и дело, что нет. Живое разумное существо, гуманоид, мальчик вашего же возраста...

— Тот самый? Тобианин?

— Именно.

— Так давайте его к нам! Скорее!

Лев Петрович качает головой:

— Это не так просто. Его еще нужно уговорить. Вот сейчас он придет сюда, и мы...

Гай решительно входит в кабинет.

— Я согласен... — произносит он хрипло и откашливается. — Не надо меня уговаривать. Я согласен и так. К ним.

И он машет рукой в сторону экрана.

Отвечая брату на письмо о работе над «нулевым» вариантом, БНС 24 июля 1973 года давал вполне резонный совет «дать им поначалу общую канву», ибо претензий наверняка будет много, и потом придется все переписывать. Именно это и произошло. В очередном письме от 27 августа 1973 года АНС сообщает: «Носил то, что сделал по МиП'у, в Студию. Читал Шлепянов, дал ЦУ, в результате которых пришлось всё переделывать. Начал снова и написал уже сорок три страницы, почти половину. Но больше в незаконченном виде давать сценарий не буду».

К сожалению, почти никакой конкретики по упомянутым выше «ценным указаниям» в архиве Авторков не удалось обнаружить ни для этого этапа работы, ни для последующих. (Не единожды говорится о том, что сценарий в очередной раз разруган, но не уточняется — за что же именно.) Судить о характере и объеме тех или иных претензий удастся в основном по тому, как менялись сюжетные линии, как появлялись и исчезали те или иные персонажи, реплики, описания и целые эпизоды.

8 сентября 1973 года, за день до приезда БНС для продолжения работы над сценарием, в дневнике АНС появляется запись: «46 (31) стр. нового варианта МиПа». Написанный к этому моменту текст пока что не доведен до конца — события завершаются дракой Гая с Жаком. Эти машинописные страницы использовались для последующей переработки сценария и стали фактически частью нового черновика — с многочисленными исправлениями, вычеркиваниями и отметкой мест для будущих вставок. Тем не менее, изложить первоначальное содержание этих эпизодов не составляет особого труда, что далее и будет сделано — частично с цитированием наиболее значимых фрагментов, частично в пересказе.

Сюжетная преамбула с событиями на Тобе выглядит (с поправкой на некоторые изменения стилистики) примерно так же, как в «нулевом» варианте, однако спасший Гая Прогрессор обозначается не по имени и отчеству, а как «черный человек», и далее он уже не Лев Петрович, а Корней Петрович. Сцена в звездолете убрана, ее заменяет фрагмент, вошедший потом и в полный вариант сценария: Прогрессор дает команду на старт, люк закрывается, и звездолет «просто исчезает без следа, как призрак».

Полностью переписана была начальная дискуссия, когда компетентные представители важных земных организаций решают, как дальше поступить с «мальчиком из преисподней». По

этим эпизодам сохранилось также довольно много подготовительных набросков, порой с очень любопытными деталями. Следует отметить, что поясняющие авторские ремарки по отдельным событиям, терминам и т. д., ранее входившие в сам текст, теперь оформляются как сноски (далее все они будут представлены в полном варианте сценария).

Сцена с прибытием Корнея на совещание сохранилась в нескольких версиях. Вот один из набросков, где появляются убранные впоследствии подробности.

На белой стене черная доска с серебряной надписью:

Всемирный Совет Земли
КОНФЛИКТНЫЙ КОМИТЕТ
ОД 387 16 488

Вестибюль Комитета: круглый зал, у стен кресла и столики, широкая лестница ведет на верхние этажи. Ни окон, ни дверей. Посередине зала возвышается прозрачная цилиндрическая кабина нуль-транспортера. Несколько мужчин и женщин сидят в креслах и о чем-то негромко беседуют.

Поодаль от других сидит мужчина лет сорока, в шортах, мягкой полотняной куртке и башмаках на толстой подошве. Он задумчиво смотрит перед собой, постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

Раздается тихий медный звон, и в кабине нуль-транспортера возникает пожилой, жилистый, очень сильный и гибкий человек с жестковатым загорелым лицом и шапкой густых, совершенно седых волос. На нем серые брюки, белый свитер, коричневые сандалии на босу ногу.

Он выходит из кабины, и человек в полотняной куртке поднимается ему навстречу. Они улыбаются друг другу и здороваются.

— Я не опоздал? — спрашивает пожилой.

— Не думаю, Корней Петрович, — отзывается человек в полотняной куртке. — Пойдемте, это на шестом этаже...

Они направляются к лестнице и начинают неторопливо подниматься.

— Как это произошло? — спрашивает человек в полотняной куртке.

Корней Петрович усмехается:

— Уверю тебя, Перри, совершенно случайно. Все уже было закончено, и я возвращался на корабль, как вдруг Полосатые прорвали фронт, и я оказался в самой каше. Так я и подобрал этого беднягу. Должен признаться, впрочем, чисто рефлекторно. Безо всяких далеко идущих планов. Когда ты узнал об этом?

— Сегодня утром.

— Ты недоволен?

— Я не могу сказать, что я недоволен, — не сразу отвечает Перри. — Во всяком случае, как представитель штаба я буду на твоей стороне. Надо же когда-нибудь начинать... Но ответственность огромная.

— Как всегда, когда от теории переходят к практике.

— Вот именно. Многие считают, что мы к этому не готовы...

— А кое-кто считает, что нам вообще это ни к чему. Старая песня, Перри.

— Но в новом свете, Корней Петрович. Сорок лет ее распевали по абстрактным поводам, и вдруг...

Они поднимаются на обширную площадку и входят в широкий коридор.

— Кстати, Корней Петрович, — произносит Перри. — Почему вы не дали знать в штаб немедленно? Ведь прошло пять дней...

— Честно говоря... — Корней Петрович хмурится и закусывает губу. — Не до того мне было, Перри. Мальчишка умирал, и я трое суток просидел в клинике реанимации.

— Как он сейчас?

— Вполне здоров. Позавчера медики дали добро, и наши лингвисты обучили его языку. Правда, он сам об этом еще не подозревает, по-моему...

Они останавливаются перед дверью с табличкой:

ИНЦИДЕНТ «ТОБА–ЗЕМЛЯ»

— Где он сейчас? — спрашивает Перри.

— У меня дома. Здесь, в городе.

При подготовке очередного черновика весь этот разговор убирается: «молодой человек в шортах, мягкой полотняной куртке и башмаках на толстой подошве» (это теперь и есть Корней Петрович) возникает в кабине нуль-транспортера, а затем без всяких спутников поднимается на шестой этаж.

Дальнейшее обсуждение в Комитете принципиально отличается от «нулевого варианта»: здесь больше нет ни тобианина Мори, ни троих «работников сектора», да и разговор идет куда более обстоятельно и во многом о другом. Состав участников совещания описывается так: «В обширной комнате с зашторенными окнами в непринужденном беспорядке расставлены жесткие кресла, возле каждого — круглый или квадратный столик с серебристой поверхностью. В креслах сидят несколько мужчин и женщин, в том числе пожилой жилистый человек с жестковатым загорелым лицом и шапкой густых седеющих волос, одетый в серые брюки, белый свитер и коричневые сандалии на босу ногу, и дородная старуха в глухом черном платье до щиколоток, совершенно седая, с высоченной прической, — ей бы лорнет в руки, и получилась бы классная дама петербургской женской гимназии начала двадцатого далекого века». Айзеком здесь именуется совсем другой персонаж, не приятель главного героя, а идейный антагонист. Интересно отметить, что особенности его внешности и одежды в более поздних версиях сценария будут использованы для описания самого Корнея, когда его снова понадобится изобразить не молодым, а пожилым человеком.

От дискуссии о Гае, придуманной на этом этапе работы над сценарием, при последующей переработке мало что осталось, между тем здесь нетрудно найти весьма любопытные моменты. Вот как выглядело обсуждение в подготовительных набросках.

Председательствующий, моложавый мужчина в строгом сером костюме, говорит:

— Прежде чем предоставить слово именинникам, прошу еще раз кратко резюмировать возражения и предложения. Айзек?

Огромный белокурый скандинав в джинсах и джемпере произносит медленно и раздельно:

— Общество Закрытой Земли в тысяча первый раз заявляет протест против безответственной деятельности так называемых Прогрессоров. Мы решительно возражаем против всех и всяческих попыток контакта с инопланетными цивилизациями. От имени Общества я требую немедленного возвращения мальчишки на его планету и предания всего этого инцидента забвению.

Председательствующий кивает, обращает лицо к молодому худощавому индийцу в долгополой куртке и просторных брюках:

— Радж?

— Я представляю группу энергетиков, — отзывается тот. — Мы не отрицаем права Прогрессоров на всестороннюю помощь инопланетным человечествам, но считаем, что Земля еще не готова к этому. По нашему мнению, мы получим возможность делиться своими ресурсами с инопланетниками не ранее, чем лет через пятьдесят. Присоединяюсь к предложению Общества Закрытой Земли.

Председательствующий поворачивается к миловидной женщине в матроске и широкой юбке до колен.

— Нора?

— Специалисты пока не знают, какое влияние окажут широкие контакты с носителями иного разума на массовую психологию. Мы снова и снова просим Прогрессоров всячески воздерживаться от таких контактов. Хотя бы временно.

А мальчика, конечно, придется вернуть. И это очень жаль, потому что он представляет для нас несомненный и огромный интерес.

Председательствующий с заметной почтительностью обращается к седой старухе:

— Вы, Агнесса Марковна?

Старуха качает головой и отвечает:

— Я не высказываюсь. Хочу сначала выслушать именинников, как вы их называете.

— Прошу вас, Корней Петрович, — говорит председательствующий.

Корней Петрович, улыбаясь, кивает в сторону Перри:

— Сначала пусть выскажется мое руководство.

Все смотрят на Перри. Перри касается рукой поверхности столика, и на нем сейчас же с мелодичным звоном возникает высокий бокал с прохладительным напитком. Перри отхлебывает глоток и начинает:

— То, что я сейчас скажу, не ново, наоборот, очень даже старо. Об этом мы, Прогрессоры, говорили и говорили тысячу и один раз, как выражается наш противник. Впрочем, то, что говорили сейчас наши противники, тоже не блещет новизной. Но я знаю правила дискуссии. Знаю, что нас сейчас слушают сотни миллионов людей, которые, может быть, никогда раньше об этом не задумывались, и я знаю, что моя задача — привлечь их на нашу сторону.

Он отхлебывает еще глоток и продолжает:

— За последние века мы, люди, проделали великолепный, удивительный путь. Мы построили самое совершенное общество в нашей истории. Мы превратили нашу планету в цветущий сад. Мы создали систему автоматического изобилия. Мы воспитали самое прекрасное во Вселенной разумное существо — человека коммунистического. В нашей нынешней деятельности мы руководствуемся тремя целями: воспитание, здоровье и познание. Ведущими фигурами в нашем обществе являются педагоги и врачи. Теперь вопрос: навсегда ли эти три цели останутся для нас самоцелями?

Он оглядывает присутствующих и улыбается. Все вежливо слушают, но ясно, что все это они знают наизусть. И знают, что Перри говорит это не им, а сотням миллионов на Земле и в ее окрестностях.

— Элементарные теоремы социальной кибернетики показывают, что достигнутый гомеостазис, полное общественное равновесие, не может оставаться самоцелью сколь угодно долгое время. В самых благополучных обществах необходимо возникают силы, направленные вовне. Гомеостазис сохранится только при условии непрерывного истечения избытков энергии. В переводе на общедоступный язык, Айзек, это означает, что социальный эгоизм, столь благотворный, когда речь шла о становлении, становится угрозой, когда становление достигнуто, и что развивающееся общество — а наше общество продолжает развиваться, не так ли, Айзек? — необходимо достигает этапа, когда его руководящей идеей становится социальный альтруизм. Не все еще осознают это, но мы, Прогрессоры, осознали и...

— Простите... Перри, кажется, так вас зовут? — вежливо прерывает его вдруг старуха Агнесса Марковна. — Я думаю, мы все уже поняли вашу мысль, Перри. И я думаю, сотни миллионов наших слушателей тоже. Я могу говорить, председатель? — обращается она к председательствующему.

— Конечно, Агнесса Марковна, — отзывается тот, улыбаясь.

— Так вот, друзья мои, — говорит Агнесса Марковна. — Мне кажется, вы увлеклись всякими вашими космическими проблемами и забыли о главном и насущном. А?

Все недоуменно переглядываются. Только Корней Петрович беззвучно смеется, закрыв лицо ладонью.

— Что? Я не права? — вопрошает Агнесса Марковна. — Или, может быть, мальчика-то не было?

Хмурится и опускает голову скандинав Айзек. Досадливо хлопает себя по коленям индеец Радж. Растерянно хлопает глазами психолог Нора. Перри морщится и чисто русским жестом скребет пятерней в затылке.

— Я старая женщина, — продолжает Агнесса Петровна. — Возможно, я многого не понимаю уже. Но я восемьдесят лет была педагогом и вот сейчас с горечью убеждаюсь, что мы так и не научились воспитывать вас по-настоящему. Чему вы смеетесь, молодой человек? — обращается она к Корнею Петровичу. — Вас-то я вижу насквозь. Вы лучше их всех, но все равно так же невоспитанны, как и они...

Корней Петрович смиренно кланяется.

— Все вы — законченные эгоисты, друзья мои. Социальные эгоисты, я имею в виду. И вы в том числе, поборник социального альтруизма... Перри, я не ошибаюсь? Все для Земли, так? Все для человечества, так? А дальше трава не расти. И в своем геоцентрическом пылу вы совершенно забыли... Корней, покажите им его.

Корней Петрович проводит мизинцем по поверхности своего столика, и на белой стене возникает неподвижное изображение мальчика — в зелено-коричневой маскировочной куртке, наголо остриженный, смотрит исподлобья темными глазами.

— Вам следовало бы обсуждать его судьбу, бережно и осторожно, со всей нежностью, которая накоплена в сердцах человеческих к юности, — продолжает Агнесса Марковна. — А вы ударились в болтовню об абстракциях, словно здесь не Конфликтный Комитет высшего органа земного человечества, а дискуссионный клуб... Как его зовут, Корней?

— Гай, — отвечает Корней Петрович.

— Что это за значок у него на рукаве? — спрашивает Айзек, наклоняясь вперед, чтобы лучше рассмотреть.

— Эмблема Бойцовых Котов. Гай является членом фанатической молодежной организации. Бойцовые Коты — любимые сыны герцога Алайского, будь он неладен... Гонит их в мясорубку, и они с восторгом ложатся под колеса броневиков.

Воцаряется молчание.

— Позвольте мне, — говорит Корней Петрович и поднимается. — Собственно, обсуждать здесь особенно нечего. То есть мы выполнили свой долг перед общественностью и рассказали человечеству о сути проблемы. Но уважаемая Агнесса Марковна права. Речь должна идти о судьбе этого Гая, тобианина, мальчика из преисподней. Вопрос о размерах моей вины, о моем праве на сострадание — это тоже важный вопрос, но главное не в этом. Я вас спрашиваю: вот вы, взрослые могучие люди. У кого из вас хватит духа вернуть этого парнишку обратно в ад, из которого волей случая и моей волей он был выхвачен?

Все молчат.

Этот вариант дискуссии дополнялся другими набросками. Вот, например, отдельно записанный и не вошедший в черновик фрагмент обсуждения, что же делать с мальчиком.

Айзек закусывает губу, потом трет ладонью лоб.

— Представления не имею, — признается он. — Может быть... Он как, полностью гуманоид? Я ведь не в курсе...

— Да, тобиане во всем аналогичны нам, землянам. Наши медикаменты для них пригодны, наша пища, воздух, всё. Не исключено, что пара тобианин-землянка или наоборот способна иметь потомство.

В новом черновике эти сцены разрывает эпизод, где Гай пытается осмотреться на новом месте. Многие реплики были значительно сокращены, а некоторые подробности (вроде выступления Айзека от имени некоего «Общества Закрытой Земли») — убраны вовсе.

Человек в полотняной куртке проскальзывает вдоль стены и тихонько садится позади мужчины в свитере.

Огромный белокурый скандинав в джинсах и пестрой рубашке навывпуск медленно и раздельно говорит:

— Это неуместная шутка. Земля способна прокормить и тысячу инопланетных мальчишек, расход невелик. Вы вбили в умиротворение этой несчастной войны на чужой планете полтора ста миллионов гигаватт, требуете еще сто миллионов...

— Добрая половина того, во что обошлось нам освоение Марса в прошлом веке... — вполголоса произносит миловидная женщина в матроске и широкой юбке.

— Вот именно... и все-таки дело, конечно, не в расходах. А дело в том, что вы, товарищи Прогрессоры, не мытьем так катаньем создали прецедент. Вы прекрасно знаете, что существует закон, запрещающий импорт на Землю представителей инопланетного разума без согласования с Академией массовой психологии.

— Видите ли, — смиренно говорит мужчина в белом свитере, — обстоятельства сложились так, что согласовывать было некогда...

— А действительно, — произносит, наклонившись в его сторону, индус в долгополой куртке и просторных брюках. — Простите... Корней Петрович, кажется? Как это все произошло?

— Совершенно случайно, уверяю вас, — отвечает Корней Петрович. — Все было уже закончено, и я возвращался на корабль, как вдруг Полосатые прорвали фронт, и я очутился в самой каше. Там я и подобрал этого беднягу. Чисто рефлекторно, безо всяких далеко идущих планов.

— Благодарю вас, — вежливо произносит индус и откидывается на спинку кресла.

— Как он сейчас? — осведомляется старуха, похожая на классную даму.

— Вполне здоров. Позавчера медики дали добро, и наши лингвисты обучили его языку. Причем сам он об этом еще не подозревает, по-моему...

Скандинав поднимает руку:

— Простите, товарищи, давайте не отвлекаться. Так или иначе, Прогрессоры нарушили закон и поставили нас перед свершившимся фактом. Мы требуем совершенно однозначных организационных выводов.

— Слушайте, Айзек, — говорит Корней Петрович, нахмурясь. — Я вижу вас сегодня впервые в жизни, и я не могу сказать, что вы мне нравитесь. Я понимаю, вы там в Академии не жалуете Прогрессоров, спор у нас с вами давний, но нельзя же из-за этого ставить нам в строку каждое лыко! Я вот и мысли не допускаю, что вы на моем месте стояли бы и смотрели спокойно, как боевая машина давит израненного мальчика...

Скандинав вскакивает:

— Это нечестно!

— Согласен, извиняюсь. Но и вы не должны возводить хулу на всех Прогрессоров, на весь грандиозный и трудный опыт на основании одного этого инцидента... Определяйте степень моей вины, требуйте оргвыводов лично для меня — это ваше право... допускаю даже, что ваша обязанность. А так — зачем же?

Воцаряется неловкое молчание.

Молодой человек в полотняной куртке наклоняется к уху Корнея Петровича.

— Я перевез его, Корней Петрович, — сообщает он вполголоса. — Он в гостинице, в вашем номере.

<...>

Дискуссия в Конфликтном Комитете продолжается. Женщина в матроске говорит вzwолнованно, сжимая руки:

— ...Мы построили самое совершенное общество в нашей истории. Мы превратили наш мир в цветущий сад. Мы воспитали коммунистического человека. А вы ставите все это под угрозу! Мы не можем еще и, может быть, никогда не сможем рассчитать, какое влияние окажут широкие контакты с инопланетянами на массовую психологию

человечества. А вы рветесь к этим контактам из ложно понятого гуманизма! Именно поэтому мы всегда выступали против вашей деятельности, товарищи Прогрессоры. Мы страшимся катастрофы. И вот вы создали прецедент. Прецедент, последствия которого в веках могут оказаться разрушительными. Как вы можете, кто вам дал право идти на такой риск?

Старуха, похожая на классную даму, легонько хлопает ладонью по столу.

— Спокойно, Нора, — басит она. — Не надо так эмоционально. Прогрессоры?

Женщина в матроске машет рукой и садится. Позади Корнея Петровича поднимается молодой человек в полотняной куртке.

— Перри Гарднер из штаба Прогрессоров, — представляется он. — Позвольте, товарищи академики, напомнить вам несколько общеизвестных истин. Нельзя заниматься массовой психологией в отрыве от социологии. Да, три кита, на которых покоится социальный эгоизм человечества, — воспитание, здоровье и познание, действительно привели человечество к его нынешнему цветущему состоянию. Но элементарные теоремы социальной кибернетики показывают, что в самых благополучных обществах необходимо возникают силы, направленные вовне. Тогда наступает этап, когда социальный эгоизм сменяется социальным альтруизмом, когда гомеостазис из самоцели превращается в средство. Пока только мы, Прогрессоры, являемся носителями идеи социального альтруизма...

Старуха, похожая на классную даму, вдруг прерывает его:

— Простите, Перри... так вас зовут, кажется? Я полагаю, все уже поняли, что вы хотите сказать. Садитесь. — Перри садится в некотором смущении. — Друзья мои, я слушаю вас вот уже третий час, и сердце мое исполняется горечи. Я понимаю, что представители Академии массовой психологии явились сюда за скальпом Прогрессоров, а Прогрессоры явились сюда за управой на Академию. И вы не убедили ни друг друга, ни меня, потому что захлебнулись в сущих пустяках и забыли о главном.

Все недоуменно переглядываются, только Корней Петрович беззвучно хохочет, прикрыв лицо ладонью.

— Что, я не права? — осведомляется старуха. — Или, может быть, мальчика-то и не было?

Хмурится и опускает голову скандинав Айзек. Досадливо хлопает себя по коленям индус. Растерянно хлопает прекрасными глазами Нора, женщина в матроске. Перри морщится и чисто русским жестом чешет в затылке.

— Я восемьдесят лет работаю педагогом, — продолжает старуха, — и пятнадцать лет работаю здесь, в Конфликтном Комитете. И я с горечью убеждаюсь, что воспитываем мы вас все еще плохо. Все вы законченные эгоисты, друзья мои. Социальные эгоисты, я имею в виду. В том числе и вы, Перри, поборник социального альтруизма. Чему вы смеетесь, молодой человек? — обращается она к Корнею Петровичу. — Вас-то я вижу насквозь. Вы лучше их всех, но все равно так же невоспитанны, как они...

Корней Петрович смиренно кланяется.

— Обсуждения его судьбы — со всей нежностью и осторожностью, со всей любовью к юности, которая накоплена в сердцах человеческих, — вот чего ждет от вас Конфликтный Комитет в первую очередь, а уж кто виноват в том, что он к нам попал, — это мы разберемся сами... Покажите нам его.

Корней Петрович проводит мизинцем по поверхности столика, и на белой стене возникает неподвижное изображение мальчика — в зелено-коричневой маскировочной куртке, смотрит исподлобья темными глазами.

— Совсем мальчишка... — шепчет Нора.

— Как его зовут? — спрашивает старуха.

— Гай, — отвечает Корней Петрович.

Скандинав вытягивает шею, вглядываясь.

— Что это у него? — осведомляется он, указывая на эмблему на правом рукаве.

— Эмблема Бойцовых Котов. Так называется фанатическая молодежная организация, созданная герцогом Алайским, будь он трижды неладен. Мальчишек накачивают оголтелым пропагандистским вздором, и они с восторгом лезут под колеса броневиков...

Воцаряется молчание.

— Так какие будут предложения? — спрашивает старуха.

— Я, собственно, не знаю... — медленно и раздельно произносит Айзек. — Насколько я понял, его вылечили, зачем-то обучили нашему языку... Прогрессоры обещают, что война там скоро кончится, так, может быть, отправить его назад, и дело с концом?

— Война кончится скоро, — возражает Корней Петрович, — а вот разруха кончится еще очень нескоро. У кого из нас, взрослых и опытных людей, поднимется рука вернуть мальчика в этот холодный, голодный, разоренный мир?

Все опять молчат. Нора зябко передергивает плечами.

— А ведь у вас что-то на уме, молодой человек, — говорит старуха Корнею Петровичу.

— Да, у меня есть одно предложение, — отзывается тот и встает.

Очень любопытны две последующие сцены с Айзеком, который приезжает домой к Корнею (они заменяют прежний краткий разговор с Арнольдом из Педагогического Центра). К Якутску здесь вместо Лены привязывается Енисей — позже эта ошибка будет замечена и исправлена.

Корней Петрович стоит на крыльце, смотрит в сад. Слышится медный звон. Из кабины нуль-транспортера выходит скандинав Айзек. Он ступает на тропинку, останавливается, оглядывает дом:

— Отличный домик у вас, Корней. Сами строили?

— Вот этими двумя руками, — говорит Корней Петрович. — В прошлом году.

— Да. Сейчас многие строят дома сами. Я вот тоже подумываю, да место не могу выбрать...

— Ну, место... Возьмите по Енисею, выше Якутска...

Айзек поднимается на крыльцо, озирается:

— Он здесь?

— Нет. Гуляет с роботом.

— С роботом? Гм...

Корней Петрович открывает дверь.

— Прошу.

Они проходят в кабинет, садятся в кресла. Айзек говорит:

— Я вот о чем. Дело в том... — Он останавливается. — Хорошо. Не буду вежливым. Слушайте, Корней, мы с вами враги. И я не знаю, будет ли у нас когда-нибудь возможность стать друзьями...

— Совершенно верно, — соглашается Корней Петрович.

— Но старуха права. Проблемы проблемами, а мальчик... Слушайте, Корней, великолепная у нас старуха. А? Я у нее учился в детстве.

— Это моя прабабка, — говорит Корней Петрович. — Только она никогда не могла запомнить имен правнуков.

— Да. Гм... Так вот, о мальчике. Мы в Академии изучили ваше предложение и кое-что подсчитали.

— Слушаю вас.

— Это можно сделать. Ваша идея в основном правильная. Нельзя этого беднягу держать среди взрослых. И не взрослым определять его судьбу на нашей планете. Только его сверстникам. Гм... Любопытная задачка получилась. Будь он помоложе, можно было

бы воспитывать его как земных детей. Будь он постарше... Впрочем, если бы он был постарше, вы бы не взяли на себя труд спасти его...

Корней Петрович молчит.

— Прекрасно, — продолжает Айзек. — Академия пришла к выводу, что его судьбу действительно могут определить только его сверстники. Мы, взрослые, слишком отягчены абстрактными соображениями. В сущности, вопрос стоит так: что для парня лучше всего?

— Именно.

— С другой стороны, сама идея о том, чтобы запустить его в один из наших интернатов... две сотни бесшабашных подростков... Здесь мы — пас. Я пришел к вам посоветоваться.

— За кого вы опасаетесь, Айзек?

Айзек хмуро смотрит в сторону:

— Видите ли, Корней: вам известно, что всякая система стремится к состоянию максимальной энтропии.

— Я не школьник, Айзек. Вы боитесь за наших детей?

— Да.

Они сидят молча. Затем Корней Петрович проводит рукой по поверхности стола, и с мелодичным звоном на столе возникают два бокала с прохладительным. Айзек берет стакан и с жадностью пьет.

— Говорите, — требовательно произносит он.

— Мне, в сущности, необходимо было только ваше подтверждение. Да я и не сомневался в этой идее. Интуиция, знаете ли...

Он снова проводит рукой по столу. Перед экраном возникает изображение Перри, работника штаба Прогрессоров.

— Привет, Перри, — говорит Корней Петрович. — Что вы решили?

— Группа на Валдае, Корней Петрович, — отвечает Перри. — Гулливер двести одиннадцать.

— Кто там у них?

— Координатор — Галина Шестова.

<...>

Кабинет Корнея Петровича. Айзек со стаканом в руке, перегнувшись через стол, говорит тихим голосом:

— И еще одно, Корней. Имейте в виду, мальчишкой заинтересовались элпедовцы.

— Кто?

— Элпедовцы. Так называемые Люди Прямого Действия. Не слыхали?

Корней Петрович качает головой.

— Вредно отлучаться с Земли на целый год, — наставительно произносит Айзек. — Это очень опасные люди, Корней. Гораздо более опасные, чем даже вы, Прогрессоры. Крайние экспансионисты. Их лозунг — Земля над Вселенной. Все разумные расы в Космосе должны принять диктат человечества.

Корней Петрович морщится:

— Чушь какая-то. Как у них со здоровьем?

— В том-то и дело, что, по нашим данным, средний индекс социальной гармоничности у них даже выше нормального. Среди них есть и ученые, и мастера... но главным образом, конечно, молодежь.

— Педагоги где-то просчитались.

— Несомненно. Мы рассматриваем эту проблему... Так вот, элпедовцы заинтересовались вашим Гаем. Не исключено, что они попытаются... — Айзек замолкает.

— Что?

Айзек в отчаянии хлопает себя по колену:

— Если бы знать — что!

Не реализованную далее в сценарии линию с «элпедовцами» несколько проясняют заметки, где упоминаются «геоцентристы».

«Геоцентристы» — эмблема: Земля, затмевающая Солнце. Две секты: одни — за военную экспансию и против прогрессизма, другие — поставить все расы на службу человечеству.

Все происходит на заре прогрессорства.

Их еще мало.

Еще много дел на Земле.

Есть противники:

- 1) вообще не надо лезть в чужие цивилизации,
- 2) рано лезть в чужие цивилизации,
- 3) если лезть, то извлекать из них пользу, а не нянчиться с ними,
- 4) авантюристы, кот<орым> тесно на Земле.

И еще несколько заметок — уже непосредственно для работы над новым черновиком.

1. Корней Петрович должен быть чем-то занят.
2. Все разговоры сократить.
3. Воспоминания — трущобы, банда огольцов, развлечения, мать, отец.
4. В лагере — подъем флага («...он флаг все поднимал, гей ладо гей лала...»).

Галка — простоватая, наивная, искренняя, влюблена в Леву, всегда его защищает.

Лева — хмур и прямолинеен.

Володя — Жилин.

Часть сюжета, посвященная жизни Гая в доме у Корнея, в целом соответствует в новом черновике «нулевому» варианту, хотя и отличий есть немало. Полностью снята сцена, где хозяин дома принимает гостей, а Гай за этим потихоньку наблюдает. Отсутствует эпизод с истерикой Гая при просмотре военной кинохроники. Нет и эпизода с мультипликатором и патронами — он переносится во вторую половину сценария. Очень сильно сокращен разговор о межзвездных перелетах и роботах (в том числе о том, что они умеют водить звездолеты). Нет сцены, где Гай занимается с Драмбой рытьем окопов, а потом безуспешно пытается добиться, чтобы их с Драмбой «покатали» на звездолете. Поскольку Корней Петрович значительно моложе, чем Лев Петрович, он уже не зовет Гая «малышом». Переговоры с Галкой о будущем прибытии Гая здесь остаются «за кадром». Различаются и некоторые совсем мелкие подробности: так, в попытках освоить нуль-кабину Гай попадает не на Рею, а на другой спутник Сатурна — Диону (трудно сказать, было ли упоминание именно этих спутников случайностью или сознательным намеком на повесть «Стажеры»).

В архиве Авторов сохранились также разрозненные черновые фрагменты следующей, «гулливеровской» части, относящиеся к этому же периоду работы над текстом. Это, прежде всего, начальные сцены (появление Гая с Драмбой, отработка установки силового барьера, импровизация с песней «Дети тумана»), с некоторыми вариациями включенные затем в чистовой сценарий. А вот одна из дополняющих эти наброски заметок дальнейшего развития не получает: «Появление юных геоцентриков. У них вопрос насчет оружия».

Кроме того, было написано несколько вариантов драки Гая с Жаком и того, что этому предшествовало. В чистовике подвыпивший Гай опрометчиво решает проверить у Жака «боевые качества», однако в ранних набросках этой сцены и причина драки была иной, и заканчивалась она по-другому — еще без ножа. Этот эпизод стал последним из числа тех, которые АНС успел проработать и включить в очередной черновик к началу сентября 1973 года.

Далее выборочно приведены по черновику те фрагменты сюжетной линии, связанной с «Гулливвером-211», которые наиболее отличаются от последующих редакций сценария.

Широкая полукруглая поляна на берегу реки, с трех сторон окруженная темно-зеленой стеной леса. В десятке шагов от берега разбиты четыре простых палатки и стоит длинная низкая постройка без окон с плоской крышей и стенами из гофрированного

металла. Посередине поляны торчит высокая суставчатая мачта, на верхушке которой медленно вращается обзорное зеркало в форме диска.

Неподалеку от мачты сидит на траве, скрестив ноги, светловолосый паренек лет пятнадцати-шестнадцати, босой, в распахнутой на груди голубой куртке и в голубых же шортах. Над левым нагрудным карманом — белая надпись полукругом: «ГУЛЛИВЕР–211». Паренек сосредоточенно возится с цилиндрическим прибором, поминутно заглядывая в разостланный рядом чертеж.

У входа в одну из палаток за легким переносным столиком сидит на складном стуле девушка, сверстница светловолосого, очень хорошенькая, остриженная коротко, загорелая, тоже босая, в такой же голубой куртке и короткой юбке. Над левым карманом та же надпись: «ГУЛЛИВЕР–211». Девушка быстро пишет в блокноте, придерживая от ветра страницы раскрытой книги.

Тихо, солнечно, звенит под обрывом река, шумит ветер в вершинах деревьев. И еще из распахнутых дверей гофрированной постройки доносится весьма мелодичный свист.

Внезапно в недрах прибора под руками светловолосого вспыхивает красный огонек. Одновременно раздается густой короткий гудок. Светловолосый поднимает голову. Зеркало на мачте застыло неподвижно, «всматриваясь» в глубину леса.

Девушка за столом тоже поднимает голову.

— Это в третьем секторе, — сообщает светловолосый. — Один человек и один архаичный механизм.

— Это они, — произносит девушка и встает. — Убери барьер, Лева, пусть пройдут.

Светловолосый Лева делает движение пальцами, и красный огонек гаснет. Лева нашаривает на груди крошечный микрофон, висящий на шнурке, и над поляной раздается его громовой голос:

— Можете проходить!

Девушка выходит на середину поляны и смотрит в лес, в ту сторону, куда обращено зеркало. Из гофрированного здания выходит, вытирая руки куском серебристой ткани, еще один парень — рыжеволосый, могучего сложения, голый по пояс, в одних испачканных брюках, а следом за ним и еще один — маленький, смуглый, курчавый, в чем-то вроде комбинезона из матового пластика. Они становятся слева и позади девушки и тоже смотрят в лес. Курчавый продолжает тихонько насвистывать.

И несколько секунд спустя из леса «рука об руку» выходят Гай и робот Драмба. Они медленно приближаются к гулливеровцам и останавливаются перед ними. Гай, уперев левую руку в бок и отставив правую ногу, высокомерно оглядывает девушку, рыжеволосого силача и курчавого свистуна, бросает мимолетный взгляд на Леву, по-прежнему сидящего у своего аппарата, и произносит:

— Привет. Меня зовут Гай.

Девушка приветливо улыбается.

— Добро пожаловать, Гай. Это, — она указывает на Леву, — наш энергетик Лев, он же Капитан. Это — Володя, механик, он же Силыч. — Рыжеволосый приветственно поднимает руку. — Это — Жак, биолог и мастер на все руки, он же Яшка. — Курчавый скалит ослепительно-белые зубы. — А я — несчастный координатор этой банды, и зовут меня Галина...

— Она же Галка, — подхватывает Жак и подходит к Драмбе. — Вот это старье! — говорит он. — Где ты его откопал, Гай?

— Это мой раб, — сердито отзывается Гай. — Он делает все, что я захочу!

— Да ну? — весело удивляется Жак. — А зачем? Почему ты сам не делаешь все, что захочешь?

— Погоди, Яшка, — говорит Володя. — Слушай, Гай, так ты тот самый мальчик-тобианин?

— Я тебе не мальчик, — резко говорит Гай. — Это ты мальчик, а я солдат. Кто у вас здесь начальник?

— Начальник? — переспрашивает Володя. — У нас нет таких.

— Ну, не начальник, так командир...

— И командиров нет...

Гай пожимает плечами:

— Ладно, это меня не касается. Где я здесь буду жить?

— Где тебе угодно, солдат, — говорит Жак. — Хочешь со мной? Вон в крайней палатке...

— С тобой так с тобой... — пренебрежительно произносит Гай и, пройдя плечом вперед между Жаком и Володей, направляется к крайней палатке.

Гулливеровцы, переглянувшись, смотрят ему вслед. У входа в палатку Гай останавливается и, повернувшись, командует:

— Рядовой Драмба! Пост номер один здесь!

— Слушаюсь, господин капрал, — монотонно отзывается Драмба.

— На пост... шагом марш!

Драмба мимо расступившихся гулливеровцев марширует к посту.

Лагерь гулливеровцев. Вечереет. Вращается обзорное зеркало на верхушке мачты. Возле входа в крайнюю палатку застыл «на посту» робот Драмба. Лева-Капитан работает с цилиндрическим аппаратом — пальцы его мечутся по полированному торцу. На узкой песчаной полосе под обрывом, как раз под тем местом, где на обрыв выходит лесная опушка, стоит в плавках Володя-Силыч. Голоса Левы и Володи, усиленные микрофонами, зычно раздаются в вечерней тишине. Гай сидит на обрыве и с недоумением наблюдает за ними.

Володя: Чуть на себя, Капитан...

Лева: Так?

Володя: Еще чуть-чуть...

С края обрыва над его головой обваливается земля.

Володя: Подними на ладонь выше и протяни на локоть вправо...

Лева: Напряжение?

Володя: Чувствуется... Опускай!

К Гаю подходит Галка и останавливается за его спиной.

Лева: Дай поправку...

Володя: Сейчас прикину... Попробуй ладонь вправо на локоть...

Лева: Не слишком мало?

Володя: Ничего... Давай смелее!

— Берегись, Силыч! — кричит Галка.

Гай вскакивает на ноги, пятится и едва не сбивает ее с ног.

Словно гигантский невидимый плуг вспарывает обрыв сверху донизу. Взлетает стена пыли, с дробным треском разлетаются комья сухой глины. Володя отступает, протирает глаза и вглядывается.

— Почти хорошо, — говорит он. — Сдвинь на ладонь вправо и остановись, я посмотрю.

— Что они делают? — с опасливым раздражением спрашивает Гай.

— Отработка установки силового барьера вручную, — отвечает Галка. — Вот как это называется.

Володя подходит к зияющему в обрыве шраму и протягивает руку. Ладонь его упирается в невидимое препятствие. Он ведет ладонью сверху вниз по невидимому барьеру и затем выпрямляется.

— Хорошо, Капитан, — сообщает он. — Нижний срез почти идеальный. Тяни дальше.

Лева: Протянул на десять метров, почти до середины реки.

Володя: Сейчас посмотрим...

Ведя ладонью по невидимой поверхности и то и дело наваливаясь на нее плечом, он движется от обрыва, входит в реку и вдруг с шумом обрушивается в воду.

Лева: Что случилось?

Володя, отплеываясь, выбирается обратно на берег:

— Опять провал на седьмом метре, Капитан.

— Экая досада, — произносит Лева огорченно. — Ладно, спасибо, Сильч. Пока закончим. Я еще раз попробую посчитать.

— Есть, Капитан!

Мокрый Володя, прыгая на одной ноге, вытряхивает воду из уха.

— Чепуха какая-то... — неуверенно говорит Гай. — Силовой барьер — это что такое?

— Ну, как тебе объяснить... — Галка в затруднении. — Коротко говоря, Лева с помощью эмиттера изменяет пространство вокруг лагеря таким образом, что оно делается непроницаемым для материальных тел... для живых существ, для метательных снарядов... Такие барьеры полагается устанавливать вокруг лагерей на биологически активных и социально ущербных планетах...

— Не понял, — произносит Гай. Он поднимает камень и швыряет в пространство между обрывом и рекой. Камень описывает дугу, но натывается на невидимую преграду и падает вертикально. — А вот это я понял. И пулей нельзя пробить?

— Нельзя, — говорит Галка, улыбаясь.

— И снарядом?

— Смотря каким... — Галка ласково ерошит ему волосы. — Солдатик...

Гай недовольно отстраняется.

— Ну-ну, — ворчит он. — Это ты оставь. Терпеть не могу.

Он поворачивается и идет к палаткам. Галка с недоуменной улыбкой смотрит ему вслед.

Следующий эпизод с некоторыми разночтениями содержится и в представленной ниже полной редакции сценария. Сначала ребята-гулливеровцы экспромтом сочиняют построчно песню «Дети Тумана» (только здесь их четверо, а в более поздней редакции этим заняты Володя с Галкой), а затем Гай исполняет песню на своем родном языке.

Далее описываются общение Гая с Жаком, их конфликт и последовавшая за этим драка.

Лагерь гулливеровцев. Солнечное утро. Неподалеку от лесной опушки расположились Жак и Гай. Жак, босой, в красных трусиках, работает с прибором, похожим не то на биноклярный микроскоп, не то на стереокинокамеру. Гай в расстегнутой куртке валяется рядом на траве, заложив руки за голову. Над ним стоит Драмба и обмахивает его зеленой веткой.

— Прогрессоры... — лениво говорит Гай, словно передразнивая Жака. — Сопляки вы еще, а не Прогрессоры. Вы себя с Корнеем не равняйте...

— Как можно! — соглашается Жак, не отрываясь от окуляров.

— Вы ведь, поди, и оружия в руках сроду не держали...

— Корней, по-моему, тоже, — замечает рассеянно Жак. — Насчет оружия у нас, знаешь, не очень...

Гай переворачивается на живот:

— Как так?

— Так уж... Зачем нам оружие? Я ж тебе говорю: мы — Прогрессоры...

— погоди, — Гай садится. — Тогда какого дьявола вы к нам суетесь, если вы без оружия? А если на вас нападут? Народ у нас злой...

— Ну, — произносит Жак, — у нас хорошая защита. Или, в крайнем случае, погибнем. Не мы будем первыми...

Гай снова ложится.

— Брось, брось, — говорит он. — Если бы вы видели, что видел я или хотя бы Корней, вы бы все подошли со страху... с барьером вашим вместе. Когда мы шли на штурм Кобаты, горящие бревна летали над нами как птицы, и треть отряда легла в самом начале атаки!

Жак молча продолжает работать.

— Прогрессоры... — брюзжит Гай. — Возитесь себе под солнышком с машинками, песенки сочиняете... барьеры какие-то устраиваете... У вас здесь бывалому парню и выпить, поди, нечего...

Жак наконец отрывается от прибора и с любопытством глядит на Гая:

— Как это — нечего? Есть...

Гай снова садится:

— Так давай!

— Чего тебе? Вина?

— К дьяволу вино! — с энтузиазмом ревет Гай. — Давай мне настоящего солдатского пойла! Алкоголя... Как это? Спирта!

Жак, прищурившись, глядит на солнце.

— Сейчас без пяти одиннадцать... — говорит он. — Ладно, прервемся на четверть часика. Пошли.

Через секунду они быстрым шагом идут через поляну.

— Ты и вправду будешь пить спирт? — с интересом осведомляется Жак.

Гай хохочет:

— Не бойся, мимо рта не пронесу...

В мастерской — постройке из гофрированного металла — полутемно. Солнечные лучи, проникающие в прямоугольные щели под низким потолком, выхватывают в сумраке детали приборов и инструментов — неясные угловатые и округлые формы, изогнутые блестящие трубки, громоздкие баллоны. Жак и Гай расположились недалеко от входа на кубических ящиках, в руках у них стаканы. Гай уже изрядно на взводе, потому что пить он, конечно, не умеет.

— Скука тут у вас, — произносит он слегка заплетающимся языком. — Мужчина должен быть солдатом...

Он отхлебывает из стакана и давится. Жак, весь сморщившись, следит за ним, заглядывает в свой стакан и отставляет его в сторону. Подавив спазму в горле, Гай продолжает:

— Солдатом должен быть. Каждый. Великий герцог сказал, что нет большей радости, нежели воевать и утолять ненависть к врагу. Понял?

— Понял, — отвечает Жак. — А еще?

— Что — еще?

— Что он еще сказал, этот... великий герцог?

— Воздух ядовит, пока им дышит хоть один Полосатый. Понял?

— Не понял. Значит, все Полосатые должны быть уничтожены?

— Да. Все до единого. Идем с нами. Ты мне нравишься. Великий герцог тебя возвеличит...

— Постой... И женщины должны быть уничтожены?

— Женщины врага — законная добыча солдата!

— И дети?

— И дети... Великий герцог сказал: дети врага будут рабами наших детей.

— Мерзавец он, твой великий герцог, — говорит Жак.

Воцаряется молчание. Гай медленно поднимается, отшвыривает стакан. Жак тоже поднимается, с интересом глядя ему в лицо.

— Что ты сказал? — зловеще-тихо спрашивает Гай.

— Я сказал, что этот твой герцог — мерзавец, — любезно повторяет Жак.

— А ну, выйдем, — хрипло говорит Гай.

— Выйдем.

Едва они выходят на солнце, Гай наносит Жаку страшный удар под ложечку. То есть нанес бы, если бы Жак не увернулся с непостижимой быстротой.

— Драться? — произносит Жак с готовностью. — Давай.

И начинается драка. Собственно, это не совсем драка, потому что Гаю никак не удается прикоснуться к противнику. Жак невероятно ловок и увертлив. Они наскакивают друг на друга, и каждый раз Жак в последний момент проскальзывает у Гая под рукой или прокатывается под ногами. Гай швыряет в Жака увесистым булыжником, но Жак ловко ловит булыжник перед самым своим лицом и отбрасывает прочь. Лицо Гая залито потом, искажено, он тяжело дышит и выкрикивает угрозы и ругательства на своем языке, а Жак молчит, лицо его спокойно, и дышит он легко и свободно.

На вопли Гая из-за мастерской выходят Володя и Лева, выбегает из палатки Галка с книгой в руке. Увидев, что происходит, они сейчас же останавливаются. Не сделав ни единой попытки вмешаться, они стоят и наблюдают за этой странной дракой.

Наконец Гай выдыхается. Споткнувшись, он падает в траву и зарывается в нее лицом. Жак тут же останавливается как вкопанный. Гай, не поднимая головы, бормочет прерывающимся голосом:

— Ладно, Прогрессор... сегодня твоя взяла...

— Не совсем так, — мягко произносит Жак, подходя. — Я хотел показать тебе, в чем разница между солдатом и Прогрессором. Но и ты показал мне, что такое солдат...

Гай с трудом принимает сидячее положение и обтирает мокрое лицо дрожащими ладонями.

— Отойди, — хрипло говорит он, выкатив белые от бешенства глаза. — Я убью тебя...

Из дневников и переписки АБС видно, что следующий этап работы над сценарием был совместным и пришелся на первую половину сентября 1973 года. Упоминаний о количестве ежедневно сделанных страниц в дневниковых записях этого периода нет, повторяется лишь лапидарное «Работаем над сценарием». Тогда же был подготовлен и авторский комментарий к тексту сценария, потребовавший добавления сносок в текст. В это время, видимо, шла работа как по уточнению уже написанной части черновика, так и по подготовке оставшейся части текста согласно имеющемуся плану.

Собственно говоря, для первой части сценария (до прибытия Гая к гулливеровцам) план уже не требовался, а вот для оставшейся части он составлялся неоднократно, с разной степенью детализации — и много раз корректировался. Один из вариантов в виде исходной машинописи (без учета последующих пометок о выполнении очередных пунктов) выглядит так.

1. Перед встречей Гая, встреча.
2. Утро, подъем флага, расход на работу.
3. Гай вылезает из палатки. Сцена с Володей, завтрак.
4. Работа с барьером. Гай зритель.
5. Мастерская, Володя работает на проекторе, Гай смотрит. Володя объясняет, как действует проектор. Гроза, работа ребят с зондом.
6. Вечер у костра. Транзистор Жака, зависть Гая. Ребята поют. Гай поет. Реминисценция Гая: похороны убитого. Шутка Жака насчет конверта. «Валяется».
7. Галка ведет дневник Гая. 1-й день.
8. Гай и Жак. Реминисценция про полицейского. Пьянка, драка.
9. Глухой лес. Гай слушает украденный транзистор, Драмба стоит на шухере. Прячет транзистор в дупло. Очень грустный.
10. Галка роется в бумагах, ищет конверт. Заглядывает Гай. Разговор о конверте, Гай узнает, что Галка водит корабли.
11. Жак ищет транзистор, выбирает у друзей транзистор для размножения. Гай следит за ним. Сцена размножения транзистора. Сцена размножения патрона.

12. В лесу, под музыку транзистора Гай объясняется с Драмбой о своем одиночестве и своих намерениях.

13. Драмба курочит бытовой комбайн.

14. Гулливеровцы у разбитого комбайна, юмористические сцены. Драмба признается, что сломал он, Гай разыгрывает сцену бешенства и берет ответственность за подчиненного на себя.

15. Галка ведет дневник Гая. 12-й день. Атос сомневается в ее выводах.

16. Гай обращается к Володе с просьбой изготовить деталь. Зачем такая? Хочу одну штуку попробовать в комбайне.

17. Гай чинит комбайн. Из груды деталей, изготовленных Володей, остаются только детали автомата. Он завязывает их в узел. Комбайн действует, все хвалят Гая. Ему страшно приятно. Когда сгребает оставшиеся детали, то черен и мрачен, как туча.

18. В лесу. Играет транзистор. Гай собирает автомат. Выгребает из кармана патроны, снаряжает обоймы. Разговор с Драмбой. («А что я еще могу сделать, Драмба? Что я могу сделать?») Проба автомата, ужас при представлении, как он в них стреляет.

19. Конец войне. Все ликуют, поздравляют Гая. Он рад: теперь его отправят домой без стрельбы. Но! Идет заваруха, ловят герцога. Прогрессоры не пустят Гая в эту преисподнюю. Гулливеровцы здесь бессильны.

20. Прибытие звездолета, бунт.

21. Возвращение.

Позже в этот план внесены уточнения. Пункт про подъем флага вычеркнут, добавлен пункт про Жака «Учит Гая плавать», к пункту 12 сделана дописка «Гай учит Драмбу связывать», а последним пунктом указано: «Старуха и Корней».

В октябре 1973 года работа над сценарием была продолжена. Не все относящиеся к осени 1973 года материалы по сценарию можно уверенно связать с каким-то строго определенным промежутком времени. Однако общий ход событий вполне ясен: полная черновая версия делалась на основе подготовленного АНС частичного машинописного черновика и последующих наработок обоих Авторы, а ее конечным результатом стал подготовленный в октябре 1973 года полный чистовик — первый из многих, связанных с этим сценарием.

С определенного момента работа велась уже одним АНС, записавшим 9 октября 1973 года в дневнике: «Борис отказался работать со сценарием. Будем писать повесть МиП». Впрочем, через неделю делается перерыв в работе над повестью — и новая попытка делать сценарий совместно. 16 октября, например, в рабочем дневнике появляется таблица.

Надо:	
стр. 17–18	1. Диалог с Володей о прогрессорах.
стр. 27–28	2. Диалог с Жаком об этнографии.
стр. 31–?	3. Диалог с Жаком, приводящий к драке.
стр. 35	4. Диалог с Володей о величии герцога; вербовка Володи.
стр. 43	5. Попытка завербовать Жака (хохмы Жака).
	6. Разговор с Галкой — она, оказывается, водит звездолет. Гай — о Земле.
	7. Бунт. Роль Атоса.

Тем не менее, основную работу АНС продолжал один. 18 октября он, например, записал: «А. пишет сценарий. Б. копается в бумагах». И хотя активное возвращение БНС к этому сценарному проекту признавалось вполне возможным, надобности в этом так и не возникло.

В это время появилась более подробная разработка прежнего плана, где некоторые пункты пояснялись дополнительно, вплоть до прописывания отдельных реплик. Место Атоса уже окончательно занял Лева. Далее приведена вторая половина плана, в которой встречаются как полные совпадения с прежними идеями, так и заметные отличия от них.

14. Выпивка и драка. («Когда мы штурмовали...») — До первой драки! Поглядим, кто быстрее сломается. Нож?

15. Вечер с непонятными разговорами.

16. Сцена вербовки от имени великого герцога. Жак хохмит. Гай ворует у него транзистор.

17. Володя учит Гая плавать. Разговор о трусости полосатых. И вдруг — лягушка. Гай в ужасе, пьтится от нее на четвереньках, с воем карабкается на обрыв.

18. Галка возится со своим конвертом, не знает, куда спрятать. Входит Гай. Галка объясняет, что она звездолетчик, что ей будет дано полчаса на расчет траектории. В этом конверте. Гай поражен и тут же начинает клеиться. Галя: я на контакте!

19. У Жака пропал транзистор. Гай стибрил. Жак ходит и ноет. Любимая девушка подарила... ну, не девушка... передача должна быть с Марса... Ему все предлагают для копирования. Он выбирает Володин, уходит в мастерскую и возвращается с двумя. Гай поражен, не понимает, в чем дело.

20. Гай торчит в мастерской у Володи. Обнаруживает мультипликатор. Когда Володя уходит, размножает пули.

21. Сцена: попытка соблазнения Гали. Под газáми.

22. Пытается работать на проекторе (сначала выпрашивает карандаш и бумагу, делает чертежи). Ничего не выходит. Всё на биотоках. Володя ему это объясняет. Необходима тренировка.

23. Ломает ночью бытовую машину.

24. Утром у бытовой машины: хорошо, что анализатор не тронул, только механику поломал. Чувство юмора: все хохочут, кроме Левы, — из комбайна вылезают ужасные вещи.

25. Гай вызывается чинить. Сидит над разобранным узлом и украдкой, оглядываясь, снова вычерчивает непонятные детали.

26. Галка отчитывается за Гая: 12-й день. Обживается, осмелел, сломал — из чувства ответственности за содеянное взялся чинить сам. Тут же Лева (хмуро): Ты так полагаешь?

27. Гай просит Володю сделать одну деталь. Жака — другую. Леву — третью. Галку — четвертую. Отношение всех к этому делу.

28. Галка и Володя читают стихи. Гай слушает, разинув рот. Жак хохмит. Володя забрасывает его на дерево.

29. Испытание автомата. Его страх перед предстоящим.

30. Звездолет, бунт.

31. Возвращение.

32. Старуха и Корней.

В сцене драки Гай уже не вступает за оскорбленного герцога, зато последствия драки оказываются более серьезными. В заметках к плану говорится: «Гай кидает нож. Лева наперерез, не успевает. Жак уклоняется, но недостаточно. Кровь. Жак: Дурак, тьфу. Галка лечит, Жак спиной к Гаю. Лева хмуро говорит Володе: с этим барьером потерял реакцию. Гай ноет: я не нарочно. Жак, больно тебе? — Если бы не увернулся, было бы больно. Поворачивается — шрам зажил. Через полчаса Гай прежний — шалит, разговаривает, без умолку болтает о себе. Потом жалуется на выпивку».

Уточняются и другие эпизоды. Например, на отдельном листке есть такая запись.

1. Отношение Левы к Гаю: у него два брата погибли в стычке на другой планете, т<ак> к<ак> пренебрегали безопасностью. Озабочен прикрывать энергощитом своих. Встревожен появлением потенциального врага по сю сторону барьера. Предлагает Гале установить ночное дежурство.

2. У Гали экзамен по звездолету. Запечатанный конверт с маршрутом. По прибытии корабля вскрывает конверт и в течение часа должна стартовать, рассчитав рейс. Жак шутит шутки с конвертом: «Так Гай какой-то конверт подобрал. Это не твой?», «Давай вскроем» и т. д.

3. Медицина. Медосмотр Гая.

4. Галя ведет фonoдневник относительно Гая. Один раз в присутствии Левы, и тот очень скептичен. (Насчет бытовой машины: де обживается, чувствует как дома, чувство вины за содеянное.) А Лева: ты так полагаешь?

На Земле нет хлюпиков.

19 октября 1973 года в дневнике АНС появляется запись о готовности черновика, а 23 октября — о том, что сценарий закончен и сдан. Эта рукопись сохранилась, и на ее титульном листе действительно указан день сдачи: «22/X–73 г.».

Далее кратко будут рассмотрены основные особенности этого чистовика.

В начальных сценах прежняя Конфликтная Комиссия при Всемирном Совете заменяется штабом Всемирной Ассоциации Прогрессоров, и казус Гая тем самым из яблока раздора для разных земных ведомств превращается во внутреннюю проблему одной организации. Корней (уже без отчества) становится старше, ему придан облик прежнего скандинава. Сам же скандинав теперь стал Эриком, а не Айзеком, он белокурый, а не седой (после следующей правки — и вовсе рыжий). Число участников дискуссии ограничено: это Корней, Эрик и старуха, которую зовут теперь Серафима Петровна и сходство которой с классной дамой больше не подчеркивается. В ходе краткого обсуждения решается судьба Гая.

— Ты его вылечил? — спрашивает старуха.

— Да.

— Накормил, одел, обул?

Корней криво улыбается.

— Обучил языку?

— Сегодня ночью.

— Прекрасно, — говорит старуха. — Тогда до свидания. Желаю счастливого отдыха.

— Он хочет домой, — говорит Корней.

— Это совершенно невозможно, — объявляет рыжий скандинав. — Полосатые применяют газы по всему фронту. Хлор.

Старуха, не поворачивая головы, косится на него и издает ироническое ворчание.

— Он испуган, — говорит Корней. — Он ничего не понимает и ничего не хочет.

<...>

— Как его зовут, ты говоришь? — спрашивает старуха.

— Гай, — отвечает Корней.

Старуха поворачивается к нему:

— Так может быть, мы все-таки отдадим этого Гая педагогам, сынок?

— Действительно, — рассудительно произносит скандинав. — С теоретической точки зрения это есть не что иное, как просто так называемый обыкновенный трудный ребенок.

— Трудный ребенок... — говорит Корней, горько усмехаясь. — Да он вообще не ребенок, Эрик. Он — Бойцовый Кот!

<...>

— Наши уважаемые педагоги, — продолжает Корней, — не видели таких трудных детей лет двести. Ну, сто. Этого мальчишку с пеленок накачивали фанатизмом и ненавистью. Его высочества герцога Алайского Бойцовые Коты, истребители броневиков... Трудный ребенок...

— А ну-ка, перестань хныкать, сынок, — говорит старуха. — Отправить его домой мы не можем — это все равно что убить его или искалечить своими руками. Отдать педагогам мы его тоже не можем, мы — гуманисты, и нам жалко наших друзей-педагогов. Остается одно. Мы, Прогрессоры. Контакт с представителями иного разума — это наша работа. Твоя работа. — Она тычет пальцем в Корнея. — Вот и займись, сынок. Приручи этого Бойцового Кота, сделай его человеком, раз уж ты его спас. Ты не хуже меня знаешь, что, раз уж за это дело взялись мы, война на Тобе закончится через несколько месяцев. Наступит мир, последний, окончательный мир. Потом еще год-другой, кончится там

разруха, и тогда можно будет вернуть мальчишку домой. Только пусть это будет мальчишка, а не Бойцовый Кот!

— Эхе-хе-хе-хе, — произносит Корней, поднимаясь из кресла. — Беда еще в том, Серафима Петровна, что я буду очень занят. Я согласился курировать несколько полевых классов...

— Не хнычь, не хнычь, — говорит Серафима Петровна, легонько стучая его по затылку. — Все будет хорошо. Вы знаете, дети, — говорит она, переводя взгляд с Корнея на рыжего Эрика и обратно, — я заметила одну любопытную закономерность. Все всегда кончается хорошо. Подумайте об этом на досуге...

Вносятся уточнения во многие начальные эпизоды. Изменена стилистика сцены, где Гай наивно пытается «завербовать» Корнея на службу герцогу, обещая за это всяческие блага (здесь появляется, например, «Он держал бы вас справа от своего сердца!»). Полосатые время от времени именуется теперь краманцами. Гай, обещая Драмбе, что выключит при непослушании, теперь добавляет: «Клянусь Черным Зверем!» То же присловье повторяется еще в некоторых местах. В сцену со «строевой подготовкой» Драмбы и разгромом сада добавлена принципиально важная реплика Корнея: «И между прочим: роботы не годятся в солдаты. Они устроены так, что не могут причинить вред человеческому существу».

В гости к Корнею через нуль-транспортёр прибывает не Айзек, а Эрик. А поскольку он не противник Корнея, а соратник, причем отбывающий на задание на чужую планету, разговор идет именно о прогрессорских делах, и лишь буквально пара реплик касается мальчика.

Корней стоит на крыльце, смотрит в сад. Слышится медный звон. Из кабины нуль-транспортёра выходит рыжий скандинав Эрик. Он по-прежнему в джинсах и в пестрой рубашке навыпуск, но правую щеку его прорезает глубокий красный шрам. Он ступает на тропинку, останавливается и оглядывает дом:

— Отличный домик у вас, Корней. Сами строили?

— Вот этими двумя руками, — отвечает Корней. — В позапрошлом году.

— Да. Сейчас многие строят дома своими руками. Я тоже подумывал, да места не мог выбрать...

— Ну, место... Можно по Лене, выше Якутска...

— Теперь уже все равно. Потом, когда вернусь...

Корней молчит, затем спрашивает:

— Когда?

— Послезавтра. Я проститься пришел.

Корней кивает.

— Этот шрам... Не слишком заметно? — спрашивает он.

— Ничего. — Эрик улыбается. — На это и расчет. Инвалид войны. Мечом в лицо, чего лучше... Как у вас с мальчиком?

Корней пожимает плечами:

— Пока никак.

— Ничего, все устроится. Все всегда кончается хорошо, как говорит Серафима... Ну что ж, Корней, прощаемся?

— Прощаемся.

Они обнимаются.

— Спасибо за все, Корней. И до свидания.

— До свидания, Эрик. Берегите себя.

Эрик, не оглядываясь, уходит к кабине. Корней, закусив губу, глядит ему вслед.

Добавляется в чистовик и фрагмент, где Корней и Серафима Петровна решают поместить Гая в группу подростков.

Кабинет Корнея. Корней занимается. По экрану ползут, сменяя друг друга, странные формулы, записанные непонятными символами. Тихо звенит сигнал радиовызова. Корней

касается пальцами стола, экран гаснет, и через мгновение на нем появляется изображение Серафимы Петровны. Корней почтительно приподнимается.

— Сиди, сиди, — произносит Серафима Петровна. — Ты один?

— Да.

— А он где?

— В степи. Гуляет с роботом.

— С роботом? Гм... Ну, ты что-нибудь решил?

— Да, мать. Я тут все просчитал, и получается, что со мной ему делать нечего.

Оптимальные условия — среда сверстников.

— Ох, сынок, — говорит Серафима Петровна. — Тут и считать было нечего. Кого ты ему выбрал?

— Полевую группу «Гулливвер двести одиннадцать».

— Где она?

— На Валдае.

— Кто координатор?

— Галина Шестова.

Серафима Петровна скептически поджимает губы:

— Девочка... Впрочем, попробуй. Ты можешь мне не верить, но я тоже когда-то была девочкой.

Ко второй части сценария, теперь уже более объемной и не доводившейся ранее до состояния полной готовности даже в черновике, правок сделано очень много. В основном это вставки, призванные либо дополнить, либо заместить имевшийся ранее текст.

Непосредственно перед появлением Гая и Драмбы в чистовик добавлен следующий диалог.

Девушка говорит:

— Главное — не испугать его. Если мы накинемся на него всей толпой сразу, он только ошетинится, и потом его долго не успокоить...

— Правильно! — весело подхватывает курчавый. — Конвейерный контакт. Я первый.

— Нет, — возражает девушка. — Первым пусть будет Володя.

— Почему это? — изумляется курчавый.

— Потому что ты со своими шуточками бываешь иногда ужасно бестактен...

— Бросьте вы, — благодушно говорит могучий Володя. — Все само собой образуется.

— Откуда ты знаешь? — говорит девушка. — Он одинок здесь, напуган до полусмерти, наверное. Ни друзей, ни дома, все непривычно, непонятно, страшно...

— Эй, на контакте! — негромко произносит Лева. — Они идут...

В чистовике после Жака в разговор с Гаем вступает (причем совсем с другим вопросом) не Володя, а Галка, поэтому и обмен репликами получается несколько иным.

— Погоди, Яшка, — говорит Галка. — Слушай, Гай, может быть, ты хочешь освежиться с дороги? Покушать?

— Завтра, — небрежно бросает Гай. — Я устал и желаю спать. Кто у вас здесь начальник? Ты?

— Начальник? — удивляется Галка. — У нас нет начальника.

Следующая вставка в значительной мере вошла и в поздний чистовик, представленный далее. Разница в том, что действие первоначально должно было происходить уже на следующее утро, а после объяснения Володи, чем занимаются Прогрессоры, вместо появления Галки (она, как было показано выше, уже присутствует в лагере) следует такое завершение эпизода.

Володя открывает рот, чтобы ответить, но тут появляется Лева. Он кивком здоровается с Гаем и говорит Володе:

— Пойдем опробуем новую схему, Силыч.

Володя говорит Гаю:

— Потом мы еще поговорим. Когда поешь, грязную посуду брось вон туда, в мусоросборник. А потом выйди посмотри, как мы работаем. Это тебе будет интересно...

После пробной установки силового барьера добавлена сцена в мастерской Володи. Она тоже имеется в более позднем чистовике. Здесь хочется отметить, кстати, что представления Авторам о черчении в будущем выглядят довольно занятно: с одной стороны — некие «листы из прозрачного материала», с другой — более чем классические тушь и рейсфедер... Кроме того, Володя, в отличие от Жака в раннем черновике, держит себя в руках, и на разглагольствования Гаю о поголовном истреблении краманцев реагирует сдержанно. А идущей здесь после разговора о форматоре сцены с грозой и с запуском зонда в следующих вариантах сценария уже не будет.

Слышится отдаленный раскат грома. Володя поднимает голову, прислушивается.

— Гроза... — говорит он и идет к выходу.

В небе над лагерем, бешено крутясь, собираются тучи. Сверкает молния, с грохотом налетают раскаты грома. Слышен голос Левы:

— Силыч, Яшка! Зонд!

— Иду! — кричит Володя в ответ.

Он быстро подходит к стеллажу, стаскивает с полки большой плоский пакет и выбегает с ним из мастерской. Гай высовывается из дверей. Ослепительно сверкает молния. Гай в страхе отшатывается. В ту же секунду на лагерь обрушивается ливень.

Володя, Галка и Жак, промокшие до нитки, но веселые, берутся посередине поляны, распаковывая пакет. Подбегает Лева, вытягивает из пакета длинный блестящий шнур и подсоединяет к ящичку с множеством застекленных глазков.

Зонд надувается, принимает форму огромной груши. Порывы ветра рвут его из стороны в сторону, и тройка гулливеровцев едва удерживает его.

Одинокий Драмба неподвижно стоит у входа в мастерскую под ливнем.

Налетевший вихрь прижимает зонд к земле, все валятся друг на друга. Блещет молния. Хохот, веселые крики, сердитый голос Левы. И громовой раскат.

— Пускай! — командует Лева.

Зонд взмывает к низким тучам и сразу пропадает из виду. Володя, Галка и Жак, мокрые и встрепанные, столпились вокруг Левы, который стоит на коленях над своим ящичком и всматривается в мигающие огоньки.

— Попал! — кричит Лева и вскакивает на ноги. — Удача!

Снова ослепительная молния и громовой раскат.

Гай заслоняет лицо локтем. На черно-оранжевую эмблему шлепаются тяжелые дождевые капли.

В сцене у костра пение-импровизация в первом чистовике начиналось не сразу, прежде происходили еще некоторые события.

Поздний вечер. Над черной стеной леса всходит луна. Гулливеровцы и Гай сидят вокруг костра. Все молчат, уставившись в огонь, только Лева, наклонив светловолосую голову, листает какую-то книгу. Потом Жак встает, уходит в темноту и сразу возвращается, закрепляя на ухе «сережку». Небрежно произносит, ни к кому не обращаясь:

— Что это за конверт там валяется у Галкиной палатки?

Галка испуганно вскакивает и убегает. Жак с невозмутимой физиономией садится на свое место и принимается прикосновениями пальцев настраивать «сережку».

Музыка, непонятная речь, снова музыка... Громкий, хорошо поставленный голос произносит по-русски:

— В Конфликтном комитете при Всемирном Совете Земли продолжалось дебатирование социологических аспектов проблемы перспективного развития человечества. Отвечая на вчерашнее выступление президента Академии Высшей Педагогики Дзюндзиро Кимуры, заместитель начальника штаба Всемирной Ассоциации Прогрессоров Антон Выховский сказал следующее. Да, действительно, три кита, на которых покоится социальный эгоизм человечества, — воспитание, здоровье и познание — действительно привели наш род к его нынешнему цветущему состоянию. Но из элементарных теорем социальной кибернетики следует, что в самых благополучных обществах необходимо возникают силы, направленные вовне...

Гай слушает, приоткрыв рот. Вернее, не столько слушает, сколько завистливо созерцает диковинную и прекрасную жемчужину, свисающую с мочки Жакова уха.

— ...Тогда наступает этап, где социальный эгоизм сменяется социальным альтруизмом, когда гомеостазис из цели превращается в средство. Возникновение идеологии Прогрессоров можно рассматривать как первую ласточку...

Из темноты появляется Галка и звонко щелкает Жака по затылку.

— Уау! — вскрикивает Жак. Голос замолкает и сменяется музыкой.

Галка садится и сердито смотрит на Жака.

— Дослушать не дала... — ворчит тот, потирая шею.

— Опять на тот же крючок? — спрашивает Володя.

Галка в сердцах машет рукой, затем не выдерживает — смеется.

— Упорный шутник, — презрительно замечает Лева, не отрываясь от книжки.

Жак снимает «сережку».

— Ну, извини, — произносит он с преувеличенным раскаянием.

Гай потихоньку берет у него «сережку» и рассматривает ее. Наступает тишина.

Появляется в этом варианте сценария и исчезает в следующих эпизод, где Галка ведет дневник по пребыванию Гая в группе.

Поздний вечер. Палатка Галки. Стол, заваленный бумагами. Футляры с инструментами. Небольшой столик-информатор, над ним круглый экран. На разобранной постели сидит, поджав ноги, Галка. В одной руке у нее миниатюрный диктофон, другой рукой она подносит ко рту микрофон величиной с горошину. Негромким, но отчетливым голосом она произносит:

— Двадцать девятое июня. День первый. Против ожиданий, Гай довольно легко освоился с обстановкой. Видимо, сказались дни, проведенные у Корнея. Проявляет умеренное любопытство к техническим устройствам. Ведет себя как наблюдатель, в запуске зонда во время грозы помощи не предложил. В диалогах большей частью задает вопросы. Проявляет склонность к восхвалению алайского руководства и его идеологии. Во время вечернего отдыха спел очень грустную песню, но потом застеснялся...

Многие другие вставки с некоторыми изменениями перешли и в более поздний сценарий. Это, например, эпизод, где Гай находится в лесу вместе с Драмбой и обдумывает, как бы ему справиться с гулливеровцами и захватить звездолет. То же самое касается воспоминаний Гая о своих похождениях на Тобе, о том, как его выперли из школы, и о том, как славно он в компании со знакомыми хулиганами отомстил потом полицейскому. Сохранилась в следующем чистовике и переписанная сцена с дракой, где Гай сначала решает спяну покуражиться перед Жаком, а потом приходит в ярость от невозможности одолеть противника и пускает в ход нож. Из того же ряда — эпизод на берегу реки, где Гаю объясняют (не особо, впрочем, убедительно), что Прогрессорам при наличии у них хорошей защиты оружие ни к чему.

Все сцены, идущие после драки, написаны для полного чистовика заново. Поскольку и сами события, и их порядок в последующих версиях сценария сильно изменялись, несколько эпизодов дальше приведены полностью.

Галка в своей палатке лихорадочно копается в горах исписанной бумаги, в папках с гербариями, в коробках с микропленкой. Наконец с радостным восклицанием вытаскивает

из этой груды длинный узкий конверт, прижимает его к груди, потом начинает озабоченно озираться, ища место, куда бы его все-таки спрятать понадежнее.

В дверях появляется Гай с мокрой после купания головой. Галка рассеянно улыбается ему и засовывает конверт в настенный кармашек палатки. Смотрит на кармашек и говорит с горечью:

— Все равно ведь забуду, куда положила. Просто горе у меня какое-то с этим конвертом...

— А чего в нем? — грубовато осведомляется Гай.

— Да задание мое.

— Какое еще задание?

— Экзаменационное, — объясняет Галка. — Сюда прибудет звездолет. — Гай настораживается. — Когда — неизвестно, но, в общем, скоро. В ту минуту, когда он здесь возникнет, ни минутой раньше, ни минутой позже, я должна буду вскрыть этот конверт. В нем мое задание.

Она снова извлекает конверт и смотрит его на свет.

— Ничего не разобрать. А на расчет перелета всего полтора часа...

— Не понимаю, — говорит Гай нетерпеливо. — Ты-то тут при чем?

— То есть как это — при чем? Мне же звездолет вести. Это же будет мой экзамен на звание пилота...

Гай тычет в нее указательным пальцем:

— Ты — поведешь — звездолет?

— Конечно, я. В конверте сказано, куда его вести. А что?

— На другие звезды?

Галка пожимает плечами:

— Естественно... Ведь я — пилот нашей группы.

Гай запускает пятерню в затылок и сосредоточенно скребется:

— Так. Ты, значит, пилот. А другой пилот, который корабль сюда приведет, он что?

— Не будет никакого пилота, кроме меня. Приведет корабль автомат, а уведу я.

— Это же надо же... — бормочет Гай. — К другим звездам?

— Конечно.

Галка кладет конверт на стол и начинает рыться в бумажной грудке.

— погоди, — говорит она, — я тебе сейчас покажу кое-что интересное...

На конверт ложится листок, потом папка, потом еще несколько листков...

Лагерь гулливеровцев. Обеденный перерыв. Все собрались за столом под тентом, обедают. Жак ест по-японски, палочками. Гай, как всегда, повернулся к остальным спиной, держит тарелку на коленях. Галка встает, подходит к УКБ и, набрав на диске какую-то комбинацию, извлекает из ниши высокие бокалы с прозрачной пенистой жидкостью.

Жак вдруг вскакивает, глядит на солнце и бежит к своей палатке. Возвращается и принимается бродить по поляне, глядя под ноги. Все с любопытством наблюдают за ним.

— Ребята, — страдальческим голосом произносит наконец он. — Никто не видел моей «сережки»?

Непроницаемое лицо Гая.

— Я не видела, — говорит Галка.

— Брось, — говорит Володя. — Потом найдешь...

— Какие могут быть «потом»? — возражает Жак. — Мне сейчас нужно! Через пять минут Габрилотти петь будет...

— Возьми мою, — предлагает Володя.

— Не желаю твою. Она у тебя некрасивая. Мне моя нужна.

— Любимая девушка подарила? — насмешливо осведомляется Лева.

— Ну, не девушка...

— Возьми у меня и сдублируй, — говорит Галка. — И не морочь нам головы.

— Ладно, давай, — соглашается Жак. — А то действительно, весь день так проищешь...

Он берет у Галки ее «сережку» и бежит к мастерской. Гай, бросив пустую тарелку в мусоросборник, спешит следом.

В мастерской Жак склоняется над одним из футляров. Сдвигает боковую стенку. За ней оказывается выпуклая металлическая крышка.

Гай тихонько входит в мастерскую и останавливается за спиной Жака.

Жак поднимает крышку и кладет «сережку» в неглубокий прямоугольный ящик. Закрывает крышку. Звонкий щелчок. Открывает крышку. В ящике лежат две «сережки».

— Что это? — шепотом спрашивает Гай.

— А? — Жак поворачивает голову. — Это, брат, мультипликатор.

Он хватает обе «сережки» и выскакивает из мастерской.

Крышка мультипликатора остается открытой.

Гай сует руку в карман куртки и оглядывается. В дверях стоит Драмба. Гай грозит ему кулаком и шипит:

— Молчи, раб!

— Я молчу, господин капрал, — монотонно отзывается робот.

Гай секунду колеблется, затем извлекает из кармана автоматный патрон. Кладет патрон в мультипликатор, решительным движением закрывает выпуклую крышку. Звонкий щелчок. Поднимает крышку. В мультипликаторе два патрона. Опускает крышку. Звонкий щелчок. Поднимает крышку. Четыре патрона.

Гай вытирает со лба пот.

Лужайка в лесу. «Сережка», украденная у Жака, висит на веточке. Сладостной грустью льется мелодия вальса «Осенние листья».

Робот Драмба связывает Гая по рукам и ногам тонким шнуром. Гай лежит в траве.

— Готово? — спрашивает он.

— Так точно, господин капрал, — отвечает робот.

Гай начинает извиваться, стараясь освободиться от пут. Высвобождает руку.

— Что ж ты, дреколье стоеросовое? — рычит он. — Как связал? Разве так связывают? А ну, сделай как следует!

Драмба снова склоняется над ним, возится с узлами на шнуре.

— Больно! — кричит Гай. — Скотина слепая! Осторожно!

— Виноват, господин капрал...

Драмба снова выпрямляется. Гай дергается в путах, затем удовлетворенно произносит:

— Вот теперь хорошо. Хвалю.

— Рад служить, господин капрал!

— Развязывай.

Драмба освобождает Гая. Гай встает и, поглаживая натертые шнуром руки, некоторое время расхаживает по лужайке. Потом останавливается перед роботом:

— Теперь слушай меня внимательно. Сделаем так...

Лагерь гулливеровцев. Ночь. Сонно перекликаются птицы. На спокойной глади реки лежит лунная дорожка. Белеют под луной палатки, лунные блики лежат на низкой крыше мастерской. Черной стеной окружает поляну лес.

Мимо палаток, неслышно ступая, движется Драмба. Он подходит к столовой, на секунду замирает, затем, пригнувшись, входит под тент. Останавливается над массивным кубом УКБ. И вдруг с размаху бьет по нему тяжелой ногой. Звон, треск, дребезг. Испуганно вскрикивает какая-то птица. И снова над лагерем воцаряется тишина.

Столовая гулливеровцев. Утро. Все столпились вокруг УКБ. Тут же по стойке смирно стоит Драмба. Гай, размахивая кулаками, насккивает на него.

— Слепая дубина! — вопит он. — Мерзавец! Клянусь Черным Зверем, я сгною тебя в карцере!

— Виноват, господин капрал, — монотонно бубнит робот.

Гай, подпрыгнув, бьет робота по стальному забралу, взвизгивает и принимается приплясывать на месте, дуя на отбитые пальцы. Жак хохочет. Улыбаются Володя и Галка. Только Лева поглядывает на Гая хмуро и недовольно.

Володя осматривает УКБ:

— Гм... Анализатор цел, ребята. Только механика помята. Здесь всего часа на два работы...

— Друзья! — торжественно провозглашает Гай. — Поскольку командиром Драмбы являюсь я, ответственность за все целиком и полностью ложится на меня. Я сам почию эту машину.

Гулливеровцы переглядываются.

— Ничего, — храбро произносит Жак. — Недельку-другую без комбайна — это даже интересно...

— Может быть, не стоит, Гай? — нерешительно говорит Володя.

— Почему же не стоит? — вступается Галка. — Правильно Гай говорит. Пусть попробует. А мы поможем в случае чего...

Лева набирает на диске какую-то комбинацию, нажимает на кнопку, и передняя стенка со скрипом отваливается. Из недр комбайна вырываются клубы пара. Лева, морщась, извлекает на свет божий нелепо изогнутое блюдо, наполненное неаппетитной массой.

— Да-а! — восхищенно произносит Жак. — Такого мы еще никогда не ели!

Лева молча швыряет блюдо в мусоросборник.

— Все это хорошо, — говорит он, — и даже, как выражается Яшка, интересно. Но что мы сегодня будем есть?

— И завтра, — подхватывает Володя. — И послезавтра... Предлагаю сходить на охоту!

— Правильно! — азартно кричит Жак.

— Ни в коем случае, — строго возражает Галка. — Всем заниматься по распорядку. Питаться будем из аварийного запаса.

Жак разочарованно качает головой и говорит Гаю:

— В кои-то веки твой урод доброе дело сделал, так и то попользоваться не дали... Эх, жизнь!

Поздний вечер. Палатка Галки. У стола стоит Лева, просматривает папки и бумаги. Галка с диктофоном в руке сидит на постели, поджав ноги, и говорит в микрофон негромким, отчетливым голосом:

— Двенадцатое июля. День четырнадцатый. Гай, видимо, привык к воде. Сегодня впервые самостоятельно переплыл реку. Пытался нырять. Заметно повысилось чувство ответственности перед товарищами. Вызвался починить бытовой комбайн, случайно поврежденный его роботом. Охотно беседует с ребятами на самые разнообразные темы...

Она откладывает диктофон и спрашивает Леву:

— Нашел?

— Нет пока... — отзывается Лева. — Ты в самом деле считаешь, что Гай осваивается?

— Конечно! — Галка удивленно глядит на него. — А ты?

Лева молча пожимает плечами и продолжает рыться в бумагах.

Мастерская. Гай сидит под яркой лампой перед чертежной доской и работает линейкой и рейсфедером. От напряжения он высунул язык, пальцы вымазаны тушью. Рядом на крышке громадного футляра сложены стопкой готовые чертежи, лежит раскрытая готовальня. В другом углу, тоже под яркой лампой, работает Володя — собирает какую-то миниатюрную схему, время от времени «прозванивая» ее тонким игловидным инструментом с крошечной, в булавочную головку лампочкой на конце. В распахнутые двери льется обильное солнце, снаружи доносится мелодичное посвистывание Жака.

Гай наносит последний штрих, откидывается на спинку стула и критически обозревает чертеж.

— Готово! — объявляет он.

Володя поднимает голову, затем встает и подходит к нему. Берет чертеж и качает головой.

— Молодец! — произносит он с искренним уважением. — Молодчина, Гай. Как ты чертить научился ловко! И всего-то за... Пстой, когда мы начали?

— За восемь дней, — говорит Гай и пожимает плечами. — А чего тут такого? Нужда подопрет, так и рыбка запоет...

— Какая там особенная нужда!

Гай спохватывается.

— Конечно, нужда! — торопливо говорит он. — Все-таки из-за меня... ну, не из-за меня, так из-за моего робота аварийный запас подъедем!

— Руки у тебя талантливые, вот что! — убежденно произносит Володя. — Руки у тебя — золото, не спорь. Мне виднее.

Гай польщен и смущен.

— Ладно, ладно, — бормочет он. — Давай лучше форматор свой включай. Если у меня все правильно, сегодня же к вечеру закончу это дело, клянусь Черным Зверем...

Володя берет стопку чертежей, подходит к форматору и принимается за работу. Чертеж за чертежом исчезает в щели приемного окна, жужжит наборный пульт, щелкает рычажок, под слабое гудение на несколько секунд меркнет свет, и Гай извлекает из машины и складывает на расстеленный брезент деталь за деталью.

— А это что такое? — спрашивает Володя, с любопытством разглядывая на свет чертеж толстостенной короткой трубки с изогнутой нарезкой на внутренней поверхности.

Лицо Гая каменеет.

— Это так... — произносит он спокойным голосом. — Хочу в комбайне одну штуку приспособить...

— Молодец, — повторяет Володя и сует чертеж в приемное окно.

Столовая гулливеровцев. Солнце клонится к закату. С механического отсека УКБ снят чехол, робот Драмба, сидя на корточках, заканчивает сборку поврежденного узла. Рядом с ним разостлан брезент, на нем еще лежит с десяток деталей, в том числе и короткая толстостенная трубка, чертеж которой так удивил давеча Володю. Ветерок треплет чертеж механических внутренностей комбайна, прижатый к земле тяжелой ступней робота. Гай стоит рядом, заглядывая Драмбе через плечо.

Драмба берет с брезента очередную деталь и вставляет ее в узкий паз в верхней части механизма. Затем берет с брезента трубку и в нерешительности застывает.

— Эта деталь схемой не предусмотрена, — монотонно басит он. Затем, после паузы, добавляет: — Остальные детали тоже лишние.

— Положи обратно, болван! — шипит Гай и испуганно озирается. Он опускается на колени и оглядывает «лишние» детали на брезенте. — Конец, — произносит он.

— Так точно, господин капрал, — говорит Драмба. — Сборка закончена.

— Ставь на место чехол...

Драмба ставит на место и закрепляет чехол, а Гай торопливо сворачивает брезент с «лишними» деталями и запихивает сверток под машину.

— Отойди, — приказывает он роботу.

Драмба отступает на несколько шагов. Гай открывает верхнюю крышку комбайна, перелистывает тетрадку со списком шифров и торопливо набирает номер на правом диске. Затем нажимает кнопку. Легкий звон, передняя крышка комбайна откидывается, и Гай берет с полки стакан с молоком. Жадно выпивает молоко, бросает стакан в мусоросборник и набирает комбинацию на среднем диске. На полке в нише появляется белая с красной окантовкой майка. Гай нетерпеливо швыряет ее на землю, захлопывает стенку и набирает номер на левом диске. На полке — пара красивых женских туфель.

Раздаются аплодисменты.

Гулливеровцы стоят за его спиной и аплодируют. Даже Лева. Жак хватается Гая в охапку и тискает его. Галина радостно визжит, Володя произносит:

— Я же говорил вам: золотые руки! Он нам всем еще покажет, как надо работать!

— Чего там... — смущенно бормочет Гай, высвобождаясь из объятий Жака. — Собирал-то Драмба, а я всего-навсего чертежи вычертил...

— Ты считаешь, что чертежи — это «всего-навсего»? — говорит Лева. Он улыбается Гаю. Впервые за все время знакомства.

Лужайка в лесу. Горячий полдень. Жужжит шмель, перелетая с цветка на цветок. Паучок неторопливо плетет паутину. Заливаются-чирикают невидимые птицы в вершинах деревьев.

Кусты раздвигаются, и на лужайку выходит Гай. Он хмур и мрачен. Следом гигантской тенью бесшумно появляется Драмба. Гай бросает в траву брезентовый сверток. Сверток падает с глухим звяканьем.

Гай достает из дупла «сережку», вешает ее на веточку и включает музыку. Негромко звучит глиэровская «Песня без слов». Гай как-то грузно, словно обессилев, садится в траву и медленно разворачивает сверток.

Десяток металлических деталей, тускло отсвечивающих на солнце. Гай лезет в карман и высыпает на брезент пригоршню автоматных патронов. Медь отсвечивает на солнце ярко и радостно.

Россыпь патронов и десяток деталей: ствол, корпус, выдвижной приклад, затвор, пружина затвора, два магазина, две пружины к магазинам...

Гай механически, привычными движениями собирает автомат. Снаряжает магазины патронами. Со щелчком вбивает один магазин в патронник.

Некоторое время он сидит с автоматом на коленях, опустив голову. Затем медленно, с болезненным стоном поднимается на ноги. Поворачивается лицом к огромному старому дереву и поднимает автомат.

Перед ним — улыбающаяся рожица Жака. Его голос:

— Я сам виноват. Разве можно дразнить Бойцового Кота?

Умное, ласковое лицо Володи. Его голос:

— Ты так вывалялся, дружище, что уж теперь непременно нужно окунуться...

Улыбка на мрачноватом лице Левы. Его голос:

— Ты считаешь, что чертежи — это «всего-навсего»?

Милое лицо Галки. Ее голос:

— Солдатик...

Гай опускает автомат. Затем зажмуривается, рывком вскидывает ствол и нажимает на спусковой крючок.

Оглушительная короткая очередь.

Мертвая тишина.

И снова, словно сквозь вату, проступают звуки. Негромкий женский голос, поющий «Песню без слов», чириканье птиц...

Гай с отчаянным лицом поворачивается к роботу.

— А что я еще могу сделать, Драмба? — кричит он. — Что я могу сделать?

Робот молчит.

Лагерь гулливеровцев. Рабочий день в разгаре. Из раскрытых дверей мастерской доносится мелодичное посвистывание Жака. Володя и Лева склонились над схемами у цилиндрического генератора защитного поля. Гай сидит рядом с ними, смотрит, слушает, рот его по обыкновению приоткрыт.

— Теперь так, Силыч, — говорит озабоченно Лева. — Взгляни сюда. Перепад напряжения имеет место в этой точке, это мы с тобой выяснили, если ты помнишь... Неясно было только, чем этот перепад вызван...

— Разрыв непрерывности, — убежденно произносит Володя. — Функция-то прерывная...

— Да-да, — нетерпеливо прерывает его Лева. — Математику я знаю. Ты мне лучше скажи, в чем физический смысл этого разрыва? Не математический, а физический...

— Ребята! — раздается крик Галки.

Все оборачиваются в сторону палаток. Галка выбегает из своей палатки с сияющей физиономией.

— Ребята! — кричит она. — Гай! Война кончилась!

Володя и Лева вскакивают. Гай стискивает куртку у себя на груди. Из мастерской выходит Жак.

— Какая война? — осведомляется он. — Где война?

— Война на Тобе!

Ребята обступают Галку, и она торопливо рассказывает:

— Только что передали из штаба... Война на Тобе кончилась. Военные действия прекратились почти одновременно по всему фронту. Краманский император низложен. Великий герцог Алайский оставил ставку и скрылся в неизвестном направлении... Поздравляю, Гай!

Она обнимает ошеломленного Гая и звонко целует в обе щеки. Жак трясет ему одну руку, Володя — другую. Лева крутит головой и восхищенно произносит:

— Вот это работа! Ай да Прогрессоры!

Гай вдруг вырывается.

— Погодите... — говорит он, задыхаясь. — Если война кончилась... И герцог бежал... А я? Как же я? Мне же надо туда! Мне немедленно надо туда!

Он вертится на месте, хватаясь то за Жака, то за Володю, то за Леву:

— Неужели вы не понимаете? Ведь герцог... Ему опасность грозит, его спасти надо... Я же Бойцовый Кот!

Все смущенно переглядываются. Гай замолкает. Тогда Володя, кашлянув, произносит:

— Ты же знаешь, Гай, это не от нас зависит. Распоряжается штаб... Корней... Серафима... Они ни за что не отпустят тебя сейчас. Там разруха, эпидемии, голод...

Гай, не дослушав, расталкивает ребят и убегает к лесу. Драмба широким бесшумным шагом следует за ним.

Завершают этот вариант сценария эпизоды, не слишком отличающиеся от следующего чистовика: прибытие звездолета, бунт Гая, его возвращение на Тобу и разговор старухи с Корнеем, предшествующий самой последней «картинке», где рядом с Гаем в толпе беженцев идет Прогрессор Эрик.

27 октября 1973 года АНС записывает в дневнике: «25-го раздолбали меня на студии, вернули сценарий и обещали прислать рекомендации — что исправить. Хотят, чтобы к 1 декабря я представил в обновленно-улучшенном виде, и тогда они смогут собрать официальную редколлегия». В первой половине ноября все эти обновления и улучшения производятся. 4 ноября АНС записывает: «Вчера порассуждал над МиПом, кое-что посчитал. Сегодня утром

пришла идея — внести сцену бунта Гая в середину, а не в конец. Это здорово оживит сценарий, прямо скажем. Но ведь буквально всё придется переписать!» А 16 ноября в его дневнике появляется запись: «Закончен МИП на 90-й странице. <...> Практически выполнены ВСЕ требования коллегии. И те, что прислал Шлепянов, и те, которые высказывались на совещании».

Как уже отмечалось, нет возможности точно выяснить, в чем заключались эти требования. Понять это хотя бы отчасти можно только путем сравнения нового сценария с предыдущим. Дело, однако, в том, что чистовик переработанного сценария найти не удалось, хотя он, несомненно, существовал. В архиве АБС имеется только черновик: это прежний сценарий с обширнейшей рукописной правкой по уже описывавшейся ранее методике — множеством мелких и крупных поправок непосредственно в тексте, вычеркнутыми абзацами и целыми страницами, а также множеством дополнительных рукописных страниц, написанных на замену прежним фрагментам.

То, что представлено ниже в качестве полного сценария «Мальчик из преисподней», есть, строго говоря, не сам чистовик переработанного варианта (он не найден), а максимально приближенная к нему реконструкция, сделанная с тщательным учетом всех внесенных в прежний чистовик исправлений. Этот текст, который впервые был подготовлен В. Дьяконовым для третьего тома серии «Неизвестные Стругацкие» (2006), перепечатывается здесь без каких-либо существенных изменений.

МАЛЬЧИК ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Ночь, озаренная вспышками выстрелов и пожарами. Горят свайные хижины, рушатся тростниковые крыши, вздымая снопы искр, тяжелые клубы дыма то взвиваются к звездному небу, то жмутся к земле, заволакивая поле боя.

Ползут, переваливаясь с борта на борт, неуклюжие броневики, обшитые грубо склепанным и нелепо раскрашенным железом, их огнеметы с коротких остановок выплевывают длинные струи огня. За броневиками, низко пригибаясь, движутся пехотинцы в конусовидных касках и полосатых балахонах. Нечленораздельный рев наступающих покрывает остальные звуки боя.

Один из броневиков внезапно оседает на задние колеса, окутывается дымом и вспыхивает. Охваченные пламенем черные фигурки выбрасываются через люки и катаются по земле.

В полукруглом окопчике сбоку от дороги, у неуклюжего гранатомета суетятся двое в коротких широких штанах и зелено-коричневых маскировочных куртках. Один — старик со сморщенной физиономией, с длинной реденькой бородкой. Другой — мальчик лет пятнадцати. На правом рукаве его куртки эмблема: оранжевый треугольник с изображением черного кота, выгнувшего спину, с красными глазами и красной оскаленной пастью.

Обмениваясь непонятными возгласами со странной интонацией¹, старик и мальчик разворачивают гранатомет навстречу приближающемуся броневику. Над их головами пронесется огненная струя, позади окопа вскипает озеро пламени, и в его отсветах отчетливо видна лобовая броня металлического чудовища.

Гранатомет стреляет. Промах.

Старик трясущимися руками поднимает новую гранату. Пулеметная очередь прошивает его грудь, и он оседает на дно окопа.

Визжа от ужаса и ненависти, мальчик выхватывает гранату из мертвых рук и швыряет навстречу броневику.

Взрыв. Броневик вваливается передними колесами в окоп, расплющив гранатомет, и останавливается. В щели между листами брони высовываются языки огня.

Оглушенный и ослепленный мальчик выбирается из-под броневика и шатающейся трусцой бежит к горящим хижинам.

¹ Здесь и дальше одному из героев придется не раз говорить и даже петь на своем языке, непонятном землянам. Наилучшим способом воспроизвести это в звуке будет пустить магнитофонную ленту с записью обычной речи задом наперед: такой способ имитации инопланетной речи представляется нам наиболее простым.

Пулеметная очередь. Мальчик падает, несколько секунд лежит неподвижно, затем пытается ползти.

На него надвигается новый броневик. Обляпанные грязью шипастые колеса нависают над ним.

И в этот момент от горящих хижин отделяется стремительная черная тень. Высокий и очень гибкий человек, с ног до головы затянутый в черное, в три прыжка выскакивает на дорогу, выхватывает мальчика из-под колес броневика и откатывается в сторону.

Он вскакивает с мальчиком на руках. На том месте, где он только что лежал, земля вскипает от пулеметной очереди.

Сбоку набегают ревуший солдат в полосатом балахоне и взмахивает кривым мечом. Черный человек легко отбивает удар ребром ладони по его локтю. Меч сверкающей полосой улетает в темноту, а полосатый, схватившись за руку, с воем валится навзничь.

Черный человек с мальчиком на плече сбегает в темноту и бежит по болоту, расплескивая воду и раздвигая тростники. И вот уже далеко позади остались огни и громы сражения. Черный человек с безжизненным телом на плече движется через болото легко и без всякого напряжения, словно бы скользит по воде и трясине.

Впереди на фоне звездного неба появляется силуэт черного холма удивительно правильных очертаний.

С мальчиком на руках черный человек приближается к стене этого холма-купола и ударяет в нее ногой. Что-то лопается с тихим чмокающим звуком, и в стене открывается ярко освещенный овал люка.

Черный человек просовывает тело мальчика в люк, затем шагает в люк сам. Яркий свет озаряет его суровое, испачканное лицо.

— Старт, — хрипло произносит он. — Немедленно.

Овал люка гаснет.

Силуэт огромного купола — космического корабля — на фоне звездного неба над болотом начинает медленно таять. Не слышно грохота двигателей, не видно вспышек из дюз. Он просто исчезает без следа, как призрак.

Затемнение. На фоне его медленно загорается надпись:

МАЛЬЧИК ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Надпись гаснет. Тьма медленно рассеивается.

Мальчик открывает глаза. Над ним — рубчатый, матово-белый потолок, по потолку неспешно движутся бледные радужные тени.

Мальчик медленно поворачивает голову вправо. Шагах в десяти — стена бледно-лилового оттенка. И еще виден матовый, коричневый, в темных разводах пол.

Мальчик медленно поворачивает голову влево. Вздрагивает и замирает.

Три человека сидят в креслах лицом к нему. Немолодой жилистый мужчина с жестковатым загорелым лицом и шапкой густых седеющих волос, одетый в серые брюки, белый свитер и сандалии на босу ногу. Дородная старуха в глухом черном платье, совершенно седая, с высоченной прической, с двойным подбородком. И еще один мужчина, огромного роста, огненно-рыжий, с очень белым лицом, в потертых джинсах и пестрой рубашке навыпуск, босой. И все трое молча смотрят на мальчика — спокойно и доброжелательно.

Мальчик лежит на спине на низком широком ложе, покрытом белым покрывалом, почти нагой, если не считать черных плавок. В обширном помещении, кроме ложа и кресел, нет никакой мебели. И дверей нет, а вместо одной из стен — сплошное раскрытое окно, за которым видно только чистое синее небо.

Несколько секунд мальчик, приподняв голову, смотрит на человека в свитере, на старуху, на рыжего гиганта. Затем откидывает голову на подушку и хрипло шепчет:

— Кэм дэи...

— Корней, — негромко командует старуха.

Человек в свитере наклоняется вперед и, пристально глядя мальчику в глаза, прикладывает палец к своей переносице.

— Кэм дэи! — произносит мальчик.

Глаза его расширяются, он прикованно впивается взглядом в глаза человека в свитере.

Возникает и нарастает продолжительный звенящий звук. «Кэм дэи... Кэм дэи... Кэм дэи...» — раздается все громче и громче, лицо человека в свитере заволакивается розовым туманом, слова гремят, становятся неразборчивы, сливаются с пронзительным звоном, а затем звон идет на убыль, и из шума возникают слова: «Не понимаю... Не понимаю... Не понимаю...» Звенящий звук постепенно смолкает, и в наступившей тишине мальчик отчетливо произносит:

— Не понимаю...

Человек в свитере откидывается на спинку кресла.

— Ну вот, — добродушно говорит старуха. — Теперь мы можем побеседовать. Как тебя зовут?

— Гай, — хрипло отвечает мальчик.

— Кто ты такой, Гай?

— Бойцовый Кот его сиятельства герцога Алайского...

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать...

Гай вдруг садится на ложе и судорожно ощупывает себя. Пальцы его задерживаются на двух шрамах от пуль — на груди под левым соском.

— Не понимаю, — говорит он и глотает слюну. — Был бой...

— Теперь все прошло, Гай, — произносит старуха. — Боев больше не будет. Для тебя, по крайней мере.

Некоторое время Гай молчит.

— Почему? Я был ранен... Здесь госпиталь?

— Нет.

— Все равно. Я совершенно здоров и... и...

Он озирается, ища свою одежду.

— Не торопись, Гай, — останавливает его старуха. Она поворачивает лицо к рыжему гиганту. — Объясни ему, Эрик.

— Здесь не госпиталь, Гай, — мягко говорит рыжеволосый Эрик. — Ты на другой планете, в другом мире. И тебе придется некоторое время пожить с нами...

Гай втягивает голову в плечи. Глаза его стремительно перебегают с одного лица на другое.

— Вот этот человек, — продолжает Эрик, указывая на человека в свитере, — спас тебя во время боя и взял сюда...

Гай вскакивает на ноги.

— Вы сумасшедшие! — кричит он. — Сейчас же отдайте мою одежду! Вы не смеете задерживать Бойцового Кота!

Старуха морщится.

— Терпеть не могу этого этапа... — произносит она. — Успокойся, ребенок. В свое оправдание мы можем сказать только, что это произошло совершенно случайно...

— Ты в самом деле на другой планете, — мягко увещевает Эрик. — Ты не на Тобе, ты на Земле...

— Ложь! — кричит Гай. — Такой планеты нет! Говорите прямо! Где я? В плену?

— А на каком языке ты говоришь с нами? — спокойным и даже сонным голосом произносит Корней.

— Я...

Гай замолкает. На лице его выражение ярости сменяется изумлением, затем испугом.

— Я... — бормочет он. — Кэр потти... Я говорю... Пэт ворра...

Он обессиленно опускается на ложе.

Старуха, сцепив на животе пухлые ручки, глядит на Корнея, затем на Эрика.

— Ну что? — осведомляется она. — Ваши впечатления, дети?

Эрик качает головой и хмурится:

— Случай не совсем обычный, тетушка.

Корней, в вольной позе полулежащий в кресле, сообщает сонным голосом:

— Я уже пять минут пытаюсь взять его в контакт и не могу...

— А ну-ка, перестаньте хныкать, дети, — говорит старуха. — Я хочу слышать конкретное решение.

Корней резко выпрямляется и садится прямо.

— Повременим с решением, тетушка, — говорит он. — Если разрешите, я возьму его к себе на день-другой... Ты согласен, Гай? — обращается он внезапно к Гаю.

Тот вздрагивает и не отвечает. Вид у него угнетенный и обалделый. Время от времени он трет глаза и украдкой шиплет себя за ногу.

— А если в какую-нибудь группу? — спрашивает неуверенно Эрик.

Старуха и Корней переглядываются.

— В поле? — произносит Корней.

— Это идея, — одобрительно говорит старуха. — В какую, сынок?

— Это надо посчитать...

— Хорошо... — говорит старуха и поднимается. — Посчитаем. Здесь есть связь с педавоком?

— Есть где-то...

— Пойдемте, дети...

Корней и Эрик тоже встают. Корней говорит Гаю:

— Побудь один немного. Я сейчас вернусь.

И они все трое идут к глухой стене, и стена расступается и смыкается за ними. Гай переводит глаза на кресла и в страхе забирается на ложе с ногами: кресла медленно тают в воздухе и исчезают совсем.

Совершенно пустая комната¹. Гай в одних плавках стоит посередине лицом к окну. Он весь в напряжении — нахохлен, кулаки сжаты, волосы дыбом.

За окном только чистое синее небо. И словно из безмерной дали доносятся сюда звуки незнакомого мира. Женский смех. Детские голоса. Непонятное позвякивание. Возникает, нарастает и вновь стихает нежная мелодия.

Гай несмело идет к окну. Ноги его подгибаются, и он опускается на четвереньки. Осторожно заглядывает вниз, отшатывается и снова заглядывает. Вдруг мимо окна справа налево тенью пронесется человеческая фигура с раскинутыми руками. Мальчик отскакивает назад и садится. Сейчас же на окно напоздает прозрачная рама. Начинает шуршать невидимый вентилятор.

Гай отползает на середину комнаты, поднимается на ноги. Лицо его блестит от пота, глаза бегают. В стене справа возникает большое зеркало.

Гай медленно подходит, вглядывается в свое изображение. Снова рассматривает шрамы от пулевых ранений на груди, поворачивается, ищет что-то глазами.

Зеркало исчезает, на его месте на крошечном крючке висит одежда — синие шорты и белая рубашка. Гай надевает шорты, осматривает рубашку и с отвращением отбрасывает ее. Снова поворачивается к стене. На крючке висит старая военная куртка Гая — зелено-

¹ Это комната-слуга, комната-робот, совершенный механизм, не только действующий по определенной программе, не только выполняющий мысленные приказы обитателя, но и следующий его эмоциональным колебаниям.

коричневая, с оранжево-черной эмблемой на правом рукаве. Лицо Гая расплывается в улыбке, он несмело протягивает к куртке руку, оглядывается через плечо и замирает.

Брошенная рубашка ползет через комнату к противоположной стене. Гай закрывает глаза. Рубашка, приблизившись к стене, исчезает. Гай переводит дыхание, снимает с крючка куртку и облачается в нее. Роемся в карманах. На губах его снова появляется счастливая улыбка. Он извлекает из кармана автоматный патрон, гребешок со сломанными зубцами и амулет — грубую статуэтку оскаленного человечка, стоящего на коленях.

Гай садится на пол, раскладывает перед собой свои сокровища и любуется. И вот возникает грохот барабана. Сначала едва слышный, он нарастает, становится все громче.

По тропе среди развалин гуськом идут солдаты в зелено-коричневых куртках, в плоских, похожих на тарелки, шлемах, все с грузом оружия и боеприпасов. А барабан грохочет все громче, к нему присоединяются визгливые флейты, и солдаты хором запевают «Марш Бойцовых Котов». И Гай тоже печатает шаг вместе с ними, придерживая на боку странной формы автомат, и тоже поет, сияя от счастья.

Он сидит, скрестив ноги, на полу в пустой комнате и срывающимся голосом одиноко поет «Марш Бойцовых Котов». Глаза его закрыты, по щекам текут слезы. Потом он обрывает песню и открывает глаза.

На пороге комнаты стоит Корней. Секунду он и Гай молча смотрят друг на друга. Потом Гай быстро-быстро подползает к нему на коленях.

— Домой, — шепчет он. — Я хочу домой, господин...

Корней опускается перед ним на корточки. Гай весь дрожит, в глазах его слезы. Корней берет его голову в свои ладони и принимается медленными движениями больших пальцев поглаживать его виски. Постепенно Гай перестает дрожать, успокаивается. Судорожно вздыхает. Корней ласково спрашивает:

— Успокоился?

Гай кивает.

— Тогда пошли...

Корней и Гай спускаются по лестнице в круглый зал¹. Здесь ни окон, ни дверей. У стен кресла и столики. Посередине зала возвышается прозрачная цилиндрическая кабина нуль-транспортера². У одного из столиков сидят несколько мужчин и женщин и о чем-то негромко беседуют³.

Пока Корней и Гай пересекают зал, раздается медный звон, и в кабине нуль-транспортера возникает пожилой мужчина в светлом костюме. Гай останавливается. Корней тоже останавливается и терпеливо ждет. Мужчина, выйдя из кабины, направляется к группе у столика. Корней и Гая обгоняют двое девушек, входят в кабину, набирают номер на клавишном пульте, нажимают стартовую кнопку и исчезают.

Корней легонько тянет Гая за руку. Они подходят к кабине и входят в нее.

Корней закрывает дверь и набирает на клавишной панели восьмизначную комбинацию.

— Прикрой глаза, — говорит он. — У меня там сейчас полдень.

¹ Интерьер здесь совершенно современный. Такой мы видели, например, в новом здании ЦК.

² Кабины нуль-транспортера будут появляться в фильме довольно часто. Они похожи на перевернутый стакан диаметром в два метра, с крошечным клавишным пультом на одной стене и с прозрачной же дверью на противоположной. Естественно, понадобится соорудить только одну такую кабину.

³ Одежды и прически у землян описываемой эпохи чрезвычайно разнообразны: двух одинаковых костюмов и причесок не найти.

Гай послушно прикрывает глаза ладонями. Корней нажимает стартовую кнопку. Тихий медный звон, вестибюль исчезает, и вокруг кабины мгновенно возникает залитый солнцем сад. Гай отнимает ладони от лица и вскрикивает от изумления.

— Г-где это мы? — запинаясь, спрашивает он.

— Дома, — отвечает Корней и открывает дверь кабины.

Они выходят. Гай осторожно ступает на траву. Наклоняется, трогает цветок. Наступает на цветок ногой и вдавливая его в землю. Поднимает голову.

Вперед уходит песчаная дорожка и упирается в крыльцо бревенчатого коттеджа самого обычного вида.

— Это мой дом, — как-то задумчиво произносит Корней. — Нравится?

Гай слегка пожимает плечами и переступает с ноги на ногу.

— Я сам его построил, — продолжает Корней. — Своими собственными руками. Топор, пила, молоток... Три года назад. Понимаешь, тогда было модно строить дома своими руками. Не знаю, как сейчас... Я три года провел у вас на Тобе. Пойдем.

Они поднимаются на крыльцо. Корней толкает дверь и вводит Гая в прихожую — там сейчас же вспыхивают газосветные трубки под потолком, — затем в гостиную-столовую. Это просторное светлое помещение с голыми бревенчатыми стенами, простые деревянные стулья и деревянный стол. В широкие раскрытые окна просовываются зеленые ветки.

— Прежде всего — завтрак, — произносит Корней.

Гай осторожно присаживается за стол, а Корней извлекает из стенного шкафчика тарелки, большие фарфоровые кружки и плоскую коробку с набором гастрономических тюбиков.

— Вот как это у нас делается, — говорит Корней.

И Гай с вытаращенными от изумления глазами следит, как выдавленные из тюбиков на тарелки разноцветные колбаски концентратов вздуваются и застывают пенистой массой, превращаются в желе, коагулируют в сочные дымящиеся куски мяса, распадаются на аппетитные ломтики в озерцах соуса, а в кружках странным образом разбухают и льются через край струями молока и кофе.

— Приступай, — приглашает Корней и сам берется за вилку и нож.

Гай, повернувшись к нему спиной и поставив тарелку на колени, с робкой жадностью уписывает эти яства.

— Вкусно?

Гай кивает с набитым ртом.

— Возьми вот этого желе, — обычным своим ленивым голосом советует Корней. — Подбавь немного мясного соуса, размешай и положи кусочек пудинга...

Голос Корнея заглушается нарастающим грохотом барабана, тает и исчезает столовая, расплывается, словно в тумане, лицо Корнея, и вот Гай уже в жалкой заброшенной хижине, тускло озаренной самодельным светильником, среди солдат в зелено-коричневых маскировочных куртках, а снаружи льет дождь, течет вода сквозь дырявую крышу, и один из солдат, угрюмый бородатый детина, делит треугольный сухарь по числу товарищей...

Грохот барабана обрывается, видение исчезает. Гай обеими руками осторожно ставит тарелку на стол и встает.

— Если господину угодно, я больше не могу есть, — говорит он, опустив глаза. — Я очень сыт и благодарю господина.

Корней вводит Гая в соседнее помещение.

— Это мой кабинет, — говорит он. — Здесь я занимаюсь.

Такая же просторная, такая же светлая комната, те же бревенчатые стены. Но в одну стену встроены большой круглый экран, стена напротив увешана «трофеями» хозяина — черепами и шкурами чудовищных животных, добытых на других мирах, а рядом с дверью

тускло отсвечивает металлическая штора, запирающая нишу в полтора человеческих роста. Посередине комнаты стоит длинный низкий стол с серебристой поверхностью¹, по сторонам его — глубокие покойные кресла.

Гай во все глаза разглядывает «стену трофеев».

— Страшные звери, верно? — говорит Корней и валится в одно из кресел. — Вот этот клыкастый взят на Яйле... есть такая неудобная планетка. Хитрущее животное. Представь, глубокой ночью подкопался под барьер и проник в лагерь. Большой устроил переполох... А вон тот, с зубчатым бивнем, напал на мой вездеход. Это тоже было на Яйле...

— А это? — спрашивает Гай, указывая на широкий чехол, размалеванный причудливыми узорами, из которого торчит странно изогнутая рукоять.

— Это оружие, — отвечает Корней.

— Я могу посмотреть?

— Конечно.

Гай, придерживая одной рукой чехол, извлекает из него нож с извилистым лезвием.

— Хорошее оружие, — с видом знатока произносит Гай. — Только рукоять какая-то неудобная.

— А это потому, что у кентаврян рука устроена не так, как у нас.

— У кен... У кого?

— Нож этот мне подарил вождь одного племени, обитающего на планете Кентавтри. Нам удалось спасти его племя от гибели.

— Война?

— Нет. Наводнение. Разлилась большая река.

Гай вкладывает нож обратно в ножны.

— Да, господин, — произносит он со вздохом. — Вы живете хорошо на вашей планете. Нет войны, нет голода. Все есть. Много еды, ничего не нужно делать. Можно даже ногами не ходить...

Корней нехотя смеется.

— Поэтому вы можете охотиться на других планетах, — продолжает Гай, — спасать племена на других планетах, потому что на вашей планете вам делать все равно нечего. А у нас война, и снова война, и опять война... Мы все время очень заняты.

Корней качает головой:

— Ошибаешься, Гай, дружок. И кроме того, было время, мы тоже воевали. И как воевали! Гораздо страшнее, чем вы. И самые свирепые войны у нас были как раз за то, чтобы прекратить войны навсегда.

Гай почтительно, но недоверчиво склоняет голову:

— Если господин так говорит...

— Повернись к экрану.

Гай послушно поворачивается лицом к круглому экрану на стене. Корней легким движением проводит ладонью по поверхности стола. Перед экраном, скрыв его, возникает изображение. Это должен быть батальный эпизод из кинохроники Великой Отечественной войны или из хорошего военного фильма: столкновение танковых армий, взятие Берлина, воздушный бой... Кабинет наполняется грохотом, лязгом брони, воем снарядов.

Гай смотрит, широко раскрыв глаза, ноздри его раздуваются, рот приоткрыт. Корней сбоку посматривает на него. Гай начинает трястись мелкой дрожью, он бормочет что-то на своем языке, сжимает кулаки. Изображение гаснет.

Некоторое время длится молчание. Потом Гай вдруг низко кланяется:

¹ Собственно, это не стол, а один из миллионов элементов всемирной системы информации и связи, управляемый биотоками.

— Прошу господина меня извинить. Я позволил себе усомниться. Я был неразумен и несправедлив к господину. Тем более что господин спас меня...

— Пустяки, — рассеянно отвечает Корней. — Иногда мы спасаем целые народы... целые планеты...

Корней и Гай гуляют по саду. Вечереет. Корней вышагивает медленно, склонив голову и заложив руки за спину. Гай, стараясь ступать в ногу, неуклюже шагает рядом.

— Кто же победил? — спрашивает вдруг он.

— Где? — не сразу отзывается Корней.

— В этой великой войне... которую господин мне показал...

— Как видишь, мы.

— Да. Да, конечно, — говорит Гай и после паузы произносит торжественно: — Вы были великие бойцы.

— Мы и сейчас неплохие бойцы...

— Да. Да. Да. Вы могли бы раздавить Полосатых, как клопов. Стереть их в порошок. Вытравить, выжечь, развеять по ветру...

Корней молчит.

— Великий герцог выразил бы вам благоволение, — слегка дрожащим голосом произносит Гай.

— Неужели? — произносит Корней рассеянно.

Некоторое время они шагают молча.

— Великий герцог наградил бы вас высшими орденами! — уже почти исступленно произносит Гай. — Клянусь Черным Зверем, — он прикасается левой рукой к эмблеме на правом рукаве, — великий герцог возвысил бы вас над всеми! Он держал бы вас справа от своего сердца! Если бы вы помогли нам...

— Мы и так помогаем вам, дружок, честное слово. Война у вас скоро кончится, вот увидишь...

Гай молча переваривает это сообщение.

— Я могу задать вопрос? — спрашивает он.

— Задавай, дружок.

— Победим мы?

— Конечно, вы. Не великий герцог, не император, а именно вы: простые алайцы и краманцы. И наступит вечный мир.

— Господин говорит непонятное, — холодно возражает Гай. — Так не может быть.

— Почему?

— Мира не будет, пока жив хоть один краманец. Они все должны быть уничтожены.

Корней пожимает плечами, сворачивает с дорожки и идет через поляну. Мрачный Гай следует за ним. Они останавливаются у кабины нуль-транспортера.

— Ты меня прости, — говорит Корней. — Совершенно упустил из виду. Вот это устройство называется нуль-транспортер. С его помощью можно почти мгновенно перенестись в любую точку мира... конечно, где установлены такие вот кабины. Ты сегодня утром уже перескочил таким образом из Виннипега сюда, в Заволжье.

Гай слушает с напряженным вниманием.

— Раньше мы передвигались и перемещали грузы по дорогам, на воздушном транспорте, на ракетах. Теперь надобность в этом отпала. Тыходишь в такую кабину, набираешь на пульте номер места назначения, нажимаешь на стартовую кнопку — миг! — и ты точно в такой же кабине на другом конце света. Понимаешь?

Гай трясет головой — то ли понимает, то ли нет.

— Ну, как бы тебе объяснить... — Корней оглядывается, затем, словно прямо из воздуха, извлекает полоску бумаги. — Вот, смотри. Предположим, ты находишься на этом конце полоски, и тебе нужно попасть на другой конец. Раньше приходилось проделывать

весь путь вдоль полоски из конца в конец. А нуль-транспортёр мгновенно складывает полоску концами вместе — вот так...

Корней показывает, но Гай уже не слушает его.

— И так можно попасть в любое место в мире? — спрашивает он сдавленным от волнения голосом.

— Да.

— Хоть на другой конец света?

— Правильно.

— И... и на другие планеты?

Корней смотрит на него, прищурившись:

— Совершенно верно. На Луну, на Марс, на Венеру. На крупные спутники. На астероиды. Куда угодно.

Ночь. Полная луна озаряет сад. Корней спит в гамаке. Шагах в десяти от него лежит на матрасике, закутавшись в одеяло, Гай. Он не спит — невидяще глядит в светлое от луны небо блестящими глазами.

Раннее утро. Сад оглашается разноголосым птичьим щебетом. Гай приподнимается, несколько секунд смотрит на спящего Корнея. Тихонько встает, натягивает штаны и свою маскировочную куртку и на цыпочках идет к дому.

Входит в кабинет, снимает со стены кентаврийский нож, засовывает за пояс и возвращается в столовую. Секунду стоит в нерешительности, затем подходит к стенному шкафчику, берет несколько коробок с гастрономическими наборами, заворачивает в скатерть и со свертком под мышкой выходит из дома.

Корней безмятежно спит, покачиваясь в гамаке.

Гай, воровато оглядываясь, прокрадывается к кабине нуль-транспортёра. Прощальным взглядом обводит сад и небо над головой, входит в кабину, кладет сверток на пол и закрывает дверь.

С неподвижным от внутреннего напряжения лицом он медленно нажимает наудачу клавишу за клавишей. Набрал восьмизначную комбинацию, он зажмуривается и надавливает пальцем на стартовую кнопку.

Сад и летнее утро вокруг кабины мгновенно сменяются черно-белой озаренной полярным сиянием арктической ночью. Сугробы, нагромождение торосов. Метет поземка, протяжно завывает ледяной ветер. Гай озирается со страхом и недоумением. Возле кабины воткнуты в сугроб две пары лыж. И сквозь вой ветра то ли чудится ему, то ли действительно доносится откуда-то тихий голос:

— Твой обратный номер: семьсот тридцать шестьдесят один триста девять...

Гай снова наудачу щелкает клавишами и нажимает стартовую кнопку.

И снова вокруг все меняется. Он в кабине в каком-то тускло освещенном помещении. Это низкий тоннель с серыми бетонными стенами, вдоль которых тянутся какие-то трубы и толстые кабели. Тоннель освещен редкими лампами, концы его скрываются в сумрачном тумане. Гай настороженно озирается, и вдруг на лице его появляется выражение крайнего удивления. Он слегка подпрыгивает, и это ничтожное усилие подбрасывает его под потолок кабины. Ударившись головой, он начинает медленно падать, раскорячившись и испуганно хватая воздух руками. А давешний голос теперь уже внятно произносит в тишине:

— Твой обратный номер: семьсот тридцать шестьдесят один триста девять...

Раздается звонкое клацанье. К кабине приближается высокий парень в комбинезоне, жгучий брюнет со здоровенным горбатым носом и веселыми глазами. Клацают по

металлическому полу магнитные подковки на его огромных башмаках. Гай, не глядя на пульт, торопливо набирает какой-то новый номер.

— Ты что, юноша, заблудился? — участливо спрашивает парень.

Гай мотает головой. Большой палец его ложится на кнопку.

— Где это я? — спрашивает он.

— На Дионе, — отвечает парень, улыбаясь.

— На Дионе... Это что такое?

— Спутник Сатурна, малограмотный. Чему вас теперь учат? Тебе-то куда надо?

— На Тобу! — отвечает Гай со злостью.

— На Тобу! — Парень протяжно свистит. — А ну-ка, вылезай, поговорим...

Но Гай нажимает стартовую кнопку.

Медный звон, и снова все меняется. Вокруг туманная полутьма, в которой угадываются какие-то циклопические конструкции, а далеко внизу хлещут бесшумные водопады расплавленного металла и отчетливо видны черные фигурки людей, неторопливо и спокойно расхаживающие по этому прирученному аду.

Гай в тупом отчаянии закрывает глаза. Тихий голос произносит:

— Твой обратный номер: семьсот тридцать...

Палец Гая послушно нажимает на клавиши: семь, три, ноль...

И вот Гай снова в саду, озаренном утренним солнцем. Разноголосые щебечут птицы. Безмятежно спит в своем гамаке Корней. Гай нагибается, чтобы поднять с пола сверток, и в это мгновение тихий голос произносит снова:

— Твой обратный номер: семьсот тридцать шестьдесят один триста девять.

Голос исходит из крошечного матового шарика, лежащего между свертком и стенкой кабины. Гай поднимает шарик, осматривает его и слегка сжимает пальцы. С легким треском шарик распадается в пыль. Несколько секунд Гай стоит неподвижно, глядя на пустые пальцы. Затем поворачивается и смотрит на Корнея.

Корней спит, покачиваясь в гамаке.

Корней и Гай в столовой заканчивают завтрак. Протерев губы салфеткой, Корней говорит:

— Сегодня я буду занят, Гай. А чтобы тебе не было скучно, я хочу познакомить тебя с Драмбой. Он очень забавный, послушный, много знает. С ним можно гулять, играть, разговаривать. Хочешь?

— Как будет угодно господину, — покорно говорит Гай.

— Пойдем.

Они встают и проходят в кабинет, останавливаются перед металлической шторой. Корней нажимает защелку, и штора с легким треском сворачивается, открывая нишу в стене.

Гай вскрикивает от ужаса, хватая Корнея за руку и падает на колени. В нише, расставив косым крестом руки и ноги, стоит огромная неподвижная фигура. Корней смеется и поднимает Гая на ноги.

— Не бойся, дружок, — говорит он ласково. — Это всего лишь робот. Старый добрый Драмба¹.

¹ Робот Драмба играет заметную роль в фильме. Следует, вероятно, подобрать высокого широкоплечего артиста и облачить его в цветной костюм для подводного плавания. На руки — трехпалые перчатки, на талию — широкий пояс из металлических пластин, на голову — глухой яйцевидный шлем с дырчатым узором для обзора и дыхания и с лампой во лбу, имитирующей «глаз». Костюму следует придать «подержанный» вид — обозначить на нем следы повреждений, шрамы, потертости и т. д.

— Робот... — повторяет Гай. Он все еще жметя к Корнею. — Слово знаю. Что значит — не знаю. Человек?

— Нет. Робот — это машина. Очень сильная, ловкая, выполняет все приказания людей. Но может и думать, запоминать, разговаривать...

— Робот — раб?

— Гм... В известном смысле. Но мы не любим это слово. Впрочем, в наше время роботов почти не осталось. В них теперь нет нужды. А вот лет пятьдесят назад мы брали их с собой в космос, они хорошо послужили нам, особенно на больших планетах... Вот этот Драмба ходил в экспедиции еще с моим дедом... — Корней ласково хлопает Драмбу по боку. — Старый добрый Драмба!

Гай тоже нерешительно дотрагивается до робота:

— Почему он не двигается?

— Выключен. Сейчас мы его включим.

Корней щелкает переключателем на металлическом поясе Драмбы, отступает назад и плавно проводит ладонью по воздуху на уровне одинокого «глаза» в круглой решетчатой голове. «Глаз» наливается зеленоватым светом. Гай судорожно вздыхает и пятится. Драмба опускает руки и сдвигает ноги. Голова его медленно поворачивается из стороны в сторону.

— Все в порядке, Драмба? — спрашивает Корней.

— Все в порядке, Корней, — отзывается робот монотонным басом.

— Выходи.

Драмба выступает из ниши и останавливается.

— Драмба, это Гай, — говорит Корней. — Он — мальчик с другой планеты. Он никогда не видел роботов и даже не знал, что это такое. Ты будешь с ним играть, гулять и разговаривать. Ты будешь его слушаться. Ты меня понял, Драмба?

— Я тебя понял, Корней, — произносит Драмба. Его «глаз» устремлен на Гая. — Очень хорошо, Гай. Мы будем с тобой играть, гулять и разговаривать. Я буду тебя слушаться.

Гай настороженно подходит к роботу и глядит на него снизу вверх.

— А если ты не будешь меня слушаться, — произносит он сдавленным от волнения голосом, — тебя снова выключат, клянусь Черным Зверем!

Жаркая заволжская степь — окраина огромного, кипучего, полного жизни и энергии мира. Далеко за горизонтом поднимаются в ясное небо серо-белые силуэты необыкновенных зданий, и гряда этих силуэтов, причудливая, вещественная и вместе с тем по-воздушному легкая, охватывает степь с запада чуть ли не в половину горизонта. Временами среди этих призрачных форм вспыхивают и мгновенно исчезают ослепительно-яркие точки, целые серии точек...

Гай и Драмба стоят на вершине плоского холма и смотрят на город.

— Город, — монотонным голосом говорит Драмба. — Волгоград. Он стал больше с тех пор, как я в последний раз видел его. Тебе не разглядеть, Гай, а мне видно, как текут людские потоки по висячим садам над Тракторным Музеем...

— Пойдем, — нетерпеливо прерывает его Гай и сбегает с холма, путаясь ногами в высокой траве.

Драмба спускается следом за ним. Они останавливаются перед широкой полосой великолепного шоссе, прямого как стрела, прорезающего степь от горизонта к горизонту. Видно, что шоссе этим никто давно не пользуется. Кое-где покрытие потрескалось, сквозь трещины пробивается трава, а местами желтеют на нем наносы песка.

— Дорога? — спрашивает Гай.

— Дорога, — отзывается Драмба. — Туда, — он показывает на запад, — она ведет на Волгоград, на Киев, на Варшаву... Туда, — он показывает на восток, — она ведет на Караганду, на Улан-Удэ, на Мукден... Когда-то по ней днем и ночью неслись машины,

миллионы машин, а теперь она стала не нужна, в целом мире никто больше не пользуется дорогами. Зачем они, когда есть нуль-транспорт!

Гай ступает на дорогу, стучит каблуком по покрытию.

Вдруг с неба доносится веселый смех, женский голос звонко кричит:

— Орел, Ястреб, Коршун! Догоняйте, что же вы?

Мужские голоса откликаются:

— Мы спешим, Летучая Мышь! Не уйдешь! Бери правее, Наташка! Держись Волги!

Гай задирает голову и, прикрывшись ладонью от солнца, силится разглядеть в синеве летящих людей.

— Вот они, — говорит Драмба, указывая трехпалой рукой.

Но Гай так ничего и не разглядел. Голоса, перекликаясь, удаляются, и вскоре снова наступает тишина.

— Летают, — произносит Драмба. — Раньше редко можно было видеть летающего человека. Все меняется. Времена меняются.

Гай вдруг испуганно восклицает:

— Что это?

В невообразимой дали, позади далеких силуэтов башен и эстакад Волгограда, медленно взмывает в небо странная серая фигура — нечто совершенно исполинских размеров, — описывает гигантскую дугу в небе и снова скрывается за горизонтом. После недолгого молчания Драмба отвечает:

— Не знаю. Никогда не видел такого. Я говорю тебе: времена меняются. Люди не хотят успокаиваться.

Гай озирается, поеживаясь.

— Пойдем домой, — говорит он и, повернувшись, идет обратно.

Драмба послушно следует за ним, но Гай снова останавливается.

— Слушай, Драмба, — говорит он. — Какой номер я должен набрать в кабине, чтобы вернуться на Тобу?

— Нуль-транспортеры не годятся для перехода в другие планетные системы, — педантично отвечает Драмба.

— А что годится?

— Машины, именуемые звездолетами.

— Звездолеты... Тоже знакомое слово. Это корабли?

— Да.

— Где достать звездолет?

— Невозможно. Нужна специальная подготовка и санкция комитета.

Гай прищурившись глядит на робота.

— А ну! — говорит он резким неприятным голосом. — Разве ты не видишь, раб, что я устал? Возьми меня на плечи и неси домой!

Драмба поднимает Гая на плечи и трогается в обратный путь.

— Живее! — кричит Гай. — Пошевеливайся, раб!

Сад. Драмба стоит навтыжку. Гай в своей военной куртке расхаживает перед ним, заложив руки за спину.

— Ты должен вбить в свою железную башку, — говорит он, — что я, капрал Гай, являюсь твоим непосредственным командиром, а высшей и непререкаемой властью для нас с тобой является его сиятельство великий герцог Алайский. Понял, образина?

— Я тебя понял, Гай, — монотонно отвечает робот.

— Я тебе не Гай! — орет Гай. — Отвечай: так точно, господин капрал!

— Так точно, господин капрал.

— То-то же. Кто я?

— Капрал Гай.

— Господин! Господин капрал Гай! Повтори, скотина!

— Господин капрал Гай.

— А кто для нас высшая и непререкаемая власть?

— Его сиятельство герцог Алайский.

— Правильно. Хвалю. Отвечай: рад служить!

— Рад служить.

Гай останавливается перед роботом, набирает полную грудь воздуха и орет, надсаживаясь:

— Его сиятельству великому герцогу — четырежды ура!

— Ура. Ура. Ура. Ура, — монотонно произносит робот.

— Громче, раб!

— Ура! Ура! Ура! Ура!

Гай невольно морщится, трясет головой и прочищает ухо пальцем. Затем отходит в сторону и командует:

— Слушай команду! Пр-рямо! Ш-шагом! Мар-рш!

Драмба, высоко вскидывая ноги и держа руки по швам, шагает через поляну.

— Р-раз! Р-раз! Р-раз, два, три! — командует Гай.

Слышится нарастающий грохот барабана. Гай вприпрыжку бежит рядом с Драмбой, стараясь не отставать.

— Р-раз! Р-раз!

И вдруг грохот барабана обрывается. Драмба останавливается перед стеной сада.

— Пр-рямо! — слышно кричит Гай. — Вперед!

Драмба одним толчком проламывает стену и продолжает маршировать по заросшему кустарником полю.

— Р-раз! Р-раз! — ликующе вопит Гай. — Р-раз, два, три!

Драмба шагает, топчя и выворачивая кусты. И снова грохочет барабан, к нему присоединяются флейты, хор солдатских голосов затягивает «Марш Бойцовых Котов». Исчезает поле, завлакивается багровым дымом небо. Драмба марширует, гоня и избивая бегущих в панике врагов в конусовидных касках и полосатых балахонах. Навстречу ему выкатывается броневик, но Драмба опрокидывает его. Навстречу ему высовывается неуклюжая пушка на трех колесах, но Драмба растаптывает ее. Оглушительно грохочет барабан, оглушительно визжат флейты, оглушительно режут солдатские глотки...

И вдруг громовой голос Корнея:

— Стой, Драмба!

И сразу все стихает, исчезает видение. Драмба словно вырастает в растерзанный кустарник. Гай оборачивается. В проломе стены стоит Корней. Гай, тяжело дыша, сверкая глазами, подбегает к нему.

— Здесь командую я! — хрипит он. — Я!

Он шатается и трясет головой.

— Прошу прощения, господин, — виновато произносит он и силится улыбнуться. — Мы с Драмбой играем...

Корней спокойно говорит:

— Пора обедать, Гай. Ты заигрался. И между прочим: роботы не годятся в солдаты. Они устроены так, что не могут причинить вред человеческому существу.

Поздний вечер. Корней и Гай сидят на ступеньках крыльца. Рядом неподвижной глыбой застыл Драмба, его одинокий «глаз» слабо светится в темноте.

— Конечно, мне жаль расставаться с тобой, дружок, но так тебе будет лучше, — говорит негромко Корней. — Ребята они славные, и тебе не будет с ними так скучно...

— Как угодно господину, — почтительно-покорно произносит Гай и, помолчав, спрашивает: — Много их там?

— Трое или четверо. Все твои сверстники. Боевые ребята.

Гай оживает:

— Боевые? Солдаты?

— Нет, — серьезно говорит Корней. — Они не солдаты. Не такие, как ты, во всяком случае. Но они смелые и много умеют. Им предстоит ходить на неведомые планеты, а там бывает очень опасно.

— Что они делают?

— Учатся.

— Школяры? — презрительно спрашивает Гай.

— Н-ну, что-то в этом роде.

— Только пусть не пробуют задираться. Бойцовые Коты никому не дают спуска, клянусь Черным Зверем!

— Ты с ними подружишься. К ним иногда приходит звездолет...

Гай вздрагивает.

— ...может быть, они возьмут тебя с собой на Луну, на Марс... посмотришь другие миры...

С минуту длится молчание.

— Да, — говорит Гай. — Я думаю, мне с ними и вправду не будет скучно. Только...

— Что?

— Нельзя ли мне взять с собой Драмбу?

— Бери. Дарю его тебе. — Корней поднимается. — Пора спать, дружок, — говорит он.

Солнечный день. Сад. Корней и Гай молча идут по песчаной дорожке к кабине нуль-транспортера. За ними неслышной походкой движется Драмба. Корней не глядя протягивает в сторону руку ладонью вверх, с ветки на ладонь падает яблоко. Корней протягивает яблоко Гаю:

— Хочешь?

Гай отрицательно мотает головой. Корней очень обычным для нас движением обтирает яблоко и откусывает от него. Они подходят к кабине. Первым в кабину входит Драмба. Гай задерживается на пороге и оборачивается к Корнею.

— Если они будут задираться, — предупреждает он, — я их так отделаю, что век будут помнить, клянусь Черным Зверем...

Корней успокоительно кивает ему с набитым ртом. Прожевав и проглотив, он произносит:

— Все-таки ты будь помягче с ними. В сущности, они неплохие ребята.

Гай входит в кабину. Корней, бегло взглянув на солнце, говорит:

— Через две минуты на их меридиане будет ровно полдень...

Он протягивает руку через плечо Гая и быстро щелкает клавишами на панели, затем отступает, закрывает дверцу и поднимает руку в прощальном приветствии.

Гай кланяется ему, поворачивается к нему спиной и нажимает стартовую кнопку.

Исчезает сад, исчезает Корней, исчезают стены кабины. Гай и Драмба стоят на блестящем металлическом диске в два метра диаметром в центре широкой полукруглой поляны на берегу реки, с трех сторон окруженной лесом. В десятке шагов от обрывистого берега разбита палатка и стоит длинное низкое здание без окон с плоской крышей и стенами из гофрированного металла. Слева от палатки натянут полосатый тент, под ним — обеденный стол, несколько табуреток, массивный кубический ящик с никелированными ручками. Слева у опушки возвышается приземистая шестигранная башня. Справа у опушки торчит высокая суставчатая мачта, на вершине которой медленно вращается дисковидное зеркало.

Перед палаткой, расставив ноги и уперев руки в бока, стоит русоволосый, могучего сложения парень лет пятнадцати-шестнадцати, босой, в распахнутой на груди голубой

куртке и в голубых же шортах. Над левым нагрудным карманом — белая надпись полукругом: «ГУЛЛИВЕР–211».

Гай ступает с диска в траву, делает несколько шагов и останавливается перед пареньком, уперев руку в бок и отставив правую ногу. Высокомерно оглядев паренька с головы до ног, он произносит:

— Привет. Меня зовут Гай. Я из Бойцовых Котов, второй легион.

Парень, обнажив в улыбке великолепные зубы, поднимает руку:

— Добро пожаловать, Гай. Меня зовут Володя. Я из школы Прогрессоров. Механик и вообще мастер на все руки. Группа «Гулливвер двести одиннадцать».

— Кто у вас здесь начальник? — высокомерно спрашивает Гай.

— Начальник? — удивляется Володя. — У нас нет начальников.

— Ну, не начальник, так командир...

— И командиров нет...

— Ты что, здесь один?

— Пока один.

— М-м... А где остальные?

— Сегодня придут.

Гай пожимает плечами:

— Ладно, это не мое дело. Короче, где я здесь буду жить?

— Где тебе угодно, — говорит Володя. — Хочешь со мной? Вон, в палатке...

— С тобой так с тобой... — пренебрежительно произносит Гай и, пройдя плечом вперед мимо Володи, направляется к палатке. У входа в палатку он останавливается и, повернувшись, командует: — Рядовой Драмба! Пост номер один — здесь! На пост шагом мар-ш!

Драмба марширует мимо Володи к палатке и неподвижно застывает на «посту».

Гай огибает палатку и неторопливо выходит на обрыв. Под обрывом тянется неширокая полоса песчаного пляжа. Гай смотрит налево. Тихая глубокая река медленно течет между лесистыми берегами. Гай смотрит направо. Там река делает поворот и скрывается за деревьями. Насвистывая любимый марш и рассеянно озираясь, Гай мочится с обрыва, повернувшись спиной к зрителю.

Подходит Володя.

— Хочешь искупаться? — спрашивает он.

— Еще чего... — отзывается Гай, застегиваясь.

— Есть хочешь?

— Могу.

— Пошли.

Они возвращаются к палаткам. Володя на ходу показывает:

— Там склад и мастерская. — Гофрированное здание. — Там энергостанция. — Шестигранная башня. — Уборная вон там, за энергостанцией, в следующий раз не спутай...

Они подходят к тенту.

— Здесь столовая, — продолжает Володя. — Вот этот сундук — УБК, универсальный бытовой комбайн. Умеешь пользоваться?

Гай качает головой.

— Гм... Беда. Это полевая машина, анализатор здесь биоточный. Впрочем... — Володя сдвигает панель на крышке комбайна. Открывается овальное углубление с фарфорово-белой поверхностью. — Нужно прижать сюда кончики пальцев и отчетливо представить себе, что тебе нужно... Чего, например, тебе сейчас хочется?

— Ну, чего... Ну, мяса какого-нибудь, молока...

— погоди. Мяса... Упрись сюда пальцами.

Гай с опаской протягивает руку и опускает пальцы в углубление.

— Теперь представь себе хороший кусок мяса... его вкус, запах... какое оно поджаристое... Представил?

Гай неуверенно кивает.

— Другой рукой нажми кнопку сбоку... Эту, эту, правильно.

Гай нажимает кнопку. Передняя стенка комбайна с легким звоном откидывается. В нише на полке стоит тарелка. Володя берет ее, принохивается и с сомнением смотрит на Гая. Гай заглядывает в тарелку. Безобразные осклизлые комья весьма злокачественного вида. От комьев поднимается пар. Володя и Гай смотрят друг на друга и снова смотрят в тарелку.

— М-да... — произносит Володя. — Что-то здесь... Впрочем, может быть, тебе это...

Гай энергично трясет головой и сплевывает в сторону.

— Сам ешь такое дерьмо, — злобно говорит он.

Володя со вздохом бросает тарелку в низкий бак рядом с комбайном.

— Это называется мусоросборник, — сообщает он. — Туда бросают грязную посуду, грязное белье... вообще все использованное. Ну, ладно. Не огорчайся, научись. Немножко воспитать воображение... Так чего ты хотел? Мясо, молоко... хлеб, конечно...

Володя, с привычной механической ловкостью управляя комбайном, извлекает из ниши тарелку с мясом, кружку с молоком и хлеб в корзинке.

— Вот так я представляю себе мясо, молоко и хлеб, — объявляет он, выставляя все это на стол. — Ешь.

Гай садится за стол, но к еде не прикасается. Он исподлобья глядит на Володю.

— Да, извини, — спохватывается тот и поворачивается к Гаю спиной.

Гай принимается за еду.

— Таким же способом комбайн дает одежду и обувь, — говорит Володя, рассеянно озирая поляну. — Ты переодеваться будешь?

— Еще чего... — ворчит Гай, уплетая мясо с хлебом.

— Смотри, сейчас жарко.

— Не беспокойся.

Гай залпом отпивает полкружки и спрашивает:

— Слушай, а где остальные?

— Вот-вот должны быть...

— Что вы здесь делать собираетесь? Вас сюда сослали?

— Нет. Мы здесь учимся. Вернее, готовимся к экзаменам.

— Да, — произносит Гай пренебрежительно. — Я забыл. Вы же школяры...

— Вроде того. Сдадим вот экзамены, потом еще годик поучимся, еще раз сдадим экзамены, и выпустят нас Прогрессорами первой ступени. Знаешь, что такое Прогрессоры?

— Корней — Прогрессор, — уклончиво говорит Гай.

— Корней! Корней — знаменитый Прогрессор. Или Эрик, мой воспитатель... Таких на Земле немного. А чем занимаются Прогрессоры — знаешь? Мы ускоряем прогресс на обитаемых планетах. Помогаем местным цивилизациям преодолевать критические точки...

Гай перестает жевать:

— Что преодолевать?

Володя объясняет:

— Существуют цивилизации, хиреющие из-за опустошительных войн, из-за бедности природных ресурсов, из-за нестабильности космических условий. Тут появляемся мы, Прогрессоры. Мы прекращаем войны. Предотвращаем глобальные катастрофы. Утихомириваем слишком ретивых правителей... помогаем местным ученым, изобретателям. Если это у нас получается, целые народы проходят крупные повороты истории почти безболезненно...

Гай криво улыбается.

— И что вы с этого имеете? — спрашивает он.

Володя открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент над поляной раздается медный звон.

На металлическом диске посередине поляны возникает хорошенькая девушка тех же лет, что Володя и Гай, в легком белом платье, с огромной алой розой в каштановых кудряшках. У ног ее стоит объемистый ящик, обтянутый серебристой тканью.

— Здравствуйте, мальчишки! — кричит она.

Гай, приоткрыв рот, растерянно таращится на нее. Володя подбегает к ней, легко подхватывает ящик за откидную ручку.

— Неси к столовой, — говорит она. — Ужасно проголодалась, и переодеться надо... Кстати, меня зовут Галка, и я — ваш координатор.

Они подходят к тенту. Володя ставит ящик, а Галка, остановившись перед Гаем, с дружелюбным любопытством разглядывает его. Гай багровеет, сердито хмыкает и отводит глаза. Хватает кружку и залпом допивает молоко.

— Это Гай, — поспешно говорит Володя. — Он тобианин...

— О! — восклицает Галка. — Мальчик из преисподней!

— Я тебе не мальчик, — хриплым баском произносит Гай. — Я солдат, а не мальчик...

— Правильно, — подтверждает Володя. — Он — Бойцовый Кот. А я — Володя, механик.

— Славно, — говорит Галка. Она извлекает из кудрей розу и кладет на стол, затем стягивает через голову платье, оставшись в трусиках и лифчике, и швыряет платье в мусоросборник. — Палатку мне поставь, пожалуйста, вон там, поближе к мачте... — Она с привычной легкостью сдвигает панель на крышке комбайна, кладет пальцы в овальное углубление и щелкает кнопкой. Передняя стенка комбайна откидывается, и Галка извлекает из ниши голубую куртку и голубые шорты, такие же, как на Володе. — Больше пока никого нет?

— Пока никого, — отвечает Володя.

Галка надевает куртку, застегивается и натягивает шорты. Над левым нагрудным карманом та же белая надпись полукругом: «ГУЛЛИВЕР-211». Оглядывает себя, смотрит на Володю:

— Все впору?

— Загляденье, — говорит Володя серьезно.

— А ты как считаешь? — Галка поворачивается к Гаю.

Тот, красный как рак, бормочет что-то неразборчивое.

— Он тоже в восторге, — говорит Володя.

— В таком случае с этой минуты я приступаю к исполнению своих обязанностей. Прежде всего я поем. Голодный координатор — стихийное бедствие.

Она в два счета добывает из комбайна тарелку каши и стакан молока и усаживается напротив Гая.

— Ты что сдаешь, Володя? — спрашивает она.

— Да я, собственно, задание свое уже выполнил, — отвечает Володя и обводит рукой вокруг себя. — Я ведь здесь уже месяц. Эрик попросил остаться до конца, лагерь у меня примут в последнюю очередь...

— У тебя тоже воспитатель Эрик?

— Угу... А ты что сдаешь?

Галка допивает молоко, собирает свою и Гаеву грязную посуду и бросает в мусоросборник.

— Штурманское дело мне сдавать, — говорит она со вздохом. — Практику.

— Сочувствую, — кивает Володя. — Если нужно будет, помогу.

— Еще как нужно будет... Ну, хорошо. С чего начнем? Да! Палатка. Поставь мне, пожалуйста, палатку. А я тут пока побеседую с Гаем. Ты ведь не против, Гай?

Гай все время глазеет на Галку, но, когда она поворачивается к нему, отводит глаза.

— Можно и побеседовать... — хрипло бурчит он.

Володя уходит. Галка садится рядом с Гаем на стол, ставит ноги на табурет и наклоняется, рассматривая эмблему на правом рукаве маскировочной куртки.

— Это что у тебя? — спрашивает она.

— Черный Зверь...

— Очень зловещее животное.

Гай угрюмо молчит.

— Что ты собираешься делать?

Гай криво усмехается и молча пожимает плечами.

— А что ты умеешь?

Гай смотрит в сторону.

— А чего ты хочешь?

Гай искоса взглядывает на нее и отводит глаза. Галка вздыхает.

— Ты очень разговорчивый парень, Гай, — говорит она и прыгивает со стола. — Ладно. Пойдем. Бери мой сундук.

Гай угрюмо встает и берется за ручку серебристого ящика. Замирает в недоумении. Напрягается и с трудом поднимает. Снова ставит.

— Тяжело? — сочувственно осведомляется Галка. — Тогда оставь. Потом Володя принесет.

— Кирпичей туда наложила, что ли? — хрипло ворчит Гай.

Он выходит из-под тента и кричит зычным командирским голосом:

— Рядовой Драмба, ко мне!

В мастерской Володи. Обширное помещение, уставленное машинерией в аккуратных футлярах размером от большого сундука до маленького чемодана. Вдоль гофрированных стен тянутся стеллажи, занятые химической посудой, причудливыми приборами, картонными коробками с реактивами.

Володя сидит под яркой лампой перед небольшой чертежной доской и очень быстро и точно вычерчивает какую-то деталь на листе из прозрачного материала. Гай сидит рядом на огромном футляре, болтает ногами и разглагольствует. Володя слушает внимательно, подает реплики.

— ...Ну, кончился штурм, — рассказывает Гай. — Взяли мы Аргараган. Как водится, пленных погнали тушить пожары, а нас выстроили на площади. Стоим, все оцетиненные от ярости, еще ищем глазами, кого бы пырнуть в брюхо, и вдруг по рядам шу-шу-шу... Герцог приехал!

— Ну-ну? — произносит Володя.

— Вот тебе и ну-ну. Выкатывает на площадь бронеход, выходит из него его высочество и кричит нам: «Слава вам, благодарю, мои Бойцовые Коты!» У меня так слезы и брызнули, клянусь Черным Зверем! — Гай истоиво хлопает левой рукой по эмблеме на правом рукаве.

— Верю, — серьезно говорит Володя.

— И пошел он вдоль строя, и каждому пожал руку. И мне тоже.

Гай замолкает. Глаза его полузакрываются, он улыбается сладостному воспоминанию. Володя с интересом следит за ним.

— Вот тогда герцог и произнес свои знаменитые слова, — говорит Гай, помолчав. — «Воздух Тобы ядовит, пока им дышит хоть один Полосатый». И этим он призвал уничтожить всех краманцев до единого.

— И женщин тоже?

— Женщины врага — законная добыча солдата.

— И детей?

— Великий герцог сказал: дети врага будут рабами наших детей.

— М-да...

Володя заканчивает чертеж и снимает его с доски:

— Ну-ка, Гай, сойди на минутку...

Гай спрыгивает с футляра. Володя поднимает крышку, вкладывает чертеж в узкую щель и, отщелкав на клавишной панели комбинацию цифр, поворачивает рычажок. Раздается слабое гудение, свет лампы на несколько секунд меркнет. Володя сдвигает боковую стенку футляра и извлекает из него причудливую металлическую деталь. Гай восхищенно качает головой.

— Что это? — спрашивает он.

— Это? — Володя критически оглядывает деталь со всех сторон. — Это, брат, всего-навсего буфер отдачи. Есть такая штука в страхующих системах реакторов. В нашем реакторе она что-то зашалила, вот мы ее и заменим... А хороша игрушка, а? Чистый кадмий!

Но внимание Гая устремлено на машину.

— А, это? Это универсальный форматор. В снаряжении Прогрессоров все должно быть универсальным — и бытовые комбайны, и машины... Ты делаешь чертеж, вкладываешь сюда, в приемное окно, набираешь шифры... материал, масштаб и прочее... нажимаешь на пусковой рычажок, и все готово...

— Удобная машина, — задумчиво произносит Гай. — Эх, если бы...

— Что?

— Ничего. Это я так.

Поздний вечер. Над черной стеной леса всходит луна. Гулливеровцы и Гай сидят у костра. Галка и Володя молча глядят в огонь. Гай молча поглядывает на Галку. Вдруг Володя тихонько произносит:

Ты слышишь печальный напев кабестана?
Не слышишь? Ну что ж, не беда...

Он замолкает, сдвигает брови, ища рифму. Галка подхватывает:

Уходят из гавани Дети Тумана.
Уходят. Надолго? Куда?

Володя бросает очередное двестишь:

В предутренний ветер, в ненастное море,
Где белая пена бурлит...

Галка поет чистым звонким голосом:

Спокойные люди в неясные зори
Уводят свои корабли...

— Правильно, — говорит Володя и вскакивает. — Пусть это будет песня. Погоди, я сейчас. Готовь следующий куплет...

Он скрывается в темноте и сейчас же возвращается с «концертоном», музыкальным инструментом в виде блестящего стержня длиной в полметра. Он садится, упирает «концертоном» левой ладонью в правое колено и начинает легонько водить мизинцем по поверхности «концертона». Звучит мелодия, сначала неуверенная, затем все более определенная.

— Давай, — командует Володя.

Галка поет:

Их ждут штормовые часы у штурвала,
Прибой у неведомых скал...

Володя подхватывает:

И бешеный грохот девятого вала,
И рифов голодный оскал...

Мелодия звучит громко, уверенно, и гулливеровцы поют уже в два голоса:

И жаркие ночи, и влажные сети,
И шелест сухих парусов,
И ласковый теплый, целующий ветер
Далеких прибрежных лесов...¹

Песня кончается. Володя еще раз проигрывает мелодию и откладывает «концертон».
— Неплохо получилось, — говорит он.

Галка поворачивается к Гаю:

— Тебе понравилось?

Гай отворачивается и пожимает плечами.

— У нас не такие песни, — говорит он.

— А ты спой нам что-нибудь свое, — предлагает Володя. — Как, споешь? — Он снова берет «концертон».

И вдруг раздается длинный шипящий звук и хлопок, словно откупорили бутылку шампанского. Володя оглядывается.

— Ага, звездолет... — произносит он.

Гай всматривается, заслонившись ладонью от света костра. Посередине поляны из ночного воздуха возникает силуэт звездолета — фосфоресцирующая конусовидная масса. Вспыхивает ярко освещенный овал люка, тоненькая фигурка спрыгивает на траву, раздается задорный юношеский голос:

— Спасибо! Не заблудитесь среди звезд!

Низкий мужской голос отзывается:

— Ни пуха ни пера, маленький Прогрессор!

Овал люка гаснет. Силуэт звездолета медленно тает и исчезает без следа, а в свете костра появляется маленький, смуглый, курчавый парнишка в глухом черном комбинезоне с капюшоном, откинутым на спину. Секунду он разглядывает сверстников, затем плашмя падает перед костром ничком и произносит, указывая пальцем:

— Я вас знаю. Ты — наш координатор по имени Галка. Ты — наш механик по имени Вовка. Ты — тобианский Бойцовый Кот по имени Гай.

Володя смеется. Галка спрашивает:

— А ты?

— Я... — Курчавый гибко и мгновенно переливается в сидячее положение. — Я очень несчастный человек. Зовут меня Жак. Можно звать Яшкой. Я буду сдавать контакт при невозможных обстоятельствах.

— Да, — говорит Володя, покачивая головой. — Тебе придется тяжело.

— А объект? — спрашивает Галка.

¹ Мы взяли эту песню, потому что она написана нами. Можно, конечно, подобрать и другую.

Жак поднимает растопыренную пятерню и медленно поворачивает ее над головой, словно антенну локатора. Совершив четверть оборота, пятерня замирает.

— Он уже здесь, — удовлетворенно произносит Жак.

— Он уже три дня здесь, — говорит Володя.

Жак живо поворачивается к нему:

— Ты его видел?

Володя отрицательно качает головой. Жак внимательно всматривается в его лицо.

— А, — говорит он. — Ты...

— Вот именно.

— Галка знает?

— Еще бы, — говорит Галка. — Это же сразу видно.

— А тобианина ты берешь?

— Я всех беру, — говорит Володя, улыбаясь.

— Так что у тебя за объект? — спрашивает Галка.

— Иноб.

— Впервые слышу.

— Иноб, о прекраснейшая из координаторов, есть не что иное, как Инопланетный Оборотень.

Галка восхищенно хлопает в ладоши:

— Непременно покажешь мне!

— Непременно... — Жак замолкает и всматривается в темноту поверх ее головы. Затем вскакивает. — Откуда здесь это старье? — спрашивает он.

В лунном свете стоит по стойке «смирно» гигантский силуэт Драмбы.

— Это мой раб, — сердито говорит Гай. — Он делает все, что я пожелаю!

— Да ну? — весело удивляется Жак. — А зачем? Почему ты сам не делаешь все, что пожелаешь?..

— Тебя не спросил, — огрызается Гай свирепо.

Жак с размаху плюхается на зад рядом с ним:

— Не обижайся, Бойцовый Кот. Это я так шучу. Если сердисься, задай мне трепку.

Мне это полезно...

Гай для порядка бурчит что-то себе под нос и отворачивается. Галка грозит Жаку пальцем, Жак смиренно наклоняет голову и видит «концертон».

— О! — Он оживляется. — Идея! Мы устроим концерт в честь прибытия Жака для сдачи экзамена в лагерь «Гулливер — двести одиннадцать». Между прочим, больше никого не ждите. Я последний. Но меня вам за глаза хватит... Так как насчет концерта? Маленького концерта в два-три номера, а?

Володя, посмеиваясь, берет «концертон».

— Будешь петь, Гай? — спрашивает он.

— Не буду, — бурчит Гай.

— А если я попрошу? — вкрадчиво произносит Галка.

Гай отворачивается.

— Давай так, — предлагает Галка. — Я станцую, а ты споешь.

Гай искоса смотрит на нее.

— Соглашайся, Гай, — шепчет Жак. — Даю тебе слово, у нас в школах Прогрессоров все девчонки танцуют так, что... что... ну, сравнить не с кем. Это в программу обучения входит. На предмет очаровывания инопланетных аборигенов...

— Я очень хорошо танцую, Гай, — произносит Галка, придвигаясь к нему и заглядывая ему в глаза. — Соглашайся...

— Ладно, — ворчит Гай. — Идет. Посмотрим, как ты танцуешь...

Галка вскакивает.

— «Золотой вальс», Володя! — командует она. — Начинай.

Она убегает в темноту. Володя начинает играть. И вот над поляной медленно разливается голубое сияние. От мачты, крутясь в танце, на середину поляны выбегает Галка в белом бальном платье. Гай как зачарованный смотрит на нее и вдруг протирает глаза, снова смотрит, трясет головой... Нет, ему не померещилось. Ноги танцующей девушки отделяются от земли, и вот она уже несется, кружась по воздуху, а «концертон» звучит все громче, звуки наливаются силой, торжеством, а Галка уже несется высоко в звездном небе, на мгновение заслоняет луну... Затем движение ее замедляется, музыка успокаивается, затихает, слабеет, и в тот момент, когда Галкины ноги вновь касаются земли, стихает совсем. Галка делает реверанс.

Жак вскакивает, подбегает к ней и, взяв за кончики пальцев, церемонно подводит к костру.

— Несравненно, — произносит он, и Володя одобрительно кивает.

— Хорошо я танцую, Гай? — спрашивает Галка.

Гай гулко глотает и откашливается.

— Ничего не скажешь, — произносит он. — Сроду я такого не видел и не знал даже, что такое бывает.

— А теперь твоя очередь, — говорит Галка. — Пой. Спой какую-нибудь свою песню, все равно какую...

И Гай, закрыв глаза, заводит дикую тоскливую песню на своем языке. Мелодия странная, но Володя с поразительной быстротой подхватывает ее. И исчезает костер, исчезают гулливеровцы, возникает бескрайнее ковыльное поле под низким серым небом, и тихонько посвистывает сквозь музыку ветер. Гай в расстегнутой маскировочной куртке сидит посреди поля, а рядом, положив ему на колени растрепанную голову, лежит девушка в платье из грубой холстины — мешок с вырезами для рук и головы, — и Гай поет, а по запрокинутому лицу девушки катятся слезы. И тускло отсвечивает брошенный в ковыль автомат.

Гай замолкает. Гулливеровцы с серьезными лицами смотрят на него.

— Все, — мрачно произносит Гай, поднимается и уходит прочь.

Небольшая поляна в глухом лесу. Утро. Гай валяется в траве, покусывая веточку. Рядом с ним стоит навтыяжку Драмба.

— Звездолет, звездолет... — бормочет Гай. — Единственный способ. А их трое. Ну, девчонка не в счет. Все равно, двое на одного. Правда, Жак этот — парень хлипкий, с ним-то я живо справлюсь. А вот Володя...

Он переворачивается на живот:

— Драмба!

— Слушаю, господин капрал!

— Давай музыку. Что-нибудь задумчивое...

— Слушаю, господин капрал, — монотонным басом отзывается робот.

Звучит «Танец маленьких лебедей».

— Как нам захватить звездолет?

— Не могу знать, господин капрал.

— Не могу знать, не могу знать... Дубина. Ты смог бы их перебить?

— Никак нет, господин капрал. Робот не может причинить вред человеку.

— Тоже мне солдат... Эх, оружие бы мне! Оружие!

Он поднимается, несколько секунд стоит, задумавшись, потом достает из кармана единственный автоматный патрон, подкидывает на ладони, снова прячет:

— Выключи музыку!

Вальс смолкает.

— Пойдем, колода. Ведь все равно управлять звездолетами ихними я не научен...

Лагерь гулливеровцев. Солнечный день. Неподалеку от лесной опушки расположились Жак и Гай. Жак, босой, в красных трусиках, работает с прибором, похожим не то на биноклярный микроскоп, не то на стереокинокамеру. Гай в расстегнутой куртке валяется рядом на траве, заложив руки за голову. Над ним стоит Драмба и обмахивает его зеленой веткой.

— А потом? — с интересом спрашивает Жак.

— А потом меня выперли из школы.

Жак воздевает руки к небу.

— За что? — патетически восклицает он.

— Вот спроси их — за что, — говорит Гай. — Директор остался жив-здоров. Парня того, правда, отвезли в больницу, но ведь через неделю выпустили... А пожар — ну что пожар? Все равно в ту же зиму в первый же налет весь квартал в пыль разнесли гады полосатые...

— Да, — говорит Жак, — несправедливо с тобой поступили.

— Конечно, несправедливо! Ну, я потом нашел себе компанию, и мы этому полицейскому устроили веселую жизнь, будь здоров...

Слова Гая заглушаются нарастающим грохотом барабана. Звучит удалая расхлябанная музыка явно блатного пошиба.

Худые грязные руки двенадцатилетнего Гая проворно и ловко собирают нечто вроде самострела. В сопровождении десятка парней самого хулиганистого вида — опухшие от пьянства морды, прилипшие к нижней губе сигареты, мохнатые шарфы на шеях — он поднимается по осклизлой лестнице и выходит из подвала на улицу. Трущобы, всюду горы мусора, окна с выбитыми стеклами, рваное тряпье на оконных решетках. Гай устанавливает самострел в нише подвального окна, накладывает толстую стрелу, обмотанную паклей, затем протягивает поперек улицы веревку.

По улице идет огромного роста полицейский в форме с многочисленными пуговицами, в квадратном головном уборе с плюмажем. Он угрожающе смотрит на кучку хулиганов, столпившихся в подъезде, и помахивает дубинкой со зловещим крючком на конце. И вдруг задевает ногой за веревку. Самострел срабатывает. Стрела, выброшенная стальной тетивой, чиркает по огниву и, охваченная пламенем, втыкается в обтянутый зад полицейского. Полицейский с ревом крутится на месте, а стрела пылает, разбрасывает разноцветные искры, испускает черный дым...

Гогочущие парни хлопают Гая по плечам и спине, в жестяную кружку льется из бутылки мутная жидкость. Гай пьет, давится, кашляет и снова пьет...

Тишина. Видение пропадает.

— И ты пил? — спрашивает Жак.

— Хе!

— Разреши пожать твою руку. Я восхищен, — говорит Жак.

— Ладно, ладно, — самодовольно произносит Гай. — Ты держись меня, со мной не пропадешь. — Он с хрустом потягивается. — Эх, жизнь солдатская! Слушай, а выпить у вас тут нету?

— Вина? — с готовностью осведомляется Жак.

— Вина... Покрепче чего-нибудь нету?

Жак воровато оглядывается и, понизив голос, говорит:

— Есть спирт!

Гай вскакивает:

— Что же ты раньше-то молчал? Пошли!

Жак прищурившись смотрит на солнце.

— Сейчас без пяти двенадцать... — говорит он. — Эх, грешить так грешить. Пошли.

Они быстрым шагом идут через поляну.

— Ты и вправду будешь пить спирт? — с интересом спрашивает Жак.

Гай хохочет:

— Не бойся, мимо рта не пронесу...

В мастерской полутемно. Жак и Гай расположились недалеко от входа на кубических футлярах, в руках у них стаканы. Гай уже слегка на взводе, и Жак рассматривает его с наслаждением. Глаза его блестят.

— Прежде всего — дружба! — разглагольствует Гай. — Друг солдата — это, браток, такое дело... Вы этого здесь не понимаете. Когда мы штурмовали Аргараган, горящие бревна летали над нашими головами как пташки! Половина ребят полегло... Ты бы там полные штаны навалил... Но ты хороший парень, я вижу. Ты мой друг. Если кто тебя тронет, ты мне только скажи... Я быстро!

Он заглядывает в свой стакан, затем в стакан Жака:

— Давай еще выпьем...

Жак разводит руки:

— Нету больше, увы...

— Жаль. Тогда закурим.

— Этого тоже нету.

— Тьфу, — произносит Гай. — Ладно, перебьемся. — Он смотрит на Жака и толкает его в плечо. — А ты ничего, крепкий паренек. Хочешь в мое капральство? Драмба — правофланговый, а ты лево... левофланговый. Но! Боевые качества. Нет-нет, я не знаю твоих боевых качеств, поэтому не могу. Не могу! Извини.

— Ну как же так? — притворно-плачущим голосом канючит Жак. — Ты же обещал, это нечестно...

— Ну хорошо, — говорит Гай. — Ладно. Беру. Рукопашный бой. Ты как?

— Не знаю, что и сказать.

— Мозгляки вы здесь все. Пойдем, я тебе покажу. Разовью в тебе боевые качества.

Сам. Пошли.

— А это не больно? — спрашивает Жак.

— Не бойсь, я так, вполсилы. Пойдем.

Едва они выходят на солнце, Гай наносит Жаку страшный удар под ложечку. То есть нанес бы, если бы Жак не увернулся с непостижимой быстротой.

И начинается драка. Собственно, это не совсем драка, потому что Гаю никак не удается прикоснуться к противнику. Жак невероятно ловок и увертлив. Они наскакивают друг на друга, и каждый раз Жак в последний момент проскальзывает у Гаю под рукой или прокатывается под ногами. Рассвирепев, Гай швыряет в Жака увесистым булыжником, но Жак ловко ловит булыжник перед самым своим лицом и как мячик бросает его обратно Гаю. Гай не удерживает булыжник и роняет его себе на голую ногу. Это окончательно выводит его из себя. Лицо его залито потом, искажено ненавистью, он тяжело, с хрипом дышит и ругается на чем свет стоит. Жак же молчит, лицо его спокойно, и дышит он легко и свободно.

На вопли Гаю из-за энергостанции выходят Володя и Галка. Увидев, что происходит, они сейчас же останавливаются. Не сделав ни единой попытки вмешаться, они с видимым интересом наблюдают за этой странной дракой. Галка даже садится на траву и, положив локоть на колено, подпирает подбородок кулачком.

Гай снова и снова бросается на Жака, снова и снова промахивается и наконец спотыкается и падает. Галка звонко смеется, запрокидывая лицо.

— Это и есть рукопашный бой? — осведомляется Жак. — И ведь действительно ни капельки не больно...

Гай встает. Лицо его ощерено от ярости. Он наклоняется, словно готовясь к прыжку, выхватывает из-под куртки кентаврийский нож и точным отработанным движением швыряет в Жака. Все происходит в одно мгновение. Володя стрелой бросается между Гаем и Жаком, пытается поймать нож, но не успевает и плашмя падает на траву. Жак

молниеносно поворачивается к Гаю боком, но уклониться все же не может. Нож вскользь чиркает его поперек груди. Льется кровь.

— Двойку нам с тобой по гимнастике, Володька, — со вздохом произносит Жак.

Гай уже опомнился. Он стоит, бессмысленно расставив руки, а Галка, подбежав к Жаку, деловито осматривает рану, поворачивает Жака лицом от солнца (и спиной к зрителям) и с сосредоточенным лицом принимается оказывать помощь — брови ее сдвинуты, на верхней губе выступила от напряжения легкая испарина. Володя, стряхивая с куртки приставшие травинки, подходит к Гаю и недовольно произносит:

— Действительно, распустились мы с этим экзаменом, я совершенно реакцию потерял. В мешок превратился... — Затем, покосившись в сторону Галки и Жака, тихо говорит Гаю: — А ведь ты всерьез хотел убить Жака. Зачем же так? Нехорошо...

Гай втягивает голову в плечи и робко подступает к Жаку.

— Ребята, я не нарочно... — заунывно тянет он, уставившись в его голую спину. — Вот что хотите делайте, не нарочно, клянусь Черным Зверем... Жак, тебе больно, а?

Жак, улыбаясь во весь рот, поворачивается к нему, и Гай застывает с раскрытым ртом: от кровавой раны на груди Жака осталась едва заметная царапина. Гай тычет в нее дрожащим пальцем:

— К-как это? Ч-что это? Г-где...

Жак обнимает его за плечи.

— Все это пустяки, — говорит он. — Я сам виноват. Растренировался. И потом, разве можно дразнить Бойцового Кота?

Гай сразу приосанивается:

— Ясно, нельзя! Я знаешь как разозлился?

— Ладно, пойдем, ты мне еще что-нибудь расскажешь...

А Галка оглядывает себя. Ее голубая курточка безнадежно заляпана пятнами крови.

Берег реки. Володя и Гай в плавках лежат на песчаном берегу и смотрят, как плещется в воде Жак.

— Не-ет, — говорит Гай. — Я эту воду не люблю. Я в ней, понимаешь, тону. Да у нас ее никто не любит. Помню, раз переправлялись мы...

— Дурачок, — ласково перебивает его Володя. — Смотри, как Яшка плавает. Чем ты хуже его? Давай, я тебя научу...

Гай мотает головой. Жак у противоположного берега ныряет. С минуту его не видно, и вдруг он выплывает из воды рядом с Гаем и Володей, бросается ничком между ними и ложится щекой на песок.

— Сом видел на дне, — говорит он. — Отличный сом...

— А что с того, что я плавать не умею? — воинственно говорит Гай. — Зато вы, поди, оружия в руках сроду не держали, у пистолета дула от рукояти не отличите...

— Да, — соглашается Володя. — Тут ты нас уел. Насчет оружия у нас, знаешь, не очень...

Жак произносит, не поднимая головы:

— Да и зачем нам оружие? Мы же Прогрессоры...

— Погоди... — Гай растерялся. — Тогда какого беса вы к нам суетесь, ежели вы без оружия? А если на вас нападут? Народ у нас сердитый...

— Что делать, — говорит Володя. — Нападут — будем защищаться. В крайнем случае, погибнем. Не мы будем первыми...

Гай хмурится.

— Этого я не понимаю, — решительно произносит он. — Я вот как солдат вам скажу...

— Мальчишки! — звенит над ними голос Галки.

Они оборачиваются. Галка стоит на краю обрыва.

— Обедать, мальчишки! — командует она.

Лагерь гулливеровцев. Ранний вечер. Гай с меланхолическим видом бредет вдоль опушки по краю поляны, за ним бесшумно вышагивает могучий Драмба. Полная тишина, в лагере не видно ни души.

Вдруг в плечо Гаю ударяет желудь. Он сейчас же отскакивает в кустарник, пригибается и настороженно оглядывается. Раздается смех. Над его головой на ветке огромного дуба сидит, свесив ноги, Галка.

— Ты чего?.. — неловко произносит он.

— Ничего... Испугался?

— Чего там — испугался... Ты что там делаешь?

— Как видишь, танцую и пою. Лезь сюда...

Гай с изрядной сноровкой карабкается на дуб и усаживается рядом с Галкой на ветке верхом.

— Смотри, какой закат... — тихо говорит Галка.

За рекой багряное солнце медленно опускается за зубчатую кромку леса. Некоторое время Галка молчит, затем спрашивает:

— Тебе у нас хорошо?

Гай не отвечает.

— Грустишь по дому?

Гай судорожно вздыхает.

— Ты знаешь, — говорит он, — дома у меня была одна девушка...

— Да?

— Ага. Я ее очень любил. И она меня... тоже любила. Только...

— Что?

— Не знаю. Наверное, убили ее...

Галка поворачивается к Гаю и проводит ладонью по его волосам. Гай замирает.

— Ничего, — говорит Галка шепотом. — Скоро там все кончится, и ты вернешься...

Гай, осмелев, обнимает ее и пытается притянуть к себе. Она упирается локтем ему в грудь.

— Не надо, солдат. Это совсем не годится.

Гай произносит упавшим голосом:

— Я хотел только...

— Ты хотел целоваться, я понимаю. Но, во-первых, ты мог бы и подождать несколько лет...

— А во-вторых?

— Во-вторых, увы, ты мне пока не нравишься.

И Галка, словно ртуть, соскальзывает с ветки и мягко, как кошка, спрыгивает в траву.

Лагерь гулливеровцев. Утро. Физическая разминка. Галка, Жак и Володя проделывают головолomные упражнения, какие в наше время можно увидеть разве что на арене цирка. Гай тоже делает зарядку — естественно, много более скромную, при этом физиономия его надутая и брюзгливая, словно его заставляют заниматься бог весть какими глупостями.

Берег реки. Гулливеровцы кувыркаются в воде, ныряют и плавают. Гай, поеживаясь и повизгивая, заходит в воду по пояс и, заткнув уши и нос пальцами, изо всех сил зажмурившись, окунается несколько раз и спешит обратно на берег.

Столовая под полосатым тентом. Завтрак. Вся четверка с мокрыми после купания волосами с аппетитом уписывает котлеты, кашу, сметану, запивая еду кофе из больших дымящихся кружек.

— Володя, ты мне до обеда будешь нужен, — произносит Галка между двумя глотками. — Никуда не уходи, пожалуйста...

— С удовольствием, — отзывается Володя.

— Жак, что у тебя? Опять пойдешь к Инобу?

— Угу... — Жак отпивает кофе. — Четвертый раз, прекраснейшая из координаторов. Четвертый раз за... а... э... за десять дней. Заметьте это себе, друзья мои, а потом донесите славу о великом Жаке до отдаленнейших миров обозримой Вселенной! Между прочим, Гай, сегодня ты идешь со мной.

Гай вздрагивает:

— Куда?

— К Инобу. К несравненному Инопланетному Оборотню. Тебе надлежит попрощаться с ним, скоро он отбывает.

Гай вытаращивает глаза:

— Чего прощаться-то? Я его сроду не видел...

— Странно, он о тебе так много лестного рассказывал... Так пойдешь?

— Ну... пойду...

— Только без Драмбы. Ты же знаешь, что Драмбу он не любит.

Гай осторожно ставит кружку на стол и обводит всех глазами. Володя ободряюще кивает ему, Галка равнодушно смотрит в сторону.

— Я его ни разу в глаза не видел, твоего Иноба, — говорит Гай. — Что ты мне голову морочишь?

— Там разберемся, — произносит Жак и встает.

— Хорошо координатору, когда в группе всего три человека... — говорит Галка.

Гай и Жак идут по лесу. Жак мелодично насвистывает, подражая птичьему щебету, Гай с сердитым лицом плетется следом за ним. Жак оглядывается на него.

— Ну? — произносит он, весело скаля зубы. — Что ты дуешься, как мышь на крупу, юный тобианин?

— Потому что мне кажется, что ты меня дурачишь, — отвечает откровенно Гай.

Лицо Жака становится серьезным.

— Вот уж нет, — говорит он. — Ты мог заметить, что я не прочь подурчиться и повеселиться при случае, но только не на работе...

— А кто тебя знает, когда у тебя работа, когда нет...

— Уверяю тебя, сейчас у меня работа.

Они молча идут дальше. Солнце, пробиваясь сквозь листву деревьев, пятнает их лица и полуголые тела золотыми зайчиками.

— Пришли, — едва слышно произносит Жак.

Они выходят на крошечную прогалину, окруженную соснами, засыпанную слоем коричневой опавшей хвои. Посередине прогалины возвышается огромный, в половину человеческого роста, муравейник.

— Здравствуй, Оборотень! — громко говорит Жак. — Горячего тебе солнца и воды в достатке!

Скрипучий старческий голос отзывается словно бы из муравейника:

— Тебе тоже, милый Жак... О, я вижу, и Гай с тобой явился. Будь здоров, Бойцовый Кот Гай... Или как ты себя назвал? Бывший Бойцовый Кот Гай...

Гай растерянно смотрит на муравейник, потом озирается, потом смотрит на Жака. Тот едва заметно подмигивает.

— Э... а... Да. Бывший... это... Здравствуйте, — говорит Гай. — Я, собственно... просто так, попрощаться...

— Да. Да. Я помню. — Скрипучий голос на секунду смолкает. — Ты обещал зайти и попрощаться... зайти и попрощаться... А! Вспомнил. В прошлый раз я никак не мог вспомнить...

Гай, приоткрыв рот, глядит на муравейник. Жак пристально смотрит на него.

— Как трудно в вашей части Вселенной, — продолжает Оборотень. — Почему-то слабеет память... Да. Да. Что-то делается с памятью. Поэтому мы не можем долго...

— Вот у меня тоже... что-то такое с памятью... — произносит Гай осипшим голосом. — Совершенно уже забыл, когда мы встретились впервые...

— Когда? Это было... это было... Если считать от этого дня, ты пришел впервые ко мне двадцать два дня назад...

Гай закрывает рот ладонью и оглядывается на Жака. Тот молчит.

— Это был последний день дождливого сезона, — продолжает Оборотень. — После этого дожди шли редко и коротко, поэтому я запомнил... Когда ты уходил, ты попрощался, и я думал, что ты больше не придешь...

— Я... я не знал, — говорит Гай.

— Но потом ты пришел еще...

— Угу...

— И сегодня ты пришел в третий раз...

— Отдохни, Оборотень, — быстро говорит Жак. — Ты стал быстро утомляться, а нам еще предстоит длинная беседа...

— Что ж, я рад... Ты уверен, что за мной прилетят через тринадцать дней?

— Совершенно уверен. И нам еще предстоит встретиться три раза.

— Нам с тобой... А Гай?

— А Гай прощается с тобой, ты его больше не увидишь.

— Что ж, рад был встретиться с тобой, Гай. Бывший Бойцовый Кот Гай. Прощай. Я и вправду устал и хочу отдохнуть...

Жак легонько толкает Гая в бок и кивком просит его уйти. Не сводя глаз с муравейника, Гай пятится за сосны.

Тяжело дыша, испуганный и рассерженный Гай продирается через кустарник и выбегает на поляну. Окидывает взглядом лагерь. Все как прежде. Торчит у палаток парней невозмутимый Драмба. У входа в свою палатку сидит, скрестив ноги, перед столиком-информатором Галка, рядом сидит, обхватив колени, Володя. Оба смотрят на круглый экран, висящий в воздухе над столиком.

Гай решительно направляется к ним. Когда он подходит, Володя, не оглядываясь, предупреждающе поднимает ему навстречу ладонь. Гай останавливается. По экрану ползут, сменяя друг друга, странные формулы, записанные непонятными символами. Галка, закусив губу, легко скользит пальцами по зеркальной поверхности столика.

— Поправка на куб-сигму... — тихонько произносит Володя.

Галкины пальцы дрогнули, формулы на экране заплясали, спутались и исчезли. Экран пуст. Галка с огорченным вздохом откидывается назад, уперев руки в траву.

— Ничего, — утешает Володя. — Почти получилось... И это еще самый трудный случай...

Галка оглядывается и видит Гая.

— Это все солдат виноват! — произносит она, капризно выпятив губу. — Пришел, бросил на меня тень... Знает ведь, что я все время о нем думаю!

Володя легко вскакивает на ноги, расправляет затекшие плечи.

— Ты чем-то расстроен, Гай, — говорит он. — Что случилось?

Гай мрачно смотрит на них.

— Там эта... муравьиная куча... — сбивчиво говорит он. — Я ее в первый раз вижу... А она говорит — третий! И еще двадцать дней назад, а я здесь всего тринадцать...

Галка тоже поднимается, она и Володя внимательно слушают.

— И главное, говорит, будто я сказал... — так же сбивчиво продолжает Гай, — будто я — бывший Бойцовый Кот! Подлая дрянь!..

— Правда? — восклицает Галка. — Он так и сказал — «бывший»?

— Подлая дрянь... — сердито повторяет Гай.

— Да ведь это чудесно!

Галка хватается Гая за руки и кружит его вокруг себя, пританцовывая на месте и во все горло распевая веселую песенку.

Володя, смеясь, смотрит на них и вдруг настораживается, словно бы прислушиваясь.

— Чу! — говорит он. — К нам гости...

На поляну из лесу выезжают верхом на конях двое: худенькая черноволосая девушка в коротком розовом хитоне и широких красных штанах до колен на белом коне и статный полуголый парень в индейских штанах с бахромой — на саврасом. Заметив гулливеровцев, девушка машет рукой и кричит:

— Эхой! Здравствуйтесь! Мы не помешали?

— Нет! — отзывается весело Галка. — Гостите!

Девушка и парень спешиваются, хлопком ладони по шее отправляют коней пастись и идут к гулливеровцам. (Кони без седел и без уздечек.)

— Здравствуйтесь, — повторяет девушка, подходя. В ее правом ухе сверкает сережка¹.
— Меня зовут Ида, его Раджаб...

— Галка, Гай, Володя, — представляет и представляется Володя. — Будете отдыхать, обедать?

Раджаб отрицательно качает головой. Ида говорит:

— Нет, мы в походе... — Она с интересом осматривается. — О, да у вас здесь рабочий лагерь? Сдаете экзамены?

— Сдаем, — отзывается Галка. — Мучаемся...

— А мы только вчера сдали. Мы Строители. Я из новотульской школы, Раджаб из бухарской...

— А мы Прогрессоры, — отвечает Володя. — Галка из центрального прометеума, я из минской школы. Гай...

— Садитесь, — поспешно приглашает Галка.

Все садятся в траву. Гай устраивается за широкой спиной Володи.

— Откуда и куда? — спрашивает Галка.

— Из Ржева в Псков, — отвечает Ида. — Такая была скачка! Отмахали сегодня сто с лишним километров... Так вы Прогрессоры? Интересно! У меня нет ни одного знакомого Прогрессора...

— Теперь есть, — говорит, улыбаясь, Володя.

Ида искоса глядит на него и снова обращается к Галке:

— Как у вас сдают экзамены? Как везде?

Галка всплескивает руками. Раджаб смеется:

— Ида, откуда Галке знать, как сдают везде?

— У меня штурманская практика, — объясняет Галка. — По роли я координатор и пилот группы. Через неделю сюда прибудет мой воспитатель и вручит мне запечатанный конверт с заданием. Затем прибудет звездолет...

Гай вытягивает шею, чтобы лучше слышать.

— Да, — говорит Ида. — У нас немножко не так... Задание нам вручают сразу... вернее, выдает стохастическая машина... И ты поведешь звездолет на ту звезду, которая указана в задании?

— На базу, — поправляет Галка. — Может быть, она в нашей системе, а может быть, в какой-нибудь другой...

— Понятно, — говорит Ида. — А ты? — обращается она к Володе.

¹ «Сережка» — крошечный транзисторный приемник, выполненный в виде серьги с зажимом для мочки уха.

Тот молчит, глядя на нее с улыбкой. У нее расширяются глаза, маленький рот приоткрывается.

— Так ты... — начинает она и замолкает. Затем она вновь окидывает лагерь взглядом. — Так мы почти коллеги, — говорит она со смехом. — Ты, оказывается, тоже Строитель...

Она опять замолкает. Они с Володей смотрят друг другу в глаза.

— Пожалуйста, — говорит она и отстегивает от мочки правого уха сережку. — Пусть будет на память... — Она бросает сережку Володе. — Сдублируй.

Тот подхватывает сережку на лету, вскакивает и идет к мастерской. Заинтригованный Гай, так ничего и не поняв, вприпрыжку бежит за ним.

В мастерской Володя склоняется над одним из футляров. Сдвигает боковую стенку. За ней оказывается выпуклая металлическая крышка.

Гай тихонько входит в мастерскую и останавливается за спиной Володи. Володя, полуобернувшись, показывает ему сережку. Это великолепный брильянт величиной с горошину.

— Нравится? — спрашивает Володя.

— Очень...

— И мне очень.

Володя поднимает выпуклую крышку и кладет сережку в неглубокий прямоугольный ящик. Закрывает крышку. Звонкий щелчок. Открывает крышку. В ящике лежат две сережки.

— Что это? — шепотом спрашивает Гай.

— А? — Володя берет обе сережки и оглядывает их. — Это мультипликатор.

Он выходит из мастерской. С поляны доносится смех, звонкие голоса. Гай выглядывает из двери. День померк, над поляной собираются тучи. Внезапно сверкает молния, с грохотом налетают раскаты грома. Слышится голос Галки:

— Пойдем в палатку или останемся?

И ответ Иды:

— Останемся. Я люблю грозу...

На лагерь обрушивается ливень. Гай оглядывается на мультипликатор. Крышка открыта. Гай сует руку в карман куртки.

Ослепительно сверкает молния. Гай в испуге отшатывается от дверей, затем подходит к мультипликатору. Извлекает из кармана свой единственный автоматный патрон. Кладет патрон в мультипликатор, решительным движением закрывает выпуклую крышку. Звонкий щелчок. Поднимает крышку. В мультипликаторе два патрона. Опускает крышку. Звонкий щелчок. Поднимает крышку. Четыре патрона.

Он сгребает патроны, прячет в карман и снова подходит к двери.

На поляне под проливным дождем сидят на траве Галка, Володя, Ида и Раджаб и о чем-то оживленно беседуют, то и дело закатываясь смехом. У опушки спокойно пасутся лоснящиеся от дождя кони.

Снова ослепительная молния и громовой раскат.

Гай заслоняет лицо локтем. На черно-оранжевую эмблему шлепаются тяжелые дождевые капли.

Гроза прошла. Снова сияет солнце, над мокрой поляной стелется пар. Галка, Володя и Гай прощаются с гостями.

Качается, сверкает сережка в ухе Иды. Качается, сверкает такая же сережка в ухе Володи.

Ида и Раджаб легко вскакивают на коней.

— До свидания! — кричит Ида. — До свидания, Володя!

Гулливеровцы машут им. Они скачут через поляну. На опушке Ида осаживает коня, оборачивается.

— Я все поняла, Володя! — весело кричит она. — Ты мне тоже! Встретимся через два года!

И она вслед за Раджабом скрывается в лесу.

Галка шлепает Володю по шее.

— Не смей заигрывать с девушками при своем координаторе! — строго говорит она. Володя задумчиво улыбается, трогает сережку.

Поздний вечер. Гулливеровцы сидят у костра. Володя, полузакрыв глаза, наигрывает на «концертоне» пронзительно-печальную и очень простую мелодию, сережка покачивается и вспыхивает чистым светом над его плечом. Галка сидит, обняв руками колени, и смотрит в огонь блестящими глазами. Справа от нее лежит и словно бы дремлет Жак. Слева сидит Гай и то и дело поглядывает на нее.

— Галка... — произносит вдруг он вполголоса, но так, чтобы слышали остальные.

— Да? — рассеянно отзывается она.

— А Володька-то... в эту... в Иду то есть... втюрился, как ты считаешь?

Галка медленно обращает к нему лицо. Открывает глаза Жак. Смотрит с интересом на Гая Володя, не переставая играть.

— Пожалуй... — медленно произносит Галка. — Странно только, что ты не втюрился...

Гай хихикает. Гулливеровцы украдкой переглядываются.

— Галка... — снова окликает громким шепотом Гай.

— Что, солдат? — ласково отзывается она.

— А у тебя есть сережка?

Галка достает из нагрудного кармана прекрасную перламутровую каплю.

— Подари... — произносит Гай и прямо-таки давится от смеха. — На память...

Рука Галки с сережкой на ладони замирает. Володя перестает играть. И вдруг Жак с размаху хлопает себя по лбу и вскакивает.

— Ребята! — кричит он. — Эх, вы, а еще Прогрессоры... Ты со своей женской интуицией. Ты со своей телепатией... Да неужели вы не видите?

Все, в том числе и Гай, непонимающе глядят на него, а он раздельно, вытаращив глаза, произносит:

— Гай шутит! Понимаете? Гай дразнится! Не брюзжит, не оскорбляется, не ужасается! Дразнится! В первый раз! Ура Гаю!

И он прыгает на Гая и принимается его тискать. Они катаются по траве, визжа и хохоча, как щенята. Володя и Галка тоже хохочут.

— Брэк! — говорит наконец Володя. — В костер попадете...

Жак оставляет Гая. Они сидят рядом, обнявшись. Гай отдувается, вытирает на глазах слезы. Жак бьет его по плечу.

— Да, — прочувствованно говорит он. — Бытие определяет сознание. Знаете, что сказал сегодня Оборотень? По его словам, Гай назвал себя бывшим Бойцовым Котом!

Гай сникает. Он стряхивает с плеча руку Жака и встает.

— Не знаю я вашего Оборотня, — хрипло говорит он. — И знать не хочу. И ничего такого я ему не говорил... И ты сам знаешь это! Думаешь, я не догадался, что ты умеешь мысли читать? — кричит он Володе, поворачивается и уходит от костра.

Володя смотрит на Жака и выразительно стучит себя пальцем по лбу. Жак смущенно разводит руки.

Ночь. Гай и Володя лежат в палатке. Володя как будто спит — лежит на боку, подтянув одну ногу коленом до груди, дышит ровно и глубоко, как великолепно

отлаженная, могучая машина. Гай не спит — в полутьме блестят его глаза, губы шевелятся. Тишина. В траве на поляне сонно стрекочут ночные цикады.

Вдруг Володя произносит свежим голосом:

— Сорок восемь!

Гай вздрагивает:

— Что?

— Шестью восемь — сорок восемь, а не тридцать восемь... — Володя переворачивается на спину. — И вообще не трудись... думай, о чем тебе хочется. У нас не принято читать чужие мысли против желания...

— Ни о чем таком особенном я не думаю... — бормочет Гай.

Лужайка в лесу. Солнечный день. Сладостной грустью льется мелодия вальса «Осенние листья».

Робот Драмба связывает Гая по рукам и ногам тонким шнуром. Гай лежит в траве.

— Готово? — спрашивает он.

— Так точно, господин капрал, — отвечает робот.

Гай начинает извиваться, стараясь освободиться от пут. Высвобождает руку.

— Что же ты, дреколье стоеросовое? — рычит он. — Как связал? Разве так связывают? А ну, сделай как следует!

Драмба снова склоняется над ним, возится с узлами на шнуре.

— Больно! — кричит Гай. — Скотина слепая! Осторожно!

— Виноват, господин капрал...

Драмба снова выпрямляется. Гай дергается в путах, затем удовлетворенно произносит:

— Вот теперь хорошо. Хвалю.

— Рад служить, господин капрал!

— Развязывай.

Драмба освобождает Гая. Гай встает и, поглаживая натертые шнуром руки, некоторое время расхаживает по лужайке. Потом останавливается перед роботом.

— Скажи мне, рядовой Драмба, — произносит он значительным голосом, — ты чертить умеешь?

Лагерь гулливеровцев. Гай, небрежно посвистывая, подходит к мастерской, заглядывает в дверь. Володя сидит под яркой лампой перед чертежной доской и работает линейкой и рейсфедером. Рядом на крышке громадного футляра сложены стопкой готовые чертежи, лежит раскрытая готовальня.

Гай подходит, некоторое время смотрит, как Володя работает.

— Что, дружище? — произносит Володя, не оборачиваясь. — Тебе что-то потребовалось?

— Угу. Потребовалось.

— Выкладывай. Все, что в моих силах.

— Володь. Можно мне вот такую же бумагу и эти... чем чертить?

— Конечно, можно. Хочешь научиться?

— Да нет. Я умею. Я хочу кое-что начертить, а ты мне потом сработаешь. На форматере. А?

— С удовольствием.

Володя поднимается, идет к стеллажам и извлекает готовальню и стопу листов из гибкого прозрачного материала:

— Хватит тебе?

— Хватит... — Гай жадно хватает готовальню и стопу. — Спасибо...

Он поворачивается и быстро идет к двери.

— Постой, — говорит Володя. — Ты куда? Где ты собираешься чертить?

— Там... — неопределенно произносит Гай и кивает на раскрытую дверь.

— Там же неудобно...

— Ничего. Зато будет этот... сюрприз.

— Ага, — понимающе говорит Володя. — Это интересно. Тогда возьми хотя бы доску с собой...

Он снова идет к стеллажам и снимает с полки небольшую чертежную доску.

В этот момент с поляны доносится густой медный звон.

Володя и Гай выходят из мастерской. Вскрывает со своего места у стола-информатора Галка. Выглядывает из своей палатки Жак.

На металлическом диске посередине поляны возникают трое: знакомая нам дородная старуха в глухом платье, на этот раз белом; огромный огненно-рыжий Эрик в своих поношенных джинсах и пестрой рубашке навыпуск, но теперь правую щеку его прорезает глубокий красный шрам; и Корней в белых брюках и голубой прогрессорской куртке, только над левым нагрудным карманом не надпись, а эмблема: стилизованное изображение земного шара с синими океанами и зелеными материками в узкой радужной кайме атмосферы на фоне эллипса галактической спирали.

Корней учтиво подает старухе руку и сводит ее в траву. Эрик следует за ними. Гулливеровцы с немного натянутыми улыбками идут навстречу старшим. Гай остается у дверей мастерской.

— Ну-ну-ну, — произносит басом старуха. — «Гулливер — двести одиннадцать». Кто координатор?

Галка делает легкий книксен.

— Я, — тоненьким голоском произносит она. — Галина Комова.

— Девочка, — с сомнением говорит старуха и поджимает губы. — Впрочем, отчего же? Вы можете мне не поверить, дети, но я тоже когда-то была девочкой... Слушаю тебя, координатор.

— В группе трое... вернее, четверо. Ксенобиолог Жак, механик Володя и тобианин Гай.

— Тобианин... — Старуха снова поджимает губы. — Это что — его специальность?

Галка краснеет, беспомощно глядит на Эрика, на Корнея и опускает глаза. Корней и Эрик стоят справа и слева чуть позади старухи с каменными лицами.

— Объяснись же, координатор, — басит старуха.

Галка с отчаянной храбростью поднимает на нее глаза.

— Тобианин Гай, раненый солдат, переброшенный на Землю при чрезвычайных обстоятельствах, проходит в группе «Гулливер — двести одиннадцать» человеческую практику.

На несколько секунд воцаряется молчание. Затем старуха благосклонно кивает:

— Неплохо, координатор, неплохо. Несколько двусмысленно... однако по основной сути правильно. Человеческая практика... хм.

Она ерошит кудри на голове просиявшей Галки и манит Гая пальцем:

— Подойди сюда, тобианин Гай.

Гай неохотно приближается и останавливается перед нею, глядя на нее исподлобья.

— Ну-ка, Гай, — басит старуха и показывает на Эрика. — На кого похож этот человек?

В лице Эрика что-то мгновенно меняется, и сам он слегка ссутуливается, руки обвисают как плети. Гай с изумлением глядит на него.

— Итак? — говорит старуха. — На кого он, по-твоему, похож?

— Этот человек... — запинаясь, говорит Гай. — Он был, когда меня... когда я очнулся...

— Я не спрашиваю, кто он такой, — терпеливо говорит старуха. — Я спрашиваю: на кого он, по-твоему, похож?

Гай глубоко вздыхает:

— Больше всего он похож... на алайского солдата, инвалида войны.

Корней едва заметно улыбается и кивает Гаю. Старуха расплывается в улыбке.

— Молодчина, Бойцовый Кот, — произносит она. — И ты молодчина, Эрик.

Эрик распрямляется и становится прежним — статным, гибким, могучим Прогрессором. Только шрам на щеке остается от инвалида войны. Старуха обводит взглядом гулливеровцев:

— Ну что ж... Я довольна. Материал неплохой. Приступай к делу, Эрик, а я отдохну где-нибудь в тени... Пойдем, Корней.

Она подает Корнею руку и величественно плывет к тенту. Гулливеровцы бросаются было проводить, но она величественным жестом их останавливает.

— Здравствуйте, ребята, — улыбаясь, говорит Эрик.

— Здравствуйте, Эрик, — вразной и очень негромко отзываются гулливеровцы.

— Давайте посмотрим, что вы здесь сделали, — продолжает Эрик, — а потом поговорим. Начнем, пожалуй, с тебя, Володя. Не возражаешь?

— Гай! — доносится от тента голос Корнея. — Поди сюда, дружок, на несколько слов...

Под тентом старуха восседает на табурете, положив на стол пухлую руку. Рядом с ней высокий бокал с прохладным даже на вид напитком. Корней стоит рядом с нею, засунув руки в карманы брюк, покачиваясь на прямых ногах с носка на пятку. Гай сидит перед ними на траве, скрестив ноги.

— Значит, тебе здесь нравится... — говорит старуха. — И тебе нравятся ребята...

Гай утвердительно кивает, не поднимая глаз.

— И тем не менее тебе очень хотелось бы вернуться.

Гай снова кивает.

— На моей планете дерутся, — угрюмо произносит он. — А я здесь ем, пью, сплю и валяюсь на солнце. А я — Бойцовый Кот. Живой Бойцовый Кот, который не дерется, — это нуль. Меньше нуля.

— Вздор, — возражает старуха. — Ты, маленький эгоист, почему ты думаешь и твердишь только о себе? Подумай о нас, о Корнее! Ты хочешь, чтобы мы, здоровые взрослые люди, своими руками вернули тебя, мальчишку, в эту преисподнюю? Мы же умрем от стыда, ты об этом подумал?

Гай молчит.

— И еще, — продолжает старуха. — С чем ты вернешься домой? Что ты узнал, чему научился? Хорошо, вольно тебе оставаться Бойцовым Котом, его высочества герцога Алайского истребителем броневиков. Что можешь ты повергнуть к стопам его высочества, что вынесешь из этого приключения?

— Драмбу! — с вызовом отвечает Гай. — Корней подарил мне Драмбу...

Старуха презрительно свистит:

— Эту старую рухлядь! А что ты сможешь рассказать ему о нашем мире?

Гай краснеет. На лице его выступает пот.

— Ничего, — бормочет он хрипло. — Я никогда никому не скажу ни слова об этом вашем мире...

— Почему? — быстро спрашивает старуха.

— Это было бы... государственной изменой, — произносит Гай и опускает голову.

Старуха и Корней обмениваются быстрыми взглядами.

Там же у тента те же и Эрик с гулливеровцами. Старуха истово опустошает немалых размеров глиняный горшочек, наполненный аппетитной дымящейся снедью. Корней, полузакрыв глаза, потягивает через соломинку питье из стакана. Гулливеровцы расселись

в траве перед старшими. Гай в стороне от них в прежней позе с угрюмо опущенной головой. Эрик негромко говорит:

— Могу сказать одно, группой я в общем доволен. По технической стороне у меня вообще нет замечаний. Лагерь поставлен образцово, будем считать, что механик экзамен сдал. Если не хочешь отдохнуть, Володя, приступай к отработке барьера...

Володя серьезно кивает.

— Жак, — продолжает Эрик. — Ход контакта, пожалуй, в норме. Есть интересные идеи, недурные мысли... Правда, системы еще не видно, а впрочем, время у тебя есть, продолжай работать. Положил бы полезным для тебя через неделю-другую основательно проконсультироваться с Корнеем...

Жак вздыхает, хлопает себя по коленям и улыбается Корнею.

— Координатор... — продолжает Эрик. — Координатор в этой группе поставлен в несколько необычные условия. — Он мельком взглядывает на Гая. — Пока я затрудняюсь сказать что-либо конкретное, оценочное... Подождем. Ну, а что касается штурманской практики... — Он извлекает из кармана джинсов цилиндрический футлярчик, похожий на кассету современного фотоаппарата, и подает Галке. — Вот задание. Правило тебе известно. В один прекрасный миг тебе подадут звездолет, ты немедленно вскрываешь конверт, на расчет перелета девяносто минут, затем — старт...

Гай прислушивается. Галка несколько раз кивает растрепанной головой и сует футлярчик в нагрудный карман. Эрик поворачивается к старухе.

— У меня все, — почтительно говорит он.

Старуха с тяжким вздохом поднимается, отправляет опустевший горшочек в мусоросборник и выходит перед гулливеровцами.

— Ну вот, — говорит она. — Собственно, у меня тоже все. За исключением одной маленькой частности. С сегодняшнего дня группой будет руководить Корней...

Гулливеровцы качнулись, переглянулись и снова замерли, уставясь на старуху.

— Эрик бросает вас на полдороге, — продолжает та, — и переходит в распоряжение Штаба. Весьма возможно, что вы его долго не увидите. Прощайтесь, дети...

Гулливеровцы вскакивают на ноги и обступают Эрика. Видно, что они взволнованы, но все молчат. Затем Галка произносит слегка дрогнувшим голосом:

— До свидания, Эрик. Спасибо за все. Берегите себя.

Эрик с улыбкой наклоняет голову.

Лужайка в лесу. Утро. На середине лужайки расположился в нелепой, нечеловеческой позе робот Драмба с чертежной доской, стиснутой плашмя между могучими коленями. Его трехпалые руки с замечательной точностью и тонкостью орудуют чертежными инструментами. Гай стоит рядом, нагнувшись, упершись ладонями в колени, и, склонив набок голову, следит за работой Драмбы. На листе прозрачного пластика возникает чертеж толстостенной короткой трубки с изогнутой нарезкой на внутренней поверхности.

Гай, похлопав робота по плечу, отходит в сторону и валится в траву.

— Ну-ка, включи какую-нибудь музыку... что-нибудь этакое, — командует он.

— Этакое — чувствительное? — монотонно осведомляется Драмба. — Или этакое — боевое?

— Чувствительное, — произносит Гай со вздохом.

Звучат первые такты «Полонеза» Огинского. Гай мечтательно смотрит в синее небо, зажав между зубами травинку.

Лагерь гулливеровцев. Ранний вечер, занятия окончены. Жак обучает Гая приемам современной борьбы. Галка и Володя сидят под тентом и наблюдают их возню, пересмеиваясь и попивая лимонад. Огромный Драмба неподвижно высится у палаток.

Жак и Гай, оба в одних трусах, сходятся, схватываются, секунда — и Гай кувырком летит в траву.

— А ну, еще раз! — азартно кричит он, вскакивая.

— Не напрягайся, — учит Жак. — Схватил за локти и сейчас же, в тот же миг соскальзывай ладонями до запястий...

— Понял, понял... — задыхаясь говорит Гай. — Давай еще разок...

В разгар очередной схватки Володя вдруг встает и прислушивается. Затем поднимает руку.

— Тихо! — произносит он.

Жак мгновенно останавливается, и Гай, воспользовавшись случаем, опрокидывает его и наваливается сверху.

— Ага! — кричит он.

— Тихо! — сердито говорит Жак, не сопротивляясь.

Гай отпускает его, оглядывается на Володю. Тот стоит, словно бы прислушиваясь, губы его раздвигаются в радостную улыбку. Все смотрят на него.

— Ребята! — говорит он. — Война кончилась! Гай!

Гай и Жак вскакивают. Галка тоже встает.

— Какая война? — спрашивает она. — Где война?

— Война на Тобе!

Жак и Гай подбегают к нему, и он торопливо рассказывает:

— Парапси-передача из Штаба... Война на Тобе кончилась. Военные действия прекратились почти одновременно по всему фронту. Краманский император низложен. Великий герцог Алайский оставил ставку и скрылся в неизвестном направлении... Поздравляю, Гай!

Он обнимает ошеломленного Гая. Галка в восторге проходится вокруг них, кружась в вальсе. Жак трясет Гаю руку и восхищенно произносит:

— Вот это работа! Ай да Прогрессоры!

Гай вдруг вырывается.

— Погодите... — говорит он, задыхаясь. — Если война кончилась... И герцог бежал... А я? Как же я? Мне же надо туда! Мне немедленно надо туда!

Он вертится на месте, хватаясь то за Жака, то за Володю, то за Галку:

— Неужели вы не понимаете? Ведь герцог... Ему опасность грозит, его спасти надо... Я же Бойцовый Кот!

Все смущенно переглядываются. Гай замолкает. Тогда Володя, кашлянув, произносит:

— Ты же знаешь, Гай, это не от нас зависит. Распоряжается Штаб... Корней... Они ни за что не отпустят тебя сейчас. Там разруха, эпидемии, голод... Передают, что...

Гай, не дослушав, расталкивает ребят и убегает к лесу. Драмба широким бесшумным шагом следует за ним.

Почти нагой, в одних трусах бежит Гай по лесу, не обращая внимания на ветки, которые хлещут его по лицу, по груди, по рукам. Зубы его стиснуты, в глазах слезы.

— Не сдамся, не сдамся... — хрипит он. — Не будет по-вашему... Не сдамся...

И вдруг он выскакивает на знакомую крошечную прогалину, окруженную соснами, засыпанную слоем коричневой опавшей хвои. Только вместо муравейника посередине прогалины лежит на земле толстое трухлявое бревно. И знакомый скрипучий голос произносит:

— Будь здоров, Гай, бывший Бойцовый Кот. Что-то тебя давно не было видно...

Гай останавливается как вкопанный, глядит на бревно, затем растерянно обшаривает глазами прогалину.

— Э... — произносит он, с трудом переводя дух. — Это... Горячего солнца и воды... во множестве... Это вы?

— Конечно, это я...

— Понимаю... понимаю... В прошлый раз вы были муравьиной кучей, поэтому я не сразу...

— Ошибаешься. Пока я только подумываю о метаморфозе в муравейник. Как ты догадался?

Сбитый с толку, Гай молчит.

— А это что за чучело? — осведомляется Оборотень.

Гай оглядывается. За его спиной стоит Драмба.

— Это? Это робот.

— Терпеть не могу искусственных носителей разума. Зачем ты привел его?

— Уходи, — шепчет Гай Драмбе. — Подожди меня в лесу.

— Слушаюсь, господин капрал, — отвечает Драмба и скрывается за деревьями.

Гай опускается перед бревном на корточки.

— Все-таки я уверен, — вкрадчиво говорит он, — что в прошлую нашу встречу вы были в виде муравейника...

— Этого не может быть, — неуверенно отзывается Оборотень. — Я же говорю тебе, я только подумываю о том, чтобы перевоплотиться в муравейник...

— Нет, — твердо говорит Гай.

После паузы Оборотень произносит:

— Может быть... может быть. В вашей части Вселенной у нас часто слабеет память. Возможно, я забыл... Ведь ты приходил так давно...

— Всего четыре... нет, пять дней назад!

Оборотень смеется дребезжащим смехом:

— Ошибка! Ошибка! У тебя тоже никуда не годится память, бывший Бойцовый Кот... Ты был здесь не менее двадцати дней назад... Шел дождь, последний дождь в этом сезоне...

— Не было дождя! Нет, был, но потом... гроза...

— Лил дождь.

— Погодите... — Гай вытирает с лица пот. — Скажите мне, почему вы называете меня бывшим Бойцовым Котом?

— Я? Это не я тебя так называю. Ты сам назвал так себя в прошлую... в нашу первую встречу. Я спросил тебя, кто ты такой, и ты прямо так и сказал мне: бывший Бойцовый Кот...

— Я? Я сам себя так назвал? Неправда! Можно Жака спросить, он подтвердит...

— При чем здесь Жак? Ты ведь приходил один, без Жака... и без этого механического уroda... Ты все путаешь, Гай. Ты пришел поздно вечером, и лил дождь, и ты был один, и по речи твоей я принял тебя за помешанного... Неужели не помнишь? И в руках у тебя было какое-то отвратительное железо... оно отвратительно пахло под дождем...

Гай медленно поднимается с застывшим лицом.

— Да... — бормочет он. — Да, я припоминаю... И до этого я никогда не приходил, так?

— Никогда, — отвечает Оборотень скрипучим голосом.

Гай со стопкой чертежей под мышкой входит в мастерскую. Володя под яркой лампой работает — собирает какую-то миниатюрную схему, время от времени «прозванивая» ее тонким игловидным инструментом с крошечной, в булавочную головку, лампочкой на конце. В распахнутые двери врывается обильное солнце, снаружи доносится рассеянное, но очень мелодичное пение Галки.

Володя отрывается от работы и внимательно глядит на Гая.

— Не помешал? — с нарочитой небрежностью, глядя в сторону, произносит Гай.

— Ничуть. Что, готовы чертежи?

— Не все. Ты мне поможешь?

— Давай посмотрим...

Гай подходит к нему, вручает чертежи. Володя разглядывает их, качает головой.

— Молодец, — говорит он. — Отчетливая работа...

— Чего там... — По-прежнему не глядя на него, Гай пожимает плечами. — Нужда подопрет, так и рыбка запоет...

— Поющая рыбка — для нас не ошибка, — рассеянно откликается Володя. — Это что же у тебя такое? — спрашивает он, с любопытством рассматривая чертеж короткой толстостенной трубки.

Лицо Гая заливается краской.

— Сюрприз, говорят тебе! — сердито ворчит он. — Потом узнаешь... Ты мне поможешь или нет?

— Еще бы...

Володя складывает чертежи, подходит к форматору и принимается за работу. Чертеж за чертежом исчезает в щели приемного окна, жужжит наборный пульт, щелкает рычажок, под слабое гудение на несколько секунд меркнет свет, и Гай извлекает и рассовывает по карманам своей маскировочной куртки деталь за деталью — всего пять штук.

— Все? — спрашивает Володя.

— Пока достаточно, — отвечает Гай. — Спасибо, одолжил ты меня...

Володя хлопает его по плечу и возвращается к своей работе.

Ночь. Володя и Гай не спят в своей палатке. Гай сидит на своей постели, понурившись. Володя лежит, заложив руки за голову, и смотрит в нейлоновый потолок, сквозь который просвечивает луна.

— ...Это и у нас было когда-то, — негромко говорит Володя. — Здесь нужно понять, что все эти герцоги, императоры, диктаторы были очень скверные людишки, мелочные, жестокие, просто-напросто хулиганы. От подданных они требовали и кровопролитием добивались беспрекословного повиновения. От соседей — тоже. Ну, тут уж кто кого... Вот как твой герцог Алайский и император...

— Герцог не такой, — хрипло шепчет Гай.

— Все они одним миром мазаны. Гай, дружище, пойми, мне очень неприятно говорить тебе это, ты оскорбляешься, обижаешься, но ведь это так! Вся туша твоего герцога, набитая алкоголем и нечистыми вожделениями, не стоит ногтя с твоего мизинца...

Гай молчит. Володя садится на постели, смотрит на него.

— Старая истина, — говорит он со вздохом. — Лучше раз показать, чем сто раз рассказать... Устал я немного сегодня, и Корней непременно свернет мне шею, но ничего не поделаешь... Ладно, я тебе покажу его высочество герцога Алайского, каким видел его сам. Смотри сюда! — Володя кладет палец себе на переносицу и впивается взглядом в глаза Гая. — Смотри внимательно... внимательно... внимательно...

Глаза Гая расширяются, он судорожно вздыхает, он не в силах оторваться от глаз Володи.

Возникает и нарастает пронзительный звенящий звук. Полутьма палатки заполняется розовым туманом, и сквозь этот туман начинают просвечивать движущиеся образы.

Герцог Алайский, толстый, плешивый, в окружении свиты стоит перед грудой трупов, хохочет, похлопывает по плечу рослого молодчика в маскировочном комбинезоне и плоском, как тарелка, шлеме...

Герцог Алайский пирует в тесном кругу блюдолизов и полураздетых дам, он вдребезги пьян и, пытаясь подняться, валится под стол; его извлекают и ставят на ноги, а он шатается и вдруг пьяным размахом сбивает со стола посуду...

Герцог Алайский в пыточной камере смотрит, как истязают полуголого человека, вздернутого на дыбу, и вдруг, подскочив, расталкивает палачей и принимается избивать жертву тростью; толстое лицо его искажено, из разинутой пасти летят брызги...

— Хватит! — гремит чей-то голос.

Звон обрывается, видение исчезает. Снова в сумраке палатки сидят друг против друга Гай и Володя.

— Хватит... — слабым голосом произносит Гай и боком валится на постель.

Володя проводит ладонями себя по лицу.

— Герцог... — бормочет Гай. — Его высочество... Да что мне в нем теперь? Его, может, уже и в живых нет, если он бежал... Народ у нас сердитый... — Он вдруг снова садится. — Разве в герцоге дело? — кричит он иступленно. — Мне сейчас дома быть надо, дома! Там перемены, там все решается, а я здесь! Нет, не понять вам этого, никогда не понять... в вашем раю...

Речной пляж под обрывом. Жаркий полдень. На песке рядышком сидят Жак и Гай. Жак, весело насвистывая затейливый мотивчик, бросает в реку камешки, ловко делая «блинчики». Гай пригорюнился, обняв руками колени и положив на колени подбородок.

— Сыграем в четырехмерные шашки, — предлагает Жак.

Гай отрицательно качает головой.

— Ну, в трехмерные...

Гай отрицательно качает головой.

— Тогда поборемся?

— Неохота, — со вздохом произносит Гай.

— Жалко, — огорчается Жак. — А то бы я тебя в два счета положил...

Гай не реагирует.

— Слушай, — укоризненно-жалобно говорит Жак. — Перестань. Нос выше. Ну?

Гай бледно улыбается.

— Пойдем, я тебя хоть плавать поучу...

— Иди сам, Жак, иди с богом...

Жак крикает, поднимается, шумно входит в воду и ныряет. Гай рассеянно глядит на реку.

Солнце бьет из бездонной сини, на волнах ослепительно переливаются «зайчики».

Метрах в двадцати от берега реки из воды высовываются ноги Жака.

Гай рассеянно смотрит, вздыхает и отворачивается. Снова смотрит.

Голые ноги не то судорожно, не то азартно подергиваются.

Гай присматривается внимательнее, брови его поднимаются.

Дергаются торчащие из воды ноги, белые пятки сверкают на солнце.

Гай встает, не сводя с них глаз.

Пятки исчезают под водой и снова взбрыкивают, подняв столб брызг.

— Жак, — негромко говорит Гай и делает несколько шагов в воду. — Жак! — вопит он в ужасе. — Драмба! Ребята! Жак!

И, расплескивая воду, он неуклюже бежит в реку, в глубину, на стремнину. Мелькают его растопыренные пальцы, он с головой погружается в воду, выныривает, бьет по воде руками и снова погружается.

Жак, отплеываясь, выволакивает Гая на песок и садится с ним у ног подбежавших Володи и Галки. Галка сейчас же опускается на корточки и берет лицо Гая в свои ладони. Гай тяжело дышит, из носа у него течет вода, глаза закрыты.

— Что случилось? — спрашивает, хмурясь, Володя.

— Не знаю, — говорит Жак. — Просто понятия не имею. Я там на дне сома нашел, большой такой сом, импозантный... Ну, завел с ним беседу, щекочу его, ублажаю всячески... сам знаешь, как с большой рыбой... И вдруг шум, плеск, на меня налетают,

сбивают набок... Сом, конечно, наутек... Вынырнул я, гляжу — тобианин наш тонет, пузыри пускает... Как он там очутился, это же все-таки метров двадцать, а он плавать не умеет...

Гай открывает глаза, пристально смотрит во встревоженное лицо Галки. Нагибает голову, выплевывает воду.

— У-ух... — произносит он. — Испугался я... Думал, ты тонешь...

Наступает пауза. Все смотрят на Гая.

— Ты же... ты же плавать не умеешь, — каким-то вибрирующим голосом произносит Жак.

Гай отпихивает его, встает и ложится на песок лицом к воде.

— Я же говорю, — произносит он раздраженно. — Я испугался... Торчат, понимаешь, ноги... Думал, под корягу его завело или что...

Он замолкает на полуслове. Глаза его выкатываются, челюсть отвисает. Перед ним у кромки воды сидит большая лягушка.

Гай, не вставая, боком ползет от нее, затем вскакивает и с воплем бежит к обрыву. Пытается вскарабкаться, обрывается, падает в тучах обвалившейся сухой глины. Могучие руки Володи подхватывают его, и он замирает.

Ласковый голос Володи:

— Ты так вывалялся, дружище, что непременно придется опять окунуться...

И голос Галки:

— Я сама с ним пойду в реку...

Лагерь гулливеровцев. Столовая под полосатым тентом. Утро. Четверка заканчивает завтрак.

— Что у кого сегодня? — осведомляется Галка.

— Я иду к своему Инобу, — отзывается Жак. — Если не возражаешь, прекраснейшая, беру с собой Володю...

Галка вопросительно смотрит на Володю. Тот кивает.

— А ты? — обращается Галка к Гаю.

— Здесь пока останусь, — говорит Гай, не поднимая головы от тарелки. — У меня дела...

Жак встает, собирает грязную посуду и бросает в мусоросборник:

— Готов, Володька? Пошли...

Четверть часа спустя. Галка, напевая, идет через поляну к своей палатке. Гай догоняет ее:

— Гал!

Она останавливается:

— Что, солдат?

— Слушай, Гал. Это... Ты умеешь работать с этим... форматом?

— Конечно.

Гай протягивает ей стопку чертежей:

— Сделай, а?

Галка разглядывает чертежи.

— Что это такое? — спрашивает она с любопытством.

— Так... Потом узнаешь. Сделаешь?

— Конечно, солдат. Для тебя — все что угодно.

Они идут к мастерской, входят. Вспыхивает свет. Галка поднимает крышку форматора.

— А почему ты Володю не попросил? — спрашивает она небрежно. — Вы не поспорились?

— Что ты! — с жаром говорит Гай. — Конечно, нет... Только... Он с Жаком ушел, и я...

— Все из стали? — прерывает его Галка.

— Да... Там я написал...

Галка принимается за работу. Четыре чертежа, один за другим, исчезают в щели приемного окна, жужжит наборный пульт, щелкает рычажок, под слабое гудение на несколько секунд меркнет свет, и Гай извлекает и рассовывает по карманам четыре детали.

— Всё? — спрашивает Галка.

— Всё...

Галка захлопывает крышку форматора и поворачивается к двери.

— погоди, Галка... — вполголоса произносит Гай.

Галка останавливается и с интересом смотрит на него. Гай решает.

— Когда придет твой звездолет? — спрашивает он.

— Не знаю...

— Я знаю, — говорит Гай. — Через двадцать дней. В первый дождливый день.

Галка поднимает брови:

— Откуда ты знаешь?

— Знаю... Неважно откуда... Куда ты полетишь?

— Не знаю. — Галка похлопывает по нагрудному карману. — Задание опечатано...

Но откуда ты все-таки...

— И ты улетишь... насовсем?

— Да. Сюда я, во всяком случае, уже не вернусь. Придется нам распрощаться, милый мой солдат.

Гай смотрит ей прямо в глаза:

— Гал. Отвези меня на Тобу.

Галка пятится и садится на крышку форматора:

— Тебя... на Тобу?

— На Тобу. Верни меня домой. Тебе ничего не стоит. Посчитаешь... нажмешь на кнопки, и я дома. А?

Галка медленно качает головой:

— Это невозможно, Гай.

Гай опускается перед ней на колени.

— Гал, — шепчет он лихорадочно. — Мне нужно домой. Я не могу здесь больше. Мой дом горит, неужели ты не понимаешь? Да, да, да, ваш мир прекрасен, вы здесь все чистые, добрые, прекрасные. Но ваш мир мне чужой, и вы мне чужие... Мой мир уродлив, у нас все грязные, злые, уродливые, но это — мое... Понимаешь? Мое! Вот я перед тобой... — Он хватает ее за руки. — Я, мальчик из преисподней, я никогда никого не видел прекраснее тебя, но я даже не смею любить тебя, такая ты чужая... Слушай, Гал, вы ведь свободны, вы все можете, верни меня домой!

Он прижимается лицом к ее рукам. Галка смотрит на его стриженую голову, закусив губу, глаза ее полны слез.

— Это невозможно, Гай, — также шепотом говорит она. — Нет, это невозможно...

— Она зажмуривается и трясет головой. — Да, мы свободны, да, мы всемогущи... Но наша свобода и могущество держится на железной дисциплине... Не знаю, понимаю ли я тебя... Кажется, понимаю. Но это невозможно...

Она встает, высвобождает свои руки из рук Гая и выбегает из мастерской.

Гай одиноко стоит на коленях перед серым футляром форматора.

Лужайка в лесу. Горячий полдень. Жужжит шмель, перелетая с цветка на цветок. Паучок неторопливо плетет паутину. Заливаются-чирикают невидимые птицы в вершинах деревьев.

Кусты раздвигаются, и на лужайку выходит Гай. Он хмур и мрачен. Следом гигантской тенью бесшумно появляется Драмба. Гай бросает в траву брезентовый сверток. Сверток падает с глухим звяканьем.

Негромко звучит глиэровская «Песня без слов». Гай как-то грузно, словно обессилив, садится в траву и медленно разворачивает сверток.

Десяток металлических деталей, тускло отсвечивающих на солнце.

Гай лезет в карман и высыпает на брезент пригоршню автоматных патронов. Медь отсвечивает на солнце ярко и радостно.

Россыпь патронов и десяток деталей: ствол, корпус, выдвижной приклад, затвор, пружина затвора, два магазина, две пружины к магазинам...

Гай механически, привычными движениями собирает автомат. Снаряжает магазины патронами. Со щелчком вбивает один магазин в патронник.

Некоторое время он сидит с автоматом на коленях, опустив голову. Затем медленно, с болезненным стоном поднимается на ноги. Поворачивается лицом к огромному старому дереву и поднимает автомат.

Перед ним — улыбающаяся рожица Жака. Его голос:

— Я сам виноват. Растренировался. И потом, разве можно дразнить Бойцового Кота?

Умное, ласковое лицо Володи. Его голос:

— Вся туша твоего герцога, набитая алкоголем и нечистыми вожелениями, не стоит ногтя с твоего мизинца...

Милое лицо Галки. Ее голос:

— Ты мог бы и подождать несколько лет...

Гай опускает автомат. Затем зажмуривается, рывком вскидывает ствол и нажимает на спусковой крючок.

Оглушительная короткая очередь.

Мертвая тишина.

И снова, словно сквозь вату, проступают звуки. Негромкий женский голос, поющий «Песню без слов», чириканье птиц...

Гай с отчаянным лицом поворачивается к роботу.

— А что я еще могу сделать, Драмба? — шепчет он. — Что я могу сделать?

Робот молчит.

Лес. Серый дождливый день. Идет по лесу Гай в своей зелено-коричневой маскировочной куртке, с автоматом на ремне через плечо.

Выходит на знакомую прогалину, окруженную мокрыми соснами. Слой опавшей хвои тускло отсвечивает под серым небом. Нет ни муравейника, ни трухлявого бревна — посередине прогалины возвышается мокрый угловатый камень.

Гай останавливается перед камнем.

— Здравствуйте, — тихо говорит он. — Горячего солнца и воды в достатке...

Скрипучий голос отзывается:

— Здравствуй. Воды сегодня вполне достаточно, а вот солнца я не видел давно. Кто ты такой?

— Да, я забыл, — произносит Гай. — Зовут меня Гай, и я... — Он с горечью усмехается. — Я — мальчик из преисподней. Бывший Бойцовый Кот его высочества герцога Алайского.

— Очень длинно, Гай, — говорит скрипучий голос. — Лучше просто: бывший Бойцовый Кот, что бы это ни значило. Что это за железо ты таскаешь на себе?

— Ничего особенного... Сюрприз для друзей.

— Ужасно пахнет под дождем.

— Извините... Больше не повторится.

— Рад слышать. И так?

— Ничего. Просто я пришел попрощаться. И поблагодарить.

— Очень рад, Гай. Но... я впервые вижу тебя. Что я сделал, чтобы заслужить твою благодарность?

— Неважно. Потом... Мы еще увидимся, впрочем. Очень скоро.

— Не понимаю. Ты пришел попрощаться и обещаешь, что скоро увидимся?

— Я не могу объяснить... Я прощаюсь, потому что сегодня — первый дождливый день.

— Глупости! Дожди идут уже много дней подряд, ты говоришь, как сумасшедший.

— Да, да, да. Простите меня. Да, для вас это последний дождливый день. Завтра для вас начнутся дни солнечные.

— Гм... Для меня. А для тебя?

— Не знаю... Прощайте.

Гай поправляет автомат на плече, поворачивается и уходит в лес.

Лагерь гулливеровцев. Поздний вечер, накрапывает дождь. Костер. Жак, мечтательно прикрыв глаза, наигрывает на «концерто» печальную мелодию в латиноамериканском стиле. Володя сидит рядом, прилебывая из кружки молоко. Галка сидит рядом и слушает. Угрюмый Гай тоже слушает, уставясь в огонь. В тени маячит громадный силуэт Драмбы, его округлая голова странно выделяется на фоне звездного неба.

И вдруг раздается длинный шипящий звук, закончившийся звонким хлопком, словно откупорили бутылку шампанского. Володя живо приподнимается на колени:

— Корабль, Галка!

В центре поляны из вечернего воздуха возникает силуэт корабля — фосфоресцирующая конусовидная масса.

— Ребята, — говорит Жак, откладывая «концерто». — Кажется, кто-то будет сдавать экзамен...

Галка пристально смотрит на Гая. Она бледна, губы ее дрожат. Гай молча поднимается и уходит в темноту.

Галка достает из нагрудного кармана футлярчик, распаковывает его, вынимает бумажную ленту и читает, наклонившись к огню.

— Ну? — нетерпеливо произносит Жак.

— Денеб — двадцать два, база «Саламандра», — слегка дрожащим голосом читает Галка.

Жак издает длинный протяжный свист. Володя спокойно отхлебывает из кружки и говорит:

— Ну вот видишь, а ты боялась... Вполне приличный вариант. Тебе помочь?

Галка мотает головой.

— Он предлагает ей помощь! — произносит Жак, обращаясь в пустоту и тыча через плечо большим пальцем в сторону Володи. — Он предлагает помощь классной звездолетчице, прекраснейшей из координаторов!

— Замолчите, мальчишки, — говорит Галка. — Сейчас я пойду... Ну почему обязательно Денеб? — говорит она, с отчаяньем хлопнув себя по колену и не двигаясь с места.

И в этот момент перед костром появляется Гай.

Он в полной форме Бойцового Кота. Лицо его белое, даже светится в темноте. Губы сжаты в ниточку. Глаза бешено прищурены. Слегка согнув ноги в коленях — так положено по уставу, — он держит перед собой автомат. Дуло направлено на Галку.

— Не двигаться! — напряженным голосом говорит он.

Возле костра — мгновенное неуловимое движение. И вот уже Галка заслонена с одной стороны Жаком, с другой — Володей, но она встает и выходит вперед.

Гай отступает на шаг.

— Еще движение, и я стреляю! — кричит он.

Из опрокинутой кружки у костра льется на землю струйка молока.

— Что ты задумал? — мягко спрашивает Галка.

— Рядовой Драмба! — рявкает Гай. — Действуй!

Гигант-робот выдвигается из сумрака в свет костра, на ходу разматывая моток тонкого блестящего шнура.

Он надвигается на гулливеровцев, огромный, несокрушимый, зловещий. Отблески костра кроваво переливаются на решетке его забрала. В мертвой тишине свистит разматываемый шнур.

Гай отступает еще на шаг.

Трехпалая лапа Драмбы тянется к Володе. И тут Володя небрежно, даже не глядя, протягивает руку к его металлическому поясу. Раздается щелчок, и робот застывает в нелепой позе. Шнурок сматывается с его лапы и кольцами укладывается в траву.

— Слушай, Гай, — говорит спокойно Володя. — Что за глупость ты затеял? Что тебе надо?

Лицо Гая страшно. Глаза вытаращены, на губах пена. Он отступает еще на шаг. Губы его беззвучно шевелятся.

— Все равно... — хрипит он. — Я вас всех перестреляю... Не двигаться! Галка, марш к звездолету!

— Вот это контакт! — весело произносит Жак.

— Да не будет он стрелять, — лениво говорит Володя. — Что вы, не знаете его, что ли?

— Это все из-за звездолета, — грустно говорит Галка. — Он хочет домой. Вы понимаете? Он хочет домой.

— А мы тут при чем? — говорит Жак. — Мы же не можем его...

— А почему все-таки не можем? — отзывается Володя. — Человек хочет домой. Война у него там кончилась...

— Но ведь Корней...

— Жак, — говорит Володя. — На Земле вот уже полтора года люди учат отвечать за свои поступки с десятилетнего возраста.

Гай глядит на них, дрожа всем телом. Ствол автомата давно уже смотрит в землю, но он не замечает этого.

— Гай, — ласково говорит Галка. — Не торчи там, как пугало. Иди сюда, садись.

Гай подходит к костру, держа автомат в опущенной руке. Садится, скрестив ноги и опустив голову.

— Ты и в самом деле так хочешь домой? — говорит Жак. — Или это была игра?

Гай молчит.

— Не знаю, — хрипло произносит он наконец. — Ничего я теперь не знаю...

Он отбрасывает автомат, хватая себя за волосы и раскачивается из стороны в сторону.

— Я ничего не знаю, ребята! Но ведь я должен быть там! Должен! Неужели даже вы этого не понимаете? Должен!

Серый осенний лес. Моросит унылый дождь. Черные корявые, словно обглоданные стволы деревьев. Чахлый кустарник между ними. Земля покрыта слоем мокрой прелой листвы.

Через лес идут четверо. Галка, Володя, Жак — в глухих черных комбинезонах с капюшонами. Гай — в своей зелено-коричневой маскировочной куртке и коротких широких штанах. С плеча на ремне свисает автомат. Лица у всех белые, напряженные.

В кустах у обочины дороги они останавливаются. Дорога неширокая, невероятно разбитая и грязная. Невдалеке, уткнувшись покатым лбом в дерево, стоит сгоревший броневик. Чуть подалее стоит другой, завалившийся правыми колесами в придорожную

канаву. В тишине слышится шорох дождя и отдаленный невнятный шум, словно где-то проходит множество людей.

Гай поворачивается к гулливеровцам.

— Ну... — произносит он и замолкает.

Гулливеровцы молча смотрят на него. У Галки капюшон откинут на спину, лицо у нее мокрое — то ли от дождя, то ли от слез.

— Я пошел, — говорит Гай. — Спасибо за всё. Прощайте.

Володя поднимает руку в прощальном жесте. Жак говорит:

— До свидания, Гай. Береги себя.

— До свидания, Гай, — повторяет Галка.

Гай поворачивается, поправляет автомат и идет по дороге. Гулливеровцы смотрят ему вслед, и вот он уже скрывается за поворотом.

Он идет, оскользясь на грязных рытвинах, обходя глубокие лужи, перешагивая через стволы упавших деревьев. Пинком отбрасывает с дороги конусовидную каску, и она катится в канаву, расплескивая воду.

И вдруг впереди из леса выходят двое и останавливаются посередине дороги. Один — видимо, бывший солдат, высокий плечистый мужик в военной форме с оборванными пуговицами, с мрачной заросшей физиономией. Другой — подросток, ровесник Гая, в такой же, как у Гая, но очень грязной и оборванной маскировочной куртке. Одной ноги у него нет, и он горбится, опираясь на самодельные костыли.

Гай подходит к ним и останавливается. Они хмуро и недоверчиво оглядывают друг друга. И Гай видит на правом рукаве у калеки знакомую нам эмблему: оранжевый треугольник с изображением черного кота, яростно выгнувшего спину.

Солдат спрашивает Гая по-алайски. Гай коротко отвечает. Тогда солдат, бешено оскалив зубы, молча срывает с Гая автомат и швыряет в кусты. Затем дает Гаю оглушительную затрещину. Гай падает, но сейчас же поднимается и стоит, медленно обтирая с лица грязь. Солдат сердито командует что-то и, повернувшись к нему спиной, топает по дороге, разбрызгивая грязь огромными рваными башмаками. Гай покорно идет за ним, а следом за Гаем, мучительно переставляя костыли, плетется калека.

Так они выходят к шоссе, по которому медленно тянется поток беженцев, возвращающихся на родные места, откуда их согнала война. Шагают, плетутся, волочат ноги, тянут самодельные тележки, толкают перед собой тачки, несут детей, сгибаются под тяжестью тюков с жалким барахлом бывшие солдаты, инвалиды, женщины, подростки, старики и старухи, все оборванные, грязные, всклокоченные...

Солдат останавливается и молча указывает Гаю на изможденную женщину, которая с трудом толкает перед собой тележку на двух вихляющих колесах. На тележке, вцепившись в узлы замурзанными лапками, сидят двое карапузов лет трех-четырёх. Гай кивает. Он подбегает к женщине и наваливается грудью на край тележки. А солдат, отобрав у какого-то старика сундук, обвязанный веревкой, взваливает груз на плечо и идет следом за Гаем. И уже веселее скачет рядом с ним на своих самодельных костылях калека-подросток, бывший Бойцовый Кот великого герцога.

Картина шествия беженцев отодвигается в глубину кадра. Она проецируется на большом, во всю стену, экране в небольшой пустой комнате.

Старуха и Корней сидят в креслах и смотрят на экран.

— Ну, вот и конец всем хлопотам, — произносит старуха. — Наши гулливеровцы — молодцы, сынок. Мы хорошо воспитали их. Поздравляю.

Корней хмуро качает головой.

— Не знаю, мать... — говорит он. — Не знаю. Вернуть мальчишку в эту преисподнюю...

Старуха перегибается через подлокотник и похлопывает Корнея по руке:

— Вздор, вздор, сынок. Ты сам в это не веришь. Для нас это преисподняя, а для него — Родина. Родина, сынок! Ему там жить, ему там бороться, ему там строить.

— Но ведь мы...

— А мы ему поможем. На то мы Прогрессоры.

Картина шествия беженцев снова надвигается и заполняет кадр. И вдруг среди тобиан появляется знакомое лицо. По грязному шоссе шагает рыжий скандинав Эрик со шрамом на щеке, обросший щетиной, в таком же рваном обмундировании, что и остальные бывшие солдаты, с внушительным тюком за спиной.

Словно почувствовав, что на него смотрят, он поднимает голову, встречается глазами со зрителем и делает рукой едва заметный приветственный жест. Затем, сразу ускорив шаг, обгоняет одного беженца, другого, третьего... И вот он уже рядом с Гаем и упирается могучей рукой в край тележки.

И они идут, толкая тележку, дальше и дальше, мимо развороченного взрывом дома, мимо сгоревшего броневика, мимо ряда кольев с повисшими на них ржавыми касками...

Для лучшего понимания того, чем новый вариант отличается от предыдущих, далее приведен краткий обзор наиболее характерных его особенностей.

Видимо, в этом варианте сценария исходная дискуссия ситуации (что делать с Гаем?) упрощена в наибольшей степени. Нет ненужной патетики, нет длинных рассуждений о глобальных интересах Земли — есть только судьба очень неблагополучного мальчика с очень несчастной планеты и несколько ответственных людей, твердо решивших помочь ему как можно скорее и как можно лучше. Эти люди не собираются на какие-то «производственные совещания», а решают, что делать с Гаем, прямо здесь и сейчас, находясь рядом с ним. Собственно говоря, эта сцена ближе всего не к прежним вариантам сценария, а к повести «Парень из преисподней».

Дальнейшие события до попадания Гая в группу достаточно похожи на описанные в прежнем чистовике. Сделаны небольшие, но любопытные дописки (например, то, как Корней облегчает Гаю стрессовое состояние «наложением рук», или его реплика «Пустяки. Иногда мы спасаем целые народы... целые планеты...») Убирается ряд фрагментов — от мелких (это, например, использование нуль-кабины для отправки посылок) до более крупных (разговор Корнея с Эриком в обличье тобианского инвалида войны, его же видеобеседа с Серафимой Петровной о выборе полевой группы для Гая). Уточняются некоторые слова и поступки Корнея (он не обещает, к примеру, попусту «Ты еще славно попутешествуешь, дружок, даю тебе слово» и не устраивает слежки за Гаем, когда тот пытается воспользоваться нуль-кабиной). Слишком точная информация о гулливеровцах («А через месяц придет их звездолет...») заменяется более обтекаемой («К ним иногда приходит звездолет»), а категорическое утверждение «...они возьмут тебя с собой на Луну, на Марс... посмотришь другие миры...» смягчается добавлением «может быть».

Сцена появления Гая у гулливеровцев переписывается с учетом того, что Левы в этом сюжете больше нет, остальные ребята ожидают в лагере позже, так что встречает Гая один Володя. И далее многие сцены с участием Левы либо отсутствуют, либо переделаны так, что его функции выполняет Володя. Галка прибывает через нуль-Т во время разговора Володи с Гаем и крайне смущает последнего непринужденным переодеванием в гулливеровскую униформу.

Эпизод с пением «Детей Тумана» у костра упрощается и расписывается «на два голоса», а далее звездолет «призрак» доставляет Жака с серьезным учебным заданием — для контакта с неким существом, именуемым Иноб, он же Инопланетный Оборотень. (По чьей инициативе и по каким соображениям, кроме достаточно незатейливой возможности намекать на будущее некоторых персонажей, был введен в сюжет этот классический контрамот, сейчас уже вряд ли можно установить.) Далее песне Гая предшествует танец Галки.

В драке Гая с Жаком изменен ряд подробностей. Например, нет предупреждения Володи («Гай, оставь нож...»), но зато уже после инцидента он тихо говорит Гаю: «А ведь ты всерьез хотел убить Жака. Зачем же так? Нехорошо...»

Далее несколько прежних страниц (про то, как сначала Галка ищет конверт, потом Жак — «сережку», а Гай потом размножает патроны) заменяются либо сильно переделанным, либо совсем новым текстом. Гай пытается приставать к Галке, потом — после купания — в первый раз идет к Оборотню и слушает его странные речи (в том числе про «бывшего Бойцового Кота»). Будущие Прогрессоры встречаются с Идой и Раджабом, Гай слышит про штурманскую практику Галки и скорое прибытие звездолета, а уже потом следует копирование патронов.

Убираются сцены, где Гай сначала приказывает Драмбе повредить бытовой комбайн, а потом под видом ремонта УКБ занимается черчением и с помощью Володи делает детали к

автомату — с последующей сборкой и пристрелкой оружия. (Вопрос о том, должен ли будущий Прогрессор иметь хотя бы элементарное представление о внешнем виде автоматного ствола, видимо, был сочтен менее важным, чем интересы сюжета.) В новом сценарии происходят другие события. Сначала Гай проводит с Драмбой тренировку по связыванию и выясняет, умеет ли он чертить, а затем добывает готовальню и, условно говоря, бумагу. Тут в лагере появляются старуха и Эрик, Гай подтверждает, что Эрик похож «на алайского солдата, инвалида войны». Следует примечательный разговор со старухой, во время которого Гай говорит, что ничего не рассказал бы герцогу Алайскому об этом мире, ибо это было бы «государственной изменой». После отбытия гостей Драмба продолжает заниматься черчением, но тут приходит весть, что на Тобе кончилась война, и Гаю говорят, что сейчас его туда непустят.

В прежнем чистовике дело после этого движется к финалу (прибытие звездолета, бунт Гая, возвращение), в новой же редакции до этого происходит еще довольно много событий. Следует очередной визит к Оборотню (с повторением слов про бывшего Бойцового Кота). Володя по чертежам делает для Гая часть деталей к автомату (с тем же вопросом о назначении «короткой толстостенной трубки» и с тем же неубедительным объяснением). Ночью Володя «проецирует» Гаю свои воспоминания о разных нехороших сторонах жизни герцога Алайского, а Гай заявляет, что должен быть дома и что дело не в герцоге («Там перемены, там все решается, а я здесь! Нет, не понять вам этого, никогда не понять... в вашем раю...») На следующий день плохо умеющий плавать Гай бросается спасать якобы тонущего Жака. Остальные детали к автомату по просьбе Гая делает на форматере Галка, но она отказывает ему в просьбе отвезти обратно на Тобу. Производится испытание автомата. Гай в третий и последний раз идет к контрамоту-пришельцу и на сей раз действительно представляется как «Бывший Бойцовый Кот его высочества герцога Алайского». Прилетает звездолет, и дальнейшие события (с поправкой на отсутствие Левы) мало отличаются от финала предыдущего сценария.

В дневнике АНС отмечено, что перепечатка нового сценария делалась в двадцатых числах ноября 1973 года, к 1 декабря чистовая рукопись была сдана на Сценарную студию.

Худсовет состоялся через два месяца, 1 февраля 1974 года — в тот же день, когда в Москве продолжилась работа Авторов над черновиком повести «Парень из преисподней». АНС записал в дневнике 5 февраля: «Разнесли вдребезги, особенно старался некий Женя Григорьев, как говорят, лучший ныне сценарист. Однако как 1-й вариант приняли, и это подтвердилось вчера, когда вместе со Шлепяновым мы составили заключение. Заключение вышлют, деньги 10% тоже». Любопытное соответствие: на следующий день, 6 февраля, был дописан черновик повести «Парень из преисподней».

К дальнейшей работе по сценарию на некоторое время подключается режиссер Юрий Борецкий, прежде занятый другими проектами. В дневниковых записях АНС первой половины 1974 года новый сценарий кратко обозначается то старой аббревиатурой МиП(с), то как ПиП(с). На самом же деле было уже принято новое название: «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю».

Долгое время считалось, что этот текст необратимо утрачен (так сказано и в «Комментариях к пройденному» БНС). Позже оказалось, что один полный чистовик с этим заглавием и некоторые черновые материалы все-таки уцелели. Это как раз тот вариант (2-й по обозначению в дневниках АНС), который делался при участии Борецкого, что подтверждается и указанием фамилии режиссера на титульном листе. Именно этот текст представлен в первом разделе данного тома как архивный материал. Были и более поздние варианты сценария с тем же названием, но их пока разыскать не удалось.

План переделки прежнего сценария содержится в письме, которое Ю. Борецкий направил в коллегия Сценарной студии, видимо, в первой половине марта 1974 года. Это, собственно, единственный сохранившийся источник, позволяющий судить о тех изменениях, которые АНС совместно с автором письма предполагали сделать, а не о тех, которые действительно были сделаны. Вот как выглядит этот текст с некоторыми сокращениями.

Мы с Аркадием Стругацким тщательно проанализировали сценарий, замечания участников обсуждения: Е. Григорьева, Б. Метальникова, А. Кончаловского и др. Аркадий Стругацкий вместе со мной наметил план переделки сценария. Сценарий, что называется, будет «прописан» заново от начала до конца. Вот как это будет выглядеть.

После пролога непосредственное действие фильма начнется с суда над Корнеем. Его судит трибунал прогрессоров. Корней обвиняется в тягчайшем преступлении, он вмешался в жизнь иной цивилизации, похитив оттуда Гая, он, тем самым, нарушил естественный ход развития этой цивилизации.

Тут я должен сделать некоторое отступление. Мы с автором пришли к выводу, что всевозможные «утопические» интерьеры, аксессуары и пр. должны быть категорически исключены из нашего фильма. Уровень цивилизации Земли таков, что людям, например, не нужны уже какие-либо летательные аппараты, они сами научились летать. Кстати, это тоже одно из немаловажных изменений, которое будет внесено в сценарий.

Итак, суд над Корнеем — острая, драматическая сцена. Корней яростно отстаивает свою правоту: «Не может человек равнодушно смотреть на страдания другого, пусть даже инопланетчика — иначе он перестает быть человеком». Однако факт преступления налицо, и трибунал выносит суровое решение: «Приговорить к высшей мере наказания — к одиночеству».

В отношении Гая трибунал принимает несколько неожиданное решение — раз уж мальчик из преисподней оказался на Земле, то его следует послать к сверстникам, будущим прогрессорам. Пусть не только он поучится у ребят Земли, но и они у него поучатся. «Слишком они стерильны растут у нас. Мы оградили их от всех бед и несчастий, от горя и страданий, от ненависти и отчаяния. А ведь там, где им предстоит работать, они столкнутся со всем этим...»

И Гая направляют в лагерь прогрессоров... координатором, командиром.

Такой поворот дает возможность для ряда порой забавных, а порой и остродраматических ситуаций.

Так Гай с помощью ребят и, естественно, чудодейственной техники будущего (кстати, вся тема робота будет исключена из фильма) возвращает к жизни древний танк, вросший в землю после боев, которые гремели здесь когда-то, триста лет назад. Разъезжая на танке, он проводит с ребятами «учения».

Ребят посещает Корней. Это последний его день на Земле, с людьми. Корней ведет Гая к братской могиле среди древних, покрытых шрамами деревьев.

Эта земля, эта могила, эти деревья помнят, что происходило здесь триста лет тому назад. Не надо никаких теле- и киноэкранов, по приказу Корнея память земли и деревьев материализуется в зримые образы, и перед потрясенным Гаем предстает яростная картина давнего боя. Гай поражен мужеством и отвагой людей. Он не может сдержать слез, видя как на его глазах гибнут советские воины. Он пытается броситься к ним на помощь, но Корней удерживает его, изображение боя исчезает.

За всем происходящим наблюдает пожилая женщина, председатель трибунала. Отослав Гая, она остается наедине с Корнеем. Далее следует ключевая остропсихологическая сцена, в результате которой женщина признается Корнею, что ее, маленькую девчонку, спас из-под огня триста лет назад пришелец из будущего. Тогда был бой, и это спасение стоило жизни многим нашим бойцам. Погиб здесь и дальний предок Корнея. Еще и еще раз она доказывает Корнею преступность его поступка. Однако мы понимаем, что по-своему прав и Корней.

Этот разговор слышит Гай. Теперь он понимает, что именно он, его спасение из преисподней — причина беды Корнея. Гай принимает решение.

Именно отсюда начинается история с изготовлением автомата. Только Гаю помогает не робот, а сами ребята, словно не подозревающие о конечной цели своей работы.

Автомат готов. Гай приходит проститься с Оборотнем (этот образ кажется мне чрезвычайно интересным, его следует разработать более широко и подробно).

Далее следует эпизод «Бой Гая». Гай подводит свой танк к братской могиле, вызывает картину боя и бросается на своем танке в самую гущу схватки. Мотор глохнет. Гай вылезает из люка и начинает яростно строчить из автомата по бесплотным теням фашистов.

Встревоженные выстрелами, бегут ребята. Изображение боя исчезает, перед Гаем растерянные ребята. Именно здесь происходит разговор, в котором Гай требует, чтобы его отправили обратно. Он должен быть снова там, в преисподней, чтобы быть вместе со своим народом, чтобы спасти Корнея.

Гай угрожает ребятам, наставив на них автомат.

Далее новый вариант сценария не будет иметь существенных расхождений с первым.

Нетрудно догадаться, что слишком простое обсуждение того, что делать с Гаем, без малейших оргвыводов в отношении спасшего его Прогрессора кому-то из обсуждавших сценарий сильно не понравилось. Поэтому в мир будущего вводится карательный орган — и не придуманная когда-то Конфликтная комиссия, а звучащий куда более грозно трибунал. Непонятно, правда, вот что: если Корней, по необходимости спасая гибнущего мальчика, совершил тяжчайшее преступление (ибо «вмешался в жизнь иной цивилизации» и, хуже того, «нарушил естественный ход развития этой цивилизации»), то по каким юридическим меркам следует оценивать повседневную деятельность Прогрессоров, институт которых ради этого вмешательства, собственно, и создавался?

Весьма спорна также идея направить Гая «в лагерь прогрессоров... координатором, командиром». Наделение Бойцового Кота даже толикой реальной власти, позволяющей ему, мало что понимая в жизни Земли, активно в нее вмешиваться и подчинять себе даже небольшое число людей, возможно, и дает возможность реализовать ряд «забавных, а порой и остродраматических ситуаций», но особо убедительным и взвешенным это решение трибунала не выглядит.

Сцена с братской могилой и танком представляется малоудачной инверсией сцены из ПИП, где Гаг приказывает Драмбе повалить обелиск. Странное впечатление производит также эпизод, когда «пожилая женщина, председатель трибунала», рассказывает, как «ее, маленькую девчонку, спас из-под огня триста лет назад пришелец из будущего», что якобы «стоило жизни многим нашим бойцам» (не исключено, что здесь объектом инверсии стал более ранний сценарий АНС «Гость из Полудня», в работе над которым тоже принимал участие Борецкий).

Возможно, впрочем, что задачей письма было показать готовность принять все претензии, включая самые нелепые, чтобы сценарий вообще не «завернули», а уже потом, в рабочем порядке внести куда менее жесткие правки. Во всяком случае, содержание нового сценария этой гипотезе не противоречит — совсем уж явные благоглупости туда не попали. Но многое из написанного — чистая правда: в сценарии не будет больше Драмбы, там появятся сцены с муштровкой гулливеровцев (с формой, хотя и без танка, да и назначают Гая командиром не сразу), гораздо меньше станет всяких футуристических технологий...

15 марта 1974 года (через две недели после завершения чистовика «Парня из преисподней») АНС написал брату: «На следующей неделе начинаем с Борецким делать окончательный вариант МиП(с). Требуется сдать его пятого апреля. Возможно, придется затребовать сюда тебя, но не исключено, что я просто проработаю его с Борецким подробно и приеду в Ленинград дня на три в самом конце срока. Посмотрим, как будет удобнее». Подготовка нового сценария шла в двадцатых числах марта 1974 года и, как следует из дневника АНС, завершилась 30 марта на 75-й странице. А 2 апреля 1974 года АНС записывает в дневнике о внесении в готовый сценарий еще некоторых уточнений: «Вчера переделали с Борецким ок<оло> 8 стр. сценария, и он отнес на студию перепечатывать. Говорят, будет готова (1-я закладка) 8 апреля. Тогда сдадим, а 2-ю закладку сразу к Суркову в журнал». Упоминание журнала связано с тем, что новый вариант сценария предполагалось напечатать в журнале «Искусство кино», но эта публикация не состоялась. 13 апреля 1974 года в письме к брату АНС подводит промежуточный итог: «Отпечатан и сдан в Сценарную студию последний вариант «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю». Будем ждать худсовета. Юра Борецкий читал рукопись нижним чинам из Комитета по кино, они считают, что этот сценарий должен пройти Комитет без задоринки».

К этому же этапу работы относятся некоторые заметки. Часть их касается сцены трибунала: это отдельные реплики, довольно точно использованные при переделке текста. Другая часть набросков касается «гулливеровских» сцен. Здесь выстроено порядок определенных событий.

n. Встреча с лже-офицером и разоблачение его.

n+1. Гай, Галка, Яшка. «Я — предатель?»

n+2. Уход в лес, пальба из автомата.

n+3. Угроза, требование вызвать звездолет. Финальная сцена.

n+4. Финал.

m. Известие о падении герцога.

m+1. 3-я встреча с оборотнем (Корней убит, Гай — великий человек, Володя тоже кто-то).

m+2. Уход Володи: ночная сцена, прощание с узбечкой.

m+3. Разговор с Корнеем: почему меня не отпускают?

Идея: постройка казармы! будка часового! «Эх, маловато вас... Я из вас сделаю паукобойцев».

На том листке дополнительно записано: «На трибунале — представитель антагонистической организации». Это, собственно, возврат к сюжетному ходу из раннего сценария.

И, наконец, делается очередной полный план событий. Номера страниц указывают, видимо, на прежний вариант сценария. По плану хорошо заметно, что часть событий идет теперь совсем в ином порядке, а кое-что введено заново. Если в первых вариантах сценария Гай попадал в полевой лагерь почти в середине сценария, а позже — хотя бы после первой его трети, то сейчас это происходит очень быстро: основная часть ранних эпизодов изъята, сильно сокращена или перенесена в другое место. Некоторые первоначально введенные пункты вычеркнуты. Убраны, например, «попытка к бегству» Гая через нуль-кабину и сцена, где «скандинава назначают на место Корнея и отправляют на подготовку, Корнея назначают курировать гулливеровцев». Вводятся, но затем вычеркиваются упоминания тренировки Гая и гулливеровцев с неким «боевым пауком» (а еще раньше — с танком). Удаляются также пункты «Сцена с Галкой: что же я наделал, объяснение в любви и в безнадежности любви — между нами не только парсеки, но и кусок истории» (в сценарии этот разговор есть, но уже в конце, на Гиганде, заменившей в новом сценарии Тобу), а также «сбор автомата и апробирование его». Вот какой вид принимает этот план с учетом всей сделанной правки.

1. Пролог. 1–3.
2. Титры. Из титров — летят Корней с Машей, «ни пуха, ни пера», крыша дома старухи.
3. Трибунал. В старомодной квартире старухи. За окнами — старая улица, крыши, вороны, покосившиеся...
4. Пробуждение Гая. 3–10. Затребовал куртку, пояс с ножом.
5. Лагерь прогрессоров. 27–29. Знакомство. 30–40.
6. Сцена на берегу моря, Корней и Маша. Заронить мысли о командировке Гая.
7. Лагерь прогрессоров. 41–45.
8. Драка с Жаком. 46–52.
9. Оборотень, сцена 1-я. 56–58.
10. У воды. 52–53.
11. Прибытие в лагерь старухи, Корнея и киргиза. Назначает Гая командиром. 68–73. Гай выдвигает требование: форма, инструктаж, танк.
12. Сцена муштровки. 25–27. Казарма, форма.
13. Гай и Галка. 53–54. Приезд гостей. 59–65. Мультипликатор.
14. Оборотень, сцена 2-я. Как сделать автомат. 76–78. Сообщение о близкой гибели Корнея.
15. Гай заставляет ребят чертить детали автомата. 78–79. Корней со старухой. Старуха уединяется с Володей.
16. Корней и Гай в степи. 21–25. Гай требует у Корнея помощь Герцогу. В благодарность за спасение — не ездите никогда с Земли. 14–17. По возвращении.
17. Корней и старуха разговаривают, Гай подслушивает. Выскакивает: почему вы меня здесь держите, когда вы сами были таким?
18. Старуха сообщает, что кончилась война. Тогда отпустите? Нет, говорит старуха. Он в плаче бежит через лес — встреча с обрадованными ребятами — он не слушает, бежит к оборотню.
19. Сцена с оборотнем. 88–90.
20. Уход Володи — ночная сцена.
21. Сцена с бронемастером.
22. Гай удирает, палит из автомата, за ним прибегают Галка и Яша, он берет их на мушку, требует звездолет. 91–97.

Это еще не окончательная запись эпизодов нового сценария. Кое-что будет меняться и дальше — иногда лишь в мелочах (скажем, старуха, которую здесь зовут Серафима Трофимовна, и Корней прибывают в лагерь вдвоем, а в плане еще указывался некий киргиз), а порой и в более существенных для нового сюжета подробностях (к примеру, когда Оборотень именуется Гая «председателем первой Алайской коммуны»).

Что касается предпоследнего пункта, то эпизод с поддельным бронемастером перенесен в сценарий — с небольшими вариациями — из повести «Парень из преисподней». При этом Гай еще и подводит итог проделанного им разбора ошибок: «Вот так. Считайте, что вас разоблачили... не знаю, как вас там зовут... и поставили к стенке как шпиона. Всего наилучшего».

Кроме того, в плане отсутствует концовка, в которую, вопреки письму Ю. Борецкого, вносились существенные изменения. Возвращение Гая домой обернется трагедией — доставившая его туда Галка погибнет от руки безумного мальчишки-имперца (при похожих обстоятельствах умрет, кстати, и Кира в пьесе «Без оружия»), а Гаю не удастся повторно предупредить Корнея о грозящей опасности...

Из сценария остается непонятно, сумел Гай пострелять из своего самодельного оружия или нет. Из плана этот пункт вычеркнут, та сцена, что была в прежних вариантах, изъята, придуманного заново эпизода со стрельбой у братской могилы в новом чистовике нет. А как раз тогда, когда Бойцовому Коту вроде бы надлежит стрелять без раздумий (во врага-имперца, да еще и в убийцу Галки), Гай опускает автомат...

Сохранился еще неполный комплект страниц того же чистовика с двумя дописками. В сцене, где Галка переодевается, добавлено: «Жак, закотив глаза, изображает крайнее восхищение», а Володя не просто говорит о смущенном Гае, что он в восторге, а «сухо говорит». Вторая вставка сделана в последний разговор Гая с Оборотнем, хотя напрямую с этим текстом не связана.

— Так ты вернешься к нам?

— Вернусь. Сейчас же. Но ты уверен, что Володя жив?

Возможно, этот фрагмент должен был присутствовать в каком-то ином контексте в следующем варианте сценария, но об этом можно лишь гадать: апрельский сценарий «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю» на сегодня является последним доступным для исследования материалом, от более поздних редакций не удалось пока найти ни единой строчки.

23 мая АНС сообщает брату: «Соловьев сказал мне: как ваши друзья мы сделали все, что могли. Теперь мы должны выступать как хозрасчетная организация. Ну и поступили — отдали сценарий на студию Горького, там уже соперничество трех режиссеров из-за него. Но вот когда будет обсуждение и окончательный расчет — нам не говорят».

В августе 1974 года в дневнике АНС появляется целая серия записей, из которых следует, что недалеко переход от сценария к фильму. Так, 20 августа говорится: «Одесская студия включила сценарий в производство 76-го года, дали гарантийное письмо, имеется режиссер. Будет коллегия с режиссером, там решится, окончат<ельный> вариант или 2-й». «2-й вариант» здесь — последний существующий на тот момент, а окончательный (он же 3-й) — тот, который, возможно, придется делать с учетом замечаний режиссера. 23 августа добавляется некоторая конкретика: «Стало известно: режиссер Александр Игишев. Фильм в плане 75-го с переходом на 76-й».

11 сентября АНС записывает: «4 сентября — сценарная коллегия, утвержден 2-й вариант «Мип»(с). Задано сдать 3-й окончательный вариант 4 ноября. След<овательно,> сделать надо до середины октября». 25 сентября появляется запись: «Виделся с режиссером, определили, что исправлять. Намерен сделать дней за 10». 7 октября фиксируется итог: «Вчера закончил III вар. БКВвП. Сегодня повезу в Сцен<арную> студию».

17 октября АНС пишет брату: «Сценарий благосклонно (хотя и не без занудных, но в общем правильных правок) принят редактором и сдан на машинку там же на студии. <...> Режиссер, полностью удовлетворенный, выехал в Одессу (вернее, выедет завтра, унося своему начальству в клюве два экземпляра). Здесь готовятся веские положительные отзывы заслуженных товарищей для атаки Киевского Госкино». 15 декабря уточняется: «В Сценарной студии сценарий приняли полностью. Но как насчет денег — пока неясно».

Между тем, в советском кинематографе существовали инстанции поважнее Сценарной студии. В руководстве Госкино СССР о новом сценарии Стругацких сложилось весьма нелестное мнение. Из последующих воспоминаний Авторов известно, что существенную лепту в «закрытие» фильма внес тогдашний главный редактор Главной сценарной редколлегии Д. Орлов. Некоторые важные вопросы Стругацкие обсуждали в то время по телефону, дневниковые записи и письма позволяют уловить лишь общую канву событий, но и эта информация достаточно красноречива. 6 февраля 1975 года АНС записывает: «Сценарий будут утверждать в ГК. Сволочи». 11 марта он пишет о намеченной вскоре редколлегии в Госкино с его участием. Обсуждение сценария

проходит 19 марта, никаких подробностей о нем в дневнике нет, но 23 марта АНС записывает: «Завтра 15–17 — в Сцен<арную> Студию за сценарием». Позже Авторы без обиняков говорили в беседах с читателями о запрете сценария, а БНС в «Комментариях» называл и основной формальный повод: «Говорилось что-то о пресловутом и надоевшем уже “экспорте революции”».

Судя по всему, начальственное раздражение было серьезным, но какие-то претензии надо было попытаться учесть. Полностью убрать из сценария «прогрессорскую» составляющую было, разумеется, нельзя, речь могла идти только о каком-то уточнении акцентов по правилам этого театра абсурда, когда экспорт революции был неотъемлемой частью советской внешней политики, но декларативно отрицался в литературе и искусстве. 7 апреля 1975 года в рабочем дневнике Авторов появляется запись: «Сделали поправки к ПИП-С». О том же пишет в своем дневнике 11 апреля АНС: «Вернулся из Л<енингра>да. Сделано: сценарий ПИП и заявка для Тарковского». 22 апреля АНС отмечает: «18-го отнес в СценСтуд<ию> ПИП(с), сдал Галине Васильевне. Ответа нет». 1 июня записывается: «ПИПс — в Госкино. Решение должно быть днями». После этого наметился какой-то прогресс в финансовом отношении, и Авторы смогли получить очередную часть предусмотренных договором денег. А 9 октября 1975 года АНС сообщает брату: «Зашевелились в Госкино. ПИПс прочитал Павленок (еще раз) и одобрил. Теперь надо бороться с Дая Орлова, главреда. 22-го надо быть у него с Соловьевым. Соловьев просил получить на сценарий рецензию «видного теоретика фантастики», но я постараюсь его уговорить не делать таких глупостей. Что Орлову Бритиков или Кагарлицкий? Сами управимся».

Однако негативное мнение о сценарии в высоких кабинетах, надо полагать, уже сложилось, и опровергнуть его не могли ни косметические доработки текста, ни сколь угодно обоснованные рецензии. Нелепые намеки на «экспорт революции» были, скорее всего, лишь поводом, истинная же причина называлась кулуарно, но все же осталась запечатленной для истории. 1 марта 1976 года АНС после встречи с А. Тарковским записывает с его слов пересказ мнения тогдашнего председателя Госкино Ф. Ермаша: «Стругацкие — сложные люди, их сценарий (БКВвП) — сионистская пропаганда, призывающая евреев объединиться, вернувшись на родину, и воевать. Андрей считает, что это предупреждение: сценарий по ПНО могут зарезать». В тот же день он описывает этот разговор брату, приведя также мнение Тарковского, что «все это работа главреда Госкома Дая Орлова». На работу над фильмом «Сталкер» это, впрочем, серьезно не повлияло, а вот судьба «Бойцового Кота...» стала вполне ясной. Однако Авторов это уже не особо беспокоило: обдумывались и писались новые повести, новые сценарии, а бесконечно продолжать одну и ту же старую работу больше не хотелось. БНС замечает в своих «Комментариях» по этому поводу: «Ну, запретили и запретили. И ладно. Ничуть не жалко. Мне этот сценарий никогда не был по душе (как и подавляющее большинство наших сценариев), да и АН был от него не в восторге».

Впрочем, некое продолжение все-таки было. 8 августа 1978 года АНС записывает в дневник: «Звонила Галина Васильевна Сенчакова со Сценарной студии, хочет встретиться по поводу ПИП(с) — по второму кругу. Встреча предполагается в след<ующий> вторник 15-го». Сразу после этой встречи АНС записывает: «Ездил к Галине Васильевне в Сцен<арную> студию. Попросила до 25-го сделать поправки в БКВвП(с), мало-мальски соответствующие идиотскому заключению Госкино в 75-м году. Будут продавать для постановки какой-либо студии». Но АНС, похоже, настолько устал от надуманных претензий, что утратил всякий интерес к продолжению работы, занявшей и без того неприлично много времени и не имевшей серьезных перспектив. Никаких поправок он не сделал, поэтому через несколько месяцев со стороны Сценарной студии была предпринята последняя попытка вмешаться в это дело. 8 января 1979 года АНС записал: «Звонила Галина Васильевна Сенчакова, настаивает, чтобы я в сценарии переделал хоть одну страницу и вернул для Комитета». На сей раз просьба была удовлетворена, 18 января в дневнике АНС появилась запись: «Перепечатал полторы страницы в сценарии. Пусть подавятся». 24 января записано: «Отвез Сенчаковой сценарий. Вопрос о названии остался открытым».

Финал этих событий выглядел так. В октябре 1979 года с АНС связался киевский режиссер и сценарист Е. Шерстобитов, занимавшийся детским и приключенческим кино; ему была вручена копия сценария. А 1 ноября в дневник АНС вносится самая последняя запись, относящаяся к этой бесконечной и бесплодной эпопее: «Звонила Сенчакова из студии Сценарной. Сообщила, что сценарий пускался в Госкино по второму кругу, был снова отвергнут, но! Киевское Госкино его затребовало, и его выслали им. А м<ежду> п<рочим,> именно с подачи киевлян сценарий был в свое время забодан!» Далее этот вопрос был, видимо, окончательно предан забвению.

Для полноты картины следует сказать, что безуспешная попытка сделать телефильм по ПИП предпринималась в восьмидесятые годы К. Бромбергом, только что снявшим «Чародеев». 15 января 1983 года АНС записал в дневнике: «Бромберг очень хочет ТББ, но согласился на ПИП. Вероятно, придет завтра за сценарием. Мое дело — продать право экранизации». Но никакой новой сценарной работой Авторы заниматься здесь больше не собирались, а в 1985 году АНС отказался даже сочинять заявку на гипотетический телефильм по «Парню из преисподней»...

Вот и вся история, связанная с этим замыслом и попытками его осуществления. Сюжет не пропал втуне, на его основе была написана повесть «Парень из преисподней» — пусть не самая выдающаяся у Авторов и не особенно ими любимая, но пользующаяся устойчивой и вполне заслуженной читательской популярностью. А фильм так и не вышел. Надо ли об этом жалеть? Имела ли шансы эта работа стать чем-то значительным, будь она воплощена на экране? Вряд ли. Возможности советского кинематографа по адаптации фантастических сюжетов были слишком скромны, а попытки снять нечто фантастическое слишком часто приводили к оглушительным провалам. (Исключения бывали, но крайне немногочисленные.) Сделать очередной плохой фильм с топорными декорациями и неубедительной актерской игрой было легко — особенно при спорных моментах самого сценария, которые не слишком одаренный режиссер мог только усугубить. Так что, возможно, все случившееся — к лучшему. Что же касается сохранившихся сценарных материалов, то ознакомление с ними — полезное и в какой-то мере даже увлекательное занятие, позволяющее читателям полнее и ярче представить себе удивительную панораму характеров и событий, описываемую понятием «Мир Будущего по Стругацким».

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий Три открытия Акутагава Рюноскэ

Акутагава Рюноскэ. Новеллы. — М.: Худож. лит., 1974.

I

Вот какой рассказ появился в октябре 1916 года в японском литературном ежемесячнике «Тюо корон».

Профессор Токийского императорского университета, специалист в области колониальной политики, сидел на веранде в плетеном кресле и читал «Драматургию» знаменитого шведского писателя Стриндберга. Странно было подумать, что всего каких-нибудь пятьдесят лет назад обо всем этом и мечтать не приходилось — ни об Императорском университете в Токио, ни о колониальной политике, ни о проблемах европейской драматургии. Прогресс налицо. И особенно заметен прогресс в материальной области. Победоносно отгремели пушки отечественных броненосцев в Цусимском проливе; страна покрылась сетью железных дорог; распространяются превентивные средства из рыбьего пузыря... Но вот в области духовной намечается скорее упадок, а профессор лелеял мечту облегчить взаимопонимание между народами Запада и своим народом. Он даже знал, на какой основе должно строиться это взаимопонимание. Бусидо, «путь воина», это специфическое достояние Японии, прославленная система морали и поведения самурайства, сложившаяся шесть веков назад. Конечно, не все в ней годится для целей профессора, но основное — требование жесткой самодисциплины и добродетельной жизни — явно сближает дух бусидо с духом христианства.

Профессор вперемежку листал Стриндберга и размышлял о судьбах японской культуры, когда ему доложили о приходе посетительницы. В приемной ему представилась почтенная, изящно одетая женщина — мать одного из студентов. Усадив посетительницу за стол и предложив ей чаю, профессор осведомился о здоровье ее сына. К его величайшему смущению, выяснилось, что юноша умер и что гостья пришла передать профессору его последнее «прости». Некоторое время они обменивались малозначительными репликами, причем профессор заметил одно странное обстоятельство: ни на облике, ни на поведении дамы смерть родного сына не отразилась. Глаза ее были сухие. Голос звучал совершенно обыденно. Иногда она даже улыбалась как будто. Профессор поразился, от холодности и спокойствия соотечественницы ему стало не по себе. И тут произошло вот что. Случайно уронив веер, профессор полез за ним под стол и увидел руки гостьи, сложенные у нее на коленях. Эти руки дрожали, и тонкие пальцы изо всех сил мяли и комкали носовой платок, словно стремясь изодрать его в клочья. Да, гостья улыбалась только лицом, всем же существом своим она рыдала.

Проводив гостью, профессор вновь уселся в кресло на веранде и взял Стриндберга. Но ему не читалось. Мысли его были полны героическим поведением этой дамы, и он растроганно и с гордостью думал о том, что дух бусидо, дух жестокой и благородной воинской самодисциплины поистине вошел в плоть и кровь японского народа. В эту минуту рассеянный взгляд его упал на раскрытую страницу книги.

«В пору моей молодости, — писал Стриндберг, — много говорили о носовом платке госпожи Хайберг... Это был прием двойной игры, заключающийся в том, что, улыбаясь лицом, руками она рвала платок. Теперь мы называем это дурным вкусом...»

Профессор растерялся и оскорбился. Оскорбился не за даму, а за свою взлелеянную простодушную схему, в которую так четко укладывалось это происшествие. И ему в голову не пришло, что героическое поведение гостьи могло объясниться причинами, к которым пресловутые понятия военно-феодальной чести не имеют никакого отношения...

Так примерно выглядит откомментированное содержание одного из ранних рассказов Акутагава Рюноске «Носовой платок».

Невооруженному глазу заметна брезгливая усмешка автора по поводу мечтаний злополучного профессора сделаться идеологом японской культуры на основе бусидо, этой действительно специфической смеси клановых воинских традиций с плохо переваренным конфуцианством. Еще в последние годы XIX века, сразу после окончания японо-китайской войны, заправили империи недвусмысленно потребовали от отечественной литературы создания так называемых «комэй-сёсэцу» — «светозарных произведений», проникнутых казенным оптимизмом и прославляющих воинственность и великодушные средневекового и современного самурайства. Толпа бездарных полуграмотных писак бросилась заполнять книжные рынки страны бесконечными вариациями на тему о верности сюзерену и о кровавой мести, о вспоротых животах и о срубленных головах, о поединках на мечах и о лихих штыковых атаках, и в унисон им, только не так грубо и не так прямолинейно, заворковали о величии бусидо, о благотворности бусидо, о назревшей необходимости воскрешения бусидо идеологические дилетанты с профессорских кафедр. В далекой Европе гремели пушки и лились реки крови, каблуки японских патрулей стучали по кривым улочкам взятого у немцев Циндао, империя готовилась к большим колониальным захватам. Не удивительно, что в эти дни думающий и широко эрудированный писатель (а Акутагава, как мы увидим, был именно таким) жестоко осмеял мечтательного либерала, усмотревшего духовное сходство между возрождающимся к жизни кодексом профессиональных убийц и плачевно дискредитировавшим себя христианством.

Но давайте проанализируем рассказ более тщательно. Итак, некий профессор, специалист по колониальной политике и приверженец бусидо, читает Стриндберга и предается размышлениям о способах преодоления духовного застоя в своей стране. Затем он беседует с женщиной, недавно потерявшей сына, и случайно обнаруживает, что ее внешнее спокойствие есть только маска, а на самом деле она мучается безутешным горем. Он приходит в восхищение — не столько от героизма гостьи, сколько от полного, как ему представляется, соответствия между ее поведением и бездарной умозрительной идеей. По нашему мнению, если бы речь в рассказе шла только об осмеянии идеологического дилетантизма, это было бы вполне достаточно. Ну, а Стриндберг? Для чего автору понадобилось противопоставлять сценический прием госпожи Хайберг поведению гордой матери? Не зря же он так смело ввел в рассказ элемент случайного совпадения: профессор натывается на пресловутый абзац из Стриндберга чуть ли не сразу после случая с носовым платком. Видимо, дело обстоит не так просто, и у рассказа есть «второе дно», не столь очевидное, как первое, но наверняка не менее важное.

Действительно, концовка рассказа производит странное впечатление. Читатель далеко не сразу осознает, какая проблема всплывает вдруг из нее. Мономан-профессор смутно ощущает что-то неясное, что грозит разрушить безмятежную гармонию его мира. Пытаясь объяснить себе это ощущение, он готов заподозрить Стриндберга в попытке осмеять бусидо. Он даже готов оправдываться: «сценический прием... и вопросы повседневной морали, разумеется, вещи разные». И все это мимо цели, но на то он и мономан. Если бы он дал себе труд отвлечься от любимой идеи, он сумел бы понять, что парадокс, с которым столкнулся его случай, лежит совсем в другой плоскости понятий и

представлений. Он сумел бы увидеть проблему такой, какой поставил ее перед читателем (и перед собой) автор. Проблему соотношения жизни и искусства.

В глазах знатоков театра сценический прием госпожи Хайберг давно уже стал банальностью. Но сотни тысяч, миллионы женщин и до и после госпожи Хайберг при разных обстоятельствах и по разным причинам стискивали зубы, комкали носовые платки, впивались ногтями в ладони, чтобы не вскрикнуть, не разрыдаться, не показать своей боли, и никто никогда не называл это «дурным вкусом». И совершенно неважно, почему они это делали: по врожденной ли гордости или по твердости характера, пусть даже из приверженности кодексу бусидо. В данном случае не в этом дело. Дело в диковинной метаморфозе, которую претерпевает восприятие нами человеческого поведения, когда оно переносится из реальной жизни на сцену, на экран или на страницы книг. Какова психологическая природа этой метаморфозы? В чем секрет адекватного перевода с бесконечно разнообразного языка бесконечно разнообразной жизни на язык искусства?

Вот в этом, как нам кажется, и состоит глубинная суть, «второе дно» рассказа «Носовой платок». Это и есть главная его проблема, которую не то что разрешить — просто увидеть не дано профессорам — приверженцам бусидо, и эта проблема всю жизнь терзала странную и мудрую душу японского писателя Акутагава Рюноскэ, покончившего самоубийством в 1927 году в возрасте тридцати пяти лет.

//

Он родился в Токио утром 1 марта 1892 года или, по старинному времяисчислению, в час Дракона дня Дракона месяца Дракона, и потому его нарекли Рюноскэ, ибо «смысловой» иероглиф этого имени «рю» означает «дракон».

Когда ему исполнилось девять месяцев, его мать сошла с ума, и младенца, по закону и по обычаю, передали на усыновление и воспитание в бездетную семью старшего брата матери, начальника строительного отдела Токийской префектуры Акутагава Митиаки. Так маленький Рюноскэ утратил фамилию Ниихара и получил фамилию Акутагава, покинул вульгарные кварталы Кёбаси и дом невежественного нувориша из далекой западной провинции и поселился в старинном Ходзё, районе мрачноватых эдоских особняков, единственным сыном коренного столичного жителя, большого ценителя и знатока японской культуры.

В небольшом предисловии не место подробностям детских и юношеских лет писателя. Скажем только, что первоначальную — и весьма основательную — культурную закалку он получает в доме своего приемного отца; что учится он прекрасно и со школьных лет увлекается чтением японской и китайской классики; что в одиннадцать лет он редактирует и оформляет рукописный журнал, который «издает» совместно с одноклассниками, а с четырнадцати лет принимается читать Франса и Ибсена; и что в двадцать лет, учась на литературном отделении так называемой высшей школы, без памяти и без разбора погружается в чтение европейских поэтов, прозаиков и философов, в том числе Бодлера, Стриндберга и Бергсона.

В 1913 году Акутагава поступил на отделение английской литературы Токийского императорского университета и вскоре взялся за первые опыты в беллетристике. Но прежде чем говорить об этом, следует хотя бы в самых общих чертах представить себе, как был организован литературный мир Японии того времени и в каком состоянии находилась тогда японская литература.

Как это ни странно, в молодой буржуазной Японии, где все, начиная со структуры правительственного аппарата и кончая формой головных уборов железнодорожных носильщиков, дотошно копировалось с европейских образцов, в Японии, напряженно стремившейся сравняться с Западом и в материальном и в духовном плане, организация литературного мира сложилась первоначально в чисто феодальном стиле. Первые мастера

новой литературы совершенно уподобились мастерам-ремесленникам, — они объединялись в подобие цехов или кланов, обзаводились подмастерьями и учениками, которых нещадно эксплуатировали, стояли друг за друга стеной и яростно отбивали все попытки посягнуть на их прерогативы. А прерогативы эти были немалые; в частности, все дороги в литературу, то есть в центральные литературные ежемесячники, были в их руках, и проскочить через эти заставы без задержки могли либо только одиночки, имевшие протекцию непосредственно в журналах или располагавшие достаточными средствами, либо студенты университетов, удостоивавшиеся чести быть принятыми в соответствующий цех сразу же после первого произведения. Всем остальным не оставалось ничего иного, кроме как «войти в ворота», то есть идти на выучку и в услужение к литературному шефу.

Но мы не хотим сказать, что такая система имела только отрицательные стороны. Непосредственное шефство маститого писателя над начинающим автором, если отвлечься от феодального антуража, приносило, несомненно, громадную пользу. Не надо забывать, что начинающий стремился «в ворота» того мастера, которого глубоко уважал, перед которым преклонялся. В стране, где не существовала (да и сейчас, кажется, не существует) издательская редакция в нашем смысле этого слова, кисть шефа, смоченная красной тушью, могла сделать и делала много доброго в рукописи, принесенной за пазухой. К тому же такая организация литературы, как рабочая система, продержалась в чистом виде сравнительно недолго, и к тому времени, когда в литературу вошел Акутагава Рюноскэ, она приняла уже гораздо более цивилизованные формы. И когда в 1915 году он, автор всего двух рассказов, с бешено бьющимся сердцем вступил в кабинет своего любимого писателя Нацумэ Сосэки, ему не пришлось, конечно, ни таскать воду, ни бегать в соседнюю лавочку за овощами для кухни.

Тут уместно задаться вопросом: для чего Акутагава пошел в ученики — хотя бы и к такому мастеру, как Нацумэ Сосэки? Да, десятилетие работы Нацумэ в литературе называют «годами Нацумэ». Да, рассказ «Ворота Расёмон» привлек внимание и удостоился похвалы Нацумэ. Но двери в литературу были и без того широко распахнуты перед Акутагава. Он принадлежал к университетскому литературному клану и активно участвовал в его печатном органе «Синситё». Его рассказы «Маска хёттоко» и «Расёмон» были опубликованы в солидном ежемесячнике «Тэйкоку бунгаку». У него уже складывались, как мы увидим, свои оригинальные взгляды на роль и задачи литературы. И тем не менее он «входит в ворота» Нацумэ Сосэки.

В 1885 году литературовед-англист Цубоути Сёё опубликовал трактат «Сущность романа», во многом определивший характер новой японской литературы. Он призвал писателей отказаться от принципов традиционной японской поэтики с ее стремлением к дерзкой метафоре и острой фабуле, предложил пользоваться исключительно европейской «техникой описания» и сформулировал новый литературный метод «сядзицусюги» («отражать, как есть»). Этот метод предполагал фотографическую точность изображения всего, что фиксирует взгляд писателя, причем в первую голову — изображения человеческих чувств. Казалось бы, Сёё предлагал новой японской литературе именно то, чего ей не хватало: верность действительности. Ведь недаром этот метод был подхвачен с таким восторгом, и недаром его автора почтительно-восторженно назвали «колоколом на рассвете». На самом же деле этот трактат явился скорее спасательным кругом, брошенным японским беллетристам, которые буквально захлебывались в кипучей разноголосице разнообразных и зачастую противоречивых западных влияний. Все, чего западная литературная традиция достигла за столетия эволюционного развития, обрушилось на Японию буквально в одночасье: и романтизм, и сентиментализм, и реализм, и натурализм, и первые декадентские и модернистские ухищрения. Все это надлежало переварить как можно скорее и выбрать или скомпилировать то, что, во-первых, соответствовало бы и было необходимым тогдашнему обществу, а во-вторых, что оказалось бы «под силу» нуворишам от литературы.

Принцип «сядзицусюги» устраивал многих. Воспринят он был с неописуемым простодушием: описывай все, что перед глазами, и не надо заботиться ни о занимательности, ни о сюжете, ни о стилистике, и, уж конечно, не имеет никакого смысла анализировать увиденное, искать его связи с политическим, экономическим, социальным состоянием страны. Отражай, как есть.

Разумеется, лучшие писатели восприняли этот принцип не столь буквально. Роман «Плывущее облако» Фтабатэя «показал изнанку мэйдзийской цивилизации». Ратовал за реализм, пронизанный идеалами, поэт конца века Китамура Тококу. Страшно писала о судьбе японской женщины Хигути Итиё. В первое десятилетие нового века, когда школьник Акутагава взхлеб зачитывался Франсом и Ибсеном, гневно гремели произведения Токутоми Рока, Симадзаки Тосона, Таямы Катай. Но основная тенденция была уже определена. Метод «сядзицусюги» оформился в японский натурализм, и вскоре тот же Таяма Катай выдвинул принципы «плоскостного» и «неприкрашенного изображения». Смысл этих принципов сводился к декларации: «Мы изгоняем из искусства все развлекательное; изгоняем все, что относится к мастерству; изгоняем все, что относится к идеалам». Принцип жесткой фотографичности логически привел к утверждению, что достоверно писатель может описать только себя самого. Писателям предложили публично раздеться. Так возникла эгобеллетристика, и на страницах журналов и книг предстали вывернутые наизнанку души и постели известных мастеров литературы.

Разумеется, имела место и оппозиция. В серую толщу унылых, бессюжетных писаний, начисто лишенных настроений и здравого смысла, сверкающим лезвием вонзилась сатира Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга кот». Весь богатейший арсенал японской и европейской поэтики, все известные в мировой литературе приемы сатиры, юмора, пародии, гротеска бросил он против застойного болота «плоскостного изображения». И при всем том это был настоящий полновесный реализм, реализм в высшем смысле этого слова, изображение жизни в ее социальных и психологических противоречиях...

Но одна ласточка не делает весны. «Ваш покорный слуга кот» появился в 1905 году, за ним последовало еще несколько повестей и романов Нацумэ. И все. Японская натуральная школа продолжала свое победное шествие, брезгливо сторонясь и «светозарной литературы», и большой общественной проблематики. Молодой Акутагава Рюноскэ с тревогой и недоверием следил за ее развитием. Все это было совсем не то, что он любил в литературе и что хотел сделать в литературе. И он пошел к великому мастеру. Нам кажется, он сделал это потому, что испытывал потребность раз и навсегда перед собой и перед своими коллегами по университетскому клану отмежеваться от натурализма, от «плоскостного изображения», от эгобеллетристики. И еще, вероятно, он искал у Нацумэ подтверждения своей правоты. Можно представить себе, как Нацумэ Сосэки, прочитав очередной его рассказ, говорит, одобрительно кивая: «Ты на правильном пути, Акутагава Рюноскэ. Ты прав».

///

В «Кондзяку моногатари» («Стародавние повести»), литературном памятнике конца XI века, есть короткий рассказ о провинциальном воре, который в надежде поживиться пробрался в блестящую столицу и с досады ограбил в воротной башне Расёмон старуху нищенку. В наше время благодаря Акутагава (и успехам японской кинематографии) название Расёмон известно чуть ли не каждому культурному человеку в мире, а началось это, должно быть, с того, что двадцатичетырехлетний студент после долгих раздумий о своей теме в литературе, о своих литературных принципах и о своем собственном литературном методе пришел приблизительно к таким выводам. Моей темой должна быть бесконечная вселенная человеческого духа, человеческая психология; мои принципы

сводятся к тому, что литература есть искусство, литература должна быть искусством, что бы там ни бубнили всеядные приверженцы простоты и безыскусности, убежденные противники мастерства; мой метод...

Вот тут Акутагава сделал свое первое открытие. Цубоути был, разумеется, прав, когда писал в своей «Сущности романа»: «Главное — описание чувства, потом уже нравов и обычаев... Чувство — это мозг произведения». Это правильно — объектом литературы должна быть психология человека. Правильно и то, что нравы и обычаи имеют второстепенное значение. Но термин «описание» легко влечет за собой, что и показала практика, представление о бездумном, пассивном копировании. Писатель должен быть активен в отношении объекта своей работы. Не описанием чувств должна заниматься литература, утверждал Акутагава, а исследованием, анализом психологии. Но анализ предполагает инструмент. Что может быть инструментом литературного анализа психического мира? Только одно: событие. Подобно тому как крупинка катализатора, брошенная в однородный мертвый раствор, вызывает в этом растворе бурную химическую реакцию, так и событие приводит в движение спящую в обычном состоянии человеческую психику, провоцирует ее на самые разнообразные проявления в поступках, анатомирует ее, выворачивает наизнанку. Событием может быть и вселенская катастрофа — например, война; и личное несчастье — например, неразделенная любовь; и подлая мелочь жизни — например, приобретение новой шинели. Выбор события — это дело автора, выбор зависит от задачи, которую ставит перед собой автор, от личности героя произведения, от множества других факторов и является в конечном счете актом литературного мастерства. Так или примерно так рассуждал Акутагава Рюноске и принялся претворять свое открытие в слово.

Он пишет рассказ о человеке, который питал такое отвращение к злу, что готов был скорее умереть с голоду, чем встать на путь преступления. При виде старой нищенки, совершавшей мерзость, его абстрактная ненависть к злу логически перевоплотилась в ненависть к преступнице, а ненависть к преступнице столь же логически вылилась в преступление против нее: он, так ненавидевший зло, ограбил старуху. Старинный анекдот о воре, ограбившем старуху нищенку в воротах Расёмон, явился той самой крупинкой катализатора, которая развернула плоское течение психики частного обывателя в яркий психологический этюд.

Характерно, что Акутагава сразу же демонстративно отказался от авторства в отношении событий. Сюжетные завязки его новелл, рисующих парадоксы и внезапные повороты человеческой психики, восходят к средневековым анекдотам и к эпизодам из военно-феодального эпоса. Он стремился еще и еще раз подчеркнуть, что быт и нравы, время действия и обстановка не играют для его анализа никакой роли. Психология человека, рассуждал Акутагава, не изменилась за все эти века, и он вправе анатомировать ее на фоне сколько угодно гротескных обстоятельств, лишь бы они помогли делу.

Следует сразу сказать, что он переоценил своих литературных оппонентов. Простодушные коллеги ничего не поняли в его методе и принялись наперебой упрекать его в ретроградстве, в стремлении уйти от действительности в прошлое, в болезненном пристрастии к старине. Вначале он презрительно отмалчивался, но в конце концов его заставили объясниться.

«Я беру тему, — писал он, — и решаю воплотить ее в рассказе. Чтобы дать этой теме наиболее сильную художественную выразительность, мне нужно какое-нибудь необычайное событие. Но мне не удастся рассказать об этом необычайном событии, — именно потому, что оно необычайное, — так, словно оно произошло в сегодняшней, в нашей Японии. Если я все же пишу наперекор всему, не считаясь с тем, что мне это не удастся, я, как правило, вызываю у читателя чувство неестественности. Единственное средство избежать такого затруднения, это... отнести событие в прошлое, рассказать о нем как о произошедшем давным-давно в старину... В моих рассказах, в которых материал взят из старинных хроник, действие разворачивается в далеком прошлом большей частью

именно под влиянием этой необходимости. Таким образом, хотя я пишу о старине, к старине как таковой у меня пристрастия нет». (Перевод Н. Фельдман.)

В том обстоятельстве, что Акутагава начал использовать свой метод на материале старинных хроник, можно усмотреть влияние квазиисторических рассказов Франса. Но были у него предшественники и в Японии. Уэда Акинари, выдающийся писатель второй половины XVIII века, писал в предисловии к циклу своих новелл «Луна в тумане»: «Когда читаешь их сочинения (произведения классиков светской литературы Японии и Китая. — А. С.), то видишь, что сочинения эти полны необыкновенных образов, и хоть смехотворны и бессвязны они, но похожи на правду, фраза за фразой текут плавно и увлекают читателя. Настоящее можно узреть в глубокой древности». Как бы то ни было, «необычайные события», описанные в старину, стали в произведениях Акутагавы надежным инструментом для исследования механизмов человеческой психологии.

Особенный интерес представляет в этом отношении рассказ «Бататовая каша». В основу его тоже взят древний анекдот о том, как бедный самурай всю жизнь мечтал «нажраться» бататовой каши и как он ею объелся, когда сильные мира сего потехи ради предоставили ему эту возможность. Но Акутагава построил на этом незамысловатом анекдоте откровенный парафраз «Шинели» Гоголя. Аналог Акакия Акакиевича, самурай в мелких чинах, служит при дворе могущественного феодала. В полном соответствии с общественным положением Акакия Акакиевича он — маленький человек, нищий и до крайности забитый. Как и Акакий Акакиевич, вид он собой являет самый неприглядный, одежды носит самые заношенные и, разумеется, служит для всех окружающих объектом самых грубых насмешек и издевательств. Мало того, словно бы не удовлетворяясь этими общими чертами сходства между своим героем и Акакием Акакиевичем, Акутагава вводит в рассказ абзац, который уже совершенно недвусмысленно указывает читателю на первоисточник. У Гоголя мы читаем: «Только если уж слишком была невыносима шутка... он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек... который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменялось перед ним и показалось в другом виде...» Акутагава пишет: «Лишь когда издеательства переходили все пределы... тогда он странно морщил лицо — то ли от плача, то ли от смеха — и говорил: «Что уж вы, право, нельзя же так...» Те, кто видел его лицо или слышал его голос, ощущали вдруг укол жалости... Это чувство, каким бы смутным оно ни было, проникало на мгновение им в самое сердце. Правда, мало было таких, у кого оно сохранялось хоть сколько-нибудь долго. И среди этих немногих был один рядовой самурай, совсем молодой человек... Конечно, вначале он тоже вместе со всеми безо всякой причины презирал красноносого гои. Но как-то однажды он услышал голос, говоривший: «Что уж вы, право, нельзя же так...» И с тех пор эти слова не шли у него из головы. Гои в его глазах стал совсем другой личностью...» Наконец, аналогию завершает масштаб сокровенных желаний героев: Акакий Акакиевич «питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели», а красноносый бедолага-самурай мечтал «нажраться» бататовой каши.

На этом сюжетная аналогия заканчивается и начинается эксперимент. Акакий Акакиевич гибнет, потому что невозможно оказалось перенести потерю шинели, возделенной цели и смысла бытия. Маленький человек вырастает в трагическую фигуру. Ведь не случись несчастья, он прожил бы отпущенные ему дни и во благовремение скончался бы тихо, словно его никогда и не было на свете. А что бы случилось с Акакием Акакиевичем, если бы не отняли у него шинель, а, напротив, подарили бы ему десяток шинелей, сотню шинелей, завалили бы его шинелями? Что случилось бы с гои, грезившим о бататовой каше, если бы поставить перед ним котел этой каши, десять котлов, море? Что происходит в психике маленького человека, когда его маленькие мечты осуществляются с гомерическим избытком? Именно этот эксперимент поставил Акутагава в своем рассказе.

Как увидит читатель, бедолага пришел в ужас от обилия вожаделенного лакомства. Он едва одолел маленький котелок. Он понял, что никогда в жизни больше в рот не возьмет бататовой каши. Мечта его при столкновении с перспективой полного удовлетворения перешла в панический страх, а страх — в безнадежное сожаление об утраченной мечте. Но в конце концов исчезло и сожаление. Маленькому человеку гораздо проще и легче жить без всяких желаний.

Квазиисторические новеллы о парадоксах психологии («Ворота Расёмон», «Нос», «Бататовая каша») скоро завоевали Акутагава признание читателей и издателей и выдвинули Акутагава в ряды лучших авторов того времени. Нацумэ Сосэки с радостной гордостью говорил о тонком вкусе и неподдельном юморе его произведений. Но сам Акутагава вскоре задумался. Инстинктом большого художника он почувствовал, что с его методом что-то не совсем в порядке — то ли с методом, то ли с применением этого метода. Литературно, слишком литературно. Слишком интеллектуально, слишком от головы. Стремясь разобраться в своих сомнениях, он сделал попытку сформулировать фундаментальную проблему искусства и написал рассказ «Носовой платок». Что же все-таки такое искусство и как оно соотносится с жизнью?

IV

В заметках «Об искусстве» Акутагава подчеркнул, что произведение искусства должно быть совершенным, как ничто другое, что совершенство состоит в полном воплощении художественного идеала, в противном же случае служить искусству просто не имеет смысла. Именно это занимало Акутагава в 1919 году, в двадцать семь лет. К этому времени уже вышли три сборника его рассказов, восторженно встреченных читателями. Он был уже женат и служил преподавателем в военно-морской механической школе. Он стал сотрудником крупной газеты «Осака майнити симбун» (оклад пятьдесят иен в месяц, гонорары отдельно, право печататься в любом журнале).

А с северо-запада, из гигантской страны, где «коммунисты расстреляли императора и семь русских гэнро», тянули огненные сквозняки невиданных событий, разносящие семена революции; по всей Японии чернели пепелища на месте магазинов, складов и особняков крупных спекулянтов рисом, спаленных в бешеной вспышке «рисовых бунтов»; в Токио бастовали железнодорожники, печатники, рабочие военных arsenалов, учителя, почтовые служащие; банды фашиствующих молодчиков из «ронинкай» («общество ронинов») нападали на рабочие собрания и демонстрации, штрейкбрехерствовали, громили помещения профсоюзов; в Корее императорская военщина злобно затаптывала пламя всенародного восстания; в Приморье и в Восточной Сибири японские и американские солдаты с помощью белогвардейских палачей жестоко расправлялись с местным населением.

Акутагава был далек от всего этого. Войны, революции, стихийные бедствия казались ему чем-то преходящим, не заслуживающим внимания художника. В лучшем случае они могли служить событиями, приводящими в движение скрытые механизмы человеческой души. Единственная, неповторимая, значимая реальность жизни — это искусство, отражающее — нет, не отражающее, а исследующее эти механизмы. «Человеческая жизнь не стоит и одной строки Бодлера», — провозгласил он. Во всяком случае, жизнь, не связанная со служением искусству.

Во всей вселенной, считал он тогда, есть только одно дело, которое заполняет жизнь до краев, не оставляя места ни для сожалений, ни для разочарований. Это дело — служение искусству. Искусство приносит художнику высшие радости, окупает любые жертвы, оправдывает любые преступления. Художнику могут быть свойственны обыкновенные человеческие слабости, в своей обыденной жизни художник может пребывать в зависимости от сильных мира сего, невежественная чернь может смеяться над художником или страшиться его — все это не имеет к служению искусству никакого

отношения: мнение черни, полагал он, ничего не значит, духом художник всегда неизмеримо выше самого своего могущественного властелина, и если человеческие слабости губят художника, так это не вина его, а беда.

В июле 1918 года в газете «Осака майнити» была закончена публикация одной из самых блестящих новелл Акутагава — «Муки ада».

Ёсихидэ, придворный художник его светлости, владетельного князя, единовластного господина над жизнью и смертью своих слуг и вилланов, на всем белом свете любил только искусство и свою юную дочку. Он был великим мастером, познавшим все тайны красоты и уродства и умевшим воплотить в красках какую угодно радость и какую угодно тоску, и еще он был отвратительным желчным и неуживчивым старикашкой. Наконец, он имел недостаток, совершенно несвойственный большинству художников XX века: он не умел изображать то, чего никогда не видел хотя бы во сне. И вот однажды его светлость повелел Ёсихидэ расписать ширмы изображением мук ада. Вначале работа Ёсихидэ продвигалась успешно: адское пламя он видел во время большого пожара, корчащихся в муках грешников он наблюдал, истязая своих учеников, адские слуги в китайских одеждах и с бычьими и конскими харями неоднократно являлись ему в бреду. Но по его замыслу в центре картины должна была быть охваченная огнем карета с погибающей в ней молодой придворной дамой. Такого мастеру никогда еще не приходилось видеть, и он почтительнейше поверг к стопам его светлости просьбу... Его светлость, пожелав проучить злобного старика, который ради своей картины готов был предать мучительной смерти безвинную женщину, повелел сжечь на глазах у Ёсихидэ карету с его единственной и любимой дочерью. Все было выполнено по повелению. Ёсихидэ не бросился в пламя, как ожидал того его светлость. Человек был ввергнут в огненную пучину ада, а погубивший его художник торжествовал. Закончив свой шедевр, Ёсихидэ удавился.

«Человеческая жизнь не стоит и одной строки Бодлера». Что стоят человеческие жизни в сравнении с шедевром! Трижды прав был Ёсихидэ, ибо только искусство приносит художнику высшую радость, окупает любые жертвы, оправдывает любые преступления. Целью жизни может быть только искусство, в конечном счете оно является и целью существования рода человеческого, а все остальное — борения страстей, социальные катаклизмы, тяжкий труд крестьянина, хитрости политика, технология, наука — имеет значение лишь в той мере, в какой может способствовать или препятствовать созданию шедевров.

Это было второе открытие Акутагава Рюноскэ, но оно обрадовало его далеко не так сильно, как первое.

V

Акутагава Рюноскэ не стоял на бастионах осажденного города, как Лев Толстой; не поднимал голос в защиту справедливости, как Эмиль Золя; не сражался за революцию, как Ярослав Гашек. Он вел размеренную и довольно бестолковую жизнь японского литературного мэтра: по обусловленным дням принимал в своем кабинете «Тёкодо» («Храм чистой реки») литературную молодежь; посещал многочисленные банкеты; коллекционировал старинные картины и антиквариат; ссорился с издателями из-за гонораров; совершал лекционные поездки по стране; редактировал хрестоматийные сборники. В 1921 году он в первый и последний раз в жизни побывал за границей — по заданию редакции «Осака майнити» пропутешествовал по Китаю и по Корее. Великое землетрясение 1923 года, опустошившее пять префектур, в том числе и столичную, не произвело на него видимого впечатления: во всеуслышание он скорбел только о том, что в чудовищных пожарах погибло много бесценных произведений искусства...

Что еще? Как и многие другие литературные мэтры, он был неважным семьянином, хотя родил трех сыновей. Страдал от нервного истощения, от каких-то болезней

желудочно-кишечного тракта, от ослабления сердечной деятельности и лечился на курорте Ютака.

И он непрерывно, бешено работал.

В первой половине 20-х годов «натуральная школа» Японии покатила под гору. В литературную жизнь страны ворвался свирепый ветер коммерции. Нома Сэйдзи, основатель и владелец издательского концерна «Коданся», «журнальный король Японии», как восторженно назвал его другой крупнейший издатель, должно быть, первым понял, как надо разговаривать с литературной публикой. Теперь уже не издатель униженно просил у маститого мастера «все равно что, по вашему усмотрению», а маститые литераторы толпились в прихожей издателя в трепетном ожидании приема. Издатель диктовал свою волю. Издатель определял, что нужно писать и чего писать не следует. Издатель платил. И начался разгром.

Началась расплата за десятилетнее господство серости и безыдейности. Вчерашние поборники и беззаветные защитники вечных и незыблемых принципов упали на колени перед золотым тельцом. Сочинители эгобеллетристики принялись спешно учиться писать детективы и приключенческие романы. Специалисты по публичному саморазведению штудировали европейскую и американскую бульварную макулатуру. Крупнейшие писатели, в том числе старые друзья Акутагава, организовывали по примеру Дюма-отца литературные фабрики, на которых нищие студенты за гроши сочиняли для них сюжеты и писали черновики. Покончил с собой один из самых талантливых современников Акутагава, замечательный прозаик и драматург Арисима Такэо.

В этом хаосе дешевых соблазнов, трескучей пустопорожней болтовни, измен высоким идеалам Акутагава Рюноскэ работал как одержимый. Вероятно, из всех адептов «большой литературы» не склонил головы только он один. Впрочем, справедливости ради следует сказать: издатели отлично понимали, что помыкать им нет никакой выгоды, — громадный неиссякаемый талант все время держал его в фокусе читательского внимания. Но сам-то он не находил покоя. Поиск, поиск, поиск — вот что составляло суть его деятельности. Одно дело — открыть и усвоить некий принцип. Другое дело — претворить его в жизнь, в слово. И мысль писателя судорожно билась в недрах неповоротливой груды фактов мировой культуры, стремясь нащупать в этом бесконечном разнообразии нечто главное, единственное, незаменимое, некий философский камень, который чудесным образом раз и навсегда решит для него все мучившие его проблемы. Он понимал, что никакие теоретические построения не удовлетворят его, что один лишь опыт может привести его к правильному решению, и писал рассказ за рассказом, эссе за эссе, танку за танкой. Его коллеги ныли, публично жалуясь, что писать больше не о чем, а он едва успевал переводить дух, — мысли и чувства лились с кисти на бумагу, облекаясь в формы то простые и даже наивные, то в странные и причудливые, порой фантастические. Пожалуй, ни один писатель не может похвастать (да и стоит ли этим хвастать?) такой жанровой и тематической мозаикой, какую являло собой творчество Акутагава Рюноскэ.

Рассмотрим для примера литературную продукцию Акутагава с декабря 1921-го по август 1922 года.

«В чаще». Поразительное литературное произведение, совершенно уникальное в истории литературы, поднявшее откровенный алогизм до высочайшего художественного уровня.

«Генерал». Простой и суровый рассказ, раскрывающий облик профессионального вояки-фанатика в четырех очень точно подобранных аспектах: генерал и солдаты, генерал и враги, генерал и искусство, генерал и новое поколение.

«Усмешка богов». Рассказ, который сделал бы честь любой антологии современной научной фантастики.

«Вагонетка». Реалистическая новелла о детстве, лиричная и немного грустная, как и все произведения такого рода.

«Повесть об отплате за добро». Снова о парадоксах человеческой психологии и снова на материале средневековья.

«Святой». Фантастическая притча.

«Сад». История гибели старинной семьи, пришедшей в упадок после переворота Мэйдзи. И в теме, и в настроении явственно ощущается могучее влияние Чехова.

«Барышня Рокуномия». Рассказ, развивающий ту же тему. Вообще Акутагава очень занимали картины угасания последних представителей погибших цивилизаций. Впоследствии он еще не раз обратится к этой теме.

«Чистота о-Томи». Типичный исторический рассказ без всякого подтекста, рисующий эпизод из гражданской войны во время переворота Мэйдзи.

«О-Гин». Мастерски написанная новелла о гонениях на христиан в Японии XVII века. «Его «христианские» рассказы неизменно представляют собой соединение иронии и восхищения — иронии, направленной на объективную сторону религии, и восхищения субъективным миром верующего» (Н. Фельдман).

«Три сокровища». Нарочито наивная и простодушная пьеса-притча, явно стилизованная под средневековый народный театр, да еще европейский...

К этому списку можно было бы добавить повесть «Ересь», еще несколько рассказов, сборник маленьких эссе-дзуйхицу, стихи, но достаточно и того, что помещено в настоящем сборнике. Фантастика и реализм, средневековье и современность, политика и история, проза и драматургия, откровенный смех и тихая грусть, литературная простота и изощренная стилизация... увлеченное следование Чехову и смелая ломка замысла Броунинга, — и все это в течение одного года, в стремительном темпе, все это соседствует, переплетается, перекрывает одно другое. Акутагава был мастером-виртуозом, он с невероятной точностью находил или создавал сюжеты, наиболее подходящие для претворения в литературу его замыслов, облекал их в наиболее подходящую форму, не зная и не желая знать при этом никаких запретов и литературных табу.

Он писал много и разнообразно; он пользовался громадным успехом. Сборники его рассказов выходили один за другим и быстро раскупались. В апреле 1925 года его книгой открылась многотомная серия «Собрание современных произведений». Разумеется, его критиковали, его поучали, на него клеветали — так всегда было, есть и будет с талантливыми творцами, но все это имело мало отношения к тому, что его мучило. Оказывается, найти и сформулировать принцип много легче, чем выяснить его пригодность на практике. Громадный литературный опыт самого Акутагава был совершенно безразличен к этому принципу, а в мировоззренческом плане идея примата искусства над жизнью оборачивалась какой-то странной и неприятной стороной, возбуждая в душе и сознании сотни тысяч мучительных «зачем» и «почему». Да, искусство есть, несомненно, процесс отражения действительности в образах, причем понятие «отражение» никак не может быть сведено к отражению в плоском зеркале, понятие «действительность» должно, в зависимости от целей, которые ставит перед собой художник, включать в себя и его внутренний мир, а понятие «образ» существенно зависит от специфики данного вида искусства. Это вытекало из опыта культуры всех времен и народов, это четко подтвердилось опытом Акутагава. Но этого, оказывается, было мало.

Акутагава был слишком большим художником, чтобы не быть диалектиком, хотя бы и интуитивным. «Принцип «искусство выше всего», — объявил наконец он, — по крайней мере, в литературном творчестве — этот принцип, несомненно, вызывает лишь зевоту». И дальше: «Истари особенно рьяно провозглашали «искусство выше всего» большей частью кастраты от искусства». Философский камень оказался не там, где его с такой бешеной энергией искал Акутагава. Не в сказочно прекрасном дворце человеческой культуры, а в грубом и монолитном фундаменте, на котором этот дворец был воздвигнут. Элементарная логика, азы диалектики. Искусство не может иметь бытия само по себе, как не может иметь бытия один сам по себе полюс магнита. Искусство существует лишь

постольку, поскольку существует потребитель искусства. Между искусством и его потребителем должна быть прочная функциональная связь, выходящая далеко за рамки отношений типа «писатель пописывает, читатель почитывает». Некая форма мощного взаимодействия. Если отбросить в общем-то банальную и снобистскую в самом дурном смысле этого слова мысль о том, что потребителями искусства являются околотультурные недоучки и образованная, располагающая досугом элита, и принять, что потребителем искусства должен быть народ, то исчезают все «зачем» и «почему», и на месте хаоса возникает стройная система: народ из чрева своего порождает искусство, а искусство, в свою очередь, оплодотворяет лоно народа.

Так или примерно так рассуждал Акутагава Рюноскэ. Так он сделал свое третье открытие.

Но было уже поздно.

VI

На далеком, вдруг придвинувшемся вплотную северо-западе гигантская страна принялась за непомерную работу по преобразованию мира, выкорчевывая с корнем вековое невежество, изнемогая от разрухи, сквозь голод и холод, сквозь толщи предрассудков и заблуждений пробиваясь к фантастическому будущему. В Китае бушевала революция, возглавляемая Сунь Ятсеном, огромные народные массы поднимались против засилья иноземцев и собственных генералов-милитаристов, национально-революционные войска штурмовали города Северного Китая, занятые маньчжурским диктатором, ставленником японской военщины Чжан Цзолинем. В Японии правительство, напуганное стремительным ростом социалистических настроений среди рабочих, издало закон «об опасных мыслях»; и одновременно — рост мощи и международного авторитета Советского государства вынудил правительство восстановить дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом и вывести войска с Северного Сахалина; и тут же — глава правительства генерал Танака всеподданнейше поверг к стопам императора секретный меморандум, из которого следовало, что для Японии существует необходимость «вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии»...

Акутагава не дожил до продолжения. Все это было впереди — «мукденский инцидент» и Антикоминтерновский пакт, Пирл-Харбор и битва на Волге, лагеря уничтожения, «отряды» генерала Исии и атомный гриб над Хиросимой. Но кровавые отблески грядущих потрясений уже дрожали на лице планеты, и он, утонченный, эрудированный и глубоко невежественный в политике художник, с тревогой вглядывался в них, пытаясь понять, что они предвещают. Громы исполинских классовых столкновений дошли наконец до его сознания, и каким же маленьким, каким ничтожным показался он себе со своими метаниями и поисками в горних высях чистого искусства! Он уже знал, что своим третьим и последним открытием вынес приговор самому себе прежнему, и мечтал только удержаться на ногах. Он писал: «Шекспир, Гете, Тикамацу Мондзаэмон когда-нибудь погибнут. Но породившее их лоно — великий народ — не погибнет. Всякое искусство, как бы ни менялась его форма, родится из его недр». Он заклинал себя: «Акутагава Рюноскэ! Акутагава Рюноскэ! Вцепись крепче корнями в землю! Ты — тростник, колеблемый ветром. Может быть, облака над тобой когда-нибудь рассеются. Только стой крепко на ногах». Он утверждал, убеждая себя: «Конечно, я потерпел неудачу. Но то, что создало меня, создаст кого-нибудь другого. Гибель одного дерева — частное явление. Пока существует великая земля, хранящая бесчисленные семена в своем лоне».

Он чувствовал себя все хуже и хуже. Сказывались годы напряженной работы, мучительные болезни, вечный ужас перед сумасшествием, неотвратимо, как ему казалось, унаследованным от матери. Но главным все-таки было другое. Страх перед одиночеством

с необычайной силой охватил его. Он понял, что висит в пустоте. Недавние друзья, превратившиеся в благополучных литературных деяг, претили ему. Возможность для себя служить государству, с его империализмом и откровенной полицейской сущностью, он с ужасом отвергал. Всю свою жизнь он любил только искусство и поклонялся только искусству. Оставался народ, истинный источник и единственный потребитель искусства. Акутагава провозгласил: «Слушайте удары молота. Доколе существует этот ритм, искусство не погибнет». Но это не было знанием, вошедшим в его плоть и кровь, это просто логически вытекало из его новых представлений. Он объявил: «Правота социализма не подлежит дискуссии. Социализм — просто неизбежность». Но он плохо разбирался в социализме, социализм лишь ассоциировался у него с Россией, перед гением которой он преклонялся, а вообще-то к социалистам он готов был причислить и Чаплина. Он сказал о себе: «Я... по характеру — романтик, по мировоззрению — реалист, по политическим убеждениям — коммунист». И здесь он вряд ли отчетливо представлял себе то, о чем говорил.

Провозгласив неразрывную связь между народом и искусством, он парадоксально не верил, что его работа, работа мастера-виртуоза, представляет для народа какую-либо ценность. По существу, он просто не верил в народ. В лучшем случае он был способен умиляться. И он был убежден, что ему, эстету и индивидуалисту, дорога к народу закрыта. Ясно для него было одно: действительность являет собой ад, в котором хорошо себя может чувствовать лишь «избранное меньшинство» — другое название для идиотов и негодяев. Для него же, Акутагава Рюноскэ, остается только ад одиночества.

Пора было разобраться в этой душевной сумятице, свести счеты с самим собой и с тем, что он любил больше жизни. И он написал свои изумительные «Диалоги во тьме», своеобразнейшую самоисповедь, представленную в виде бесед-диспутов с Совестью, Искусством и Вдохновением.

Поединок с Совестью — ангелом, который на заре мира боролся с Иаковом, то есть поединок с богом — странным образом напоминает игру в поддавки. Акутагава кругом виноват, ему нечего противопоставить своей Совести, кроме изощренной казуистики и жалобно-растерянного «как все, так и я», и он отступает по всей линии. Диспут кончается страшно: Совесть оставляет художника страдать в аду, который он сам для себя создал. Далее следует поистине гениальный поворот. В споре с Искусством Акутагава выступает с позиций своей утраченной совести. Искусство всеми мерами пытается вернуть ему душевное спокойствие, привести его к миру с самим собой, но тщетно. Оно пытается доказать ему, что с совестью у него все в порядке, ведь он так страдает. Но для страдания не обязательно иметь совесть. «У меня есть только нервы». Искусство убеждает его, что он во всех своих чувствах, мыслях, делах был всегда прав. «Ты поэт, художник, тебе все дозволено». — «Я поэт, — соглашается Акутагава. — Я художник. Но я и член общества...» В его глазах возлюбленное искусство становится демоном великого соблазна. «Ты пес, — говорит он. — Ты дьявол, который некогда забрался к Фаусту в облике пса». Утешить оно больше не может. И оно тоже оставляет его страдать.

Ушла совесть, перестало давать радость искусство. Но осталась еще могучая сила, которая, подобно рентгеновским лучам, проникает сквозь любые преграды, является непрошеной, завладевает художником без остатка. Эта сила — Вдохновение. Восставить против нее бесполезно. Она как дамоклов меч висит над головой Акутагава и только и ждет момента, когда он возьмет в руку перо. Может быть, ему, утратившему совесть и радость творчества, возложившему на голые плечи бремя целой жизни, следует умереть? Акутагава Рюноскэ! Вцепись крепче корнями в землю! Стой крепко на ногах. Ради себя самого. Ради своих детей.

Но он уже чувствовал, что ему не устоять. Безобразные призраки обступали его со всех сторон, глумились, угрожали, мешали видеть. Давно умершая дочь сумасшедшего, которую он когда-то ласкал; обезображенный труп мужа сестры, этого незадачливого жулика, покончившего самоубийством; невнятные голоса по телефону и странные

взгляды случайного прохожего. Он терял ориентировку — откуда, из каких щелей, из какой преисподней выползала на него эта мерзость? Из темной пропасти ошибок, каким представлялось ему теперь собственное прошлое? Из опостылевшей до омерзения суеты, в которой тянулись теперь его унылые дни? Из Африки его духа — больного, воспаленного, расстроенного воображения? Он еще лелеял мечту написать роман, героем которого должен был стать сам японский народ с мифических времен до его дней, но он не видел этого героя, его заслоняли свирепые полководцы в рогатых шлемах и с окровавленными мечами, тихие и мудрые философы, посылавшие в мир бессмертные поучения из тиши отшельнических убежищ, величайшие художники, чьи творения потрясали души людей много поколений спустя...

Но он продолжал работать. Впервые в жизни он взял объектом своего анализа не личность, а общество в целом. Не желая связывать себя конкретными деталями быта, он перенес действие своего нового произведения в фантастическую страну. «Я населил мир моего рассказа сверхъестественными животными. Более того, в одном из этих животных я нарисовал самого себя». Так, в мартовской книжке ежечасника «Кайдзо» в 1927 году появилась на свет сатирическая утопия «В стране водяных» («Каппа») — блестящий гротеск, разительная пародия на буржуазную Японию... и страшная карикатура на самого автора, плоть от плоти, кровь от крови этой Японии, ее порождение и ее жертва. Некуда было ему уйти ни от своего прошлого, ни от настоящего, ни от себя.

В предчувствии неминуемой и близкой гибели он попытался освободиться от бремени «целой жизни», перенес ее на бумагу. Возможно, он видел в этом последнюю соломинку, и решение приняться за такую работу было продиктовано полусознанным стремлением «сублимироваться», навеянными причудливыми представлениями о методике фрейдовского психоанализа. Досконально, стараясь не упустить ни единой подробности, он описал свои действия и ощущения в течение нескольких дней во время одной из поездок в Токио, рассказал о страхе перед подступающим безумием, о своем отвращении к людям и к себе, о невыразимой муке повседневной жизни. «Неужели не найдется никого, кто бы потихоньку задушил меня, пока я сплю?» — в отчаянии воскликнул он, заканчивая рассказ, и сейчас же начал новую и последнюю повесть, в которой изложил историю своей жизни — нет, не жизни даже, а своего внутреннего ада, своего поражения. Эти два произведения — «Зубчатые колеса» и «Жизнь идиота» — можно, пожалуй, назвать кульминацией творчества Акутагава Рюноскэ. И кульминацией всей довоенной литературы Японии. В них сосредоточилось все богатство чувств и мысли замечательного писателя, все его огромное мастерство, и вместе с тем в них, как в капле тяжелой и живой ртути, отразилась безысходность и безнадежность положения, в которое загнала себя культура страны накануне самых страшных испытаний, какие когда-либо выпадали на ее долю.

Он подарил миру еще два шедевра. Но освободиться ему не удалось. Сын сумасшедшей и торговца из Ямагути, писатель Акутагава Рюноскэ покончил жизнь самоубийством на рассвете 4 июля 1927 года в возрасте тридцати пяти лет, приняв смертельную дозу веронала.

* * *

Может быть, он ушел из жизни потому, что изнемог в борьбе с безумием.

Может быть, он перестал жить потому, что его обнаженная совесть не в силах была больше терпеть постоянное соприкосновение с кровавой пошлостью буржуазной действительности.

А может быть, сыграло тут свою роль и то обстоятельство, что свои открытия Акутагава Рюноскэ сделал не в том порядке.

Творческий прием, открытый им, в соединении с громадным литературным даром принес ему мировую славу. Его читают на всех континентах, причем круг его читателей

непрерывно увеличивается. Большим успехом пользуется он и у читателей в Советском Союзе. Литературоведы и критики тщательно исследуют его творчество, а в Японии ежегодно один из молодых писателей получает премию его имени.

Аркадий Стругацкий Румата делает выбор

Советская молодежь (Рига). — 1974. — 17 нояб. — Интервью Ил. Полоцка.

Когда наша беседа уже подходила к концу, я попросил своего собеседника назвать лучших, по его мнению, писателей-фантастов, советских и зарубежных. Подумав минуту, он назвал полтора десятка имен. Его в этом списке не было. Это естественно. И я с удовольствием беру на себя приятную обязанность представить человека, с которым несколько часов беседовал в дубултском Доме творчества писателей.

АРКАДИЙ НАТАНОВИЧ СТРУГАЦКИЙ — старший (по возрасту) из «великолепной двойки» братьев Стругацких, авторов книг, которые давно и прочно стали неотъемлемой частью нашей культурной жизни. Смеею предположить, с творчеством Стругацких знакомы не только любители научной фантастики.

Без малого пятнадцать лет работают они в литературе. В их активе около двадцати книг; сейчас они аккуратной стопкой лежат рядом с моей пишущей машинкой. Во время поездки в Дубулты я наудачу взял с собой одну из книг. Это был многократно читанный «Обитаемый остров». Спыхватился я, что пора вылезать, лишь в Яундубулты...

— Аркадий Натанович, существует устная легенда о братьях Стругацких. Говорят, на одном из совещаний писателей-фантастов вам с братом задали sacramентальный вопрос: как вы пишете вдвоем? Поскольку этот вопрос вам изрядно поднадоел, кто-то из вас якобы ответил: «Очень просто. Так как один живет в Москве, а другой в Ленинграде, мы съезжаемся в Бологом, сидим в станционном буфете, пьем чай и пишем».

— Очень интересная методика... К сожалению, мы ее ни разу не опробовали: это в самом деле легенда. Как же мы пишем вдвоем? Да вот так в полном смысле слова — вдвоем. Каждое слово. Правда, методика эта возникла не сразу. Сначала мы встречались, обговаривали идею, сюжет, композицию — на этот счет у нас не возникало никаких разногласий, хотя наши профессии диаметрально противоположны: я востоковед-японист, а мой брат астроном, — потом разъезжались и писали каждый свою часть по отдельности. Или оба работали над одним и тем же куском, а потом «сращивали» их. Лишнее отпадало. Но впоследствии убедились, что это не самый рациональный метод. Теперь работаем за одним письменным столом, пробуем друг на друге каждое слово, каждый поворот темы...

— А как вы начинали?

— Откровенно говоря, писать мы начали... на пари. В 1956 году, только демобилизовавшись из армии, в которой прослужил пятнадцать лет, я был у брата в Ленинграде. Помню, мы шли по Невскому и дружно ругали нашу фантастику. В тот год одновременно вышли четыре книги о полете на Венеру. И герои, и ситуации в них были настолько выпендрены и однообразны, что казалось, будто все эти книги написаны одним автором. Жена моя шла между нами и только крутила головой, слушая то одного, то другого. Наконец ей это надоело, и она сказала, что мы оба болтуны, только и умеем, что критиканствовать. Состоялось это оскорбление около Аничкова моста. И тут же мы приняли решение: а что, в самом деле. Так мы начали работу, и в скором времени появилась «Страна багровых туч». И, хотя говорят, что женщины вдохновляют нас на великие дела, но никогда не дают их создать, к моей жене это не относится...

И эту, и несколько последующих книг мы писали по принципу «отталкивания» от пресловутой фантастики «ближнего прицела». Герои наши летят на Венеру не за неким абстрактным знанием, а за самой конкретной рудой; мы по мере возможности старательно избегали «фантастического антуража», наделяли и Быкова, и Крутикова, и Дауге самой заурядной, подчеркнута земной внешностью; говорили они нашим языком, не стесняясь даже вульгаризмов, — правда, за это нас нередко поругивали. Словом, это были книги типичного «приключения тела». «Приключения духа» присутствовали здесь в минимальной степени.

— *Можно понять вашу неприязнь к фантастике «ближнего прицела». Ее авторы писали о разработках, уже ведущихся в лабораториях. Помню, например, рассказ о размыве горной породы струей гидромонитора. Но все же — начинали вы не на пустом месте?..*

— Без сомнения. В те годы вышла в свет «Туманность Андромеды» Ивана Антоновича Ефремова, которая произвела буквально ошеломляющее впечатление и оказала огромное влияние на всю последующую советскую фантастику. Это было первое произведение такого взлета фантазии, такого полета духа. И причем, обратите внимание, это необозримо далекое будущее отнюдь не было таким безоблачным и розово-радостным. И в нем были потери и разочарования, и даже через тысячелетия перед человечеством будут стоять неразрешимые загадки, мучаясь над которыми будут гибнуть лучшие люди, гибнуть или уходить в невозвратный космос. Да, это была большая книга, написанная настоящим художником и мыслителем. И много лет мы чувствовали помощь и поддержку Ивана Антоновича. Плечо старшего друга, который в трудную минуту неожиданно оказывался рядом...

— *А как совершился поворот к «приключениям духа», которому посвящены фактически все ваши последние книги?*

— «Извне», «Страна багровых туч», «Шесть спичек», «Путь на Амальтею» были, в общем-то, лишь ученичеством. «По-новому» мы стали писать, начиная со «Стажеров». Затем появилось «Возвращение. Полдень. 22-й век». Мы писали о стране «младших научных сотрудников». О людях, которые, как мы тогда считали, уже сегодня несут в себе черты потомков из коммунистического завтра. О людях, для которых главная ценность бытия — именно в «приключениях духа». Хотя, как вы можете заметить, мы не чураемся занимательности и даже некоторой авантюристичности сюжетов. Но не это, конечно, главное...

— *Оправдали ли эти «младшие научные сотрудники» надежды, которые вы на них возлагали?*

— Откровенно говоря, пока еще не очень. Чем больше мы задумывались над морально-нравственными проблемами завтрашнего дня, тем яснее нам становилось, что путь становления качественно новой морали, качественно иного отношения к действительности гораздо более сложен, чем нам казалось, труден и непрост; он чреват ошибками и потерями...

— *Очевидно, этим трудным поискам посвящена повесть «Попытка к бегству»?*

— Да, именно так. Мы было задумали ее как веселую повестушку о приключениях молодых коммунаров, которые решили удрать и вволю порезвиться на какой-нибудь планетке. Написали пару глав и... остановились. Почувствовали, что зашли в тупик. Исписались. Герои стали такими розовыми, такими... недумающими... И тогда появился Саул Репнин, беглец из фашистского концлагеря... Появился фашизм и борьба с ним.

— *Некоторые считают, что фашизм — это сугубо локальное явление, ограниченное 30–40-ми годами нашего века и имевшее место лишь в Германии и Италии. А ведь это гораздо более многоплановое понятие, и, как раковую опухоль, его не удалось выкорчевать сразу...*

— ...и это очень волнует нас. Фашизм можно называть по-разному, придумывать разные термины, но наши последующие книги были посвящены именно этому: духовному ожирению и тупости, ведущим к жестокости. Об этом мы писали и во «Втором

пришествии марсиан», и в «Хищных вещах века», и, в значительной степени, в «Трудно быть богом»...

Хочется думать, что эта книга получилась. Нам кажется, что удался образ главного героя: мы старались убрать «голубизну», старались показать, что человек, за которым — счастливая Земля, которого воспитали поколения сильных, красивых и счастливых людей, — и такой человек может сомневаться, мучиться, совершать ошибки — ибо таково извечное свойство человека. Да, Арканар — это фашизм, Антон Румата, как и его друзья, тщательно наблюдают его симптомы — чтобы найти пути борьбы. Антон мучительно решает сложнейшую проблему выбора. По сравнению с арканарцами он — бог. Он может практически все. Но совершить это «все» — значит предать дело, ради которого ты сюда послан. А оставаться в бездействии не менее мучительно. Ведь ты человек, живой человек из плоти и крови, который страдает, любит и ненавидит. И Румата делает выбор — страшный, кровавый, но... неизбежный выбор. И хотя мы не говорим, что это было правильно, мы и не осуждаем его, а показываем путь, мучительный и трудный путь мысли...

— *Изменился ли конечный замысел этого романа по сравнению с тем, как вы задумывали его?*

— Практически нет. Правда, мы предполагали, что после смерти Киры Антон выйдет в свою последнюю схватку, вооруженный атомными бластерами. Но... это было бы слишком, как бы это выразиться поточнее, фантастически, и Антон взял привычные ему мечи.

— *Что вас волнует в современном мире?*

— Все. Проблема перенаселенности. К 2000 году нас будет шесть миллиардов. Можно, конечно, ввести контроль над рождаемостью, но это будет означать катастрофическое постарение населения Земли. Гибнущая природа. Что мы с ней делаем! Мы выпустили джинна из бутылки. Посмотрите на эту полосу пляжа за окнами. Я не могу себе представить, что это море останется без рыбы. У нас — да и во всем мире — сейчас ведется огромная работа по восстановлению живой природы, и теоретически мы все понимаем, но пока не умеем себя каждодневно, ежечасно контролировать...

А проблемы воспитания молодежи — разве могут они не волновать?

Сегодняшние школьники и студенты, да и те же младшие научные сотрудники много знают, они становятся прекрасными специалистами, но мы мало, катастрофически мало работаем над развитием и укреплением морально-нравственных ценностей, — да не прозвучит это слишком высокопарно... И неслучайно наш герой из «Обитаемого острова» Максим Каммерер, человек XXII века, просто не понимает, что значат слова «детская преступность», «социальное вспомоществование» и так далее. Нам надо больше думать о «ценностях духа», возвращенных человечеством на своем многотысячелетнем пути...

— *Кстати об «Обитаемом острове»... Как после «Улитки на склоне», произведения сложного и причудливого, появилась эта книга?*

— «Улитка на склоне» — вещь действительно сложная. Это был для нас с братом своеобразный эксперимент. Мы решили писать ее, подчиняясь лишь свободному ходу мысли, и что получилось — не нам судить, тем более что многие наши друзья и критики, чьему мнению мы, безусловно, доверяем, не могли дать этой книге однозначного толкования.

А с «Обитаемым островом» получилось интересно. Это был типичный социальный заказ. Как-то на авторском активе издательства «Молодая гвардия» пошел разговор о том, что у нас пока нет книги о Павке Корчагине сегодняшнего дня и надо постараться создать ее. «А о Корчагине завтрашнего дня?..» — спросили мы. И сели за приключения Максима Каммерера. Подлинного Павку Корчагина завтрашнего дня вряд ли удалось создать, но писали мы эту книгу с большой симпатией к своему герою.

— *Вопрос о «технике» вашей работы. Как вы придумываете имена своих героев?*

— А, это хитрая штука. Порой хорошее имя придумать труднее, чем написать книгу... Мы придумываем не имена, а, скорее, создаем систему имен. В «Трудно быть богом» в ее основу легла измененная система японских: Румата, Рэба, Тамэо, Окана. В «Обитаемом острове» — венгерских имен: Гай Гаал, Рада, Кэтшеф, Одри...

— *А Арканар?*

— Это уже сугубо наше. Как у Кассиля была в детстве Швамброния, так и мы с братом играли в Арканар.

— *Какие ситуации и положения привлекают вас?*

— Это не совсем точный вопрос. Ситуации и положения могут быть любыми. Например, как я уже говорил, мы с удовольствием «закручиваем» сюжет; детектив «Отель “У погибшего альпиниста”» мы писали просто с наслаждением. Но это не главное. Привлекают нас, если можно так выразиться, проблемы. Основная — морально-нравственное совершенствование. Мы никогда не учим злу — в любой его форме, — хотя вопрос о литературе как «учебнике» бытия достаточно сложен и не решается однозначно. Одна из самых острых проблем, на наш взгляд, — это вопрос о выборе. Об этом мы пытались размышлять в «Далёкой Радуге», имея в виду, конечно, Землю. Но там ответ на вопрос, кого спасать: ученых или детей, был однозначен. Куда сложнее выбор между равнозначными проблемами. Есть долг перед обществом и долг перед самим собой — что напрямую связано с проблемами того же самого общества, — долг, скажем, перед своим талантом. Очень трудно сделать такой личный выбор, и именно его мучительно пытаются сделать герои нашей последней работы «За миллиард лет до нашей эры».

— *Аркадий Натанович, назовите, пожалуйста, наиболее интересных писателей-фантастов у нас и за рубежом.*

— Ну, во-первых, Кирилл Булычев — писатель со своим миром, тонкий и остроумный. У Игоря Колупаева наряду со слабыми, проходными вещами встречаются очень интересные рассказы. Жаль, что мы потеряли превосходного писателя и обаятельнейшего человека Илью Варшавского. Хорошо и уверенно начинала Ольга Ларионова, но, к сожалению, трудная редакторская судьба ее «Леопарда на вершине Килиманджаро» пока лишила ее уверенности в себе. Интересно работают Е. Войскунский и И. Лукодянов, так же как и В. Журавлева, смело разрабатывающая новые темы.

Огромный интерес — конечно, лично для нас — представляет Генрих Альтов, создавший, как нам кажется, новое течение: научно-философский рассказ — талантливое произведение, в художественных образах отображающее самые общие тенденции развития современной науки. Да и вообще, должен вам сказать, по-моему, советская фантастика сейчас, пожалуй, наиболее мощная в мире после американской.

На Западе среди наиболее интересных имен, безусловно, Р. Шекли, сказочник Брэдбери — приверженец даже не научной фантастики, а скорее фантастики «чистой», сказочной. Очень мощно, сильно и своеобразно работают Курт Воннегут и хорошо нам знакомый С. Лем, вечной заслугой которого останутся такие проблемные произведения, как «Солярис», «Непобедимый». Интересные писатели М. Лейнстер, Г. Каттнер со своими Хогбенами, Д. Баллард, которого, к сожалению, мало знают у нас; лично мне очень нравится Абэ Кобо. Учтите, что список этот далеко не полон и продиктован личными пристрастиями...

Что ж, это понятно. Аркадий Натанович Стругацкий не претендует ни на энциклопедичность, ни на беспристрастность.

Тож не обладая этими качествами, я, тем не менее, не колеблясь, беру на себя смелость дополнить этот краткий список именами братьев Стругацких — их книги дают им право числиться в первой когорте писателей-фантастов современности.

И, думается, это утверждение поддержат все, кому знакомы имена Аркадия и Бориса Стругацких...

Вел интервью Ил. Полоцк

Из архива

Борис Стругацкий Рецензия на сборник фантастических рассказов «Незримый мост»

АЛЕКСАНДР ЖИТИНСКИЙ, «ЭФФЕКТ БРУММА», 46 стр.

Замечательному советскому физику, зачинателю работ по управляемой термоядерной реакции, академику Л. Арцимовичу принадлежит известное замечание о том, что наука — это самый удобный и приятный способ удовлетворения личного любопытства за государственный счет. Это, разумеется, шутка. Сейчас даже школьники знают, что наука — это, прежде всего, могучее средство покорения природы, ставшее за последние 40–50 лет, то есть буквально на наших глазах, важнейшей частью производительных сил любого развитого общества. Однако, как и всякая умная шутка, афоризм Л. Арцимовича содержит в себе истину. Действительно, любой настоящий ученый обуреваем ненасытным любопытством, переполнен вопросами к Природе, к Вселенной, эти вопросы мучают его зачастую всю жизнь, и всю жизнь он стремится найти ответ на них. Стремление понять и узнать: «Каким образом?.. По какой причине?.. А верно ли, что?..» является вечным источником движения науки, ее силовым полем, ее, так сказать, горючим. И если конечной целью научной деятельности, ее высшим продуктом оказывается ОТКРЫТИЕ (неважно, маленькое или большое), то первотолчком, первопричиной, сущностью этой деятельности следует считать ЛЮБОПЫТСТВО. Разными словами, но по существу одно и то же писали об этом и Ньютон, и Павлов, и Эйнштейн.

Повесть Александра Житинского — это повесть о современной науке и современных ученых. Об ученых, так сказать, дипломированных и ученых без диплома. О главном в науке и о том самом главном, без чего не бывает ученого. Герой повести (рассказчик) — рядовой м. н. с., обладатель диплома, специалист, человек с высшим образованием и — ни в какой мере не ученый. Он образован, трудолюбив, старателен, но совершенно равнодушен к науке вообще и к своей конкретной работе в частности. Он, конечно, делает какое-то свое маленькое дело, отрабатывает хлеб, приносит посильную пользу, но он не служит науке, он служит ПРИ науке. И вот ему довелось столкнуться с другим, истинным, героем повествования — человеком БЕЗ диплома, БЕЗ специального высшего образования, и в то же время — истинным ученым, человеком, горящим ярким, не угасающим с годами, чистым и бескорыстным пламенем любопытства. Да, он забавен и трогателен, этот физик-любитель из глубинки. Идеи его смешны, эксперименты далеки от мирового уровня, недостаток образования и конкретных знаний мешает ему сделать что-нибудь хоть мало-мальски новое в науке. Но в то же время горит в нем «искра божия», горит чистое пламя испытателя природы, ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ, и пламя это того же сорта, что сжигало Ньютона, Эйнштейна и Вавилова, Ломоносова, Эйлера и Дирака. И недаром от этого пламени загорается и наш, холодный до сих пор к науке, м. н. с., загорается не жаждой славы и степеней — стремлением узнать и понять загорается и из прислужника науки превращается в ее служителя и творца.

Повесть А. Житинского еще раз напоминает об очень важных и нужных вещах, особенно важных и нужных сейчас, когда наука в силу целого ряда причин активно притягивает к себе, вбирает в себя ежегодно сотни и тысячи молодых людей, из которых многие — ох, многие! — очень плохо представляют себе, что же такое наука и что такое ученый. Об очень важном и непростом автор рассказывает нам без всякой назидательности и дидактизма, просто, ясно, весело, с доброй улыбкой. Ненавязчивый органический юмор пронизывает все повествование — теплый и мягкий, когда речь идет о

хороших, честных людях, ядовитый и жесткий — когда появляются на сцене кое-какеры и околонаучная шушера. Язык повести прост и прозрачен, образы выпуклы, детали емки и точны — все это свидетельствует и о незаурядном мастерстве автора, и об отличном знании жизни, о которой он пишет.

Повесть А. Житинского «Эффект Брумма» могла бы, на наш взгляд, украсить любой из известных нам сборников фантастики, вышедших до сих пор. Несомненно, она послужит украшением и данного сборника.

ОЛЬГА ЛАРИОНОВА, «ПОДСАДНАЯ УТКА», 42 стр.

Рассказ О. Ларионовой посвящен контакту и содружеству человечества с иным разумом Вселенной. Тема, с одной стороны, не новая, но, с другой стороны, и нестареющая. Уровень современных научных знаний оставляет широчайший простор воображению писателя-фантаста, и сколько бы десятков и сотен вариантов контакта ни было рассмотрено раньше, остаются еще десятки и сотни вариантов, не менее интересных, поражающих воображение и поучительных.

О. Ларионова кладет в основу своего рассказа тот гипотетический случай, когда человечество вступает в контакт с цивилизацией гуманоидов, не слишком отличающихся от ХОМО САПИЕНС, но далеко обогнавших Землю на пути исторического прогресса. Альфиане больше знают о Вселенной, они больше могут, они далеко впереди землян во всем, что кажется важным и существенным, им доступно то, о чем земляне еще только мечтают. Естественно в этом случае возникновение некоего психологического шока, если угодно, — удара по самолюбию человечества, которое всегда было склонно считать себя средоточием лучшего во Вселенной. Последствия такого гипотетического шока сейчас, разумеется, не поддаются никакому расчету, и потому совершенно правомерна та схема, которую предлагает автор: шок породит взрыв энергичных усилий человечества доказать свое право с честью носить звание Высокоразвитого Разумного Существа. Да, мы гораздо моложе, мы меньше знаем и меньше умеем, но если речь пойдет о том, что составляет суть и основу цивилизации, — о гордости, о подвиге, о способности к самопожертвованию, о дружбе и о любви, — что ж, тут мы не ударим в грязь лицом и никому не уступим ни в чем.

На таком вот фоне разворачиваются события рассказа О. Ларионовой — рассказа о гордости, о подвиге, о жертве во имя дружбы и любви. Рассказ написан ярко, живо, увлекательно. Очень хорошо продуманы и выписаны образы альфиан — представители иного разума получились существами чрезвычайно привлекательными, вызывающими живейшее сочувствие и симпатию, чего не так уж часто удается добиться авторам фантастических рассказов. Хороши и люди, хотя на фоне альфиан они и выглядят несколько более схематичными.

Рассказ в целом несомненно удачен, хотя местами и возникает ощущение некоторой затянутости, утери темпа — особенно в диалогах. Может быть, следовало бы вовсе исключить из повествования первый диалог (стр. 2–5): сам по себе он не очень интересен, а информация, содержащаяся в нем, сообщается читателю ниже. Попадающиеся в рассказе отдельные стилистические огрехи легко устраняются редакторской правкой.

АСКОЛЬД ШЕЙКИН, «ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ», 39 стр.

Идея рассказа несомненно навеяна последними открытиями и достижениями в области трансплантации человеческих органов. Возникающие в результате этих открытий совершенно уже вненаучные, чисто моральные и социальные проблемы не только чрезвычайно важны и сложны — они требуют скорейшего разрешения по самым очевидным причинам.

Рассказ А. Шейкина поэтому актуален в самом лучшем смысле этого слова, ибо хотя действие там происходит несомненно в будущем (пусть — не очень далеком), события эти касаются — сегодня, сейчас! — каждого честного человека на Земле.

Страницы, посвященные приключениям советского моряка, попавшего случайно на остров, который какие-то богатые мерзавцы превратили в «склад запасных частей человеческих», написаны очень интересно и увлекательно, и можно только пожалеть, что автор уделит этим приключениям лишь часть рассказа, а не рассказ целиком, использовал далеко не все возникающие из заданной ситуации возможности, был излишне, так сказать, лаконичен, описывая остров, его несчастных аборигенов, их странную, исковерканную, недолгую жизнь. Тема «современного Освенцима» настолько важна и интересна, что искусственным и ненужным выглядит обрамление основного сюжета чисто вспомогательным описанием эксперимента по переброске влаги из одного района земного шара в другой. Легко заметить, что рассказ прекрасно читается, если начинать его не с первой, а сразу с 12-й страницы. Мы бы настоятельно рекомендовали автору просто отбросить первые 11 страниц и слегка переделать последние две — рассказ от этого только выиграет в цельности и эффектности.

По нашему мнению, автору надлежит также подумать над следующими вопросами, которые с неизбежностью должны возникнуть почти у всякого читателя:

1. Как попал на остров Абуделькадер? Ведь он, в отличие от прочих аборигенов, явно попал туда уже взрослым человеком — он прекрасно разбирается в обстановке и даже, по-видимому, пытается поднять на острове бунт. Кто же он такой? Жертва? Или, может быть, он проник на остров, уже зная его тайну и намереваясь что-то предпринять против мерзавцев-хозяев?

2. Откуда у Абуделькадера такая изначальная ненависть к Поликарпову? Не может же он не понимать, что советский моряк попал на остров случайно, что к хозяевам он никакого отношения не имеет, что он бежит с этого острова при первой возможности (спасая при этом и самого араба). Недоразумение такого рода не могло бы длиться слишком долго — уж в лодке-то, посреди океана, Абуделькадеру, казалось бы, следовало наконец понять, что он имеет дело не с врагом, а с другом.

3. Почему, собственно, рассказ называется «Дни нашей жизни»? На наш взгляд, название это не соответствует ни сюжетному, ни эмоциональному содержанию повести.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что рассказ несомненно интересен и должен быть включен в сборник, но определенные переделки и дополнения (не говоря уже о стилистической правке) представляются нам неизбежными.

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ, «КОМАНДИР», 14 СТР.

«РАССЕЯННОСТЬ АЛИКА СЕМИНА», 11 СТР.

«УРАГАН», 37 СТР.

Наиболее интересным из предлагаемых И. Росоховатским рассказов является, по нашему мнению, «Ураган». Этот рассказ написан не только увлекательнее, живее, энергичнее двух других, — он содержит также больше фантазии, выдумки, элемента неожиданности, непредсказуемости. Хороша и главная идея автора — об отвратительности, неприемлемости для настоящего человека покойной, сытой, растительной жизни потребителя и раба мелких страстишек. В человеке носитель разума вечно борется с обывателем, причем обыватель может быть чрезвычайно изобретателен и хитер в этой борьбе, но в настоящем человеке носитель разума, искатель, исследователь, «Коперник» всегда берет в конце концов верх. Эта благородная идея интересно и неожиданным образом подана в рассказе, который вполне достоин быть включенным в сборник. Нельзя не отметить, однако, что автору иногда изменяет чувство меры и вкуса — рассказ в общем растянут, переполнен длинными и не очень интересными рассуждениями и воспоминаниями, написан весьма неряшливо и требует значительной стилистической правки. Иногда нарушается и сама логика повествования. Трудно, например, допустить, чтобы после всех грозных и достаточно ясных предупреждений (гибель предшествующей экспедиции, ее последняя радиограмма) герои повести действовали бы так беспечно и неосмотрительно, как они действуют по воле автора — расхаживают поодиночке, смело

заглядывают во все щели и т. д. Конечно, с человеком, который держится настороже и в любой момент готов к столкновению с опасностью, «аборигену-пещере» справиться значительно труднее, а следовательно, труднее становится и автору. И тем не менее, автору следует понять, что правдоподобие нельзя приносить в жертву простоте изложения и завязки сюжета.

Рассказ «Командир» является произведением более законченным и отделанным в смысле формы и стиля, он написан аккуратно, чисто, пометок на его полях гораздо меньше. И в то же время он производит значительно меньшее впечатление на читателя. Какой-то он получился вялый, серый, тусклый. Нет, он не вызывает возражений: там есть идея — и неплохая идея (командир всегда остается командиром), там есть человек — и, вроде бы, неплохо выписанный человек... А вот читать этот рассказ скучновато. Довольно быстро догадываешься, чем он должен кончиться, начинает раздражать неумеренность, с которой автор рассыпает по страницам риторические вопросы, начинаешь, наконец, сомневаться в правдоподобии ситуации. «Да полно! — говорит себе читатель. — Да возможно ли, чтобы неспециалист, да еще на одре болезни, да фактически при смерти, проявил бы такую фантастическую проницательность и прозорливость, будь он хоть трижды Командир?..» Мы не хотим сказать, что рассказ плох, — просто он вяловат и не увлекателен. Такой рассказ, вероятно, не испортит сборника, но уж, во всяком случае, и не украсит его, ибо, как известно, «все жанры хороши, кроме скучного».

Что же касается «Рассеянности Алика Семина», то этот рассказ, на наш взгляд, просто не удался. Задуман он, может быть, и неплохо, но написан так, что оставляет ощущение абсолютной непродуманности. Автор словно бы и сам не понимает толком, кого же (или что?) выводит он на сцену. Эти материализовавшиеся герои известных книг — что они такое? Реальные, живые, во плоти и крови Шерлок Холмс, Джон Силвер и Нат Пинкертон? Но тогда почему они чувствуют себя как дома на искусственном спутнике Марса, в окружении технических чудес, которые, надо думать, и нас, сегодняшних, должны были бы потрясти? Попытался ли автор представить себе РЕАЛЬНЫЕ переживания и ощущения материализовавшегося Ш. Холмса, жителя середины XIX века, попавшего вдруг с туманной Бейкер-стрит пусть даже не на ИС Марса, а всего лишь на нынешний аэродром?.. При чтении этого рассказа ощущение полнейшей недостоверности и непродуманности происходящего не покидает читателя. Рассказ в таком виде не может быть опубликован, он требует коренной перделки.

АНДРЕЙ БАЛАБУХА, «РАВНОВЕСИЕ», 7 стр.

«НА ПОРОГЕ», 17 стр.

«ЦВЕТОК СОЛЛЫ», 9 стр.

Рассказы «Равновесие» и «Цветок Соллы» принадлежат, по-видимому, к обширному циклу, над которым А. Балабуха начал работать уже давно и продолжает работать и сейчас. Это — цикл небольших зарисовок, картинок общества далекого коммунистического будущего, пестрая мозаика образов, эпизодов, профессий, моментальных снимков, если угодно. Оба предлагаемых рассказа из этого цикла написаны тщательно и аккуратно, старательно отделаны и производят хорошее впечатление. Рассказ «Равновесие» более глубок и в то же время более явно перекликается с сегодняшним днем, с сегодняшними проблемами. Есть и всегда будут люди — энтузиасты — стремящиеся максимально ускорить прогресс человечества; есть и всегда будут люди — тоже энтузиасты! — которым надлежит пристально следить за сопутствующими процессами и принимать все меры к тому, чтобы эти процессы не нарушили экологического баланса; есть и всегда будет существовать конфликт между этими людьми, хотя и те, и другие работают на благо человечества, — эта мысль кажется нам глубоко верной и достойной рассказа.

«Цветок Соллы» — рассказ лирический, и, как кусочек мозаики, он тоже неплох, хотя и производит несколько странное впечатление какой-то необыкновенной, «художественной», рецензии на известный роман А. Толстого.

Самым интересным из трех предлагаемых произведений мог бы оказаться рассказ «На пороге» — уже просто потому, что это рассказ о встрече с чудом. Собственно, это весьма распространенный класс научно-фантастических рассказов, и мировая фантастика продемонстрировала нам множество разнообразнейших реакций литературных героев на чудо. А. Балабуха почему-то из всех возможных и мыслимых реакций выбрал самую скучную — разговоры. Герои слишком много и не слишком интересно разговаривают. На наш взгляд, основательно сократив и почистив эти многословные беседы, автор мог бы заметно улучшить рассказ. Очень странно и даже дико выглядит варварский выстрел в небо чужого мира — особенно дико на фоне разговоров об осторожности и необходимости сдерживать порывы. Представляется несколько искусственным и то обстоятельство, что герои рассказа не сделали ни малейшей попытки «организованно» проникнуть в чужой мир, хотя бы для того, чтобы раздобыть и сохранить хоть какие-нибудь вещественные доказательства чуда, — ведь понимали же они, что феномен может исчезнуть в любой момент! Длинные рассуждения, нелепая пальба, слепое самопожертвование — и ни одного сколько-нибудь продуманного и осмысленного поступка (если не считать, конечно, фотографирования). А ведь у героев было время подумать. У автора — тем более.

А. ШАЛИМОВ, «НЕУДАЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ», 30 стр.

«КТО НАЖМЕТ НА СТОП-КРАН?», 28 стр.

Консервация сознания, пересадка личности из человека в машину и обратно — эта тема уже давно занимает фантастов, об этом много написано, рассмотрены и проанализированы десятки и, может быть, сотни гипотетических ситуаций и возникающих в этих ситуациях проблем. Надо отдать должное автору, который в рассказе «Неудачный эксперимент» нашел свежий и довольно оригинальный поворот старой темы: консервация сознания приводит у него к возникновению «электронного идола», мнения и решения которого оказываются вне разумной критики и каких-либо сомнений. Наука порождает современный эквивалент бога, вещающего одни истины и только истины, а ученые превращаются в жрецов некоего нового культа. Интересный, в общем, рассказ содержит, к сожалению, некоторые неясности. Так, например, непонятно, каким образом законсервированная личность оказывается способной совершить, так сказать, десант в тело другого человека. Описание этого эпизода в рассказе (стр. 11–12) вызывает недоумение: каким, собственно, образом сознание профессора Ноэля сумело подвести ток к внешним частям вычислительной машины? Как этот ток идет? Где, так сказать, плюс и минус возникшей (кстати, по чистой случайности) цепи «машина-лаборант-кресло»? Нам кажется, что некоторая (небольшая) доработка в этом пункте не повредила бы рассказу.

Рассказ «Кто нажмет на стоп-кран?» поднимает очень важную проблему ответственности ученого за судьбу своего открытия, проблему, разработанную в фантастике очень подробно. Здесь автору, надо сказать, не удалось найти своего оригинального подхода. Рассказ вызывает ощущение чего-то давно и неоднократно читанного. Бросается в глаза также скороговорка, торопливость в развитии сюжета, множество стилистических огрехов, — словно автор задумал писать повесть, а потом вдруг, на ходу, решил ограничиться рассказом. Отсюда же, вероятно, и неверно расставленные эмоциональные акценты: сочувствие читателя целиком на стороне заблудившегося гения, а не его скучного, туповатого оппонента, хотя гений в рассказе только и делает, что совершает ошибки, а оппонент, напротив, всегда прав и служит, по сути, рупором идей, проводимых автором. Рассказ, на наш взгляд, еще очень сырой, он требует не только тщательной стилистической правки, но и существенной авторской доработки. В нынешнем виде это, скорее, подробный план незаконченной повести.

И. СМЕРНОВ, «ТАЙНА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ», 36 стр.

Предлагаемый рассказ относится к довольно редкому жанру фантастического детектива. Поскольку речь идет о фантастике, в рассказе все обстоит более или менее благополучно. Можно только посоветовать автору остановиться все-таки на втором варианте концовки: люди НЕ оказываются искусственно созданными саморазвивающимися киберсистемами. Во-первых, такой вариант менее банален, а во-вторых, в этом случае автор смог бы перенести действие на Землю, что, в свою очередь, упростило бы антураж и сделало повествование более естественным.

Гораздо хуже обстоит дело с детективной линией. Невозможно перечислить все натяжки и попросту ляпсусы, которые допускает следователь волею автора. Перечислим только некоторые недоуменные вопросы, возникающие при чтении.

1. Почему большинство допросов следователь проводит по видеofону?

2. Почему при первом допросе д<окто>ра Роса (стр. 12–16) следователь почти не расспрашивает его о таинственной пещере? Что это за пещера? Где она находится? Что в ней? Это же естественнейшие вопросы, возникающие в первую очередь у читателя! Почему следователь не отправляется немедленно, дабы лично обследовать эту пещеру? Ведь ясно же, что именно там — узел всех загадок.

3. Стр. 20–22. Допрос солдат. Откуда солдаты узнали о существовании пещеры? Кто, собственно, мог им сказать, что «взорвана была пещера»? Вообще зачем понадобились автору ТРОЕ солдат, если все время дает показания только один из них, а остальным «нечего добавить к сказанному»?

4. Стр. 23. Появляется некто «дежурный у печи». У какой печи? Кто он вообще такой? О каком снимке «странного металла» идет речь? Почему «дежурный у печи» должен делать какие-то снимки да еще пересылать их следователю? Опять же, почему следователь сидит, как прикованный, в своем кабинете и не выезжает на место происшествия — делать снимки и пр<очее>?

5. Стр. 25. Нашлась драгоценная для следствия пропавшая кассета. И вновь следователь просит «прислать ее с надежным человеком». Воистину, он, видимо, дал себе слово не двигаться с места, этот странный следователь. Он предпочитает, очевидно, еще разок рискнуть кассетой...

И т. д. и т. п. Странное, совершенно непрофессиональное поведение; странные алогичные вопросы... Следователь и следствие совершенно не удались автору. Нам кажется, что рассказ нельзя будет считать законченным до тех пор, пока автор не приведет в порядок эти 15–20 страниц. Печатать рассказ в его нынешнем виде невозможно: он смешон.

АЛЕКСАНДР ХЛЕБНИКОВ, «НЕВЕРОЯТНЫЙ ВЫДУМЩИК», 14 стр.

«УЛЫБКА НИКИ САМОФРАКИЙСКОЙ», 22 стр.

Рассказ «Невероятный выдумщик», хотя его и никак нельзя назвать оригинальным, производит самое благоприятное впечатление. Он лаконичен, забавен, написан просто, но с выдумкой. Мы предложили бы только автору повысить все-таки возраст героини до 7–8 или даже до 10–12 лет. Не потому, что мы сомневаемся в успехах педагогики будущего, а просто потому, что с точки зрения современного читателя трехлетняя девочка, изображенная в рассказе, выглядит, нам кажется, почти уродцем. Думается, автор все-таки хотел поразить воображение читателя перспективами будущего, а не шокировать его.

«Улыбка Ники Самофракийской» более напоминает лекцию экскурсовода, чем научно-фантастический рассказ. Сама по себе эта лекция, может быть, и неплоха, но почти все, что выходит за ее рамки, никуда не годится. Особенно небрежно и, можно сказать, бездумно написаны страницы, посвященные реализации проекта «НИКА». Как ухитрились авторы этого проекта (чрезвычайно дорогого и тщательно подготовленного) столь неточно сформулировать задание ЭВМ? Ведь программа ЭВМ в проектах такого

типа это основа основ; ее контролируют, проверяют и перепроверяют десятки специалистов! Что за странную надежду выражает Арно: «Три... минуты существования Нового памятника — срок вполне достаточный для фотолюбителей... Теперь-то их снимки как раз и вырчат» (стр. 17). То есть, конечно, вероятность того, что Новый памятник попадет на фотопленку, достаточно велика, но вот какова вероятность, что пленка эта попадет в руки ученых, заинтересует их, останется в архивах? По нашему мнению, Арно не стоит запрашивать информаторий, ибо ответ «Нет» можно легко предсказать. А вот тот факт, что за СТО лет существования памятника ни один ученый, ни один художник, ни один любитель не заметил, что выражение лиц скульптур переменялось (стр. 21), — вот это уже полнейшая фантастика! Мало того что рассказ, в общем, скучноват, — он еще вдобавок и на редкость плохо продуман. Нам кажется, что без существенных переделок этот рассказ опубликован быть не может.

ФЕЛИКС СУРКИС, «Я + Я = ?», 24 стр.

Явным недостатком этого рассказа, написанного, в общем, не без таланта, кажется, пожалуй, его неоригинальность — впечатление заимствования, неизбежно возникающее при чтении. Тема двойников слишком уж активно эксплуатируется последнее время в нашей фантастике (достаточно вспомнить, например, большие повести Савченко и Громовой с Нудельманом). Рассказ, кроме того, сильно затянут. Совершенно необходимо основательно почистить его от лишней болтовни и не слишком удачных острот. Невероятно затянута сцена знакомства (стр. 2–11): герой высказывает массу нелепейших предположений относительно появления своего двойника, а двойник (явно работая на читателя) слишком уж тянет время, не желая почему-то сразу объяснить ситуацию, что было бы наиболее естественно. Дико и совершенно психологически недостоверно выглядит драка (сама по себе написанная, впрочем, очень неплохо и со знанием дела). Вызывает серьезные сомнения странный режим будущих психоматематиков — слишком уж сильно пахнет от него казармой. Наконец, высказываемые героем на стр. 20 трагические опасения, составляющие, так сказать, философско-этическое ядро рассказа, попросту надуманы. Автор исходит из предположения, что 1) двойники будут всегда перед глазами друг у друга и 2) останутся идентичны до самой смерти. Однако мозолить друг другу глаза — если уж это так неприятно — им вовсе не обязательно, а что касается идентичности, то, во-первых, они не так уж похожи друг на друга изначально (фундаментальное различие в происхождении делает их гораздо менее схожими психологически, чем тривиальных близнецов), а во-вторых, различие между людьми — это ведь в значительной степени различие их судеб, а судьбы героя-оригинала и его дубля различаются изначально, и различие это со временем будет лишь возрастать.

Нам кажется, рассказ требует не только значительной стилистической правки, но и существенной доработки.

АЛЕКСАНДР МЕЕРОВ, «ПРИДИТЕ ЗАВТРА», 36 стр.

Этот рассказ о краткой и, по сути, случайной встрече «будетлян», жителей солнечного коммунистического далека, со своими предками, с миром сегодняшнего дня, является, на наш взгляд, удачей автора. Читатель с самым живым интересом следит за перипетиями сюжета, радуется вместе с героями, грустит и волнуется вместе с ними. Некоторые сцены (вечер в Москве, эпизод в редакции) написаны превосходно — живо, точно, с забавными, хорошо продуманными деталями. Вместе с тем, некоторые эпизоды явно затянуты и требуют сокращений и стилистической правки. Это относится в первую очередь к диалогам «будетлян» — там много плеоназмов, повторений, язык нарочито усложнен, а некоторые из рассуждений представляются тривиальными. Рассказ, несомненно, может быть опубликован после того, как некоторые сокращения сделают его более мускулистым и энергичным.

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ, «РАБОЧИЙ ДЕНЬ», 17 стр.
«ЗМИЙ», 91 стр.

Что было бы, если бы удалось найти способ аккумулировать, материализовать тот клокочущий поток творческой энергии, который невидимо и неслышимо сотрясает Вселенную, бурля в мозгу (в душе? в сердце?) творца, в воображении своем создающего и сокрушающего целые миры? Буйный вихрь той энергии, что творит великие полотна и неумирающие книги? Какое удивительное и чудодейственное вещество оказалось бы тогда возможным собрать в пробирку? Панацею? Философский камень? Сгусток невероятного горючего для вечного двигателя? В своем маленьком, изящном и точном рассказе «Рабочий день» А. Щербаков «реализует» эту фантастическую идею. Рассказ, без сомнения, является одним из лучших в сборнике. Есть в нем что-то от счастливых и буйных детских грез — не снов, а именно грез наяву, когда мальчишка, отражая злобный натиск озверелых фашистских орд, самозабвенно и яростно рубит деревянной саблей заросли крапивы и лопуха. Рассказ хорош по самому серьезному счету, он безусловно должен быть опубликован. Единственное наше замечание сводится к следующему: автору надо было бы дать более четкое объяснение, что именно происходит в лаборатории (стр. 7). Собственно, автор рассказал о «производственном процессе» не так уж плохо, но, на наш взгляд, от читателя все-таки требуется несколько чрезмерное усилие, чтобы разобраться, понять, — читатель либо застревает в этом месте, либо проскакивает его сходу, не разобравшись, а потом ему уже трудновато понять, что такое терфакт и откуда он взялся.

Повесть «Змий» лишний раз доказывает, что главное в произведении не новизна темы, идеи, даже сюжета, а новизна авторского взгляда на мир, новизна манеры, стиля, способа изображения и осмысления действительности. Читатель, конечно, понимает, что и завязка, и развязка этой повести — отнюдь не изобретение автора. Новое открытие; неожиданные и непредвиденные последствия; угроза, опасность, «змея на пороге» — вся эта схема уже многократно и, казалось бы, исчерпывающе проанализирована десятками авторов всех времен и народов. Однако А. Щербаков находит свой, личный подход к банальной, казалось бы, ситуации. В центр повествования он ставит судьбу человека, его размышления, его сомнения, его решение. Не приключениям фантастического открытия, а приключениям человеческого духа посвящена эта повесть — рассказ о сложном, иногда мучительном пути сомнений и внутренней борьбы, по которому ведет судьба пожилого сенатора Тиннозера, прожженного политика и в то же время в чем-то главным — честного, порядочного человека, перед которым, может быть впервые в его жизни, встала моральная проблема, требующая предельного напряжения всего доброго, что еще сохранилось в нем. Это повесть серьезная, умная, настоящая — без умилительного сюсюканья и без дешевых эффектов показывающая, как усложнился наш мир, как все в нем оказалось взаимосвязанным и с какой суровой настойчивостью он способен потребовать от человека честного ответа на вопрос: «С кем ты и зачем ты?» Опубликование такой повести в сборнике можно только приветствовать.

Подведем итоги.

Все предлагаемые произведения мы склонны были бы разбить на следующие группы:

1. Произведения, лежащие заведомо выше среднего уровня современной советской фантастики, не требующие (или почти не требующие) авторской правки.

А. ЖИТИНСКИЙ «ЭФФЕКТ БРУММА», 46 стр.

О. ЛАРИОНОВА «ПОДСАДНАЯ УТКА», 42 стр.

А. ЩЕРБАКОВ «ЗМИЙ», 91 стр.

А. ЩЕРБАКОВ «РАБОЧИЙ ДЕНЬ», 17 стр.

2. Произведения, лежащие на добротном среднем уровне, требующие большей или меньшей авторской доработки:

- А. БАЛАБУХА «РАВНОВЕСИЕ», 7 стр.
- А. БАЛАБУХА «ЦВЕТOK СОЛЛЫ», 9 стр.
- А. МЕЕРОВ «ПРИДИТЕ ЗАВТРА», 36 стр.
- И. РОСОХОВАТСКИЙ «УРАГАН», 37 стр.
- А. ХЛЕБНИКОВ «НЕВЕРОЯТНЫЙ ВЫДУМЩИК», 14 стр.
- А. ШАЛИМОВ «НЕУДАЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ», 30 стр.
- А. ШЕЙКИН «ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ», 39 стр.

3. Произведения, требующие значительной авторской переработки.

- А. БАЛАБУХА «НА ПОРОГЕ», 17 стр.
- И. РОСОХОВАТСКИЙ «КОМАНДИР», 14 стр.
- И. СМЕРНОВ «ТАЙНА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ», 36 стр.
- Ф. СУРКИС «Я + Я = ?», 24 стр.
- А. ШАЛИМОВ «КТО НАЖМЕТ НА СТОП-КРАН?», 28 стр.

4. Произведения, требующие полной переработки.

- И. РОСОХОВАТСКИЙ «РАССЕЯННОСТЬ АЛИКА СЕМИНА», 11 стр.
- А. ХЛЕБНИКОВ «УЛЫБКА НИКИ САМОФРАКИЙСКОЙ», 22 стр.

Аркадий Стругацкий Аннотация на повесть Санъютэя Энтё «Пионовый фонарь»

Повесть «Пионовый фонарь» является почти дословной (стенографической) записью «многосерийного» рассказа одного из последних классиков дореформенной японской литературы Санъютэя Энтё, изумительного мастера фабульной новеллы и прославленного деятеля «театра одного актера» второй половины прошлого века.

Повесть населена чрезвычайно богато: перед читателем раскрывается целая галерея ярких, очень точных и выпуклых образов, представляющих практически все социальные слои старинного Эдо, во всей сложности их тогдашних взаимоотношений и связей. По форме повесть можно назвать сказочной, хотя фантастические элементы ее, по мнению переводчика (А. Стругацкий), легко истолковываются как выдумка одного из персонажей. Социальный же пафос «Пионового фонаря» — страшная, неодолимая власть денег в феодальном обществе.

Первое издание «Пионового фонаря» («Художественная литература», 1964 г., 50 000 экз.) разошлось в несколько дней и давно стало библиографической редкостью. Нет сомнений, что новое издание будет встречено советским читателем с большим удовлетворением.

Аркадий Стругацкий Интервью из 1974 года

ВИКТОР ЗУЕВ: Это интервью я делал для журнала «Памир», где тогда работал, — в начале 1974 года. В то время Аркадий Стругацкий заканчивал очередной киносценарий, на сей раз для студии «Гаджикфильм» (в соавторстве с таджикским писателем Фатехом Ниязи)¹. Первые несколько лет после события, — уже уехав из Душанбе, — я

¹ Литературный вариант под названием «Семейные дела Гаюровых» опубликован в 5-м и 6-м номерах «Памира» в том же году. — В. Зув.

интересовался судьбой материала и, неизменно получая соответствующие уверения, честно не делал попыток опубликовать его в ином издании. Однако по причинам, оставшимся мне неизвестными, в «Памире» эта беседа так и не увидела, как говорится, свет. Хорошо хоть, что редакции, воспользовавшейся доступностью (в буквальном смысле слова: в конце 1973-го и первой половине 1974-го А. Н. Стругацкий подолгу жил в Душанбе и частенько баловал своим вниманием маленький, но дружный коллектив «Памира») любимого писателя, удалось заполучить забавную повесть, имеющую отношение скорее к жанру «фэнтези», нежели к жанру «сайенс фикшн», созданную, видимо, братьями Стругацкими на заре их литературного творчества¹.

Об интервью же я успел забыть, и если бы не разговор летом 1989 года в Южно-Сахалинске о готовящемся сборнике по итогам научно-практической конференции по фантастике, не стал бы к нему возвращаться. Одним словом, все по формуле: будет то, чему положено быть, даже если этого и не будет, — как сказано в Коране. Просто человек не всегда знает, что же положено именно ему, и поступает по-своему. Вот и оказывается, для того чтобы напечатать интервью с А. Стругацким, я должен был перебраться из Душанбе в Ялту (откуда я в свое время перебрался в Душанбе), из Ялты — в Москву, отправиться наконец в командировку на свою дальневосточную родину и только там, через пятнадцать лет после события, напечатать этот маленький материал с такой большой историей...

В. ЗУЕВ. Как известно, все Ваши произведения написаны в соавторстве с Борисом Стругацким. Чтобы не задавать ставший банальным вопрос, с которым обращаются ко всем писателям, работающим вдвоем, разрешите сформулировать так: почему Вы пишете вместе, если хорошо получается и по отдельности?

А. СТРУГАЦКИЙ. Наверное, потому, что нам нравится работать вдвоем. По-видимому, мы одинаково понимаем литературу, у нас один литературный вкус. Можно было поставить вопрос иначе: что нам дает совместное творчество? Очень большое различие наших характеров, темпераментов позволяет нам критически относиться к себе, не оставляет возможности для компромиссов, усиливает самоконтроль. Немаловажно и то, что, как люди, не лишённые чувства юмора, мы во время работы посмеиваемся друг над другом. Все это развивает очень важное качество человека, вдвойне важное в творчестве, — самокритичность.

В. ЗУЕВ. Однажды Вы, Аркадий Натанович, рассказывали, как была написана повесть «Извне», одна из самых ранних книг: по возвращении из Пенджикента Борис Натанович таинственно сообщил, что есть какая-то идея, а через месяц прислал черновик рукописи. Вы по-прежнему работаете таким же образом?

А. СТРУГАЦКИЙ. Теперь мы не прибегаем к таким стимуляторам, как личные впечатления. Они служат лишь орнаментом, канвой повествования. Свои первые вещи мы не считаем удачными и охотно подписали бы псевдонимом. Настоящая работа началась где-то с 60-го года. Поскольку Борис живет в Ленинграде, а я в Москве, мы съезжаемся вместе, намечаем тему, разрабатываем сюжет, главный мотив произведения. Хотя мы не видим возможности работать без плана, мы никогда не придерживаемся его буквы. План служит упорядочивающим началом, первым приближением. Поведение нашего героя только задано, в лучших вещах герои действуют вообще независимо от главного мотива и даже, если хотите, независимо от нас. Мы отлично осознаем, что начиная с первой трети план рушится, но он служит тем первым камнем, с которого начинают закладку фундамента. Достаточно сказать, что «Трудно быть богом» и «Попытка к бегству» были задуманы как вещи фабульного, чисто развлекательного характера, и для нас стало почти

¹ Ярославцев С. ЭКСПЕДИЦИЯ В ПРЕИСПОДНЮЮ. — Памир, 1974, №№ 7–12. — В. Зув.

неожиданностью, что в ходе работы над ними возникли такие трагические фигуры, как Саул или Румата.

Иногда изменение плана вытекает из неудовлетворенности сюжетом. Например, в «Пикнике на обочине» четвертая глава показалась нам пресной, не хватало какого-то завершающего штриха. И тогда мы подбросили Рэдрику Шухарту золотой шар — Машину Желаний.

В. ЗУЕВ. И так — скелет произведения готов...

А. СТРУГАЦКИЙ. ...Мы разъезжаемся, и уже в переписке выясняем, так сказать, частности.

В. ЗУЕВ. Что в своей работе ставите Вы во главу угла?

А. СТРУГАЦКИЙ. Мы не представляем себе романа или повести без острого сюжета, но для нас крайне важна мировоззренческая сторона медали — нравственная, философская. «Страну багровых туч» мы писали не как фантастический роман — мы старались поставить человека в такие ситуации, где наиболее ярко выявляется его характер, его душевные качества, хотели показать, как бы конкретный человек повел себя в таких условиях. Но очень скоро мы поняли, что литература не на этом держится. Мы принялись ставить проблему так, чтобы герой с заданным характером, с определенной линией поведения решал ее через сюжет. Мы верим во всемогущий разум человека, поэтому нас интересует не то, что разъединяет людей, а то, что их сближает. Мысль о стирании граней между нациями нам очень подходит. Нас интересуют различия классовые, мировоззренческие, различия судеб. Отсюда — самая современная проблематика наших вещей.

В. ЗУЕВ. Сейчас все чаще раздаются голоса в пользу того, что за коллективным творчеством — будущее. Что скажете по этому поводу Вы, Аркадий Натанович, тем более что два писателя — это уже маленький коллектив?

А. СТРУГАЦКИЙ. Нам кажется, что бригадным методом нельзя создать что-либо приличное в искусстве. Исключение — кино. Ценность творчества в его индивидуальности. О нас же по отдельности говорить нельзя: Аркадий и Борис Стругацкие — это один писатель. То, что происходит в наших головах, происходит, очевидно, <и> в индивидуальном мозгу одного писателя. У нас никогда не возникает расхождений по поводу сюжета, линии поведения героя и проблематики произведения. Бывает кое-что — например: расквасили герою нос или нет — мы решаем жеребьевкой, но это — частности, потому что так или иначе, а героя побили. Как правило, мы совершенно не знаем, хорошо или плохо написали, но, даже если вещь хвалят, особой гордости мы в общем-то не испытываем. Это, наверное, естественно — знать, что лучшая книга еще не написана.

В. ЗУЕВ. А все-таки: что из созданного братьями Стругацкими больше всего нравится лично Вам?

А. СТРУГАЦКИЙ. В языковом отношении лучше всего «Второе нашествие марсиан», хорошо сделаны «Гадкие лебеди» и «Улитка на склоне».

В. ЗУЕВ. В нашей стране большинство любителей фантастики отдают предпочтение зарубежным писателям. Вы свободно владеете по меньшей мере двумя иностранными языками и, наверное, составили более полное представление о предмете?

А. СТРУГАЦКИЙ. Я пересчитаю западных фантастов по пальцам одной руки: Брэдбери, Лем, Воннегут вот выскочил сейчас. Азимов слишком суетлив. Саймак пишет одно и то же, скучно и многословно. Шекли просто талантливый шалун, мастер ситуации, парадокса. Мне кажется, он относится к своей работе в литературе не очень-то серьезно. В чем главная беда и советской и западной фантастики? Фантасты никак не могут овладеть языком. Языковая сторона проходит мимо фантастических произведений. Другой существенный недостаток фантастики — недостоверность ситуации, беспочвенная фантастичность. Фантастику часто ругают; однако те, кто огульно оставляет фантастику за бортом большой литературы, не правы, ибо современную проблематику

нельзя дать без фантастики. Вообще: глобальную проблематику невозможно раскрыть только средствами реалистической художественной литературы в чистом виде: даже обратившийся к глобальной проблематике Толстой вынужден был прибегнуть к публицистике (я имею в виду заключительную часть «Войны и мира»). Всю «Войну и мир» я перечитываю ежегодно, а заключительную часть — дважды в год.

В. ЗУЕВ. Я, наверное, не ошибусь, если сформулирую Ваше отношение к западным фантастам так: их книги, в большинстве своем, страдают излишней развлекательностью и заслуживают отнесения их к легкому жанру.

А. СТРУГАЦКИЙ. Ну, не совсем так, конечно. Есть же Брэдбери, Лем, Кобо Абэ, наконец... Но всех остальных я бы скопом отдал за «Мастера и Маргариту».

В. ЗУЕВ. Но ведь Булгакова никогда не относили к представителям этого жанра...

А. СТРУГАЦКИЙ. Тогда давайте разберемся, что такое фантастика.

Теоретически существует только одна гипотеза о сущности фантастики, которая представляется мне наиболее верной. Она принадлежит Рафаилу Нудельману, кандидату филологических и педагогических наук, как это часто бывает, неспециалисту. Он очень четко показал, что современная фантастика есть литература о столкновении человека вчерашней психологии с миром завтрашним, который он творит сегодня. Можно толковать шире: фантастика есть литература о столкновении могущественного разума с устаревшей психологией. Обе темы в «Мастере и Маргарите» пронизаны этим: столкновение могучей морали Га-Ноцри со вчерашней психологией Пилата; столкновение забитой психологии Маргариты и Мастера со сверхразумом дьявола. То же относится и к «Солярису». Люди, работающие на станции, — тоже люди вчерашние. Что гарантирует человеку сохранность, цельность личности на станции Солярис? Лем уверяет: только длительная, кропотливая подготовка к жестоким чудесам космоса. Тарковский утверждает обратное: верность принципам старой человеческой морали, душевная чистота. Правы оба, а может быть, не прав ни один. Это проблема сегодняшнего дня. Я просто не вижу путей для отражения ее в литературе средствами реализма. Вернее, есть только один путь — реализм должен открыть ворота и впустить в себя фантастику, должен признать ее своей составной частью. Вообще, как уже не раз говорилось, речь идет только о терминологии. Мы считаем, что чем скорее приучим к этому читающую публику, тем лучше. Фантастика должна стряхнуть с себя шелуху несерьезности, тем более что вся литература начиналась именно с фантастики: мифы, легенды, сказочные предания.

В. ЗУЕВ. Кроме того, история литературы знает и вполне «нормальных» классиков, работавших в этой области: Мор и Кампанелла, немецкие романтики, Бальзак и Готье, Гоголь и Достоевский у нас, Акутагава в Японии... Впрочем, Вы правы, тут, очевидно, следует вести разговор лишь о степени талантливости автора.

А. СТРУГАЦКИЙ. Степень талантливости определяет время. Только писатели, намного обогнавшие его, имеют право называться великими, такими, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, во Франции — Стендаль и Мериме. Совершенно очевидно, что к великим прозаикам можно отнести и Булгакова — он выдержал испытание временем.

В. ЗУЕВ. Вы предупредили мой вопрос. Но читающая публика (по Вашему выражению) знает Вас и как талантливого переводчика с японского. Пока Вы ни слова не сказали о работе над переводами.

А. СТРУГАЦКИЙ. Говорить об этом коротко не хочется: я считаю переводы не менее важным для меня делом, чем оригинальное творчество, — хотя времени уделяю им меньше. Я не знаю, останутся ли произведения Стругацких в литературе, а Саньютэй Энтё, Акутагава Рюноске, Абэ Кобо — это уже история литературы.

Мой переводческий багаж в общем-то невелик. Я перевел «В стране водяных» и несколько рассказов Акутагавы, единственного писателя, посвятившего все свое творчество одной проблеме — соотношения искусства с жизнью. Его сломало, может быть, именно это. К сожалению, переводы на русский язык этого классика и по сей день

оставляют желать лучшего. Совместно с Рахимом я перевел «Луну в тумане» писателя XVIII века Уэда Акинари, роман «Ваш покорный слуга кот» Нацумэ Сосэки...

В. ЗУЕВ. ...Японского «Гоголя»...¹ Кого из ныне живущих японских прозаиков Вы могли бы назвать великим?

А. СТРУГАЦКИЙ. Я знаю там только одного человека, достойного этого титула, — Абэ Кобо. Я перевел его «Четвертый ледниковый период», «Тоталоскоп» и очень странную вещь под названием «Почти как человек», которую так до конца и не понял. Переводить этого писателя — мучительное удовольствие. Я беседовал с ним дважды, и он страшно отбрыкивался от звания фантаста. Но в «Четвертом ледниковом...» он как будто Нудельмана подслушал.

В. ЗУЕВ. В конце подобных бесед, Аркадий Натанович, положено задавать традиционный вопрос о планах и работе...

А. СТРУГАЦКИЙ. Мы сейчас пишем очень большую вещь, самую большую по объему. Это единственное, что я могу сказать о нашей теперешней работе и планах. Впрочем, еще название — «Град обреченный»².

В. ЗУЕВ. Очень велик соблазн под занавес задать вопрос о Вашей личной жизни. Может быть, она похожа на Ваши книги?

А. СТРУГАЦКИЙ. Со мною никогда ничего необычного не происходит: живу обычной обывательской жизнью. Правда, было такое в прошлом, что стреляли в меня иногда, бомбы бросали, а в общем — ничего особенного.

Если Вы хотите знать, как мы отдыхаем, то могу ответить, что делать этого чрезвычайно не любим, и в искусстве развлечений далеко не пошли. Не хочу прослыть ханжой, но самое приятное развлечение — это работа.

Тексты подготовлены: Ю. Флейшман³

¹ Вычеркнуто АНС при подготовке к публикации: «А. СТРУГАЦКИЙ. Из современных писателей — «Блаженный Мияда» Миямото Юрико. Это писательница-коммунистка. «Зону пустоты» Нома Хириси...

В. ЗУЕВ. Вы выбираете японцев из соображений фантастики?

А. СТРУГАЦКИЙ. В основном. Но примитивная фантастика меня не интересует. Мои требования к переводимым авторам — оригинальный, не затасканный сюжет и хорошая литературная форма.

² Через четырнадцать лет после этого разговора роман был опубликован в ленинградском журнале «Нева». — *В. Зув.*

³ Составитель благодарит Е. Клокову и Ок Дон Хи за предоставление материала «Аркадий Стругацкий. Интервью из 1974 года».

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Переписка, 1974

Борис — брату, 9 февраля 1974, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. С Комаровым дело таки дрянь. Виноваты, конечно, как всегда, мы — клиенты. («То вы заказываете за два месяца, а потом отказываетесь, то вы за две недели хотите заказать!..») В общем, номеров у них на конец февраля нет. Предложили один двухкомнатный — я отказался: это ведь будет не жизнь. Отказ, надо сказать, не окончательный. Они обещали сообщить, если вдруг что-нибудь освободится. Но я полагаю, что рассчитывать нужно на собственные силы. Что до меня, то я полагал бы встретиться снова в Москве. Телефонные звонки и вызовы — чушь, от этого мы отключимся. Вот если это неудобно по домашним обстоятельствам, тогда другое дело. Тогда можно попытаться так: ты поживешь у мамы, а работать будем у меня. Это, конечно, не слишком удобно, но жить можно. Отпиши свое мнение.

2. Беседовал с Дмитриевским. Он говорит, что вопрос с ПНО практически улажен, требует два экз. Я сунулся в архивы — ничего. Если у тебя есть хоть один экз (кроме оригинала) — срочно вышли мне, я распечатаю. И не ленись, и не предлагай мне сунуть им «Аврору». Журнальный вариант, во-первых, изуродован, а во-вторых, сокращен на 1.5 листа — зачем нам терять по 400 ряб на рыло? Если у тебя найдется два экз, высылай, разумеется, оба.

3. Звонил Брандису. Он сказал, что идет заключение договоров на детгизовский сборник, для коего мы вымучиваем МиП. Сказал, что на следующей неделе можно было бы заключить договор и с нами. Я, натурально, не возражал, но сам подумал: а стоит ли? Черт их знает, возьмут они МиП или нет. Может быть, стоит подождать марта, а там уж, если повесть им сгодится, заключить договорчик и сразу отхватить 60%? Как твое мнение?

4. Вспомнил я, что именно я забыл у тебя взять: очередную порцию покетбуков для Кана. Теперь он мне плешь переест.

5. Не забудь позвонить Ревичу!

Вот пока и всё,

нажимай, но не заезжай,

твой [подпись].

P. S. Ленуське <Воскресенской> привет. И Машке <Стругацкой>.

Андрюшка <Стругацкий> знал «четыре валета»; у них в Киеве это называется «бридж».

Аркадий — брату, 14 февраля 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

Пишу коротко.

1. Пошли Комарово в задницу, коли так. Числа двадцатого (самое позднее, я еще не взял билета) приеду к маме, погощу у нее дня два-три, затем мы вместе с тобою едем ко мне в Москву. Здесь все тебе, как всегда, рады. Отключим телефон, будем игнорировать телеграммы, поработаем до победного.

2. Экз ПНО высылаю немедленно. А как с Дмитриевским насчет договорчика?

3. На МиП заключай договор. Ты что, брат, с ума сошел — от живых денег отказываешься?

4. Деньги Ревичу отдал — приходила Татьяна <Чеховская>.

Остальное при встрече (если будет что).

Обнимаю, жму. Твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу <прозвище Андрея Стругацкого>. Маме посылаю письмо.

Аркадий — брату, 15 марта 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

Письма от тебя не дождался, пишу сам, тем более что накопились кое-какие новости.

1. Получилось письмо от шведского издателя Лундвала. Писано на аглицком. Хочет он издавать УнС и СоТ, имеет он германское издание на русском, отличного переводчика, сам намерен писать предисловие, одного только у него нет: не знает, куда обратиться на предмет контракта, наше представительство в Швеции тоже не знает, и никто нигде ничего не знает. Ну, получил я письмо, стал разузнавать. Все, конечно, уперлось в ВААП, тебе известный. Позвонил туда, там попросили предложить ему написать им, а копию его письма и копию моего ответа на оное прислать. Что я и сделал.

2. Сказочка в «Мире приключений» идет, скоро будет верстка.

3. В МолГв был, там мне Сергей <Жемайтис> сказал, что план 75-го находится на утверждении в Цекамоле (!!!), мы там остались, и как только будет утверждение, сразу заключат договор. Помнится, на протяжении последних нескольких лет я тебе эту фразу писал неоднократно.

4. Звонил Фирсов, попросил для исправления несправедливости с оплатой занести к нему на несколько дней договор, чтобы ткнуть носом бухгалтерию. Сегодня несу.

5. На следующей неделе начинаем с Борецким делать окончательный вариант МиП(с). Требуется сдать его пятого апреля. Возможно, придется затребовать сюда тебя, но не исключено, что я просто проработаю его с Борецким подробно и приеду в Ленинград дня на три в самом конце срока. Посмотрим, как будет удобнее.

6. Невзирая на опасения и угрозы моего душанбинского редактора, сценарий был принят на низших инстанциях Гостелевидения весьма благосклонно. Познакомился я с тамошним куратором, хороший парень, наш поклонник. Объявил, что будет склонять нас принять активное участие в фантастико-приключенческой тенденции на телевидении. Я не сопротивлялся. Эх, приняли бы они этот сценарий — это сразу же запуск в производство и, соответственно, куш. Ладно.

7. Отбоя нет от режиссеров. Звонят, требуют свидания и единовременного пособия. По словам Борецкого, все они — трэш, но это он, возможно, ревнует. Я их вежливо выдерживаю по неделе, по десять дней. Те, кто и после этого срока звонит, устаиваются аудиенции.

8. Объявился Манин. Оказывается, он вернулся в Москву почти одновременно с нами — 25-го — и думал, что мы в Ленинграде. Завтра или послезавтра кормлю его телятиной.

9. Давеча были в Писдоме посиделки — обсуждался план бредового издания, выдвигаемого МолГв: 25 томов «40 веков фантастики». Начиная с Гильгамеша и Библии. Докладывал Брандис. Я сдуру не только присутствовал, но и выступил с предложениями. Нет, больше не буду. Без меня.

Такие дела. Пиши.

Обнимаю, жму. Твой Арк. Привет Адке и Росшеперу.

Борис — брату, 15 марта 1974, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Представь себе, только сегодня я сдал ПиП в «Аврору». Падла-машинистка устроила мне бенефис, заср...ка. Клянется, что сломалась-де у нее машинка, а на самом деле, я стороной узнал, вместо того чтобы успевать в договорные сроки, вышла замуж со всеми вытекающими последствиями. В общем, вместо 8-го получил я рукопись вчера, кое-как ее выправил и сегодня отнес. В Детгиз понесу ужю на той неделе, там не так срочно.

Новостей никаких нет. Во всяком случае, приятных. ПнО в Лениздате НЕ пойдет. Дмитриевский сказал, что повесть не понравилась Нине Чечулиной. Сомнительно это. Но во всяком случае здесь нам не отломится. Не оправдались наши опасения, что «раздергают сборник по частям».

Получил письмо от Миши Ковальчука. Это бывший президент студенческого (МГУ) клуба любителей ф<антасти>ки. Сейчас он подвизается у Белы <Клюевой>, составляет ей сборники н-ф. Просит разрешения включить в очередной сборник 3-ю часть СБТ. У них, понимаешь, сборники тематические: «Луна», «Венера», «Марс» и т. д. по всей Солнечной системе. И еще умоляет нас перенести действие какой-нибудь нашей повести на Нептун — для сборника 77-го года. СБТ я ему, натурально, разрешил, а насчет Нептуна ответил положительно, но туманно.

Почитатель из Ставрополя прислал рецензию на М и ПнО, которую посылал в ВопЛи, но был отклонен. Бредятина пополам с юношеским восторгом. Надо бы к Брандису заехать — у него лежит статья о нас, написанная Чернышевой из Новосибирска, кажется. Это — баба серьезная, я читал ее статьи и раньше. Ужо отпишу тебе, что и как. Брандис еще сказал, что во Франции, кажется, живет какой-то литкритик с югославской фамилией, который давно и основательно занимается нами. Недавно Брандис в каком-то зарубежном сборнике (литературоведческом) читал его очередную о нас статью, очень положительную и объективную.

Адка прочла ПиП и выразилась с предельной точностью: «Хорошо написано, но для Стругацких — мелко». Тут ни убавишь ни прибавишь... Знаешь что: хватит нам бодягой заниматься. Давай за этот год напишем ЗМЛдКС, а? Ведь, ей-богу, может получиться ВЕШЩЬ! С ГО можно и подождать, он ведь фактически уже написан. ВЕШЩЬ надо нам выдать сейчас. Для поддержания духа. А там, вдруг, и опубликуют. Давай, а? Уж больно ситуация сочная у нас придумана. Таких людей можно вывести, такого бреда страшенького подпустить. И состояние эмоциональное у нас соответствующее. Давай, а? Распутаемся вот со сценариями и займемся. Не спеша. Понемногу. С аппетитом. Без нервов. По три-четыре неторопливые сочные странички в день. А? Вдохновись! Вспомним былое! Ведь есть же еще порох в пороховницах. Чувствую, что есть. Ведь обрыдли же все эти малыши, парни, преисподни, сценарии... Если тебя деньги беспокоят — плюнем и загоним марки. На кой они мне хрен, если работа стоит. Я тебе точно скажу, чего мне не хватает: энтузиазма твоего былого, вот чего. Вдохновись. Начни придумывать, представлять, фантазировать. Хотя бы в автобусах или перед сном. И не заметишь, как увлечешься. Накопилось же в душе всякого, пора выплескивать. Сыграешь Глухова — разочарованного, апатичного, пьющего италиста, всего понюхавшего, на все наср...го, а? А я сыграю за Диму Малянова. Берусь. А?

Вот пока и всё.

Твой [подпись].

Р. Т. Да! Жена Канчика обратилась со слезной просьбой. У них тут скоро серебряная свадьба. Она ищет дорогому Канчику своему подарок — парочку иностранных покетбуков про ф<антасти>ку. Может, пришлешь мне? Она любые деньги заплатит. Пришли что-нибудь срочно. Не поленись. Кан хороший человек, редкий. И кстати, он согласен покупать и по 5 р. Я ему сказал, что тебе Евдокимов предлагает 5, он страшно заволновался и сказал, чтобы ты не торопился, что он даст столько же, сколько дают

другие-прочие. Но это потом, а сейчас, может, вышлешь парочку п<окет>буков? Того же Азимова.

Р. Р. S. Леночке и Машке привет!

Аркадий — брату, 27 марта 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

Задержал ответ, потому что ждал событий. И дождался.

1. Вчера подписал в МолГв договор на «Незначенные встречи». План утвержден, и мы там остались. На 75-й год. Процедура подписания стала в МолГв очень сложной: перед тем, как дать автору, подписывает курирующий зам. главного, нач. планового отдела, зав. бухгалтерией и еще две подписи, затем автор, а только затем все идет на окончательную подпись Ганичеву. Так что дело теперь за Ганичевым. Сергей уверен, что проскочит хорошо, хотя из предшествующих пяти подписантов двое выразили недовольство: договора на 75-й год начнут подписывать только с мая. Но у нас положение особенное. И еще: мы теперь подписываем бумажку о том, что доверяем ВААПу все права на переводы за рубежом. Так или иначе, лед тронулся.

2. Звонили из ВААПа. В Болгарии издано ДоУ. Нам прислали 1070 ряб. На руки получим что-то около 560 ряб. Ничего себе налоги, а? Не разбогатеешь. Но и по 280 на земле не валяются.

3. Получилось письмо от Фуками из Японии (мы ему писали, это наш переводчик «Малыша»). Изд<ательств>во Хаякава издает 20-томник современной фантастики, из русских выбрали «Час быка» Ефремова и наш «Обитаемый остров». Ефремова будет переводить Иида, нас — Фуками. Кроме того, Фуками хочет переводить УнС и СоТ, но жалуется, что нет оригиналов, должно быть, у него немецкие издания (кстати, он работает в импортном отделе японской Международной книги). Я вот что хочу ему написать: пусть обращается с заявкой в ВААП и заключает договор, это первое. А второе — пусть попробует ПНО. Это мы ему смогли бы выслать. Или? Отпиши.

4. Азимова для Кана ты, должно быть, получил. Отдай ему в подарок даром, ну их — эти 15 ряб, что с ними пачкаться. А куплю-продажу проведем на остальные книги.

5. Насчет ЗМЛДКС — согласен. Будем писать. Только вот насчет энтузиазма... Ладно. Будет и энтузиазм. Сделаем.

6. С Ковальчуком виделся. Сказал ему, что как только получу указание от Жемайтиса, отдам третью часть СБТ в перепечатку и начну вносить разнообразные исправления и дополнения. Но не раньше.

Пока всё. Жму и целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу. Поцелуй маму.

Борис — брату, 27 марта 1974, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Хотя полной определенности в делах еще нет, я все-таки решил сообщить тебе имеющиеся новости.

1. ПиП в «Авроре». Говорил с Дмитревским. По его словам, все ОК. Островский прочитал, остался доволен, дал Дмитревскому на формальную рецензию и намерен печатать повесть в 8–9-м номерах. Я только что позвонил Островскому. Он был менее определен, хотя и вполне благожелателен. По-видимому, у завпрозой есть замечания — во всяком случае, Андрей попросил меня с ним связаться. Что я и сделаю, вероятно, завтра.

2. ПиП в Детгизе. Говорил с Анной Ивановной <Плюсниной>. Она, противу ожиданий, вполне удовлетворена. Говорит, что начальство, правда, еще не читало, но

думает, что все будет хорошо. Предложила зайти завтра, дабы «все обсудить и подписать соглашение».

3. Прочитал большую статью Чернышевой из Иркутска «Творчество А. и Б.». Хорошая статья. Замечательна тем, что не только разбираются наши идеи, но много внимания уделяется чисто художественным вопросам, проникновению в творческую лабораторию, как говорится. Послал ей благодарственное письмо. Только кто ее напечатает?

4. Наталья Потехина из Томска прислала свои иллюстрации к ОО. Есть очень неплохие. Особенно портреты Максима, Гая, Умника. Собственно иллюстрации — неважные.

5. Ирена <Левандовска> прислала газеты (образцы): «Глос Працы», где печатается ПНО, и «Тыгодник Демократычны», где в каждом номере дают по страничке из М. Весьма остроумно придумано: за год сможешь собрать всю повесть, вырезав пронумерованные, аккуратные, в рамочке, страницы и получишь книжку. Останется только переплести.

6. Ахмадвалеев из Ставрополя прислал вырезку из газеты «Молодой ленинец», где у них там дискуссия о человеке будущего. Имеется хвалебная ссылка на ОО. И на ТББ.

7. Напоминаю тебе снова о Кане и о парочке книжек ему для серебряной свадьбы. Не ленись, пошли побыстрее. Не ценим мы старых друзей, а они ведь помирают. Вот Илья Иосифович <Варшавский> сейчас умирает от рака. А я так у него и не побывал, всё откладывал на потом.

8. Что касается сценария ПиП, то я готов на любой вариант. Как напишешь, так и сделаем. Меня не это волнует. Меня волнует, что дальше делать будем. Как все-таки насчет зМЛдКС? У меня лично такой план на ближайшее время: а) халтура — сценарий про пришельцев для Душанбе; б) работа — зМЛдКС. Можно, конечно, и ГО, но зМЛдКС было бы, по-моему, своевременнее. Душа горит.

Это пока всё. Целую, [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет!

Борис — брату, 29 марта 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Итак, кажется, тронулась! (Тьфу-тьфу!) Появились какие-то проблески шансов (тьфу-тьфу-тьфу!). Можно сказать, что возникли определенные надежды. Ура. (Тьфу-тьфу, тьфу-тьфу.) И это прекрасно. У меня пока тоже все более или менее благополучно.

1. Был в Детгизе. Анна Ивановна сказала, что ПиП прочла еще не до конца, что ей очень нравится, как там показан «коммунизм и интернационализм», что, конечно, будет еще читать рецензент и главный, но она думает, что все будет хорошо, и в знак своего благорасположения дала мне подписать абсолютно чистый, ничем не заполненный бланк типового договора. При этом она сказала, что постарается выписать сразу одобрение, каковое одобрение мы и получим в виде наличных 18 апреля — раньше уже не успеть. Попутно выяснилось, что ПХХПВ+М уже в наборе и, как только будут гранки, она попросит меня кое-что там убрать — какие-то «повторения», как она выразилась.

2. Потом пошел в «Аврору». Длинный флегматичный Горышин (наша ленинградская разновидность Жемайтиса) долго жал мне руку, силясь понять, зачем я к нему пришел (он — завпроект, и меня к нему послал Островский — как я полагал, для обсуждения каких-то исправлений). Выяснилось, что всё в порядке, ПиП будет печататься в конце года (когда именно, они, по-видимому, сами толком не знают: Дмитревский со слов Островского назвал номера 8–9, Лена Клепикова, редактор, — 9–11, а Горышин — тут же — 11–12), а что касается одобрения, то оно будет выписано в течение ближайшей недели. Что и тр<ебуется>, потому что помимо одобрения там останутся сущие гроши, пусть хоть и вовсе потом не печатают. Заодно я, вспомнив твою просьбу, зашел в художественный отдел и попросил там, чтобы ПиП дали на иллюстрацию Тюльпанову. Они обещали.

3. Не совсем я усек из твоего письма, могу я уже звонить в ленинградское отделение УОАП насчет денег за болгарский ДоУ или это теперь делается как-то иначе? Ты узнай и мне отпиши.

4. Насчет Фуками ты всё правильно решил. Так ему и напиши, как только будет подписан договор с ВААП, мы немедленно вышлем ему машинописные копии УнС и СоТ. Что касается ПнО, то я, натурально, за, но если будешь ему посылать журналы, надо бы все-таки там восстановить по оригиналу хотя бы сцену с отцом Шухарта. Остальное покурочено — ладно, но эту сцену особенно жалко, да и пострадала она больше других. Между прочим, можешь ему еще порекомендовать ВНМ — у меня есть лишние экзы, могу послать.

5. Покетбуки для Канчика получил — огромное спасибо. А насчет того, что, мол, бесплатно — это мы еще посмотрим. В конце концов, это не ты ему даришь, а родная жена. В общем, там видно будет, но за твои интересы я уж постою.

6. Пора нам уже, наверное, думать о встрече. Тут ко мне пристал Брандис, чтобы я сделал ему доклад на тему: «Научно-технический прогресс и литература». Я страшно перепугался и торопливо наврал ему, что в начале апреля уезжаю с тобой в Душанбе добивать сценарий. Это ты имей в виду на всякий случай. А что касается ПиП-С, то жду тебя в Л<енингра>де или готов приехать к вам — как тебе будет удобнее.

Вот и всё. Целую, твой [подпись].

P. S. А как насчет экзов болгарского ДоУ?

P. P. S. Леночке и Машке приветы и поцелуи.

Аркадий — брату, 13 апреля 1974, М. — Л.

Дорогой Борик!

Все ждал, что-нибудь прояснится. И ничего. Ни-че-го.

1. Из МолГв — ничего, ни звука, ни гласа, ни вздыхания. Сам пока звонить им не хочу. А дело было так. Третьего апреля я зашел туда, и тут выяснилось, что на поданном ему <директору Ганичеву> для подписи договоре с нами он начертать соизволил: «Почему по 300 рублей?» и вернул. Ну, Бела с Жемайтисом тут же написали ему объяснение: почему со Стругацкими договор заключается на 300 р. за лист. И с тех пор все замолкло. Сволочь, а?

2. Отпечатан и сдан в Сценарную студию последний вариант «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю». Будем ждать худсовета. Юра Борецкий читал рукопись нижним чинам из Комитета по кино, они считают, что этот сценарий должен пройти Комитет без задоринки.

3. Центральное телевидение приняло душанбинский сценарий, утвердило режиссера и оператора. Но там требуются некоторые доделки. Некоторые совершенно бессмысленные. К счастью, сейчас режиссер в Югославии, так что пока я этим делом не занимаюсь. Но заниматься придется. Намерен сперва слупить с них деньги — до 100% — я пока получил только пятьдесят. Это мне поможет.

4. Полагаю, деньги из Болгарии ты уже получил. Оплачивает непосредственно ВААП, где бы ни жил автор.

5. Была верстка сказки для «Мира приключений». Правки немного. Но все же это еще долгая история, по-видимому.

6. О самом главном. Когда нам встретиться для работы с зМЛдКС. К сожалению, положение пока очень неопределенное. Здесь возможны два варианта: либо я еду в Душанбе в ближайшие дни, проворачиваю там свою долю работы за две-три недели и возвращаюсь к началу мая, и тогда ты немедленно приезжаешь ко мне (предварительно я бы заехал к маме дня на два-три, как в прошлый раз); либо в ближайшие дни я вызываю тебя сюда, мы работаем дней десять, как обычно, и тогда я еду в Душанбе и возвращаюсь во второй половине мая, и тогда ты снова приезжаешь ко мне. В случае, если ты готов к

любому из этих вариантов, я тебе даю знать телеграммой обо всем, как только дело прояснится. И пора бы уже — больно охота поработать всерьез.

В основном дела вот такие. Ты не мешкай, как я. Немедленно отписывай мне, что там у тебя. В тот же день, что получишь письмо. Я немного отдохнул от всей этой сценарной нервотрепки и по тебе соскучился.

Обнимаю, жму и целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Борис — брату, 16 апреля 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Во-первых, у нас тут стряслась беда: мама на улице оступилась, упала и сломала руку. Ну, ей вправили, наложили гипс, и сейчас вроде бы всё ничего, хотя болит. Сегодня мы ходили с ней в больницу на контроль, врач посмотрел, сказал, что все протекает нормально и назначил в пятницу на рентген. В общем, мама на месяц выбывает из строя. Рука — правая, так что энное время она писать тебе не сможет, а ты ей всё равно пиши. Она тут наняла тетку, которая ей покупает продукты, готовит еду и пр<очее>, но я всё равно не хотел бы сейчас уезжать, а быть тут на подхвате — мало ли что. Так что придется нам принять второй из предложенных тобою вариантов: поезжай пока в Душанбе и все такое, а во второй половине мая — при прочих равных — встретимся и поработаем.

Обязательно свяжись с Веркой Мирер — пусть она постарается достать мумиё, а ты перешли его сюда посылкой. Мне многие говорили, что мумиё особенно хорошо при заживлении переломов, ран и пр<очего>. Брандисиха в прошлом году сломала тоже руку и лечилась мумиё — говорит, что действует великолепно: все срослось быстро и хорошо. Я тут, конечно, тоже буду шуровать, но пока мне мумиё достать не удалось.

Теперь дела прочие.

1. Звонили из «Аврорь», взяли адреса сберкнижек, обещали деньги в течение десяти дней. В Детгиз я звонил сам. Там, вроде бы, всё ОК, но имеет место, сам понимаешь, перерасход, и деньги (за сборник, где ПиП) будут давать только в начале мая.

3¹. Пришло письмо из ФОЛЬК УНД ВЕЛЬТ (ГДР) от нашей редакторши Ханнелоре Менке. Пишет, что ТББ уже отредактирован, просит ссылку на эпиграф из Хэма и наши фото для отдела рекламы. Я ей все это уже послал. Пишет также, что ПнО пробить ей в своем изд<ательст>ве не удалось, и она передала ее в ДАС НОЕС БЕРЛИН. Сейчас она подготавливает для рецензентов ПкБ и ВНМ.

4. Получил дополнительные деньги за ДР на испанском из МИРА. Около 40 р. Гм. Стоило огород городить.

5. А вот из ВААПа я не получил ничего. Ты, пожалуйста, узнай там, куда мне следует обратиться и вообще. Может, они не знают моего адреса? Заодно спроси там насчет гонораров из ФРГ и экзов из Болгарии. Если из ФРГ ничего нет, я все-таки туда напишу. Хамы. Обещали очередной перевод весной ПРОШЛОГО года. Хотя нет, вру. Весной ЭТОГО. Но все равно. Последние деньги от них были в марте 73-го. Это надо прекратить.

6. Насчет поработать всерьез — не говори, брат, до чего хочется. Осточертело все до последней степени. Я просто физически ощущаю, как тает моя квалификация с этими бесконечными платными и бесплатными рецензиями, с трепотней на семинаре молодых, вообще с трепотней, с ночными тоскливыми воображениями, как можно было бы отделать зМЛ. Ну, ладно.

7. Слухов кругом — до хрена. И все — дурные.

В общем, целую и жду еще письмо до твоего отъезда.

¹ Второй пункт отсутствует.

Твой [подпись].

Р. S. Ленусе и Машке привет. Спасибо за поздравления. Грустный был у меня в этом году день рождения.

Р. Р. S. Не забудь про МУМИЁ.

Р. Р. Р. S. Андрюшка очень просит тебя спрашивать у всех знакомых иностранные монеты для коллекции. Ты, кажется, говорил что-то про Мариана Ткачева?

Аркадий — брату, 24 апреля 1974, Душанбе — Л.

Дорогой Борик!

Как ты, вероятно, уже знаешь, я сижу в Душанбе. Помогаю готовить режиссерский сценарий, а большею частью жду свои оставшиеся 50%.

Жара здесь отчаянная, как в Москве в июле, солнце, марево, зелень уже жухнет. Одно хорошо — мух нет. И комаров.

Ну-с, новости.

1. Худсовет по БКВвП на Сценарной студии будет 13 мая. Видимо, к этому времени я уже буду дома.

2. Жду тебя к нам в середине мая. Возможно, сначала заеду к вам на денька два, и приедем в Москву вместе.

3. Дал я здесь почитать ПиП ребятам из «Комсомольца Таджикистана». Одобрели, просят разрешения попробовать напечатать. Я разрешил — для «Авроры» эта газетка не конкурент, а сотни по полторы на нос нам не помешают.

Пока, кажется, всё.

Если есть о чем писать или телеграфировать — адрес:

734000 Душанбе Главпочтамт

до востребования мне.

Поцелуй маму. Привет Адке и Андрею.

Чувствую себя прекрасно. Этот крайний юг действует на меня удивительно. М<ожет> б<ыть,> дело в том, что нет здесь нашей нервотрепки?

Целую, жму. Твой Арк.

Борис — брату, 17 мая 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

С приездом. Надеюсь — со щитом.

Маме вчера сняли гипс. Рука ничего, зажила, хотя все не так хорошо, как могло бы быть: имеет место некоторое смещение кости, так что процесс окончательного заживления затягивается, нужны разные дополнительные процедуры, парафиновые ванны и пр<очее>. Но все-таки стало значительно легче — по крайней мере, не тянет как прежде пудовый гипс.

Теперь прочие новости.

1. Неприятная. Костлявая рука Москвы в лице этой вашей Пешеходовой, или Переходовой, или как ее там, в общем и<сполняющей> о<бязанности> Пискунова — дотянулась-таки до нашего провинциального Детгиза. По слухам, был звонок, и было сказано всего лишь: «У вас там, кажется, Стругацкие идут? Так вы будьте повнимательнее...» И всё. И все обоср...лись. Все это, собственно, слухи. Лично я ни с кем там не беседовал (сначала были праздники, потом главный ред поехала в Финляндию, потом она же отправилась в командировку, а сегодня вот ей звоню — нет на месте и не будет). Так что официально я знаю только, что возникли некоторые трудности. Как они разрешатся — пока неизвестно. Редактор сборника, по словам Брандиса, категорически за нас, да и главный, собственно, за нас, но...

2. В «Авроре» пока все, вроде бы, благополучно. Во всяком случае, 35 очередных процентов они выплатили — 255 руб. Кстати, деньги из Болгарии я тоже получил (ок^{<оло>} 280), только так и не понял, за что.

3. За последний месяц пять раз звонили из ВААПа. Не можете ли вы прислать нам список ваших произведений, опубликованных за рубежом, а то мы организация новая и у нас ничего нет? (Выслал.) Не возражаете ли вы против заключения договора со шведским издательством «Трам-тарарам» на УнС и СоТ? (Не возражаем.) Не возражаете ли вы против издания ТББ шведским же издательством БЕРГНЕС ФЕРЛАГ? (Не возражаем.) Венгерское изд^{<ательст>}во «Тирьям-пам-пам» публикует антологию современной ф^{<антасти>}ки и хочет включить туда отрывок из ПнО, опубликованный в 25-м томе; ваше мнение? (А почему не повесть целиком?) Да, мы тоже так подумали, но потом выяснилось, что у них это вроде рекламного издания; если понравится отрывок, какое-нибудь изд^{<ательст>}во потом возьмется и за целую повесть... (Ну, хорошо, не возражаем.) Кстати, я у них спрашивал о теперешнем порядке выплаты. Вроде бы, все осталось по-прежнему: с демократов получаем рублями, с капстран — сертификатами, — только налог теперь будет 70 процентов.

4. Приезжали сюда Борецкий со Шлепяновым. Насколько я понял, дело с ПиП-С на мази, сценарная студия сценарий, можно сказать, одобрила, но теперь они должны найти студию-покупателя, и, пока не найдут, ни кроватей нам с тобой не будет, ни умывальников. В Москве, по-видимому, никого они не нашли, приехали на «Ленфильм». Борецкий припер в качестве рекомендации свой фильм про диких лебедей, устроил просмотр для начальства и пригласил и меня. Мне фильм, в общем, понравился (то есть видно, что сценарий полное г..., а режиссер не лишен таланта — во всяком случае сделал несколько неплохих сцен), но студия приняла беднягу Борецкого в багинеты — не наш уровень, зачем вы взялись за такой плохой сценарий и т. д. — и он, матерясь, уехал восвояси, заняв у меня 5 рублей на обратный путь. Теперь он будет пытаться соблазнить какую-нибудь периферийную студию на дальнем юге. Шлепянов же сказал мне (по телефону), что «Ленфильм» против нас лично ничего не имеет (а то мелькнула у меня такая мыслишка, что дело здесь не в уровне Борецкого, а в нас), что они только не хотят Борецкого, а сценарий готовы предложить таким-то и таким-то своим режиссерам (именя не знаю, кроме Лешки <Германа>). Да, сказал я, но Аркадий хочет Борецкого. Конечно, конечно, сказал Шлепянов. У Борецкого остается право первой руки, пусть ищет студию, но ведь и мы ждать не можем, мы организация хозрасчетная, дней 10–12 мы подождем, но потом, сами понимаете... В общем, А. Н., придется там тебе разбираться в этом деликатном вопросе. На всякий случай, мое мнение: я все эти тонкости в гробу видал; поскольку речь идет об ЭТОМ сценарии, меня интересует одно — сумма прописью, причем побольше и побыстрее.

5. Лешка со Светкой <Кармалитой> познакомили меня с Вадимом Соколовым — это большой чин из объединения «Экран». Им там сейчас позарез понадобилась ф^{<антасти>}ка. Он писал рецензию на «Мир приключений», и там ему очень понравился некий Ярославцев, явно самый талантливый автор в этом сборнике. Он связался с Ниной <Берковой>, она ему объяснила ситуацию, и он положил на нас глаз. Здесь я дал ему наш сценарий ДоУ, поговорил по душам, с чем он и убыл в Москву. Не знаю, может, что и выгорит.

6. Была здесь и Нина. Потрепались мы с ней. Она настроена оптимистично, но по-прежнему считает, что тебе надо пойти к Ильину, и тогда все сразу уладится.

7. Теперь по поводу моего приезда к 20-му. Ты знаешь, на два-три дня я приехать могу и с удовольствием, но чтобы по-настоящему, для работы — нет. У Андрюшки надвигаются первые в жизни экзамены, по какому поводу и имеет место определенная паника: надо его подтягивать по геометрии и пр^{<очему>}. Так что до 10 июня мне лучше побыть дома. А числа 15-го приезжают по нашему приглашению Ирена с Витольдом <Домбровским>, будут до конца июня. Сам понимаешь... Так что работать нам с тобой

придется, по-видимому, в июле. А встретиться на несколько дней для трепа и обмена мнениями — это пожалуйста... В любое время.

8. В Польше вышел томик — ТББ+ВНМ. Тебе прислали? Мне — да.

Вот пока и всё.

Крепко целую, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет.

Аркадий — брату, 23 мая 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

Письмо твое получил еще во вторник, но назревали некоторые новости, поэтому задержался с ответом.

1. Борецкий, отчаявшись, дал нам карт-бланш. Впрочем, как выяснилось, Студия обошлась бы и без этого. Соловьев сказал мне: как ваши друзья мы сделали все, что могли. Теперь мы должны выступать как хозрасчетная организация. Ну и поступили — отдали сценарий на студию Горького, там уже соперничество трех режиссеров из-за него. Но вот когда будет обсуждение и окончательный расчет — нам не говорят. Дело-то в том, что Студия заламывает за сценарий чудовищную цену: 13 тыс. руб. Если бы Горьковские имели дело непосредственно с нами, они уплатили бы нормально — 6 тыс. руб. Из-за того, как я понимаю, и идет спор и задержка. Но мне приказано сидеть в Москве и быть на стреме.

2. Бела так и не смогла заставить Ганичева подписать договор, хотя говорила с ним и он был полностью за. Сволочь вертлявая, каждый раз выворачивался: то потерял договор, то он занят, зайдите завтра, то умотался в командировку. Ну, ладно. Бела решила сдавать рукопись в производство без договора. Вчера мы начали с нею работать над окончательной доделкой. Дело в том, что начальственные <...> — Инна Федоровна <Авраменко> — ухитрилась дать рукопись еще на одну рецензию. Такой чуши я еще не видывал, хотя рецензия вполне положительная. Рецензент — армянин, все его замечания — стилистические, представляешь? Вах! Ну, посмотрим.

3. С Маниным я расплатился, он был очень обрадован, видимо, деньги ему действительно очень нужны. Кажется, он собирается жениться и покупать еще одну квартиру. Так что все пришлось ко двору.

Вот, собственно, и все мои дела на сегодня.

Держись там с Андрюхой, бодри его, вгоняй ума через все ворота. Привет Адке.

Обнимаю, твой Арк.

Борис — брату, 28 мая 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Письмо твое получил вчера, а сегодня ходил в наш Детгиз разговаривать по поводу ПиП. Присутствовали: главред и ред. Беседа продолжалась 45 мин. Суть: московский Детгиз в лице Пешеходовой оказывает давление на ленинградский под девизом «Детям — детские книги». Это давление распространяется не только на нас, но и на нас в частности предложено обратить внимание. (Наше положение еще не самое худшее: кое-кого просто объявили сугубо взрослым писателем и от Детгиза отлучили вовсе! К нам это пока не относится.) В данной ситуации наш главред полагал бы пока залезть в щель, не дразнить гусей и т. д., но учитывая всё, что я ему сказал по этому поводу, признал, что определенный шанс пробить ПиП все-таки есть, дело не вовсе безнадежное. Для этого надо:

1. Произвести чистку ПиП за счет лексики, натурализма и (возможно) на предмет прояснения главной идеи. К третьему июня они снова внимательно перечитают рукопись,

отметят то, что надо исправить, и тогда станет окончательно ясно, можно ли горбатого выпрямить или нет. Если можно — я исправляю, и все пойдет чередом; если нет — на нет суда нет.

2. В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ЖЕЛАТЕЛЬНО, чтобы ты взял под мышку сборник «Галисман» с соответствующей надписью и пошел к Пешеходовой. Содержание беседы: вот у нас в Лендетгизе идет сейчас новая повесть, так от нас потребовали существенных переделок, мы, конечно, готовы, но нам там намекнули, что здесь, в Москве, нас считают не слишком детскими писателями, а мы ведь всей душой, вот, пожалуйста, познакомьтесь с нашей последней ДЕТСКОЙ повестью «Малыш», а наша новая повесть не менее детская и т. д. Идея: выйти на личный контакт с Пешеходовой и очаровать. Уже были пренценденты, и все кончалось хорошо. Главред считает, что таким ходом можно здорово и надолго улучшить ситуацию. Они там все очень за нас и очень хотят помочь, но сам понимаешь...

Выйдя из Детгиза, наскочил я на Дмитревского. Поговорили. Выяснилось:

1. ПиП в «Авроре» намечен на 10–11-й номера.

2. Надлежит нам пойти к начальству и выяснить наконец и т. д. Для начала Дмитревский обещал написать рекомендательное письмо к Тамаре Куценко (или Стеценко) — завсектором детской литературы в Комитете по печати РСФСР. Это его старая знакомая и знакомая Нины Косаревой. Письмо он вручит мне 30-го, а 31-го я его тебе перешлю. Может быть, сходишь? Это все-таки не к Ильину идти: риска никакого, а может получиться облегчение. Вообще, получивши это письмо, посоветуйся с Ниной Матвеевной и, если она одобрит, надуйся и сходи и к Пешеходовой, и к Куценко. Ей-богу, это может помочь.

В остальном у нас всё более или менее благополучно. Мама ходит на процедуры, гипс ей, видимо, в конце месяца снимут окончательно. Настроение у нее стало было улучшаться, но тут скоропостижно умерла тетя Лида <Капралова> — маму это, конечно, потрясло, но сейчас она вновь уже вошла в норму.

У нас тут пребывает в Ленинграде сейчас лично тов<арищ> Мирер. Был у нас дважды, а один раз, стервец, даже напросился ночевать. Сегодня зайдет прощаться. Ладно. Он человек милый, ему многое можно простить.

Наша переводчица из ГДР пишет, что с ТББ все в порядке, на 76-й год намечен сборник совф<антасти>ки, так там будет ПкБ, а сейчас она сражается за ВНМ.

Было бы неплохо, если бы в середине июня ты приехал в Л<енигра>д. Программа: обсуждение ситуации; подготовка к зМЛдКС; общение с братьями-поляками, которые, конечно, будут очень рады тебя видеть. А работать засядем, я полагаю, в июле, в первой же неделе. Постарайся к этому времени освободиться от всех прочих дел. Работать можно будет и у нас (Андрюха — в Киеве), и у тебя — как тебе удобнее.

Вот пока и всё. Целую, твой [подпись].

P. S. Ленуське и Машке привет.

Борис — брату, 31 мая 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Посылаю тебе рекомендательное письмо Дмитревского к Куценко. Напоминаю, что Куценко — завсектором детской лит<ерату>ры в Комитете по печати РСФСР. Если бы ты нашел в себе силы пойти — было бы прекрасно. Как я понимаю, достаточно вручить ей это письмо, а потом пожаловаться на наши мытарства в Детгизе (ПиП и переиздание трилогии) и попросить защиты и покровительства. Я уверен, что хуже от этого не будет, а лучше — вполне может быть.

Вот пока и всё. Целую, твой [подпись].

Аркадий — брату, 5 июня 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

Выяснял возможность и желательность походов к Куценке и Пешеходовой. Нина считает, что к Куценке идти прямо сейчас — смысла нет: жаловаться на Детгиз на основании слухов — дело пустое. А вот зайти к Пешеходовой — другое дело. Кажется, пойду туда сегодня. Честно говоря, не вижу я большого толка от всего этого, если у тебя не уладится с ПиПом в Ленинграде. А впрочем, черт его знает. Схожу.

1. В МолГв — никакого движения. Во всяком случае, Бела мне ничего не говорит. По ее словам, она даже еще не бралась за работу, а судя по ее тону — ей все это до смерти надоело. А я не дремал. Через своего знакомого настропалил одного работника Большого ЦК позвонить к Ганичеву и выяснить, что там происходит с книгой Стругацких. Ганичев весьма вежливо сообщил, что они не отказываются от Стругацких, но у них плохо с бумагой, а в портфеле издательства годами дожидаются своей очереди рукописи авторов, гораздо более талантливых и нужных нашей молодежи, нежели Стругацкие. В заключение разговора он порекомендовал обратиться к курирующему замглавного (полагаю, речь шла об Авраменко). Тот так и сделал. Здесь реакция была совсем другая. Эта дрянь рассвирепела, заплевалась, принялась орать, что Стругацкие уже лезут в ЦК со своими делишками, что не могут потерпеть немного, что у них в портфеле двести рукописей авторов, более молодых и т. д. Все. Передав мне этот разговор, мой знакомый порекомендовал мне обратиться все-таки прямо к Беляеву. А мне не хочется.

2. В Сценарной студии пока ничего нового. Студия Горького выделила режиссеров, которые знакомятся со сценарием в рассуждении решить, кто будет (и будет ли) делать фильм.

3. В Ленинград я приеду, конечно. Только не в самой середине, а ближе к двадцатому. Обсудим, поговорим, встретимся с поляками.

4. Есть у меня к тебе просьба. Если еще не поздно, напиши в Польшу, попроси Ирену об одолжении. Есть у них там журнал — то ли «Литературная жизнь», то ли «Литературные новости». Так вот, в одном из номеров за вторую половину прошлого года печаталась подборка советских поэтов, среди них стихи некоего Леонида Пашенко. Пусть она найдет экземплярчик и привезет с собой, а? Очень было бы полезно.

Кажется, всё. Целую, привет Адке, твой Арк.

Борис — брату, 6 июня 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Не дождавшись от тебя ничего, пишу, ибо надо кое-что обсудить.

1. Н-ну-с, в Лендетгиз я в понедельник пошел, однако главред сказала, что она еще не готова, и попросила подождать до четверга. Сегодня четверг, звоню... В общем, она честно призналась, что все эти дни пытается связаться с Москвой и что-то выяснить и понять. Не хочет она давать нам установку на такие-то и такие-то переделки, ничего точно при этом не обещая. Хочет она понять: стоит огород городить или при любых переделках московский Детгиз нас не пропустит. Что ж, это, в общем, правильно, ничего не возразишь. Очень жадно она расспрашивала, нет ли вестей от тебя, ходил ли ты по начальству и пр<очее>. Она большие надежды возлагает на твой поход, ибо с большой вероятностью допускает, что всё это кампания неконкретная, перестраховка на всякий случай со стороны московского начальства. И если Пешеходова прочтет «Малыша», то сразу переменится.

2. Опять мне звонили из ВААПа. Изд<ательств>во БЕНТАМ БУКС (США) прислало ТЕЛЕГРАММУ с просьбой продать права на издание УнС в США. Поэтому паника: скорее телеграфируйте согласие, нет-нет, именно телеграфируйте, чтобы поскорее,

издательство солидное, серьезное, вроде ПИНГВИНа, так что надо вам соглашаться... Послал я им телеграмму, что мы не возражаем. Через день снова звонок: как быть с предисловием к УнС? Те предисловия, что есть, не очень подходят... не напишете ли вы новое, специально для американского читателя? Я сказал, что подумаем. Стал думать. Ничего стоящего не придумал. Имею предложение: может быть, попросить написать это предисловие кого-нибудь из литературоведов? Громова твоего? Или — даже лучше — Кагарлицкого? Или как? Подумай и пришли соображения.

3. Получил официальное письмо из правления СП РСФСР, что меня назначили в совет по фантастике, приключениям и путешествиям. Первое заседание 11-го. Попросят прислать соображения. Ничего я не буду им присылать. Тебя, надеюсь, тоже назначили (от наших всякого можно ожидать, но чтобы ленинградца назначили, а москвича нет, это было бы уж совсем...). Так вот, пойдешь на первое заседание — послушай и сообщи мне, что там за атмосфера. Будет приличная атмосфера — будут с моей стороны предложения и соображения. Хотя, с другой стороны, откуда там быть приличной атмосфере?

4. Ирена с Витольдом приедут 22 июня. Говорил я с ними по телефону. Сообщили, что уже есть корректура ПнО — к осени можно ждать. Неплохо бы было.

Вот и все дела. Мамочка наша ничего себе. Ходит на процедуры, делает руке ванночки. Обещают гипс снять в течение ближайшей недели. Андрюха пока сдает хорошо — математику спихнул на четыре и пять, теперь самое страшное: сочинение и русский устный. Бр-р-р...

Крепко целую, твой [подпись].

P. S. Девочкам твоим привет.

Борис — брату, 9 июня 1974, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил, наконец, твое письмо.

1. Ты уж напрягись как-нибудь и сходи все-таки к Пешеходовой. ТАЛИСМАН ей, то-се, очаруй — глядишь, и дело сдвинется. Обидно же: писали повесть специально для печати, а она не идет. Наш главред ведь тоже по-своему права: не хочет она заставлять нас что-то переделывать и дорабатывать, если сама не уверена, поможет ли это. А на нее, как я понял, давят очень энергично и недвусмысленно. И на твой поход к Пешеходовой она очень рассчитывает.

2. Вышел на меня кинорежиссер Татарский. Он договорился в «Ленфильме», что там подпишут с нами договор на телефильм в духе новогодней сказки. Я предложил ему ПНвС. Он в восторге ухватился. 12-го я с ним встречаюсь для подробного разговора, а ты тем временем перешли мне, пожалуйста, ПНвС-С и заявку на фильм «Выбор пал на Рыбкина» (помнишь, мы для кого-то писали?). Тут дело довольно ясное — я советовался с Лешкой, и он сказал, что если нам удастся накропать достаточно забавную и проходимую заявку, договор с нами заключат и 25 проц<ентов> дадут. Было бы неплохо.

3. Насчет польской газеты писать сейчас Ирене уже поздно — письма идут туда около двух недель. Но это не страшно: когда она приедет, я ее попрошу и, полагаю, к середине июля газета будет здесь.

4. Очень хорошо, что ты приедешь числа 20-го. Мама, надеюсь, к тому времени оклемается, и все будет хорошо. Подумаем, как быть дальше. Что-то уж очень унылые открываются вокруг горизонты.

Вот пока и всё. Целую, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке — привет!

Аркадий — брату, 10 июня 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. К Пешеходовой так и не ходил. Тем более что Нина полагает, что толку от этого будет мало. Пешеходова только изумится и скажет, что ничего подобного в Ленинграде никому не говорила. Все здесь дело в одноглазой <...> Камире, который отказывается иметь с нами дело, а насчет детскости наших писаний — это дымовая завеса.

2. Насчет предисловия. Имею контрпредложение: вообще без всяких предисловий. Пошли их в задницу. А вот предупредить их, что УнС состоит из двух частей — надо, а то получится как в Литве. Напиши или позвони им.

3. Насчет СП РСФСР. Я в этом совете не состою и состоять не могу, я же не в РСФСР, а в Московской организации.

4. В МолГв никакого движения. Жемайтиса ушли с работы. На его место назначают болвана Медведева — помнишь, он состряпал в «Технику — молодежи» идиотское интервью с нами. И присылают нового главного — из высшей школы ЦК ВЛКСМ с кафедры «Комсомольский прожектор». Теперь, ребяташки, вина нам будет вволю.

Целую, твой [подпись].

Привет Адке.

Аркадий — брату, 13 июня 1974, М. — Л.

Дорогой Борик!

Посылаю согласно приказу ПНВС (с).

Заявку на «Выбор пал...» не нашел. Хрен его знает, где она.

Обнимаю, твой Арк.

Аркадий — брату, 3 июля 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Вчера была у нас Татьяна Чеховская и кое-что рассказала в связи с твоим посещением 25 июня. Я сказал, что ничего об этом не знаю, что ты мне ничего не рассказывал. Тебе тоже советую не очень болтать.

2. В МолГв ничего нового. Пришел новый зав. редакцией, Юрий Медведев, старый наш знакомый. Будет читать сборник и докладывать свое мнение директору. Все сначала. Впрочем, он уже завернул рукопись Немцова, и тот на него написал донос, что-де редакция не желает печатать истинно-праведных писателей, а печатает только неправедных, вроде Стругацких.

3. В Детгизе «Мир приключений» идет уверенно, наша сказка заблаговременно и благополучно прошла Главлит. Выпуск в свет ожидается в сентябре. Пешеходова второй месяц в больнице. Директор не действует. Заправляет Камир. Да, Калакуцкая ушла на пенсию, за нее осталась Майя Брусиловская, наша подруга.

4. Сценарная студия не мычит. И равно не телится. Студия Горького все не дает ответ. Буду волновать их через десяток дней.

5. На днях приезжают мои душанбинцы, будем добиваться утверждения рабочего (режиссерского) сценария на ЦТ. Пока веду шашни с ребятами из ЦТ на предмет нашей с тобой работы.

Вот пока всё. Жалко Илью Варшавского.

Привет Адке. Поцелуй мамочку.

Твой Арк.

Борис — брату, 9 июля 1974, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Отвечаю на твое письмо с некоторым запозданием, потому что закрутился.

1. Поляки наши уехали благополучно и уже прибыли домой — вчера ночью звонили из Варшавы. В общем и целом они остались довольны. Я их водил на день рождения Сашки <Копылова>, и тот подарил им самовар. Они были в восторге.

2. Заявку нашу я перепечатал и отдал режиссеру. Он был доволен. Лешка, прочитав, тоже одобрил. Теперь будем ждать. Режиссер сказал, что картина станет ясна в двадцатых числах. Он же сказал, что ПНВС-С все-таки зарубили на самом верху.

3. На похоронах Деда <Варшавского> встретил Таньку <Чеховскую>, поговорил с ней обо всем, хотя и бегло. На поминках беседовал с Брандисом. Он хлопал себя по бедрам и очень сетовал, что мы не идем хлопотать по начальству. Дмитревский, бывший рядом, присоединился. Один предлагал идти к Беляеву, другой — прямо к Демичеву. И уж во всяком случае, долдонили они оба, надо идти к Пешеходовой и Куценко. Ладно. Там видно будет. А меж тем сборник, в котором был наш ПиП, постепенно, говорят, разрушается. Уже вынули оттуда хорошую повесть Щербакова как излишне взрослую.

4. Я планирую приехать к тебе в воскресенье 14-го. За эту неделю сделаю все дела и двинусь. Когда возьму билет, телеграфирую. И все никак для себя не могу решить, что нам писать: зМЛдКС или детектив. Понимаешь, детектив был бы проще, легче работать, можно было бы отдохнуть за машинкой. Впрочем, не знаю...

5. Получил ты анкету мадам Мирлис насчет неологизмов? Я все никак не соберусь ответить.

Вот пока и всё. Целую, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке — привет!

Борис — брату, 29 июля 1974, Л. — М.

Дорогой Арк!

Отчитываюсь.

1. Связался с Татарским. Заявку нашу, как и следовало быть, отклонили. Официально объявлено (по словам Татарского): у них уже есть сказка, утвержденная Комитетом, и больше им не надо. Неофициально объявлено: сказку эту они не будут ставить ни за что по причине ее поганости; поэтому надо подождать месяца два-три — может быть, еще засветит. На чем и порешили.

2. Был в Северо-Западном отделении ВААПа. Оказывается, надо было подписать разрешение на публикацию в Венгрии главы из ПНО (25-й том Биб<лиоте>ки). По-моему, ты уже это подписал, так что ничего нового здесь нет. Заодно я решил поспрашивать юрисконсульта о заграничных гонорах. Выяснилось, что гонорар, что в рублях, что в форинтах, облагается совершенно одинаково и выгадать здесь невозможно. Дала она мне табличку подоходного налога, такую же, как и у тебя. Но насчет прочих вычетов ничего не сказала: то ли не знает, то ли не уполномочена говорить. Сказала только, что да, есть и другие вычеты. Дала телефоны ВААПа, куда можно обратиться за справкой. Ужо.

3. Звонил Брандису. Никаких новостей. Сказал ему, что ты намерен пойти к Ильину. Он выразил надежды.

4. Был в Литфонде, подал в Комарово на начало сентября.

Вот и всё пока. Мамочке передавай приветы, скажи, что я звонил домой, там всё в порядке, Мартьянна <Турылева> скучает, сидит, запершись на все замки, и дрожит от страха, очень ждет маму. Я тоже ее очень жду. Напомни, чтобы послала заранее телеграмму: дату, поезд, вагон.

Целую, твой [подпись].

Р. С. Ленуське и Машке привет. Пусть как следует тренируются в преф, а то я приеду и снова их раздолбаю.

Аркадий — брату, 5 августа 1974, М. — Л.

Дорогой Борик!

Не писал тебе, потому что, по чести, писать нечего, новостей нет. Ну, что было?

1. Ильин болен. Кажется, должен выйти сегодня, так что завтра пойду.

2. Познакомился я с неким Пастуховым Николаем Борисовичем, он в «Огоньке» зав. международным отделом и ярый враг Софронова. Для нас важно, что он лично знает Ганичева и Панкова (?), главу ВААПа. Он с ними уже говорил, назначил мне встречу сегодня вечером, а по телефону говорить отказался, так что, полагаю, дела тухлые.

3. Вышел мой том Акутагавы в Гослите, и я получил некий изрядный (совершенно неожиданно) гонорарий. Тут же мы с Ленкой развернулись и купили телепупер и лежбище.

Таковы практически все мои новости.

Жму, целую, твой Арк.

Приветы Адке.

Р. С. Письмо Демичеву я отсылаю в зависимости от сегодняшнего разговора с Пастуховым. Он в этом толк понимает.

Аркадий — брату, 11 августа 1974, М. — Л.

Дорогой Борик!

Новостей по-прежнему мало, и все они мизерные.

1. Говорил с Пастуховым. Он порекомендовал такой текст письма наверх, что я только рукой махнул: там все клятвы и обязательства, которые лучше излагать устно, да и письмо получилось бы страниц на десять. Таким образом, я на следующий же день (кажется, 8-го) отправил письмо в нашей редакции — заказным.

2. С Ильиным так и не удалось увидеться. Попробую еще раз завтра.

3. Из «Мира» пришел договор на «Гиг<антскую> флюктуацию», три экза, я их подписал и отправляю обратно.

4. Получил от Мирлис дурацкую анкету. Кое-как ответил, отсылаю обратно.

5. В Сценарной студии как будто что-то тронулось. Есть неофициальное сообщение, что сценарий покупает Одесская студия, причем у нее уже есть режиссеры. Но точно пока ничего не известно. Соловьев в отпуске, а его зам. в командировке.

6. На меня усиленно нажимают в смысле пьески-шлягера. Сажусь. Кое-что придумал, но это не фонтан. А впрочем, фонтан им, по-моему, и не требуется.

7. Интересная вещь. Борис Ларин (по-моему, я тебе о нем говорил) пребывает в приятельских отношениях с Феликсом Кузнецовым. Так он попросил Кузнецова прозондировать почву в Литобозе насчет обстоятельной статьи о Стругацких. Тот поговорил с Суровцевым. Суровцев дал полное добро. Не знаю, получится ли у Ларина статья, но не в этом дело. Видимо, там никакие черные вихри не веют, вот что хорошо.

Вот пока все дела.

Вечерами сидим с Ленкой у ящика и до одури смотрим. Отличный спектакль видели позавчера: «Мегре и человек на скамейке». Истинно высокий класс, даже завидно стало.

Жму, целую, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке.

Борис — брату, 15 августа 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо и поэтому строчу ответ.

Писать, собственно, абсолютно нечего. Ничего не происходит, никого не вижу, да и нет в городе никого. Вот и Александр Александрович <Мееров> уезжает, насовсем, в город Жданов. Пойду его сегодня провожать. Виделся с Руфью Александровной <Зерновой>. Подарила мне свою новую книжку, посидели, потрепались. Был у Лешки. Тоже сидели, трепались и пили отвратительный французский коньяк. Никаких новостей нет. Во всяком случае, сколько-нибудь существенных.

Значит, письмо наверх ты послал. Что ж, будем подождать и посмотреть. Жалко, что ты забыл написать мне, что рассказывал Пастухов о своей встрече с Ганичевым. Напиши, если стоит.

Все собираюсь засесть за сказочку, за ту, что на базе несостоявшейся нашей заявки для телевидения. Да то одно мешает, то другое. Ладно, добьем черновик зМЛдКС — только и будем заниматься, что сказочками.

Статью о нас Смелкова в «Юности» я так и не прочел, но мне ее подробно рассказали. По-моему, чушь все это, но хорошо, конечно, что появилась.

В общем, сижу и жду от тебя писем, потому что бог, видно, снова в Москве.

Жму руку, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!

Молодцы, что купили телик.

Аркадий — брату, 18 августа 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

Пишу тоже просто в ответ на твое письмо. Новостей общего значения нет.

Пастухов с Ганичевым не беседовал. Беседовал с ответственным «Пионера». С Ганичевым он говорить не мог и не стал бы, потому что они неприятели.

Сверху ничего.

Занялся я зубами <...>, и тут выяснилась пренеприятная вещь: я не могу раскрывать рот. Какая-то, м. е. е., спазма носоглотки, которая начинается при попытке раскрыть рот более чем наполовину. А уж если какой-нибудь посторонний предмет при этом вводится дальше уровня десен — всё. Мгновенно выворачивает меня наизнанку. А ведь работа протезиста связана не просто с инструментами и его пальцами во рту, но и с полной пастью гипса, да еще смазанного отвратным салом. Сейчас ищем способа изгильнуться. Либо анестезия носоглотки — а этого два протезиста, у которых я был, делать не умеют, — либо общий наркоз в стоматологическом. Такие дела. Только этого мне и не хватало.

Ну, будем уповать.

Жму руку, целую, твой Арк.

Привет твоим.

ПС. Совсем забыл. Звонили из ВААПа, требуют американцам для ознакомления ПНО. У меня больше экзов нет. Пришли, пожалуйста, из резерва несколько.

Борис — брату, 20 августа 1974, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Очень тебе сочувствую насчет зубов, но ведь надо, Федя! Ты все-таки добей это дело. Авось до конца не вывернет, что-нибудь да останется.

Насчет Пастухова ты мне писал в одном из писем следующее (цитата): «Для нас важно, что он лично знает Ганичева и Панкова... Он с ними уже говорил, назначил мне

встречу сегодня вечером, а по телефону говорить отказался, так что, полагаю, дела тухлые». (Конец цитаты.) Вот об этом самом разговоре я тебя и спрашиваю, а ты мне пишешь, что Пастухов с Ганичевым говорить не мог, а говорил с ответственным «Пионера». Ну, ладно, а с ответственным «Пионера» он о чем говорил?

Мне звонили из ВААПа. Опять насчет предисловия к УнС. Фред Пол обязательно хочет предисловие. Берется написать его сам. Наше мнение? А какой существует у нас выбор, спросил я. Можно вообще отказаться, а можно отложить решение до того момента, как предисловие будет написано: посмотреть, что он там напишет, а потом разрешить или нет. На том и порешили. Потом возник разговор о порядке глав. Я написал им туда, какой порядок глав должен быть обязательно, и заодно дал точные ссылки на эпиграфы.

Экземпляр ПНО я могу выслать, но куда? Тебе или прямо в ВААП? Если прямо в ВААП, то кому персонально? Срочно отпиши, и я вышлю. Там же нужно обязательно будет дать сопроводилку о том, что это сокращенный вариант.

Я тебе говорил, что в начале июля писал в ВААП, запрашивал насчет гонораров из ФРГ? Так вот сегодня пришел оттуда ответ. Суть: мы запросили указанные издательства и попросили их перевести гонорарные суммы на счет ВААП. Как только будут вести, вас — А. и Б. Стругацки — мы информируем незамедлительно. Помоему, в связи с образованием ВААП и отходом от дел Межкниги у немцев помутилось в глазах и они не знали, куда слать деньги и слать ли. Впрочем, посмотрим.

Вот, пожалуй, и все новости. На той неделе буду звонить в Литфонд насчет путевок. Будь готов. Я телеграфирую.

Целую, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет!

Аркадий — брату, 22 сентября 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

Новости такие.

1. Письмо, очевидно, дошло. Я связался с Гусевым Геннадием Михайловичем — бывший куратор Жемайтиса от главной редакции МолГв, ныне, видимо, работник аппарата Демичева или отдела культуры. Он и Беляев связывались с Ганичевым и Авраменко, те им все время ввали. Я попросил встречи. Гусев возразил, что сперва надо добиться для нас договора, а потом уже встретимся и по другим делам. Может, он прав. Была у меня беседа с Медведевым. Как и ожидалось, он категорически против ДоУ. Я повторил ему всю аргументацию, которая нами выработана. Кажется, не помогает. Тогда я объявил, что иду в ЦК. Тут он съезжился, но храбро пискнул, что-де и в ЦК не побоится высказать свое мнение. Сволочь он, вот что. Сейчас он укатил в отпуск. Приедет — будут вместе с начальством плести козни. Это уж точно. Погром он в фантастике учинил дикий, оставил всего два названия на 75-й год, а Беле на днях предложил искать другую работу. Конечно, у него за спиной все эти подлецы из руководства — от Ганичева до Авраменко. Но на Беле, я полагаю, они подавятся. Она тоже собирается в ЦК.

2. Сказка в «Мире приключений» вышла, гонорар получил, долг можешь списывать, как договорились. Со Сценарной студией еще не связывался.

3. Начинает выплывать тень дела Мишки. В Детгизе прошел слух, что Стругацкие — участники диссидентской группы ленинградских писателей. Я имел довольно продолжительную беседу с Брусиловской, которая сейчас заведует редакцией, она настроена дружелюбно, склонна мне верить, но настоятельно рекомендует принять меры. Какие? Ильин — хорошо, но для Камира и Пешеходовой не авторитет (это для меня было сюрпризом). Настаивает, чтобы я пробивался в ЦК и попросил опубликовать в какой-нибудь центральной газете (желательно, естественно, в «Правде») хороший о нас отзыв. Сам понимаешь, в таком положении заикнуться о заявке я просто не посмел.

4. Виделся с режиссером по «Преисподней», разговаривали долго, парень он деловой, внес много интересных предложений. Придется посидеть, поработать. Выяснилось, что у него огромный опыт в научпопфильмах (36 лент) и два полнометражных худфильма на животрепещущие темы. Он ими недоволен. Жаждет снять фильм по «Парню» и затем, если все сойдет удачно, по ПНвС, относительно чего у него уже есть предварительная договоренность с дирекцией Одесской студии.

Вот, кажется, и всё. Остальное — неясные слухи, встречи с друзьями и настоятельные советы добиться разговора в Большом ЦК. Что я и намерен делать.

Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй маму.

Жму и целую. Твой Арк.

Борис — брату, 26 сентября 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Получил наконец твое письмо, спешу ответить.

1. Действия твои в МолГв полностью одобряю. Так и держи. А представится возможность — пойдешь в ЦК. Только старайся попасть повыше. Я тут загнал свою коллекцию, так что энное время буду чувствовать себя спокойно. И на тебя, в случае чего, хватит. Ты ничего не пишешь об аргументации Медведева против ДоУ. Хотелось бы все-таки понять, что им там не нравится. Напиши, не сочти за труд.

2. Насчет «тени дела Мишки» — разоблачай везде, где сможешь дотянуться. Тут дело чистое, мы — ни сном, ни духом. Хотя досужая болтовня будет, конечно, мешать некоторое время.

3. Звонила Ирена. Договор на детектив (вроде бы!) получается. Скоро выходят две наши книжки — просила прислать фото для рекламы. (Я послал ей предпоследнюю копию лессовской фотографии; нахожусь в кризисе; у меня куча весьма приличных собственных фотографий, но нет ни одной твоей; изволь раздобыть и мне прислать; и поскорее.) О двустороннем издательском соглашении ничего толком не знает, кроме того что действовать оно начнет с января и обратной силы, по-видимому, иметь не будет.

4. Я тут перечитал с трепетом зМЛдКС, удивился и от удивления в тот же вечер прочитал Адке. Дело было около полуночи, Адка была больна, и договорились почитать часок, а потом перенести до завтра. Читали до четырех утра и потом еще час обсуждали. Адка заявила, что это первая наша вещь, написанная на уровне УнС. Мы молодцы и орлы. Я, между прочим, тоже был несколько поражен. Пока мы писали, мне все казалось, что это, собственно, даже не черновик у нас выходит, а так — что-то вроде развернутого изложения сюжета, этакое либретто, сухое изложение фактов в определенной последовательности, болванка для будущей работы. Черта с два! Получилась вполне законченная и в своем роде совершенная штучка. Хоть завтра в набор. Конечно, там есть шероховатости, и скороговорка местами, и местами сухость, но в общем — вполне готовая повесть № 21. И неплохая! Я тут пока еще ничего не предпринимаю. Жду, что ко мне обратятся. Если не — в начале октября пойду сам в «Аврору», а не получится там — в «Неву».

5. Дожимай «Парня»! Единственная наша надежда. И напиши мне поподробнее о своих планах — теперь они, вероятно, стали яснее.

6. У меня вся неделя прошла как в бреду. Во-первых, хлопоты, связанные с продажей коллекции, а во-вторых, все заболели — и Андрюха, и Адка, и я был уже на взводе, да и остаюсь, пожалуй.

7. Ах, если бы тебе удалось прорваться к начальству! Да повыше!

Целую, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет.

Аркадий — брату, 4 октября 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Путевки в Дубулты у нас с 23-го. Следовательно, в Комарово бери, как говорили, число на 20 ноября. Можно и попозже.

2. Гусева то ли нет в городе, то ли он сугубо занят организационными перестройками в своем учреждении. Там, говорят, какие-то крупные перемены.

3. Был вызван в Сценарную студию. Было объявлено, что Тарковский связался с ними на предмет экранизации ПнО, а так как экранизации Сценарная студия не делает, то он договорился составить совместно с нами заявку без упоминания названия. Ему дали мой телефон (это было вчера), он должен мне позвонить, и мы, встретившись, обговорим всё подробно.

4. Звонили из ВААП на предмет подписания договора с ГДР на «Далекую Радугу». Договор высылают.

5. Сiju и дожимаю сценарий «Парня». По просьбе режиссера многое изменил, стало значительно лучше (так он говорит). По словам Соловьева (директор Сценарной студии), мы твердо в плане 75-го. Сценарий же надеюсь сдать не позже пятнадцатого. Надоел он мне.

6. В сберкассе еще не ходил — некогда. Полагаю, что деньги за 2-й вариант уже там.

7. Очень удивился, но радуюсь, что зМЛдКС вызвал у тебя столь положительные эмоции. Вернее, у вас с Адкой. Это обнадеживает. (В том смысле, что есть еще порох в пороховницах.)

Больше новостей (значительных) нет.

Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй мамочку.

Жму и пр<очее,> твой Арк.

Аркадий — брату, 8 октября 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

Пишу вдогонку, не дожидаясь ответа.

1. Прилагаю письмо Фуками, нашего японского переводчика. Ответ за нашей подписью и отошли авиазаказным. Адрес — в конце письма.

2. Вчера звонил Лева Жданов, переводчик со шведского. Сообщил, что получил письмо от Сама Лундвала, главы изд<ательст>ва «Дельта» под Стокгольмом. В январе у него выходит СоТ и УнС в переводе Челя Ремстрема. Пелись дифирамбы («отличная думающая литература»). Упоминалось, что издание осуществляется по договору с Межкнигой. Я позвонил в ВААП. Консультанта по Швеции нет — на картошке. М<жду> п<рочим>, консультант по Японии тоже.

3. Бела непрерывно меня теревит. Но я никак не могу связаться с Гусевым, хотя звоню ему последние дни уже по два раза на дню.

4. Вчера закончил 3-й вариант «Бойцового Кота» (с). Не удержался, на три четверти переделал. Сегодня несу в Сценарную студию. Уже есть редактор из Одессы, сегодня же буду знакомиться. До чего хорошо работать с режиссером!

5. Заходил некий Геннадий Шакин из Воронежа, привез от своих друзей-художников иллюстрации к СоТ и ГЛ. НичегЁ.

Такие дела.

Привет Адке и Росшеперу. Поцелуй маму. Обнимаю, твой Арк.

Ч-черт, совсем забыл. Из ВААПа пришло странное письмо по поводу ДР. В частности и главное: «...Мы получили от издательства ГДР «Нейе Берлин» предложение на использование вашего произведения «Далекая Радуга» в переводе на немецкий язык в

третьих странах немецкого языка... В случае передачи лицензии на перевод в другие страны издательство ГДР обязуется перечислить гонорар в ВААП в валюте этих стран». Нам предложено, в случае согласия, подписать второй экз. этого письма и вернуть его в ВААП. Что я и сделал. Хрен его знает, что это значит. И узнать ничего нельзя — все на картошке...

<...>

Борис — брату, 9 октября 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

1. Меня очень заинтересовало твое сообщение по поводу Тарковского. Если это выгорит, то это будет настоящее дело, которым и заняться надо будет по-настоящему. Пожалуйста, держи меня в курсе. Я не совсем понимаю, как можно обойти запрет экранизаций, хотя чую, что это возможно. (Что-нибудь вроде «по мотивам повести... или повестей...».) Между прочим, если с ПНО не выгорит, предложим Тарковскому зМЛдКС. По-моему, это его вполне может удовлетворить. В общем, держи меня в курсе.

2. В «Авроре» пока (тьфу-тьфу!) без изменений. В Лендетгизе же идет возня: подключили Брандиса, попросили дать соображения по «девзрослению» повести, он дал, ему сказали ОК, пообещали, что теперь свяжутся со мной и попросят о ма-аленьких переделках (убрать кое-какую лексику, добавить что-то там в уста Корнею и пр<очее>), но пока еще не звонили. Впрочем, Брандис беседовал с ними вчера.

3. Насчет зМЛдКС — я все жду, что меня попросят. Но что-то никто не просит. Надо будет пойти в «Неву» и предложиться.

4. Сегодня пойду в Литфонд заказывать путевки. Буду просить с 25 ноября.

5. Дмитриевский рассказывает, что беседовал недавно с Медведевым. Медведев всячески за нас, просто ДоУ кажется ему «не лучшей повестью Стругацких»... он, Медведев, предпочел бы там, скажем, ОО (!). За что купил, за то и продаю. По-моему, все они врут — и нам, и друг другу.

6. Насчет пороха в пороховницах можешь быть совершенно спокоен. Он есть. Мы еще не одну горку перемахнем. Кончай с этим сценарием, поезжай отдыхать, наберись оптимизму и... зМЛдКС — это вещь! А поработаем над нею — будет дважды вещь!

Пока всё. Целую, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке — привет!

Ленка! Как варить рис? Напиши рецептик!

Борис — брату, 16 октября 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Письмо твое застало меня в пароксизме гриппа. Только сегодня вот несколько оклемался, написал письмо Фуками (кстати, непонятно, почему ты на него не захотел ответить?), завтра Адка отправит его из Пулково заказным, а то я еще не выхожу.

Насчет Сама Лундвала — это все очень мило, но вот как бы попросить твоего Леву Жданова, чтобы он выхлопотал там экзы! А то ведь через ВААП не дождешься, небось.

Насчет ДР в ГДР я не все понял. Они хотят издавать ДР или торговать ею в Австрии и пр<очих странах>? Или и то и другое? Дело в том, что НЕЕ БЕРЛИН уже издавало ДР — в 1971 г. По-видимому, речь идет только о торговле лицензией. Ну что ж, дай им бог...

Я тут через Брандиса узнал, что какое-то французское изд<ательст>во (забыл название, но говорят — крупное) заинтересовалось «Малышом». Просят прислать экз. Я пошлю, отчего же...

Из ВААПа пришло письмо, что ИНЗЕЛЬ ввиду нехватки бумаги задерживает издание очередных наших повестей до 75-го и, может быть, до 76-го года. Ладно. Но я же не об этом просил их узнать, а о гонорарах! Да, брат, литагенты у нас — мечта!

Я еще надеюсь получить от тебя письмишко до твоего отъезда. Очень интересуюсь знать, как там дела с Тарковским.

Целую, твой [подпись].

Аркадий — брату, 17 октября 1974, М. — Л.

Дорогой Борик.

Опять не дождался твоего письма и пишу вслед. Последняя неделя — целый шквал событий, только успеваю отдуваться. Похоже, что история пришпорена, история несется вскачь, гремя золотыми подковами...

1. Тяжелые бои на фронте МолГв — три дня переговоров с Медведевым, взаимные попреки и угрозы, хлопанье дверью и кидание шапок оземь — завершились сегодня срочной подготовкой договора (четвертого по счету) — на «Незначенные встречи». Условия: я дал честное слово, что не буду настаивать на ДоУ и подберу другую вещь, как только получу договор на руки и аванс на книжку; он дал честное слово, что немедленно даст нам договор с авансом и поместит ДоУ в первом же сборнике советского детектива или в сборник «Фантастический детектив», который они там планируют. Мое предложение включить ПиП принято с благосклонностью. Возможны, впрочем, варианты. Что из этого получится — не знаю, но мы ничем не рискуем, разве что будет очередная затяжка — но и тут у нас остается шанс: второе письмо наверх.

2. Сценарий благосклонно (хотя и не без занудных, но в общем правильных правок) принят редактором и сдан на машинку там же на студии. Последняя и решающая сценарная коллегия состоится то ли 28-го, то ли 30-го, так что мне придется смотаться из Дубулт в Москву. Режиссер, полностью удовлетворенный, выехал в Одессу (вернее, выедет завтра, унося своему начальству в клюве два экземпляра). Здесь готовятся веские положительные отзывы заслуженных товарищей для атаки киевского Госкино.

3. Андрон Кончаловский передал мне письмо насчет сценаризации ТББ во Франции. Копию в части, нас касающейся, прилагаю. Несколько дней пришлось потратить, чтобы найти в ВААПе человека, который бы знал, как на это письмо ответить. В конце концов вышел я все на того же Панова, который разъяснил (после получасовой консультации в недрах этой конторы и за ее пределами), что предложения такого рода должны направляться прямо на имя председателя ВААПа Панкина. Пишу письмо, завтра отдаю Папане <вероятно, Бобринскому> для перевода и отсылаю. Панов порекомендовал, чтобы французы сразу же обозначили в своем предложении условия — финансовые, относительно нашего участия и пр<очее>.

4. Из ВААПа сообщили о намерении Аргентины получить два экз ВМ (ответил, что пусть присылают договор, тогда добудем и экзы) и о намерении (подкрепленном договором) ГДР «Нойе Берлин» опубликовать «Малыша». Кроме того, нужны экзы УнС и СоТ, тут я не совсем понял, в чем дело. Но факт остается фактом: требуется иметь машинописные копии. Я бы попросил тебя заняться этим делом, т. к. моя машинистка вышла из строя.

5. Ходил на сберкнижку. Нам получилось из Сценарной студии по 380 руб. Полагаю, получишь либо лично, либо, если дашь знать, по почте.

6. Забыл упомянуть: в письме к французам собираюсь просить их прислать ТББ в ихнем издании.

7. Бела была у Ганичева, тот заверил ее, что она — один из лучших редакторов издательства и пр<очее>, и что ей нечего опасаться, что ее уйдут, а совсем напротив. Словом, что-то как-то действует за кулисами этой странной истории. С другой стороны, ходят смутные слухи о том, что кто-то где-то предложил прекратить поток «черной

фантастики» и вернуться к фантастике близкого прицела, где было бы будущее Сибири, Дальнего Востока и колыхающиеся хлеба. Трудно что-либо понять.

Такие дела.

Не знаю, успеешь ли ты ответить до нашего отъезда, но если есть конкретные предложения или важные вести, то попробуй дозвониться мне хотя бы в понедельник рано утром. Впрочем, звони и вечером, тогда, в случае если меня не будет, поговоришь с Ленкой. А меня запросто может не быть, потому что устройство дел — это, брат, очень тяжелое занятие. Ленка в курсе всех дел, а то, что нужно сверх, — запишет.

Обнимаю, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Аркадий — брату, 19 октября 1974, М. — Л.

Дорогой Борис.

Только что получил твое письмо. Надеюсь, с гриппом ты уже разделался.

1. Вчера (18 окт<ября>) Ганичев подписал договор. Высылай соображения по новому составу сборника. Во всяком случае, думай. Вышли в бухгалтерию МолГв заявление о переводе гонорара на твою книжку.

2. Посылаю письмо американца. Ответь. Сам не отвечаю, некогда. И не люблю.

3. Я, со своей стороны, хочу пробить такие варианты состава:

I — Извне, ПнО, ПиП, М.

II — ПнО, М, ТББ.

Целую, передавай приветы.

Твой Арк.

Борис — брату, 22 октября 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Ты обрушил на меня такой шквал писем, что я только успевал рот разевать да крутить сильно сопливым носом. Да, брат, история и в самом деле устремилась вскачь, и не угонишься.

Итак, сбылась мечта идиота! Ну что ж... Конечно, следовало бы подождать суммы прописью, но порассуждать о содержании сборника и сейчас не помешает.

1. Произвел я тут некоторые подсчеты, и получилось, что, выкинувши ДоУ, они нагрели нас минимум на 3.5 тыс. рябчиков. Хотя, конечно, если Медведев сдержит слово и сунет ДоУ в какой-нибудь сборник, мы окажемся в конце концов только в выигрыше. К предлагаемым тобою двум вариантам сборников я добавил, по размышлении, третий. Итого имеем:

I вариант: ПнО + М + ПиП + Извне.

II вариант: ПнО + М + ТББ.

III вариант: ПнО + М + ПиП + ПкБ.

Сам понимаешь, требуется выбрать такой вариант, чтобы сумма прописью была побольше, а качество содержания — получше. Сумму прописью подсчитать чрезвычайно трудно, ибо совершенно неясно, сколько изданий претерпели ПкБ, ТББ, Извне и пойдет ли в Лениздате ПиП. Дабы и ты мог произвести прикидку, сообщаю тебе данные об изданиях:

Извне: 200 тыс. («Шесть спичек») + 200 тыс. (сборник Лениздата).

ТББ: 100 («Далекая Радуга») + 215 (VII том).

ПкБ: 115 (Ф<антасти>ка-1962) + 100 («Хищные вещи...»).

М: 75 (Лендетгиз — «Талисман») + МОЖЕТ БЫТЬ (Лендетгиз В+М).

ПиП: МОЖЕТ БЫТЬ (Лендетгиз, сборник в 75 году).

У меня получилось, что самый ВЫГОДНЫЙ вариант — третий, самый НЕВЫГОДНЫЙ — второй. Разница между вторым и третьим порядка 1.5–2.0 тыс. Однако первый вариант, являясь вторым по сумме, является в то же время, на мой взгляд, самым плохим по качеству. Поэтому я полагаю, что первый вариант следует вообще отбросить. Поскольку я сторонник КАЧЕСТВА, то лично я предлагаю все-таки самый невыгодный, но в то же время самый высококачественный вариант: ПнО + М + ТББ, тем более что если удастся-таки пробить ПиП в Лендетгизе, выгодность третьего (да и первого) варианта значительно поприуменьшится. Правда, вариант № 2 имеет еще и тот недостаток, что придется менять название сборника — вряд ли ТББ подпадает под категорию неназначенных встреч. Но это уже не проблема. Можно в качестве названия сборника взять ПнО; можно дать сборник под всеми тремя названиями; можно придумать новое название; а можно, поразмыслив, прийти к выводу, что ТББ — тоже неназначенная встреча — с точки зрения арканарцев, во всяком случае. В общем, я категорически за вариант номер 2. (В самом деле, здесь будет даже некая приятная симметрия «неназначенности»: ПнО — неназначенность с точки зрения землян; ТББ — неназначенность с точки зрения инопланетян; М — всеобщая неназначенность.)

2. Предложения французов по поводу адаптации ТББ для кино весьма интересны. Тут следует только помнить, что пахнет большими деньгами: кино это тебе не Марион фон Шредер, — тут отвалит так отвалит. Поэтому проследи, чтобы передача права АДАПТАЦИИ не превратилась как-нибудь втихаря в передачу права на ЭКРАНИЗАЦИЮ. Не знаю, сколько стоит право адаптации, а вот право экранизации на Западе стоит очень дорого — по крайней мере, судя по литературе, каждый писатель, продавши право на экранизацию своего опуса, немедленно покупает виллу. (Причем, заметь, речь идет лишь о продаже права, а не о написании сценария и прочей тяжелой работе.) Хорошо бы также сохранить и право вето, дабы не позволить превратить нашу благородную повесть в слюнявую киноисторию. Впрочем, право вето, я полагаю, можно было бы обменять на тугрики, если последних будет достаточно.

3. Перепечаткой УнС и СоТ займусь во благовремени.

4. Деньги за сценарий привезешь мне, когда поедешь в Комарово.

5. Письмо японцу послал. Письмо американцу пошлю в ближайшие дни.

6. В общем, насчет французского кино — главное, не торопись ничего подписывать: «Мне надо посоветоваться с братом-соавтором...» и всё тут.

Пишу это письмо, ибо ты намеревался в конце октября быть в Москве.

А в остальном — целую, твой [подпись].

Аркадий — брату, 15 декабря 1974, М. — Л.

Дорогой Борис.

1. В МолГв все пока благополучно, хотя из-за внутренних их неурядиц тормозится. Я говорил с Медведевым. Он за ТББ, сказал даже, что считает эту вещь наряду с М лучшей у нас. Но сам он решить не может, должен посоветоваться и спросить разрешения у Авраменки. Примерно во вторник-среду я ему звоню. Если всё в порядке, надо отдавать ТББ печатать. Бела уходит из МолГв и переводом поступает в ВААП спецом по фантастике и приключениям. Это тоже некая возможность, но практически еще не очень ясная.

2. Звонили из ВААП. Пришли деньги из ФРГ за ТББ и ОО. Пришлось ездить туда и отвозить заявление на сертификаты и на оплату пополам. Сказали, что на той неделе деньги будут в Посылторге. Сумма более значительная, чем обычно. К тому же мне сказали, что отчисляться будет теперь только 25% плюс подоходный налог. А м<ожет> б<ыть,> я не так понял. Посмотрим.

3. В США изд<ательст>во ДАУ издает (или уже выпустило) ТББ в покетбуковском издании. Обложку я видел. Срамота. Видел я также и обложку шведского издания СоТ

(плюс УнС). Это значительно лучше. У шведов книга выйдет в феврале. Экзы из США и Швеции я заказал.

4. В Сценарной студии сценарий приняли полностью. Но как насчет денег — пока неясно.

5. Ходят неприятные слухи, что фантастика действительно переводится на ближний прицел: БАМ, освоение Сибири, тундры и пр<очее>. Кроме того, будет сокращаться число названий. Не знаю, только ли это для МолГв или для всех издательств.

6. зМЛдКС читал Ленке, Машке, Мирерам, Бобрам и Наташке с Эдиком <Фошко>. Фурор полный.

Вот пока всё.

Привет Адке и Андрею.

Жму, целую. Арк.

Борис — брату, 20 декабря 1974, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Письмо твое получил. Очень приятные новости. У меня тоже кое-что поднакопилось.

1. Был в «Авроре», выкупил 12-й номер с ПиП. Остатние деньги обещают заплатить в начале января. Имел беседу насчет зМЛдКС. Они там все пока очень ЗА, приглашают опять же в начале января подписывать договор, причем, если не ошибаюсь, речь все-таки идет о 75-м, а не о 76-м. Что, впрочем, не столь и существенно.

2. Был — и неоднократно — в Лендетгизе. Договор на ПиП они таки подписали, и я уже получил аванс (тебе, сказали, вышлют опять же в начале января). Натурально, у них куча замечаний и поправок — сейчас вот сижу и правлю. В основном — лексика, конечно, но еще и попросили сократить страниц на 5 — у них не хватает листажа. Когда принесу исправленный вариант, обещали выписать одобрение, но это уж мы точно получим не раньше января.

3. В Детгиз уже пришли гранки ПХХПВ+М, видел своими глазами. Обещают книжку все в том же многострадальном январе.

4. Из «Мира» получил 184.36 «за переиздание кн<иги> “Далекая Радуга”». Между прочим, очень неплохо получилось за переиздание этой кн<иги> — в общей сложности около 500 р.! Кто бы мог подумать!

5. Хорошо, что зашевелились в смысле сертификатов немцы. Я полагаю, это мое письмо возымело действие. Будешь получать — постарайся все-таки выяснить нынешнюю процедуру отчислений, чтобы мы все время могли понимать, на каком мы свете.

6. В Литфонд еще не ходил. Сегодня позвоню туда, попрошу путевки на 15 января.

7. Насчет ближнего прицела не горюй. Вывернемся как-нибудь. Мощный тундровспахивающий бульдозер вывернет у нас из вечной мерзлоты некий цилиндр. Странный. Отвинчивают цилиндр, а там... И т. д.

Вот и всё пока. Привет Ленке и Машке.

Твой [подпись].

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Рабочий дневник, 1971–1987

1.02.1974

Вчера Б. приехал писать МиП.

Дом призраков — штаб подготовки кадров для Двойры.

Эпизоды:

1. Переписка с неизвестным.
2. Видения: полосатые, десантники, чел<ове>к с оружием.
3. Парень с Двойры, остающийся на Земле. Математик-гений.
4. Реконструкция Гепарда: разговор с Корнеем о герцоге.

Манин: 1343734.

В III, IV:

1. Надпись на стене.
2. Звездолеты.
3. Странные следы.
4. Голоса и призраки.

V гл.

Незнакомец с оружием.

Встреча с полосатым и драка.

Надпись на стене.

Обследование дома.

VI гл.

Узнает, что война кончилась.

Сцена прощания Корнея с парнем.

Драка.

Решение изгот<овить> оружие.

VII.

Реконструкция Гепарда.

VIII.

Прорыв. Встреча с полосатым.

IX.

Эпилог.

2.02.1974

Сделали 6 стр. (54) — 2 переделали заново.

Вечером сделали 4 стр. (58)

3.02.1974

Сделали 7 стр. (65)

Вечером сделали 3 стр. (68)

Конец главы: Драмба, несколько вопросов.

Влепили по лбу так, что...

4.02.1974

Сделали 6 стр. (74)

Вечером сделали 4 стр. (78)

5.02.1974

Сделали 7 стр. (85)

Вечером сделали 3 стр. (88)

Щенка привязали за веревочку, обвели вокруг пальца, 4 недели. Споткнулся, упал, лежит. И друга нет, никто не откликается.

— Я много наболтал лишнего. Так не пойдет. Я еще не готов.

6.02.1974

Сделали 8 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 96-й СТРАНИЦЕ.

Ходили в Пекинчик.

7.02.1974

Б. уехал.

[Запись БНС между встречами]

Подземелье — не здесь. Винт<овая> лестница — нуль-транспортёр. Дверь не открывается, когда там кто-то другой нуль-транспортируется. Эпизод в коридоре с тремя десантниками-крысоедами — набрался страху и тогда же обнаружил надпись.

Корней — что-то вроде парии: они все способны на все, они в крови, во лжи и в подлости. То, что так нравится Гагу — жесткость лица, резкость, — отталкивает землян. Друзей нет — только товарищи по работе. Жена с ним развелась, боится за себя и за сына. Корней тянется к Гагу, как к сыну, — Гаг чувствует странное отношение.

Эпизод с женой (Гаг подсматривает, ничего не понимает). Сначала приходит жена, Корнея нет, встречается с Гагом — отвращение.

Как Гэгун-дурак рыбу лечил. Полежи, говорит, на солнышке, погрейся, все пройдет, а я пойду пиво варить. А потом ею же и закусил, — так и помощь Корнея Гагу.

20.02.1974

Арк приехал в Л<енинг>р<а>д. Думаем над чистовиком МиП.

[Таблица на отдельном листе]

I. Гаг. Бой.	
II. Госпиталь.	Отношение к Корнею: сторонится, отводит глаза, женщина.
III. Гаг. Реминисценции. Созрело решение: либо отпустят; либо прорвусь; жить здесь не буду, но сделаюсь ихним разведчиком, а потом обману.	Случай с десантниками; дверь; надпись; «призраки»; женщина; встреча ее с Корнеем (?). Вывод: чужая планета; поработители; как воспользоваться; почему не пускают домой — анекдот с рыбой, — нет, дело не в этом.
IV. Степь; робот; обелиск.	Проверка контроля. Расспросы про дом; про десантников; про Корнея (женщина).
V. Гаг. Оружие.	Сын: «Перестань мучить мать». Гаг: «Почему он их не выкинет — и бабу, и сына? По рылу их...»
VI. Гаг. Подземелье.	Кончить сценой между Корнеем и женщиной. Или начать? «Не могу... не хочу... это не жизнь...» Сочувствие Гага. «Ты же прекрасный зоопсихолог? Зачем?»
VII. Конец войны. Драка. Решение сделать автомат.	

VIII. Гаг.	Или эту главу начать «Ты заражен — ты уже заражен этой мерзостью...» Корней молчит. «Ну почему ты молчишь?» «Ты лучше меня знаешь ответ». Реакция Корнея. Потеря сына?
IX.	

23.02.1974

В Москве пишем чистовик МиП.
Сделали 14 стр. (12) 14.
Вечером сделали 4 стр. (16) 18.

24.02.1974

На той стороне зала у самой стены стояла женщина. Гаг даже не успел ее толком рассмотреть — через секунду она исчезла. Но она была в красном, у нее были угольно-черные волосы и яркие синие глаза на белом лице. Неподвижный язык красного пламени на фоне стены. И сразу — ничего.

Сделали 11 (28) 29.
Вечером сделали 5 (31) 34.

25.02.1974

Сделали 14 (41) 48.
Вечером сделали 5 (44) 53.

26.02.1974

1. Надпись на стене	1. Надпись
2. Мультипликатор	2. Мешок
3. Мешок	3. Мультипликатор (обед с гостями)
4. Занавес	4. Сын
5. Разговор с сыном	5. Занавес

Сделали 13 (61) 66.
Вечером сделали 4 (64) 70.

Она приходит к Гагу вечером. А утром: «Ничего у тебя не выйдет. У него глаза убийцы».

27.02.1974

...но вот однажды вернулся я под вечер с прудов, усталый, потный, ноги гудят, искупался и завалился в траву под кустами, где меня никто не видит, а я всех вижу. То есть видеть-то особенно было некого — которые оставались, те все сидели в кабинете у Корнея, было у них там очередное совещание, а в саду было пусто. И тут дверь нуль-кабины раскрывается и выходит из нее человек, какого я до сих пор здесь никогда не видел. Во-первых, одежда на нем. Которые наши, они всё больше в комбинезонах, либо в пестрых таких рубашках с надписями на спине. А этот — не знаю даже, как определить. Что-то такое строгое на нем, внушительное. Матерьяльчик серый — понял? — стильный,

и сразу видно, что не каждому по карману. Аристократ. Во-вторых, лицо. Здесь я объяснить совсем не умею. Ну, волосы черные, глаза синие — не в этом дело. Напомнил он мне чем-то того румяного доктора, который меня выходил, хотя этот был совсем не румяный и уж никак не добряк... Выражение изменчивое, что ли?.. У наших такого выражения я не видел: наши, они либо веселые, либо озабоченные, а этот... нет, не знаю как сказать. В общем, вышел он из кабины, прошагал решительно мимо меня и в дом. Слышу: галдеж в кабинете разом стих. Кто же это к нам пожаловал, думаю. Высшее начальство? В штатском? И стало мне ужасно интересно. Вот, думаю, взять бы такого. Заложником. Большое дело можно было бы провернуть... И стал я себе представлять, как я это дело проворачиваю, фантазия, значит, у меня заработала. Потом спохватился. Слышу — в кабинете уже опять галдят, и тут на крыльцо выходят двое — Корней и этот самый аристократ. Спускаются и медленно идут рядом по дорожке обратно к нуль-кабине. Молчат. У аристократа лицо замкнутое, глаза холодные, рот сжат в линейку, голову несет высоко. Генерал, хоть и молод. А Корней мой голову повесил, глядит под ноги и губы кусает. Я только успел подумать, что и на Корнея здесь, видно, нашлась управа, как они остановились и Корней говорит:

— Ну, что ж... Спасибо, что пришел.

Аристократ молчит. Только плечом слегка повел, а сам смотрит в сторону.

— Ты знаешь, я всегда рад видеть тебя, — говорит Корней. — Пусть даже вот так, на скорую руку. Я ведь понимаю, ты очень занят...

— Не надо, — говорит аристократ с досадой. — Не надо. Давай лучше прощаться.

— Давай, — говорит Корней. И с такой покорностью он это сказал, что мне даже страшно стало.

— И вот что, — говорит аристократ. Жестко так говорит. Неприятно. — Меня теперь долго не будет. Мать остается одна. Я требую: перестань ее мучить. Раньше я об этом не говорил, потому что раньше я был рядом и... Одним словом, сделай что хочешь, но перестань ее мучить.

— Я ничего не могу сделать, — говорит Корней тихо.

— Можешь! Можешь уехать, можешь исчезнуть... Все эти... твои занятия... С какой стати они ценнее, чем ее счастье?..

— Это совсем разные вещи, — говорит Корней с каким-то тихим отчаянием. — Ты просто не понимаешь, Андрей.

Я чуть не подскочил в кустах. Ну ясно — никакой это не начальник и не генерал. Это же его сын!

— Я не могу уехать, я не могу исчезнуть, — продолжал Корней. — Это ничего не изменит. Ты воображаешь — с глаз долой, из сердца вон. Это не так. Постарайся понять: сделать ничего невозможно. Это судьба. Понимаешь? Судьба!

Этот самый Андрей задрал голову, надменно посмотрел на отца, словно плюнуть в него хотел, но вдруг аристократическое лицо его жалко задрожало — вот-вот заревет, — как-то нелепо махнул рукой и со всех ног пустился к нуль-кабине.

— Береги себя! — крикнул ему вслед Корней, но того уже не было. Тогда Корней повернулся и пошел к дому. На крыльце он постоял некоторое время, словно собирался с силами и с мыслями, потом расправил плечи и только тогда шагнул через порог.

Сделали 9 стр. (71) 79.

Вечером сделали 6 стр. (77) 85.

28.02.1974

И вот в тот же вечер, я уже спать нацеливался, вдруг открывается дверь, и стоит у меня на пороге эта женщина. Слава богу, я еще не разделся — сидел на койке в форме и снимал сапоги. Правый снял, и только это за левый взялся, смотрю — она. Я ничего даже

подумать не успел, только взглянул и, как был в одном сапоге, вскочил и вытянулся. Красивая она была, ребята, аж страшно — никогда я у нас таких не видел, да и не увижу, наверное.

— Простите, — говорит она, улыбаясь. — Я не знала, что здесь вы... Я ищу Корнея.

А я молчу как болван деревянный и только глазами ее <ем>, но почти ничего не вижу. Обалдел. Она обвела взглядом комнату, потом снова на меня посмотрела — пристально, внимательно, уже без улыбки — ну, видит, что от меня толку добиться невозможно, кивнула мне и вышла, и дверь за собой тихонько прикрыла. И верите ли, ребята, но мне сразу показалось, что в комнате темнее стало.

Долго я стоял вот так — в одном сапоге, все мысли у меня спутались, ничегошеньки я не соображал. Не знаю уж, в чем тут дело: то ли освещение какое-то особенное было у меня в ту минуту, а может быть, сама эта минута была для меня особенной, но я потом полночи все крутился и не мог в себя прийти. Вспоминал, как она стояла, как глядела, что говорила. Сообразил, конечно, что она неправду сказала, что вовсе она не Корнея искала (нашла где искать), а зашла ко мне специально, на меня посмотреть. Ну это ладно. Другая мысль меня в тоску смертную вогнала: понял я, что довелось мне увидеть в эту минуту частичку настоящего большого мира этих людей. Корней ведь меня в этот мир не пустил и правильно, наверное, сделал. Я бы в этом мире руки на себя наложил, потому что это невозможно: видеть такое ежеминутно и знать, что никогда ты таким, как они, не будешь и никогда у тебя такого, как у них, не будет, а ты среди них, как сказано в Священной книге, есть и до конца дней своих останешься «безобразен, мерзок и затхл»... В общем, плохо я спал в эту ночь, ребята, можно сказать, что и вовсе не спал, а едва рассвело, я выбрался в сад и залег в кустах на обычном своем наблюдательном пункте. Захотелось мне еще раз увидеть ее, разобраться, понять, чем же она меня вчера так ударила. Ведь видел же я ее и раньше, из этих самых кустов и видел...

И вот когда они шли по дорожке к нуль-кабине, рядом, но не касаясь друг друга, я смотрел на нее и чуть не плакал. Ничего опять я в ней не видел. Ну, красивая женщина, ничего не скажешь, — и все. Вся она словно погасла. Словно из нее душу живую вынули. В синих глазах у нее была пустота, и около рта появились морщинки.

Они прошли мимо меня молча, и только у самой нуль-кабины она, остановившись, проговорила:

— Ты знаешь, у него глаза убийцы.

— Он и есть убийца, — тихо ответил Корней. — Профессионал.

— Бедный ты мой, — сказала она и погладила его ладонью по щеке. — Если бы я могла с тобой остаться... Но я не могу. Мне здесь тошно.

Я не стал дальше слушать. Ведь это они про меня говорили. Прокрался я к себе в комнату, посмотрел в зеркало. Глаза как глаза. Не знаю, чего ей надо. А Корней правильно сказал: профессионал. Тут стесняться нечего. Чему меня научили, то я и умею. И я всю эту историю от себя отмел. У вас свое, у меня свое. Мое дело сейчас ждать и дожидаться.

Сделали 12 стр. (87) 97.

Вечером сделали 5 стр. (91) 102.

1.03.1974

Сделали 5 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ НА 107-й СТРАНИЦЕ.

2.03.1974

Б. уезжает.

[Запись БНС между встречами]

В конце Малянову приходит в голову страшное: именно-то Вечеровский, собравший у них все материалы, самый герой из них и орел — он-то и есть последний решительный агент, закончивший операцию. Именно это и толкает Малянова сказать: «Не знаю, отдам ли я тебе...» вместо «на».

Сказали мне, что эта дорога
 Меня приведет к океану смерти,
 И я с полпути повернула вспять (повернул обратно).
 С тех пор все тянутся передо мной
 Кривые, глухие, окольные тропы...
 (Ёсано Акико), Яп<онская> поэз<ия>, стр. 227.

- Когда ты на ней в посл<едний> раз ездил? (О машине — не сломается ли.)
- Вчера вечером.
- И как она?
- Бегала очень хорошо.
- Очень хорошо...
- Но была бледная!

- А кто вмэр, тот в яме, а кто жив, тот з нами.

24 июня 1974

А. приехал. Пишем заявку на телесценарий

Повесть о дружбе и недружбе.

1. Мать и отец уходят в гости, елка во дворе, снегопад. Саша остается с дедом. Шахматы. Дед засыпает. Ожидание Витьки.

2. Саша смотрит альбом с марками, транзистор и фонарик, подарки родителей к Новому году. Появление записки.

3. Коридор, конторщик (разъясняет опасность для Витьки: до Нов<ого> года).

.....

n. Подвал с марками. Соблазн. Сторож с берданкой. Гибель приемника.

n+1. Сцена допроса Витьки. Саша на помощь. «Сашка, где ты? Слышишь ли ты?»

n+2. Пробуждение. Приход Витьки — утро, солнце. Разбитый приемник.

25.06.74

Б. был <в> ГБ.

26.06.74

Саше надо преодолеть:

1. Страх. (Физич<ескую> опасность.) (Челюсти.)
2. Собств<енную> неумелость. (Хоккей.)
3. Интеллект<уальную> задачу. (Электронный сфинкс.) Может ли создать задачу, которую сама не сможет решить.
4. Соблазн. (Марки.)
5. Финальная сцена.

Заявка

Предлагаем Вашему вниманию заявку на полнометражный телефильм-сказку для юношества «Повесть о дружбе и недружбе».

Дело происходит в канун Нов<ого> года. Школьник Саша заболел и оставлен в постели, дома, с дедом. Папа и мама уходят в гости. Но Саша не унывает: к нему на елку обещал прийти его закадычный друг Витька. В ожидании друга Саша играет с дедом в шахматы. Потом дед засыпает в кресле, а Саша, все поглядывая на часы, крутит свой любимый транзистор, разглядывает альбом с марками, щелкает фонариком, подаренным на Новый год. А Витьки все нет. Саша начинает беспокоиться. Вдруг из-под кровати высовывается черная рука, кладет на одеяло записку и исчезает. В записке вопль о помощи: «Сашка, погибаю. Выручи! Виктор», и приписка на машинке: «Кухня. Юго-зап<адный> угол. За холодильником». Саша хватается приемник, фонарик, компас и на цыпочках, чтобы не разбудить деда, устремляется на кухню. Там за холодильником он обнаруживает дверцу в стене, проползает туда на четвереньках и оказывается в длинном коридоре, о сущ<ествовании> которого никогда раньше не подозревал. И начинается спасательная экспедиция, полная опасности и приключений. Очень скоро Саша выясняет, что Витька захвачен в плен злыми волшебниками, которые тщатся выпытать из него некие зловещие тайны. Витина жизнь в опасности, Саша должен поспеть к нему на помощь до наступления Нового года. Надо спешить, а на пути — препятствие за препятствием. Первый коридор упирается в две двери: на одной написано: «Для смелых», на второй — «Для не очень». Самокритичный Саша устремляется было во вторую дверь, но оказывается, что она ведет в его комнату, где мирно похрапывает за шахматной доской его дед. Тогда Саша кидается в дверь для смелых...

Он преодолел на мотоцикле коридор, где страшные железные зубья выскакивали с лязгом из стен, стремясь раскрошить все живое.

Ему приходится прорваться с хоккейной шайбой сквозь строй чудовищных хоккеистов, закованных в средневековые латы.

Путь ему преграждал электронный сфинкс — «Всемогущий Думатель, Решатель и Отгадыватель», которого Саша зачаровывает, ставит ему задачу, не имеющую решения.

По тоненькой шатающейся дощечке ему приходится пройти над черной бездонной пропастью. Он пробирается сквозь густой светящийся туман, за которым ему угрожают пугающие непонятные тени. И т. д. и т. д. и т. д.

Саша обыкновенный школьник, ему страшно, не раз он останавливается в нерешительности перед очередным препятствием, но каждый раз в минуты колебаний его друг-транзистор начинает наигрывать гордую и тревожную мелодию песенки «Веселый барабанщик», и с этой песенкой Саша преодолевает все препятствия.

Силы зла отчаялись запугать его, и Саша попадает в огромный склад, набитый марками. Седенький добрый сторож с берданкой водит Сашу среди этих сокровищ, предлагает его вниманию не только марки всех времен и народов, но и марки с иных планет и даже марки из далекого будущего. И не выдерживает сердце старого филателиста. Саша забывает обо всем. И вот когда он уже совсем по уши зарылся в марки, друг-транзистор снова подал голос. Саша приходит в себя. На часах уже без пяти 12. Транзистор гремит. Седенький сторож, превратившись вдруг в злобного гнома, яростно палит в транзистор из лазерной берданки. Транзистор гибнет, но Саша уже опомнился.

И вот он наконец прорывается к Вите. Витя со связанными за спиной руками гордо стоит перед школьной доской. Зловещие ведьма и колдун ведут допрос. Они хотят знать, сколько будет $\sqrt{2}$, когда ставят запятую перед «как» и на скольких островах расположена Япония. Витя гордо молчит, но нервы его уже на исходе. Бьет двенадцать. Главный колдун подает знак, свирепые гномы в желтых касках хватают Витю и волокут к эшафоту. «Сашка! На помощь!» — кричит Витя, и Саша бросается в бой.

И, конечно, просыпается. На дворе солнечное утро, дребезжит звонок в прихожей, и в комнату входит смущенный Витька. Оказывается, он не смог прийти вчера к больному другу, потому что засиделся в компании других ребят, где было очень весело. «А, — говорит Саша. — А я уж подумал, что с тобой что-то случилось». Он поглаживает ладонью свой транзистор. В транзисторе зияет круглая черная дыра, пробитая лазером.

Такое примерно содержание предлагаемого сценария. Разумеется, стилистика его мыслится юмористической. Первый вариант сценария может быть представлен в течение 1.5–2 месяцев со дня заключения договора.

27.06.74

Арк уезжает.

[Запись БНС между встречами]

Арку насчет «Памира»:

1. Что с рассказами Балабухи?
2. Как насчет подборки семинара?

15.07.74

Б. приехал в М<о>ск<ву>. Работаем над зМЛдКС.

16.07.74

1. Соня знает про коньяк.
 2. Соня вроде бы знакома со Снеговым и очень его не любит. Угрожающие намеки.
 3. Снеговой, уходя, отбивает половой аппетит у Димы.
- Сделали 7 стр.
Вечером сделали 4 стр. (11)

17.07.74

«Умру в 88-м г<оду> в Австралии».
Сделали 5 стр. (16)
Вечером сделали 3 стр. (19)

18.07.74

Сделали 6 стр. (25)
Вечером сделали 3 стр. (28)

Я принялся поспешно собирать свои бумаги и запихивать их в стол.

19.07.74

Сделали 8 стр. (36)
Вечером сделали 2 стр. (38)

20.07.74

Сделали 6 стр. (44)

Вечером сделали 2 стр. (46)

Вайнгартен относится к Веч<еровскому> с повышенным пиететом: он тоже очень хочет быть лауреатом Лен<инской> премии.

21.07.74

Сделали 6 стр. (52)

Вечером сделали 3 стр. (55)

22.07.74

Сделали 5 стр. (60)

Вечером едем встречать маму и к т<ете> Мане <Теселько>.

...что двери были на задвижке. Потом...

— Он ушел сквозь стену.

— Фиг — растворился в воздухе. А я глотал валерьянку, бром и еще какую-то сволочь. Потом позвонил Митьке...

23.07.74

Сделали 6 стр. (66)

Вечером сделали 2 стр. (68)

т. Маня — 333-69-56.

24.07.74

Сделали 4 стр. (72)

И ПРЕРВАЛИСЬ НА 73-й СТР.

Думали над статьей о Бержье. Решили не писать.

Отбирали письма для ЛГ.

Письмо Демичеву; разговор с Ильиным.

25.07.74

Б. уезжает.

5.09.74

Приехали в Комарово дописывать черновик ЗМЛДКС.

Ком<наты> 29, 30 (3-й этаж).

6.09.74

Сделали 4 стр. (76) 4.

Вечером сделали 1 стр. (77) 5.

Пока пришельцы не опустятся до уровня землян и не начнут бросать бомбы на бреющем полете, в них просто не поверят.

7.09.74

Сделали 6 стр. (83) 11.

Приезжала Адка.

Ирка бредит о Бобке, кот<орый> гибнет.

Ирка затихла в ванне.

Впереди жизнь, полная этого ужаса. Ни минуты покоя.

Но ведь до конца света еще миллиард лет. Много можно успеть за миллиард лет, если не сдаваться.

Вечером сделали 2 стр. (85) 13.

8.09.74

Сделали 7 стр. (92) 20.

Вечером сделали 1 стр. (93) 21.

Законы сохранения — проявление гомеостазиса Вселенной. Какой механизм обеспечивает закон сохранения? Неизвестно. Просто все происходит так, чтобы некая величина не менялась.

9.09–10.09.74

Б. в суде по М<ихаилу> Х<ейфецу>.

11.09.74

Сделали 5 стр. (98) 26.

Вечером сделали 2 стр. (100) 28.

1. Причины рассказать Ирке:

a. Нечестно оставлять ее под огнем и в неведении.

b. Слишком высокий уровень неприятностей.

c. Попытка разделить моральную ответственность за выбор.

2. Рассужд<ение> о слепоте силы.

3. Это уже удар по Ирке.

4. Последствия выбора: превращение в Глухова, смена друзей, семьи, образа жизни.

5. Мгновенное облегчение, что Ирка с ним, и ругань за эту мысль; решение спроводить Ирку обратно.

6. Соскакивает на рассуждение о теории Вечеровского. Подтверждение: слепота и неточность силы. М<ожет> б<ыть> есть и другие удары, только я о них не знаю.

Рассуждение о кучности.

7. Происшествие с паспортом и спящей Ирккой.

8. Утром Ирка находит лифчик. Сцена. Записка пропала, но уцелела квитанция.

9. Дерево на площадке.

Порядок:

Вайнгартен с двумя папками и рассуждением о людях XIX в.

Захар (без мальчика), ищет Вайнгартена, идет к Вечер<овскому>.

Сон.

Звонок Вечеровскому.

[Сюда идет стрелка от пункта 8.] Приход Ирки. Лифчик. Откровенный разговор.
О Бобке.

Собирает папку, идет к Вечер<овскому>.

Встречает на лестнице Глухова. (Сидит, лица на нем нет: «Не ходите туда!»)

12.09.74

Сделали 6 стр. (106) 34.

А. ездил в город.

13.09.74

Сделали 7 стр. (113) 41.

Вечером сделали 2 стр. (115) 43.

М<ихаилу> Х<ейфецу> дали 4+2.

14.09.74

Сделали 5 стр. (120) 48.

Была Адка.

Вечером сделали 2 стр. (122) 50.

15.09.74

Сделали 6 стр. (128) 56.

Вечером сделали 2 стр. (130) 58.

16.09.74

Сделали 3 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 133-й СТРАНИЦЕ.

[Запись БНС между встречами]

Молоко задумалось.

26.11.74

Приехали в Комарово писать ЗМЛдКС.

27.11.74

Сделали 10 стр. (11) 10 (11).

Вечером сделали 2 стр. (2) 12 (13).

28.11.74

Сделали 13 стр. (15) 25 (28).

Вечером сделали 3 стр. (3) 28 (31).

И тут легкий сквознячок потянул по комнате, шевельнул сдвинутую штору, и яростное пополуденное солнце, ворвавшись в окно, ударило Игоря Петровича прямо по лицу. Он зажмурился, заслонился растопыренной пятерней, подвинулся в кресле и торопливо поставил рюмку на стол. Что-то с ним случилось. Глаза часто замигали, на щеки набежала краска, подбородок дрогнул. «Простите... — прошептал он с совершенно человеческой интонацией. — Простите, Дмитрий Алексеевич... Может быть, я... Как-то здесь...»

29.11.74

Сделали 12 (13) 40 (44).
Вечером сделали 3 (3) 43 (47).

Но он даже не успел ничего сказать об этом Вечеровскому, потому что вспомнил еще кое-что.

— Слушай, — сказал он, оживившись. — Я совсем забыл. Вайнгартен, когда звонил вчера, спрашивал, знаю ли я Снегового.

— Да?

— Да. Я сказал, что знаю.

— А он?

— А он сказал, что не знает... Не в этом дело. Что это, по-твоему, — совпадение? Или как? Странное какое-то совпадение...

30.11.74

Сделали 11 стр. (13) 54 (60).
Вечером сделали 2 стр. (3) 56 (63).
Была Адка.

Малянов слышал и не слышал его. Вязкая дурнота подкатывала к горлу, хотелось поскорее уйти, лечь, вытянуться, завалить голову подушкой. Это был страх. И не просто страх, а Черный Страх. Беги отсюда. Спасайся. Брось всё, скройся, заройся, утони... Ну, ты, прикрикнул он на себя. Опомнись! Нельзя так. Пропадешь... И он сказал с усилием:

1.12.74

Сделали 10 стр. (10) 66 (73).
Вечером сделали 4 стр. (4) 70 (77).

2.12.74

Сделали 12 стр. (11) 82 (88).
Арк едет в город.

3.12.74

Сделали 13 стр. (14) 95 (102).
Вечером сделали 3 стр. (3) 98 (105).

4.12.74

Сделали 12 стр. (12) 110 (117).
Вечером сделали 3 стр. (3) 113 (120).

5.12.74

Сделали 13 стр. 126.
Была Адка.
И ЗАКОНЧИЛИ НА 126-й СТР.

6.12.74

Сделали исправления ПиП для Лендетгиза.

7.12.74

Для кино:
1. Чел<ове>к, кот<орого> принимали за пришельца.
2. «Выбор пал на Рыбкина».
3. Киносборник чепухи.

8.12.74

Уезжаем.

[Запись БНС между встречами]

Чел<ове>к, которого принимали за пришельца. Параллельный сюжет. Хохма, кончающаяся трагедией. Контрразведка, разведка, иностранный шпион, психи, бабы, настоящие пришельцы, ученые-фанатики. Гротеск.

Аркадий Стругацкий Дневник, 1973–1974

3 января 74 г. (чт)

Эмма Николаевна заболела, перепечатывать 2-ю серию отдал некоей Малике там же, в Госкино. М-мать! Она ничего не разбирает. Ну, в крайнем случае завтра же заберу, у Паши <Гейвандова> есть машинистка, которая печатала ему докторскую. Лучше бы сразу с этого начинать! Но теперь поздно.

Новый год был у Серебровских. На след<ующий> день (1-го) был у Фатеха <Ниязи>. 2-го пьянствовали в «Памире». Сегодня был у Этингена.

Каплунов уезжает в Москву, вернется в понедельник. Надежда, что к этому времени Малика закончит печатать. Скорее всего, нет. Это отсрочка.

Письма от Крыски <...>.

Вчера послал письмо Крыске.

А спина болит.

4 января 74 г. (пт)

Сейчас звонил Фатех. Рукопись будет готова в понедельник, тогда же мы встретимся с Фатехом в Союзе Писателей и ее забираем. Не забыть дать Фатеху экз. 1-й серии. Хорошо бы приехал уже Каплунов.

Сегодня к Лёне Пашенко (16.00 в Доме книги).

Письмо маме.

7 января 74 г. (пн)

Сегодня Фатех взял 2-ю серию с машинки. Он сейчас стал секретарем по оргвопросам, свой кабинет с кондиционером. А мороз — ого! Все обледенело, хотя небо и ясное.

Каплунова нет, видимо, будет завтра или послезавтра.

Фатех читает, завтра утром будет звонить.

10 января 74 г. (чт)

Вчера встречался с Фатехом. Он сделал несколько замечаний по мелочам. Ели плов с ребятами из «Памира». Витя <Зуев> подарил кинжал.

Вернулся, поспал, позвонил Юре Каплуну. Он уже приехал, читает 2-ю серию. (Отпечатана безобразно!) Завтра в 15.00 я к нему иду.

11 января 74 г. (пт)

Говорил с Каплуном. Полный разгром 2-й серии. Материала там на 5 сценариев, а драматургии — нет. Разговор был долгий и изнурительный. Пунктиром наметили кое-что, но едва-едва. Придется переписывать всё. К понедельнику представить полную разработку 2-й серии и конца 1-й. В центре — история с «белазами». Закию убрать, пусть живет с Раджабом. Роман Ихсакова с Закией — тоже. Приходит в голову: Ихсаков — Айша? (Т. е. она ему не дочь.)

Письмо Крыске.

Директор Султан Сафаров дает 200 р. в виде исключения, как аванс. Это — единственный луч света.

13 января 74 г. (вс)

Ломаю голову над новым сюжетом. Кое-что вытанцовывается. Закия погибла на фронте. Лутфия умирает. Вахид возвращается в Чордару. Мансур — легкомысленный, добрый парень. Айша Сафарова — объект притязаний 50-летнего Баира.

Wo Es war, soll Ich werden (Freud).

Где было ОНО, должно стать Я (Фрейд).

Мороз 5°.

19 января 74 г. (сб)

К обеду закончил последний вариант. Большая часть вчера сдана на машинку, обещают сделать к понедельнику.

За это время (в среду) получено еще 200 р. Но за машинку придется на этот раз платить уже мне.

Фатех послезавтра уезжает в Москву, а мне еще маяться!

30 января 74 г. (ср)

27-го в 6 утра прилетел в Москву — восемь часов просидел на аэродроме в Душанбе из-за страшного снегопада.

Ну что же? Придется делать последний вариант. Выписали 15%, но еще не получил. С Каплуном рассорился из-за платы за жилье.

Здесь было изрядно по пьянствовано, но со вчерашнего дня завязал.

Борис приезжает завтра вечером.

|| Завтра в 14.00 обсуждение МиПа.

|| 5 февраля в «Правду» получить деньги за рецензию на книжку То Хоая.

31 января 74 г. (чт)

Вчера читал Агату Кристи и рукопись некоего Владимира Малова. Все время думаю о сценарии. Послал письмо маме. Звонил Фирсов: нам будут платить за издания «Мира» на ином языке. Шла речь о ДР на итальянском. Звонил из Душанбе Валя Максименко. На студии перемены: сняли Сидхи, арестовали полбухгалтерии, сняли Киямову. Интересно, как это повлияет на сценарно-гонорарные дела. Были на Бережковке, затем у Миреров.

5 февраля 74 г. (вт)

1-го был худсовет на Сценарной студии. Разнесли вдребезги, особенно старался некий Женя Григорьев, как говорят, лучший ныне сценарист. Однако как 1-й вариант приняли, и это подтвердилось вчера, когда вместе со Шлепяновым мы составили заключение. Заключение вышлют, деньги 10% тоже.

Работаю с Борисом. Если удастся, завтра закончим.

Звонил Каплунов, я говорил с ним сухо. Он приезжает 10-го. Я еще пальцем о палец не ударял. Сегодня получил гонорар за рецензию на То Хоая — 123 р. Купил две бутылки «Плиски» и блок «Явы».

23 февраля 74 г. (вс) [ошиб., это запись от воскресенья 24 февраля]

19–21-го был в Ленинграде, гостил у мамы, отдыхал. До этого имели место встречи в Москве с Фатехом и Каплуновым. Каплунов давал дикие советы, плел лютую банальщину. Сейчас мы с Борисом начали чистовик ПиП. Работаем 2-й день, сделано уже 28 страниц. Одновременно между делом заканчиваю новый вариант для Душанбе. Сделано 64 стр. Надо 90, но не знаю, вытяну ли. Не вытяну — не надо. Черт с ними. Плохо то, что денег они, сволочи, не высылают.

1 марта 74 г. (сб) [ошиб., это запись от субботы 2 марта]

Сегодня закончили «Парень из преисподней» 107 стр.

Позавчера отнес на машинку сценарий «Семейных дел Гаюровых».

Борис завтра уезжает.

7 марта 74 г. (чт)

Вчера отдал Каплунову экз<емпляр> «СДГ»(с). Он дал мне телефон некоего Владимира Логиновича Катасонова, куратор по Средней Азии от Центрального телевидения.

Получены деньги из Душанбе: 409 руб. Значит, 200 вычли. Что ж, долгов не имею. А они еще должны за авиабилет и квартирные!

|| 11 марта звонить Катасонову. Встреча с ним и Шитовой.

|| 12 марта — к Соловьеву, занести рукопись ГЛ.

Сегодня звонок от Фатеха, требует экз<емпляр> для «Памира». Выслал. И письмо Лёне Пашенко — чтобы не дал Фатеху для отрывка в Литгазету.

Не могу дозвониться до Агентства по авторским правам.

15 марта 74 г. (пт)

а) Катасонов и Шитова прочли СДГ(с), им понравилось. Сейчас читают Воробьев и Жданова (главред).

б) Приезжал Копылов.

в) Посылаю письмо шведу и в ВААП на Б. Бронной.

г) Письма маме и Борису.

Сейчас еду к Фирсову, отвезу оправдательный договор на ДР (300 р.), затем в МолГв к Ключевой смотреть иллюстрации.

Вечером к Калине.

Из ВААП телефон: Голландия просит «ПНвС» на немецком, ссылаясь на то, что в ФРГ издали. Звонила Смирнова Л. И. 203–00–92.

16 марта 74 г. (сб)

Вчера с Крысой и Мариком <Ткачевым> были на обеде у Калины. Было неплохо.

Утром созвонился с Катасоновым. <...> Воробьев дал отрицательный отзыв, но Катасонов призывает не сдаваться и готовиться к Борьбе. Сейчас читает Жданова.

Сговорились в 12.00 встретиться с Катасоновым и узбеком-мультипликатором. Понесу «Конец Планеты Негодяев». Заодно побеседуем.

24 марта 74 г. (вс)

Написал 20 стр. нового варианта ПиП(с).

Позавчера звонила Бела <Ключева>, во вторник пойду подписывать договор. Ох, дай-то боже!

Получилось известие, что болгары издали ОУПА, прислали деньги 1070 р. А на руки нам только пятьсот с чем-то! Во дерут...

Вчера были у Маркманов. Хорош коньячок.

27 марта 74 г. (ср)

В понедельник отправил Борису книги Азимова для Кана.

Вчера подписал в МолГв договор на «Незначенные встречи». Теперь дело за Ганичевым. У Белы умер отец. Получено письмо от Фуками.

Сейчас иду к Редько подписывать договор на Нацумэ. Тоже деньги.

Завтра Жданова обещала дать ответ по поводу телефильма.

На сегодня сделано 50 стр. ПиП(с).
Письмо Борису.

1 апреля 74 г. (пн)

Вчера закончил ПиП(с) — 75 стр.

Письмо Фуками.

Письмо от Бориса.

Телеграмма от Сафарова насчет срочного приезда на предмет «окончательной доработке» сценария. Звонок Ахадова, который уезжает в Югославию и будет в Москве завтра. Ответная моя телеграмма Сафарову о необходимости дождаться решения ЦТ.

Жданова обещала сказать сегодня утром, когда будет обсуждение. В общем, по всему выходит, что «Семейные дела» приняты и дело только за бухгалтерией, а у них там денег нетути.

2 апреля 74 г. (вт)

Вчера переделали с Борецким ок<оло> 8 стр. сценария, и он отнес на студию перепечатывать. Говорят, будет готова (1-я закладка) 8 апреля. Тогда сдадим, а 2-ю закладку сразу к Суркову в журнал.

Взял у Нины <Берковой> корректуру «Экспедиции в преисподнюю».

Сегодня в 13.00 на ЦТ.

4 апреля 74 г. (чт)

Теплынь необычайная. И много солнца.

Вчера вечером позвонил Катасонов и поздравил: Ждановой понравилось, сценарий утвержден, копию получу завтра или послезавтра, надо говорить о заявке на фантастику.

Вчера же днем Ганичев вернул неподписанный договор с надписью: «Почему 300 руб.?» Т. е. надо понимать, Стругацким будут платить по 125 р., как приготовишкам? Гм... гм... Сволочь.

Письмо маме и японцу Фуками. (2 дня таскал.)

19 апреля 74 г. (пт)

Вчера прилетел в Душанбе. Остановился в старой доброй гостинице того же названия, номер 462. Будем с Ахадовым добивать сценарий. Беспокройство с деньгами. Одна надежда — «Памир».

23 апреля 74 г. (вт)

Вчера звонил Леня <Пашенко>, обещал, что выплатит аванс 24-го. «Комсомолец Таджикистана» попросил ПиП. Я дал. 12–15 номеров, денежки живые.

Сделал 19 стр. сценария. Думаю, к 1 мая всё закончу. Сейчас иду на студию, затем к Ахадову в Союзкино.

24 апреля 74 г. (ср)

Вчера письмо Крысе. Вечером на свадьбе у Вити Зуева. Сегодня с утра виделся с Ахадовым, разбирали сделанное. Затем вносил исправления и пошел дальше до 32 стр. Письмо Борису.

Денег в «Памире» нет, хоть и выписаны. Пашенко уверяет, что завтра. Звонил Фатех.

На ужин купил жареной рыбы. Вкусно.

1 мая 74 г. (ср)

Вчера со скандалом вырвал у студии 500 р. в счет окончательного расчета за сценарий. Реплики подавал Давлят <Худоназаров>.

1-я серия в окончательном варианте ребятам понравилась — это тоже выяснилось вчера. Ахадов расписывает роли.

С 24-го произошло вот что:

26-го переехал на дачи. Ком<ната> № 8.

27-го «Памир» выплатил 300 р. в аванс.

100 р. отослал Крысе.

Проливной дождь в праздник! А ночью — восхитительная гроза. Это продолжается уже несколько дней.

А теперь надо бить 2-ю серию. И конец.

Гостил у Этингена, взял и прочел «Отель». Неплохо.

10 мая 74 г. (пт)

Эти стервецы — Ахадов и Давлят — опять заставили меня всё переделывать — особенно 2-ю серию. Что ж, за работу. Проработал четыре дня, сегодня закончил. Но! Отдам не раньше 13-го. А с 12-го начну охоту за деньгами. Придется задержаться до 15-го как минимум. Или даже до 17-го. Глупо уезжать полупустым из-за нескольких дней. А пока — поработаем над новой заявкой.

Все время дожди и грозы попеременно с жарким солнцем.

15 мая 74 г. (ср)

Обо...н с головы до ног.

Главлит запретил «Памиру» публикацию ЭВП.

Главлит запретил «Комсомольцу Таджикистана» публикацию «ПиП».

Денег не платят. Пьяный Сафаров в дверях столовой. Официантка: нас предупредили — в долг не давать. Московская комиссия жаждет на даровщинку. С-с...!

Аркадий Стругацкий Дневник, 1974–1977

30.05.74 (чт)

Звонил:

Клюевой — не застал.

Берковой: домой. Недоразумение из-за ПиПа (спутали с «Экспедицией в преисподнюю»). Сказал, что «Комс<омолец> Тадж<икистана>», — о «Памире» умолчал. Встретаться предложено 5 или 6 июня.

В литконсультацию — Сергеевой.

(В Машкиной комнате сидят Бобринские и читают вслух ГО.)

Из литконсультации звонил Сеньков. Уверял, что пока ничего нет, но в следующую неделю непременно будет. Врет?

Звонил:

Григорьевой — книги будут завтра-послезавтра.

Поповой М. А. — она ложится в больницу, предложил свести ее с Севером <Гансовским> на предмет поездки в Новосибирск к Цветаеву.

Прочитал Катасоновскую заявку «Побег из Сибири» — заявка на телефильм. Не интересно.

Катасонову звоню, не могу дозвониться.

Звонил на СценСтуд Раисе Ивановне <Куприенко> — она обещала завтра предоставить экз<емпляр> сценария «Товарищ Павел» («Трижды смертник») — дам его Катасонову.

Считал экз<емпляры> «Парня из преисподней» (с), подготовил для отсылки Суркову.

Послал:

письмо Пащенко (с просьбой вернуть ЭВП и ПиП);

бандероль с ПиП(с) — Суркову.

Звонила Венжер — на предмет встречи со слепым.

Праздновали Наташкин <Фошко> диплом — все надоели мне до смерти, ушли в 22.00.

Читал «Stalin» Дойчера.

31.05.74 (пт)

Звонил Бабановский. Встречаемся сегодня после 17.00.

Звонил Катасонов. Встреча в 1-й половине воскресенья.

Звонил Беле <Клюевой>: она еще не начинала работу. Эх, всем на это начхать!

Зашел в СценСтуд, взял «Товарищ Павел».

Был у Бабановского, размечали карт-план на комплект открыток-иллюстраций для ф<антасти>ки.

В ЦДЛ обедал, говорил с экономистом, очень интересно, но не знаю его имени. А он меня знает. Видимо, знакомы по Марику <Ткачеву>.

Был у Бабановского, получил железку. Вернулся около полуночи.

Получил письма от мамы и Борьки.

1.06.74 (сб)

Ходил в Серебряный. Ничего интересного.

Празднуем Машкину сессию по черчению.

От Бакштановского пришел «Практикум по этике». Ха! В утешение...

Звонил Л<арисе> А<лександровне> <Коробовой>. Встречаемся в понедельник утром.

2.06.74 (вс)

Жду звонка от Катасонова. Пришли с нижнего этажа на предмет протекания стояка.

Был у Катасонова. Договорились, что с заявкой о Лопатине работать не будем. А прочитает он «Трижды смертник» и посмотрит, что можно сделать. Рассказал две идеи сказок: о волках, ставших людьми, и о стране неродившихся детей. Интересно.

Шитову избили при попытке ограбления. Сейчас отлеживается, бедняга.

Напились у Наташки по поводу диплома. Ночевал не дома.

3.06.74 (пн)

Весь день валялись с Крысой, читали и пили пиво.

4 июня 74 г. (вт)

Звонил Нине <Берковой>. Ее нет.

Написал письмо в бухгалтерию «Мира» — о новом расчете за «ДР».

Пришло письмо от Бориса с письмом Дмитревского для Куценко. Посмотрим.

<...>

Говорил с Ниной. Советует сходить к Пешеходовой.

Был у Григорьевой. Предлагает перепечатать ГО.

5 июня 74 г. (ср)

Звонил Нине, условились, что в пятницу я приду и нанесу визит Пешеходовой.

Цыганков звонил Ганичеву и Авраменко. Те не отрекаются от НВ, но раздражены, что «Стругацкий дошел до ЦК». В общем, тускло все это.

6 июня 74 г. (чт)

Звонил Пащенко из Душанбе. Сообщил, что ЭВП идет с седьмого номера, а сценарий СДГ кончается в шестом, и он вышлет сразу пятый и шестой номера и гонорар.

Звонил Сеньков, завтра к нему. Вероятно, даст рукопись на рецензию.

Очень болит шея и спина. Простуда? Давление?

7 июня 74 г. (пт)

Написал письма Борьке, маме, троим читателям.

Взял у Сенькова две рукописи:

«Трудные дороги» Тальберга.

«Сохрани в себе героя» Цымбала.

10 июня 74 г. (пн)

Вчера звонил Ахадов. Приехал с режиссерским сценарием.

Вчера же прочел обе рукописи Сенькова.

Был Ахадов. Принес режиссерский. Ужасно плохо исполнено, придется много править.

Начал писать письмо-рецензию на «Трудные дороги».

Был в МолГв. Жемайтиса уволили. Бела предлагает идти к Беляеву. Отказался.

Виделся с Лукиным.

11 июня 74 г. (вт)

Письмо Борису.

Был в МолГв, отнес Беле СоТ. ПиП она еще не прочитала. Взял на рецензию новый бред Немцова: «Дети ничейного мира».

Встречал Ревича на улице, говорили.

12 июня 74 г. (ср)

День начался с того, что Лель попал под машину. Машка, Наталья, Ленка — все в слезах и панике. Машке сдавать физику.

Отредактировал реж<иссерский> сценарий СДГ.

Пытался дозвониться до Ленинграда — не получилось.

Звонил Ревичу. В «Искусстве кино» никаких результатов. Сурков ничего не сказал про сценарий.

18 июня 74 г. (вт)

Сейчас пришел Красильников, принес три экза реж<иссерского> сценария СДГ. Соединяюсь с Катасоновым, отвезу ему. Звонил Ахадов, завтра в Душанбе худсовет.

<...>

Ленка купила брючный костюм.

Машка на экзамене по химии.

Из ФРГ пришел экз<емпляр> ПНвС.

Никак не могу закончить рецензию на «Трудные пути».

Из (от?) «Иностранной л<итерату>ры» (журнал) звонила некая Майя Лазаревна Злобина, которой дали перевести какой-то галльский журнал, посвященный НФ. Я должен сделать статью, поспорить. Но там есть компромат на нас. Дурацкое положение? Будет звонить послезавтра утром.

19 июня 74 г. (ср)

Закончил рецензию, сейчас буду печатать.

Надо:

позвонить Катасонову и договориться о встрече (на завтра);

дождаться звонка Ахадова насчет худсовета;

завтра же дождаться звонка Злобиной насчет «Ин<остранной> л<итерату>ры»;

сегодня отдать железа Бабановскому.

Вчера звонил Соловьеву: на студ<ии> Горького без перемен, был там юбилей, и они ничем не занимались.

20 июня 74 г. (чт)

Вчера звонил Санович, Акутагава выйдет месяца через два.

Еду в Ленинград 23-го.

Закончил рецензию на Тальберга, сегодня отвезу. Везу также Катасонову режиссерский сценарий.

Приехал и звонил Марик. Завтра повезу ему чемодан.

Был Бабановский. Дал ему почитать ГЛ и подарил «Аврору» с ПНО.

Послал маме телеграмму о приезде.

22 июня 74 г.

Вчера отвез рецензию на Тальберга.

Был у Марьяна, говорили насчет фильма «Операция “Спрут”» — котики, японцы, Курилы.

Позавчера встретился с Майей Лазаревной Злобиной. Статья о сов<етской> фантастике Бержье. Дерьмо. Вчера договорился с ИнЛитом о том, что писать буду только

об этой статье. Ин<остранная> Л<итерату>ра: Валерий Степанович <Перехватов>, 2338814.

Позавчера отвез Катасонову реж<иссерский> сценарий. Поговорили о перспективах. Тенденция — развлекательные картины в предвидении мировидения.

28 июня 74 г. (пт)

Приехал вчера из Ленинграда.

Виделся с Иреной <Левандовской> и Витольдом <Домбровским>.

25-го Бориса вызывали в ГБ.

Написали заявку на новогодний фильм «Рассказ о дружбе и недружбе».

Надо звонить:

Беле,

Смагину,

Маркману.

2 июля 74 г. (вт)

Вчера Машка сдала последний экз<амен> по ОМЛ — четверка. Еще практика.

Был вчера у Белы, беседовал с Медведевым — новый зав. Г... по-моему.

Нынче звонила Нина. Встреча опять не состоялась. «Мир прикл<ючений>» выйдет в сентябре, вероятно.

Звонил Соловьеву. Студия Горького не мычит, он дал в Одессу и в Прибалтику. Буду звонить после десятого.

3 июля 74 г. (ср)

Звонил Катасонов. В субботу встреча с режиссерами, Иосифом Копытманом и Завьяловым. Видимо, у Копытмана.

Да, в воскресенье звонил Жданов. Шведы приняли решение издавать УНС и СоТ и просили предисловие. Я отказался.

Вчера приходила Чеховская, рассказывала о Борисе.

Умер Илья Варшавский.

8 июля 74 г. (пн)

6-го встреча с Катасоновым у Иосифа Копытмана: ул. Горького <...>, 2502306.

Сегодня отношу рецензию на Цымбала.

Ариадна Громова: 2541031.

Связался с Имерманисом. Дубина.

Худсовет по реж<иссерскому> сценарию завтра.

Борис (по сообщению Чеховской) приедет в конце недели.

Лебедева Наталья Ивановна 2891420 Обручева <...> м. Новослободская трамвай 19.

10 июля 74 г. (ср)

Вчера худсовет на ЦТ, обсуждался р/сценарий СДГ. Провал, срам. Разозлился.

Позавчера говорил с Копытманом о театре. Было очень интересно, сидели до 11. Уходили с Завьяловым, тоже хороший разговор по дороге.

17 июля 74 г. (ср)

14-го приехал Борис. Начали работать над ЗМЛдКС. На сегодняшнее утро 11 стр.
 Вчера звонил Давлат <Худоназаров>. С... подбираются к соавторству. Отказать!
 Угроза, что впредь работать со мной не будут. Скатертью!

14-го говорил с Копытманом. Сюжет шлягера с переодеваниями.

Сегодня ехать с Имерманисом устраивать его Зингу.

<...>

Теперь с секретаршей. Оформили быстро. Имерманисы еще остались в райкоме профсоюза (Горького 32), а я уехал домой. Свиньи, опоздали на 40 минут.

<...>

Сделали 8 стр. Всего 19.

19 июля 74 г. (пт)

Вчера звонил Бараев (из «Байкала»). Он теперь в «Журналисте», просил статью. Сказал ему, чтобы позвонил 24-го. Говорил с Борисом и Ленкой, решили отказаться.

В № 7 «Юности» какая-то статья о нас.

20 июля 74 г. (сб)

Сделано 46 стр.

Пришли <...> и экзы «Памира» от Пащенко.

Договорились с Борисом: В КОМАРОВО с 3–5 сентября.

23 июля 74 г. (вт)

Вчера приехала мама.

Из «Памира» пришло 197 р.

24 июля 74 г. (ср)

Ездил вчера в Гослитиздат. Получил аванс за «Кота» — 356. Том Акутагавы вышел: в след<ующий> вторник расчет.

Сегодня прервали ЗМЛдКС: 73 стр.

26 июля 74 г. (пт)

Вчера Борис уехал. Напоследок составили письмо Демичеву и план разговора с Ильиным.

Встретился с Бабановским, забрал ГЛ.

Вечером беседовал с Копытманом и Завьяловым. Речь идет о спорт<ивном> фильме о боксерах для Узбекистана. И о пьесе. Если братья, то: в августе три дела. Сценарий, пьеса, Сайкаку. Со сценарием: потиражные наши, а вот из 6 тыс. 2 пойдут директору. Остальные наши с Копытманом. Писать?

Горячей воды не будет до 6 авг<уста>.

29 июля 74 г. (пн)

Позавчера и вчера написал рецензии на сборник <Геннадия> Григорьева и на «Повесть о Перитоните» для Литконсультации. Сегодня повезу Сенькову.

В пятницу пытался прорваться к Ильину — не преуспел. Ильин будет только во вторник.

Виделся: с Копытманом, с Ларисой <Коробовой> и Потехиным (?) — зав<едующий> ин<остранным> отделом «Огонька». Он советует писать Демичеву.

Виделся с <Евгением> Григорьевым, говорил с Раисой Ивановной. На сцен<арной> студии без перемен.

Вчера приходила в гости мама.

Ларин достал три экза перевертыша.

В пятницу встретился с Сергеем Жемайтисом Jr., передал ему письма и УнС в подарок отцу.

От возни со статьей Бержье мы отделились, писать для «Журналиста» откажемся. Что остается?

1. Операция «Маскарад» — Копытман.

2. Сценарий для узбеков — он же.

3. Суета вокруг дивана — Ларин.

4. Ихара Сайкаку — я и только я.

5. Кот — я же.

Операция «Маскарад» — 20 августа! (Всего-то 80 стр.)

31 июля 74 г. (ср)

Вчера получил в Гослите 800 за Акутагаву. Не ожидал!

5 августа 74 г. (пн)

Куплен телевизор и лежбище. Вчера и позавчера просидели перед экраном весь день. В субботу была мама.

Сегодня уезжает мама. Передаю с нею письмо Борису.

От Бориса письмо получено в четверг.

6 августа 74 г. (вт)

Вчера проводил маму.

Был у Л. А., встречался с Пастуховым. Пастухов предложил письмо к Демичеву в совершенно неприемлемом виде. И вообще он произвел странное впечатление.

Сейчас звонил Медведеву в МолГв. Ганичев в отпуске. СБТ пока не надо. Надо «Белый конус Алаида». В 2–3 недели. Рукопись ни туда, ни сюда.

Звонила Бобриха. 8-го встреча с Даном <г. е. Ю. Даниэлем>.

Звонила Л. А. Завтра после 2.

Сейчас отпечатаю письмо к Демичеву.

7 августа 74 г. (ср)

Вчера послал письмо Демичеву в нашем варианте.

Много и бесполезно разговаривал с Копытманом. Работать не хочется.

Звонил на Сцен<арную> студию. Раиса Ивановна сообщила: Одесса берет сценарий и даже имеет режиссеров. Интересная вещь: вчера же Копытман рассказал об артисте (он

играет в «Беге» лупоглазого, забыл их фамилии). Он сейчас снимается в роли Капитана Немо там же у молодого режиссера Львова. Недоволен.

Чувствую себя последние дни прескверно. Сегодня чуть лучше.

8 августа 74 г. (чт)

<...>

Вчера виделся с Лебедем. Скучно, девочки.

11 августа 74 г. (вс)

Ответы на анкету Мирлис.

Подписи договоров с «Миром» на «Гигантскую флюктуацию».

Письмо Борису.

12 августа 74 г. (пн)

Вчера разогнался и написал 12 страниц пьесы. Потом понял, что г... Сегодня решил кончать с этим делом. Буду вести Сайкаку. Надо позвонить Иосифу <Копытману> и сообщить, что пьеса сорвалась.

19 августа 74 г. (пн)

Занимаюсь Сайкаку. Сделал две первых новеллы, сижу над третьей.

Видимо, с Копытманом все закружилось. Он просил почитать, что сделано, да так больше и не звонил.

Потерял зубы. Ходил к врачу, бесполезно: не открывается рот.

Письма от Бориса и мамы. Ничего нового.

Сейчас буду заниматься зубами, поликлиникой, литфондом. И Сайкаку — по мере возможности, конечно.

Письма: маме, Борису, <...>, Пащенко в «Памир».

Написал заявление в Литфонд.

Был в поликлинике. Получил направление в зубовой НИИ — на ул. Тимура Фрунзе. А также диспансеризация на среду.

Звонили из ВААПа насчет «Пикника». Тут же оказался и Игин — хочет включить наш шарж в гослитиздатовское издание. Дал свой телефон 2212421. А я получил телефон особы, занимающейся там США, — Евгения Васильевна Колоколова, 2035291.

20 августа 74 г. (вт)

Вчера весь вечер переводил. Трудно.

Сейчас звонила Раиса Ивановна из Сценарной студии, приглашала зайти к 13 ч. Не знаю, успею ли, ведь иду в стоматологический.

Письмо к Заикину в Волгоград.

В Сцен<арную> студию идти не надо. Опять звонила Р<аиса> И<вановна>, сказала, что сегодня редактор запоздает. Одесская студия включила сценарий в производство 76-го года, дали гарантийное письмо, имеется режиссер. Будет коллегия с режиссером, там решится, окончат<ельный> вариант или 2-й. Днями встречаюсь с Вас<илием> Ивановичем <Соловьевым> и редактором.

Побывал в НИИ стоматологии. Хрена! «Кто же с вами будет возиться?» Велели зайти в начале октября, приедет некая доцент Калинина Н. В. Значит, амба. Без зубов.

21 августа 74 г. (ср)

Вчера звонили:

из «Мира» — сообщили, что идет выплата недостачи за ДР;

из ВААП — насчет анкеты из «Бантам-букс».

Сегодня был на диспансеризации. Вернулся в 12.30 (с 8.30). Сделал всё. Завтра к 12.00 к терапевту Лазутиной Раисе Ароновне.

Окулист Александра Яковлевна взяла у меня автограф. Выписала очки для дали и для работы. Но в Литфонде таких очков (вернее, оправы) нет.

23 августа 74 г. (пт)

Вчера был у Раисы Ароновны, результаты диспансеризации. Отложение солей по позвоночнику, повышенное давление. Прописаны лекарства, дана диета, процедуры. Кстати, сердце очень хорошее. Сегодня иду к ларингологу Юваловой Наталии Дмитриевне.

Вчера же отвез в Литфонд заявки на Дубулты.

Вчера вечером звонила Галина Васильевна (фамилии не разобрал) <Сенчакова> — мой редактор вместо Шлепянова. Сегодня встречаемся. Первый мой выход без зубов!

Фига! Анна Дмитриевна при уборке неожиданно нашла мои зубы! Ура! Уж я их чистил-чистил... К ларингологу не пошел. Довольно с меня и этих волнений. Пойду в понедельник записываться на физиотерапию, заодно и к ней запишусь заново.

Володя Фрайтер звонил насчет перевода с аглицкого статей по пересадке тканей. Всего страниц на 20 (журнальных).

Был на Сцен<арной> студии, познакомился с Галиной Васильевной. Стало известно: режиссер Александр Игишев. Фильм в плане 75-го с переходом на 76-й. Директор Одесской студии Збандут. Коллегия по утверждению 2-го варианта — 4 сентября.

Закончил современный перевод Сайкаку «Подсчитали — прослезились бы, да слез нету».

Связались с Риммой <Казаковой>, дал рекомендации Калины. Совесть чиста.

24 августа 74 г. (сб)

Вчера Крыса принесла водку, хорошо выпили.

Начал чистовой перевод «Подсчитали...».

26 августа 74 г. (пн)

Вчера заполнил анкеты для американцев.

Сегодня написал и отпечатал (наконец!) рецензию на «Последнее письмо к жене». Гора с плеч. Теперь займемся переводом.

Приехала Машка.

11 сентября 74 г. (ср)

1. В самом конце августа вышел сигнал «Мира приключений» со сказкой. Деньги — 18 сентября.

2. 4 сентября — сценарная коллегия, утвержден 2-й вариант «МиП»(с). Задано сдать 3-й окончательный вариант 4 ноября. След<овательно,> сделать надо до середины октября. С режиссером Александром Сергеевичем <Игишевым> договорился — начинаем работу 18–19 сентября.

3. В Комарове с 5-го по 16-е включительно. Пропало два дня из-за суда над Хейфецом. <...> Работаем над зМЛдКС. Сегодня оттарабанили 100-ю страницу.

4. Здесь Руфь Ал<ександро>вна <Зернова> с Ильей Захаровичем <Серманом>. Куча детективов. Жаль, не успеть. Прочитал первую треть «Лолиты» Набокова. Тошнит. Какой он к х... русский писатель!

5. Где-то в конце августа получил из «Памира» гонорар — 53 р. Оказалось, его разделили с Борисом. Не обидно. Насчет гонорара за сказку договорились с Борисом так: я забираю всё, а ему прощаю его варшавский долг в 500 р. Ну, это моча, конечно. Если его прижмет, возьмет денежки.

6. 10-го мама сделала мне новые очки. Пока непривычно, но очки шикарные.

7. Завтра еду за обратным билетом. <...>

16 сентября 74 г. (пн)

Кончили черновик зМЛдКС: 133 стр. ~ 7 а. л. После обеда возвращаемся в Л<енингра>д. Завтра уезжаю в Москву.

23 сентября 74 г. (пн)

Приехал в Л<енингра>д 17-го.

Выяснилось:

1. Письмо до Демичева дошло, занимается им Гусев Геннадий Михайлович. Ганичев и Авраменко уже ему ввали. Говорил с Медведевым, он категорически настроен против ДоУ. Я категорически выступил против его мнения.

2. Слух о ленинградской писательской группировке. Видимо, отголоски дела Хейфеца. Имел беседу с Ниной Берковой и Брусиловской (и<сполняющая> о<бязанности> зав<едующего> редакцией).

3. Гонорар за сказку есть и получен. А также экзы. Подарил Бобрам, Манину, детям. Заказал через Марика еще 5 экзов в Лавке писателей.

4. Все пьянство. Сейчас завязываю.

5. Виделся с режиссером, определили, что исправлять. Намерен сделать дней за 10.

Был у Ю. Даниэля и Иры Уваровой.

24 сентября 74 г. (вт)

Мои должники:

Нина Беркова — 400.

Ларин — 150 + 25.

Я должен: в Литфонд — 300 р.

Отослано маме 100 <...>.

25 сентября 74 г. (ср)

Слева 306, справа 490.

6 октября 74 г. (сб)

Выдано Миреру — 1400.

Завтра заканчиваю 3-й вариант сценария БКВвП.

Письмо от Фуками: вышел ОуПА, а ОО еще и не начинался. Какая-то путаница: какие книги подпадают под Женевскую конвенцию?

Письмо из ВААП по поводу распространения ДР из ГДР по третьим странам немецкого языка (?). Надо выяснять.

Звонил Жданов. В Швеции издательство «Дельта» в январе выпускает СОТ и УНС. Издатель и предисловие — Сам Лундвал. Переводчик Чель Ремстрем. Телефон Жданова: 4347452. Выяснить в ВААП, тел. 2030259.

<...>

Обмен письмами с Борисом. Сегодня — письмо от мамы.

Да, куплена через Ларина кожаная куртка (30 сентября) — 90 р.

7 октября 1974 г. (пн)

Вчера закончил III вар. БКВВП. Сегодня повезу в Сценарную студию.

15 октября 1974 г. (вт)

Взяты путевки в Дубулты — с 23-го по 17-е.

Сценарий принят с удовлетворением и Сашей <Шлепяновым>, и Галиной Васильевной <Сенчаковой> (сегодня).

Был в сберегательной/кассе. Взял 300.

Тарковский не отзывается.

Сегодня — из Франции. Насчет экранизации ТББ. Кончаловский болен, говорил через силу.

Письмо от Бориса. Жду ответа на второе. Придется не ждать: 1) Франция. 2) Сегодня звонил Панов из ВААПа насчет порядка глав в УНС. Ох, надоело все это. Он же говорил насчет договора с немцами на «Малыша». Ничего определенного.

У Крысы чудовищный ячмень на глазу.

Аркадий Стругацкий Записная книжка, 1973–1974

Дела Гаюровых.

БКВВП.

Нацумэ.

Неназначенные встречи.

«Аврора» ~ 200.

Ленинградский Детгиз ~ 400.

«Памир».

ПХХПВ + М.

Аркадий Стругацкий Рабочие записи, 1974

А) Вступление.

Рядовой русский писатель и один из первых переводчиков «Кота».

Что интересного, нового, поучительного?

Так уж складывается, что писатель-утилитарист влюбился в «Кота» пятнадцать лет назад, когда принял участие в первом переводе.

Задумался: почему?

Б) Решение № 1. Фигура героя — Кусями-сэнсей. Угрюмый, болезненный, малословный. В чем его обаяние?

Для остальных героев:

эпикурец Мэйтэй,
 умница и насмешник Кангэцу,
 восторженный Тофу-кун, поэт, — такой же поэт, как мистер Снодграсс, и такой же
 ценитель искусств, как м-р Уинкль — спортсмен,
 философ-пассивист, йог Докусэн.

Почему все они собираются у Кусями? Что это — наивный сюжетный прием? Нет: они тянутся к нему, потому что он их совесть, на его отношении к их речам, выходкам, поступкам они оценивают себя. Грубо говоря, Нацумэ изобрел новый способ обрисовки главного героя: не через его субъективные слова и действия, а через объективное отношение к нему окружающих. Кусями — моральная стена, отгораживающая мир этих веселых болтунов и остроумцев, мир интеллекта, от мира грубой власти денег Конэда, от черни — рикши, Пинскэ и т. д.

И вот в этом смысле можно говорить о большой удаче Нацумэ, о высоком трагизме фигуры Кусями. Разумеется, не сразу. В 18 номерах «Хототогису». По замыслу сначала — Кусями — карикатура. Но чем дальше, тем драматичнее она звучит, беззащитная, ранимая, задавленная — и все же борющаяся.

1) Бессюжетная повесть. История сватовства Кангэцу-куна. Остальное, казалось бы, сплошное бытописание. Кусями один, Кусями с женой, с детьми, с друзьями, в бане, ищет применения своим силам: чем заняться? Живопись, перевод, стихосложение... Куда уйти от тоскливых будней?

2) Похождения кота. Кот на кухне — история с ломтиком дзони; кот занимается спортом; кот на улице — с котом Куро, с вороном Канко, с кошечкой Микэ... Гибель кота...

3) Но: жанровые сцены, псевдофилософские рассуждения, сквозь пародийность которых вдруг жутко и трезво проглядывает пророчество; лит<ературные> пародии, анекдоты. Лоренц Стерн, Диккенс, Гофман. Сикитэй Самба, Дзиппэнся Икку.

4) Изумительное умение точно и быстро менять стилистику и технику, приемы и методы, эмоциональный настрой и степень интеллектуальной насыщенности.

Я — не только писатель, я еще и читатель, и довольно квалифицированный. Ничего подобного по этой гармоничной пестроте я в литературе не встречал. Честно говоря, первоначально мне даже показалось, что Нацумэ дурачит меня, как дурачил до меня несколько поколений японцев. Но потом взгляделся и... как писатель позавидовал ему. Есть такое выражение: хорошая зависть.

В) Второе открытие я сделал сравнительно недавно, внимательно перечитывая — в двадцатый раз, вероятно — повесть. Не по-японски — тогда бы я сделал это открытие много раньше. Перечитывал очень несовершенный перевод, в котором сам же принимал участие.

Хорошо. Обыватель с точки зрения кота. Такова задача. Забавно. Поучительно. Кстати, у Нацумэ было много подражателей, но ни одного последователя. В чем дело?

Насколько я знаю, Нацумэ никогда не пытался переписать роман. Разве что в мелких деталях. А так он имеет тот же вид, в котором выходил полтора года выпуск за выпуском. И писался он, видимо, точно так же — выпуск за выпуском. И вероятно, Нацумэ лишь постепенно осознавал то обстоятельство, что ему удалось нащупать сатирический прием, который позволит ему создать социальную повесть большого масштаба.

В чем же основная суть этого приема?

Мне кажется, в своеобразнейшем истолковании одной классической концепции. А именно: концепции Дон Кихота и Санчо Панса. Понятия не имею, имел ли это в виду сам Нацумэ. Скорее всего — нет. Но замысел автора — это одно, а результаты анализа его вещи — это может быть совсем другое. Итак: кот — Санчо Панса, Кусями — Дон Кихот. Обратим внимание: кот непрерывно критикует Кусями — его внешность, его привычки, его отношения с женой, с соседями... критикует и как личность, и как типичного представителя рода человеческого... Но чем дальше развивается сюжет (если это можно

назвать сюжетом, конечно), тем слабее и необоснованнее становится критика... замирает, замыкается на себя... и вот мы оглянуться не успели, как Кот Санчо Панса сливается с Дон Кихотом! Поразительный прием. Исчезает Санчо Панса и исчезает Дон Кихот. Остаются две диалектические стороны характера главного героя: упрямый, невзирая ни на что, оптимизм и тонущий в отчаянии пессимизм. Кот и его задерганный хозяин — это выражение сторон одной и той же идеи: человека-гуманиста, которому тяжело живется в этом денежном ~ ~¹ мире, где ценятся не знания, не этические и моральные достоинства, а деньги, вернее, грубое насилие, которое они предоставляют.

В этом свете любопытно истолковывается концовка романа. Кот тонет. Известный литературный парадокс: можно ли честно написать «я умер»? Нацумэ создает ситуацию (сознательно или бессознательно — не так важно), где это сказать можно. Погибает, утонув на мелком месте, пьяный нигилизм, отвращение к миру надежд, к жизни. Остался жить упрямый, наперекор всему верящий в добро Кусями-сэнсей.

Возможно, я недостаточно обосновал эту свою идею относительно пары кот—Кусями. Пока уверенность в ее правильности у меня чисто интуитивная. Требуется скрупулезнейший анализ текста, чтобы подтвердить ее научно, литературоведчески. Что ж, все впереди.

Мне ясно одно: широко распространенное до недавнего времени мнение, будто «Кот» — сатирический пустячок, разминка гения перед большой работой, озорство — в корне неправильно. Это вещь масштабная, глубокая, м<ожет> б<ыть>, самая лучшая из всего написанного Нацумэ. Для меня она входит в первый десяток названий в яп<онской> л<итерату>ре 20-го века. И глубину, масштабы ее еще измерять и измерять.

А пока, заключая свое короткое выступление, хочу сказать: я очень горд, что мне доверили сделать новый перевод ее, и с радостью приступаю к работе.

Впрочем, я не сомневаюсь: ее придется в обозримом будущем переводить еще неоднократно.

Борис Стругацкий Дневник, 1969–1974

20.04.74

1. Звонили из ВААП. Просили составить список: где, что, как, когда издавалось за рубежом.

2. Пешеходова из Детгиза указала Лендетгизу на Стругацких. Те обгадились («Зачем нужно, чтобы нас 3 года склоняли на собраниях. Стругацким же хуже»). ПиП не пойдет.

Тексты подготовлены: В. Курильский

¹ Символы источника. Вероятно, знак будущего дополнения текста.

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких. Отдельно даются примечания к используемым в томе фотографиям и рисункам.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2 т. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 т. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Владимиру Борисову.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен Авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Парень из преисподней

Беловая рукопись в архиве АБС отсутствует. Копия сохранилась в архиве Ю. Манина.

Написано в 1974 г.

Первые публикации — журнальная: Аврора (Л.). — 1974. — №№ 11, 12; книжная: в антологии «Незримый мост» (Л.: Дет. лит., 1976).

С. 3. *Фактория* — здесь: торговая контора в отдаленном районе страны.

С. 4. *Рокада* — дорога, проходящая вдоль линии фронта.

С. 7. *Тезоименитство* — здесь: именины высокопоставленного лица, принадлежащего к царствующей фамилии.

С. 8. *Вот эту последнюю мысль ~ Оглох.* — См. в т. 1 отрывок «Меня будто ударили...». Ср. также в ХС: «В одну зимнюю ночь сорок первого года ~ проплывают надо мной горящие бревна...», а также УНС: «Так меня в окно вынесло, плавно так, будто на волне. Моргнуть не успел, сию в

сугробе, а надо мной балки горящие проплывают...». **БНС**, 12.07.2007: «Проплывающие бревна» и многое другое — из пересказа реального события с АНом осенью 1941 года, когда неподалеку от него разорвалась бомба. Все, конечно, в разных текстах перерабатывалось по-разному.

С. 8. *Помню, что на фоне пылающего дома шагах в тридцати чернела странная фигура: все сидели или лежали, а этот стоял, и было такое впечатление, будто он черный, но голый... Не было на нем одежды — ни шинели, ни куртки. Или не голый все-таки? — БНС*, офлайн-интервью от 6.09.2002: *Вопрос*: ...а не был ли Корнеем тот непонятный человек, вроде бы одетый, но голый (спецкостюм), которого видел Гаг в минуту передышки, когда из всего отряда остались только он и Гепард? *Ответ*: Именно так. Именно он это и был.

С. 10. *Я — Бойцовый Кот! (...) Вот! — Он поднял правую руку и показал (...) татуировку под мышкой.* — Аналогичные татуировки наносились в нацистской Германии лицам, служившим в войсках СС.

С. 11. *Эклиптикальное созвездие* — здесь: одно из созвездий, через которые проходит плоскость орбиты планеты.

С. 11. *Гиганда* — планета упомянута также в ЖВМ.

С. 16. «*Призрак*» — тип космического корабля, реалья ПКБ, ЖВМ и ВГВ.

С. 17. *И только про одного он говорил хорошо — про Гепарда. Похоже, он его знал лично. И ценил. В этом человеке, говорит, погиб великий педагог. Здесь, говорит, ему бы цены не было...* — См. ответ БНС в офлайн-интервью от 5.12.2008, процитированный на с. 119 в подразделе «Варианты рукописей и изданий».

С. 17. *Корней что-то странное соорудил — целый клубок прозрачных желтоватых нитей — что-то вроде дохлого болотного ежа, — все это залил коричневым соусом, сверху лежат кусочки и ломтики то ли мяса, то ли рыбы...* — Вероятно, описание китайской лапши, «ло-мейн».

С. 18. *Нуль-кабина* — реалья, связанная с понятием «нуль-транспортировка» (см. далее).

С. 18. *Нуль-транспортировка* — реалья также ПКБ, ДР, ОО, М, ЭВП, ЖВМ, ВГВ. Упомянута в ПНВС и ОЗ.

С. 18. *Любят там друг друга двое аристократов, а родители против.* — Аллюзия на трагедию У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

С. 21. *Двухордовые* — **БНС**, офлайн-интервью от 5.03.2008: *Вопрос*: Корней Яшмаа говорит Гагу: «Выяснилось, что на Нистагме обитает целый новый бранч животного мира — двухордовые. Их нет больше нигде... Да и на Нистагме только один вид». Однако Охотник привез с Яйлы в Кейптаунский Музей Космозологии «Одни пустяки. Десяток двухордовых змей» [Отсылка к ПХХІВ — *Сост.*]. То есть двухордовых много, раз это — «пустяки». Скажите, пожалуйста, неужели Корней, который раньше работал космозологом, не бывал в Кейптауне? *Ответ*: Я мог бы (и без особого труда) предложить Вам стройную систему, объясняющую все недоумения и противоречия, но, ей-богу, проще будет признаться, что все это — обыкновенный авторский недосмотр или, говоря попросту, ляп по невнимательности. Приношу свои извинения и, на всякий случай, подтверждаю все-таки, что двухордовые, конечно, большая редкость в животном мире.

С. 22. *Пандора* — планета упомянута также в ПХХІВ, ПКБ, ДР, Б, ОО, М и ВГВ.

С. 22. *Яйла* — планета упомянута также в ПХХІВ, ПКБ, ДР, Б и ВГВ.

С. 23. *Тагора* — планета упомянута также в ПХХІВ, ПКБ, ОО, М, ЖВМ и ВГВ.

С. 23. *Леонидяне* — жители планеты Леонида, реалья ПХХІВ, ПКБ, ОО, М, ЖВМ, ВГВ.

С. 24. *Драмба* — **БНС**, офлайн-интервью от 3.12.2000: *Вопрос*: ...робот Драмба («Парень из преисподней»); Патрик из «Далекой Радуги» подсчитывает мощность по Драмбе; наконец, попугай Фотон (чик) («Понедельник...») в своем монологе также произносит сие имя собственное (...) что такое ДРАМБА, и откуда он в трех разных книгах? *Ответ*: Вы знаете, это, представьте себе, чистейшее совпадение! Ну нравилось авторам почему-то это звуко сочетание! И каждый раз вылетало у них вне всякой связи с предыдущими употреблениями. Так что никакого разумного-рационального-логичного объяснения этому наблюдательному факту я предложить не способен.

С. 25. *Самодвижущаяся дорога* — реалья ПХХІВ.

С. 50. «*Безобразен, мерзок и затхл*» — псевдоцитата.

С. 50. *Бедный ты мой, — сказала она и погладила его ладонью по щеке. — Если бы только я могла с тобой остаться... но я правда не могу. Мне здесь тошно...* — **БНС**, офлайн-интервью от 27.04.2000: *Вопрос*: В чем была жизненная трагедия Корнея из «Парень из преисподней»? *Ответ*: Трагедия его была в том, что он был профессиональным прогрессором. А земляне недолюбливали прогрессоров. Они относились к ним примерно так же, как мы сегодня относимся к спецназовцам. Или, может быть, еще точнее — к палачам-профессионалам: полезные люди, но лучше держаться от них подальше.

С. 50. *...моря горят, леса текут, мышка в камне утонула.* — Псевдоцитата.

С. 52. *Бронемастер, друг мой, полегче... не заезжайте...* — «Не заезжайте», «заезжать», «заезжание» — словоупотребление М. Салтыкова-Щедрина. См. «Помпадуры и помпадурши» (глава «Единственный»), «Дневник провинциала в Петербурге» (главы 6 и 7).

С. 56. ...давил и думал: «Дома. Дома...» — **БНС**, офлайн-интервью от 22.07.1999: *Вопрос:* ...можно ли «Парня из преисподней» считать калькой с «Приключений Вернера Хольта»? Точнее, со второй книги «Приключений...» — ведь именно она, несмотря на то что насквозь политизирована, о «парне из преисподней», попавшем в послевоенное «домой». О том, как он пытается научиться жить без войны. *Ответ:* С «Вернером Хольтом» наш «Парень» безусловно переключается. (В одном из вариантов этой повести мы использовали даже эпиграф из «Хольта». Но, разумеется, из первой книги, а не из второй, которая нам обоим казалась нестерпимо скучной, так что никто из нас, кажется, так и не дочитал ее до конца.) Но для нас гораздо более существенной была переключка со знаменитым фильмом (кажется, конца 30-х или начала 40-х годов) — «Парень из нашего города». **Сост.:** Речь о к/ф 1942 г. по мотивам одноименной пьесы К. Симонова, реж. А. Столпер, Б. Иванов.

Из архива

Аркадий Стругацкий. Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю

Машинопись из архива Т. Григорьевой.

Написано в 1974 г.

Публикуется впервые.

С. 59. *Штоф* — здесь: шелковая ткань.

С. 60. *Прогрессор* — неологизм Стругацких, употребленный в ЖВМ и ВГВ.

С. 64. *Гулливвер* — персонаж произведений Дж. Свифта.

С. 69–70. *Ты слышишь печальный напев кабестана ~ Далеких прибрежных лесов...* — Пять из шести строф стихотворения, написанного БНС в 1956 г. и использованного в СБТ. Кабестан — лебедка с вертикальным валом, применяемая на судах для выбирания якорных или швартовых канатов.

С. 76. *Ксенобиолог* — специалист по инопланетной биологии.

С. 79. *Откуда и куда? — спрашивает Галка. / — Из Ржева в Псков, — отвечает Ида.* — Реминисценция пьесы А. Островского «Лес»: «Несчастливцев. Куда и откуда? / Счастливцев. Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с? / Несчастливцев. Из Керчи в Вологду» (действ. 2, явл. 2).

Аркадий Стругацкий. Операция «Маскарад»

Неоконченная пьеса из папки «Рабочие записи АНС 1974–1976 гг.».

Написано в августе 1974 г. См. записи от 29.07 и 12.08.74 в дневнике АНС 1974–1977 гг. Упоминается в письме АНС от 11.08.74.

Публикуется впервые.

С. 94. *Общество по распространению* — Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. — Всесоюзное общество «Знание»).

С. 96. *Лорд Рокстон* — персонаж произведений А. Конан Дойла.

С. 97. *Бусде...* — Или «Бу-сделано» — рефрен из сценки А. Райкина «Зависть». Текст В. Полякова.

С. 98. *Джюльетта* — персонаж трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

Варианты рукописей и изданий

«Парень из преисподней»

С. 103. *23 декабря 1972 года БНС писал брату...* — Переписку и дневники за 1972 г. см. в т. 18.

С. 103. *...мальчишка типа вервольфа...* — «Werwolf» — «оборотень», здесь: член одной из подпольных организаций нацистского сопротивления в конце и после окончания Второй мировой войны.

С. 103. *...была сформулирована БНС 2 апреля 1973 года...* — Переписку и дневники за 1973 г. см. в т. 19.

С. 104. *«Тощие коровы»* — см. Книгу Бытия, гл. 41, ст. 3.

С. 106. *Прогрессор* — см. примечание к с. 60.

С. 107, 109. *«Приключения Вернера Хольта» Д. Нолля; «Парень из нашего города»* — см. примечание к с. 56.

- С. 107. *Гепард* — см. примечание к с. 119.
- С. 108. *Гиганда* — см. примечание к с. 11.
- С. 108. *Драмба* — см. примечание к с. 24.
- С. 108. «*Призрак*» — см. примечание к с. 16.
- С. 108. *Нуль-кабина* — см. примечание к с. 18.
- С. 108, 120, 147. *Нуль-тэ; нуль-транспортровка; 0–Т, нуль-транспортёр* — см. примечание к с. 18.
- С. 110. *В одном из писем...* — От 15 марта 1974 г.
- С. 115. *Леонида* — см. примечание к с. 23.
- С. 116. *Тезоименитство* — см. примечание к с. 7.
- С. 118. *Склонение* — в астрономии — одна из двух координат экваториальной системы координат.
- С. 119. *Рокада* — см. примечание к с. 4.
- С. 119. «*Слуга царю, отец солдатам*» — цитата из стихотворения М. Лермонтова «Бородино».
- С. 126. *Плеоназм* — оборот речи, в котором излишним образом дублируются элементы смысла.
- С. 128. *Рука Москвы* — использование фразеологизма времен холодной войны, означавшего обвинение СССР в том, что он стоит за событиями, происходящими в других странах.
- С. 128. «*Дело Хейфеца*» — в 1974 г. М. Хейфец был арестован КГБ. БНС проходил свидетелем по его делу. Эта история получила художественное отражение в ПП.
- С. 129. *5 марта 1976 года БНС сообщает брату...* — Переписку и дневники за 1976 г. см. в т. 21.
- С. 132. *В письме брату от 14 июля 1979 года БНС специально отмечал...* — Переписку и дневники за 1979 г. см. в т. 24.
- С. 132. *15 ноября 1978 года АНС записал в дневнике...* — Переписку и дневники за 1978 г. см. в т. 23.
- С. 132, 133. *...два эпиграфа, использующие слова разных персонажей одного и того же произведения — уже упоминавшегося романа Д. Нолля «Приключения Вернера Хольта». (...) Другой раз встретишь такого ~ крутит шарманку...; Я по профессии учитель ~ начнется тяжелая борьба...* — Цитаты из глав 15 и 14 части первой книги первой романа. Перевод Р. Гальпериной («(...) преподавать перед пустыми классами? (...)»).
- С. 133. *...АНС 14 ноября 1984 года записал в дневнике...* — Переписку и дневники за 1984 г. см. в т. 26.
- С. 133. *А 18 января 1985 года в дневнике появляется новая запись...* — Переписку и дневники за 1985 г. см. в т. 27.
- С. 133. *Тагора* — см. примечание к с. 23.

«Мальчик из преисподней» и «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю»

- С. 137. *В конце фильма: робот, обшитый листом жести, с брандспойтом вместо пушки, движется на ребят, а они забрасывают его гранатами. Учитель поражен. В чем дело, что за забавы? «Мы вернемся на Борнео!»* — Возможна связь с фрагментом романа Л. Леонова «Дорога на Океан»: «В этой первобытной мгле, спустившейся на материк, белая мать из Дублина оплакивала желтых детей с Борнео. Утром массы потребовали военного выступленья. Они дефилировали по улицам с ужасными муляжами отрубленных голов и рук, с лозунгами: хотим на Борнео» (гл. «Мы проходим через войну»).
- С. 137. *Буквально только что Авторам пришлось отправить в «Литературную газету» письмо с протестом по поводу публикации на Западе повести «Гадкие лебеди».* — См. в разделе публицистики т. 18 материал АБС «В редакцию “Литературной газеты”».
- С. 138. *«Ни рука, ни нога, ни более даже мощные и плодотворные органы какого-либо мастера не способны были за столь короткий срок исправить этого Горбатого».* — Аллюзия на исторический анекдот. Во время войны И. Сталину часто жаловались на генерала А. Горбатова, известного своей резкостью и непримиримостью. Однажды Сталин пошутил: «Горбатова только могила исправит».
- С. 139. *Управление По Делах Инопланетных Цивилизаций* — ср. «Институт экспериментальной истории» в ТББ, «Комиссия галактической безопасности» в ОО, КОМКОН (Комиссия по контактам) в ЖВМ и ВГВ.
- С. 139, 171, 227. *Прометеум* — аллюзия на миф о титане Прометее, выкравшем у богов огонь и принесшем его людям, в переносном смысле — принесшем людям свет и знание.

- С. 139. *Ксенопсихолог* — от «ксенопсихология» — фантастическая наука о психологии инопланетян; упомянута также в М, ЖВМ и ВГВ.
- С. 139. *Ксенобиолог* — см. примечание к с. 76.
- С. 139. *Гулливвер* — см. примечание к с. 64.
- С. 140. «*Пепел Клааса стучит в его сердце*» — слова Тили Уленшпигеля из романа Ш. де Костера «Легенда об Уленшпигеле»: «Пепел Клааса стучит в мое сердце».
- С. 141. «*Аньюдинская четверка*» — отсылка к ПХХІВ.
- С. 141. *Гай Гаал, Максим Каммерер* — персонажи ОО.
- С. 145. *Атос в раздражении не понимает шуток, его «посылают в крапиву»*. — Реминисценция новеллы «Злоумышленники» из ПХХІВ.
- С. 145. *Поль à la Вадим читает стихи собственного сочинения, посвященные собственной персоне*. — Отсылка к ПКБ, где Вадим сочиняет четверостишия «структуральнейшего лингвиста».
- С. 147. *...примерно в то время у АНС был замысел заняться пересказом на русский язык знаменитой «Повести о доме Тайра» («Хэйкэ-моногатари»)...* — Японский эпический роман XII–XIII вв. авторства Юкинага. Вышел в переводе И. Львовой (псевдоним И. Иоффе) в 1982 г.
- С. 147. *Пандориец* — см. примечание к с. 22.
- С. 147. *Нуль-транспортёр* — см. примечание к с. 18.
- С. 148. *Дефиле* — узкий проход между возвышенностями или водными преградами (геогр., военн.).
- С. 150, 203. *...в новом здании ЦК*. — Одно из зданий комплекса ЦК КПСС на площади Ногина, ныне — Старой площади.
- С. 151. *Машинный центр в нашем распоряжении ежедневно с трех до пяти*. — Примета времени написания. «Машинное время» (время доступа к вычислительным ресурсам) было дефицитным.
- С. 156, 205. *Яйла* — см. примечание к с. 22.
- С. 157. *...страшных больших планетах...* — Использовано заглавие неоконченной повести АБС «Страшная большая планета» (см. т. 3), к 1973 г. не опубликованной.
- С. 161. *Гравитонный* — от «гравитон» — гипотетический квант поля тяготения.
- С. 174, 177. *Или, может быть, мальчика-то не было?; Или, может быть, мальчика-то и не было?* — Цитата из романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: «Да — был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?» (ч. 1, гл. 1).
- С. 179. *...всякая система стремится к состоянию максимальной энтропии*. — Расширительная формулировка Второго начала термодинамики.
- С. 180. «*...он флаг все поднимал, гей ладо гей лала...*» — Вариация песни о канонире Ябурке из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (ч. 2, гл. 2). Перевод песни Я. Гурьяна, перевод романа — П. Богатырева.
- С. 180. *Володя — Жилин*. — Имеется в виду аналогия с персонажем повести «Стажеры».
- С. 184. *...горящие бревна летали над нами как птицы...* — См. примечание к с. 8.
- С. 185. *Транзистор* — здесь: малогабаритный транзисторный радиоприемник.
- С. 186. *Поглядим, кто быстрее сломается*. — Цитата из песни В. Высоцкого «Попутчик».
- С. 189, 211. *И между прочим: роботы не годятся в солдаты. Они устроены так, что не могут причинить вред человеческому существу*. — Вероятно, отсылка к 1-му закону роботехники из произведений А. Азимова.
- С. 194, 230. *Вальс «Осенние листья»* — музыка Б. Мокроусова, слова М. Лисянского.
- С. 197, 240. *...глиэровская «Песня без слов»*. — Точнее, «Концерт для голоса с оркестром» Р. Глиэра.
- С. 217–218. *Ты слышишь печальный напев кабестана ~ Далеких прибрежных лесов...* — См. примечание к с. 69–70.
- С. 219. «*Золотой вальс*» — обязательный танец в спортивных танцах на льду, исполняемый под музыку вальса.
- С. 220. «*Танец маленьких лебедей*» — сцена из балета П. Чайковского «Лебединое озеро».
- С. 227. *Откуда и куда? — спрашивает Галка. / — Из Ржева в Псков, — отвечает Ида*. — См. примечание к с. 79.
- С. 227. *Стохастическая машина* — здесь: генерирующая задания случайным образом.
- С. 229. *Бытие определяет сознание*. — Положение К. Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» («К критике политической экономии», предисловие).
- С. 230. *Шестью восемь — сорок восемь, а не тридцать восемь... (...)* У нас не принято читать чужие мысли против желания... — Реминисценция новеллы «Естествознание в мире духов» из ПХХІВ.
- С. 233. «*Полонез*» *Огинского* — полонез М. Огинского «Прощание с Родиной».

С. 234. *Парапси-передача* — здесь: телепатическая передача. Производное от «парапсихологии», «в ведении» которой находится телепатия.

С. 249. *6 февраля 1975 года АНС записывает...* — Переписку и дневники за 1975 г. см. в т. 21.

С. 250. *Экспорт революции* — поскольку в начале и середине 1920-х гг. основным сторонником экспорта революции был Л. Троцкий, идея эта в процессе борьбы против него была официально отвергнута и осуждена.

С. 250. *15 января 1983 года АНС записал в дневнике...* — Переписку и дневники за 1983 г. см. в т. 26.

Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий. Три открытия Акутагава Рюноскэ

Черновик — в папке «АНС. Блокноты, тетради, тексты». Беловая рукопись не сохранилась.

Написано в августе — сентябре 1972 г. См. в т. 18 записи от 6.06, 23–26.06, 3–6.08, 9–11.08, 17.08, 11–14.09, 19.09.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг. и в т. 19 записи в этом же дневнике от 24.01 и 30.01.73, а также письмо АНС от 5.08.74.

Публикуется по изданию: Акутагава Рюноскэ. Новеллы. — М.: Худож. лит., 1974. Опечатки первого издания исправлены по последующим изданиям.

С. 252. *Победоносно отаремели пушки отечественных броненосцев в Цусимском проливе...* — В мае 1905 г. в Цусимском сражении русская эскадра потерпела сокрушительное поражение от Императорского флота Японии.

С. 253. *Акутагава Рюноскэ, «Носовой платок»* — сюжет рассказа упомянут Каммерером, от лица которого идет повествование в ЖВМ.

С. 253. *...каблуки японских патрулей стучали по кривым улочкам взятого у немцев Циндао...* — Город в Китае на берегу Желтого моря. В 1897 г. по концессии был передан Германии, в 1914 г. захвачен японскими вооруженными силами, выступавшими на стороне Антанты в Первой мировой войне.

С. 254. *Эдо* — древняя столица Японии.

С. 256, 262. *Мэйдзийская цивилизация; переворот Мэйдзи* — «Эпоха Мэйдзи» — период в истории Японии с 23.10.1868 г. по 30.07.1912 г. Переворот Мэйдзи — переход от сёгуната к прямому императорскому правлению.

С. 256. *Нацумэ Сосэки, «Ваш покорный слуга кот»* — перевод романа был выполнен Л. Коршиковым и АНС в 1960 г. и тогда же издан Гослитиздатом. Однако АНС остался не удовлетворен качеством перевода, поскольку в авральном порядке был вынужден переводить до четверти авторского листа в сутки и работал только со второй половиной романа (первая осталась в переводе Коршикова, тогда еще студента ИВЯ МГУ). Попытки АНС перевести роман заново и единолично прослеживаются вплоть до 1977 г.

С. 256. *В наше время благодаря Акутагава (и успехам японской кинематографии) название Расёмон известно чуть ли не каждому культурному человеку в мире...* — К/ф «Расёмон» 1950 г., реж. Акира Куросава.

С. 257–258. *«Я беру тему ~ к старине как таковой у меня пристрастия нет».* (Перевод Н. Фельдман.) — «Из заметок “Тёкодо”», миниатюра «Старина», ч. 2. Процитировано в предисловии Н. Фельдман к следующему изданию: Акутагава Рюноскэ. Избранное: в 2 т.; Т. 1. — М.: Худож. лит., 1971.

С. 258. *Уэда Акинари, выдающийся писатель второй половины XVIII века, писал в предисловии к циклу своих новелл «Луна в тумане»: «Когда читаешь ~ узреть в глубокой древности».* — Перевод З. Рахима и А. Стругацкого.

С. 258. *«Бататовая каша»* — рассказ переведен АНС.

С. 259. *«Нос»* — рассказ переведен АНС.

С. 259. *«Коммунисты расстреляли императора и семь русских гэнро»* — цитата из повести С. Диковского «Патриоты»: «Это росскэ, но они враждебны России. Коммунисты расстреляли их императора и семь русских гэнро» (гл. 4). Гэнро — государственный деятель, императорский советник.

С. 259. *«Человеческая жизнь не стоит и одной строки Бодлера»* — этот принцип позднее упомянут в «Жизни идиота» (миниатюра «Эпоха»). Перевод Н. Фельдман.

С. 260. *...не стоял на бастионах осажденного города, как Лев Толстой; не поднимал голос в защиту справедливости, как Эмиль Золя; не сражался за революцию, как Ярослав Гашек.* —

Отсылки к эпизодам биографий писателей: Л. Толстой участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны; Э. Золя защищал несправедливо обвиненного А. Дрейфуса; Я. Гашек участвовал в гражданской войне в России на стороне красных.

С. 261. *Золотой телец* — отсылка к Ветхому завету.

С. 261. *...организовывали по примеру Дюма-отца литературные фабрики...* — Некоторые биографы А. Дюма-отца выдвигали версию об использовании им под своим именем труда «литературных негров».

С. 262. *«Сад»*. *История гибели старинной семьи, пришедшей в упадок после переворота Мэйдзи. И в теме, и в настроении явственно ощущается могучее влияние Чехова.* — Отсылка к пьесе «Вишневый сад».

С. 262. *«Его «христианские» рассказы неизменно представляют собой соединение иронии и восхищения — иронии, направленной на объективную сторону религии, и восхищения субъективным миром верующего»* (Н. Фельдман). — Цитата из предисловия Фельдман к вышеупомянутому изданию.

С. 262. *«Принцип «искусство выше всего», (...) по крайней мере, в литературном творчестве — этот принцип, несомненно, вызывает лишь зевоту»* — «Из заметок “Тёкодо”», миниатюра «Искусство выше всего». Перевод Н. Фельдман.

С. 262. *«Исстари особенно рьяно провозглашали «искусство выше всего» большей частью кастраты от искусства»* — «Из “Слов пигмея”». Перевод Н. Фельдман.

С. 263. *«Писатель пописывает, читатель почитывает»* — фраза принадлежит М. Салтыкову-Щедрину. Точная цитата: «...литератор пописывает, а он, читатель, почитывает» («Пестрые письма», 1).

С. 263. *«Мукденский инцидент»* — иначе — Маньчжурский инцидент — подрыв железной дороги около Мукдена (ныне Шэньян) 18 сентября 1931 г. и последовавшее за этим наступление Квантунской армии Японии на китайские позиции, что стало началом захвата Маньчжурии и предвестием Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

С. 263. *Антикоминтерновский пакт* — международный договор, заключенный между нацистской Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств, направленный против стран 3-го Коммунистического Интернационала (Коминтерна) с целью не допустить дальнейшего распространение коммунистической идеологии в мире. Позднее к пакту присоединились другие государства.

С. 263. *Пирл-Харбор* — точнее, Пёрл-Харбор, гавань на острове Оаху (Гавайи), база Тихоокеанского флота военно-морских сил США. Здесь подразумевается нападение Японии на базу 7 декабря 1941 г., уничтожившее почти весь находившийся там Тихоокеанский флот, после чего США вступили во Вторую мировую войну.

С. 263. *Битва на Волге* — или Сталинградская битва, оборона города Сталинград (ныне Волгоград) и разгром крупной стратегической немецкой группировки в ходе Великой Отечественной войны.

С. 263. *«Отряды» генерала Исии* — «Отряд 731», специальное подразделение японских вооруженных сил, занимавшееся исследованиями в области биологического оружия, а также различными опытами над живыми людьми. Ср. в т. 1 в повести «Четвертое царство»: «...у него за плечами было участие в подготовке к Хабаровскому процессу, когда через его руки прошло несколько десятков подлых убийц, ученых бандитов из шайки генерала медицинской службы императорской армии Исии Сиро».

С. 263. *Атомный гриб над Хиросимой* — 6 августа 1945 г. США сбросили на японский город Хиросиму атомную бомбу.

С. 263. *«Шекспир, Гете, Тикамацу Мондзаэмон когда-нибудь погибнут. Но породившее их лоно — великий народ — не погибнет. Всякое искусство, как бы ни менялась его форма, родится из его недр»* — «Диалог во тьме», ч. 2. Перевод Н. Фельдман.

С. 263. *«Акутагава Рюноскэ! Акутагава Рюноскэ! Вцепись крепче корнями в землю! Ты — тростник, колеблемый ветром. Может быть, облака над тобой когда-нибудь рассеются. Только стой крепко на ногах»* — «Диалог во тьме», ч. 3. Перевод Н. Фельдман.

С. 263. *«Конечно, я потерпел неудачу. Но то, что создало меня, создаст кого-нибудь другого. Гибель одного дерева — частное явление. Пока существует великая земля, хранящая бесчисленные семена в своем лоне»* — «Из “Слов пигмея”». Перевод Н. Фельдман.

С. 264. *«Слушайте удары молота. Доколе существует этот ритм, искусство не погибнет»* — «Из “Слов пигмея”». Перевод Н. Фельдман.

С. 264. *«Правота социализма не подлежит дискуссии. Социализм — просто неизбежность»* — «Из заметок “Тёкодо”», миниатюра «Фанатики, ступающие по огню». Перевод Н. Фельдман.

С. 264. «Я... по характеру — романтик, по мировоззрению — реалист, по политическим убеждениям — коммунист» — новелла «Он». Цитировано в предисловии Н. Фельдман к вышеупомянутому изданию.

С. 264. *Ангел, который на заре мира боролся с Иаковом* — отсылка к гл. 32 книги Бытия.

С. 264. *Дьявол, который некогда забрался к Фаусту в облике пса* — отсылка к сц. «Ночь» ч. 1 трагедии И. Гете «Фауст».

С. 265. *Из Африки его духа — больного, воспаленного, расстроенного воображения?* — «Африкой его духа» Н. Фельдман именуется подсознание Акутагавы. См. предисловие Фельдман к вышеупомянутому изданию.

С. 265. «Я населил мир моего рассказа сверхъестественными животными. Более того, в одном из этих животных я нарисовал самого себя» — «Зубчатые колеса», ч. 5. Перевод Н. Фельдман.

С. 265. «В стране водяных» («Каппа») — перевод АНС этой повести был к моменту написания предисловия опубликован дважды, в 1962 и в 1970 гг., а также вошел в сборник, к которому написано предисловие.

С. 265. «Неужели не найдется никого, кто бы потихоньку задушил меня, пока я сплю?» — «Зубчатые колеса», ч. 6. Перевод Н. Фельдман. Цитата использована в ДСЛ.

Аркадий Стругацкий. Румата делает выбор

Ответы АНС на вопросы журналиста Ил. Полоцка напечатаны под рубрикой «Клуб любителей фантастики».

Публикуется по изданию: Советская молодежь (Рига). — 1974. — 17 нояб.

С. 266. *Румата* — имя персонажа ТББ восходит к раннему творчеству АБС.

С. 266. *...существует устная легенда о братьях Стругацких. Говорят, на одном из совещаний писателей-фантастов вам с братом задали sacramентальный вопрос: как вы пишете вдвоем? Поскольку этот вопрос вам изрядно поднадоел, кто-то из вас якобы ответил: «Очень просто. Так как один живет в Москве, а другой в Ленинграде, мы съезжаемся в Бологом, сидим в станционном буфете, пьем чай и пишем».* — Первое упоминание ставшей впоследствии популярной легенды. **Сост.:** Кто же автор шутки о кафе в Бологом? **И. Полоцк, 19.02.2007:** Вы задали непростой вопрос. Как бы ни хотелось присвоить себе авторство столь популярной хохмы, все же за давностью лет не решаюсь. Вроде это мой шкодливый язык... но, может, это сказала Ольга Ларионова или сочинил Миша Веллер, с которым мы вместе были в семинаре у Бориса Натановича. В те годы в нашей «тусовке», как сегодня сказали б, хохмы, шутки и розыгрыши сыпались горохом, и об «авторских правах», конечно же, никто не думал. Так, что-то всплывает... нет, утверждать не берусь. Так что можете приписывать авторство кому угодно, я не обижусь. (...) Возвращаясь к Бологому... Шутку эту Аркадий впервые услышал от меня, и я помню, с каким удовольствием он ее посмаковал. Но это не признание в авторстве...

С. 266. *Откровенно говоря, писать мы начали... на пари* — **БНС**, «Комментарии к пройденному»: «...историческое пари было заключено, скорее всего, летом или осенью 1954 года, во время очередного отпуска АН, когда он с женой приезжал в Ленинград».

С. 266. *В 1956 году, только демобилизовавшись из армии...* — Как известно из учетно-послужной карточки, АНС демобилизовался в мае 1955 г.

С. 266. *...в которой прослужил пятнадцать лет...* — Выслуга на Камчатке шла месяц за два, как и в остальных «отдаленных местностях» — Магадан, Новая Земля.

С. 266. *В тот год одновременно вышли четыре книги о полете на Венеру.* — В указанный период вышли, в частности, следующие новые книги советских авторов, в которых упоминались полеты на Венеру: «Аргонавты Вселенной» В. Владко (1957), «Звезда утренняя» К. Волкова (1957), «Сестра Земли» Г. Мартынова (1959), «На оранжевой планете» Л. Оношко (1959), «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1959).

С. 267. «Приключения тела» — автоцитата из ОО.

С. 267. *...рассказ о размыве горной породы струей гидромонитора.* — Возможно, речь о последних главах романа В. Немцова «Семь цветов радуги».

С. 267. *И тогда появился Саул Репнин, беглец из фашистского концлагеря...* — **БНС**, «Комментарии к пройденному»: «Тогда мы придумали эпилог, в котором Саул Репнин бежит из СОВЕТСКОГО концлагеря, и заодно переименовали название на «Попытку к бегству». Этот номер у нас, впрочем, тоже не прошел — концлагерь пришлось все-таки переделать в немецкий (по настоятельному требованию начальства в «Молодой гвардии»)».

С. 267–268. «Второе пришествие марсиан» — точнее, «Второе нашествие марсиан».

С. 268. *К 2000 году нас будет шесть миллиардов...* — Население Земли достигло шести миллиардов в октябре 1999 г.

С. 268. *Павка Корчагин* — персонаж романа Н. Островского «Как закалялась сталь».

С. 269. *Кассиль, Швамбраня* — см. повесть «Кондуит и Швамбраня».

- С. 269. «За миллиард лет до нашей эры» — точнее, «За миллиард лет до конца света».
С. 269. У Игоря Колупаева... — АНС имеет в виду томского писателя Виктора Колупаева.

Из архива

Борис Стругацкий. Рецензия на сборник фантастических рассказов «Незримый мост»

Машинопись из папки «Рецензии и предисловия БНС».

Датировано 2.01.1974.

В сокращенном виде впервые опубликовано: Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012. Полностью публикуется впервые.

В сборнике «Незримый мост» (Л.: Дет. лит., 1976) были опубликованы следующие отрецензированные произведения: «Подсадная утка» О. Ларионовой, «Ураган» и «Рассеянность Алика Семина» И. Росоховатского, «Равновесие» и «Цветок соллы» А. Балабухи, «Тайна тысячелетий» И. Смирнова (под заглавием «Черный ромбоэдр»), «Кто нажмет на стоп-кран?» и «Неудачный эксперимент» А. Шалимова, «Дни нашей жизни» А. Шейкина (под заглавием «Зеленый остров»), «Змий» и «Рабочий день» А. Щербакова, «Эффект Брумма» А. Житинского, «Невероятный выдумщик» А. Хлебникова.

Остальные произведения были опубликованы: И. Росоховатский, «Командир» — сборник «Фантастика, 1975–1976» (М.: Мол. гвардия, 1976); А. Балабуха, «На пороге» — журнал «Аврора» (1977, № 6); А. Хлебников, «Улыбка Ники Самофракийской» — сборник «Фантастика, 1978» (М.: Мол. гвардия, 1978); Ф. Дымов (Суркис) «Я + Я» — авторский сборник «Полторы сосульки» (Л.: Смарт, 1989). Рассказ А. Меерова на русском языке не публиковался.

С. 271. *Кое-какеры* — неологизм Стругацких. Впервые использован в «Стажерах». Использован также в ОЗ.

С. 272. *Освенцим* — или Аушвиц — один из крупнейших комплексов фашистских концентрационных лагерей и лагерей смерти. Находился на территории Польши.

С. 273. «*Все жанры хороши, кроме скучного*» — цитата из предисловия к пьесе Вольтера «Блудный сын».

С. 273. *Шерлок Холмс, Джон Силвер, Нат Пинкертон* — персонажи А. Конан Дойла, Р. Л. Стивенсона и анонимного детективного сериала.

С. 273. *...Ш. Холмса, жителя середины XIX века...* — Фактически, персонаж Конан Дойла жил и действовал в конце XIX — начале XX в.

С. 274. *...производит несколько странное впечатление какой-то необыкновенной, «художественной», рецензии на известный роман А. Толстого.* — В рассказе идет речь о романе «Аэлита».

С. 275. *Ника Самофракийская* — древнегреческая мраморная скульптура богини Ники (II в. до н. э.), найденная на острове Самофракия.

С. 276. *Тема двойников слишком уж активно эксплуатируется последнее время в нашей фантастике (достаточно вспомнить, например, большие повести Савченко и Громовой с Нудельманом).* — «Открытие себя» и «В Институте Времени идет расследование» соответственно.

С. 276. «*Будетляне*» — неологизм В. Хлебникова.

С. 276. *Плеоназм* — см. примечание к с. 126.

Аркадий Стругацкий. Аннотация на повесть Санъютэя Энтё «Пионовый фонарь»

Рукопись из тетради с рабочими записями АНС 1974–1977 гг.

Написано предположительно в декабре 1974 г.

Публикуется впервые.

С. 278. *Нет сомнений, что новое издание будет встречено советским читателем с большим удовлетворением.* — Новое издание «Пионового фонаря» в переводе АНС вышло в 1976 г.

Аркадий Стругацкий. Интервью из 1974 года

Ответы АНС на вопросы журналиста В. Зуева. Машинопись из архива составителей.

Интервью взято в Душанбе предположительно в первой половине января 1974 г. Текст отредактирован и авторизован АНС 16.02.90.

Первая публикация — Интервью 1974 года / [Беседу вел] В. Зуев; Предисл. «Аркадий Натанович — наш сахалинский земляк» Е. Клоковой // Филологический журнал: Учен. записки факультета рус. языка и литературы. Вып. 2. — Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСГПИ, 1993.

С. 281. *Теоретически существует только одна гипотеза о сущности фантастики, которая представляется мне наиболее верной. Она принадлежит Рафаилу Нудельману, кандидату филологических и педагогических наук, как это часто бывает, неспециалисту. Он очень четко показал, что современная фантастика есть литература о столкновении человека вчерашней психологии с миром завтрашним, который он творит сегодня.* — Фактически это положение высказано самими АБС в статье «О фантастике» (см. раздел публицистики т. 9. Там же см. материалы «Набросок выступления на симпозиуме в Марианских Лазнях» и рецензию на рукопись Г. Гуревича «Карта Страны Фантазий»).

С. 281. *...к жестоким чудесам космоса.* — Реминисценция заключительных слов повести С. Лема «Солярис»: «...не прошло время ужасных чудес». Перевод Д. Брускина.

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1974

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Часть писем не датирована. Такие письма датировались составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 283. *...нажимай, но не заезжай...* — См. примечание к с. 52.

С. 284. *Хочет он издавать УНС и СоТ, имеет он германское издание на русском...* — Улитка на склоне; [Сказка о Тройке]. — Frankfurt am Main: Посев, 1972.

С. 284. *Цекамол* — здесь: ЦК ВЛКСМ.

С. 284. *Трэш* — от trash — здесь: нестоящие люди, дрянь, отребье (амер.-англ.).

С. 285. *...во Франции, кажется, живет какой-то литкритик с югославской фамилией, который давно и основательно занимается нами.* — Дарко Сувин, из канадского университета МакГилл.

С. 285. *Ведь есть же еще порох в пороховницах.* — Цитата из повести Н. Гоголя «Тарас Бульба», гл. 9.

С. 285. *Р. Т.* — **Сост.:** Это означает «Пост Текстум»? **БНС, 29.03.2006:** Да. Это наша выдумка. Нигде больше я такой аббревиатуры не встречал. А мы ею пользовались потому, что не было латиницы на клавиатуре.

С. 286. *Лед тронулся* — цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

С. 286. *В Болгарии издано ДоУ.* — Хотелът «При загиналия алпинист» / Прев. Р. Узунова. — Пловдив: Хр. Г. Данов, 1973.

С. 287. *Прочитал большую статью Чернышевой из Иркутска «Творчество А. и Б.».* — Статья не была опубликована.

С. 287. *Ирена <Левандовска> прислала газеты (образцы): «Глос Працы», где печатается ПНО, и «Тыгодник Демократычны», где в каждом номере дают по страничке из М.* — Точнее, наоборот: Koniec akcji «Arka» / Przel. I. Lewandowska // Głos Pracy. — 1974. — 4.02–21.04. — Пол. яз. — Загл. ориг.: Малыш; Piknik na skraju drogi / Przel. I. Lewandowska // Tygodnik Demokratyczny. — 1974. — №№ 6–19, 21–24. — Пол. яз. — Загл. ориг.: Пикник на обочине.

С. 287. *Ахмадвалеев из Ставрополя прислал вырезку из газеты «Молодой ленинец», где у них там дискуссия о человеке будущего.* — Фонарь Диогена // Молодой Ленинец (Ставрополь). — 1972. — 27 мая.

С. 288. *Ни гласа, ни воздыхания* — от «Не бе гласа, ни послушания»; церковнославянский текст Третьей книги Царств (гл. 18, ст. 26).

С. 289. *Получил дополнительные деньги за ДР на испанском из МИРа.* — Cataclismo en Iris / Trad. por A. Molina Garcia. — Moscu: Mir, 1973. — Исп. яз. — Загл. ориг.: Далекая Радуга.

С. 289. *Это надо прекратить.* — Автоцитата из ПНВС.

С. 289. *Семинар молодых* — ленинградский/петербургский семинар писателей-фантастов БНС возглавлял с 1974 г. до конца жизни.

С. 290. *Аркадий — брату, 24 апреля 1974...* — Датировка составителей.

С. 290. *Большую часть* — реминисценция «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя.

С. 290. *Костлявая рука Москвы* — контаминация выражений «костлявая рука голода», введенного в употребление П. Рябушинским и ставшим пропагандистским штампом, и другого штампа «рука Москвы» (см. примечание к с. 128).

- С. 291. ...ни кроватей нам с тобой не будет, ни умывальников. — Реминисценция романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 2, гл. 19).
- С. 291. *Борецкий припер в качестве рекомендации свой фильм про диких лебедей...* — К/ф 1972 г. «Сюда прилетают лебеди».
- С. 292. *В Польше вышел томик — ТББ+ВНМ.* — *Trudno być bogiem; Drugi najazd Marsjan / Przetł. I. Piotrowska.* — Warszawa: Iskry, 1974. — Пол. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом; Второе нашествие марсиан.
- С. 293. *Прен-цен-денты* — автоцитата из ПНВС.
- С. 293. *Посылаю тебе рекомендательное письмо Дмитревского к Куценко.* — Приложен конверт с дружеским письмом В. Дмитревского Т. Куценко, в котором он просит «принять и поговорить “по душам” с подателем сего письма Аркадием Натановичем Стругацким». Рекомендует АБС как самых известных фантастов «не только у нас, но и во всем мире». Констатирует, что «не все у них складывается так, как хотелось бы...» Пишет о том, что АБС постоянно печатаются в журнале «Аврора», но «кроме “Авроры” есть и другие редакции и издательства. Вот по этому-то вопросу и хочет посоветоваться с Вами Аркадий Натанович».
- С. 294. *Большой ЦК* — ЦК КПСС.
- С. 295. ...*математику спихнул на четыре и пять...* — То есть письменный экзамен сдал на 4, а устный — на 5.
- С. 296. *А вот предупредить их, что УНС состоит из двух частей — надо, а то получится как в Литве.* — Речь не о литовском, а об эстонском издании: *Tigu nõlvakul / Vene tlk. A. Ehin.* — Tallinn: Periodika, 1971. — Эст. яз. — Загл. ориг.: Улитка на склоне. Издание содержало только половину УНС — часть «Управление».
- С. 296. *На его место назначают болвана Медведева — помнишь, он состряпал в «Технику — молодежи» идиотское интервью с нами.* — См. в разделе публицистики в т. 11 материал «Дороги научного прорицания».
- С. 296. *Теперь, ребяташки, вина нам будет вволю.* — Приблизительная цитата из повести М. Салтыкова-Щедрина «История одного города»: «...бросала в народ медными деньгами, а пьяные ее подручники восклицали: “Вот наша матушка! теперь нам, братцы, вина будет вволю!”» (гл. «Сказание о шести градоначальницах»).
- С. 296. *Вчера была у нас Татьяна Чеховская и кое-что рассказала в связи с твоим посещением 25 июня.* — См. запись в рабочем дневнике АБС от 25.06.74.
- С. 297. ...*надо было подписать разрешение на публикацию в Венгрии главы из ПНО (25-й том Биб<лиоте>ки).* — Будущее издание: *Piknik a senki földjén / Ford. A. Wojtár // Galaktika.* — 1974. — № 11. — Венг. яз. — Загл. ориг.: Пикник на обочине.
- С. 298. *Из «Мира» пришел договор на «Гиг<антскую> флюктуацию»...* — Договор на фактически вышедшее издание: *The Gigantic Fluctuation / Transl. by G. Evans // Journey Across Three Worlds.* — Moscow: Mir, 1973. — Англ. яз. — Загл. ориг.: Гигантская флюктуация.
- С. 298, 330. *На меня усиленно нажимают в смысле пьески-шлягера. Сажусь. Кое-что придумал...; Сюжет шлягера с переодеваниями.* — См. в разделе «Из архива» материал «Операция “Маскарад”».
- С. 298. *Не фонтан* — одесский фразеологизм. Иронически — о среднем по качеству, второсортном.
- С. 298. *Видимо, там никакие черные вихри не веют...* — Аллюзия на строки песни «Варшавянка»: «Вихри враждебные веют над нами, / Темные силы нас злобно гнетут». Слова Г. Кржижановского (вольный перевод стихотворения польского поэта В. Свенцицкого).
- С. 298. *«Мегре и человек на скамейке»* — телеспектакль по роману Ж. Сименона, реж. В. Бровкин.
- С. 299. *Жданов* — именование города Мариуполь в 1948–1989 гг.
- С. 299. *Виделся с Руфью Александровной <Зерновой>. Подарила мне свою новую книжку...* — Зернова Р. Немые звонки. — Л.: Сов. писатель, 1974.
- С. 299. *Статью о нас Смелкова в «Юности» я так и не прочел, но мне ее подробно рассказали.* — Смелков Ю. Взгляд со стороны // Юность (М.). — 1974. — № 7.
- С. 299. ...*бог, видно, снова в Москве.* — Перефразировка «Бог теперь в Италии» (эти слова Юста Тивериадского часто повторяет Иосиф в первых двух книгах трилогии Л. Фейхтвангера об Иосифе Флавии — «Иудейская война» и «Сыновья»).
- С. 299. *Борис — брату, 20 августа 1974...* — Датировка составителей.
- С. 299. *Надо, Федя!* — Цитата из к/ф Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Также — слова из «Песни о конькобежце» В. Высоцкого.
- С. 300. *Начинает выплывать тень дела Мишки.* — См. примечание к с. 128.
- С. 301. *Я тут загнал свою коллекцию...* — Марок.
- С. 302. *Аркадий — брату, 4 октября 1974...* — Датировка составителей.
- С. 302. *Аркадий — брату, 8 октября 1974...* — Датировка составителей.

С. 302. ...на картошке. — То есть на сельхозработках, на которые систематически посылали работников городских предприятий и учреждений.

С. 303. *Мы еще не одну горку перемахнем.* — «Перемахнем пригорочек!» — слова Суворова из одноименного к/ф 1940 г., реж. В. Пудовкин и М. Доллер.

С. 304. ...*история пришпорена, история несется вскачь, время золотыми подковами...* — Цитата из романа А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина»: «История была пришпорена, история понеслась вскачь, звеня золотыми подковами по черепакам дураков» (гл. 112).

С. 304. *Андрон Кончаловский передал мне письмо насчет сценаризации ТББ во Франции. Копию в части, нас касающейся, прилагаю.* — Приложен перевод письма А. Кончаловскому французского режиссера и продюсера Паскаля Обье, в котором он пишет, что сценарист и киновед Югетта Феррё заинтересована в получении согласия авторов и официального разрешения властей на кинематографическую адаптацию ТББ, переведенного на французский и выпущенного издательством «Денозль» в 1973 г. Обье полагает, что отец Кончаловского, поэт и председатель правления СП РСФСР С. Михалков «сможет дать хороший совет» по решению этого вопроса.

С. 305. *Кольшущиеся хлеба* — автоцитата из ПНВС.

С. 305. *Итак, сбылась мечта идиота!* — Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «Сбылись мечты идиота!» (ч. 3, гл. 30).

С. 306. *КАКЧЕСТВО* — словечко из сценки «Сантехник» спектакля Ленинградского театра миниатюр «Время смеется»: «Мне государство за что деньги платит? За количество. А за качество мне государство денег не платит». Текст — М. Азова и В. Тихвинского, исполнение — А. Райкина.

С. 306. ...*право экранизации на Западе стоит очень дорого — по крайней мере, судя по литературе, каждый писатель, продавши право на экранизацию своего опуса, немедленно покупает виллу.* — Возможно, речь об Э. Хемингуэе либо Ф. Саган, продавших право экранизации романов «По ком звонит колокол» и «Здравствуй, грусть!» соответственно за рекордные для своего времени суммы и потративших их среди прочего и на виллы.

С. 306. *Тугрики* — реминисценция романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 3, гл. 28–29).

С. 306. *В США изд<ательст>во ДАУ издает (или уже выпустило) ТББ в покетбуковском издании.* — Hard to be a God / Transl. by W. Ackerman. — NY: DAW Books, 1974. — Англ. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом.

С. 306–307. *Видел я также и обложку шведского издания CoT (плюс УНС).* — Sagan om Trojkan / Snigeln på sluttningen / Övers. K. Rehnström. — Stockholm: Delta, 1975. — Швед. яз. — Загл. ориг.: Сказка о Тройке, Улитка на склоне.

С. 307. ...*вывернет у нас из вечной мерзлоты некий цилиндр. Станный. Отвинчивают цилиндр, а там...* — См. «Комментарии к пройденному» БНС: «Все, что сохранилось в дальнейшем от обезьяньего варианта, это маленький, очень развлекавший нас время от времени ритуал. Когда у нас происходили размышления по поводу какого-нибудь нового сюжета и когда работа ни в какую не шла, кто-нибудь обязательно и с самым глубокомысленным видом предлагал вариант: “Попадают это они на остров...”, а другой тут же подхватывал с готовностью: “...А там обезьяны. Станные!”».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1971–1987

Представлены записи в дневнике за 1974 г.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 313. *Сказали мне, что эта дорога ~ окольные тропы... / (Ёсано Акико), Яп<онская> поэз<ия>, стр. 227* — Японская поэзия. — М.: Гослитиздат, 1956. Перевод В. Марковой. Использовано в ЗМЛДКС.

С. 313. *Когда ты на ней в посл<едний> раз ездил? ~ Но была бледная!* — Использовано в БМС.

С. 313. *Транзистор* — см. примечание к с. 185.

С. 313. *Б. был <в> ГБ.* — Вызов БНС в КГБ по делу М. Хейфеца.

С. 314. «*Веселый барабанщик*» — песня из к/ф «Друг мой, Колька». Слова Б. Окуджавы, музыка Л. Шварца.

С. 316. *Вайнгартен относится к Веч<еровскому> с повышенным пиететом: он тоже очень хочет быть лауреатом Лен<инской> премии.* — Один из прототипов Вечеровского, Ю. Манин, был удостоен Ленинской премии 1967 г. за работы по теории алгебраических кривых и абелевых многообразий.

С. 316. *Думали над статьей о Бержье. Решили не писать.* — Исходная статья: Бержье Ж. Советская научная фантастика // «Магазин литерер» (Париж). — 1974. — № 88, май. **Сост.:** Что подразумевается под этой записью? Думали писать опровержение? Куда? **БНС, 1.11.2008:** Не опровержение, а изложение марксистской позиции. А потом решили: «На хрен это нам надо?» — и отказались.

С. 316. *Письмо Демичеву; разговор с Ильиным.* — **БНС, 1.11.2008:** Это — прикидки будущего разговора. Идти должен был АН. Мы никогда не ходили вместе: нельзя было рисковать абсолютной синхронностью своей позиции.

С. 318. *М<ихаилу> Х<ейфецу> дали 4+2.* — То есть 4 года заключения и 2 года ссылки.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1973–1974

Фрагмент дневника за 1974 г.

Публикуется впервые.

С. 321. *Это — единственный луч света.* — Отсылка к заглавию статьи Н. Добролюбова «Луч света в темном царстве».

С. 321. *Где было ОНО, должно стать Я (Фрейд).* — Девиз З. Фрейда, означающий: «Содержания, бывшие бессознательными, должны стать сознательными».

С. 322. *5 февраля в «Правду» получить деньги...* — В издательство «Правда».

С. 322. *...за рецензию на книжку То Хоая.* — См. в разделе публицистики т. 19 материал «Перемены в стране Тэй-бак».

С. 322. *«Плиска»* — марка болгарского коньяка.

С. 323, 328. *Из ВААП телефон: Голландия просит «ПНвС» на немецком, ссылаясь на то, что в ФРГ издали.; Из ФРГ пришел экз<емпляр> ПНвС.* — Montag beginnt am Samstag / Übers. v. H. Buchner. — Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1974. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Понедельник начинается в субботу.

С. 325. *...взял и прочел «Отель».* — Хейли А. Отель // Сибирские огни (Новосибирск). — 1972. — №№ 7–9.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1974–1977

Фрагмент дневника за 1974 г.

Публикуется впервые.

С. 326. *«Stalin» Дойчера* — Deucher I. Stalin: A Political Biography. — New York, 1967.

С. 326. *От Бакштановского пришел «Практикум по этике».* — Практикум по этике: учеб. пособие для студентов / Под ред. В. И. Бакштановского; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Тюменский индустр. ин-т. — Тюмень, 1973.

С. 327. *Взял у Сенькова две рукописи: / «Трудные дороги» Тальберга. / «Сохрани в себе героя» Цымбала.* — Рецензии АНС на эти рукописи были оформлены как личные письма авторам.

С. 327. *Взял на рецензию новый бред Немцова: «Дети ничейного мира».* — Вероятно, рецензия не была написана.

С. 328. *Статья о сов<етской> фантастике Бержье.* — См. примечание к с. 316.

С. 329. *ОМЛ* — Основы марксизма-ленинизма.

С. 330. *В № 7 «Юности» какая-то статья о нас.* — Смелков Ю. Взгляд со стороны // Юность (М.). — 1974. — № 7.

С. 330. *Получил аванс за «Кота»...* — По договору на новый перевод повести Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга кот». Перевод не был выполнен, аванс пришлось вернуть.

С. 330. *Том Акутагавы вышел...* — Том в серии «Библиотека всемирной литературы»: Акутагава Рюноске. Новеллы. — М.: Худож. литература, 1974.

С. 330. *...составили письмо Демичеву и план разговора с Ильиным.* — См. примечание к с. 316.

С. 331. *Позавчера и вчера написал рецензии на сборник <Геннадия> Григорьева и на «Повесть о Перитоните» для Литконсультации.* — Рецензии АНС на рукописи сборника рассказов Г. Григорьева и «Повести о Перитоните, его Космической деве и дырявой планете» Г. Полянского были оформлены как личные письма авторам.

С. 331–332. *...Копытман рассказал об артисте (он играет в «Беге» лупоглазого, забыл их фамилии). Он сейчас снимается в роли Капитана Немо там же у молодого режиссера Львова.* — Речь о Владиславе Дворжецком. Упомянуты его роли Хлудова в к/ф 1970 г. «Бег» реж. А. Алова и В. Наумова и капитана Немо в одноименном к/ф 1975 г. реж. В. Левина.

С. 332. *Скучно, девочки.* — «Скучно, девушки!» — цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (ч. 3, гл. 34).

С. 333. *Сегодня написал и отпечатал (наконец!) рецензию на «Последнее письмо к жене».* — В архиве названная рецензия отсутствует.

С. 334. *Приехал в Ленинград 17-го*. — Описка, надо — «в Москву».

С. 334. *Письмо от Фуками: вышел ОуПА...* — Юрэй сацудзин / Яка Фуками Дан. — Токио: Хаякава сёбо, 1974. — Яп. яз. — Загл. ориг.: Отель «У Погибшего Альпиниста».

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1973–1974

Книжка заполнена разнообразными записями: календарная часть — записями планов и событий 1973–1974 г., алфавитная часть — адресами и телефонами знакомых.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1974

Записи из папки «Семейные дела Гаюровых». Возможно — наброски выступления на семинаре переводчиков.

Написано в 1974 г.

Публикуется впервые.

С. 335. *...один из первых переводчиков «Кота»*. — В марте–мае 1960 г. АНС участвовал в переводе романа Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга кот». Он перевел 7–11 главы романа. Главы 1–6 перевел Л. Коршиков. В том же году роман был выпущен Гослитиздатом. АНС остался не удовлетворен этой работой и почти сразу же хотел вернуться к переводу и выполнить его уже в одиночку. См. записи АНС: в т. 9 — от 30.03.65 дневника 1961–1965 гг., от 11.04, 15 и 17.08.65 дневника 1963–1970 гг.; в т. 18 — от 14.09.72 дневника 1971–1973 гг.; в т. 19 — от 14.07.73 записной книжки 1973–1974 г.; в этом томе — от 27.03.74 дневника 1973–1974 г., от 24.07.74 дневника 1974–1977 г.

С. 336. *Мистер Снодграсс, м-р Уинкль* — персонажи романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

С. 336. *...я еще и читатель, и довольно квалифицированный*. — См. трактовку обычного для публицистики и переписки АБС термина в т. 6 в рабочих записях БНС 1961–1962 гг. № 3: «...я имею в виду квалифицированных читателей, которые отличаются от всех прочих тем, что, во-первых, читают много (...), а во-вторых, любят не только читать, но и перечитывать». См. также в т. 4 эссе АНС.

С. 336. *Дон Кихот и Санчо Панса* — персонажи романа М. Сервантеса де Сааведры.

С. 337. *...я очень горд, что мне доверили сделать новый перевод ее, и с радостью приступаю к работе*. — Перевод, тем не менее, осуществить до конца не удалось, он остановился на 42-й странице. Была получена годичная отсрочка от издательства «Художественная литература», но в итоге в октябре 1977 г. аванс был возвращен в издательство.

Борис Стругацкий. Дневник, 1969–1974

Тетрадь заполнена датированными и недатированными записями дневникового и творческого характера, цитатами из книг, статистическими подсчетами выдвижений членов Политбюро в Верховный Совет. Публикуется единственная запись за 1974 г.

Публикуется впервые.

Примечания к фотографиям и рисункам

Вкл. С. 11. *БНС, 7.11.2006*: По-моему, это либо описание сна, либо какого-то физэксперимента.

В. Курильский, Л. Рудман

Библиография. 1974 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1.1.1. Парень из преисподней: Фантаст. повесть / Худож. И. Тюльпанов // Аврора (Л.). — 1974. — № 11. — С. 34–49; № 12. — С. 16–32.

1.2. А. Стругацкого

1.2.1. Экспедиция в преисподнюю: Современная сказка / С. Ярославцев. Худож. В. Терещенко // Мир приключений. — М.: Дет. лит., 1974. — С. 230—343. — [Ч. 1—2].

1.2.2. Семейные дела Гаюровых: Киноповесть / Ф. Ниязи, А. Стругацкий // Памир (Душанбе). — 1974. — № 5. — С. 8—34; № 6. — С. 7—29.

1.2.3. Экспедиция в преисподнюю: Современная сказка / С. Ярославцев // Памир (Душанбе). — 1974. — № 7. — С. 81—88; № 8. — С. 86—96; № 9. — С. 85—96; № 10. — С. 104—112; № 11. — С. 81—96; № 12. — С. 70—85. — [Ч. 1—2].

2. Статьи, интервью, выступления

2.2. А. Стругацкого

2.2.1. Три открытия Акутагава Рюноскэ // Акутагава Рюноскэ. Новеллы. — М.: Худож. лит., 1974. — С. 5—24. — (Б-ка всемирной литературы; Т. 129).

2.2.2. Румата делает выбор / Вел интервью Ил. Полоцк // Сов. молодежь (Рига). — 1974. — 17 нояб. — С. 5.

2.2.3. Над чем работают: Аркадий и Борис Стругацкие // Молодой дальневосточник (Хабаровск). — 1974. — 14 дек. — С. [2—3]. — [Полностью см. п. 2.2.2.]

3. Работа над переводами

3.1. Браун Ф. Этаин Шрдлу: Рассказ / Пер. с англ. С. Бережкова // Браун Ф., Тенн У. Звездная карусель. — М.: Мир, 1974. — С. 61—89. — (Зарубежная фантастика).

3.2. Акутагава Рюноскэ. Нос: Рассказ / Пер. с яп. А. Стругацкого // Акутагава Рюноскэ. Новеллы. — М.: Худож. лит., 1974. — С. 38—43. — (Б-ка всемирной литературы; Т. 129).

3.3. Акутагава Рюноскэ. Бататовая каша: Рассказ / Пер. с яп. А. Стругацкого // Акутагава Рюноскэ. Новеллы. — М.: Худож. лит., 1974. — С. 43—58. — (Б-ка всемирной литературы; Т. 129).

3.4. Акутагава Рюноскэ. В стране водяных: Повесть / Пер. с яп. А. Стругацкого // Акутагава Рюноскэ. Новеллы. — М.: Худож. лит., 1974. — С. 545—583. — (Б-ка всемирной литературы; Т. 129).

Ю. Флейшман

Указатель имен

Абэ Кобо (Кимифуса) — японский писатель.

Авраменко Инна Фёдоровна — заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия».

Азимов Айзек — американский писатель, популяризатор науки.

Акутагава Митиаки — дядя и усыновитель Акутагавы Рюноскэ.

Акутагава Рюноскэ — японский писатель.

Александра Яковлевна — врач.

Альба Фернандо Альварес де Толедо — испанский государственный и военный деятель.

Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.

Анкудинов Владимир Александрович — редактор издательства «Детская литература».

Анна Дмитриевна — домработница.

Арисима Такэо — японский писатель.

Арцимович Лев Андреевич — физик.

Ахатов Валерий Бакиевич — режиссер.

Ахмадвалеев Зариф Мухаметшарипович — корреспондент БНС.

Абадановский Андрей Игоревич — художник-иллюстратор, художник-мультипликатор.

Бакштановский Владимир Иосифович — педагог, философ, специалист в области этики.

Балабуха Андрей Дмитриевич — писатель, критик.

Баллард Джеймс Грэм — английский писатель.

Бальзак Оноре де — французский писатель.

Бараев Владимир Владимирович — журналист, писатель, ранее — заместитель главного редактора журнала «Байкал».

- Беляев Альберт Андреевич — заведующий сектором литературы Отдела культуры ЦК КПСС, позднее — редактор ряда изданий.
- Бергсон Анри — французский философ.
- Бержье Жак (Бергер Яков Михайлович) — французский историк науки, журналист, писатель.
- Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.
- Бобринские (дружески — Бобры) Геннадий Иванович и Виктория — друзья АНС.
- Бодлер Шарль Пьер — французский поэт.
- Бондарев Юрий Васильевич — писатель.
- Борецкий Юрий Александрович — режиссер.
- Борунь Кшиштоф — польский писатель.
- Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
- Бритиков Анатолий Фёдорович — литературовед, критик.
- Бромберг Константин Леонидович — режиссер.
- Брунинг, Браунинг Роберт — английский поэт и драматург.
- Брусиловская Майя Самойловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».
- Брэдбери Рэй (Брэдбери Рэймонд Дуглас) — американский писатель.
- Булгаков Михаил Афанасьевич — писатель, драматург.
- Булычёв Кир (Можейко Игорь Всеволодович) — писатель, историк.
- Вавилов Николай Иванович — генетик, ботаник, географ.
- Варшавский Илья Иосифович — писатель.
- Венжер Наталия Яковлевна — киновед.
- Войскунский Евгений Львович — писатель, друг АНС.
- Воннегут Курт (мл.) — американский писатель.
- Воробьёв Иван Алексеевич — сценарист, заведующий сценарным отделом ТО «Экран».
- Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; домашнее прозвище — Крыса) Елена Ильинична, супруга АНС.
- Гагарин Юрий Алексеевич — первый космонавт.
- Ганичев Валерий Николаевич — директор издательства «Молодая гвардия».
- Гансовский Север Феликсович — писатель.
- Гашек Ярослав — чешский писатель.
- Гейвандов Павел Александрович — художник.
- Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) — режиссер, сценарист.
- Гёте Иоганн Вольфганг фон — немецкий писатель, поэт, философ.
- Гоголь Николай Васильевич — писатель, драматург.
- Горышин Глеб Александрович — писатель, заведующий отделом прозы, позднее — главный редактор журнала «Аврора».
- Готье Пьер Жюль Теофиль — французский поэт, критик.
- Гофман Эрнст Теодор Амадей — немецкий писатель.
- Григорьев Геннадий Иванович — автор рецензируемой рукописи.
- Григорьев Евгений Александрович — сценарист.
- Григорьева Майя Григорьевна — сотрудница киностудии «Центрнаучфильм».
- Громов Михаил Петрович — литературовед.
- Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
- Гусев Геннадий Михайлович — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС.
- Даниэль (в тексте также — Дан) Юлий (Юда) Маркович, писатель, переводчик, диссидент.
- Демичев Пётр Нилович — политический и государственный деятель.
- Дзиппэнся Икку (Сигэта Садакадзу) — японский писатель.
- Диккенс Чарльз Джон Хаффем — английский писатель.
- Дирак Поль Адриен Морис — английский физик.
- Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
- Дойчер Исаак — польско-английский историк, публицист, журналист, политолог.
- Домбровский (Сокол-Домбровский) Витольд — польский поэт, переводчик, супруг И. Левандовской.
- Достоевский Фёдор Михайлович — писатель.
- Дьяконов Владимир Юрьевич — литературовед, член группы «Людены».
- Дюма Дави де Ла Пайетри Александр (отец) — французский писатель.
- Евдокимов Александр Дмитриевич — библиограф, библиофил.
- Ермаш Филипп Тимофеевич — председатель Госкино СССР.
- Ёсано Акико — японская поэтесса, критик, редактор, переводчик.
- Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.

Жданов Лев Львович — переводчик.

Жданова Стелла Ивановна — главный редактор ТО «Экран», позднее — первый заместитель председателя Гостелерадио СССР.

Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.

Жемайтис Сергей Сергеевич (Ж., младший) — редактор отдела экологии журнала «Знание — сила», позднее — писатель, сын С. Г. Жемайтиса.

Житинский Александр Николаевич — писатель, драматург, сценарист, журналист.

Журавлёва Валентина Николаевна — писательница.

Завьялов Борис Константинович — режиссер.

Заикин Борис Сергеевич — любитель фантастики.

Збандут Геннадий Пантелеевич — директор Одесской киностудии.

Зернова (Зевина) Руфь Александровна — писательница, переводчик, супруга И. Сермана.

Злобина Майя Лазаревна — критик, переводчик.

Зуев Виктор Павлович — журналист, поэт, член худсовета киностудии «Таджикфильм».

Ибсен Генрик Иоган — норвежский драматург.

Игин (Гинзбург) Иосиф Ильич — художник-график, карикатурист.

Игишев Александр Сергеевич — режиссер.

Иида Норикадзу — японский переводчик.

Ильин Виктор Николаевич — секретарь по организационным вопросам МО СП СССР.

Имерманис Анатоль Адольфович — латышский поэт, писатель.

Исии Сиро — японский микробиолог, военачальник.

Кагарлицкий Юлий Иосифович — литературовед, критик.

Казакова Римма (Рэмо) Фёдоровна — поэтесса.

Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».

Калина Александр Исаевич — физик, изобретатель.

Калинина Н. В. — врач.

Камир Борис Исаакович — заместитель главного редактора издательства «Детская литература».

Кампанелла Томмазо — итальянский философ, поэт, политический деятель.

Кан Вениамин Липманович — физик, критик, библиограф, переводчик.

Каплунов (дружески — Каплун) Юрий Самуилович — сценарист, член сценарно-редакционной коллегии киностудии «Таджикфильм».

Капралова Лидия Семёновна — инженер, приятельница А. И. Стругацкой.

Кармалита (Борщаговская) Светлана Игоревна — сценарист, режиссер, супруга А. Германа.

Кассиль Лев Абрамович — писатель.

Катасонов Владимир Логинович — сотрудник Центрального телевидения.

Каттнер Генри — американский писатель.

Китamura Тококу — японский поэт.

Киямова Любовь Ивановна — редактор киностудии «Таджикфильм».

Клепикова Елена Константиновна — писательница, редактор отдела прозы журнала «Аврора».

Клюева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».

Ковальчук Михаил Андреевич — критик, литературовед.

Колоколова Евгения Васильевна — сотрудница ВААП.

Колупаев Виктор (в тексте ошиб. — Игорь) Дмитриевич — писатель.

Комацу Сакё (Комацу Минору) — японский писатель, журналист.

Кончаловский (Михалков-Кончаловский) Андрон (Андрей) Сергеевич — режиссер, сценарист, писатель.

Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.

Копылов Андрей — знакомый АНС.

Копытман Иосиф Нисонович — режиссер.

Коробова Лариса Александровна — журналист, сотрудница редакции журнала «Огонек».

Королёв Сергей Павлович — конструктор космической техники.

Косарева Нина Сергеевна — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС, ранее — главный редактор журнала «Аврора».

Красильников Николай Николаевич — поэт, писатель, редактор.

Кристи Агата Мэри Кларисса Миллер — английская писательница.

Кузнецов Феликс Феодосьевич — критик, литературовед, руководитель СП СССР.

Куприенко Раиса (ошиб. Рита) Ивановна — редактор Центральной сценарной студии Госкино СССР.

Куценко Тамара Алексеевна — заведующая сектором детской литературы Госкомпечати РСФСР.

Лазутина Раиса Ароновна — врач.

Ларин (Эпштейн) Борис Абрамович — сценарист, друг АНС.

Ларионова (Тидеман) Ольга Николаевна — писательница.

Лебедева Наталья Николаевна (ошиб. — Ивановна) — аспирант географического факультета МГУ.

Лебедь — неустановленное лицо.

Левандовска Ирена — польск. переводчик, журналист.

Левин (ошиб. — Львов) Василий Николаевич — режиссер.

Лейнстер Мюррей (Дженкинс Уильям Фитцджеральд) — американский писатель.

Лем Станислав — польский писатель, философ.

Лермонтов Михаил Юрьевич — поэт, писатель.

Лесс Александр Лазаревич — журналист, фотограф.

Лизгунов Олег Леонидович — корреспондент БНС.

Ломоносов Михаил Васильевич — ученый-естествоиспытатель, поэт.

Лопатин Герман Александрович — политический деятель, революционер, публицист, переводчик.

Лукин Владимир Петрович — заведующий сектором дальневосточной политики Института США и Канады, впоследствии — государственный и политический деятель; друг АНС.

Лукодянов Исай Борисович — писатель.

Лундвал Сам Торе Йерри — шведский писатель, редактор, издатель, критик, переводчик.

Львов — ошиб., см. Левин.

Макаренко Антон Семёнович — педагог, писатель.

Максименко — ошиб., см. Максименков.

Максименков (ошиб. Максименко) Валентин Михайлович — сценарист, сотрудник киностудии «Таджикфильм».

Малика — машинистка.

Малов Владимир Игоревич — писатель, журналист, популяризатор науки.

Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.

Маркман Александр Соломонович — врач, знакомый АНС.

Медведев Юрий Михайлович — заведующий редакцией фантастики издательства «Молодая гвардия».

Мееров Александр Александрович — писатель, инженер-ракетостроитель.

Менке Ханнелоре — редактор немецкого издательства «Фольк унд Вельт».

Мериме Проспер — французский писатель, переводчик.

Метальников Будимир Алексеевич — режиссер, сценарист.

Мигунов Евгений Тихонович — художник-иллюстратор, художник-аниматор.

Мирер Александр Исаакович — писатель, литературовед, редактор.

Мирер Вера Леонидовна — супруга А. Мирера.

Мирлис Анна Ильинична — критик, редактор.

Миямото Юрико — японская писательница.

Мор Томас — английский государственный деятель, философ.

Набоков Владимир Владимирович — писатель.

Нацумэ Сосэки (Нацумэ Кинноскэ) — японский писатель.

Немцов Владимир Иванович — писатель.

Ниязи Фатех Ниязович — писатель.

Нолль Дитер — немецкий писатель.

Нома Сэйдзи — японский издатель.

Нома Хироси — японский писатель.

Нудельман Рафаил Ильич (Эльевич) — литературовед, критик.

Ньютон Исаак — английский физик, математик, астроном.

Огинский Михаил Клеофас — польский композитор, дипломат.

Орлов Даль Константинович — сценарист, критик, киновед, главный редактор Госкино СССР.

Островский Андрей Львович — писатель, заместитель главного редактора журнала «Аврора».

Павленок Борис Владимирович — заместитель председателя Госкино СССР.

Павлов Иван Петрович — физиолог, психолог.

Панкин (ошиб. — Панков) Борис Дмитриевич — председатель правления ВААП, позднее — министр иностранных дел СССР.

Панков — ошиб., см. Панкин.

- Панов Вадим Васильевич — начальник отдела ВААП.
 Пастухов (ошиб. — Потехин) Николай Борисович — заведующий международным отделом журнала «Огонек».
 Пащенко Леонид Никитович — заместитель главного редактора журнала «Памир».
 Перехватов Валерий Степанович — переводчик, сотрудник журнала «Иностранная литература».
 Пешеходова Галина Кузьминична — директор издательства «Детская литература».
 Пискунов Константин Федотович — ранее — директор издательства «Детская литература».
 Плюснина Анна Ивановна — заведующая редакцией ленинградского отделения издательства «Детская литература».
 Пол Фредерик Джордж — американский писатель, редактор.
 Полоцк Илан Езекилович — писатель, переводчик, журналист.
 Попова М. А. — неустановленное лицо.
 Потехин — ошиб., см. Пастухов.
 Потехина Наталия Юрьевна — художник, кинолог.
 Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.
 Рахим Зея Абдулкерим-оглы Харун Аль-Каири — переводчик.
 Ревич Всеволод Александрович — журналист, кинокритик, литературовед, друг АНС.
 Редько Тамара Прокофьевна — переводчик, редактор издательства «Художественная литература».
 Ремстрем (точнее — Ренстрём) Чель — шведский переводчик.
 Росоховатский Игорь Маркович — писатель.
 Савченко Владимир Иванович — писатель.
 Сайкаку Ихара (Хираяма Того) — японский писатель.
 Саймак Клиффорд Дональд — американский писатель.
 Санович Виктор Соломонович — редактор издательства «Художественная литература», переводчик.
 Санъютэй Энтё — японский писатель.
 Сафаров Султан Сафарович — драматург, директор киностудии «Таджикфильм».
 Сенчакова Галина Васильевна — редактор Центральной сценарной студии Госкино СССР.
 Сеньков Игорь Святославович — сотрудник литконсультации СП СССР.
 Сергеева (Немальцева) Тамара — сотрудница литконсультации.
 Серебровский Владимир Глебович — художник.
 Серман Илья Захарович — литературовед, супруг Р. Зерновой.
 Сидхи Д. — главный редактор киностудии «Таджикфильм».
 Сикитэй Самба (псевдоним; настоящее имя Кикуги Хисанори) — японский писатель.
 Симадзаки Тосон — японский писатель.
 Симонов Константин (Кирилл) Михайлович — поэт, писатель.
 Смагин Борис Иванович — физик, журналист, писатель.
 Смелков Юлий Сергеевич — критик, искусствовед.
 Смирнов Игорь Арсеньевич (Арсентьевич) — писатель.
 Смирнова Лидия Ивановна — сотрудница ВААП.
 Соколов Вадим — главный редактор ТО «Экран».
 Соловьёв Василий Иванович — главный редактор и директор Центральной сценарной студии Госкино СССР.
 Софронов Анатолий Владимирович — писатель, поэт, драматург, главный редактор журнала «Огонек».
 Стендаль Фредерик (Бейль Анри Мари) — французский писатель.
 Стерн Лоренс — английский писатель.
 Стриндберг Юхан Август — шведский писатель, драматург.
 Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС.
 Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.
 Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.
 Сунь Ятсен — китайский политический деятель.
 Суркис (псевдоним — Дымов) Феликс Яковлевич — писатель.
 Сурков Евгений Данилович — главный редактор журнала «Искусство кино», кинокритик, театровед.
 Суровцев Юрий Иванович — критик, главный редактор журнала «Литературное обозрение».
 Тальберг Виктор Васильевич — автор рецензируемой рукописи.
 Танака Гиити — японский военный, политический и государственный деятель, премьер-министр Японии.
 Тарковский Андрей Арсеньевич — режиссер, сценарист.

Татарский Евгений Маркович — режиссер.
 Таяма Катай — японский писатель.
 Теселько Мария Ивановна — тетья АБС, сестра А. И. Стругацкой.
 Тикамацу Мондзаэмон (Сугимори Нобумори) — японский драматург.
 Ткачёв Мариан Николаевич — переводчик, писатель, друг АНС.
 То Хоай (Нгуен Шен) — вьетнамский писатель.
 Токутоми Рока — японский писатель.
 Толстой Алексей Николаевич — писатель.
 Толстой Лев Николаевич — писатель, философ, публицист.
 Турылёва Александра Мартьяновна — соседка А. И. Стругацкой.
 Тюльпанов Игорь Виссарионович — художник.
 Уварова Ирина Павловна — театровед, редактор, супруга Ю. Даниэля.
 Успенский Михаил Глебович — писатель.
 Уэда Акинари — японский писатель.
 Фельдман-Конрад Наталия Исаевна — филолог, переводчик, составительница словарей.
 Фирсов Владимир Николаевич — писатель, сотрудник издательства «Мир».
 Фошко (урожденная Воскресенская) Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
 Фошко Эдуард Львович — зять АНС, супруг Н. Воскресенской.
 Фрайтер Владимир Евгеньевич — врач.
 Франс Анатоль (Тибо Франсуа Анатоль) — французский писатель.
 Фрейд Зигмунд (Сигизмунд Шломо) — австрийский психиатр.
 Фтабатэй — японский писатель.
 Фуками Дан (Ямада Тадаси) — японский переводчик.
 Хайберг, Хейберг Йоханна Луиза — датская актриса.
 Хейфец Михаил Рувимович — литератор, историк, друг БНС.
 Хемингуэй (в просторечии — Хэм) Эрнест Миллер — американский писатель.
 Хигути Итиё — японская писательница.
 Хлебников Александр Орестович — писатель, историк.
 Худоназаров Давлатназар — режиссер, оператор, сценарист.
 Хэм — см. Хемингуэй.
 Цветаев — неустановленное лицо.
 Цубоути Сёё — японский режиссер, переводчик, педагог.
 Цыганков — сотрудник ЦК КПСС.
 Цымбал В. — автор рецензируемой рукописи.
 Чаплин Чарльз Спенсер — американский, английский актер, сценарист, режиссер.
 Чернышёва Татьяна Аркадьевна — литературовед.
 Чехов Антон Павлович — писатель, драматург.
 Чеховская Татьяна Петровна — журналист, редактор, супруга В. Ревича.
 Чечулина Нина Александровна — редактор Лениздата.
 Чжан Цзолинь — китайский военный и политический деятель.
 Шакин Геннадий Константинович — фотограф из Воронежа.
 Шалимов Александр Иванович — писатель.
 Шейкин Аскольд Львович — писатель, сценарист.
 Шекли Роберт — американский писатель.
 Шекспир Уильям — английский драматург, поэт.
 Шерстобитов Евгений Фирсович — режиссер, сценарист.
 Шитова Вера Васильевна — литературный, театральный и кинокритик.
 Шлепянов Александр Ильич — сценарист, редактор Центральной сценарной студии.
 Щербаков Александр Александрович — писатель, переводчик.
 Эйлер Леонард — швейцарский, немецкий и российский математик и механик.
 Эйнштейн Альберт — немецкий, американский физик, общественный деятель.
 Эмма Николаевна — машинистка.
 Этинген Лев Ефимович — врач, душанбинский знакомый АНС.
 Ювалова Наталия Дмитриевна — врач.

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

Б — Беспокойство.

Беспокойство.

Бататовая каша — перевод АНС новеллы Акутагавы Рюноскэ.

Без оружия — пьеса по повести «Трудно быть богом».

- Белый конус Алаида.
 БКВВП — Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю.
 Блаженный Мияда — перевод АНС повести Миямото Юрико.
 Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю — сценарий. Вариант заглавия: Мальчик из преисподней.
 В — Возвращение.
 В стране водяных — перевод АНС повести Акутагавы Рюноскэ. Вариант заглавия: Каппа.
 Ваш покорный слуга кот — перевод Л. Коршикова и АНС повести Нацумэ Сосэки. Также — замысел второго перевода АНС повести Нацумэ Сосэки.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 ВММ — Второе нашествие марсиан.
 Возвращение.
 Волны гасят ветер.
 Второе нашествие марсиан.
 Выбор пал на Рыбкина — либретто киноминиатюры.
 Гадкие лебеди.
 Гигантская флюктуация — рассказ, глава из повести «Стажеры».
 ГЛ — Гадкие лебеди.
 ГО — Град обреченный.
 Град обреченный.
 Далекая Радуга.
 Дела Гаюровых — см. Семейные дела Гаюровых.
 Дело об убийстве — см. Отель «У Погибшего Альпиниста».
 Дни Кракена.
 ДОУ — Дело об убийстве.
 ДР — Далекая Радуга.
 ЖВМ — Жук в муравейнике.
 Жук в муравейнике.
 За миллиард лет до конца света.
 Злоумышленники — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 ЗМЛДКС — За миллиард лет до конца света.
 Зона пустоты — перевод А. Рябкина и АНС романа Нома Хироси.
 Извне.
 ИСП — Июль с пришельцем.
 Июль с пришельцем — замысел.
 Каппа — см. В стране водяных.
 Конец Планеты Негодяев — либретто мультфильма.
 Кот — см. Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю.
 Кот — см. Ваш покорный слуга кот.
 Луна в тумане — перевод З. Рахима и АНС сборника новелл Уэда Акинари.
 М — Малыш.
 Малыш.
 Мальчик из преисподней — см. Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю.
 МИП — Мальчик из преисподней.
 НВ — Неназначенные встречи.
 Неназначенные встречи — заглавие планируемого сборника.
 Новосел — замысел.
 Нос — перевод АНС новеллы Акутагавы Рюноскэ.
 Обитаемый остров.
 ОЗ — Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
 ОО — Обитаемый остров.
 Операция «Маскарад» — неоконченная пьеса.
 Отель «У Погибшего Альпиниста». Вариант заглавия: Дело об убийстве.
 Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
 ОУПА — Отель «У Погибшего Альпиниста».
 ПХХІІВ — Полдень, XXII век.
 Парень из преисподней.
 Пикник на обочине.
 Пионовый фонарь — перевод АНС повести Санъютэя Энтё.
 ПИП — Парень из преисподней.
 ПКБ — Попытка к бегству.
 ПНВС — Понедельник начинается в субботу.

ПНО — Пикник на обочине.
 Повесть о дружбе и недружбе. Вариант заглавия: Рассказ о дружбе и недружбе.
 Погоня в Космосе — либретто мультфильма, повесть.
 Подсчитали — прослезились бы, да некому — перевод АНС новеллы Ихара Сайкаку.
 Вариант заглавия: Подсчитали — прослезились бы, да слез нету.
 Подсчитали — прослезились бы, да слез нету — см. Подсчитали — прослезились бы, да некому.
 Полдень, XXII век.
 Понедельник начинается в субботу.
 Попытка к бегству.
 Почти как человек — перевод АНС повести Абэ Кобо.
 Путь на Амальтею.
 Рассказ о дружбе и недружбе — см. Повесть о дружбе и недружбе.
 Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах — замысел.
 СБТ — Страна багровых туч.
 СДГ — Семейные дела Гаюровых.
 Семейные дела Гаюровых — сценарий кинофильма и киноповесть АНС и Ф. Ниязи.
 Сказка о Тройке.
 События на рифе Октопус — замысел.
 СОТ — Сказка о Тройке.
 Стажеры.
 Страна багровых туч.
 ТББ — Трудно быть богом.
 Товарищ Павел — см. Трижды смертник.
 Тоталоскоп — перевод АНС рассказа Абэ Кобо.
 Трижды смертник — сценарий АНС. Вариант заглавия: Товарищ Павел.
 Трудно быть богом.
 Улитка на склоне. Вариант заглавия части повести: Управление.
 УНС — Улитка на склоне.
 Управление — см. Улитка на склоне.
 Хромая судьба.
 Человек, которого принимали за пришельца — замысел киноминиатюры.
 Четвертый ледниковый период — перевод АНС повести Абэ Кобо.
 Шесть спичек.
 ЭВП — Экспедиция в преисподнюю.
 Экспедиция в преисподнюю.

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Парень из преисподней	3
ИЗ АРХИВА	
Аркадий Стругацкий. Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю	57
Аркадий Стругацкий. Операция «Маскарад»	94
ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ	
«Парень из преисподней»	103
«Мальчик из преисподней» и «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю»	137

II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

Аркадий Стругацкий. Три открытия Акутагава Рюноске	252
Аркадий Стругацкий. Румата делает выбор	266

ИЗ АРХИВА

Борис Стругацкий. Рецензия на сборник фантастических рассказов «Незримый мост»	270
Аркадий Стругацкий. Аннотация на повесть Саньютэя Энтё «Пионовый фонарь»	278
Аркадий Стругацкий. Интервью из 1974 года	278

III. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1974	283
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1971–1987	307
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1973–1974	320
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1974–1977	325
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1973–1974	335
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1974	335
Борис Стругацкий. Дневник, 1969–1974	337

IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	338
Комментарии и примечания	338
Библиография. 1974 г.	351
Указатель имен	352
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	357